ТИРАНИЯ

Роберт Э. Герштейн

ВОЙНА, которую выиграл ГИТЛЕР

Смоленск
Русич
1996

ББК 63.3(0)62
Г 41
УДК 943.0

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского *А. Л. Уткина* (гл. 1—4), *А. В. Бушуева* (гл. 5—7), *И. С. Соколова* (гл. 8—12) под общей редакцией *Г. Ю. Пернавского*

Художник *А. А. Шуплецов*

Герцштейн Р. Э.

Г 41 **Война, которую выиграл Гитлер/Пер. с англ. А. Л. Уткина, А. В. Бушуева, И. С. Соколова под общ. ред. Г. Ю. Пернавского; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1996.—608 с.— (Тирания).**

ISBN 5-88590-223-2.

Книга Р. Э. Герцштейна «Война, которую выиграл Гитлер» погружает зрителя в мир лжи, ненависти и интриг. С помощью радио и кино, газет и плакатов имперскому министру пропаганды долгое время удавалось обманывать миллионы простых немцев и внедрить в их сознание человеконенавистническую идеологию. Используя редкие архивные материалы, автор рассматривает жизнь Германии военных лет и высказывает новые оригинальные взгляды на нацистскую верхушку. Многие страницы этого монументального исследования рассказывают о зловещей фигуре Йозефа Геббельса, поставившего свой талант и незаурядные способности на службу бесчеловечным низменным целям.

Г 9430000000 **ББК 63.3(0)62**

© «The War That Hitler Won» by Robert Edwin Herzstein, 1978
© Перевод. А. Л. Уткин, 1996
© Перевод. А. В. Бушуев, 1996
© Перевод. И. С. Соколов, 1996
© Составление, разработка серии. «Русич», 1996
© Оформление. А. А. Шуплецов. 1996

ISBN 5-88590-223-2

К ЧИТАТЕЛЮ

В мае 1945 года Германия представляла собой ужасное зрелище. Самые крупные города были разрушены почти до основания. Обочины дорог были забиты уничтоженной техникой. Повсюду валялись трупы. Воздух пропитался кирпичной пылью и смрадом разлагающихся тел.

Люди производили странное впечатление. Казалось, они утратили способность к проявлению каких бы то ни было эмоций. Подобно зомби, немцы брели куда-то, копались в развалинах, либо просто сидели, уставившись в одну точку. Измученные бомбардировками союзников, постоянным недоеданием, все возрастающим страхом перед вторжением большевистских орд, они вдруг поняли, что кровавая борьба последних лет, отнявшая у них столько душевных и физических сил, оказалась бессмысленной. Немцы поняли, что идеи, за которые они сражались, были ложными... Позднее это состояние угнетенности отразят Г. Белль, в своих книгах, и Р. В. Фасбиндер, в своих фильмах. Германский народ проиграл две войны: со всем миром и с нацистами. Второй проигрыш оказался самым болезненным. Польстившись на обещания райской жизни, немцы продали душу дьяволу — Гитлеру, а теперь наступил час расплаты.

Долгое время после окончания второй мировой войны историки уделяли слишком мало внимания организации пропаганды в «Третьем рейхе». Действительно, на фоне миллионов жертв, разоренных стран и грандиозных сражений деятельность какого-то доктора философии отступала на задний план. Характерным примером полного невнимания к нацистской пропаганде было оправдание на Нюрнбергском процессе одного из главных приспешников Геб-

бельса – Ханса Фрице. Можно предположить, что и «малютка доктор», останься он в живых, избежал бы в Нюрнберге петли. Положение начало меняться в 70-е годы, когда возник вопрос, как же нацистам удалось, в той или иной степени, подчинить себе многомиллионный народ.

Были опубликованы дневники Геббельса, затем появились публикации, посвященные кинематографу, литературе, музыке нацистского периода, но полной картины так и не было создано. В середине 80-х годов в свет вышла книга американского историка Р. Герцштейна «Война, которую выиграл Гитлер» (оригинальное название этой книги). Автор подошел к изучению нацистской пропаганды с нетрадиционной стороны. Уделив минимум внимания пропагандистским изделиям, он, прежде всего, занялся исследованием способа деятельности и функционирования министерства Геббельса. Для этого Герцштейну пришлось погрузиться в архивы и изучать деловую переписку нацистских чиновников (что, конечно же, является большим научным подвигом). Автор смог воссоздать в своей книге огромную, запутанную, изначально пораженную интригами систему нацистской пропаганды, проследить, какими путями шло создание книг, плакатов и кинофильмов, от возникновения замысла до представления их общественности.

Книга Герцштейна состоит из четырех частей, разделенных на 12 глав, снабжена обширными примечаниями и хорошо проиллюстрирована. Первая часть книги посвящена идеологу тотальной войны Йозефу Геббельсу, истории его жизни и становления как нацистского пропагандиста, а также основным учреждениям министерства пропаганды. Во второй части книги речь идет о работе нацистских книгоиздателей, плакатистов и кинематографистов. Третья часть посвящена тому, как нацисты пропагандировали свою идеологию посредством самого массового из искусств – кинематографа. И, наконец, в четвертой части книги тщательно проанализирована реакция населения Германии на нацистскую пропаганду, для чего автору пришлось внимательно изучить многочисленные доклады СД о состоянии общественного мнения, отчеты о посещаемости кинотеатров, финансовые документы кинокомпаний и т. д.

Из-за обильности цитирования казенных документов, большого количества аббревиатур и научного стиля, книга читается довольно тяжело, но материал, содержащийся в ней, без сомнения, привлечет внимание профессиональных историков и всех, интересующихся историей «Третьего рейха».

У бывшего советского человека, который будет читать книгу Герцштайна, написанную в расчете на читателя из западных демократических стран, не прошедшего «школы коммунизма», несомненно, часто будет возникать улыбка. Мы еще помним всякие идеологические кинолектории, «Всесоюзные кинопремьеры», тематические подборки настенных плакатов и диапозитивов. Каждый видел (но никто не читал) тысячи «Справочников партийного пропагандиста». Многие магазины до сих пор не избавились от литературы об «их нравах».

На примере книги Герцштейна мы должны понять, что если мы – россияне снова допустим в нашей стране тоталитарный режим, то проиграем войну с ним, как немцы в 1945 году.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Я несказанно рад, что эта книга еще раз попадет в руки читателей, интересующихся историей нацизма. Надеюсь, что студенты и школьники смогут извлечь из нее пользу. Пропаганда играла важную роль во все время существования «Третьего рейха», но я решил сосредоточиться только на периоде второй мировой войны. Каким образом нацистам удалось убедить немецких рабочих и солдат в том, что несмотря на все страдания они должны проявлять максимальное упорство? Гитлер поклялся, что такого краха, как 11 ноября 1918 года, Германия не переживет больше никогда. И он сдержал слово. Германия сложила оружие только тогда, когда была разрушена бомбардировками, оккупирована и растерзана.

Фатальное решение немцев сопротивляться до конца определили несколько факторов: недоброй памяти 1918 год, прусско-германская дисциплина, страх перед тайной полицией Генриха Гиммлера, глубокое недоверие и отвращение к коммунизму и драконовские условия капитуляции, выдвинутые союзниками. Существует еще один фактор, требующий обстоятельного изучения. Это пропаганда, организованная доктором Паулем Йозефом Геббельсом и тысячами его подопечных во всех слоях германского общества. Геббельс приспособил пропаганду к целям и идеям Гитлера, впрочем, как и к требованиям дня насущного. Непревзойденный циник, знавший толк в том, как манипулировать толпой, он применял все пропагандистские приемы, который только был в состоянии изобрести его изворотливый ум. Геббельс использовал образ Фридриха Великого или жупел «сатанинского еврея». Он цитировал Гете и Сталина. Геббельс был незаурядным человеком.

Никогда еще такой огромный талант не был поставлен на службу столь низменным целям. В этой книге я пытаюсь показать Геббельса как человека, объяснить, что и как он делал, а также изучить эффект его воздействия на простых немцев.

Нацистская эра, беспрецедентная по количеству совершенных преступлений и по степени тяжести их последствий, отбрасывает на наши дни зловещую тень. В течение нескольких лет мне пришлось быть консультантом отдела специальных расследований Департамента юстиции. Я был правительственным свидетелем-экспертом в деле «США против Соколова». Ответчику было предъявлено обвинение в незаконном получении визы на въезд в США. В 1942-1943 годах Соколов работал в нацистском пропагандистском подразделении, прикомандированном ко 2-й танковой армии, дислоцированной в районе Орла. Материалы, которые печатались в русскоязычной газете «Речь», перекликались по тематике с предметом данной книги.

Позднее мне пришлось заняться исследованием военной карьеры бывшего Генерального Секретаря ООН Курта Вальдхайма. И вдруг я сделал небольшое открытие: нацистский период характерен проявлением всеобщей амнезии. Те, кто занимался злобной антисемитской пропагандой, склонны рассматривать свою деятельность как «второплановую» и в высшей степени незапоминающуюся. Память Соколова также проявила удивительную избирательность и склонность к образованию лакун. Он отрицал, что является автором злобных антисемитских статеек в мерзкой газетенке «Речь», подписанных его именем. А что же Вальдхайм? Здесь мы имеем дело с человеком, втянутым в выполнение весьма жестоких приказов, но в мемуарах упоминающем лишь о том, что большую часть войны пробыл в Вене, а ее конец встретил в Тристе. Досадная забывчивость.

Коль скоро наша память так несовершенна, вероятно есть смысл положиться на самых точных свидетелей — на документальные материалы. Они врут значительно меньше, чем всякие «очевидцы». Возможно, читатель будет раздражен моей тягой к цитированию документов, но прошу учесть, что бумага, написанная в 1942 году, более правдива,

нежели впечатление, составленное в 1987 году, то есть на сорок пять лет позже.

При написании книги я использовал и пропагандистские материалы: киноленты, газеты, плакаты, записи радиопередач, а также различные устные высказывания.

Одному из работников архива, помогавшему мне, не суждено было дождаться выхода книги в свет. Это доктор Джон Мендельсон из Национального архива, скончавшийся весной 1985 года, вскоре после возвращения из Израиля, где читал курс лекций. Он собирался помочь мне изучить «белые пятна» в биографии Вальдхайма. Доктор Мендельсон всегда был готов помочь мне, и эта помощь никогда не исчерпывалась функциями, предписанными его должностью. Тот факт, что в своей работе он неоднократно обращался к первому изданию моей книги как к классическому источнику, вдохновило меня на работу над вторым ее изданием. Доктор Мендельсон был одним из самых видных ученых, занимавшихся холокостом и нацистскими военными преступниками. Для многих друзей и историков его смерть — невосполнимая утрата, и для меня в том числе.

Роберт Эдвин Герцштейн
Вашингтон, округ Колумбия

Памяти моего деда
Генри Уильяма Льюиса

РУССКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ГЕРМАНСКИХ АББРЕВИАТУР, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ТЕКСТЕ

AC	Антикоминтерн
ALF	Главное управление кино
ASA	Антисемитское действие
BPA	Управление иллюстрированной прессы
DAF	Германский трудовой фронт
DNB	Германское бюро новостей
DPA	Германская студия пропаганды
DW	Германское еженедельное кинообозрение
GPL	Главное управление пропаганды гау*
NSDAP(НСДАП)	Национал-социалистическая партия Германии
OKH (OKX)	Главное командование сухопутной армии
OKW (OKB)	Главное командование вооруженных сил
PK	Роты пропаганды
Promi (RMfVuP)	Имперское министерство образования и пропаганды
ROL	Имперский организационный руководитель
RPA(e)	Имперское управление пропаганды
RPK	Имперская палата прессы
RPL	Главное Имперское управление пропаганды
RRG	Имперское радиообщество
RSHA (РСХА)	Главное Имперское управление безопасности
RFK	Имперская палата кино
RKK	Имперская палата культуры
SD	Служба безопасности (в данном случае, III отдел РСХА, ред.)
WB	Сводки вермахта

*Гау (Gau) – единица административного деления «Третьего рейха» с 1933 по 1945 гг., соответствовала области в России. Германия была разделена на 32 гау.

«Несмотря на превосходство враг достигает пределов своей силы. И не впервые в истории, суровая воля восторжествует над мощными батальонами врага. Вы не можете указать Вашим Войскам иного пути, кроме как к победе или к смерти».

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА К ФЕЛЬДМАРШАЛУ ЭРВИНУ РОММЕЛЮ. 3 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

ВВЕДЕНИЕ
ВОЙНА, КОТОРУЮ ВЫИГРАЛ ГИТЛЕР

«Как только в политике начинает доминировать лозунг «Победа или смерть» и война представляется как полное уничтожение противника, евреи становятся совершенно бесполезными».

ХАННА АРЕНДТ, «ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ТОТАЛИТАРИЗМА»

«Я могу жить лишь в двух различных формах: в качестве разума, поставленного на службу лжи, или в качестве телесной оболочки, поставленной на службу убийству».

АЛЬБРЕХТ ХАУСХОФЕР, 1939 ГОД

Во время второй мировой войны национал-социалистическая пропаганда прилагала колоссальные усилия для того, чтобы оправдать в глазах простых немцев войну Адольфа Гитлера. Для осуществления этих целей приняли нацистскую идеологию, а для овладения умами жителей Германии использовали средства массовой информации. «Координация» последних достигла необходимого уровня к 1939 году, и уже тогда стало возможным применять испытанные методы выражения идей и контроля за их распространением в принципиально новой ситуации. Для проведения интенсивных пропагандистских кампаний, когда определенная идея должна была стать достоянием всей страны, нацисты создали огромный пропагандистский аппарат и взяли под прямой или косвенный контроль все германские средства массовой информации.

По мнению нацистских пропагандистов, добрая народная мораль и «приличное», «благопристойное» поведение людей играли определяющую роль в победе. Германские пропагандисты сталкивались в своей деятельности с теми же проблемами, что и их коллеги в других милитаристских державах: представление внешней политики как миролюбивой и ориентированной на оборону, преувеличение потерь врага и собственных побед, поддержание общепризнанной морали на самом высоком уровне, стимулирование большей производительности труда, обещание лучшей жизни после завершения войны и так далее. Можно сказать, что нацисты оказались в уникальном положении, ибо объявили себя революционерами, поднявшимися из ужаса, безысходности и нищеты потерпевшей поражение нации. Они обещали реванш за 1918 год и в период между 1930 и 1944 год достигли невероятных успехов.

Триумфы подпитывали равновесие нацистского режима, но эйфория немцев от очередной победы была шаткой опорой и не могла быть основой для пропаганды. Проявит ли беспартийное большинство лояльность, если наступят трудные дни? Когда нацистские пропагандисты потеряли возможность воспевать и тиражировать текущие успехи, они обратились к изображению грядущих тотальных побед. Нацизм не мог произрастать при условии полного уничтожения всех демонов, которые ему противостояли: евреев и коммунистов, социал-демократов и Свидетелей Иеговы, Войска Польского и французской армии. Революционное движение с претензией изменить мир не могло удовлетвориться компромиссом даже в 1945 году. Национал-социализм послужил обрядом очищения для миллионов, вставших под его знамена. Общественное поощрение ненависти приобрело даже оттенок респектабельности; моральное и физическое уничтожение старых и новых противников объявлялось лояльным действием. Любое сопротивление и оппозиция рассматривалось как проявление зла, ибо нацистская идеология напрочь устранила из общественной жизни понятие о постоянной адаптации оппозиционных сил друг к другу. Нацистские пропагандисты восславят ПОБЕДОНОСНУЮ войну, выставив зло побежденным, а нацизм –

победителем. Они оправдают и ПРОИГРАННУЮ войну, призвав нацию еще более сплотиться, собраться с силами для колоссальной борьбы Германии с тотальным злом: евреями, большевиками, плутократами, «недочеловеками»...

Своими преступлениями нацистам удалось превратить большую часть мира в единый монолитный блок, скрепленный одной задачей – уничтожения Гитлера и национал-социализма. Нацистские пропагандисты, указывая на этот «заговор», оправдывали существование своей собственной демонологии. Поражение должно было придать нацизму новые силы, окутав его аурой жертвенного пыла отчаяния. Ненависть и страх достигли в «Третьем рейхе» апогея именно после 1942 года.

Главным объектом геббельсовской пропаганды был не вермахт, не население оккупированных территорий и, конечно, не народы стран «участников оси». На докторе Геббельсе лежала ответственность за доведение национал-социалистической интерпретации войны до восьмидесятимилионного германского народа. И здесь ему были предоставлены неограниченные полномочия. В то же время, он был практически лишен возможности контролировать пропаганду в вооруженных силах, целью которой были и другие народы Европы.

Для установления контроля над средствами массовой информации нацисты использовали партийно-пропагандистский аппарат. Термин «средства массовой информации» относится к средствам публичного выражения, посредством которых любое сообщение может охватить широчайшие массы населения. К ним относятся: кино, радио, журналы, газеты, книги, плакаты, лозунги, листовки, брошюры, идеологические кампании, выступления партийных агитаторов, а также слухи, или, другими словами, «устная пропаганда».

Вся злобная сила и противоречивость нацистской идеологии нашли характерное отражение в деятельности Пауля Йозефа Геббельса. В период войны нацистская идеология была вбита в головы миллионов немцев, как членов НСДАП, так и беспартийных. Изучение методов, при помощи которых Геббельсу и партии это удалось сделать,

включает в себя рассмотрение всей техники тоталитарного контроля за умами. Идеология, основанная на силе, подчинении и повиновении, нашла естественное воплощение внутри партийного аппарата, который одновременно являлся иерархическим и централизованным. Внутри этой структуры присутствовали всякого рода напряжения, которые являлись совершенно неизбежными, мало того, они всячески поощрялись фюрером. Иерархическая структура пропагандистского аппарата была единственно эффективной и обеспечивала строгое взаимодействие берлинских творцов политики с периферией. Люди, руководившие сорока двумя отделами пропаганды, полностью соответствовали предъявляемым им требованиям и рьяно выполняли любые указания из Берлина, но иногда попадали под пяту злобного гауляйтера или какого-нибудь другого видного нациста. Однако, когда Геббельс заручался поддержкой партии, как в 1943 году, его аппарат функционировал как хорошо отлаженный механизм и до немцев доводилось все, что требовалось.

Метод, который я использую при изучении нацистской пропагандистской машины, называется сравнительным и представляет собой параллельное изучение различных средств массовой информации в разных пропагандистских кампаниях. Этот метод одновременно и «вертикальный», ибо прослеживает пути, которыми информация проходила от Геббельса, через пропагандистский аппарат, до реализации в средствах массовой информации. Это требует также изучения способа функционирования партийных и государственных учреждений. Каждое партийное учреждение являлось постоянным инструментом пропагандистской деятельности. Геббельс добирался до широких масс рядовых членов партии через такие организации, как Германский трудовой фронт (DAF) и Главное имперское управление образования (NSA), а также через собственные подчиненные инстанции. Геббельс был абсолютно уверен, что полностью контролирует некоторые средства массовой информации, в частности, радио и кино.

В этой книге я не собирался исследовать германский кинематограф времен войны, но в целях более полного

понимания того, чем была нацистская пропаганда, весьма полезно проанализировать некоторые фильмы. Нацистское видение войны и врагов рейха достигло кульминационной точки в многочисленных художественных фильмах в период между 1940-1944 годами. Эти фильмы, которые смотрели миллионы немцев, были идеальным выражением национал-социалистического мировоззрения.

Уникальная природа национал-социалистической пропаганды лежала в сочетании в ней черт, характерных для военной пропаганды в других странах, с ее собственной демонологией и идеализмом, имевшим хождение лишь в контексте исторического опыта и культурных традиций германского народа. Эта уникальность объясняет различие, которое наблюдалось между пропагандой, предназначенной непосредственно для немцев, и той, что была нацелена на вражеские войска и гражданское население стран противника. Домашняя пропаганда была очень действенной, когда речь шла о том, чтобы сплотить нацию, даже когда страна оказалась на грани поражения. Пропаганда, направленная против вражеских стран, особым успехом не пользовалась. Уму Геббельса было доступно обратиться лишь к немцам, причем командным тоном. Окрики ничуть не были наигранными, но при обращении к чужакам никакого действия не возымели. Это был провал, но почувствовали его только закаленные дипломаты старой школы. Даже когда Геббельс, в конце концов, заговорил о «Европе», то говорил о ней как немец, обращавшийся к немцам. Несомненно, кучка самовлюбленных поклонников нацистов и несколько заблудших идеалистов за границами рейха поверили в эту идею, но она все равно была обречена на крах. Дело в том, что «Европа» в понимании нацистов представляла собой огромное, опустошенное войной пространство, находящееся под германским контролем. Но эта пропагандистская уступка, сделанная из-за все более ухудшавшегося положения на фронтах, не имела успеха внутри границ рейха. Призывы к победе или смерти, крики о триумфе германского народа, о опасности засилья евреев, о зверином оскале большевизма, о тотальном триумфе или полном поражении, о самопожертвовании и смерти, о конце не-

мецкой нации были куда действеннее для мобилизации. Вот это и стало именно той войной, которую Гитлер выиграл при помощи Геббельса, человека, которого он избрал своим преемником. Нацисты апеллировали к высшим ценностям немецкого народа и извратили их. Они использовали самые низменные инстинкты нации-неудачницы и развернули небывалую по успеху кампанию, основанную на идеализме и ненависти.

Трудно переоценить роль войны в основополагающих нацистских догмах. Это эра войны подвергла испытанию на прочность способность пропагандистского аппарата оказывать воздействие на общественное мнение и мораль в период глобальных конфликтов. Начав в 1939 году с попыток дать быстрое объяснение молниеносно меняющейся внешнеполитической ситуации, нацистская пропаганда военного периода закончила провозглашением идеи о последней миссии национал-социализма. Эта идея отражала думы и чаяния нацистов о символах, на которые немцы отзовутся чувством обновленной веры в тотальную победу. Выступая в роли карающих победителей, но полные ужаса и растерянности перед грядущим поражением, нацистские идеологи не скупились на разного рода символы, которые, как они полагали, должны были дойти до сердца немецкого обывателя: «героизм», «жертва», «еврейство», «капиталисты», «большевики», «Фридрих Великий», «Вероломный Альбион», «массовые убийства», «ненависть к Германии». Одни символы уходят в восемнадцатое столетие, другие были взяты из первых лет после окончания первой мировой войны. Они служили элементами словесно-символических структур — главного инструмента нацистских пропагандистов. Бессовестная кампания якобы справедливого возмущения, ненависть, гибель тысяч людей как ее результат, могли быть, следовательно, поданы в виде мер необходимой обороны, в случае всеобщего противоборства чужеродным доктринам.

Набожным и благочестивым людям победы должны были явиться в образе святого благоволения, а поражения — как результат козней дьявола. В зеркале нацистской пропаганды периода войны отразились цинизм, муки и вера Йозефа

Геббельса. А потом и он сам стал символом. Он перестал быть контролером.

Генри Мичел так высказался по поводу роли средств массовой информации в контексте концепции тотальной войны: «Теперь, когда мы говорим о тотальной стратегии, существует множество не имеющих отношения к войне средств, способных влиять на ее исход... Прежде всего я имею в виду роль, которую играют средства массовой информации, пресса и, в особенности, радио, проявившее себя как могучий инструмент воздействия на мораль населения, втянутого в войну».

Это бесспорно, но касательно рейха, роль средств массовой информации имела последствия весьма специфические, имеющие возможность проявиться в той конкретной ситуации, которая существовала в Германии.

К 1944 году германский пропагандистский аппарат взывал к чувствам как нацистской элиты, так и к широким массам населения. Когда стало очевидным, что война окончательно проиграна, средства массовой информации стала пронизывать идея «спасения и оправдания», ибо Геббельс страстно желал «оправдания историей». Вульгарность фраз, часто заимствованных из классики немецкой литературы («Мировая история — это суд мира», «Это не может быть тщетным», «Человек продолжает жить в своих поступках» — все это адаптации Геббельса, Шиллера и Гете) таили в себе страстное желание обрести веру и добиться избавления. В душе Геббельса кипело желание уверовать в период распада и разрушения, он возжелал благодати в эру болезни и отчуждения. Одно из средств, а именно кино, могло идеально представлять и образ врага, и путь к спасению, поэтому кинематограф идеально подходил Геббельсу и национал-социализму. Наиболее сильные нацистские фильмы вышли именно из этого периода, полного идеологического и эмоционального провала: «Еврей Зюсс», «Папаша Крюгер», «Отставка», «Ритуал самопожертвования», «Кольберг».

Йозеф Геббельс, циничный политикан, ловкий пропагандист, романтик, в поисках спасения как нацист был даже лучше Гитлера. Гитлер был мертвым изнутри, ему не

хватало (по выражению Шпеера) эмоциональной сердцевины, это был человек, желающий побороть в себе ненависть и отвращение при помощи одной только силы и разрушения. Геббельс желал «веровать», причем в гораздо большей степени, чем Гитлер, хотя до фюрера ему было далеко. Именно романтизм Геббельса и позволил ему стать экспертом в вопросах общения с массами и донесения до них нацистской идеологии, ибо он знал толк в том, как подстроить ее под различные вкусы, не гнушаясь и христианского пиетизма. Геббельс, которого не портила даже его колченогость, которая, кстати сказать, обладала особой притягательностью, взывавшей к воображению немцев (Мефистофель? Свет изнутри? Внешне скован, внутренне свободен?), сочетал жестокость с боязнью физической боли, злобу с интеллектом, романтические устремления с цинизмом. Все это создало неповторимый, особый, чисто немецкий синтез упадка и обновления, хаоса современности и романтической ностальгии. Война и ее героический идеал дали этому маленькому человечку возможность возвеличить и искупить страдания. Именно ради этого он и создал весь этот пропагандистский аппарат, подчинивший себе все средства массовой информации Германии. В 1939 году Геббельс страшился войны, но достиг кульминации своего величия именно в ее ходе.

Попытка осмысления германской пропаганды периода войны предполагает наличие нескольких вопросов: кем был Геббельс, как он достиг высот власти? Как именно партийно-пропагандистский аппарат функционировал на самых различных уровнях, и через какие структуры и через кого конкретно он осуществлял свою деятельность? Каким образом нацисты использовали те или иные виды средств массовой информации, в особенности кино и другие визуальные средства, такие, как плакаты и лозунги? Что представляло собой нацистское учение, основанное на ненависти и спасении, в каком виде это преподносилось средствами массовой информации? Как немцы реагировали на эту пропаганду, их отношение к ней, что очень важно, на чем основывались их симпатии и антипатии, как психологические, так и моральные?

В последних статьях о кино и его роли в пропаганде Герхард Ягшиц писал: «На последний вопрос об эффекте национал-социалистической пропаганды пока не существует однозначного ответа, поскольку пока не существует соответствующего исследования на эту тему». В заключительной статье я предлагаю свои довольно привлекательные гипотезы относительно природы реакции среднего немца на пропаганду, которая рассматривается в этой книге. Еще много работы предстоит сделать для раскрытия того, как нацисты использовали в пропагандистских целях героический миф, язык и историческую науку, в особенности, в контексте манипулирования людьми при помощи символических образов, характерных для немецких традиций и немецкого языка, в чем режим добился весьма заметных успехов.

Сейчас мы перенесемся в мир, требовавший от каждого индивидуума самоотверженности и героизма, в мир, где голоса таких людей, как Йозеф Геббельс и Адольф Гитлер, обращавшихся к миллионам совершенно нормальных людей, мужчин и женщин, воспринимаясь последними как зов фанфар к свободе, «светоч веры», если пользоваться языком популярных лозунгов. Это был мир, где жестокая решимость воплощалась в военных маршах и в перегруженных пафосом обращениях к павшим героям двух мировых войн. Это была эпоха, когда музыка вдохновляла людей на страдания и смерть, но и облегчала и закаляла. Эта музыка была печальной и героической. «Песня о добром товарище», «Выше знамена», старые прусские марши, взятые нацистами на вооружение из-за их неотъемлемости от героического прошлого, такие, как «Хоэнфридбергер» и «Петерсбургер» или «Марш времен Фридриха Великого».

Геббельс сумел мобилизовать прусский дух, и германский пропагандистский аппарат вкупе со средствами массовой информации использовали его, донося до ушей миллионов тех, кто страстно желал услышать голос германского величия, ощутить связь с донацистской Германией, ее культурой.

Разграничение, сделанное Гитлером перед войной, если говорить о самих нацистах, способно объяснить очень мно-

гое. В 1934 году в Нюрнберге фюрер заявил, что для них (нацистов), в отличие от других немцев, — «одного лишь заявления о своей вере недостаточно, для нас важна клятва: «Я борюсь». Пропаганда, адресованная членам нацистской партии и нацистским функционерам, требовала от них борьбы такой же непреклонной, как и их вера, ибо наличие веры предполагалось лишь в качестве необходимой предпосылки. Что же касается остального населения, то нацистские пропагандисты считали, что тиражированная вера в Гитлера и национал-социализм, в его идеологию, послужит опорой исконно немецкому желанию отдавать приказы и выполнять свой долг. И люди, в конце концов, смогут воочию убедиться в том, что их личная судьба и судьба национал-социалистов — одно и то же, и что они тоже должны «верить» и тем самым вносить свой вклад в окончательную победу. Аппарат мог обращаться к нацистам как непосредственно, так и через идеологию. Что же касалось обращения к широким массам, то здесь следовало быть, конечно, повнимательнее, но что касалось веры и верования, то они всегда являлись неотъемлемой, зачастую весьма закамуфлированной, частью всех сообщений всех средств массовой информации.

В то время как Гитлер проигрывал на полях сражений, Геббельс одерживал для фюрера победы, но уже другого рода.

Если нацистам удалось втянуть население в борьбу, которая по мере ее продолжения все более увязала в безнадежности, то что же это, в таком случае, говорит об «аудитории Геббельса»? Нацисты очень хорошо знали свой народ и могли рассчитывать хотя бы на минимальную восприимчивость к идеологической пропаганде, наводнявшей средства массовой информации. Население состояло из трех типов людей: одни были нацистами, безоговорочно принимавшими все, что им подавалось, и чувствовали себя сильнее, покидая кинотеатр, где смотрели «Еврея Зюсса» или «Папашу Крюгера». Это были люди, по нервам которых пробегал электрический ток, когда они слышали выступления Геббельса 1943 года или видели плакаты с идеализированным изображением Гитлера над надписью

«Адольф Гитлер — это победа». Далее следовали некие средние типы, беспартийные или оппортунисты, эдакие «полусочувствовавшие», люди, которые не прочь были и поворчать по поводу урезания скудных пищевых рационов, но исполняли свой долг в войне и плевали на то, кто управлял страной. Наиважнейшей задачей представлялось Геббельсу поддерживать у этой группы людей идею преданности победе. Третью группу составляли активные и пассивные противники нацистского режима. Эти заботили Геббельса как никто другой, но лишь в виде некой абстракции, ибо пропаганда не имела целью завлечь их в свой лагерь. Речь скорее шла о том, чтобы не подпускать этих «отравителей» до первой и второй категории населения. Гиммлер, а не Геббельс, отвечал за диссидентов: участников коммунистического подполья, тех, кто писал краской надписи на стенах домов и заборах, авторов анонимных злобных посланий к нацистским лидерам и других активистов борьбы против режима.

Геббельс и его соратники считали, что перенесение части вины за германские преступления на сами жертвы может послужить весьма удачным ответом на всякого рода ворчание и лишения. Антиеврейская пропаганда достигла пика в 1944 году, когда большинство евреев исчезло из Европы. Нацисты продолжали приписывать большевикам и плутократам злобные намерения, обвиняя их в геноциде: те и другие вышли теперь на передний план вместо «жидов», и это продолжалось даже после того, как войска союзников освободили некоторые концентрационные лагеря и показали всему миру, что в действительности происходило за заборами этих заведений.

Самый крупный успех пропагандистского аппарата Геббельса отразился на продолжении борьбы немецкого народа вплоть до 1945 года, когда практически не осталось ни одного гау, который не находился бы в руках союзников или Советов. Даже в 1945 году германские пропагандисты настаивали, что замешанное на расовом превосходстве и героике учение национал-социализма не устояло перед слабоумной коалицией жидов, большевиков и плутократов. Апологеты нацизма видели свое поражение не в приговоре,

который вынесла им история, а расценили его как еще одно доказательство своей правоты, ибо их победил и остальной мир, где царствовало абсолютное зло. Некий антимир, сам по себе являвшийся якобы лишь доказательством существования и некоего абсолютного добра, с которым они себя отождествляли. Такая инверсия ценностей представляла собой полный разрыв с буржуазным либеральным миром. И фатальная притягательность такой подвижки ценностей для многих немцев была, несомненно, величайшим достижением Гитлера и Геббельса, которые никогда бы не пришли к власти и не сумели бы долго удерживать ее, не получи они в руки эту идею.

Читатель может удивиться, почему в книге нет ни одной главы, которая была бы целиком посвящена антисемитизму или евреям. Все дело в том, что в мире, в который нам вот-вот предстоит войти, евреи везде и нигде. Мертвецы или губители, они некий узел, якобы связавший между собой всю демоническую коалицию разнородных врагов рейха. Ставшая крылатой во время войны фраза Геббельса «Во всем виноваты евреи», может служить квинтэссенцией этой точки зрения. Дело в том, что антисемитизм пронизывал нацистскую пропаганду на всех ее уровнях, им был пропитан весь пропагандистский аппарат и любое из средств массовой информации. И так оставалось даже после того, как нацисты «эвакуировали» миллионы евреев на Восток. Ведь если вражеская коалиция существовала в виде заговора, то верховным заговорщиком должен быть, конечно же, еврей. К 1943 году еврея изображали в виде некого духа, скрывавшегося за завесой антимира. Евреи объявлялись виновными в нищете Германии, в ее поражениях. И выделить специальную главу об антисемитизме значило бы признать антисемитизм в качестве составной части нацистской идеологии, в то время как он в действительности являлся ее основным моральным и историческим руководящим принципом. Нацисты, подобные Геббельсу, Дивергу или Тауберг, измеряли добро по шкале непринадлежности к еврейству, а зло представлялось им в виде конкретного олицетворения еврейства.

Таким образом, нацизм представлял собой одновре-

менно самую пессимистичную из идеологий. Пессимистичную — из-за своей убийственной веры в заразу для гуманизма со стороны так называемых «антирас», оптимистичной потому, что физическое уничтожение людей якобы могло спасти мир идеальной Германии для торжества в нем добродетелей. Нацизм представлял собой идеологию, понятие добродетели в которой заключалось в устранении показателей расовой неполноценности, уничтожении чуждых и попавших под воздействие еврейства элементов.

Сочетание идеализма и жестокости, оптимизма и пессимизма типично для мировоззрения нацистских пропагандистов. Эти люди прибегали к помощи своего хоть и не явного, но все же постижимого помешательства для того, чтобы взывать на языке символов к миллионам, и в то же время они не утратили способность общаться на вполне адекватном уровне, связно говорить, логически мыслить и оставаться непредубежденными людьми. Такие личности сложны в качестве объекта описания, если пытаться обрисовать их абстрактно, но мне кажется, что изучение деятельности Геббельса, нацистской пропаганды, ее аппарата и средств массовой информации Германии может служить подтверждением вышесказанному о национал-социалистической пропаганде в том виде, в котором она существовала в период войны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС: ПОЛИТИКА ПРОПАГАНДЫ И ВЕРЫ

1

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС: РАЗУМ ПРОПАГАНДИСТА

В последний раз доктор Пауль Йозеф Геббельс встретился с руководством своего аппарата в мрачных развалинах того, что раньше было зданием Имперского министерства пропаганды в Берлине. Большевикам оставалось дней десять пути до столицы рейха, а американцам, чтобы добраться сюда от Эльбы, и вовсе неделя. Когда американцы и русские соединятся, рейх будет расчленен надвое. Тяжелое настроение усугублялось полумраком, так как электроэнергии уже не было. Огоньки свечей трепетали, выхватывая из темноты разрушенные бомбами и снарядами фрагменты стен и зияющие провалы окон. По сравнению с масштабами прошлых лет, круг совещающихся был узок. Собравшихся было едва с десяток. Они внимательно прислушивались к словам своего министра. Когда Геббельс говорил, в помещении царила полная тишина, нарушаемая лишь доносившейся сюда артиллерийской канонадой, голосами фольксштурмистов и шумом, производимым колоннами беженцев, тянувшихся по размолоченным бомбежками и обстрелами опустевшим улицам столицы гибнущего рейха.

Геббельс, скрестив на груди руки, внимательно посмотрел на присутствующих: «Господа, почему вы

работали с нами? Ведь теперь вам придется заплатить за все это своими головами».[1] Жестокий цинизм попал в точку. Ведь так долго язвительный интеллект Пауля Йозефа Геббельса пытался подчинить действительность верой, опиравшейся на известный призыв Гитлера: «Тот, кто несет в своем сердце веру, обладает самой могучей силой в мире». Но призыв Гитлера к героизму и вере столкнулся с обманом, с заговором истории против него. А история оказалась потаскухой. Еще 12 апреля Геббельс надеялся, что история воздала должное вере, которую он насаждал последние двенадцать лет. Когда Геббельс узнал о смерти одного из своих ненавистнейших врагов – Франклина Делано Рузвельта, то впал в экстатическое состояние. «Вот поворотная точка», – заявил он. Потом, обратившись к принесшему эту новость генералу Буссе, добавил: «Вот теперь, господин генерал, теперь пришло время для вас и для ваших солдат. Вы и ваши люди должны теперь проявить чудеса высшей храбрости».[2] По этому случаю была откупорена бутылка шампанского. Но очень скоро надеждам министра суждено было развеяться и он вынужден был заключить: «Предначертание судьбы снова окрасилось в зловещие тона и убеждает нас в том, что мы все глупцы».[3] А на этой последней встрече Геббельс обратился к своим подчиненным с такими словами: «Моя семья не покинет столицу рейха, что бы не произошло».[4] Он считал, что если большевики войдут в Берлин, то ни его самого ни членов его семьи не пощадят.

Этот грубый намек Геббельса на самоубийство, вероятно, не явился сюрпризом ни для одного из присутствующих, а для его личного адъютанта Вильфрида фон Овена, в особенности. Окружение, взятие в котел, а затем уничтожение 6-й армии под Сталинградом, капитуляция и пленение Зейдлица и Паулюса пробудили у Гитлера мысли о самоубийстве. Представляя себя в окружении толпы большевиков, когда «одним выстрелом из пистолета» можно было обрести «бессмертие в национальном масштабе», Геббельс, который все поступки и даже жестикуляцию перенимал у Гитлера, неизбежно утрируя их, заявил фон Овену: «Я, во всяком случае, не страшусь смерти. Если нам суждено проиграть эту войну и вместе с этим утратить нашу

свободу и если действительно не останется никакого выхода, то я с легкостью расстанусь с жизнью. Естественно, весьма трудно будет выбрать для этого подходящий момент, когда уже действительно ничего нельзя будет спасти и когда станешь совсем бесполезной личностью».[5] И эти слова, так ясно характеризующие слезливо-самообвинительное настроение позднего периода нацистского «заката», могли быть истолкованы двояко, поскольку Геббельс рассматривал в качестве проблемы правильный выбор времени и средства преобразования воли в поступки, чтобы не попасть в руки врага...

Магду Геббельс вопрос о том, как сохранить образ воли и силы в последние месяцы «Третьего рейха», волновал гораздо меньше. Вероятно, ее могли одолевать мысли о правильности замужества за Геббельсом, но она их обычно держала внутри себя. Будучи убежденной нацисткой, Магда не подвергла сомнению мудрость решения Геббельса покончить жизнь самоубийством: «Если наше государство падет, то для нас все кончено. Мой муж и я давно примирились с этим. Мы жили для национал-социалистической Германии, и мы с ней умрем. Эта мысль для меня не нова, и она меня не пугает».[6]

Все это так, но перспектива убить шестерых детей ее пугала. Геббельс пытался вдохновить ее, упомянув Фридриха Великого, который избавлялся от мрачных дум, представляя себя живущим на какой-то отдаленной планете, с которой события, происходящие на земле казались малозначительными. Магда взглянула на него и ответила: «Возможно, ты и прав, но у Фридриха Великого не было детей».[7]

Когда несколько дней спустя Магда Геббельс узнала, что русские находятся всего в ста километрах от Берлина, она вначале не могла поверить этой новости, хотя та исходила от самого Йозефа. Убедившись в том, что это действительно так, Магда разрыдалась.[8] Плакала она оттого, что внутренне пока не сумела убедить себя в том, что сможет убить шестерых детей или что вообще возникнет такая необходимость. В начале февраля, после форсирования русскими Одера, она громко спросила: «Неужели уже нет

никакой надежды? Ведь мы покорили Францию, Голландию, Бельгию, Норвегию, Балканы, половину России, а теперь даже не в состоянии разнести в пух и прах пару каких-то паршивых укреплений (на правом берегу Одера), которые представляют угрозу для нашей собственной столицы!» Муж ответил ей: «Да, дорогая, нам конец, мы истекаем кровью, мы на пороге конца. Ничего нам не поможет».[9] И все же Геббельс предложил выход: она могла бы взять детей, отправиться с ними на Запад и попытаться умолить англичан о пощаде. Даже в начале последнего наступления русских на Берлин, в середине апреля, Магда во всеуслышание заявляла, что немцы так или иначе все равно победят, но сама в это не верила.

18 апреля Геббельс приступил к ликвидации своего архива. (Незадолго до этого, как рассказывал Вилфрид фон Овен, была завершена длительная, скрупулезная работа по созданию микрофильмированных копий бесчисленных томов, из которых состоял дневник Геббельса. Этот дневник, начатый в 1920 году, был самым большим сокровищем Геббельса, его ключом к бессмертию, его проводником по XX столетию. Страницы дневника были уничтожены и осталось, по-видимому, три микрофильмированных копии, которые тайно от всех хранили в особых стальных коробках. Вернер Науман и стенографистка Геббельса сохранили копии, спрятав их в середине апреля, скорее всего, сразу же после начала советского наступления на Берлин).[10] Но бодрые, героические призывы еще изливались из уст министра. 19 апреля 1945 года Геббельс в последний раз выступал по радио с обращением по случаю дня рождения Гитлера. Он даже решил выгодно оттенить благородную судьбу фюрера на фоне рокового жребия, который выпал на долю Рузвельта, подчеркивая то обстоятельство, что Гитлер сумел пережить попытку покушения на его жизнь 20 июля 1944 года, «и он сможет завершить свое дело». В заключение Геббельс заявил: «Могу только сказать, что наше столетие во всем его мрачном величии, сумело приобрести в лице фюрера единственного достойного представителя».[11]

На Геббельсе все еще лежала ответственность за обо-

рону Берлина. В газете, выпускаемой «для защитников Большого Берлина», министр продолжал убеждать население в том, что столица будет вызволена, что большевиков отбросят от нее и уничтожат и положение Германии изменится в лучшую сторону. Геббельс продолжал в полной мере использовать и «кампанию слухов», передавая свои сообщения из уст в уста, что также способствовало правдоподобности информации. К 24 апреля его подчиненные окружили здание министерства баррикадами, используя при этом мешки с песком и рулоны газетной бумаги, «для дальнейшего превращения министерства в неприступную крепость».[12] Использование в качестве баррикад рулонов газетной бумаги, роскоши последних дней и месяцев войны, было мероприятием в общем-то весьма экзотическим, своего рода самоиронией, ибо большая часть жизни Геббельса сосредоточилась вокруг печатного слова, журналистики и напечатанных типографским способом речей.

Две из последних официальных акций Геббельса, таких, как например, «Защитник Берлина», отражали две господствующие тенденции в его политической жизни. 27 апреля Геббельс издал распоряжение о том, чтобы Берлин был буквально забросан листовками. Берлинцы смогли убедиться, что листовки эти предназначались для солдат армии генерала Венка, а не для них. Листовки призывали Венка поторопиться и освободить город, будто тот находился у ворот Берлина. В действительности же, эти листовки были предназначены именно для берлинцев, в качестве средства положительного воздействия на их боевой дух. Армия Венка уже, по сути дела, перестала существовать, и Геббельсу это было хорошо известно. Затем последовало одно из его последних заявлений, в котором он заверял берлинцев в том, что «час перед рассветом всегда бывает темным».[13] Поэтика, демагогия, слова о героизме и тактические выверты, до самого что ни на есть конца – вот мир, в котором жил Геббельс.

К 29 апреля 1945 года Адольф Гитлер завершил последние версии политического и личного завещания. Он назначил доктора Пауля Йозефа Геббельса своим преемником на посту рейхсканцлера, хотя знал, что Геббельс и его семья,

которая переселилась к нему в бункер, останутся в Берлине и, вероятно, погибнут в течение нескольких последующих дней. После пугающих, эмоционально изматывающих сцен дети Геббельса были умерщвлены, хотя и обстоятельства, и действующие лица этой драмы до сих пор неизвестны. 1 мая 1945 года доктор Пауль Йозеф Геббельс и Магда Геббельс, перебравшиеся в бункер Гитлера 22 апреля, покончили жизнь самоубийством. По указанию Геббельса, тела их были облиты бензином и сожжены его адъютантом, личным шофером и каким-то эсэсовцем.

Циничнейший из людей, этот ожесточившийся идеалист был способен на садизм и на словах, и на деле. Перед войной Геббельс так издевался над одним тайным советником преклонных лет, обвиняя его в ошибках, допущенных им в вопросах безопасности министерства, что этот человек, а позднее и его секретарь покончили жизнь самоубийством.

Геббельс мог похваляться своими само собой разумеющимися достоинствами пропагандиста и цитировать собственную жену, в качестве обоснования своих убеждений, сопровождая это фразой «... а ведь она далеко не умна».[14] Однажды, это было в 1941 году, он, повернувшись к жене и гостям во время одного из обедов, прокомментировал: «Мне кажется, что природа прекрасно позаботилась о том, что наши дети унаследовали ее красоту и мой ум. Как же ужасно было бы, если бы все оказалось наоборот».[15] Такого рода высказывания подозрительно подходили на оценки Адольфа Гитлера, сделанные им во время пребывания на отдыхе в Оберзальцбурге. Геббельс часто совмещал тщеславие и потребность в любви с высказываниями, которые были рассчитаны на то, чтобы смутить окружающих, привести их в замешательство. Никто из окружения министра и помыслить не мог о том, чтобы хоть мельком взглянуть на его деформированную ногу, и ему это было известно, но Геббельс имел склонность заявлять, что люди питают определенную слабость к уродцам, таким, как Рузвельт и коротышкам, как Сталин. Эти заявления должны были как

бы сводить на нет любой след предположений о том, что с ними мог ассоциироваться сам Геббельс. Геббельс обожал создавать такую обстановку, когда мог бы часами говорить без перерыва, доминируя над остальными при помощи своей способности играть словами, демонстрируя быстрый ум. Но никогда эти посиделки не могли освободиться от налета подозрительности, который был традиционным в рейхе. Одного из приближенных министра, во время его пребывания с семьей Геббельса, позвали к телефону. После того, как Рудольф Землер переговорил по телефону, он объяснил присутствующим, что звонок носил частный характер. «Я не сомневаюсь, что в его (Геббельса) мозгу мгновенно возникла идея позвонить на телефонную станцию и проверить, говорю ли я правду».[16] Землер продолжал: «Он всегда склонен видеть в людях самое худшее и не скрывает того, что стал бескомпромиссным мизантропом».[17]

Как и Гитлер, Геббельс презирал толпу. Обладая незаурядным умом и университетским образованием, молодой Геббельс не смог не заметить, насколько проще было увлечь народ при помощи насилия и дешевой демагогии нежели ясными идеями и здравым смыслом. «... Народные массы обычно гораздо примитивнее, чем мы их себе представляем. Исходя из этого, пропаганда должна всегда оставаться простой и однообразной. В этой изнуряющей гонке лишь тот способен достичь основных результатов в деле оказания воздействия на общественное мнение, кто в состоянии свести все проблемы к простейшей терминологии и у кого достанет мужества постоянно повторять их в этой простейшей форме, несмотря на возражения интеллектуалов».[18] Да, несомненно, включая интеллектуалов, подобных ему самому. По пути в «Шпортпаласт» 18 февраля 1943 года министр хвастался риторическим и эмоциональным шоу, которое предстояло увидеть его друзьям. Тогда Геббельс произнес свою самую знаменитую речь на тему «тотальной войны». Толпа фанатичных наци обезумела, но после того, как все было завершено, циник Геббельс презрительно бросил: «Час идиотизма! Если бы я потребовал от этих людей выброситься с третьего этажа, они бы выбросились».[19]

Геббельс, чьим основным литературным дарованием была кусачая и злобная сатира, считал, что простому люду ирония недоступна. Средства массовой информации не должны были быть ориентированы на некую элитарность, а вот управляться они должны элитой. «Везде и всюду, большинству тех, кто слушал радио, досталось от жизни под самую завязку... Они заслужили право расслабиться во время кратковременного отдыха. А те немногие, которые черпают вдохновение лишь в Канте и Гегеле, – незначительное меньшинство».[20]

Геббельс-идеалист был и Геббельсом-циником, и Геббельсом-материалистом. Все, за исключением Гитлера, имели для него свою цену. Министр пропаганды полагал, что сможет завоевать расположение иностранных рабочих, занятых на тяжелых работах, что означало удвоение рациона, выдаваемого по карточкам. «Малютка-доктор», «человек-литера» носился с идеей производства большого количества танков, мобилизации большого количества солдат, идеей «тотальной войны». «Танки важнее оперных театров».[21] По причине приобретенного жестокого материализма и отвращения к массе немцев, Геббельс никогда не принимал всерьез идеалистов, распинавшихся о «крестовом походе» против большевизма и «идее новой Европы». В конце 1942 года Геббельс заявил своим подчиненным, что, дескать, не должно быть много говорильни по поводу борьбы Германии за Европу потому, как никто не способен поверить, что она станет бороться за кого-то еще, а не ради себя самой, ради своих собственных материальных интересов. Лучше было бы сказать немецкому народу, что нацисты желали для него нефти и пшеницы.

Геббельс обожал язык патетики и идеализма лишь в качестве описательных фраз военных усилий Германии, но никак не для постановки конкретных задач. После Сталинграда министр писал: «Сегодня каждый германский солдат, рабочий и крестьянин знает, для чего мы сражаемся и трудимся. Это не война за трон и алтарь, это война за зерно и хлеб, за сытый стол три раза в день, война за достижение материальных средств, необходимых для решения социальных вопросов, вопросов строительства домов и автоба-

нов».[22] Германия не могла вечно продолжать борьбу за свои идеалы. Геббельс понимал, что упоминание о щедрости немецкого духа и его значении для мировой культуры может быть и значит много, но он вряд ли рассуждал когда-либо о его политическом сознании. У Геббельса, который на собственной шкуре испытал оккупацию французами Рейнской области, после первой мировой войны, не осталось иллюзий относительно патриотизма немцев: «Дайте Люксембургу власть над Германией и вы сразу же обнаружите массу немцев, которые захотят признать эту власть и станут служить ей».[23]

Он проявлял меньше предубежденности по отношению к славянским народам, чем его коллеги – нацисты. Конечно, Геббельс извергал фразы, вроде «колониальных народов» в Восточной Европе, но это, в основном, относилось к первому периоду войны. Министр, говоря о хоккейном матче в Праге, который немецкие проиграли, сказал, что «это лишь подтвердило, что соперничать с колониальными народами там, где мы им не ровня – ошибка».[24] На последних этапах войны Геббельс стал открытым оппонентом шагов Гитлера и Гиммлера, которые предпринимались в свете теории о «недочеловеках». Это происходило, разумеется, не из гуманности, а скорее из соображений чисто меркантильных, по причине трезвого взгляда на интересы Германии. К 1943 году, под влиянием разгрома под Сталинградом, Геббельс направил средства массовой информации на проталкивание идеи о том, что восточные нации не должны ощущать на себе ненависть и отвращение немцев к ним, подобные тому, которые немцы испытывают по отношению к русским, полякам или народам Прибалтики. «Нельзя изображать этих людей, надеющихся завоевать освобождение нашими руками, животными, варварами и тому подобным и, одновременно, рассчитывать на то, что они будут страстно желать победы немцев».[25] Геббельс понимал, что было откровенной глупостью со стороны немцев рассуждать о новых колониях на Востоке и эксплуатировать его население. Германия нуждалась в рабочей силе, в поддержке этих людей, а не в их ненависти. Одной из причин такой перемены в отношении Геббельса к «ев-

ропейской» идее в германской пропаганде было его представление о том, что эта идея может убедить другие народы Европы в том, что они навечно останутся субъектами Германского рейха.

На одном из министерских совещаний, в начале марта 1943 года, Геббельс распространялся об ужасном отношении к «остарбайтерам». Он привел в пример высказывание одного из промышленников, который выразил сожаление о таком жестоком обращении, и полностью согласился с ним в том, что это не в интересах Германии. Но и у самого Геббельса были промахи, хотя он и любил высмеивать и проклинать тупость и коррумпированность нацистских бонз. Он никогда не позволял себе уверовать в то, что отношение к иностранным рабочим отражало политику Гитлера: но ведь никто иной, как Гитлер, в 1942 году назначил имперским комиссаром по использованию рабочей силы именно Фрица Заукеля – «старого борца», которому он безгранично доверял. После того, как немцы уничтожили миллионы поляков; жесточайше подавили в 1944 году Варшавское восстание, Геббельс потихоньку, без лишнего шума, порвал с основным догматом национал-социализма, ударившись в лиризм по поводу извечного стремления поляков к свободе и национальному самоопределению. «На какие же достижения и страдания готова пойти нация, когда борется за свое национальное освобождение!».[26]

Пауль Йозеф Геббельс не был открытым человеком, но временами дозволял не соглашаться и даже поспорить с собой, посостязаться в остроумии, причем бывали случаи, когда его гибкий ум и острословие молили о пощаде. Когда фельдмаршал Люфтваффе Эрхард Мильх заявил ему о том, что он, Мильх, спасет 6-ю армию от поражения в Сталинграде, Геббельс, даже ясно сознавая неподчинение воле Гитлера, не согласился с аргументацией Мильха и дал втянуть себя в дебаты с ним. Несколько месяцев спустя, Мильх в своих высказываниях зашел настолько далеко, что заявил министру пропаганды, что война проиграна. Несмотря на то, что заявление вконец взбесило Геббельса, он дал выход кипевшим чувствам отчаянным туром в разбомбленный до основания Гамбург, а не побежал к Гитлеру

или Герингу с обвинениями и жалобами на Мильха.[27] Геббельс высоко ценил себя в роли своего рода «офицера связи» между высшим командованием вермахта (ОКВ), представлявшим ему ежедневные сводки со всех фронтов и в самом неприкрытом виде, без каких-либо ретушировок и причесываний, словесной трескотни, так ценимой Гитлером и шефом прессы Дитрихом.[28] Но Геббельс был готов и не принять к сведению даже полезную информацию, если это могло показать его некомпетентность в области, в которой он слыл экспертом. Когда от некоего ефрейтора Тишлера могла быть получена ценнейшая информация о Советском Союзе, где тот провел около двух с половиной лет, Геббельс отказался принять его. Доктор Гаст, начальник одного из отделов министерства пропаганды, сказал одному корреспонденту: «Министр не желает принимать сфрейтора Тишлера, поскольку он достаточно информирован о ситуации в Советском Союзе».[29] Геббельса больше устраивало, чтобы его подчиненные не ведали о том, что он получает информацию из каких-то внешних источников. Это свидетельствовало о его тщеславии и об известном желании прослыть всезнайкой, качество, которое присутствовало и у Адольфа Гитлера.

А сколько же тщеславия было в личности этого «малютки-доктора»! Его снедала постоянная жажда похвалы, и если случалось так, что он в течение дня не получал нужную ее порцию, то превозносил себя до небес перед диктофоном или личным секретарем, наговаривая отрывок своего дневника. Однажды придет день, когда этот дневник будет напечатан, так что Геббельс обращался не много ни мало, а как бы к потомкам. В записи от 15 февраля 1942 года он заявил: «То, что я сделал с радио и еженедельными выпусками киноновостей, достойно наивысшей похвалы. Мои статьи оказывают огромный эффект во всем мире и мне не приходится жаловаться на их оценку германским народом». 29 марта 1942 года он торжествует: «Наши военно-морские журналы просят меня предоставить им мои редакционные статьи чуточку пораньше... Я счастлив, что мои редакционные статьи в таком почете у наших воинов».[30] И 10 августа 1943 года: «Я убежден, что мы бы уже

давно выиграли бы войну, если бы руководство было не в руках генералов, а у партии. Почему бы партийным руководителям, тем, например, кто хорошо зарекомендовал себя в бомбовой войне, не повести войска на фронт?».[31] Геббельс был одним из немногих лидеров нацистской верхушки, которые ездили в разрушенные бомбардировкой города, что способствовало подъему их популярности в народе. Когда он составлял последнее завещание, то не обошел и себя, еще раз удовлетворив свое тщеславие и военные фантазии, видя себя наследником двух своих любимых героев: Фридриха Великого и прусского генерала Гнейзенау.

Литературное тщеславие Геббельса в большой степени определило его любовь к немецкому языку. Когда в тридцатые годы он опубликовал антологии своих статей и речей «эры борьбы», то следил за тем, чтобы каждая из книг содержала информационные материалы, извещавшие читателей о его ранних работах, размером не меньше чем в целую страницу, снабжалась льстивыми отзывами нацистской прессы. Но Геббельсу, человеку пера, хотелось чего-то большего, нежели лишь похвалы нацистских газетных поденщиков. 19 мая 1943 года он пишет, что Кнут Гамсун, великий, но одряхлевший норвежский писатель восторгался до слез, когда перед его глазами возник Геббельс! В своей записи за этот день министр не раз ссылался на эту «драгоценную встречу». Особую его гордость вызывал тот факт, что ему, третьеразрядному романисту, отдавал дань уважения сам Гамсун.

Для Геббельса были характерны многие слабости, присущие профессиональному писателю, и в этом он был практически единственным из всей нацистской верхушки. Когда в июне 1941 года он пытался ввести в заблуждение Советский Союз и заставить русских поверить в неминуемость немецкого вторжения в Британию, министр всерьез размышлял о том, что эта афера «может с успехом стать предметом изучения для студента, пишущего дипломную работу».[32] Этот научный труд восславит Геббельса, и, вероятно, именно это послужило причиной его известного решения в марте 1940 года о том, что «опубликование диссертаций во время войны возможно только с особого разреше-

ния».[33] Геббельс постоянно ссорился со своим издателем (нацистское издательство Франц Эер Ферлаг) из-за гонораров и льгот. Землер писал в 1941 году: «Эер» предложил Геббельсу 13% от продажи в качестве гонорара за его новую книгу. Геббельс принял это предложение с некоторым колебанием и весьма неохотно».[34] В своих тайных дневниках Геббельс видел золотую жилу, кроме того, считал их продуктом труда гения. Он жаловался, что партийный издатель Макс Аман, предложив ему за дневники два с половиной миллиона рейхсмарок, сильно недооценил его. Геббельс всерьез считал себя великим писателем. Он был автором множества журнальных и газетных статей и никуда не годных романов, со всеми огрехами, присущими юношеской незрелости. Геббельс так и не написал свою книгу, и уж конечно такую, которая бы отвечала его грандиозным задачам, намеченным на послевоенное время: биографию Гитлера, объемный труд по христианству, монографию о кино, которая послужила бы для киноискусства тем же, чем труды Лессинга являлись для театра, или историю Германии, начиная с 1900 года, которая большей частью была бы его автобиографией.[35]

Личность этого человека несла в себе непоследовательность, которая иногда доходила до лицемерия. В конце 1942 года Геббельс заявил: «Я рад, что всегда жил по-спартански просто, как на войне, и сейчас мне не приходится менять свои привычки».[36] Спартанский, военный стиль! Геббельс приобретал для себя прекрасные дома, ценные произведения искусства, он получал целые состояния в виде гонораров за свои книги, имел жену с привычками нувориша, с присущими этому отвратительному и чопорному типу людей спесью и претенциозностью. Ему нравилось использовать в качестве мальчика на побегушках дворецкого, который когда-то прислуживал аристократам. Геббельс имел в своем распоряжении богатейший выбор одежды. Он не грешил обжорством и был равнодушен к алкоголю, но это были, пожалуй, единственные добродетели, отличавшие его от остальной нацистской верхушки.

Геббельс пережил несказанный взлет популярности

после 1942 года, во время турне по разрушенным бомбардировками районам Германии. Он делал вид, что проявляет искреннюю заботу об оставшихся без крова жертвах. Но тем не менее, нимало не смущаясь, заявлял своему адъютанту, что дескать, хотя, конечно, все эти разрушения – это, безусловно, плохо, но они облегчат нам задачу будущего послевоенного строительства лучших, новых городов. Это был один из любимейших доводов Гитлера, но когда он исходил из уст «заботливого» Геббельса, то просто истекал лицемерием и цинизмом. Геббельс, интеллектуал и калека, любил производить впечатление человека сильного, волевого, умеющего принимать решения.

Во время первой «русской зимы» он заметил: «Во время кризисов... нет большего греха, как утверждал Ницше, чем грех трусости».[37] И это был человек, который признавался в том, что не может выносить физическую боль; самобичующийся циник, сказавший однажды, что даже самая легкая зубная боль способна вывести его из строя.

Вследствие противоречий в его характере, Геббельс мог сочетать в себе глубокое понимание сути вещей со столь же поразительным их непониманием. В начале 1941 года этот газетчик «от Бога» высказал мнение, что ни один из уважающих себя журналистов не хотел бы прожить свою профессиональную жизнь, следуя указаниям Ханса Фриче о том, как писать статью и о чем в ней не следует упоминать. Большую часть немецких журналистов Геббельс считал рабочим скотом или же видел в них несчастных людей, тянущих свой крест. Но в 1942 году он неожиданно взорвался по адресу безжизненной, скучной, однообразной, поденной тематики германской прессы, не видя абсолютно никакой связи между перечисленными им характеристиками и путами, надетыми на германские средства массовой информации национал-социализмом. Он скорее был склонен обвинять людей, а не систему.

Адольф Гитлер в 1941 году имел несколько иной взгляд на вещи: «... то, что называется свободой печати, вовсе не означает, что печать свободна, а что некоторые властители свободны направлять ее по собственному усмотрению для обеспечения поддержки их собственных интересов и, если

понадобится, в противовес интересам государства... Сегодня журналист уже знает, что он не просто писака, а человек, на которого возложена священная миссия защиты высочайших государственных интересов».[38] Геббельс знал, что это не так, но никогда не проводил параллели между несвободной и серенькой прессой. Он не решился на это. Цитируя старинную немецкую мудрость – «Политика разрушает характер», – Геббельс в действительности говорил о самом себе, о разочаровании гибкого ума, вынужденного опускаться до уровня посредственности тоталитарных средств массовой информации. И этому несчастному человеку, столь критически настроенному против нацистских «шишек» и их коварства, приходилось проводить столько времени, занимаясь всякого рода интригами, подсиживанием своих коллег и обвинением тех самых средств массовой информации, для которых он сделал все, чтобы их обезличить и кастрировать.

Но все эти вышеперечисленные дурные качества могут ввести и в заблуждение. Пауль Йозеф Геббельс ощущал потребность в вере. Он ощущал потребность убедиться в реальности и искренности своих чувств с тем, чтобы он мог почувствовать избавление лишь при помощи одной только веры. К тому времени, когда он пришел к решению посвятить всю свою жизнь овладению и использованию политической власти, Геббельс представлял собой неудачника, полагавшего, что вера и романтическое искусство сделали его таким. Вероятно, он ощущал, что из-за каких-то своих личных качеств, физических или эмоциональных, ему ни за что не стать личностью цельной; таким образом, моральный аспект отмирал, а циничные и манипулятивные инстинкты стали в нем доминировать.

Пауль Йозеф Геббельс родился в рейнском городке Рейдте в 1897 году. Он был третьим мальчиком в многодетной семье. Его родители были ревностными католиками, отец работал бухгалтером с менее чем скромным достатком. Фриц Геббельс из кожи вон лез, чтобы войти в среду немецкой буржуазии. Этот человек, чьи корни были пролетарскими, не остановился бы ни перед чем, лишь бы хоть как-то облегчить будущее своих детей. Молодой Пауль

Йозеф Геббельс страдал физическим недостатком – колченогостью. Ступня его ноги была изуродована либо от рождения, либо недуг этот был приобретенным, вследствие какой-то болезни или травмы, перенесенной в детстве. Его страдания в годы взросления можно лишь вообразить, а в милитаризованном обществе, кое представляла собой тогдашняя Германия, с непременным культом солдатчины, физический недуг был не самым лучшим социальным контекстом для здорового развития личности молодого человека. Вероятно, еще и в сегодняшней Германии можно встретить среди подростков проявления жестокости к инвалидам, доходящие почти до садизма, и нетрудно понять, какие муки доставляло Йозефу Геббельсу его взросление.

Молодой, патриотично настроенный немец, Йозеф Геббельс от души желал служить своей нации во время первой мировой войны, но призывная комиссия лишь вволю посмеялась над ним, и, как следствие, душевная травма, слезы, отказ от пищи, словом, жизнь этого невзрачного костлявого юноши была вконец испорчена. У Геббельса-взрослого имелись возможности исказить истину, которая заявляла о себе временами даже громче, чем этого хотелось. В 1943 году он утверждает: «... сегодня мы должны расплатиться за грехи наших отцов в 1918 году».[39] За грехи «наших отцов» или за его собственные? Геббельсу не пришлось послужить во время первой мировой войны, и его героическая «прусская» служба в должности министра пропаганды во время второй мировой войны была его собственным искуплением за эту оплошность. В конце концов, ему удалось подняться над ложью двадцатых годов, когда он начинал любую свою речь фразой: «Те из нас, кого потрепала война...» К концу жизни Геббельс устрашал общество своей деформированной ногой. Его подчиненные леденели при мысли хотя бы случайно взглянуть на нее во время аудиенции у него (обычно он восседал за огромным столом). Геббельс предпочитал общество красивых, здоровых людей, как мужчин, так и женщин. Он гордился своим блестящим умом. Геббельс отождествляет физическую красоту и здоровье с верой и волей, а критический интеллект – с еврейской болезненностью, чуждыми мыслями и личностя-

ми. Но, тем не менее, ум, и ум гибкий, был лишь единственным его богатством, с которым он молодым человеком вошел в безжалостный мир Веймарской республики.

Пауль Йозеф Геббельс был одним из самых образованных нацистских лидеров (разумеется, речь идет о гуманитарном образовании). Благодаря Католическому Обществу Альберта Магнуса, Геббельсу удалось наскрести денег для того, чтобы в 1921 году побывать в нескольких немецких университетах и, в конце концов, получить титул доктора литературы Гейдельбергского университета. К этому времени он уже окончательно порвал с католичеством. Он даже ввел в недоумение своих церковных благодетелей, уговаривая их принять в качестве возврата им его долгов ту же сумму, но в инфлированных марках 1923 года! Ему был предъявлен иск от их имени, и все же Геббельс был вынужден заплатить часть денег. «Малютка-доктор» имел непомерные литературные амбиции, но ему требовалось зарабатывать на хлеб. Какое-то время ему пришлось поработать в кельнском отделении «Дрезден банк» в качестве биржевого служащего, оглашающего курс акций. Хельмут Хайбер так комментирует это в своей превосходной биографии Геббельса: «В тот период его звучный тенор нашел полезное применение – но не на политических сборищах, а при объявлении курса наших акций на кельнской бирже».[40] Геббельс впоследствии придал этому периоду своей жизни политическую окраску, пытаясь убедить всех в том, что был нацистом уже с незапамятных времен, с самых первых дней «Движения», будто он боролся против французов, когда те оккупировали Рурскую область в 1923 году. Он все больше и больше погружался в политику, но это происходило скорее вследствие его личной растерянности, разочарования и профессиональных неудач, чем было продиктовано обстановкой в Германии. И пройдет еще несколько лет, прежде чем он войдет в близкий контакт с Адольфом Гитлером.

В одном небезынтересном разговоре, апрельским вечером 1944 года, Йозеф Геббельс вспоминал о своих молодых годах.[41] То важное, что он сознательно выпустил из своей устной автобиографии, столь же знаменательно, как и само

ее содержание. Он почти ничего не сказал о матери, о ее заботе о жалком уродце-малютке Йозефс, о той любви, которая значила так много для него в поисках веры и смысла жизни в огромном мире, лежавшем за пределами Рейдта. Он ничего не упомянул и о евреях, тем самым признав, что ненависть его к ним развилась позже и, возможно, явилась результатом его политического оппортунизма и любви к Гитлеру. Отца Геббельс описывает как человека педантичного, который работал как вол, и, действительно, все эти качества он вполне мог заимствовать от него, ибо сам обладал ими в избытке. Геббельс вспоминал уютную и спокойную жизнь в доме, ту жизнь, в которой роскошь была редкой гостьей, поскольку ради нее пришлось бы идти на неимоверные жертвы, делавшие ее бессмысленной. Молодой Геббельс оставлял далеко позади себя своих двух старших братьев во всем, что касалось артистических дарований и умственных способностей. В 1944 году Ханс, его старший брат, был директором страховой компании в Дюссельдорфе, а Конрад осуществлял руководство партийной прессой во Франкфурте-на-Майне. Оба были членами нацистской партии с большим стажем. Даже если не принимать во внимание его личные разочарования и чаяния, вполне логично предположить, что молодой Йозеф Геббельс воспринимал жизнь как борьбу. Он вырос в окружении, где доминирующей социальной темой было нечто вроде контролируемого безумия, попытка процарапать себе когтями путь в респектабельный средний класс. И вот когда дело было сделано, молодой доктор философии оказался в мире коллапса, который представляла собой Центральная Европа.

Паулю Йозефу Геббельсу была уготована участь стать инструментом в руках отца в процессе уютненького обустройства в буржуазном мирке, но все эти попытки с треском провалились, когда прочный, стабильный мир, в который семья Геббельс готовилась войти, был низвергнут в бездну. В 1944 году Геббельс живописал сцену, разыгравшуюся в их доме, когда туда доставили фортепьяно — символ буржуазности. На какие же лишения и страдания потребовалось пойти, чтобы приобрести этот инструмент, и

ведь все это делалось ради молодого Пауля Йозефа! Он играл на фортепьяно, играл даже в холоднющие зимние дни, натянув на уши шапочку замерзшими пальчиками, трясущийся от холода рейнской зимы. Семья была даже в состоянии предоставить ему достаточное количество денег для поездки в Кельн, чтобы он смог побывать в настоящей опере, – неслыханная роскошь. Семья смогла подготовить к учебе в университете лишь одного из своих детей, и этим ребенком стал Йозеф. У него были большие успехи по истории и немецкому языку, но вряд ли его можно было отнести к выдающимся ученикам. Геббельс иронически замечает в 1944 году, что его отец желал подготовить его к карьере в гражданской службе, что он, собственно, и сделал, в некотором смысле, разумеется.

Йозеф Геббельс появился в Гейдельберге, имея в своем распоряжении скромную сумму денег, одержимый слишком большой гордыней, чтобы довольствоваться кулинарными подношениями квартирной хозяйки, проникнувшейся искренней жалостью к этому маленькому хромоножке, который имел обыкновение отказываться следующим образом: «Благодарю, но я уже поел», «Благодарю, но мне сейчас не хочется». Даже в 1944 году Геббельс не мог отделаться от мелкобуржуазной неприязни к более удачливым студентам. Он их ненавидел, испытывал к ним отвращение. Геббельс был парией, хотя позже отрицал, что не жаловал богатство, галантных молодых людей, которые шныряли повсюду в своих кепочках того или иного студенческого братства и дрались на аристократических дуэлях. Геббельс клялся и божился, что познакомился с «идеей национал-социализма» где-то около 1920 года. Он подфлиртовывал и с другими модными идейками, такими, как например, национальный большевизм. Геббельс бил себя в грудь, утверждая, что он пламенный патриот, душу которого переполняли бурлящие национальные чувства. По этой причине он отказался от марксизма, хотя социализм привлекал его. Геббельс искал «национальный социализм», хотя, весьма сомнительно, чтобы он действительно понимал именно национальный аспект «национал-социализма». Все приведенные им даты внушают сомнение, но, вероят-

но, уже к 1924 году Геббельс стал активным членом национал-социалистического движения в своем родном Рейдте. Ему не удалось получить сносное место работы, и, вероятно, его друзья сыграли определенную роль в выборе им вида политической деятельности.

В своих воспоминаниях, в 1944 году, министр рисует впечатляющую сцену дружбы отца с сыном вплоть до самой смерти Фрица Геббельса в 1929 году. Даже по прошествии двадцати лет Геббельс очень желал убедить свою аудиторию, что отец принимал и одобрял его выбор. Фриц Геббельс был истовым католиком и последователем центристской партии: нацисты для него не существовали. Будучи кандидатом от нацистской партии на муниципальных выборах, Геббельс был также представителем на выборах, осуществлявшим контроль за их ходом. Он рассказывал, как ходил с одного избирательного участка на другой и, наконец, увидел своего отца, который заполнял избирательный бюллетень. Он незаметно подкрался к нему сзади и, по его словам, «... к своему удовлетворению заметил, как тот поставил крестик напротив НСДАП и ее кандидата, доктора Йозефа Геббельса». На своей первой политической речи в Рейдте он попросил присутствовать своего отца. Фриц Геббельс возразил, что никто на свете, даже его родной сын не сумеет затащить его на митинг нацистов. «Тем не менее, – говорит Геббельс, – во время митинга мой острый взгляд выделил его, стоящего вдали за колонной, оттуда он слушал речь своего сына, испытывая при этом охватившую его отцовскую гордость, и когда зал сотрясли овации, он тоже стал аплодировать». Геббельс заканчивает свои воспоминания на традиционной для него нотке самообмана и передергивания фактов, способности лгать у этого «проницательного интеллектуала» могло с избытком хватить на двоих. Он утверждает, что очень плохо, что его отец умер в 1929 году, так и не увидев, до каких высот добрался его сын. Это было сказано 24 апреля 1945 года, когда Великий Германский рейх был уже обречен. Еще более поражает попытка Геббельса убедить себя самого в том, что уже в 1929 году он был одним из самых известных политиков Германии. Эта фантазия позволила ему поверить в то,

что отец почил в бозе с полным сознанием, что жизнь прошла не впустую, поскольку его сын «добился».

Геббельс всегда умиляло, что и он, и Адольф Гитлер до сих пор платили подать католической церкви. Когда он женился на Магде Квандт (19 декабря 1931 года), Гитлер был на свадьбе шафером. Магда принадлежала к «еретикам», как выражается Геббельс, она была протестанткой. Согласившись быть шафером на этой свадьбе, Гитлер тоже выглядел в глазах церкви виновным: обоих исключили из церковной общины. Но сами они не считали себя отлученными от церкви и продолжали платить церковную подать до самой смерти. «Какой же гротеск, что католическая церковь получает средства, доставшиеся мне как гонорары за книги, которые стоят в их проскрипционных списках...», – ерничал Геббельс. – «Пути Господни иногда и действительно бывают неисповедимы».[42] Но есть кое-что неисповедимое и в самой истории Геббельса. Хотя он и был в 1924-25 годах убежденным национал-социалистом, формально он не оставил церковь вплоть до конца 1931 года. Почему? Вероятно, по этой же причине он и не желал признаться своим слушателям: память о безвременно ушедшем в мир иной отце, который был способен принять и понять почти все, что угодно, но не такое.

В своем знаменитом эссе «Обман интеллектуалов» французский философ Жюльен Бенда анализирует проблему современного интеллектуала-националиста, по сути – интригана, торгаша с рынка.[43] Его понимание мотивов отказа интеллектуала от лаврового венка за политические заслуги блестяще и вполне приложимо к случаю с доктором Геббельсом. Бенда пишет: «Наш век воистину является веком интеллектуальной организации политической ненависти. И это явится одной из его главных притязаний в истории человеческой морали». Молодой Геббельс совершил переход из академических стен в политику в период между 1921 и 1924 годами. Но его одиссею нельзя назвать феноменом, характерным для современности (Бенда развил свою мысль в конце двадцатых годов): «В конце XIV столетия произошло фундаментальное изменение: «клерки» отдались игре в политические страсти. Люди, служившие помехой людско-

му реализму, стали вдруг действовать в качестве его стимуляторов. Этот сдвиг в моральном состоянии человечества осуществлялся несколькими способами». Степень политического энтузиазма являлась признаком реализма, отказа от веры. Пауль Йозеф Геббельс пошел по пути от литературного романтизма к манипулированию массами посредством современной пропаганды, изобретателем которой он и был. Бенда продолжает: «Раньше человек считался святым, потому что был в состоянии принять концепцию справедливости, идею закона, чувство Бога. Сегодня он свят потому, что оказался в состоянии создать инструмент, позволяющий ему быть мастером своего дела».

Геббельс никогда не был ничем, кроме как квазиинтеллектуалом, ибо его чисто немецкая восприимчивость к культуре приобреталась в пору незрелости, а интеллектуальный анализ прекратился еще в раннем возрасте, хотя он продолжал читать, и очень много. Читать-то он продолжал, а вот образование его закончилось. В своем умственном развитии он стал утилитаристом. Геббельс мог привести в пример самого себя (но он этого не сделал) в речи в Веймаре, в 1942 году, когда пренебрежительно заявил: «Под интеллектуализмом мы понимаем такой тип полукультуры, которая знает слишком много, чтобы поверить во что-то лишь из-за инстинкта, и знает слишком мало, чтобы поверить во что-то из-за знаний!!».[44] От романтических мечтаний – к манипулированию массами, от интеллекта к национализму, один фактор остался в Геббельсе неизменным: потребность верить.

Молодой Геббельс был неудачником, причем неудачником в своих собственных глазах, до тех пор, пока не обрел национал-социализм. Неудачи были связаны с его романтизмом, его иллюзорным идеализмом, которым не было места в отвратительном мире борьбы и глупости. Самым значительным актом самовыражения Геббельса был его роман «Михаэль», написанный между 1921 и 1924 годами, но опубликованный до 1929 года, да и публикация произошла лишь благодаря покровительству нацистов. Геббельс смог несколько переработать материал, кое-что добавить и превратить своего героя из страдавшего романтика-

подростка в многообещающего нациста, который обрел спасение в борьбе за народ. Книга эта способна объяснить очень многое. Михаэль, герой романа-дневника (дневник всегда остается излюбленной формой Геббельса), отражал поиски автором смысла жизни. «Михаэль, или судьба Германии в страничках дневника» показал влияние на Геббельса его друга Рихарда Флисгеса, одного активиста, левака по убеждениям.[45] Хотя Геббельс скорее всего прекратил водить дружбу с этим Флисгесом в 1922 году, «Михаэль» явился вербальным воплощением двусмысленных фантазий «малютки-доктора» относительно того, что должно было бы произойти: коммунист становится нацистом и гибнет геройской смертью, сражаясь против французов, оккупировавших Рурскую область. Идея трагичности германской судьбы захватывала Геббельса, и эта же точка зрения присутствует в трактовке им «мученика за веру» в нацизм — Хорста Весселя, убитого в 1930 году.

Посвящение романа Геббельса кроме упоминания о тех, кто был его вдохновителями, Рихарде Флисгеса, например, свидетельствует о том, что даже с 1921 по 1929 годы Геббельс оставался тем же охваченным романтизмом переростком, блуждавшим в фантазиях и поисках веры: «1918 год: нашим ответом была революция!.. 1920-й год: мой ответ — вызов!.. 1923 год: ваш ответ — смерть!.. 1927 год: мой ответ — возрождение... Эта книга посвящается памяти моего друга Рихарда Флисгеса, погибшего смертью героя-солдата в шахте у Шлирзее 19 июля 1923 года». Имеется указание на то, что Флисгес погиб во время забастовки, направленной против французов, но никаких подробностей Геббельс больше не сообщает. В предисловии он пишет: «Распад и расчленение не означают упадка, а, скорее, восстание из пепла и возрождение... Сейчас молодежь полна жизни более, чем когда либо. Она верует. Во что — вот в чем состоит предмет спора... Вера, борьба за труд — вот ценности, объединяющие сегодня германскую молодежь в ее фаустовском созидательном порыве». Геббельс продолжает утверждать, что дух возрождения, обновления собственного «я», стремление к ближнему, к брату, к «народу» — вот мосты из настоящего в будущее: «Мы в нужный

момент будем обладать храбростью, волей отважиться на борьбу по зову отечества. Мы хотим жить: значит, мы дождемся жизни». Молодежь, вера, родина, возрождение, товарищество – все ценности старого немецкого молодежного движения, вот что вдохновляло этот роман, и для Йозефа Геббельса он олицетворял веру в национал-социализм. И в этом смысле он действительно был «одним из многих, с немецкой судьбою», если пользоваться его же любимой фразой. Но фразы эти взяты из его предисловия, написанного тогда, когда он уже был убежденным нацистом, а ведь большая часть самого романа написана в 1921 году или, может быть, даже раньше.

Язык нацистской пропаганды времен войны чем-то обязан и этому мрачному роману. Ведь не Геббельс же изобретал тот язык, которым он пользовался в «Михаэле», а его отражением в своем разуме, но его отдельные вкрапления, цветистость его фразеологии очень уж походили на доминирующие в германской пропаганде во время войны штампы. Видимо, есть определенный смысл в том, чтобы рассмотреть некоторые языковые примеры из «Михаэля».

По поводу поражения Германии в первой мировой войне: «Бессмысленно? О, нет! Так лишь кажется. Война явилась могучей демонстрацией нашей воли к жизни».

О будущем лидере: «Мне кажется, что, если кто-то, кто-то великий, он уже здесь, среди нас, однажды он поднимется из нас и станет проповедовать во имя веры в отечество... Он придет! Если я утрачу эту веру, для меня будет утрачен и смысл жизни. Гениям свойственно уничтожать человеческие существа. Но... не для себя, а во имя их миссии».

О юношестве и жертвенности: «Молодежь, которая не готова тихо и с чувством готовности принести себя в жертву ради будущего – это уже не молодежь».

О немецкой женщине: «У женщины лишь одна задача – быть красивой и производить на свет детей... Ах, какая реакционность!.. Что значит реакционность? Это лишь лозунг. Я терпеть не могу шумливых баб, вмешивающихся во вся и все, в такие вещи, о которых они понятия не имеют... И если это современно – сиречь неестественно, аморально,

если это означает моральное разрушение, то, в таком случае, верно, тогда я убежденный реакционер».

О человеке, Боге, вере: «Мы утратили истинное отношение к Богу. Мы ни горячи, ни холодны. Полухристиане, полуязычники. Но, что поделаешь, даже лучшим суждено плутать во тьме... Нация без религии подобна человеку без дыхания. Организованные религии потерпели провал. Совершеннейший провал... Их злоба подавляет проявление любой новой религиозной воли. А его жаждут миллионы, и жажда их так и остается неудовлетворенной... Но широким массам необходимо демонстрировать их идолов до тех пор, пока они не получат нового бога... Я беру в руки Библию и целый вечер посвящаю чтению самой простой и самой великой из проповедей, когда-либо обращенных к человечеству: Нагорной проповеди! Хранит Бог того, кто страдает за правое дело, потому что ему принадлежит царство небесное!»

О товариществе и войне: «Мне нравятся в качестве товарищей... простые, прямые, сильные люди... Все говорят мне «ты», и я всем говорю «ты», совсем как на поле битвы или в окопах... Именно это должен обрести наш фатерланд. Не все кругом равны, но все — братья».

О судьбе Германии: «Если мы одержим победу, создав новый тип немца, то мы воцаримся на земле на следующее тысячелетие... Панславизм! Пангерманизм! За кем же будущее? Нет, я не отступник. Я верю в нас, Германия».

О труде, интеллекте и борьбе: «Закон труда, который означает борьбу и закон интеллекта, который означает работу. Синтез этих трех составляющих делает нас свободными как внутренне, так и внешне. Труд есть борьба, в этом и лежит решение!.. Если мы снова станем самими собой, то мир от нас содрогнется. Мир принадлежит тому, кто в состоянии овладеть им».

О явлении мессии: «Вечером я сижу в большом зале среди тысяч людей и вновь вижу его, того, кто пробуждает меня от спячки. Теперь он стоит в центре общины верующих в него. Я едва могу его узнать. Он величественнее, собраннее... Это море света, льющееся с двух голубых звезд. Я сижу вместе со всеми остальными, и все же мне кажется,

что он обращается лишь ко мне одному. О благословении трудом! Именно это донимало меня, лишало меня покоя, и все это – в одной фразе! Мой обет веры! Именно здесь он обретает форму... Вокруг меня сидят незнакомые мне люди, и я стыжусь набежавших слез».

О любви Михаэля к Герте Хольх: «Герта Хольх обладает своего рода импульсом по отношению ко всему новому, но, тем не менее, предстает перед нами женщиной, погрязшей в старинных предрассудках, пленницей стародавних взглядов мира ушедшей в мир иной буржуазии. У нее недостает мужества стать кем-либо другим».

О жизни и борьбе: «Мы должны быть благодарны людям, дающим нам возможность принести себя в жертву».

«Война пробуждает меня от спячки. Она привела меня в чувство».

«Разум подвергал меня пыткам и привел меня к катастрофе, он показал мне все бездны и глубины».

«Работа восстановила меня. Она даровала мне гордость и свободу». «И теперь я создал себя заново из этих трех стихий. Здравый, гордый и свободный немец, желающий завоевать будущее».

«Жизнь индивидуума еще не все. Это не вещь в себе. Мы обязаны преодолеть это и перейти к новой, плодоносной силе. Пока человек держится за свою жизнь, он не свободен... Мы вытолкнуты в этот мир не для страдания и смерти... Мы должны выполнить возложенную на нас миссию... Борьба требует крови. Но каждая капля крови – зерно... Мы все должны жертвовать чем-то...

Вследствие невероятной, почти магической способности автора предвидеть – его герой, шахтер Михаэль, погибает 30 января. Геббельс, когда писал книгу, еще не мог знать, что кумир Михаэля придет к власти именно в этот день.

Описывая смерть и похороны Михаэля, Геббельс призвал на помощь всю свою фантазию. Михаэль умирает трагической смертью в окружении своих товарищей. И похороны его обставлены на героический манер – он «пионер нового рейха», «рабочий, студент и солдат», библейский ученик, Фауст и Заратустра. Геббельс использовал в книге полный энтузиазма романтический язык германского

молодежного движения. «Михаэль» воплощал мечты о чистом, новом рейхе, сильном, но опять-таки чистом эросе товарищества, желании идеалистического жертвоприношения и культе лидера. Язык Геббельса стал использоваться для культивирования национал-социалистического культа смерти и преображения, героизма и жертвенности.

Терминология романа, понятия, постоянно встречающиеся на его страницах в местах, имеющих наибольшую смысловую нагрузку, таковы: смерть, Воскресение, борьба, вера, творческий порыв, народ, война, фатерланд, гений, готовность к самопожертвованию, молодежь, товарищ, труд, признание веры, жертва, гордость, миссия, кровь, солдат.

Пауль Йозеф Геббельс не произвел особого впечатления в Гейдельберге ни в академическом смысле, ни в смысле большого литературного дарования, хотя и работал со знаменитым Фридрихом Гундольфом (кружок святого Георгия). Его темперамент не подходил для академической деятельности. Нет никаких свидетельств о том, что он серьезно желал такой карьеры. Геббельс обращался в ведущие берлинские газеты и журналы, включая «Берлинер Тагеблатт», но запросы его оставались без ответа. Амбициозный, наделенный живым умом и даром пера, помноженными на критический, хоть и несколько поверхностный тип мышления, молодой доктор Геббельс может показаться вполне подходящим для мира литературной журналистики. Германско-еврейская интеллигенция, игравшая доминирующую роль в этом анклаве, внушала ему отвращение. Провинциал из Рейнской области, человек не очень счастливой личной судьбы так и не смог простить пренебрежение к себе. Его незрелый юношеский романтизм, как и незрелый литературный стиль, еще не обретший дисциплинированного слога, не искушенный в жизненных проблемах, вероятно, это раздражало редакторов газет и журналов, которым он в начале двадцатых предлагал свои статьи.

Особую ненависть Геббельс питал к «Берлинер Тагеблатт». В 1929 году, когда он уже был восходящей звездой в

нацистской партии, в плакатах и в партийной литературе Геббельс заявлял, что международные еврейские финансовые дельцы контролировали выплаты репараций Германией и что в случае, если Германия задержит выплаты, то должна будет поставлять юношей и девушек (за исключением евреев) в качестве рабов.[46] И чтобы обосновать эту ложь, он приводил статьи из «Берлинер Тагеблатт». Более десятилетия спустя, в знаменитом фильме Эмиля Яннингса «Папаша Крюгер», в первой сцене фильма толстяк, омерзительный, самоуверенный, ищущий во всем выгоду для себя еврей-фотограф, работает в «Берлинер Тагеблатт». В статье, которая была написана в самом начале второй мировой войны, Геббельс снова решил вспомнить о нападках на него со стороны «еврейской прессы Берлина».[47]

Непостоянный «радикализм» Геббельса, которым он был в известной мере обязан своему другу Рихарду Флисгесу, привел его в радикальное северо-германское крыло нацистского движения. В 1926 году Гитлер боролся за то, чтобы объединить осколки, мелкие группы разного рода нацистских движений. Геббельс предал братьев Штрассеров, Георга и Отто, которые были лидерами рейнского и северо-германского национал-социализма, и перешел к Гитлеру, к мюнхенским нацистам. Его преданность новому фюреру вкупе с его интеллектуальной натурой и дарованиями сразу же сделала Геббельса заметной фигурой в движении, которое не могло похвастаться притоком в него людей с действительно выдающимися способностями – журналистов, ораторов, организаторов. Геббельс стал гауляйтером и к его гау относился район Большого Берлина, по сути говоря, неблагоприятная должность в этом «оплоте красных», но не без перспектив для восходящей звезды на тверди небесной нацизма. Берлин во весь голос взывал о таком нацистском агитаторе, который бы реорганизовал крохотную нацистскую партию в столице рейха, создал бы базис лояльности к Гитлеру, завоевал бы общественное мнение, взяв в оборот «красных», и стал бы автором нового стиля в политической журналистике – печатное слово и рисунок, агитация и демагогия в чистом виде. В окружении нескольких сотен нацистов Геббельс в 1926-1927 годах

упорно создавал легенду о «малютке-докторе» с большим сердцем, о бесподобном агитаторе и ораторе, «покорителе Берлина», который в пух и прах разбил «красных», пропагандисте, равных которому не было и нет, луче света, зове фанфар, возвещающем о свободе и конце «еврейской Веймарской республики» и скором явлении миру гитлеризма.

Геббельс Берлина так и не завоевал, но партию там он создал и заявлял о себе все громче и громче. Он бросился в битву с врагом: 11 февраля 1927 года, например, нацисты собрали митинг в Веддинге, красном районе Берлина, в зале «Фарус». Нацистов было больше, чем тех, кто пришел сюда, чтобы сорвать их митинг, и, воспользовавшись численным преимуществом, они быстренько покончили с коммунистами. По Геббельсу, это служило доказательством тому, что буржуазное государство, бессильное перед «красными», было ничто по сравнению с нацистским движением, которое представляло своей целью уничтожить «Ротфронт». Геббельс быстренько сотворил легенду из этой заурядной митинговой драчки; умение тщательно подобрать героизированную лексику и нужную музыку были результатом его необыкновенной проницательности как пропагандиста.[48] Именно он ввел термин «неизвестный штурмовик», который должен был тронуть сердца немцев, подобно другому словосочетанию — «неизвестный солдат 1914-18 годов», который «день за днем исполнял свой долг, подчиняясь закону, который был ему неизвестен и который он вряд ли понимал». Эта идея была в 1928 году воплощена в предвыборном плакате с силуэтом солдата, павшего в первой мировой войне. «Национал-социалист, или наши жертвы не напрасны». Геббельс понимал, что «не хлебом единым жив человек», что немцы неравнодушны к пафосу и героизму, причем именно они способны тронуть их сердца и гораздо сильнее, чем новые экономические условия. На заре движения в Мюнхене Гитлер намеревался нагнать страху на трусливую, «респектабельную» буржуазию. Буржуа последуют за ними позже, когда военизированная партия покажет, что ей одной под силу сразиться с красными в пивных залах и на улицах. Геббельс теперь использовал те же самые методы. Митинг без потасовки считался неудав-

шимся, потому что к вербальному насилию требовалось небольшое дополнение в виде насилия физического, необходимого для поддержки роста движения. Те, кто задавал слишком много каверзных вопросов, избивались, красные — тоже, разоблачалась «еврейская пресса», да и самому государству бросали вызов. И если небольшая берлинская партия будет запрещена, так пусть будет так. Она проигнорирует этот «фербот», реорганизуется, проведет соответствующую агитационную работу и легализуется снова.

Рупором Геббельса был «Дер Ангриф»*, небольшая газетенка, скорее представлявшая собой некий агитпамфлет, чем журнал. Геббельс прекрасно понимал, какую ценность могут представить призывы и кусачие карикатуры, и чем более они будут вызывающими, тем лучше. Его сотрудничество с художником-карикатуристом Хансом Швейцером («Мьельнир» — его псевдоним) оказалось плодотворным и длительным. Восемнадцати лет от роду, Швейцер уже имел опыт публикаций своих антисемитских карикатур, он был блудным сыном в своем избранном им самим поле деятельности. Геббельс писал Швейцеру: «Лишь вы можете рисовать так».[49] А рисование это было ничем иным, как проникнутым ненавистью призывом к битве: это являлось, безусловно, сильной стороной Швейцера. Сотрудничество Геббельса и Швейцера шло ни шатко ни валко, но, в конце концов, наметился прорыв, который к 1930 году вышел далеко за пределы Большого Берлина. Удачным примером их сотрудничества стала «Книга Исидора», или «Современный портрет со смехом и ненавистью», написанный в 1931 году.[50] Злобный, вызывающе «веселый», недвусмысленный, дешевый и нездоровый юмор свидетельствует о том, что Геббельс вырос в эмоционально тупого, но достаточно умного политического пропагандиста.

Йозеф Геббельс считал себя одним из величайших пропагандистов всех времен. Во время второй мировой войны он выкраивал время для того, чтобы вспомнить о своих достижениях ранних лет. Геббельс приписывал себе четыре заслуги: 1) создание основы национал-социализма в

---

* «Напор» (примечание редактора)

рабочих областях Рейнланда (Рейнской области), предположительно, в качестве соратника отправленного в отставку Штрассера, которого он предал и о котором он в этой связи не упоминает; 2) завоевание Берлина. «Без контроля над Берлином партия так и останется провинциальным движением»; 3) выработка «стиля и техники партийных публичных церемоний»; 4) создание мифа о Гитлере.[51] Второй пункт являлся взглядом Геббельса на самого себя в «эру борьбы». После того, как в 1933 году он стал министром пропаганды, Геббельс так резюмировал свое отношение к этому: «Пропаганда сама по себе не обладает каким-то набором фундаментальных методов. Она имеет одно-единственное предназначение: завоевание масс. И всякий метод, не способствующий его осуществлению, плох... Методы пропаганды проистекают из ежедневной борьбы. Среди нас нет пропагандистов от природы».[52] Далее Геббельс утверждает, что революции делаются не великими писателями, но великими ораторами. Этой фразой он намекал на себя и своих соратников агитаторов в Рейланде и Берлине.

Насколько же далеко ушел Геббельс от времени создания «Михаэля»! Юный романтик превратился в циничного манипулятора людскими умами. Геббельс открыл агитационную злобу черного юмора, и вместе с Швейцером они на полную катушку использовали его особенности среди берлинцев, каковые снискали у немцев репутацию остроумных людей. Пусть пока они не станут голосовать за нацистов, но заметят их обязательно. Как впоследствии писал еще один нацистский журналист Ханс Шварц ван Берк: «Дер Ангриф» напомнил Берлину, как смеяться».[53] А если эта газета и казалась кому-то чересчур уж жестокой, так не было ли это самой «немецкой честностью», что в традициях Мартина Лютера? Когда партия была запрещена в Берлине, ее члены стали расхаживать в экстравагантных, но в то же время смешных одеждах, как на день всех святых. Один журналист из «Ангрифа», Даргоберт Дюрр, вспоминал, что «Ангриф» «эры борьбы», вероятно, обладал особой притягательной силой для каждого больного, которого выпускали на волю из сумасшедшего дома в Виттенау».[54] Но если Геббельс отлично понимал, как именно он должен исполь-

зовать Швейцера, то сумел использовать и всякого рода бродяг, дегенератов, людей, дошедших до ручки, и идеалистов, будь то пролетарии или же представители берлинской буржуазии, которые устремились в партию в 1929-30 годах. Швейцер был склонен идеализировать членов СА, рассматривая их как бездумных фанатиков, чья жестокость была проявлением святого дела защиты немецкой свободы. Это были «борцы за свободу», и коль скоро партия была запрещена (с 1927 года по 1928), то «Дер Ангриф» стал «голосом преследуемых». Геббельс бросил вызов Веймарской республике, призывая на помощь и желание поплакаться, и осмеяние, насилие и ненависть, броские плакаты, бесконечную агитацию и литавры. Никакой другой гау не бурлил так, как столица рейха. Но если Веймар не был в состоянии поддерживать порядок в Берлине, то где же он в таком случае мог? И в бесчисленном множестве немецких городков и городишек, деревень и мелких ферм, в крупных городах представители среднего класса и крестьяне стали удивляться, но не поведению нацистов, а слабости государства. Геббельс не победил Берлин, зато Гитлер победил Германию.

И это была первая победа, которую Геббельс подарил Гитлеру, и которая являлась лишь прелюдией к победе гораздо более крупной, и не просто к победе, а разгрому.

Где-то в конце 1929 года или начале 1930 года (точная дата не установлена) доктор Геббельс, столь известный в Берлине, стал начальником пропагандистского аппарата НСДАП. Он участвовал в жесточайшей по накалу избирательной кампании по выборам в рейхстаг, назначенным на 14 сентября. К тому времени Геббельс уже стал спорной фигурой как внутри партии, так и вне ее. Он находился в постоянной борьбе со своими же собственными институтами СА, в борьбе за политическую власть. Ему все еще требовалось заглаживать вину за предательство своих патронов – братьев Штрассеров. Геббельс, при всей его героической лексике и культуре силы, был, тем не менее, интеллектуалом среди убийц, таинственной мефистофельской фигурой. Один бывший гауляйтер помнит его как «наполовину офранцузившегося ученика иезуитской шко-

лы» и вспоминает его «поверхностную диалектику, латынь и дикцию, остроумие и леденящую иронию».[55] Но даже его враг, Альберт Кребс из Гамбурга, невольно приоткрывает нашему взору несколько иную сторону личности Геббельса в следующем случае. Молодой штурмовик, идеалист, говоря о развратном Рипербане (квартал развлечений в Гамбурге), спросил Геббельса, что будет с этим местом после революции. Геббельс решительно заявил ему, что нацисты выметут его как мусор. Когда он уходил, молодой человек смотрел на «малютку-доктора» восторженными, полными слез глазами.[56] Забытые слова Геббельса, обращенные к какому-то безымянному члену СА, предварили массовый «сексуальный пароксизм», который готов был извергнуться подобно вулкану вскоре после его незабывасмой речи, посвященной «тотальной войне» 18 февраля 1943 года. Его многочисленные враги так никогда и не смогли оценить по достоинству это воззвание, эту власть над эмоциями подчиненных, которую Геббельс сохранил до конца своей жизни. Эрнст Никиш, независимый левый, видел в Геббельсе лишь способность «выскальзывать из пальцев подобно угрю», его «ничтожность», «театральность».[57]

Самой лучшей характеристикой того, чем стал Геббельс за годы политической борьбы, служит его работа в должности берлинского пропагандиста. Его стиль был его сущностью, внутренним содержанием. Объективность ведь не имеет ничего общего с пропагандой, как и пропаганда не имеет ничего общего с истиной. Не основанный на истине выбор, а апелляция к массам являлась ключом к успеху партийной журналистики. Гитлер, вспоминая в 1942 году о начинавшей выходить в Мюнхене «Фелькишер Беобахтер», говорил о том, что «интеллектуал» Альфред Розенберг в годы «эры борьбы» как редактор был никуда не годным. Из-за высокомерно-снисходительного представления о сущности выполняемых функций: «... его отвращение к человечеству лишь возросло, когда он обнаружил, что чем сильнее он понижал интеллектуальный уровень газеты, тем больше увеличивался ее тираж!».[58]

Министр иностранных дел Густав Штреземан, германский националист, но человек умеренных политических

взглядов, так выглядел на страницах «Ангрифа»: ... глазки, аккуратно спрятанные в портьерах из жира, гладкий прямоугольный лоб, увенчанный огромной лысой головой, он стоит посреди своих обожаемых жидов. Это докторишка, ростом с пивную бутылку, карьерист-демократ, стряпчий-выскочка для грязных дел, одичавший горожанин».[59]

Геббельс стремился представить немцев нацией настолько рабской, что она оставляла позади коренное население какой-нибудь самой захолустной африканской колонии. Описывая территории, где в основном преобладали представители еврейской буржуазии и, как правило, никогда евреи-пришельцы из Польши и России (их называли «остюден»), Геббельс намеренно противопоставлял их, этих «спекулянтов и паразитов», страданиям бывших солдат рейхсвера. «Каждому в Германии дозволено высказывать свое мнение: евреям, французам, англичанам, Лиге Наций, этой совести мира, и Бог знает, кому еще, кому угодно, за исключением простого рабочего... Поэтому мы и требуем уничтожения этой эксплуататорской системы!» В августе 1927 года Геббельс писал: «Каждый наносимый нам удар закаляет нас и придает нам сил и дерзости! Мы не сложим оружие!».[60] Первая сентенция отражает источник вдохновения, который предстояло открыть для себя Геббельсу в лице Фридриха Великого и Фридриха Ницше: «То, что не способно разрушить меня, делает меня сильнее», и «Будь благословенно то, что делает тебя крепче!» Вторая сентенция должна была служить призывом к преодолению позора 1918 года, ужаса капитуляции, явившейся для Геббельса и многих представителей его поколения своего рода кастрацией. Эта фраза постоянно муссировались Гитлером и Геббельсом до самого 1945 года, и ни тот, ни другой так и не капитулировали.

А как мастерски Геббельс умел комбинировать черный юмор с идеалистическими воззваниями! Он проклинал «спекулянтов-евреев» и разносчиков сплетен – Бармата, Гольдшмидта, Склярека, соединяя их с теми, кто поддерживал в Германии республику и кого Геббельс называл «шадрес». Это термин происходит от смешно звучащего на иврите сокращения слов из призыва «Все на защиту республики!»,

используемый сторонниками Веймарской республики и охотно ими скандируемый на митингах. Злорадствуя по поводу экономического кризиса, в начале 1930 года, Геббельс называл 1929 год годом «подъема нации» и предрекал в этом году начало революции, называя его «годом бури». Фюрер должен был повести страну потому, что он воплощал «характер, волю, способность и удачу... Лидер обязан уметь все». Геббельс приложил этот афоризм к себе: «Революционер должен уметь все».[61] И действительно, этот «малютка-доктор» умел все: говорить, агитировать, писать, организовывать гау, сломить сопротивление оппортунистов из штурмовых отрядов и направить пропагандистов в национальном масштабе. И среди этой кучи отбросов, в атмосфере морального упадка и социальной деградации Геббельс казался человеком, шагнувшим прямиком из Ренессанса, и его тщеславие наконец-то было если уж не до конца удовлетворительно, то, по крайней мере, хоть частично утихомирено. А как здорово он создавал миф о Гитлере! «Когда говорит Гитлер, вся оппозиция сломлена магическим эффектом его слов. Здесь можно быть или его другом, или его врагом. В этом секрет его могущества: его фанатическая вера в Движение и Германию».[62] «Тайна его силы» – довольно интересная фраза, видимо, относилась к числу тех, которые Геббельс вставил, правда, в слегка измененной форме, в сценарий своего последнего кинематографического детища «Кольберг» (1945). Мистические подъемы силы, поддерживаемые верой, облеченные в сказанное слово и эпические подвиги, – этот идеализм Геббельс вполне мог волочить за собой в национал-социализм.

Нацистский культ смерти и преображения извлекался из многочисленных традиций; некоторые из них относились к эпохе наполеоновских войн, но Йозеф Геббельс сделал самый большой вклад в эту «религию» именно в «эру борьбы». В 1927 году, в канун поминовения павших в первой мировой войне, слова Геббельса прозвучали как зов фанфар во славу ненависти и памяти: «Мы обращаемся в своих помыслах к двум миллионам тех, кто изнемогал в окопах Фландрии и Польши... Наши думы о солдатах германской революции, бросивших свои жизни на алтарь бу-

дущего ради того, чтобы Германия воспряла снова... Воздаяние! Воздаяние! День его грядет.. Мы склоняем наши головы перед вами, мертвыми. Германия начинает пробуждаться в отблесках вашей пролитой крови... Пусть раздастся маршевая поступь коричневых батальонов: за свободу! Солдаты бури! Армия мертвых марширует с вами в будущее!».[63] В последующие годы Геббельс отточил слог и улучшил свою технику, но мысль и те, к кому он обращался, как и то, с чем он обращался, по сути своей, оставались неизменными до самого конца, наступившего в Берлине почти через восемнадцать лет.

Геббельс был в авангарде тех нацистов, которые превращали эти символы в своего рода эмоциональный оплодотворитель движения. Когда в 1927 году семь сотен членов маленькой берлинской партии организовали поход на Нюрнберг на свой съезд, гауляйтер писал о священном знамени, которое развевалось перед ними во время их марша, когда они шествовали перед фюрером. Берлинский контингент маршировал первым потому, что уже снискал славу героев в побоищах в пивных залах, где происходили митинги. Проза Геббельса в этот период по-прежнему носила налет подросткового пафоса и энтузиазма. К 1928-30 годам стиль повзрослевшей прозы Геббельса стал более сдержанным и дисциплинированным. Никто не мог создавать мучеников при помощи слов так, как это умел делать Геббельс. В 1928 году отмечалась дата, посвященная «павшему мученической смертью» нацисту Кютемайеру, убитому красными во время очередной стычки (так это представлял Геббельс). «Эта смерть, этот человек, который погиб, тоже имел право потребовать».[64]

Геббельс набросился на газеты, которые утверждали, что Кютемайер либо утонул, либо скончался по причине пьянства, либо покончил жизнь самоубийством, а может, погиб в результате транспортного происшествия. Когда Геббельс чуял запах крови потенциального мученика, объективность становилась для него пустым звуком, а покойный – боевым кличем, призывом к героизму и отмщению. «Мертвые зовут нас к действию!» – так он восклицал по поводу другого, гораздо более известного «мученика» –

Хорста Весселя. Принцип товарищества в рядах штурмовых отрядов (СА) был «живительной силой движения», живым присутствием Идеи. Кровь жертвы-мученика питала живое тело партии. Когда в начале 1930 года Хорст Вессель, вечный студент и человек без определенных занятий, написавший слова к нацистскому гимну «Выше знамена!», погиб насильственной смертью, в словах Геббельса зазвучали траур по герою и эмоциональный салют, продемонстрировавшие блеск его методики организации траурных церемоний. Он заставил Весселя погибнуть с умиротворенной улыбкой на устах, человеком, верившим в победу национал-социализма до последнего вздоха, «... навсегда остававшегося с нами в наших рядах... Его песня обессмертила его! Ради этого он жил, ради этого он отдал свою жизнь. Странник меж двух миров, днем вчерашним и днем завтрашним, так было и так будет. Солдат немецкой нации!»[65] Геббельс увековечил память Весселя, убитого красными; на деле же его смерть больше походила на последствия свары, возникшей в результате столкновения с другим таким же подонком из-за проститутки. Очень возможно, что в последние недели жизни Вессель и вовсе собирался отдалиться от партии. Но все это не играло никакой роли: Геббельс знал, что от него требовалось, и действовал, как полагалось.

Многое из агитационной деятельности Геббельса было продиктовано желанием примириться со своим собственным прошлым, с одной стороны, и политическим контекстом периода его деятельности, с другой. А прошлое Геббельса было «радикальным», начиная с дней содружества с Ричардом Флисгесом и вплоть до сотрудничества с Грегором и Отто Штрассерами в период с 1919 по 1925 годы. Его левацкие замашки были не более чем проявлением отвращения к мелкой буржуазии и абстрактной идеализацией «рабочего», нежели конкретным марксистским подходом к окружающему миру. Геббельс не выносил «реакционеров» и консерваторов, стабильную буржуазию. Дома он ощущал нападки прусских реакционеров и от души приветствовал строку из «Хорста Весселя», воспевавшую мученичество «товарища, павшего от рук Ротфронта и реакции». Геббельс в 1929 году верил в то, что «идолы и иллюзии» буржуазно-

республиканской Германии уничтожены. Этот распад он наблюдал с ликованием, ибо именно из этого распада должен возникнуть «Третий рейх». Геббельс обвинял националистические настроенную буржуазию в том, что она повинна в поражении Германии, ибо этот класс демонстрировал свой патриотизм лишь для того, чтобы скрыть свою основную и главную страсть – наживу. Он писал: «Мы – барабанщики, а они – политики. Мы составляем авангард, а они плетутся в обозе... Революционная идея... не потерпит компромиссов».[66]

Геббельсу был не по нутру тактический альянс Гитлера с националистами, который имел место, главным образом, между концом 1929 года и началом 1933 года. Так, у него не было стройной идеологической модели, он, тем не менее, мог какое-то время просуществовать и с этим оппортунизмом, лишь меняя его окраску. Теперь же он заводит речь об объединенной «Национальной оппозиции», будто он никогда не бросался в атаку на реакционеров, превознося Гитлера после 1926 года, будто он никогда не атаковал и его как «мелкобуржуазного предателя социализма». Геббельс сохранял душок старого, прежнего «радикализма» потому, что это гармонировало с чувством обиды и его ролью крепкого парня на улицах Берлина периода Веймарской республики. Но он не был идеологом, как Альфред Розенберг, который пережил настоящий душевный кризис после того, как в 1939 году был подписан пакт между Гитлером и Сталиным. Геббельса нельзя было назвать человеком думающим, думающим постоянно, его мировоззрение зависело от настроений и разочарований и, следовательно, было фрагментарным. Он никогда не пытался выйти за пределы самого себя и использовать свой собственный разум для создания нового мировоззрения или идеологии, которая могла бы трансформировать это мировоззрение в силу, способную изменить мир в историческом смысле.

В течение последних лет, предшествующих «приходу к власти», Геббельс тесно сотрудничал с Адольфом Гитлером, занимаясь вопросами национальной пропаганды. Теперь партия уже могла быть названа национальной. Вслед за

экономикой Веймарской республики рухнула и республиканская политическая система. Но рост нацистского движения не оттеснил Гитлера в тень, вопреки надеждам некоторых консерваторов. Геббельс занимался теперь тем, что впоследствии он назовет мифом о Гитлере. Пропаганда Геббельса являлась связующим звеном между общественным имиджем Гитлера и широкими массами. Альберт Шпеер позднее вспоминал о реакции на Гитлера до и после нацистского триумфа: «Три часа спустя я вышел из этого пивного зала на открытый воздух совершенно другим человеком. Я видел те же грязные плакаты на рекламных тумбах, но смотрел на них уже другими глазами. Гипертрофированная фигура Гитлера и его воинственная поза, которую я еще по пути сюда воспринимал с оттенком комизма, вдруг враз утратила всю свою прежнюю комичность».[67] В построении мифа о Гитлере Геббельс утолял свою собственную жажду веры. Во время войны он с видимым удовольствием цитировал слова адъютанта Гитлера, Шмундта: «... величайшее счастье, которое вообще суждено пережить, именно в том и состоит, чтобы служить гению».[68]

В мае 1942 года Геббельс отмечал: «Генерал-оберст Шерф прислал мне выборку цитат великих немцев о природе гения... Если кратко резюмировать их, они близки к тому, чтобы произвести впечатление на читающего их, сравнимое с апофеозом фюрера».[69]

Став шефом пропаганды, Геббельс стал чаще обращаться к рабочим, задним числом он пытался насадить корни национал-социализма в славное прусское прошлое. Гитлер был и оставался ключевой фигурой во всей деятельности Геббельса, потому что он собирал воедино нелепую машину из чувств, импульсов и отвращений, которую представляла собой нацистская пропаганда. «Гитлер покорил Германию», – да ведь это в самую точку! В течение всего лишь дня Гитлер посещает несколько городов, повсюду десятки и сотни тысяч одних и тех же плакатов. «Ангриф» пестрит аршинными заголовками, штурмовики против красных – и всем этим дирижирует руководитель имперской пропаганды – Йозеф Геббельс. И если авторитет Геббельса рос, то это происходило лишь благодаря Гитлеру. В апреле

1932 года он так выразился о фюрере: «Для настоящего политика нация – это то же самое, что для скульптора кусок мрамора».[70] Кто-то может сказать, что Гитлер и Геббельс имели дело отнюдь не с мрамором, а скорее с жидкой глиной, но Геббельс удачно способствовал становлению и развитию имиджа Гитлера, сплачивая разобщенных людей для создания нации, вдохновленной собственным величием и волей. Имидж Гитлера, создаваемый Геббельсом, не ограничивался одним лишь героическим аспектом его личности. Портрет фюрера его работы представлял собой попурри из всего на свете. Студентам и интеллектуалам он представлял Гитлера в качестве художника и архитектора, оторванного от своей учебы в 1914 году необходимостью служить нации. Для особ сентиментальных у Геббельса имелся Гитлер, который питал любовь к детям. Рабочим он подавал Гитлера-рабочего. Перед ветеранами Гитлер представлялся в образе Неизвестного солдата первой мировой войны. Возникает вопрос, а откуда же в 1932-33 годах брались деньги на всю эту пропаганду? И Геббельс, и Гитлер были людьми чрезвычайно уязвимыми в случае всякого рода возможных расследований в этом направлении, но и с этой проблемой Геббельс расправлялся, как всегда, мастерски. Он лгал. 9 июня 1932 года он торжественно заявил: «Мы не получаем никаких средств ни от банков, ни от фондовых бирж, ни от богатеев. Как партия рабочих, мы вынуждены финансировать себя сами».[71] Геббельсу было хорошо известно, что за пять месяцев до этого заявления в чемоданы партии стали поступать солидные суммы именно из богатых источников.

К 1932 году Геббельс возомнил себя великим оратором. Он обратился уже не к сотне или двум клакеров в пивных залах, теперь в берлинском парке «Люстгартен» ему внимали десятки тысяч. Медоточивый голос, аргументированные осуждения некомпетентного правительства, иронические или «диалектические» повороты фраз, воззвания к идеализму и героизму – все эти характеристики сделали Йозефа Геббельса вторым оратором в нацистской иерархии. Его голос не дрожал, как у Гитлера, он не оставлял аудиторов в состоянии экстатического изнурения, но всегда достигал

своей цели. За годы, предшествовавшие «приходу к власти», Геббельс приобрел еще один навык. Он так искусно манипулировал германской историей, что ему удавалось вызывать глубокий отклик в сердцах немцев, жаждущих общности со своим национальным наследием. И дело было не в том, что Геббельс знал немецкую историю очень уж глубоко, он ее вообще не знал. Скорее всего, он просто интуитивно чувствовал значение символики прошлого, символики, пробуждающей героические мифы. Играть на этой символике он начал в 1930 году, и к 1944 году оркестровка исторического мифа достигла крещендо. К 1932 году Геббельс говорил своей аудитории, что нацисты апеллировали к народу с призывом к новой войне за освобождение, к народному восстанию. Он цитировал Теодора Кернера, великого германского поэта периода войн против Наполеона: «Нация поднимается, буря грядет!»[72] Эти образы пробуждали к жизни картины битвы против французов и способствовали проявлению национального самосознания у современных немцев. Геббельс очень умно ставил эти символы рядом с ничтожностью и нуждой дня сегодняшнего: «четырнадцать лет обмана, голода, иностранного гнета, годы обмана мерзкой буржуазией, реакционными политиками, ненасытными марксистами и евреями». Он запоем читал литературные произведения времен «освобождения».

Йозеф Геббельс примирился с альянсом Гитлера и кругов реакционных националистов, но такое положение ему было не по душе. Когда перед выборами в ноябре 1932 года коалиция нацистов и националистов на время распалась, Геббельс вернулся к традиционно-благожелательному отношению к Альфреду Гугенбергу и Германской национальной народной партии ДНВП. Разрыв этот стоил нацистам голосов и помог националистам и коммунистам. 6 ноября Геббельс записал: «Реакционное правительство – это всегда первопроходчик большевизма».[73] Когда депутат рейхстага, националист Шмидт Ганновер, защищал консервативную националистическую политику, Геббельс на страницах журнала «Нойс Вельт» выступил с нападками на националистов. Он доказывал, что ДНВП является частью веймарской системы и что она находилась у власти в период с 1925 по

1927 годы. Геббельс защищал национал-социализм от элитарных националистов, обвинявших его в том, что нацисты апеллировали к большинству при помощи плакатов и «оглушительной, как на базаре» пропагандистской шумихи. «Ясно видно, – утверждал он, – что мы желаем завоевать большинство избирателей, но не только это, мы имеем намерение завоевать всю германскую нацию».[74] Геббельс лгал, когда отвечал на следующие выражения националистов. Шмидт Ганновер желал знать, откуда к нацистам приходили деньги; Геббельс отвечал ему, что они поступали от простых, небогатых членов СА и СС. Геббельс язвительно атаковал германских националистов за то, что в 1924 году они позволили их министру юстиции посадить Адольфа Гитлера в тюрьму. Затем Геббельс перешел к другому обвинению, исходящему от националистов – теперь они стали обычной легальной партией. «В последние годы на нас набрасывались за то, что мы партия нелегальная. Теперь положение вещей изменилось, и нас критикуют за то, что мы легальны. В прошлом они желали нашей легальности, потому что думали, что в таком положении мы никогда не придем к власти, а сегодня хотят, чтобы мы были нелегалами, потому что думают, что если мы таковыми будем, то нас можно будет просто исключить из игры».[75]

Последняя фраза может служить хорошим примером способности Геббельса играть словами и показывает его диалектику в действии. Когда «Гарцбургский фронт», или коалиция нацистов и националистов распалась, Геббельс вплотную подошел к тому, чтобы броситься в атаку на тактический альянс Гитлера с националистами. Он доказывал, что нацисты боролись за право бедняков и что «любая асоциальная, реакционная политика всегда предполагает сохранение большевизма».[76] Геббельс верил, что нацисты – единственная группа националистов, способная объединить патриотов Германии. Он сравнивал объединение германского национализма Гитлером с объединением германских удельных княжеств Бисмарком. Использование Бисмарка, в этой связи, было рассчитанным ударом, потому что именно националисты считали его своей собственностью. Геббельс настойчиво повторял слова Гитлера о

том, что крах 1918 года был в большой степени результатом как провала правых, так и левых, ибо антисоциальная политика консерваторов привела к классовой борьбе и социальному распаду. Изворотливость Геббельса сработала и тогда, когда он отрицал возражения националистов, приводивших в качестве аргумента, что у нацистов нет «голов», нет настоящих, закаленных в борьбе умов, и посему они не смогут управлять страной. Геббельс же утверждал, что они и без этих «умов» и «голов» все же создали действительно массовое движение, в то время как националисты, которые, по всей вероятности, обладали такими талантами, выродились в малочисленную партию! Геббельс пользовался одной из фраз из своего романа «Михаэль» с целью разъяснения призыва национал-социализма: это была группа лиц, объединенная верой, и история о том, как они смогли выжить на первой стадии, будучи тогда «маленькой, странненькой, подвергающейся постоянным нападкам, преследуемой сектой». Такая партия не могла поддержать канцлера-консерватора, Франца фон Папена, из-за фразы: «Мы видим в нем канцлера без нации». Геббельс сумел ввернуть своих излюбленных жертв в эффектный ответ. «Эти люди боролись и страдали. Мы похоронили двадцать шесть членов СА в Берлине. А где те мертвые, которые могли бы свидетельствовать в вашу пользу?.. Где кровавое свидетельство в пользу вашей партии? И затем последовало завершающее оскорбление в адрес ориентированных на монархизм националистов: «У вас имелась возможность вступиться за императорскую корону... так вы не только не защитили ее, вы сделали кайзера единственным немцем, который не имел права вернуться в Германию».[77] Геббельс, которому реакционный монархизм внушал отвращение, использовал один из своих самых что ни на есть циничных навыков, в чем был непревзойденным мастером. Он обвинял своих врагов в нежелании жить ради идеалов, в которые они якобы верили, идеалов, которые были для Геббельса костью в горле. Социал-демократов он укорял за то, что они в недостаточной степени марксисты, а немецкую католическую церковь — за то, что она на самом деле не христианская. При этом он сам не был ни марксистом, ни христианином.

Главными источниками пропагандистских уловок Геббельса во время веймарского периода были Адольф Гитлер и повседневная ситуация в Большом Берлине и рейхе. Но все же в период между 1928 и 1933 годами Геббельс приобрел кое-какие знания по истории и теории пропаганды и сумел, как подобало, воспользоваться этой информацией. Основой его теории стала работа «Толпа» французского социолога конца XIX столетия, Густава ле Бона, которая произвела на Геббельса неизгладимое впечатление. Он обожал ле Бона до конца своей жизни. Одним из адъютантов министра пропаганды было отражено в его дневниках периода второй мировой войны следующее: «Геббельс считает, что никто другой, кроме как француз ле Бон, не понимал так хорошо психологию масс».[78] Ле Бон был человеком элитарного склада, для которого характерно едва прикрытое отвращение к массе, но он верил в необходимость демократии для широких масс и пытался доказать это посредством изучения мотивации поведения толпы.[79] Непредубежденные, иронические взгляды ле Бона на толпу очень занимали Геббельса, равно как и его глубокий, серьезный взгляд на способность манипулировать массами. Он писал: «Субститут бессознательного действия толпы сознательной активностью отдельного индивидуума – одна из принципиальных характеристик нашего столетия... Люди движимы идеями, сантиментами и обычаями... толпа представляет собой единую, низшую ступень ментальности... Та часть, которую занимает в наших действиях бессознательное, неизмеримо велика, а сознательное – весьма мало». Геббельс сочетал в себе отвращение к массам, типичное для ле Бона со своим собственным восхищением возможностью манипулировать людьми. Ле Бон утверждал: «Толпа сильна лишь в разрушении. Ее правила тождественны тем, которые типичны для варварства». Эти слова ле Бона явились пророческими в отношении правил, которыми пользовались нацисты, хотя ни Гитлер, ни Геббельс никогда не признавали этот факт.

Ле Бон доказывал, что удачливые политики обладают «инстинктивным и часто безошибочным чутьем относительно характера толпы, и именно точное знание ее характера и позволяет им продемонстрировать свое мастерство».

Толпа заставляет «нормальных людей» совершать поступки, характерные для дикарей: Геббельс понимал это даже лучше ле Бона, и идеалистические воззвания к жертвоприношению и борьбе производили на германскую нацию огромное впечатление вплоть до 1945 года. Ле Бон утверждал: «Толпа мыслит образами, а сам образ немедленно вызывает в памяти серию других образов, которые с первым не имеют никакой связи... Толпа вряд ли способна отличать субъективное от объективного. Люди воспринимают лишь реальные образы, разбуженные их сознанием, хотя чаще всего они имеют лишь весьма отдаленное отношение к наблюдаемому факту». Геббельс верил в правильность этих истин и использовал их на протяжении своей политической карьеры. Толпа или даже вся нация в целом – которая, собственно, и была безбрежной толпой, которая теперь имела возможность услышать его по радио, прочитать его слова в газетах и увидеть его на экранах кинотеатров – и соответствующим образом воспринять символы, разбуженные величием прошлого или же злобными заговорами настоящего. Как писал Гитлер в «Майн кампф»: «Вся пропаганда должна быть популярной, и ее интеллектуальный уровень должен быть приспособлен к тому уровню, каковым обладает большинство тех, кому эта пропаганда адресована. Следовательно, чем для большей массы она предназначена, тем ниже должен быть ее чисто интеллектуальный уровень... Люди в подавляющем большинстве весьма феминистичны по своей натуре и отношении к действительности, и трезвые рассуждения определяют их мысли и поступки в намного меньшей степени, чем эмоции и чувства».[80] Идеализация абстрактного «народа» у Геббельса и Гитлера являла собой компенсацию презрения к массам, олицетворявшим нацию.

Когда Геббельс манипулировал символами германской истории, он отдавал должное истине следующего изречения ле Бона: «Даже не является необходимостью то, что герои должны быть отделены от нас прошедшими столетиями для того, чтобы их легенда смогла быть трансформирована воображением толпы. Трансформация обычно может произойти и в течение нескольких лет». Геббельс помо-

гал созданию мифа о нацистской «эре борьбы» в течение десяти последних лет этого периода в немецкой истории. Толпа была бесконечно впечатлительна, «как женщина», размышлял ле Бон, и «оратор, который желает растрогать толпу, должен использовать, в случае необходимости, заведомо неправильные утверждения, как бы оскорбительно они не звучали». Ле Бон блестяще анализировал консерватизм толпы, ее боязнь перемен. Вырванные из привычного уклада жизни, дезориентированные массы немецкого народа были воском в руках Геббельса. Толпу легче всего завоевать путем апелляции к ее коллективному идеализму. Ле Бон утверждал: «Личные интересы весьма редко выступают в роли побудительных мотивов, если речь идет о толпе, в то время как в случае с отдельно взятым индивидуумом этот мотив – решающий». Геббельсу все это было хорошо известно, но он обладал качеством, которое отвергало национал-социализм, во всяком случае, теоретически – критический ум. Это сделало из него мастера в манипулировании толпами, поскольку толпа, в соответствии с утверждениями Ле Бона, демонстрирует «абсолютное отсутствие критического духа». В этом смысле ораторские навыки Геббельса разнились по своему эффекту от речей Адольфа Гитлера. Гитлер оставлял аудиторию в состоянии неистовства, но если читать его речи, то можно убедиться в справедливости ле Бона: «Иногда поражаешься, насколько же бывают убоги речи, если их читаешь, и насколько колоссальным воздействием обладают они в тех случаях, если их слушают». Многие речи Геббельса, в противовес этому утверждению, вполне могут восприниматься и в том случае, если их читаешь, поскольку обладают определенным интеллектуальным содержанием.

Ле Бон говорил, что «... подобно насекомому, которое ищет свет, они инстинктивно поворачиваются к тем ораторам, которые говорят то, о чем они желают услышать... Кто питает их иллюзиями, тот и будет их хозяином, а тот, кто пытается эти иллюзии развеять, всегда становится их жертвой». Радикализм ле Бона апеллировал к Геббельсу, и тот соглашался с радикализмом этого француза, утверждавшего, что «каждая раса несет в своей ментальной конституции закон своей судьбы...» Геббельс проявил себя плагиатором,

используя большое число символов германского прошлого в своих воззваниях «эры борьбы» и в последние годы войны: честь, самопожертвование, вера, готовность к битве, любовь к отечеству. По ле Бону: «Не вследствие разума, а часто вопреки ему создаются такие чувства, которые являются побудительными мотивами всей цивилизации – чувство чести, готовность к самопожертвованию, религиозная вера, патриотизм и любовь к славе». Самым замечательным в трактатах ле Бона были его исследования мастеров управления толпой. Иногда даже кажется, что некоторые из описаний просто предназначены для Адольфа Гитлера: «Лидер часто начинал с того, что сам был ведомым. Ему и самому случалось быть загипнотизированным какой-либо идеей, апостолом которой он стал». Лидеры «рекрутируются исключительно из рядов тех болезненно нервозных, экзальтированных, наполовину душевнобольных личностей, балансирующих на грани психической нормальности... Презрение и гонение не задевают их, ибо служат для того, чтобы оказаться дополнительным стимулом для них... А наделить такого человека верой, значит сделать его в десятки раз сильнее». Когда Геббельс читал ле Бона, он видел перед собой Адольфа Гитлера, того Гитлера, который любил утверждать: «Тот, кто имеет веру в свое сердце, обладает самой большой силой в мире». И вера Геббельса в Гитлера подтвердилась после 1926 года, и он привил эту веру германскому народу. Он стал провозвестником избавления и в процессе обожествления Гитлера постоянно превозносил его «человеческие» качества. Как он научился у ле Бона: «Боги и люди, кто сохранил престиж, никогда не терпели дискуссий от толпы, чтобы она их обожала, они должны быть дистанцированы».

В 1928 году гауляйтер Йозеф Геббельс произнес речь с претензионным названием «Знания и пропаганда».[81] Оратор рассказывал о том, чему он научился в области пропаганды за время работы в Берлине и что он вычитал из соответствующей литературы. Геббельс начал со вступления, пояснявшего, что цель пропаганды – политический успех, а не интеллектуальные глубины. Роль пропаганды состояла в том, чтобы суметь выразить словесно то, что

аудитория чувствуст в своих сердцах. Пропагандист должен ощущать всеобщность идеи национал-социализма в каждом аспекте своего осознания ее. Его сокровенным желанием должно стать умение донести эту идею до слушателей. Партийная организация необходима для обеспечения победы идеи. Геббельс заявил, что в 1913 году радикалисты имели лучшую идею, но победу одержали марксисты, ибо были лучше организованы. Геббельс не сомневался, что обладание властью давало партии или идее право эту власть использовать. При помощи пресловутой «иезуитской», или «французской», или «латинской» логики, которую так часто вменяли ему в вину его недруги, Геббельс высмеивал марксистов за то, что они эту силу не использовали, и атаковал своих обвинителей в берлинской полиции не за то, что те ему досаждали, а за то, что при этом называли себя демократами! «В политике главную роль играет власть, а не мораль и справедливость», – утверждал Геббельс. Он рассматривал пропаганду как искусство прагматики, средство к достижению цели, борьбу за еще большую власть, за власть над миром. Поскольку и методы, и ситуация меняются, пропагандист обязан быть писателем и организатором, и оратором. Он должен уметь обращаться к «широким массам образованных людей» так же, как и к «маленькому человеку». Пропаганда тоталитарной партии несет в себе евангелистическую миссию: «Никто не желает погибать во имя восьмичасового рабочего дня. Но кто-то может умереть за то, чтобы Германия принадлежала своему народу». Идеализм и прагматизм были ключевыми моментами геббельсовской концепции пропаганды в период существования Веймарской республики. И солидная доза цинизма впридачу: «Пока наша пропаганда не ведет к запрету со стороны еврейского полицай-президиума, она неправильна, поскольку неопасна. Это (постановление о роспуске) лучшее доказательство тому, что мы представляем опасность».

Геббельс пользовался фразами Гитлера об устном слове как ключе к революционным движениям прошлого. Составляя список революционеров-пропагандистов, Геббельс поднимал некоторые имена, вычитанные им у ле Бона, и, кроме того, добавлял в него кое-что и от себя: Христос,

Мохаммед, Будда, Заратустра, Робеспьер, Дантон, Муссолини, Ленин, Наполеон, Цезарь, Александр. Все перечисленные сочетали в себе огромные способности ораторов с революционными идеями и блестящим организаторским талантом. Геббельс, вероятно, мог считаться и организатором, и оратором, но ведь саму идею создал Гитлер.

«Малютка-доктор» мог продвигать революцию Гитлера, а вот свою собственную создать ему было не под силу. Как позже писал Альберт Кребс, человек, знавший Геббельса в период Веймара: «Геббельс обладал неимоверно острым чутьем на те силы и, в той же мере, громадные способности обращаться к ним, причем в полной мере сознавая в себе их наличие и умел приводить их в движение посредством слов. Но так как он, по моему мнению, сильно страдал от недостатка элементарных жизненных сил, то не был в состоянии определить цели и задачи для себя. Напротив, он сам нуждался в силах других для того, чтобы быть самим собой».[82]

... нуждался в силах других ...» Идеологическая пропаганда Геббельса во всех ее аспектах всегда содержала одну тему: евреи должны ответить за все плохое, за все ошибки и просчеты. Йозеф Геббельс открыто хвастался уничтожением евреев в Европе в период второй мировой войны. Он был именно тем человеком, на котором лежала ответственность за «хрустальную ночь» – погромы ноября 1938 года. И Гитлер, и Геббельс с вожделением взирали на то, что происходило на берлинских улицах, где третировали евреев. И все же Геббельс был самым «евреем» из всех нацистских лидеров, если пользоваться терминологией и методикой определения еврейской крови, принятой национал-социалистами. Физически он был ущербен. Инвалид, он обладал острым, язвительно-насмешливым умом, мастер по части плетения интриг и заговоров: «левантиец» – рационалист (Розенберг). Один из подчиненных Геббельса писал: «Можно заметить, что критицизм составляет основу его натуры».[83] Шокирующие антисемитские и антивеймарские статьи содержали черный юмор и сатирические реминисценции с Ленни Брюсом, отсюда можно заключить, что он сам был евреем. Геббельс общался и обращался в среде

еврейских издателей в Берлине, и, по крайней мере, с одним евреем они были однокашниками в Гейдельберге. Однажды он чуть было не женился на девушке, которая наполовину была еврейкой. Он был единственным из нацистских лидеров, который постоянно ввертывал еврейские словечки.[84] Он завидовал чувству юмора, характерному для евреев, которым частично обладал и сам. В своих частных беседах он наполовину цитировал избранные места из своих спичей, источавших антисемитизм. Он был способен при разносе своих подчиненных сказать, что даже евреи лучше бы справились с тем или иным делом, если бы он только мог заменить их евреями. В качестве типичного примера беспредельной еврейской наглости он приводил большевизм и высмеивал гоя, который считал, что его еврей был человеком достойным, даже если остальные евреи могли быть плохими. Полушутя-полусерьезно Геббельс часто употреблял словечки из идиш или иврита. Он заявлял, что зять Черчилля был одним из «пархатых».

Нет свидетельств тому, что Пауль Йозеф Геббельс вырос в доме, где царил антисемитизм. Будучи студентом после первой мировой войны, он жил в антисемитском окружении, где он, без сомнения, мог слышать или может даже прочесть «Протоколы сыновей Сиона»* и наблюдать ту волну антисемитизма, которая прокатилась по Германии в 1918-20 годах. К 1927 году травля и ненависть к евреям стали, казалось, главным делом его жизни. Что же произошло за предыдущие годы? Геббельс повстречался с Гитлером и подделался под него, переняв и заострив его антисемитизм. Эта антисемитская жилка всегда проявлялась сильнее в мюнхенской партии, нежели в северо-германском крыле Штрассера, и когда Геббельс перебежал к Гитлеру, он решил компенсировать свои прежние антигитлеровские выпады, целиком отдавшись величайшей одержимости Гитлера – борьбе против еврейства. Несколькими годами позже он даже дошел до того, что на каждом углу кричал, что мать Штрассера была еврейкой. Геббельс никогда не забывал унижения, которые ему доставила «еврей-

---

* Протоколы сионских мудрецов (прим. ред.)

ская пресса» Берлина, города с относительно большим еврейским населением среднего класса, но где хватало и бедняков-евреев, эмигрантов последних лет с Востока. Знаменательно то, что Геббельс не очень-то останавливался в своих нападках на этих «чужаках», а скорее на преуспевающей германско-еврейской буржуазии. Он ненавидел еврейскую буржуазию, потому что она олицетворяла либеральные буржуазные ценности, и их «еврейскую прессу», которая отринула его литературные и журналистские опыты. Что касалось психического склада, Геббельс вряд ли представлял собою «арийца». Более того, его интеллект наводил на разные мысли в партии, для которой отсутствие докторов философии (во всяком случае, в 1928 году) являлось нормальным явлением, и его аналитический склад ума характеризовался как «иезуитский», или «еврейский», или «картезианский». Геббельс – маленький человечек с большой головой, спроецировал все эти упомянутые качества на евреев и, тем самым, садистски очистился от всех этих нечистот. Он высмеивал евреев, обладавших чувством юмора, которые могли напоминать еврейского комедианта на сцене, осыпающего публику непристойными остротами. За таким оскорбительным юмором обычно спасается идеалист, человек, который от раздражения высмеивает мир и его тупость, потому что мир не дорос до его прекрасных идеалов...

Во многих отношениях Геббельс представлял собой эмоционально незрелое существо. Норман Кон сказал следующее о таком типе людей: «Беда состоит в том, что многие люди, которые так и не перестали быть маленькими мальчиками, в своей эмоциональной жизни продолжают усматривать... вокруг себя монстров, воплощенных в других человеческих существах».[85] Жан-Поль Сартр считал, что антисемитизм – это страсть тех, кто «боится рассуждений». Он распространен среди тех, кто ищет то, что уже имеет, кто не желает становиться чем-то или кем-то другим, нежели уже стал. Это феномен среднего класса, по своей натуре он носит урбанистический характер, относится к тому монументальному типу, который видит события скорее как результат мелких интрижек, нежели как продукт коллективных социальных изменений. И все же удивляешся

тому, что Геббельс действительно видел в евреях монстров, рассматривал их как чудовища. Его цинизм и желание доказать Адольфу Гитлеру свою любовь к нему играли в его формировании как ненавистника евреев гораздо большую роль, чем его недозрелая эмоциональная раскраска. Желание Геббельса поверить во что бы то ни было являлось продолжением его ранних фантазий и идей и посему было «подростковым», но его желание «кусать» евреев было и политическим оппортунизмом, и доказательством любви к фюреру, который полностью состоял из убийственной ненависти. Геббельс ненавидел евреев как «рационалистов», потому что, будучи демагогом и агитатором, он бойко торганул своей собственной рассудительностью. Геббельс не «боялся рассуждений», но еще студентом и журналистом его отвергли, и он решил прекратить все и всякие интеллектуальные искания и отказался от любой терпимости, даже в самом скромном смысле этого слова, терпимости, которая могла еще существовать до 1919 года. В его собственной жизни, где так много было предоставлено случайностям, вроде несчастья, вызвавшего деформацию его ноги, Геббельс был склонен видеть поворот судьбы, равнозначный мерзкой неотвратимости того, что евреи причинили страдания Германии,[86] и смертоносная бацилла может быть изничтожена лишь радикальными средствами. Глядя на свою искалеченную ногу, он видел вместо нее евреев, и периодические взрывы нигилизма у Геббельса, его ненависть к жизни являли собой отражение перекореженной личной судьбы.

В то же время, ненависть Геббельса к евреям тщательно выверялась. В подражании Гитлеру переделалась и роль евреев в его личной судьбе и судьбе Германии и Европы. Годы практики антисемитизма привели к возникновению Геббельса, для которого антисемитизм был своего рода экзистенциальной сущностью. Но Геббельс как был, так и остался человеком с бдительным, расчетливым, приспособленческим умом. И если его что-то устраивало в том или ином случае, он мог возвысить до небес какого-нибудь зарубежного корреспондента или раздобыть разрешение на выезд из страны для какой-нибудь еврейки.[87] Карьера Геббельса как антисемита, может быть представлена в наборе его пропа-

гандистских методов. Они включали злобную сатиру, концентрацию на отдельных личностях, выбранных в качестве символа еврейства, обвинение евреев во всем плохом, неправильном, что имело место в Германии. Объектом особой ненависти Геббельса был Бернгард Вайс, полицай-президент Большого Берлина, немецкий патриот и весьма компетентный криминалист, которого «малютка-доктор» выставил в роли еврея «Исидора», полную самомнения, смешную фигурку, которая должна была служить для защиты сомнительных дельцов-евреев от наказания и всячески досаждавшая националистически настроенным нацистам. Циник-Геббельс, вспоминая об этой кампании годы спустя, со всей серьезностью признавал, что выбрал именно Вайса в качестве объекта для своих нападок просто потому, что над ним не составляло труда поиздеваться. Таков был ответ Геббельса тем, кто вопрошал в недоумении: «Почему вы выбрали именно Вайса, он порядочный малый и воевал в первую мировую?»

Когда Вайс и те, кто его поддерживал, ответили на нападки Геббельса, Геббельс нанес контрудар, удачно использовав эффект сатирической метафоры. Он превратил Вайса в Зайца, поселил его в Китае и поместил его портрет в виде создания, которое приходило в ярость оттого, что его называли Зайцем, поскольку оно изменило имя, стало звться Викиучу и отрастило себе китайскую косицу.[88] В другом сатирическом произведении Геббельс превратил Вайса во Фридолина, который, по его словам, «играл роль в этой республике». Но люди, когда встречают Фридолина Макса на улице, говорят ему: «Ты выглядишь так, как некто, кого зовут Макс. Что же мне теперь делать, если твой отец не позаботился о том, чтобы дать тебе подходящее имя». И продолжают: «Почему полицай-президент Берлина, доктор Бернгард Вайс потащил нас в суд только за то, что мы назвали его Исидор? Он думает, что это имя ему не подходит? Потому что Исидор выдает в нем еврея? А что, разве быть евреем – заразно?» Геббельс выпустил множество изображений Вайса в виде «германского гражданина иудейского вероисповедания и наружности», добавляя последнее слово в качестве пародии на то, как гордо именуют себя очень многие немецкие евреи. Когда Вайс обратился в суд с

жалобой на то, что нацисты обзывают его евреем, Геббельс ответил на это, что сам он бы очень гордился тем, что его величают немцем, если кому-то пришло бы в голову «обвинить» его в этом.

Геббельс заявлял в 1929 году следующее: «Евреи обладают определенной стойкостью по отношению ко всякого рода словесным оскорблениям: подонок, паразит, жулик, обманщик, мошенник – с него, как с гуся вода. Но назовите его евреем, и вы с изумлением заметите, что задели его за обнаженный нерв. Тогда еврей сморщивается и становится маленьким-маленьким: вот меня и раскрыли».[89]

Геббельс приписывает евреям желание переложить свои негативные качества на своих врагов. Поэтому-то они и превратили нацистов в лгунов, провокаторов и террористов. Он перекладывал на евреев свои навыки политических игр, клеймо умного цинизма. В конце концов он пришел к тому, что сам поверил в этот вздор, который был продуктом его собственного приспособленчества и личного несчастья. Цитируя Муссолини (вне контекста), Геббельс заявлял, что борьба против евреев – мера социальной гигиены, борьба с инфекцией.[90] Эта метафора была у Гитлера одной из самых излюбленных, и Геббельс тоже от случая к случаю пользовался ею вплоть до конца войны. Геббельс также навесил на евреев ярлык социальных паразитов и воров. Он с яростью набрасывался на любое финансовое злоупотребление, имевшее место в Веймарской республике и тотчас же приписывал его евреям: Кутискеру, Бармату, Шлезингеру, Скляреку. В 1931 году он заявлял о том, что евреи занимали господствующее положение в прусском правительстве Брауна-Северинга, указуя на аферистов Склярека и Гельфанда. Не было такой связи, которая показалась бы ему незначительной, не было такого обвинения, которое он счел бы слишком сумасбродным, потому что Геббельс пользовался своей собственной, искаженной системой ценностей. В 1932 году, нападая на «Берлинер Тагеблатт», он зловеще провозгласил нечто, чему было суждено повториться после 1940 года: «Евреи повинны во всем! Во всем»![91]

2

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС: ИДЕОЛОГ ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

После 1933 года Йозеф Геббельс отомстил за себя евреям. Временами даже вульгарно-порнографическое издание «Дер Штюрмер» не могло превзойти «малютку-доктора» в ненависти к ним. Именно министру пропаганды принадлежат слова, сказанные им на партийном съезде в Нюрнберге в 1937 году: «Взгляните, вот враг человечества, разрушитель цивилизации, паразит рода людского, воплощение зла, гнилостная бактерия, демон, приносящий вырождение человечества».[1] Несмотря на страстность и попытку изобразить Геббельса врожденным юдофобом, можно заметить в этом высказывании циничное передирание фраз Юлиуса Штрайдера, Гитлера и Теодора Моммзена. Годом позже Геббельс дирижировал «хрустальной ночью», серией погромов тысяч немецких евреев, их синагог, домов и магазинов. Когда началась война, Геббельс был одним из немногих нацистских лидеров, кто в открытую упомянул об умерщвлении евреев. В 1941 году он заявил: «Если еврей проиграет в этой битве, то он проиграет во имя добра. И ему это тоже известно. Евреи Сити (лондонского делового центра) и евреи в Кремле посему — одно и то же. Они играют в капитализм и

большевизм, в христианство или атеизм, в демократию или автократию, либерализм или террор для того, чтобы спасти свои головы».[2] В то время, когда вовсю бушевала битва под Москвой и евреи Польши сгонялись в уже переполненные гетто для последующей отправки в концентрационные лагеря, Геббельс цитировал заявление Гитлера от 30 января 1930 года о том, что в этой войне уничтожены будут не арийцы, а евреи. На этот раз Геббельс вспоминал о Веймарской республике и озаглавил свою статью в еженедельнике «Дас Райх»: «Евреи виноваты во всем!» Геббельс, так искусно владевший техникой экстраполяции нацистских фантазий и проектов евреев, заявил, что враги Германии намеревались стерилизовать и изгнать со своих границ немецкую нацию.[3] Как публично заявил доктор Роберт Лей, глава Германского трудового фронта в Карлсруэ, в мае 1942 года: «Необходимо не просто изолировать еврейского недруга от человечества — евреи должны быть истреблены».[4]

Когда в декабре 1941 года Йозеф Геббельс держал речь перед членами Германской Академии, он убедительно продемонстрировал, как все нацистское мировоззрение сосредоточилось на решении одной главной задачи: уничтожении евреев. Геббельс рассмотрел задачи пропаганды, работу выпусков новостей и прессы в военное время, опасность большевизма и плутократии только для того, чтобы сделать следующее обещающее заключение: евреи во всем виновны, и они должны умереть. Он решил их судьбу, произнеся следующую фразу: «Конечно, все это очень трудно, но это того стоит. Жалости или даже сочувствия не должно быть... Теперь пришло время для одного древнего закона: «Око за око, зуб за зуб»... Все евреи по своему рождению или расе принадлежат к международному заговору против национал-социалистической Германии».[5] Геббельс ссылался на нацистские методы как на «гигиеническую профилактику». «Евреи должны ответить за войну,» — настаивал он. Геббельс вынужден был сказать это и после битвы за Сталинград: «Если мы проиграем войну, то не окажемся в руках других государств, а будем поглощены мировым еврейством».[6] Геббельс без устали повторял, что евреи использова-

ли методы контроля за другими людьми: капитализм и большевизм.

Когда в начале 1943 года военное положение Германии ухудшилось, Йозеф Геббельс потребовал усиления пропаганды ненависти по отношению к евреям. Интересно, что он боялся, как бы интеллигенция не заразилась еврейским вирусом. Это очень напоминает боязнь Геббельса, что та же интеллигенция слишком уж сентиментальна по отношению к Америке. Еще раз Геббельс поменял местами субъект и объект. Он сам был в восторге от голливудской продукции (видимо, тоже относился к тем самым интеллектуалам). Во всяком случае, в мае 1943 года Геббельс замечает: «Следовательно, для современной нации нет другого выхода, кроме как пойти на уничтожение евреев...»[7] Геббельс понимал, что ему следует доказать свою приверженность к антисемитизму. Хотя в течение последних двух лет своей жизни Геббельс довел антиеврейскую пропаганду до самых крайних пределов параноидальной истерии, но относительно редко упоминал о евреях в личных дневниках или частных беседах. Новую кампанию против евреев Геббельс начал весной 1943 года. Его партийный бюллетень «Текущая информация для пропагандиста» оплакивал недостаток общественного внимания к еврейскому вопросу. В номере от 5 мая заявлялось, что нацисты должны решить еврейский вопрос в Европе так же, как они это сделали в Германии: «Мы всю нацию сделали антисемитами». Теперь нужно было использовать «антисемитские» голоса и в лагере противника. «Евреи виноваты во всем!».[8] Так как массовое истребление евреев осуществлялось от Украины до Латвии, от Хорватии до Польши. Номер от 18 мая 1943 года вышел под заголовком «Закат еврейского засилья в мире!».[9] Партия выдвигала линию о том, что нацистские настроения росли в Великобритании и что сами евреи в многочисленных статьях и книгах признавались: они служили причиной войн, наживались на них и намеревались истребить немцев.

Меньше чем через месяц Геббельс собрал воедино все эти моменты в своей большой речи: «Взгляните на лагерь врага. Куда бы вы не бросили свой взор — везде еврей на

еврее. Евреи стоят за Рузвельтом, они его мозговой трест. Евреи стоят за Черчиллем, подстрекая его, евреи-агитаторы, евреи-заговорщики во всей англо-американско-советской прессе, евреи в темных углах Кремля. Это они истинные носители идеи большевизма».[10]

Годом позже Геббельс видел англичан, истекающих кровью от желания достигнуть цели, достижение которой было не в их интересах: уничтожение немецкого народа. Он вопрошал: «Разве мы когда-нибудь обращались с англичанами подобным образом?».[11] Когда союзники готовились к форсированию Рейна и Одера, Геббельс предсказывал их победу как окончательную победу всемирного еврейства. Интенсификация антиеврейской кампании должна была послужить Геббельсу доказательством его лояльности по отношению к Адольфу Гитлеру. И действительно, антисемитизм был прекрасной демонстрацией его привязанности. Геббельс был вознагражден за это. Он стал ближе к Гитлеру в последние дни обоих, нежели другой высокопоставленный нацист, за исключением, конечно, вездесущего личного секретаря и шефа партийной канцелярии Мартина Бормана. Гитлер совершил одно из своих редких появлений на публике в начале 1945 года, посетив Геббельса на дому. Позже он позволил чете Геббельсов поселиться в его бункере и разделил с ним смерть. Фюрер сделал Геббельсу комплимент, назначив его своим преемником на посту рейхсканцлера. В своем завещании Гитлер кончил тем, с чего начал в 1919 году: евреями. Они были тем цементом, который скреплял воедино его мировоззрение, чем-то, что Геббельс ощущал и чему он посвятил всю свою деятельность, начиная с 1926 года. Как утверждал в 1945 году Гитлер, именно евреи были зачинщиками войны, а союзники служили интересам еврейства. Евреи планировали разрушение рейха. В то время как Гитлер испускал эти последние, агонизирующие вопли, он повторял строчки из пропагандистских заявлений Геббельса, слова, которые сами послужили выражением фундаментальной ненависти Гитлера к евреям.[12]

Антисемитизм Геббельса начинался как тщательно взвешенный и рассчитанный политический шаг, стимулируе-

мый личным отвращением, усиленный сознанием того, что именно это являлось ключом к его союзу с Гитлером. Какая же ирония и все же логика в том, что Геббельсу так нравилось употреблять слова на идиш и культивировать специфический еврейский юмор! Его склонности к сатире привели его к этому стилю; если бы Геббельс не стал нацистом, он вполне мог бы закончить комедиантом на берлинских подмостках, в каком-нибудь клубе, стараясь угодить нуворишам или же, наоборот, разорившимся от кризиса 1930 года. Лишь Геббельс мог заявить на совещании в министерстве (как он это сделал в 1940 году), что возбудит иск против любой газеты, которая опубликует рекламу пилюль против скопления газов в кишечнике, используя фразу: «Моя борьба против метеоризма».[13] Когда в 1941 году он отдал распоряжения средствам массовой информации должным образом разрекламировать предстоящий визит министра иностранных дел Японии Мацуока, то в узком кругу заявил, что этот джентльмен напомнил ему «желтую обезьяну из девственных джунглей».[14] Геббельс разделял с Гитлером в своем юморе элементы садизма. Фюрер мог запугать своего личного слугу призывом в армию, заставляя его слушать министра экономики Вальтера Функа, как тот передразнивает заикание Роберта Лей. Когда у Рудольфа Гесса родился сын, этот эксцентрик и мистик пожелал, чтобы ему из каждого гау доставляли по мешку земли. «Эта земля должна быть рассыпана под изготовленной по специальному заказу колыбелькой». Геббельс добавил, что, будучи гауляйтером Берлина, он серьезно подумывает о том, не будет ли лучше для него, если он пошлет не землю, а камень от берлинской мостовой. В конце концов, его садовник доставил ему небольшую кучку навоза, которую тот впоследствии отправил Гессу официальной посылкой, скрепленной печатью».[15]

Геббельс, этот комический актер разговорного жанра, достиг пика своей карьеры, когда он атаковал Уинстона Черчилля. «Когда Черчилль раскладывает пасьянс «Могила Наполеона» и говорит: «Ничего, каждому всегда необходимо помнить, что армии Наполеона сохраняли дух свободы, равенства, французской революции», это вполне подходит

для утверждения: «Вот именно поэтому Англия и сражалась с Наполеоном».[16] Слова Черчилля он комментировал так: «У него разум, как у гиппопотама, и лишь несколько жиденят-интеллектуалов способны усмотреть в нем что-то».[17] Такие унизительные термины не входили в словарный запас (для публичного употребления) ни одного нацистского лидера. Далее Геббельс продолжает: «Его (Черчилля) секретарь выпустил книгу о пребывании в США, которая, вероятно, должна приблизить нас к нему в смысле чисто человеческого понимания. В ней он изображается эдаким пожилым любителем виски, который к вечеру настолько напивается, что не в состоянии стоять на ногах. Он употребляет, в соответствии с высказываниями его коллег, которые тесно сотрудничали с ним на протяжении многих лет, немыслимые количества тщательно отобранных напитков и деликатесов... Он начинает пить, едва лишь успев встать, сопровождая питье курением роскошных сигар, специально приготовленных для него... Для нас не играют роли элементы частной жизни мистера Черчилля, и вечный поглотитель виски гораздо симпатичнее нам с точки зрения нашего взгляда на английского премьер-министра, чем абсолютный трезвенник».[18]

В начале 1942 года Геббельс писал: «Чересчур – значит чересчур. Если у кого-то столь же добрая репутация, как у мистера Черчилля, то следовало бы добиться полицейского запрета на такие безмозглые спектакли перед лицом всего мира, как просвещение нас относительно бесконечной цепи своих ошибок. Черчилль – человек многогранного таланта. Его место на подмостках кабарс, а не среди тех, кто правит империей».[19] Последнее предложение как нельзя лучше подходит к описанию самого Геббельса. Два месяца спустя Геббельс разыгрывал комедианта перед аудиторией, умиравшей со смеху. Он сообщил своим слушателям, что Германии сильно повезло, что именно Черчилль – премьер-министр Англии: «Мы не можем представить себе более идеально подходящего лидера, с нашей точки зрения».[20] Под аплодисменты Геббельс заявил, что если Германия должна разрушить Британскую империю для того, чтобы обеспечить себе выигрыш на войне, то ей посчастливилось

заполучить такого помощника в лице Черчилля! Геббельс сравнивал Черчилля с врачом, который приходит к своему пациенту и заявляет: «Да, он умрет», Если он не умирает, то родственники больного вряд ли будут сердиться на врача, а в случае, если больной умрет, у врача всегда будет возможность заявить: «Ну, что я вам говорил?».[21]

Геббельс продолжал делать из Черчилля английский вариант «Исидора» до 1943 года. Личные выпады ослабли по мере усиления войны против Германии. Со временем стало трудно высмеивать Черчилля, например, когда самолеты Королевских ВВС разбомбили Гамбург. Более того, когда Э. Х. Гомбрич открыл, что «насколько эффективными могут быть крики о «преступнике» в период блицкрига, настолько слушатели могут притомиться от его искусственной ярости в период затяжной войны»,[22] Геббельс сменил линию поведения с большой неохотой, вероятно, потому, что и склад его ума, и советы Гитлера могли разбудить в нем желание продолжать свои личные выпады против британского премьер-министра. В апреле 1942 года Гитлер заявил: «Наши станции должны... продолжать говорить о пьянчуге Черчилле и преступнике Рузвельте при любом удобном случае».[23] До Геббельса сообщение дошло; две недели спустя он писал о Черчилле: «Он — алкоголик и взбесившийся маньяк. Его, действительно, нельзя принимать всерьез, потому что его политика больше принадлежит к области патологии, чем к рациональному миру».[24] Выступая на митинге, посвященном десятой годовщине прихода Гитлера к власти, Геббельс заявил дико бесновавшейся толпе: «Нация, ведомая Адольфом Гитлером, не нуждается в том, чтобы брать в качестве образца для подражания таких пьяниц, как Черчилль!»[25] Но через десять дней Геббельс требует на совещании в своем министерстве остерегаться карикатур и сатирических публикаций, так как это умаляет статус врагов и может снизить способность германского народа видеть врага таким, как он есть, и победить его в интересах сохранения Германии. Сталинград погреб под своими руинами значительную часть юмора Геббельса, хотя иногда он все же находил свое выражение, так, например, в ноябре 1943 года Геббельс заметил, что сообщения

англичан о миллионе погибших в Берлине после налетов Королевских ВВС, являются бреднями, добавив при этом: «Но я не собираюсь выступать с опровержением этих преувеличений. Чем скорее англичане убедятся в том, что никого в живых в Берлине не осталось, тем лучше для нас».[26]

В то время как самолеты Королевских ВВС превращали Берлин в груду обломков, Йозеф Геббельс становился одним из самых сильных лидеров в Германии и, возможно, самым популярным. Сила его и его престиж росли по мере падения удач гитлеровского рейха. Несколько политических обозревателей предрекали подъем Геббельса в 1939 или 1940 году. Геббельс никогда не был любимцем среди остальных нацистских лидеров. Его позиции ослабли в конце тридцатых годов, что дало его многочисленным недругам дополнительное оружие в руки для личных и политических залпов. Министр стал мишенью для них вследствие одной весьма бурной любовной связи с чешской актрисой, Лидой Бааровой. Реакцию Магды Геббельс легко было предугадать, и в своей боли и злобе она обрела достаточно добровольных союзников, среди них был оберфюрер СС Карл Ханке, государственный секретарь министерства пропаганды. Серия международных кризисов, после 1936 года, — Рейнская область, Австрия, Судеты, Данциг и, наконец, начало второй мировой войны также не способствовали росту партийного авторитета Геббельса, потому что его роль ограничивалась территорией рейха, а большинство немцев видело судьбу Германии за ее пределами, через призму военных поражений остальных государств. Руководство Геббельсом акциями «хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года было его просьбой о восстановлении в моральных правах, его объяснением в любви к Гитлеру.

Донжуанство Геббельса, результат его распутства и тоски по женской любви, чуть не стоили ему семьи и министерства. Такие нацистские пуритане, как его давний враг Альфред Розенберг, были оскорблены поведением человека, использовавшего свое положение, чтобы склонить свою подчиненную к сожительству. Поведение Геббельса приравнивалось к предательству, злоупотреблению доверием

фюрера. Розенберг заметил, что Гиммлер говорил в начале 1939 года: «Вы знаете, хотя такие типы, как Геббельс, мне неприятны, но я всегда предпочитал воздержаться от высказывания своего мнения в его адрес. Но сегодня это тот человек, которого ненавидит вся Германия. Мы склонны проклинать еврейских управляющих, которые допускают сексуальные домогательства по отношению к своим подчиненным. А сегодня этим занимается доктор Геббельс. Ясно, что это все происходит не от любви, а потому что он министр пропаганды. На взгляд фюрера – это просто ужас. Я рассказал Гиммлеру историю о том, что Геринг рассказал мне, но не упоминая о нем: «Таких случаев множество...» Розенберг пришел к выводу, что Геббельс был морально изолирован от партии, презираем».[27] Он даже заявил, что «хрустальная ночь» нанесла урон государству. Розенберг заявлял, что раскусил Геббельса еще в 1927 году, и описал его как человека без единого товарища, окруженного подхалимами и людьми, которые, кроме как выполнением своих обязанностей, ничем не интересовались. Розенберг с недовольством признался, что Геббельс был человеком с сильным характером, что в один прекрасный день он восторжествует. В этом случае, как и во всех остальных, Розенберг оказался прав.

На приеме в Мюнхене, по случаю годовщины принятия нацистской программы партии в 1920 году, Геббельс якобы рассказал двум гостям, что если бы Гитлер не очень любил его образ жизни, то заявил бы об этом Геббельсу еще в 1924 году и Геббельс вступил бы в другую партию! Эта история также приписывалась доктору Роберту Лею.

Враги Геббельса инкриминировали ему и финансовые злоупотребления. Розенберг сообщал, что Геббельс пытался присвоить 3200 гектаров земли, занятых лесами, в местности близ Берлина. Эта территория использовалась берлинцами для отдыха.[28] Он пожелал построить дом для себя, а участок леса обнести забором. Но проявившая отвагу рабочая группа блокировала попытки Геббельса, пригрозив пойти к Гитлеру, если гауляйтер Большого Берлина не отменит своих наглых намерений. Розенберг заметил: «Доктор Геббельс стоит нам доверия страны...» Он цитировал Германа

Геринга, соглашаясь с ним, что Геббельс – это несчастье. Теперь страна воевала, и Геббельсу пришлось успокоиться. Геринг говорил Розенбергу, что Гитлер был согласен с тем, что геббельсовские нападки на Черчилля безобидны для общего дела Германии.[29] На одном обеде в декабре 1941 года Гитлер, в присутствии Геббельса, подверг критике «Германское еженедельное обозрение» в том, что эти фильмы не обладали способностью мобилизовать национал-социалистскую нацию. Гитлер затянул свой монолог минут на двадцать, осуждая немецкие киноленты, заявляя, что они, хотя и могут быть, в лучшем случае, патриотичными по своему содержанию, но видно, что их авторы не черпали вдохновение в нацизме. Геббельс не ответил на это ни слова, а позже Гесс сказал Розенбергу, что он сам недолюбливал Геббельса. Розенберг с возмущением заметил, что Геббельс высокомерно отважился проклинать неприятный обед со свитой фюрера.[30]

Геббельсовская пропаганда начального периода войны была не особенно успешной, а кое в чем даже и губительной. В январе 1940 года Макс Аман, нацистский партийный издатель и посредник, осудил Геббельса и его министерство, высказав ему прямо в лицо все, что счел необходимым. Беседа длилась два часа. «Малютка-доктор» сидел молча и не произнес ни слова в ответ. Потом стал жалобно ныть, что он, дескать, годом раньше предлагал Гитлеру принять его отставку.[31] Розенберг вовсю злословил по адресу Геббельса уже в канун блицкрига против Франции и «малых государств». Он вплотную подошел к тому, чтобы назвать министра «расово чуждым»: «Доктор Геббельс, который так много рассуждает об интеллектуальном аспекте войны, может, вероятно, вызвать отклик в душах каких-нибудь левантийцев, но никак не у немецкого народа». И еще Розенберг процитировал другой источник для того, чтобы еще раз указать на то, что Геббельс имел мещанские представления о культуре и ничего не понимал в киноискусстве. «Дойдет дело до того, что он велит изъять четвертый акт драмы Шекспира, потому что тот затрагивает тревожную тему».[32] Когда Розенберг записывал эти язвительные комментарии в своем личном дневнике, над Геббель-

сом сгущались тучи. 1 декабря 1940 года один проницательный западный наблюдатель заметил: «Геббельс, который имел обыкновение быть номером три, потерял опору под ногами с объявлением войны. Частично это произошло оттого, что его потеснили военные и тайная полиция, частично оттого, что он заваливал свое пропагандистское дело в решающие моменты для государства, как это было, когда он распорядился, чтобы пресса и радио праздновали победу «Графа Шпее» за день до того, как тот был потоплен».[33]

Дела Геббельса не улучшились скорее не вследствие отсутствия везения или хода второй мировой войны. Его душевная позиция и природа пропагандистской деятельности во время войны подготовили его к роли активиста, которая стала ему доступна между концом 1940 года и концом «Третьего рейха» в 1945 году. Геббельс изучил много материалов по истории пропаганды в период первой мировой войны и, как губка, впитывал поучения Гитлера. В 1924 году в «Майн кампф» Гитлер писал:

«В пропаганде вообще я видел инструмент, которым марксистско-социалистические организации пользуются мастерски. Я давно уже убедился, что правильное применение этого оружия является настоящим искусством и что буржуазные партии почти совершенно не умеют пользоваться этим оружием.

Но только во время мировой войны стало вполне ясно, какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. К сожалению, и тут изучать дело приходится на примерах деятельности противной стороны, ибо работа в Германии в этой области была более чем скромной.

А раз дело идет о пропаганде во время войны, в которую втянут буквально и весь народ, то ясно, что пропаганда должна быть максимально проста.

...Неправильно придавать пропаганде слишком большую многосторонность...»[34]*

---

* (Адольф Гитлер «Моя борьба» «Т-ОКО», 1992 г., стр. 147, 150. Прим. ред.).

После 1918 года немецкие националисты полагали, что поражение и коллапс Германии в большей степени был «вызван» крахом немецкой пропаганды и успехом союзных сил в ниспровержении военных усилий немцев. Пропаганда союзников, направленная на немецких солдат, оказалась куда более действенной, чем родная немецкая. Кроме того, союзники предпринимали и более умные ходы в отношении своих собственных солдат. Эта уверенность, столь дорогая сердцам немецких правых, имела прямое отношение к легенде о «ноже в спину», в соответствии с которой оказывалось, что Германия не проиграла войну в 1918 году, а рухнула в результате подрывной деятельности как внутри страны, так и за ее пределами. Это толкование исхода войны было достаточно подробно изложено в нескольких, отнюдь не незаметных книгах и статьях как в Веймарской республике, так и в «Третьем рейхе».

В 1932 году в своей книге «Мировая война без оружия: пропаганда западных держав против Германии. Ее воздействие и контрмеры» Ханс Тимме писал:

«После вступления в войну Америки следовало ожидать возможного поражения Германии, потому что ей удалось быстро завершить битву, нанеся нокаутирующий удар. То, что упадок способности Германии к сопротивлению произошел так быстро и в таких неблагоприятных условиях, даже раньше, чем этого ожидали ее противники, имело причиной усиливавшуюся неспособность воли немцев к сопротивлению... Эта неспособность была настолько всеобъемлющей, что стала даже носить характер мятежа и самотерзания, которые оказались возможны вследствие пропаганды противника».[35]

В конце 1935 года Ойген Хадамовски, нацистский «эксперт по средствам формирования общественного мнения» и один из почитателей Геббельса, опубликовал весьма откровенную книгу под названием «Пропаганда и национальная держава: организация общественного мнения для национальной политики». Хадамовски, шумный, эксцентричный, честолюбивый человек, позже ставший объектом неприязни Геббельса, счел умным посвятить эту книгу новому министру пропаганды. О союзниках он писал, что их «...

пропаганда достигла успехов в распространении имеющей решающее значение веры в то, что врага можно умиротворить путем добровольной капитуляции и сдачи оружия...».[36] Немецкие писатели предпочли не заметить и другой, главный урок этой пропаганды, а именно то, что на немцев не произвело бы большого впечатления в 1918 году, если бы социальное разделение немецкого народа и усталость от войны не сделали бы германский народ таким ранимым к этому заявлению союзников. Как считал Гарольд Лэссуэлл: «Успех в пропаганде такого рода зависит в гораздо большей степени от наличия напряжений и деформаций в государстве противника, нежели от успеха в пропаганде среди нейтралов».[37]

Немецкие писатели предпочли поднять шумиху по поводу того, как отвратительно умны эти союзники. Эта линия продолжалась до самой второй мировой войны. В августе 1939 года, например, Ханс Бэр опубликовал необычно длинную статью «О английской пропаганде в мировую войну и немецком народе» в самом главном нацистском журнале.[38] Бэр повторял описанные выше взгляды. Работа в области теории пропаганды таких немцев, как Гитлер, Тимме, Хадамовски, Бэр, достигла кульминации в циничном заключении Геббельса о том, что пропаганда ничего общего с истиной не имеет, но зато все имеет с победой. Но Геббельсу было известно и еще кое-что, фактор, на который не обратил внимания ни один писатель. Германия 1918 года представляла собой классовое общество, нацию, готовую истекать кровью и приносить себя в жертву, но это были люди без лидера, корнями уходящего в «народ». Геббельс полагал, что ему удалось бы спасти Германию в 1917-18 годах, если бы он был представителем предыдущего поколения.[39] Даже снобистская имперская элита повернулась бы в час спасения лицом к человеку: народ и лидер, один и все вместе одолели бы тяготы фронта и окопов. Геббельс знал, что искусная пропаганда, уходящая корнями в настроение и символы нации, сможет укрепить национал-социалистическое «государство народа» и гарантировать если не победу, то в конце концов, по его словам, «никогда впредь еще одного 1918 года, никаких

капитуляций, мы не сдадимся никогда!.. Нет ничего такого, что склонило бы нас к капитуляции».[40]

Между началом войны в сентябре 1939 года и «битвой за Англию» в конце 1940 года Йозеф Геббельс колебался между двумя концепциями пропаганды. Или немецкие средства массовой информации будут легковесными, оптимистичными и ехидными по отношению к врагу, или они будут нести на себе отпечаток осторожной гордости, реализма и твердости, даже если наступит полоса невезения? Дешевый, поверхностный Геббельс «эры борьбы» подошел бы для первой концепции; более опытный человек, фаталист, сорока с небольшим лет поверил во вторую. В начале войны геббельсовская пропаганда часто ошибалась. Она напропалую хвасталась несуществующими победами, без устали праздновала их, как это было с «потоплением» британского авианосца «Арк Ройял» или «вытеснением» англичан из Южной Атлантики в начале 1939 года. На самом деле, потоплена была достоверность, что британские военно-морские силы не убрались подобру-поздорову. Нация почувствовала, что ее обманывают и пала духом.[41] В 1939-40 годах работа Геббельса несла на себе нередко отпечаток некомпетентности. В конце 1940 года он заявил германским солдатам, что «Германия имеет неоспоримые преимущества перед Англией как никакая другая страна, которая отважилась доселе нападать на Британию».[42] Он заявил, что Черчилль лишь тешит себя иллюзиями. Это утверждение относительно Британии было сделано после того, как она сумела ответить на вызов, который был брошен Королевским ВВС «Люфтваффе». В конце года Геббельс предрекал, что судьба Черчилля будет такой же, как в свое время судьба Брюнинга в Веймарской республике или канцлера Австрии Шушнига, или же президента Чехословакии Бенеша, или польского президента Бека, французского Рейно – всех врагов национал-социализма, всех, кто или в эмиграции, или в опале.[43]

Война не закончилась быстро, и мудрец Геббельс ухватился за новую возможность. Никаких обещаний скорой победы, никакого замалчивания страшных истин! Вскоре после начала русской кампании министр был очень огор-

чен своей прежней работой. Ему казалось, что он испортил и разбаловал германскую нацию, обращаясь с Германией как с капризным ребенком. Но оптимистические тенденции не исчезли бесследно. Они время от времени появлялись в их старой, грубой форме: Геббельс не желал называть кампанию против русских «крестовым походом», потому что этот термин имел негативный исторический оттенок – крестоносцы потерпели полное поражение. 22 июня 1941 года Геббельс предрекал, что русская кампания продлится восемь недель. 6 апреля того же года его прогноз подтвердился, когда он перед походом на Балканы заявил, что Греция и Югославия продержатся не более двух месяцев. Когда вовсю бушевала Сталинградская битва, Геббельс был настолько глуп, что верил в то, что, по его словам, «катастрофа, с которой мы столкнулись прошлой зимой, просто невозможна и этой зимой».[44] Когда русские блокировали 6-ю армию, Геббельс предостерегал своих подчиненных от пессимистических фраз типа «крепость Европы», «жизнь или смерть». Немецкий народ должен был понимать, что обладает способностью выиграть войну. После того, как 6-я армия перестала существовать, Геббельс избрал тупейшую уловку: он приказал своим работникам сравнить советское наступление с неудавшимся наступлением русских в 1916 году (Брусилов). С бравадой в духе «эры борьбы» он так организовал призыв Черчилля к союзным вооруженным силам высадиться в Европе: «Нечего об этом много говорить, пусть они сюда явятся».[45]

Геббельсовская пропаганда периода войны стала его личным политическим успехом лишь после 1940 года, несмотря на эпизодические сбои. Признаки таких сбоев имели место в первые дни войны, но они были почти незаметны в море бравады и хвастовства, ошибочных суждений и вводящих в заблуждение коммюнике. Геббельс пришел к мысли, что германская нация, прошедшая «школу страданий», начиная с 1914 года, в состоянии принять правду, какой бы она ни была, способна дорасти до уровня «вызова судьбы».[46] Судьба, участь, трагедия, необходимость – Геббельс постепенно, по мере того как он становился все более преданным нацистской идее человеком, стал отдаляться,

теперь уже не было того прежнего поверхностного Геббельса, теперь это был человек более серьезный, не просто доверенное лицо, а скорее местный лидер. В начале декабря 1939 года он заявил своим сотрудникам: «Надвигающаяся на нас война – не детская игрушка».[47] Враг желает уничтожить Германию. В канун нового, 1940 года, Геббельс обратился к нации со следующими словами: «Это будет тяжелый год, и мы сумеем достойно подготовиться к нему. Никто не подарит нам победу. Мы должны завоевать ее...».[48] Когда вермахт атаковал Францию и другие страны, Геббельс заявил, что в печати он не потерпит «ни преувеличенного оптимизма, ни паники».[49] Спустя месяц, Геббельс, обеспокоенный оптимизмом, слетавшим со страниц газет, снова предостерег от репортажей, подрывающих доверие к средствам массовой информации.[50] После падения Франции, Геббельс проинструктировал RPK, что партийные кадры должны понимать всю серьезность длительной войны против Великобритании.[51] Когда в апреле 1942 года началась кампания на Балканах против Греции и Югославии, Геббельс отругал газеты, приведя в пример несколько репортажей из Будапешта, которые преувеличивали победы рейха.[52] Месяц спустя, министр предостерег немецкую печать от излишне частых ссылок на речь бывшего британского премьер-министра Ллойд-Джорджа, поскольку ее пораженческий и пессимистический тон не соответствовал тенденциям, господствовавшим в британском общественном мнении, и мог разбудить в Германии преждевременные надежды.[53]

Когда началась кампания против Советской России, Йозеф Геббельс подчеркнул необходимость осторожного отношения к военным действиям, несмотря на значительные победы Германии: «Не должно быть никаких голословных утверждений о том, что Советы использовали все свои резервы. Они располагают огромным количеством солдат...».[54] Через семь недель Геббельс считал, что «теперь каждому трезвомыслящему наблюдателю ясно, что война не может быть выиграна быстро».[55] Но Геббельс сделал ужасную ошибку в духе его прежних бодрящих директив средствам массовой информации. Он отказался призвать к кампании по сбору теплых вещей для солдат, сражавшихся

в России, полагая, что обращение с этим к немецкому народу придется ему «не по нутру». В день налета на Пирл-Харбор, 7 декабря 1941 года, когда под Москвой началось мощное советское контрнаступление, Геббельс снова призвал к продолжению демонстрации «оправданного оптимизма», но немецкая пропаганда стала «более реалистичной».[56] Геббельс жонглировал фразами об «оптимизме», который был обходным путем для того, чтобы поставить в известность немецкий народ о том, что ему предстоит пойти на очередную жертву.

Перед немецким народом замаячил признак зимы в России. Теперь Геббельс публично пообещал «тяжелую и горькую борьбу» и даже зашел настолько далеко, что признал: Германия может потерпеть неудачи.[57] И события, которые произошли морозной русской зимой на Восточном фронте, подтвердили правильность его слов. Даже во время пика немецкого наступления, 22 июля 1942 года, Геббельс приказал средствам массовой информации не использовать для общественных комментариев вражеские сводки новостей, которые содержали пессимистические нотки относительно шансов союзников на победу. У германского народа не должно создаться впечатление, что советские войска на юге должны вот-вот рухнуть. Через три недели Геббельс снова предостерег от необоснованного оптимизма и предсказания быстрого завершения войны. В директиве под номером 40 от 18 августа 1942 года, на последующую неделю, Геббельс предупреждал, что среди части населения существует широко распространенная тенденция считать, что война должна, якобы, завершиться. Этот оптимизм базировался на трех факторах: германских успехах в подводной войне, быстром продвижении наступления на юге России и, предположительно, достигшего критического уровня урезании сырья в американской военной промышленности. С сентября в выпусках новостей с восточного фронта стало преобладать слово «Сталинград». 21 сентября Геббельс заявил, что Сталинград не собирается падать к ногам немцев. Он дал распоряжением своим сотрудникам не делать ударения на слове «Сталинград» в военных сводках. Когда Советы в начале января 1943 года, после дли-

тельной осады 6-й армии, приступили к ее ликвидации по частям, Геббельс счел, что его политика была оправдана. Он вооружился лозунгом, от которого раньше отказался, считая его слишком пессимистичным, – «Жизнь или смерть». Теперь Геббельс признал даже пропагандистское утверждение: «Мы же можем проиграть войну». «Конечно, мы можем проиграть войну, если мы не мобилизуем и не задействуем все наши силы», – утверждал он.[58] Так Геббельс готовил общество к принятию новой концепции тотальной войны.

Теперь немецкому народу говорят лишь одну только правду: победа или смерть. Геббельс изумлял своих коллег, указывая на Черчилля, без которого не обходилась ни одна его грубая шутка, как на человека, который понимал отчаянное положение Англии в 1940 году, сделал необходимые выводы и, наконец, сказал английскому народу всю правду. Когда 6-я армия доживала последние дни, Геббельс решил вспомнить о Черчилле 1940 года, заявив, однако, что нацисты не имеют права использовать такие слова – «кровь, пот и слезы»; им необходимо создать свой собственный лозунг. Через месяц, после уничтожения 6-й армии, Йозеф Геббельс заметил: «Я считаю своим долгом подготовить людей к тому, чтобы в течение последующих месяцев они проявили стойкость. Для того, чтобы рукоплескать блицкригу, стойкости не требуется. Но у меня такое чувство, что эта война быстро не кончится. Таким образом, мы должны подготовить наш разум и наши сердца к тяжелым испытаниям».[59] Даже в августе 1941 года, когда вермахт катился по западной части России, Геббельс понял, что упорное советское сопротивление заставляло недоумевать немцев.[60] Теперь, в 1943 году, он признал, что у Советов был большой запас людских и материальных резервов, и это означало длительную войну.[61]

В 1943 году Геббельс приблизился к пику своей власти. Но его привычный распорядок дня, однако, не изменился. Министр появлялся в своем кабинете свежевыбритым, элегантно одетым, холеным. От него исходил запах хорошего

одеколона. О Геббельсе поговаривали, что у него на каждый день года существует особый, прекрасно сшитый костюм. Конечно, это преувеличение, но это наблюдение отражало точку зрения самого Геббельса на свое учреждение: «Сегодня мы олицетворяем величие государства. Мы его представители. Мы больше не хулиганье, плюющее на пол».[62] По утрам он всегда пребывал в плохом настроении. Кабинет Геббельса в здании министерства на Вильгельмсплатц был скромным и деловым: когда он работал в своем берлинском доме на Герман-Герингштрассе, то пользовался более роскошным кабинетом. Дома ли он был или в министерстве, Геббельс оставался автократом: если он решал расслабиться, то очень долго и очень красиво говорил, доминируя своим вербальным «эго» над всеми слушателями, будь то его домашние или подчиненные. За обедом Геббельс ел мало. Он предпочитал еде удовлетворение от своих монологов. Один из подчиненных Геббельса как-то заметил: «У него острый ум, его юмор ослепителен, а культура всеобъемлюща». Как и его кумир, Фридрих Великий, Геббельс любил вздремнуть после обеда, усевшись в кресле с пледом на коленях. В пять часов в его кабинет подавали чай или кофе с бутербродами. В это время Геббельс принимал три разных пилюли. Куда бы ему не предстояло ехать и где бы он ни находился, Геббельс всегда имел обыкновение раз или два позвонить своей жене Магде.

Основным событием дня Геббельса было совещание, начинавшееся ближе к полудню, на котором присутствовали руководители отделов и представители других министерств. Обычно он использовал такие совещания для того, чтобы довести до сведения всех присутствующих свое непреклонное мнение. На одном из совещаний Геббельс порекомендовал, чтобы один старший сотрудник министерства был на полгода отправлен в концентрационный лагерь. Выяснилось, что этот сотрудник, напившись, дал указание такому же пьяному шоферу отвезти секретаршу, замужнюю женщину, к нему домой. Шофер по дороге попал в ужасную аварию, и секретарша погибла. Геббельс запрещал любому сотруднику министерства выпивать не только на службе, но и вне ее. Когда перед нападением на Россию,

Карл Бемер, глава отдела иностранной прессы, в пьяном виде хвастался, что станет гауляйтером Крыма, эта информация дошла до Геббельса. Он хорошо относился к Бемеру, пытался его выгородить, но тем не менее, Бемер был отправлен на фронт, где скончался от полученных ран. Геббельс терпеть не мог пьющих, будь то Черчилль, Лей или люди из его окружения. Конечно, и сам министр время от времени позволял себе бокал вина, стакан пива или рюмочку ликера. Гауляйтеры не особенно любили посещать дом Геббельса, потому что там не устраивались шумные попойки. Возмущенный поведением гауляйтеров, на совещании в Позене Геббельс заявил, что в будущем они будут ограничены до двух рюмок коньяка на человека.[63]

Геббельс был упорным, методичным работником. Он немилосердно эксплуатировал окружающих, ожидая от них ума, послушания и неустанной работы. Но он мог быть и обаятельным человеком. Землер признавался: «Я был удивлен изысканными манерами Геббельса».[64] Но другой комментарий больше попадал в точку: «Геббельс не желает настоящего контакта со своим персоналом. Он предпочитает, чтобы они были безразличными рабочими машинами, которые можно было бы включать или выключать, когда ему вздумается». Геббельс не верил в возможность существования общественной близости среди коллег или между подчиненными и начальством. Он заявлял, что никого не называет на «ты» ни у себя в министерстве, ни в партии.[65] Один из его адъютантов, фон Ширмайстер, рассказывал: «Доктор выжал меня как лимон, но все равно я готов пойти за ним в огонь и в воду».[66] Интеллект Геббельса и его самозабвенная готовность посвящать себя работе завоевали всеобщее уважение. В то время как на адъютантах Гитлера лежало выполнение важных обязанностей, адъютанты Геббельса оставались лишь лакеями, мальчиками на побегушках. Они должны были убедиться при случае, что тот или иной фильм готов для показа или что воротнички или манжеты господина министра не перекрахмалены. Геббельс жил прекрасно, у него были загородные дома, аристократы ходили у него в слугах, он располагал значительными доходами. Существует версия, что Геббельс заплатил свыше

трех миллионов марок за два загородных особняка, Шваненвердер и Ланке. Он распорядился, чтобы после его смерти Ланке перешло в собственность государства.[67] Когда по вечерам он бывал дома, то любил смотреть фильмы, читать, слушать пластинки или беседовать.

Хотя они не были близки с Гиммлером, Геббельс поддерживал хорошие отношения с гестапо. Его любимчиком и потенциальным преемником был Вернер Науман, высокопоставленный эсэсовец. Сотрудничество с СС оказалось плодотворным по многим причинам. В конце 1939 года Геббельс сумел убедить Гиммлера освободить астролога Карла Эрнста Крафта[68], который предсказал, что 8 ноября будет совершена попытка покушения на жизнь Гитлера. Геббельс засадил Крафта за работу над редактированием пророчеств Нострадамуса, причем это должно было быть сделано таким образом, чтобы деморализовать союзников. На своих совещаниях в министерстве Геббельс пользовался добрыми отношениями с Гиммлером и поручал своим адъютантам вместе с гестапо наводить справки, проводить всяческие расследования относительно тех или иных людей. Иногда он чувствовал себя вправе пригрозить арестом. Один потсдамский священник публично молился за германскую молодежь, «которая идет по жизни, не имея цели». Узнав об этом, Геббельс поручил имперскому советнику Леопольду Гуттереру поставить в известность этого господина, что если такие молитвы повторятся, то это приведет его в концлагерь.[69] Несмотря на его авторитаризм, Геббельсу можно было возразить, можно было принести не очень хорошую новость, если это, конечно, происходило с глазу на глаз.[70] Его совещания в министерстве, как правило, происходили в форме монолога, но бывали времена, когда Геббельс хватался за чей-то отзыв или комментарий и принимал его как свой собственный без всяких колебаний.

Геббельс имел более широкие интересы, чем любой другой нацистский лидер. Он обладал незаурядной музыкальностью, любил печатное и устное слово, следил за огромным пропагандистским аппаратом и определял политику войны, которую вела Германия, еженедельной статьей в газете. Умный, но в той же степени безграничный диле-

тант, Геббельс бросался в такие материи, что поражал своих учеников. В июне 1941 года он сам сочинил песню, марш для русской кампании, слепив ее из работ разных композиторов. Как бы ни был он занят, каким бы тяжелым ни было военное положение, Геббельс продолжал диктовать свой драгоценный политический дневник. Лишь двум его личным стенографам – Рихарду Отте и Отто Якобсону были известны детали работы, которую Геббельс вел ежедневно (с июля 1941 по апрель 1945 года). Затем дневник был напечатан на «машинке фюрера» (с большим шрифтом), вероятно, для внимательного прочтения Гитлером. Когда Геббельсу предстояло произнести речь, он сначала диктовал ее Отте, который записывал за ним. Бывало, что он диктовал свои речи Отте по телефону...[71]

Журналистской одержимостью Геббельса в годы войны был еженедельник «Дас Райх», первый номер которого вышел в свет 26 мая 1940 года, последний – 15 апреля 1945.[72] Геббельс, который то и дело жаловался на монотонность и отсутствие воображения у германской прессы, видел в этом издании двигатель политического и культурного воздействия. По его замыслу, газета должна была достигнуть определенного «класса» и приобрести вес как в родной стране, так и за рубежом. Фактически интерес Геббельса к газете был довольно узким, он ограничивался его собственной статьей в каждом выпуске. К 1944 году число читателей газеты достигло почти полутора миллионов. Когда ход войны стал складываться не в пользу рейха, Геббельс встречался с большими сложностями при составлении своих статей. Кто мог предсказать с точностью, как должна была сложиться военная ситуация через неделю или даже через несколько дней!

Последние два года войны продемонстрировали заметное изменение личности Геббельса. Он колебался между ледяным «прусским» военным реализмом и слезливым пафосом и чувством трагической судьбы. Отношение к работе у него осталось прежним. Он настаивал на том, чтобы воздушные тревоги объявлялись ему за час до начала налета на Берлин, налеты эти после 1942 года значительно участились. Это давало бы ему возможность побриться, тща-

тельно одеться, взять с собой портфель с бумагами и направиться в бомбоубежище на Вильгельмсплатц или Герман-Герингштрассе. Прежнее его убежище было действительно роскошным, и в нем даже имелись ценные полотна художников. После Сталинграда Геббельса все чаще стала посещать бессонница, он был вынужден часто прибегать к помощи снотворных таблеток, чтобы обеспечить себе хотя бы несколько часов сна. Как и большинство берлинцев, вынужденных проводить многие часы в подземельях, Геббельс страдал от постоянных простуд или гриппа, с такими симптомами, как температура, головная боль, слезящиеся глаза и заложенный нос. Гитлер рекомендовал ему своего врача, доктора Мореля, который был страстным сторонником таблеток и уколов, а Морель направил к министру доктора Вебера. Вебер обычно делал Геббельсу укол, и «трудоголик-министр» снова вскоре сидел за своим столом в кабинете или в бункере. В начале июня 1944 года Геббельс отказался от курения (хотя никогда злостным курильщиком не был), но события дня высадки союзников в Европе (6 июня)снова привели к тому, что он вернулся к вредной привычке.[73]

Несмотря на личные проблемы, Йозеф Геббельс достиг новых высот могущества и популярности к лету 1944 года. Единственный среди нацистских лидеров, он призывал, начиная с конца 1941 года, к тотальной войне. Министр настаивал на необходимости перевода пропаганды на позиции осторожного реализма, сторонником которого он был. Когда германская армия была оттеснена к границам рейха, когда бомбардировщики союзников стирали с лица земли один немецкий город за другим, политические воззрения и предпочтения «малютки-доктора» оказались как нельзя к месту. Геббельс не сам выдумал фразу о «тотальной войне» (после 1918 года ее популяризировал генерал Эрих Людендорф), но Геббельс стал ее апостолом. Начиная с 1940 года Геббельс стал выразителем идеи жертвенности и тотальной войны. Его голос прозвучал в апреле 1940 года с призывом к сбору драгоценных металлов, находящихся в частных владениях в пользу государства на благо военной экономики.[74] Это голос Йозефа Геббельса в самый канун первой

ужасной «русской зимы» запоздало взывал к немецкой нации безвозмездно передать вермахту меховые изделия, теплую одежду, свитера и вообще все, что может оказаться полезным для войск, сражавшихся на Востоке.[75] «Я надеюсь, что в пору этой важной борьбы я сумею сыграть политическую роль духовного врачевателя нации», – сказал он.[76] Геббельс становился все более собранным и стал выглядеть «по-военному». Один из его коллег по журналистскому перу, Ханс Шварц писал о нем в конце 1941 года как о мастере полемики, революционере, человеке, который руководит пропагандой так, как генштаб руководит военными операциями».[77]

После первой «русской зимы» Геббельса стала захватывать мысль о тотальной мобилизации и принятии радикальных мер в немецкой экономике. Он поражался бюрократическому болоту, которое окружило Гитлера и создателем которого были Мартин Борман, Ханс Ламмерс, фельдмаршал Кейтель. Геббельс старался почаще встречаться с Гитлером на его полевых штаб-квартирах и пытался завоевать расположение Бормана, в интересах возможности осуществления своей концепции тотальной войны и обретения большей власти в стране. Гитлер проявлял к созданию фронта внутри страны мало интереса, его захватывали дела военные, в особенности на Востоке. Постоянное отсутствие фюрера, который почти не появлялся перед германским народом, сильно усложняло задачи пропаганды, ибо большая ее часть группировалась вокруг мифа о Гитлере. Геббельс ощущал призывы к отказу от себя и к жертвам, как он это предвидел в романе «Михаэль». Люди желали цели, они желали стать участниками, они желали помочь Германии обрести победу, они желали тотальной войны. И когда в 1942-43 годах резко возросло число бомбардировок, Геббельс увидел в этом шанс для себя.

Гитлер никогда не выезжал в пострадавшие районы, министерство внутренних дел рейха под руководством несчастного, жалкого Вильгельма Фрика не имело на это полномочий, население было подавлено и запугано. Геббельс принял на себя, казалось, неблагодарную задачу: он получил полномочия на заботу о гражданском населении,

чьи дома были разрушены бомбардировками Королевских ВВС. Он пояснял: «Очень характерно, что во время войны министерством внутренних дел почти ничего не было сделано для страны. И теперь все, что представляло собой вопросы внутренней политики, будет исходить от меня».[78] Геббельс открыто заявлял своим коллегам, что Лондон 1940-41 годов – отличный пример для подражания. Британцы превратили разбомбленную, подвергшуюся жестоким испытаниям столицу в героический миф, и это придало им воли к победе. В своей кампании призывов к тотальной войне Геббельс часто менял союзников. Иногда он пытался работать на уровнях гау, вводя в заблуждение Гитлера и Бормана. Но когда рейх утратил военные успехи (в 1941-43 годах), стало наблюдаться резкое падение популярности партии. Одной из причин упадка популярности явилось все шире и шире распространившееся представление о том, что партия изнежена, коррумпирована, отказывается по-настоящему участвовать в общем деле. В некоторых местах партийную эмблему стали называть «птицей смерти», потому что на партийных функционерах лежала обязанность информировать родственников о погибших на фронте.

Сталинград представил Геббельсу величайшую возможность. Он предложил перепуганным людям тотальную войну и смог укрепить их готовность, запугав до полусмерти, расписав в ужасных красках, что произойдет, если большевики одержат победу. В январе Геббельс объявил о новом рабочем законе для всех женщин в возрасте от семнадцати до пятидесяти лет и мужчин – от шестнадцати до шестидесяти пяти. Женщины с одним ребенком младше шести лет или двумя детьми младше четырнадцати, занимающиеся домашним хозяйством, из закона исключались. Но у Геббельса не было власти, чтобы провести эту меру в жизнь, он мог лишь объявить ее и рекомендовать. В течение нескольких недель втихомолку посмеивались над тем, насколько объективно выполнялся закон, над тем, каким бессмысленным он был. 28 января 1943 года Геббельс заявил, что германский народ не потеряет сердца, что все, чего он желал – это лишь довести войну до победного

конца. Ему казалось, что он сумеет потрясти народ, развернув перед ним картину настоящей опасности, но никак не ввергнуть его тем самым в пучину отчаяния. В то же время Геббельс не желал, чтобы тотальная война превратилась в торжество бездумного воинствующего радикализма или стала вариантом классовой войны против богатых, но не могло быть прощения старушке, которая после работы продавала на улице цветы. Рабочая сила, работа, самопожертвование, здравый смысл – таковы были директивы министра.

30 января 1943 года Геббельс зачитал обращение Гитлера к немецкому народу, посвященное 10-й годовщине прихода нацистов к власти. 6-я армия в это время находилась в смертельных тисках под Сталинградом. Затем Геббельс произнес собственную речь, которая явилась ключевой в идеологии тотальной войны. Символизм тотальной войны, помещенный рядом с отсутствовавшим Гитлером и заменившим его Геббельсом, возобладал огромным эффектом воздействия на немецкое общество. В течение двух следующих дней пресса гремела от дифирамбов в адрес Геббельса. Вот некоторые из заголовков: «Геббельс: сигнал тревоги, возвещающий тотальную войну», «Во что превратится Германия и Европа...», «Героическая борьба наших солдат под Сталинградом должна убедить всех и каждого отдать все силы», «К десятой годовщине прихода к власти: горячее заверение о готовности принести жертвы – фюрер, приказывай нам, мы исполним!», «Заявление Адольфа Гитлера: Битва до полной победы – ни время, ни оружие не сломят германскую нацию.!»[79] Журналист Ханс Либшер назвал Геббельса – «выразитель мнения нации» и описал его речь в экстатических тонах. Выступление Геббельса 30 января скорее было лишь репетицией перед его решающим броском в «Шпортпаласте» 18 февраля. И действительно, голод в Германии по темам, затронутым Геббельсом, подвиг его превратить свое февральское обращение в обращение к толпе истериков и истеричек – верноподданных нацистской партии.

Речь Геббельса 18 февраля 1943 года была величайшим событием в его жизни. Обращаясь к публике, он вопрошал, пользуясь несколькими разными формами, хочет ли она тотальной войны, и решительный ответ: «Ja!» – был все

оглушительнее. «Теперь, нация, поднимись, пусть грянет буря!» – Геббельс закончил свое выступление на ноте прошлого, периоде войн за освобождение и борьбы против Наполеона.[80] Немецкие средства массовой информации буквально обезумели в своей реакции на речь, причем не потому что Геббельс и Дитрих так пожелали, а потому что почувствовали: доктор Геббельс разбередил страхи и надежды германского народа. Так кричали заголовки газет от 19 февраля: «Массовый митинг в берлинском Шпортпаласте: обращение о тотальной войне. Имперский министр доктор Геббельс: «Скорее мы попросим большего для закрепления победы, чем меньшего», «Да -Да – Да!», «Доктор Геббельс подал сигнал – нация последует», «10 вопросов – народный опрос. Представители всех слоев дали вчера свой решительный ответ!», «Доктор Геббельс в берлинском Шпортпаласте – нация поднимись! Тотальная война – заповедь времени», «Доктор Геббельс показал, в какое серьезное время мы живем. Воля всей нации – победа – обязанность всех. Наши сердца дрогнули. Массовая демонстрация фанатической воли к победе в Шпортпаласте», «Тотальная война – тотальная победа. Фанатичное согласие с десятью вопросами доктора Геббельса».[81]

Речь Геббельса была одним из способов оказать давление на Адольфа Гитлера, однако то, что последовало, глубоко разочаровало и министра, и большинство немцев. Гитлер сделал Геббельса советником Бормана, Ламмерса и Кейтеля – по вопросам тотальной мобилизации. Геббельс не был наделен никакими полномочиями для проведения каких-то радикальных мер. Закрытие нескольких, слишком уж роскошных заведений и обнародование нескольких законов, которые ничего не стоило обойти, были не тем, что имел в виду Геббельс под ключом к тотальной войне. Если гау прикрывает один салон красоты, то богачки бегут в следующий, чтобы сделать прическу. Уникальность Геббельса проявилась в его обращении к народу с просьбой самому внести предложения в программу тотальной войны. Он получил тысячи писем, в большинстве из которых была готовность приносить жертвы, но в некоторых сквозило и разочарование по поводу того, как концепция так называ-

смой тотальной войны проводилась в жизнь. Журналист, работавший на министерство иностранных дел, иными словами, на ведомство Риббентропа, врага Геббельса, заявил в 1943 году, что Геббельс был единственным облеченным властью лицом, кто обратился к народу за поддержкой и не прикрывался от критики щитом «принципа фюрерства». Этот же человек, Ханс-Георг фон Штудниц, заметил почти два года спустя: «Национал-социалистическое «народное государство» полно ... аномалий. Привилегии, которыми пользуются правящие классы в любой другой стране».[82]

В одном из своих важных обращений – 9 июля 1943 года, во время выступления в Гейдельбергском университете, Геббельс говорил об «интеллектуальном творце в судьбоносном сражении рейха».

В его заявлении можно было услышать и такую фразу: «Чем дольше длится война, тем более она нас уравнивает между собою».[83] Геббельс не желал отмены классовых барьеров, призывая нацию мобилизовать все силы на тотальную войну, он желал их «игнорировать» и рекомендовал каждому индивидууму соответствующим образом выполнять свои обязательства в отношении военных усилий. В брошюре, широко распространяемой в конце 1943 года, «Тридцать статей о войне для немецкого народа», Геббельс говорил о войне как о навязанной немцам, как об оборонительной, поражение в которой следует рассматривать как конец Германии.[84] В параграфе пятом Геббельс апеллировал к «чувству общности» германской нации. Он опровергал упорные слухи и напоминал своим читателям: «То, что для вас лишь каждодневная рутина, через несколько десятилетий станет источником благоговейного страха для наших детей и внуков» (параграф 16). «Это не война нашего режима или вермахта, это скорее война всей нации», – заключает он в параграфе 18. «Посему, каждый немец должен был напрячь все свои силы для обеспечения победы и будущего нации» (параграф 30). «Есть люди, которые в этом не заинтересованы. Они – материалисты, которые только и думают, что о создании комфорта для себя и удовольствий жизни, которые лишены чувства, что к ним взывает история...» (параграф 29).

Да, Йозеф Геббельс предлагал нечто, на что германская нация не могла не ответить. В октябре одна функционерка нацистского «союза германских девушек» передала сумму в размере шестидесяти пяти рейхсмарок одному из местных детей, отец которого пал под Сталинградом. Солдаты жертвовали деньги пострадавшим от бомбардировок даже не полях сражений. Когда одна женщина послала Геббельсу в качестве подарка ко дню его рождения пять рейхсмарок, тут же последовала отписка его секретаря, уведомлявшая ее в том, что все подобные пожертвования направляются в фонд министерства, созданный для помощи жертвам бомбардировок. Итальянские рабочие, находившиеся в распоряжении Главного инспектора строительства столицы рейха, Альберта Шпеера, пожертвовали шестьдесят рейхсмарок оставшимся в живых бойцам специального подразделения СС, обеспечивавшего операцию по «спасению» Муссолини. Но гораздо большую жертву принесли они, когда решили передать раненым немецким солдатам весь имевшийся у них в наличии запас «къянти».[85] Немецкая пресса поднимала шум вокруг подобных трогательных проявлений готовности к пожертвованиям... Несмотря на все это, к концу 1943 года Геббельс был глубоко обеспокоен результатами усилий по переходу к «тотальной войне». Хотя на него и произвели впечатление непрерывно растущие показатели роста производства вооружений, представленные министром Шпеером, Геббельс не смог воспринять их как достаточные для осуществления перехода к тотальной войне, проповедником которой он выступал. А как проповедник он пользовался очень хорошей репутацией, его популярность достигла абсолютного пика в 1944 году, но концепция тотальной мобилизации для войны так и не понималась.

Популярность Геббельса частично возросла вследствие его визитов в разрушенные бомбежками города и встреч с жертвами налетов. После тяжелых бомбардировок Берлина в конце 1943 года Геббельс замечал, что «женщины подходят ко мне, возлагают на меня руки в молитве, в обращении к Богу хранить меня. Все это очень берет за душу... Мы никогда не проиграем войны по причине морали».

Но даже и здесь его старый цинизм не мог не вылезти

наружу: «Стоит лишь оказать этим людям маленькую честь, и из них можно вить веревки». Геббельс посещал рабочие районы Берлина – Веддинг, который был в 1929-32 годах ареной кровавых побоищ между нацистами и красными. Несмотря на неприятные ассоциации с прошлым, Геббельс хвастался: «Люди хотели пронести меня на своих плечах через площадь, и мне едва удалось избежать этого».[86] Геббельс резко протестовал против проявления упоминаний об этих инцидентах в процессе, но слухи об этом передавались из уст в уста.

Геббельсу было хорошо известно, что ключ к победе концепции тотальной войны находится в руках Гитлера. Министр хотел поднять в бой сотней дивизий побольше за счет мобилизации тыла и вспомогательных подразделений и отмены отсрочек от призыва.[87] Подходя упрощенно, он наивно полагал, что увеличение числа дивизий на сто будет означать достижение тотальной победы.

Но для того, чтобы перерезать красную ленточку, ему был необходим Гитлер. Геббельс стал чаще появляться в штаб-квартире Гитлера, обсуждая с ним целые списки проблем. Иногда он засиживался у Гитлера до четырех часов утра, и, покидая его, он уже имел твердую договоренность о как минимум еженедельных встречах в его ставке. Геббельс становился все ближе и ближе к Гитлеру, но полномочия, которых искал, не получил. Да, эти визиты мало что могли сделать для достижения им своих тайных замыслов, ибо возвращался он всегда просветленный и экзальтированный, на время позабывший о том, ради чего приезжал.

17 июля 1944 года Геббельс не без мечтательности заметил, что маятник войны должен скоро склониться в пользу Германии.[88] В производстве находилось новое оружие. Однако концепция тотальной войны в том виде, в котором она была провозглашена в 1943 году, потерпела неудачу: Советы по-прежнему громили немецкие войска на центральном театре Восточного фронта, союзники вторглись в Европу на западе, а воздушная война превратила большую часть Германии в руины, лишив ее обороноспособности. Три дня спустя оберст Штрауфенберг совершил попытку покушения на Гитлера.

Попытка произвести революции в вооруженных силах и среди гражданского персонала помогла Геббельсу в его планах тотальной войны. Его личная храбрость и хладнокровие перед лицом «измены» в Берлине укрепила его положение при Гитлере. Будучи убежденным национал-социалистом, Геббельс с незапамятных времен подозревал, что вермахт когда-нибудь предаст идею национал-социализма, и этот заговор послужил зримым доказательством обоснованности его подозрений. За девять месяцев до этого Геббельс заметил: «Американцы и англичане снова болтают о заговоре генералов рейха, который должен опрокинуть режим Гитлера. Очень подозрительно, что когда бы враг не говорил о внутренних кризисах в рейхе, он всегда подразумевает генералов».[89]

Во время обращения к партийцам после подавления попытки переворота, Геббельс обратил особое внимание на тот факт, что генералы не желали победы на востоке, поскольку эта победа будет победой национал-социализма. После провала попытки покушения 20 июля 1944 года, Гитлер решил передать в руки Гиммлера и Геббельса гораздо больше полномочий, чем те имели раньше. Геббельс заручился абсолютными полномочиями по всем вопросам тотальной войны. 25 июля 1944 года им был основан комитет планирования под руководством имперского советника Наумана и исполнительный комитет, во главе которого стал гауляйтер Пауль В. Вегнер. Геббельс заявил, что тотальная война теперь уже не будет чем-то вроде «помой меня, но не намочи». Геббельс принимал жесткие меры, значительно дополнявшие внутренние войска и танковые дивизии СС, а позже и Фольксштурм (народное ополчение). Теперь тотальная война стала реальностью – но было уже поздно. И Геббельс не смог добраться до вермахта с его раздутыми донельзя штатами и сложными, поглощающими людские резервы лабиринтами. Вильфрид фон Овен заметил: «Геббельс понимал слабость вермахта, но добрые отношения министра и армии не давали возможности сделать что-либо существенное в этой решающей области».[90]

На Вильгельмсплатц посыпались предложения, рекомендовавшие Геббельсу, как развернуть тотальную войну.

Одно из таких писем, дошедших до наших дней не полностью и в немецкой версии, как утверждают, прибыло от самого Бенито Муссолини. У того, кто его прочтет, возникает мысль, не преследовало ли оно цель поиздеваться. Дуче поздравляет Геббельса с его новым назначением и пишет, что, если ему требуется найти больше людей для войны, ему следует взглянуть на Италию, где находились тогда сотни и даже тысячи немцев, которых с гораздо большей отдачей можно было бы использовать где-нибудь еще! Но даже в области мобилизации гражданского населения возможности Геббельса были весьма ограничены. Ему приходилось наталкиваться на Альберта Шпеера и Фрица Заукеля, увязать в вопросах ассигнований, преодолевать сопротивление гауляйтеров, производителей вооружений и Мартина Бормана с его партийной канцелярией. В октябре Геббельс и Науман попытались убедить соответствующие инстанции в необходимости учредить новый орден за подвиги на трудовом фронте. Государственный секретарь Майсснер, скорее всего заручившийся поддержкой Ламмерса и Бормана, отложил решение этой проблемы, что означало ее конец. К тому времени Геббельс был уже большим реалистом и верно оценивал свои возможности. Теперь он призывал свою аудиторию «продержаться» (от этой фразы он раньше отказывался, уж очень она напоминала последние годы первой мировой войны) и выиграть время, пока не введены в бой новые дивизии и новое оружие. Здесь Геббельс затрагивал один из наиболее противоречивых вопросов его пропаганды в последний период войны, проблему «чудо-оружия» и «оружия возмездия» в борьбе против врага в ответ на разрушение немецких городов.[91]

Геббельсу некого было винить кроме себя в том, что он разбудил в немецком народе ложные надежды на возможность возмездия, хотя позже он будет искать виновных. Уже в мае 1942 года министр через имперского секретаря Гуттерера, распорядился, чтобы успехи немецких атак возмездия против Англии соответствующим образом подавались в немецкой прессе. Это являлось уже определенной переменой в контексте геббельсовского употребления термина «возмездие» в 1940 году, когда он был весьма смущен

мировым общественным мнением и пытался оправдать атаки немцев на Лондон, ссылаясь на налет англичан на Гамбург.[92]

Немцы ликовали, когда Геббельс, выражая их мнение своей оценкой налетов на немецкие города в том тяжелом 1943 году, пообещал отомстить, одновременно признав, что разрушенные бомбардировками города Германии переживают тяжелые времена, борясь за выживание. Под бурные овации он выкрикнул: «Однажды придет час возмездия!» Несколько месяцев спустя Геббельс пообещал, что возмездие низринется на Англию, «как неистовый демон».[93] Поездками по разрушенным городам, встречами с их населением, своими героическими речами, во время которых он представал выразителем чувств ненависти и возмездия, Геббельс и дальше сумел поднять свой рейтинг. Геринг же, наоборот, сильно подпортил свою репутацию после того, как один немецкий город за другим разрушался налетами. Когда Геббельс отправился в разрушенный Дортмунд, он говорил там об «армаде возмездия», и его слушатели с диким восторгом встретили его слова.[94] Геббельс выразил чувства многих, рассказав о том, как его растрогала до глубины души надпись на одной из стен разрушенного города: «Артур, дорогой Артур, я и оба ребенка живы, и я ищу тебя. Где ты?»[95] Солидарность с жертвами и обещание отмщения занимали центральное место в его работе и речах конца 1943 года.

Но возмездие не наступило. Немецкие войска оттеснялись к западу от России угрожающе быстрыми темпами. Летом и осенью того же года еще большее число городов стали жертвами «террористических налетов» (причем, Гамбург пострадал еще в большей степени, чем Берлин). Возникали неоправданные надежды. Геббельс диаметрально изменил свою точку зрения и распорядился, чтобы радио и пресса избегали всякого упоминания о возмездии. Его разум подсказывал ему, что он совершил ошибку, но когда Геббельс вернулся после очередного вояжа в ставку Гитлера (в начале января 1944 года), его снова обуяли мысли о новом «чудо-оружии».[96] Геббельс страстно желал этого, потому что хотя он и стал объективнее оценивать возни-

кшую ситуацию, но очень часто заверял своих слушателей, чьи дома были разрушены, что возмездие свершится. Он дал торжественное обещание, что готов к тому, что его сочтут бесчестным человеком, если возмездие так и не придет.[97] Что представляло собой торжественное обещание, Геббельс продемонстрировал буквально накануне высадки союзников в Европе, когда обратился к впавшей в истерику толпе с такими словами: разумеется, ни германский вермахт, ни германская полиция не служат для того, чтобы следить за каждым шагом и словом немцев, если они действуют против этих убийц, это не входит в их задачу!»[98] Геббельс имел в виду случаи стихийного самосуда над спасшимися на парашютах членами экипажей подбитых бомбардировщиков союзников. Все месяцы разочарований настолько принизили ценность «возмездия», что единственной отдушиной стало убийство нескольких военнопленных. Вскоре после дня высадки с баз Голландии и Бельгии, против Британии стали направляться беспилотные самолеты-снаряды. Уж не это ли было началом великого возмездия? Имя для этих самолетов было предложено самим Геббельсом – «V-1» (начальная буква слова Vergeitung – возмездие), что получило высочайшее одобрение Гитлера. Но Геббельс не был уж очень уверен в эффективности применения этих снарядов (эффективность была довольно низкой, да и применяться они стали с большим опозданием), посему он запретил употребление слова «возмездие» в прессе. Взор нации был прикован к вновь возникшему фронту во Франции, и не имело смысла утверждать, что Британия была на грани коллапса по причине применения снарядов «V-1», когда немцы видели, как союзники рвались прямиком к столице рейха. Коммюнике ОКВ (Верховного главного командования) было весьма скупым, и в нем не употреблялось слово «возмездие». Геббельс и Гитлер договорились, что ни тот, ни другой не будут пользоваться этим термином. Тогда чем же объяснить такой факт, что в утреннем выпуске «Берлинер Нахаусгабе» в июне 1944 года появилась статья известного нацистского журналиста Отто Кригка, начинавшаяся словами: «День, который восемьдесят миллионов немцев ждали с таким нетерпением, на-

стал... ?» Кригк говорил в своей статье о «V-1» как о реализации возмездия. Геббельс впал в ярость, но, в конце концов, сообразил, что дал прессе свои указания на этот день в таком виде, который мог позволить Отто Кригку воспользоваться именно такой формулировкой.[99] Геббельс готов был арестовать Кригка за предательство, но истинным виновником был Дитрих, и арест, само собой, отпадал. Бушуя от гнева в присутствии Вильфрида фон Овена, одного из своих дежурных по прессе, Геббельс, сам того не желая, произнес один из своих самых лучших каламбуров. Одним из лозунгов пацифистов во времена Веймарской республики был: «Nein Krieg!» — «Нет войне!» Геббельс строго-настрого приказал своему ведущему радиокомментатору Хансу Фриче противодействовать любому слишком уж оптимистическому настроению, которое могло возникнуть у немцев после прочтения газет. Войну они завтра не выиграют. И в то же время сам Геббельс разбудил в 1943 году надежды на возмездие, следовательно, его вину тоже не умалить. Отношение Геббельса с шефом RPK, Отто Дитрихом, ясно указывали на другой фактор, ограничивающий возможности его успеха в деле развертывания программы тотальной войны: губительные и нестабильные отношения с другими нацистскими лидерами.

Когда в 1939 году началась война, Гитлер стал уделять меньше интереса тому, что происходило внутри имперского правительства. Он был склонен делегировать полномочия от себя и, иногда, таким образом, что это вызывало нездоровую конкуренцию среди его коллег, часто переходившую просто в кутерьму. 30 августа Гитлер учредил имперский комитет обороны рейха.[100] В качестве постоянных членов в него вошли Фрик, Геринг, Функ, Кейтель, Ламмерс и Гесс. Сама по себе эта группа лиц мало что издала в смысле законов, Геринг оправдывал это тяготами военного времени. К 1942 году, чувствуя пустоту, образовавшуюся в лидерстве тыла, Йозеф Геббельс счел, что возрождение имперского комитета может ему подсобить. Помочь ему стать чем-то вроде «канцлера тотальной войны». Гесса уже не было, Кейтель был поглощен руководством военными действиями на фронтах. Ламмерс постепенно впадал в

бюрократическое безвластие, а Фрик стал полным ничтожеством и вот-вот должен был распроститься с постом министра внутренних дел. У Геббельса были хорошие отношения с министром экономики Функом. Ключевой фигурой в схеме Геббельса был Герман Геринг. Геббельсу потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что Мартин Борман может похоронить его планы. Личный секретарь фюрера контролировал все, что относилось к партии, а также корреспонденцию, предназначавшуюся для Гитлера. Позднее Геббельс понял, что секретарь фюрера обладал контролем над правительством, но почти на всем протяжении 1943 года он плел свои конспиративные паутины, не сознавая, что самым большим пауком был Мартин Борман.

К 1944 году Геббельс овладел наукой общения и сотрудничества с Борманом, если это требовалось.

Йозеф Геббельс полагал, что Альберт Шпеер и Герман Геринг были фигурами, без которых концепция тотальной войны утрачивала жизнеспособность. К марту 1943 года Шпеер уже около года пробыл на посту министра вооружений и боеприпасов и достиг заметных успехов в производстве вооружений. Геббельс хвастался: «Шпеер — целиком мой человек», и мобилизовал его, чтобы привлечь в лагерь сторонников концепции тотальной войны Германа Геринга.[101] Но ни один из нацистских бонз не имел никакого другого главного лидера, кроме Гитлера — они все принадлежали фюреру, а тот комплектовал все государственные институты таким образом, чтобы обеспечивался необходимый уровень соперничества и всякого рода разногласий. Несмотря на неприязнь Магды Геббельс к Шпееру («Он шагает по трупам»),[102] Геббельс не оставался равнодушным к компетентности высокомерно-холодного молодого архитектора, давнего фаворита Гитлера. Шпеер верил лишь в качество и количество продукции вооружений, и его меньше всего заботила чистая статистика — цифры, будь то число самолетов или дивизий, как это заботило Геббельса. Геббельс сумел постигнуть, что Шпеер находился в полной зависимости от столь часто пребывавшего в состоянии смятенности Гитлера, что он не был из числа «старых борцов» и не был на такой поднебесной высоте в нацистс-

кой иерархии, как например, Геббельс, Лей или Геринг. У Геббельса близость Шпеера к Гитлеру вызывала жгучую ревность. Эта близость основывалась на восторге, который испытывал фюрер по отношению к профессии архитектора, чем и объяснялась почти отеческая привязанность Гитлера к своему министру вооружений. К 1944 году Шпеер начал постепенно оказываться в изоляции, которая постоянно углублялась, но он был изолирован даже от Гитлера, поскольку превратности войны не подтвердили правоту его политики. Шпеер стал жертвой заговоров, в которых участвовали Борман, Гиммлер и Геббельс. Министр экономики Функ позже говорил Шпееру: Он (Геббельс) открыто восставал против вас, в ставке фюрера, на совещаниях гауляйтеров, везде».[103]

В октябре Геббельс заявил, что он больше не верит ни единому слову Шпеера. Разочарованный провалом, Геббельс обвинял Шпеера в отсутствии эффективного «чудо-оружия».

Насколько эффективнее могла бы быть тотальная война, если бы Геббельс не смог и дальше сотрудничать с Альбертом Шпеером? Вплоть до начала 1943 года Геббельс недооценивал влияние Шпеера, точно так же, как переоценивал влияние Геринга до начала 1944 года. Геббельс полагал, что несмотря на провал «Битвы за Англию», провал попытки снабжать по воздуху 6-ю армию, неспособность «Люфтваффе» защитить немецкие города, Геринг все еще пользовался большой популярностью и потенциальной политической силой. Но Геринг был утомлен и апатичен. Геббельс заявил: «Поэтому тем более важно заставить его привести себя в порядок. Ведь он является одним из крупнейших представителей власти». И в начале марта 1943 года Геббельс заметил: очень существенно и то, что мы сумели каким-то образом заполнить пробелы в нашей внутренней и внешней политике. Не следует нагружать фюрера всем сразу».[104] Чего Геббельс не удосужился заметить, так это того, что эти «пробелы» существовали с благословения Гитлера, и если уж и были какие-то дыры, которые действительно следовало заполнить, то они заполнялись Мартином Борманом, а не впадавшим во все большую неми-

лость Германом Герингом. «Геринг, к несчастью, какой-то неактивный и покорный, и большого труда потребует заставить его пошевеливаться...», — утверждал Геббельс.[105] Он полагал, что в лице Лея, Вальтера Функа и Альберта Шпеера обрел верных союзников. Он не оставлял попыток вдохнуть жизнь в имидж Геринга как представителя власти, выставляя его в выгодном свете в выпусках DW, консультируясь с ним, подольщаясь к нему. Геббельс был убежден, что, если все эти люди сработаются, он обретет большую часть власти внутри страны для осуществления концепции тотальной войны, сумеет мобилизовать все общество. В ноябре Геббельс сделал следующее заявление: «Геринг, слава Богу, чаще стал бывать на людях, я очень счастлив, что его видят и что поэтому его влияние постепенно возвращается».[106]

К 1944 году Геббельс понял, что его надежды возлагались не на того человека. То, что у Геббельса вообще существовали такие надежды — дань его тщеславия и способности к самообману. Теперь он видел Геринга таким, как есть: некомпетентным, пассивным, склонным к роскошествованию, напудренную и надушенную оболочку человека, полную его несостоятельность. Теперь Геббельс уже питал к Герингу отвращение, но отвращение это соединялось с изрядной долей жалости и сочувствия, ибо несостоятельность Геринга была близкой родственницей несостоятельности национал-социализма и «Третьего рейха». Геббельс самозабвенно предавался реминисценциям об их днях в «эру борьбы».[107] Он продолжал видеть в Геринге положительные качества, как например, тактичное поведение рейхсмаршала, когда сын Магды от первого брака, Харальд Квандт, был захвачен в плен канадцами. Геббельс презирал обжорство, но лишь хихикал, вспоминая подвиги Геринга году, этак, в 1930, когда бывший летчик-истребитель закупал в огромных количествах шоколад и конфеты и брал все это с собой в поезд, отправляясь в пропагандистский тур. «Скромный», «честный», «человечный» — вот некоторые из прилагательных, которые Геббельс рассыпал в адрес Германа Геринга, впавшего в опалу до самого 1945 года.

Но у Йозефа Геббельса не проявлялось такого терпе-

ния, если он размышлял об Альфреде Розенберге, идеологе нацистов и министре по делам оккупированных территорий. Геббельс считал Розенберга помешанным, человеком, деятельность которого в России нанесла непоправимый вред военным усилиям Германии. Вражда между Розенбергом и Геббельсом зародилась еще в 1934 году. Розенберг заведовал внешнеполитическим ведомством нацистов и считал, что антисемитская политика министерства Геббельса нанесла урон англо-германским отношениям. Розенберг, видевший в себе глубокого мыслителя, с отвращением воспринимал Геббельса в роли руководителя имперского министерства культуры. Он чувствовал, что речи Геббельса были какими-то нетвердыми, лишенными структуры. Розенберг завидовал царству над делами культуры, которое получил этот выскочка – Геббельс. В своем дневнике Розенберг, как и другие старые нацисты, негодовал по поводу атак Геббельса на своих старых покровителей братьев Штрассеров. Розенберг рассказывает об одной своей речи, которую он произнес в Эйзенахе, и бурной реакции на нее: «Лишь один человек никак не прореагировал: доктор Геббельс. Я понимаю его, он по-другому не может».[108] Розенберг считал Геббельса катастрофой для нацистского движения и для германской внешней политики, считая, что тот разменял роль пропагандиста на роль «агитатора в предместьях».

Когда в самый канун войны Геббельс по уши увяз в истории с Лидой Бааровой, Розенберг позаботился о том, чтобы его рассматривали в качестве возможной замены на посту «малютки-доктора». Реакцией Геббельса на этот афронт Розенберга была смесь презрения и своего рода сдержанного восхищения. Даже во времена Веймарской республики Геббельс говорил о Розенберге, как о человеке, любое качество которого можно употребить лишь со словом «почти»: «Почти ученый, почти журналист, почти политик, но всегда «почти».[109] В 1942 году Геббельс замечает, что Розенберг был «хорошим теоретиком, но не практиком: он всегда как рыба в воде, если речь идет об организации, но за пределами этого его идеи – детские».[110] Геббельсу претила не знающая юмора псевдоглубина Розенберга: Геббельс

был проницательным судьей печатного слова, и весьма удивительно то, что он высказался положительно в адрес мрачной прозы Розенберга, ее плагиаторской «глубины»: «Писать он может, это следует признать. Среди нас, национал-социалистов, распространяющих идею пером, он, без сомнения, наиболее одаренный».[111] Но тут же, буквально не переводя дыхания, Геббельс валит Розенберга в одну кучу с Леем и Риббентропом, называя их «сумасшедшими, обитателями психушки». Он заявлял, что не может понять, как фюрер мог оставить на такой должности «этого шумного дурачка».

Доктор Роберт Лей, ROL и глава DAF, был человеком, чья личная и политическая судьба в 1943 году переживала кризисный момент. Геббельс считал, что Лей благодаря статусу «старого борца» и главы двух важных учреждений может оказаться полезным в работе по осуществлению концепции тотальной войны. В этом смысле, действительно, Лей не мог оказаться мало-мальски полезным. Алкоголик, человек, не соответствующий времени, отталкивающий в личном плане, недавно овдовевший в результате самоубийства жены, Роберт Лей утратил власть в партии в пользу Мартина Бормана, и его роль в DAF значительно меньше в военное время, нежели в мирное. Геббельс увидел истинное лицо Лея еще в 1940 году, когда он предупреждал присутствующих на совещании у него в министерстве от широко распространившихся «преувеличений социальных обещаний» Лея.[112] Геббельс полагал, что Лей окажется полезным в деле блокирования растущего авторитета Бормана: «Лей плачется мне в жилетку о пассивности партии, которая у него как кость в горле... Борман — это не человек из народа.[113] Но несмотря ни на что, Геббельсу настолько были противны неотесанность Лея, что он даже запретил тому посещать его в своей резиденции на Герман-Герингштрассе. В марте 1943 года Геббельс с удовлетворением отметил, что Гитлер собирается запретить употребление спиртных напитков функционерами всех партийных уровней на весь период войны.

Лей завладел «Ангриф» и стал воплощать голос DAF. Он публиковал эксцентричные статейки, которые Геббельс,

к его величайшей злобе, не имел права подвергать какой-либо цензуре. «Стоит ему лишь открыть рот, так сразу видно, что он оратор», – имел обыкновение говорить о Лее Геббельс. Но, тем не менее, какой бы ограниченной не была власть его, Лей был и оставался по-прежнему одной из важных шишек в нацистской иерархии. В структуре «Третьего рейха», с его непрерывной междоусобицей удельных князьков, обеспечивал ему некую автономность. «Безумец вещает!» – так комментировал Геббельс статью Лея. «Еврейство должно исчезнуть, Москва – сгореть дотла, а Германия – победить».[114] После попытки покушения на жизнь Гитлера в 1944 году, Лей во время одного из митингов на какой-то фабрике кричал, что мать предателя Штауфенберга была «английским графом».[115] К 1945 году Лей, с наполовину атрофировавшимся, по причине запойного пьянства, мозгом, слишком слабый физически для того, чтобы готовиться к партизанской войне против союзников, предложил немцам выйти против русских безоружными и раздетыми догола. Лишившийся власти, умственный и физический деградант, в 1945 году Лей каким-то образом сумел обрести утерянное доверие Гитлера, разыгрывая спектакль патриотической преданности фюреру. Для Геббельса он был совершенно бесполезен...

Когда Геббельс занимался вопросами организации концепции тотальной войны, он понимал, что самой большой помехой для него в этом является доктор Отто Дитрих, руководитель немецкой прессы и государственный советник в министерстве пропаганды. В отличие от Геббельса, Дитрих постоянно жил в ставке фюрера. Во всяком случае, до середины 1944 года Дитрих имел больше власти над заголовками немецких газет, чем Геббельс. Голосом Дитриха был голос Адольфа Гитлера. И Геббельсу приходилось осторожничать, не соглашаясь с «лозунгом дня», даваемым прессе человеком Дитриха Гельмутом Зюндерманом. Геббельс видел в Дитрихе умного червя-приспособленца, лишенного настоящего интеллекта, вероломного человека. Большего бедствия на этой должности трудно было себе вообразить. Два промаха Дитриха в особенности вывели Геббельса из себя. В октябре 1941 года Дитрих потребовал

от немецкой прессы напечатать заголовки, указывающие на то, что кампания в России – дело решенное. В действительности, эти лозунги исходили от Гитлера, который вновь утвердил немцев в том, что военные действия зимой не будут нужны. Гитлер считал, что подобные сообщения смогут отбить у Соединенных Штатов охоту вступать в войну. Возможно, все это было известно Геббельсу, но ведь он не мог обвинить в этой ошибке Гитлера и решил обвинить Дитриха. Как заявил Землер: «Геббельс сам считает, что мы сегодня совершили самую большую пропагандистскую ошибку в этой войне».[116] К тому времени, впрочем, Геббельс сам предостерегал нацию от чрезмерного оптимизма. В конце 1943 года Геббельс и Дитрих якобы работали в гармонии. Министр все еще предпочитал тешить себя мыслью, что сможет вышвырнуть Дитриха вон, когда пожелает, но это было признаком самообольщения. Гитлер знал, как обходиться с Геббельсом, и торжественно пообещал ему отделаться от Дитриха, но все дело было в том, что этот человек был настолько некомпетентным, что представляло огромную трудность подыскать ему подходящую должность. Это очень успокоило «эго» Геббельса, и Дитрих остался при Гитлере. Когда Дитрих в июня 1944 года снова отважился вытащить на свет божий «утку» о «возмездии», Геббельс рассвирепел.[117] В марте 1945 года он продолжал бесноваться по поводу «комплекса неполноценности»[118] Дитриха, его завистливости, его болезненной амбициозности. В конце марта 1945 года, когда Гитлер все же выгнал Дитриха, «Третьему рейху» оставалось всего четыре недели.

В течение последних двух военных лет Йозеф Геббельс был захвачен идеей о возможности достижения Германией компромиссного мира или надеждами на близкий распад коалиции союзников. В своих пропагандистских материалах он изображал капитализм и восточный большевизм в виде двух сторон одной и той же монеты. Он следовал Гитлеру в том, что звал народ сражаться до победного конца и на западе, и на востоке. На деле же Геббельс очень переживал отсутствие у нацистов конструктивной дипломатии.

Высадка англо-американских войск в Италии в июле-сентябре 1943 года придала в глазах Геббельса особую важ-

ность возможности достижения компромиссного мира. «Проблема начнет проявлять себя с любой стороны, с какой бы мы ее ни рассматривали, со стороны Москвы или со стороны англо-американцев», – писал он.[119] Геббельс, в отличие от Гитлера, понимал, что легче будет заключить сделку со Сталиным, нежели с этим «романтиком», охочим до приключений, Черчиллем. Британское руководство, которое придет на смену Черчиллю, может быть даже еще и хуже (кто такой Энтони Иден?). Черчилль желал, чтобы немцы и русские обескровили друг друга и тогда он смог бы господствовать в Европе. Верно, что он был старым антибольшевиком и его сотрудничество с Москвой было всего лишь продиктовано требованиями момента, а не принципиальными соображениями, но Геббельс сомневался, что британская политика может враз измениться. Гитлер считал, что Черчилль был движим ненавистью, а не здравым смыслом. Гитлер знал, что его собственное принуждение расколоть Россию и разрушить большевизм делали невозможной какую-либо сделку со Сталиным. В конце сентября Геббельс сказал Гитлеру, что Германия не выдержит войны на два фронта.[120] Иногда Геббельс полагал, что Германия получит более благоприятные условия капитуляции от демократической Британии, чем от коммунистической России. Но он вполне сознавал стесненность Германии в вопросах возможных переговоров. Бывали моменты, когда старый «радикал» Геббельс впадал по адресу Сталина почти что в лиризм, восторгаясь им за уничтожение в конце тридцатых годов офицерского корпуса Красной Армии и замену фанатично настроенными молодыми офицерами, исполненными безграничной верой в Сталина и победу.[121]

В гуще этих опасных событий Геббельс обманывал себя весьма оптимистичными анализами. Он пришел к выводу, что большая коалиция, созданная для уничтожения рейха, распадется, когда союзники окажутся вблизи своей цели. Если Германия исчезнет – а Геббельс горячо верил в то, что именно это было главной задачей союзников, – восток и запад схватятся в Третьей мировой войне. Они и сами вскоре должны будут понять это – следовательно, Германия необходима для поддержания равновесия сил.

Следуя мысли, которой Гитлер не изменял до самой своей смерти, Геббельс упоминал в беседах с адъютантом, что Германия должна героически сражаться на всех фронтах, в то время, как противоречия в лагере союзников будут нарастать до критической точки.

Геббельс признал, что одной из задач его редакционной статьи в «Дас Райх» было достичь изменения в британской политике, хотя он все же скорее склонялся к России. Геббельс знал, что в случае достижения компромиссного мира вся Восточная Европа окажется в руках Советского Союза.[122] В глубине души Геббельс должен был понимать и то, что Гитлер никогда не согласится с этим планом.

В начале 1944 года Геббельс понял, что спасения для Германии не будет, и никакого компромиссного мира тоже – до тех пор, пока не будет осуществлено вторжение на западе. Если бы союзники были отбиты, то открылись бы какие угодно возможности. Впрочем, если им удастся одержать верх – Германия должна быть разрушена союзной коалицией. К марту не было никаких признаков вторжения, и Геббельс со все возраставшим беспокойством вглядывался в этих упрямых британцев. «Они что, не вступают в войну ради сохранения баланса сил? Тогда зачем отдавать Европу на поругание большевистской России? Германия», – продолжал Геббельс, – «не ставила таких требований, которые бы могли ущемить жизненные интересы Британской империи. Почему же Англия так желает истекать кровью в Европе, потом передать ее в руки красных и потерять свои колонии в Америке?» В своем неглупом комментарии Геббельс признал, что британцы хоть и не особенно его жалуют, но поддерживают из соображений своекорыстия. Министр предсказал, что поддержка эта может прекратиться вместе с войной. Геббельс хватался за соломинку, за надежду на то, что британцы хоть и с запозданием, но все же поймут, что большевики, которые тогда приближались к Польше и Румынии, были действительно угрозой британским интересам. Если бы только этого Черчилля свела в гроб какая-нибудь смертельная пневмония...

Геббельс понимал и то, что германская дипломатия достигла своей мертвой точки. Рейх уже не был хозяином

своей судьбы. Но даже если бы произошло нечто, что смогло бы открыть новые возможности для Германии, у нации не было министра иностранных дел, который бы обладал способностью ухватиться за этот последний шанс. Как утверждал Геббельс: «Наша внешняя политика стала сегодня абсолютно стерильной и замороженной».[123] Геббельс и сам был не прочь полезть в министры иностранных дел, в канцлеры, в комиссары по тотальной войне и в министры по делам оккупированных восточных территорий, во всяком случае, в смысле возможностей для проведения широкомасштабной политики. И все его пожелания происходили не от каких-то личных амбиций, а скорее были обусловлены растерянностью при виде того, как Риббентроп, Розенберг и Борман вели рейх к поражению. Даже сам Гитлер не избежал критики Геббельса. Но не было никого в рейхе, к кому бы Геббельс испытывал такую непримиримую неприязнь, как к Иоахиму фон Риббентропу. В последние годы существования «Третьего рейха» у Риббентропа было мало заступников, но на одного, по крайней мере, он мог рассчитывать – на Адольфа Гитлера. Альберт Шпеер вспоминает одну из своих ранних встреч с Риббентропом: «Русоволосый человек, задравший голову вверх, смерил меня высокомерным, сдержанным взглядом». Даже теща Риббентропа характеризовала его как «самого тупого из моих зятей».[124] Состязание между Геббельсом и Риббентропом доходило до абсурда. Они посещали соперничавшие клубы для представителей иностранной прессы, Риббентроп при этом отдавал предпочтение клубу международной прессы, а Геббельс – иностранному клубу.[125]

Геббельс был вынужден заявить в конце 1943 года: «Если Риббентроп так же умен во внешней политике, как в общении со своими коллегами.. тогда я хорошо могу понять, почему мы не достигли каких-нибудь более или менее заметных успехов в наших акциях с другими странами».[126] В марте следующего года Риббентроп стал «болваном». Геббельс никогда не простил Риббентропу их вынужденный спор, состоявшийся в 1941 году по вопросу о полномочиях в сфере пропаганды на зарубежные страны. Гитлер заставил их обоих прийти к компромиссному реше-

нию, но мир между ними был вынужденный, даже неравный. Когда Геббельс писал длиннющие меморандумы по вопросам внешней политики, Борман подвергал их своеобразной цензуре, прежде чем они ложились на стол к Гитлеру. Гитлер ни в коем случае не желал смены руководства министерства иностранных дел, и Борман это знал. Гитлер имел гораздо более глубокое понимание положения Германии после 1942 года, чем даже Геббельс. Гитлер, действительно, не верил, что что-нибудь, кроме как сила, будет способно закончить войну.

После того, как 6 июня 1944 года союзники высадились во Франции, Гитлер и Геббельс ухватились за одну и ту же соломинку.[127] Капиталистический Запад был в основе своей слабее большевистской России, более склонен к упадку. Если западные армии смогут быть отнесены назад к Ла-Маншу с огромными потерями, они согласятся на переговоры с нацистами, особенно после того, как большевики вольются в восточную часть Польши. Новые «V-1», дождем обрушившиеся на Лондон, помогут привести этих британцев в чувство. Геббельс считал, что британский рабочий класс настроен против Черчилля. К 15 июля он уже подумывал о том, как бы удержать врага на линии фронта на севере Франции, а не о том, чтобы отшвырнуть союзников обратно в море. Тем не менее, если это положение сохранится, то смогут открыться иные возможности, в особенности, если Германия сумеет успешно противостоять наступлению центральной группы войск красных. 10 июня Гитлер и Геббельс полагали, что постепенное продвижение красных сыграет им на руку в деле приведения «в чувство» Запада. После 22 июня большевики прорвались через центр германского фронта глубоко на территорию бывшей Польши. К 15 июля Геббельс знал, что этот смертельный кризис на востоке должен быть преодолен, если Германия вообще собиралась выжить. Он создал новую схему самообмана в своей постоянно меняющейся схеме для того, чтобы обосновать свое мышление, определяемое желанием дать возможность нацистскому режиму выжить.

В начале сентября Геббельс пришел к заключению, что британцы должны признать наличие советской угрозы.

Причиной того, что правительство Черчилля не изменило свою политику, была слабость исполнительной власти, присущая парламентской системе. Геббельс начал менять свое мнение об Уинстоне Черчилле, как о человеке, который может изменить свое решение, если он не посчитается с мнением парламента. В течение четырех последующих месяцев Геббельса будет занимать личность пожилого премьер-министра Британии, который даже совершил поездку в Афины, когда возникшие там беспорядки вызвали такую необходимость. Какой же контраст с изоляционистской натурой германского руководства! Пользуясь этой садомазахистской аналогией, Геббельс горячо надеялся, что тяжеловесность парламентской системы не сможет предохранить британцев от необходимости более быстро реагировать на продвижения Кремля, чем на экспансию нацистской Германии в период между 1936 и 1939 годами. С характерным оттенком тщеславия Геббельс верил слухам о том, что Черчилль якобы пойдет на переговоры с ним. Но Черчилль оставался по-прежнему верным формуле безоговорочной капитуляции, впервые провозглашенной президентом Рузвельтом в январе 1943 года, и к концу сентября 1944 года Геббельс утратил надежду на всякие изменения в британской политике. Черчилль был «ослеплен ненавистью», хуже того, он не собирался, похоже, ни умирать, ни быть свергнутым. «Я все больше и больше склоняюсь к точке зрения, что у нас становится все больше шансов достигнуть соглашения с Россией», – утверждал Геббельс.[128]

В декабре 1944 года Гитлер предпринял злосчастное наступление в Арденнах... Задачей его являлось нанесение сокрушительного удара западной группе союзных армий, выигрыш во времени и приведение их в чувство. Потом они присоединятся к нему в войне против большевизма или, в самом крайнем случае, остановят наступление на рейх. Когда это последнее гитлеровское наступление потерпело крах, Геббельс перестал верить в политическую стратегию Гитлера. Гитлер придерживался своего курса до самой смерти, призывая к сопротивлению и на западе, и на востоке. Геббельс же изменил свое мнение, и в начале февраля рекомендовал, чтобы Германия бросила все свои

силы против русских, полагая, что в сопротивлении западным союзникам уже нет политического смысла. В конце февраля у Геббельса состоялся один примечательный разговор с Гиммлером. Эти двое, никогда доселе не бывшие друзьями, вели беседу очень по-разному. Гиммлер, который думал с позиции «предательства» (переговоры с Западом за спиной у Гитлера), выражался осторожно, в то время как Геббельс, несогласный с Гитлером в отношении продолжения войны с Западом, но никогда не считавший, что тем самым предает фюрера, говорил честно и открыто. Геббельс настаивал на том, что единственное, оставшееся Германии, это впустить в рейх западных союзников и продолжать борьбу против большевиков. Гиммлер застенчиво сослался на плохое состояние здоровья у Гитлера, но, как выяснилось, лишь для того, чтобы в ответ услышать заверение о том, что в немощном теле живет «пламенный дух».[129] Гиммлер отражал давление на него со стороны СС, таких людей, как Вальтер Шелленберг и Готтлоб Бергер, которые считали, что «последней задачей политического руководства является сохранность населения, а не приведение его к гордой и героической гибели».[130]

Но в разговорах с людьми попроще Геббельс всегда оставался верным линии нацистов, особенно если речь шла о немецких журналистах. Даже 1 апреля 1945 года один издатель заявил: «Геббельс придерживается взгляда, что чем ближе военное поражение Германии, тем крепче ее политическая позиция, потому что коалиция союзников, по мере продвижения русских, развалится».[131] В узком кругу Геббельс уже давно стал признаваться, что сдерживание и Запада, и Востока означало катастрофу. 22 апреля Геббельс с восторгом сообщил Гитлеру, что Запад присоединяется к нацистам в наступлении на русских. Еще один пример мышления, основанного на том, чтобы выдать желаемое за действительное: Геббельс надеялся заинтересовать Гитлера планом, который представлял собой совершеннейшую перемену в германской политике. «Германские войска прекратят огонь на западе», — говорил он, — «и мы посмотрим, станут ли американцы стрелять нам в спину в этих обстоятельствах».[132] Ничего из этого плана не

вышло, а через девять дней ни Гитлера, ни Геббельса уже не было в живых.

Когда 1 мая 1945 года Геббельс совершил самоубийство, с ним погиб и миф. Последние годы войны Геббельс утешал себя и своих слушателей двумя интеллектуальными формулировками: первая касалась коллапса союзной коалиции, компромиссного мира и спасения нацистской Германии. Вторая – основывалась на излюбленной исторической аналогии. Задал для нее тон Гитлер в 1942 году, в канун первой русской зимы: «Наша нынешняя борьба -это скорее продолжение, но на международном уровне, той борьбы, которую мы начали на национальном уровне».[133] Геббельс был убежден, что война против плутократии и большевизма была повторением борьбы нацистов в Веймарской республике, когда им пришлось бороться с Ротфронтом и реакцией, и когда они одержали победу. Такой героизм, такая страстность, сколько было этого в те годы, в «эру борьбы», конечно, уж не в последнюю очередь и борьбы самого «малютки-доктора». Взять хотя бы, например, безнадежную политическую ситуацию 1923 или 1927 года, или конца 1932, которые достигли своей наивысшей точки в «борьбе а власть», так ведь и военные неудачи 1944 года в конце концов станут конечной победой. Ведь для победы имелись все необходимые предпосылки: фанатичная вера и фюрер. Слова Геббельса: «Сколь же многие из нас говорили после 9 ноября 1923 года (дата неудавшегося «пивного путча»): Да, все верно. Все потеряно. Но несмотря на это, есть выход».[134] Четырнадцать лет борьбы с Веймарской республикой и почти семь лет мирного развития сделали национал-социализм способным решать задачи победы в войне, полагал министр.

В конце 1940 года Геббельс дал указание прессе сравнить нынешнюю ситуацию неуверенного ожидания с периодом растерянности и выжидания, имевшего место в конце 1932 года, когда нацисты потеряли места в рейхстаге и были озабочены внутренними разногласиями и «предательством». Когда британская пресса писала о прогрессивном аспекте военных задач, Геббельс презрительно охарактеризовал это как попытку присвоения девизов нацистского

«государства народной общности». Он сравнивал поведение лондонской «Таймс» с газетами германских националистов-реакционеров в 1932 году: они тоже мало что могли сделать, разве что присвоить себе девизы нацистов. Если Гитлер в конце 1941 года казался погружавшимся во все большую изоляцию и своеволие в канун этой страшной русской зимы, следовало лишь вспомнить о конце 1932 года. Если бы Гитлер прислушался тогда к настроениям партии, все бы развалилось на части. В начале 1942 года, когда Британия потеряла Сингапур, отошедший японцам, но не показала ни малейших признаков растерянности, Геббельс сравнил британскую империю с позицией социал-демократической партии Германии в 1932 году. Несмотря на все синяки и шишки, партия эта не была сломлена, хотя утратила всякую наступательную силу.[135] Если Гитлер и Геббельс принуждали Рузвельта и Черчилля, то потому, что были склонны видеть в них «реакционеров-плутократов», образы канцлера Геринга Брюнинга (1930-1932 года) или других жертв дней ушедших. Сталину уготована политическая судьба леваков Веймарской республики, социалиста Отто Брауна и коммуниста Эрнста Тельмана. «Эра борьбы» давала надежды Геббельсу, потому что главным связующим звеном с сегодняшним был фанатический идеализм нацистского движения и «государственный гений» Адольфа Гитлера. И когда Геббельс выступал в берлинском Шпортпаласте, его экстатичность происходила из воспоминаний о речах дней минувших, о нацистских съездах времен «эры борьбы», в особенности тех, которые пришлись на промежуток между 1930 и 1932 годами.

В построении аналогичного мифа об «эре борьбы» Геббельс допускал немыслимые вольности. За два дня до начала рокового для Германии наступления Красной Армии под Сталинградом, Геббельс произнес речь, в которой заявил, что вражеский союз был тем же самым, с которым нацистам уже приходилось сталкиваться между 1919 и 1933 годами: «Мы встретились с той же самой коалицией, начиная от реакционных националистов-плутократов и кончая большевизмом».[136] В 1932 году это вряд ли могло иметь место, потому что нацисты имели дело с коррумпирован-

ными правыми, разделенными левыми и почти не существовавшим центром. Геббельс сказал полуправду, заявив, что неудачи конца 1932 года (отказ Гинденбурга от условий Гитлера 13 августа, выборы в рейхстаг в начале ноября) породили тот боевой дух движения и привели его к победе. В действительности, к власти нацистов привели многочисленные заговоры и сделки, а не «внутренняя собранность» и не «моральная сила сопротивления». Заявить о том, что консервативная Народная партия рука об руку шагала с коммунистами, было абсурдом, но зато это давало надежду нацистам, сбитым с толку союзом Черчилля со Сталиным.

После разгрома под Сталинградом Геббельс развил новую аналогию с «эрой борьбы». Министр заявил, что Сталинград показал, какой страшной участи удалось избежать Германии и остальной Европе, если бы не «превентивная» атака на Россию в 1941 году. Потом Геббельс сравнивал это спасение в последнюю минуту с приходом к власти нацистов в 1933 году. Как, скажите на милость, Германия канцлера Курта фон Шлейхера могла предотвратить захват власти коммунистами? У коммунистов было «150 мест в рейхстаге» (в действительности, 100) и раздробленная, ослабленная Германия вскоре пала бы жертвой этих «недочеловеков». 18 февраля 1943 года циник Геббельс вещал перед своей аудиторией сторонников тотальной войны: «В нашу «эру борьбы» мы ведь были «несчастной нацией»! А когда мы победили, то все стали искать нашего расположения!»[137] Если Германия казалась изолированной в тот момент, то нацистам пришлось столкнуться с еще большей изоляцией до 1933 года. И это было неправильной аналогией, ибо до 1933 года нацисты время от времени заключали промежуточный союз с националистами. Нельзя сказать, что консерваторы стремились в эту партию, но многие из них, действительно, способствовали приходу к власти Гитлера (но не обретению тотальной власти). Можно провести аналогию между Невиллом Чемберленом в Мюнхене в 1938 году и Альфредом Гугенбергом в Веймаре в начале 1932 года, но никак не между Германией после Сталинграда и нацистами конца 1932 года. Геббельс, следуя Гитлеру, считал, что большевизм и западный капитализм —

две стороны одной монеты, еврейско-либеральной. Он думал, что до 1933 года коммунисты и фондовая биржа сотрудничали вместе против Гитлера. «Все, что происходило тогда, повторяется сейчас...» – сказал Геббельс в мае 1943 года.[138] В августе 1943 года германская пресса была резко раскритикована Дитрихом за то, что иногда допускала изображение капитализма и большевизма как двух противоборствующих сил.

В мифологии Геббельса себе самому он отвел роль «завоевателя Берлина», человека, который смог организовать небольшую банду фанатиков-последователей в двадцатые годы и завоевать столицу. То же самое ему уже приходилось делать и в Рейнской области, между 1924 и 1926 годами, если положиться на его собственное мнение. Над всеми напастями господствовал фанатизм, так как это было в 1943 году. Геббельс был убежден, что не будет больше 1918 года, не будет позорной капитуляции, потому что теперь-то никакого еврейского лидерства не было. К середине 1943 года роль «эры борьбы» стала исполнять в основном принадлежавшая самому Геббельсу одержимость, служащая ему и личным утешением: «За семь лет я завоевал почетное звание «завоевателя Берлина», теперь я борюсь за звание «защитника Берлина», и я хочу его завоевать в несколько недель. Я приехал в Берлин в ноябре 1926 года, и на моей стороне было три сотни берлинцев, я с ними сумел завоевать Берлин. Сегодня меня поддержат три миллиона, если я подвергну их испытанию».[139] После Сталинграда, после Туниса, после все увеличивающегося числа террористических налетов, после падения Муссолини Геббельс не впал в отчаяние, он сам себя превратил в миф: «Задумайтесь, вспомните «эру борьбы»! Как нам удалось прийти к власти? Тогда? Не на крыльях нашего успеха, а по прошествии периода основательного отступления... Почему? Потому что те, кто находился тогда у власти, понимали, что избиратели, которые тогда отвернулись от нас, не бросятся снова в объятия буржуазных партий, а обратятся к коммунистам, понимали, что наше поражение не означало их победу, а победу коммунизма».[140] Несмотря на его суждение, что капитализм и коммунизм происходят из одного и того же еврейского кокона, Геббельс и дальше

продолжал развивать эту несуразную аналогию: «Когда Рузвельт и Черчилль, в особенности, поймут, что поражение Германии будет означать победу красных, они станут действовать, как Гугенберг и Папен в 1933 году, и повернутся к Гитлеру!» «Да, мы невинные ангелы по сравнению с монстрами-большевиками», – утверждал он.[141]

Проблема, стоящая перед Геббельсом, была двоякого рода: Германия может пасть до того, как распадется большая коалиция, потому что не существовало германской демократии. Да и германская пропаганда, обличая альянс плутократов с красными, затрудняла изменение курса между Сталиным и его западными партнерами.

Геббельс находил утешение в ощущении того, что он принадлежал к героическому веку, «беспредельно героическому». Несмотря на несчастья дня сегодняшнего в сентябре 1943 года он настаивал, что «...мы обязаны никогда не забывать того, что наши трудности – дело прошлого, они составят самую прекрасную часть наших воспоминаний».[142] Так же как Геббельс в 1943 году романтизировал «эру борьбы», он собирался в 1960 году романтизировать вторую мировую войну, наивно веря в то, что немцы окажутся в «эре борьбы». Геббельс не распространял вокруг себя чувство товарищества и полупьяный дух богатства, как многие другие «старые бойцы» партии. Для многих из них он был объектом подозрений, умный интеллектуал-приспособленец, коварный заговорщик, карающий Мефистофель для Фауста-Гитлера. Геббельс компенсировал этот недостаток, бросившись всем своим умом, сердцем и душой в «эру борьбы». При создании своего личного, тщательно продуманного мифа о «эре борьбы», он культивировал имидж лояльного «старого борца», как ни чужда были ему социальная мишура, являющаяся неотъемлемой частью этой роли.

Регулярно, раз в год поздним вечером 28 октября некоторые члены берлинской «старой гвардии» собирались у Геббельса, чтобы отпраздновать его день рождения, 29 октября. На дне рождения в 1943 году, Геббельс сказал своим товарищам, как он восхищен премьером Франции Клемансо, который сумел в 1917 году спасти мятежную французскую армию: «Это было самым великим деянием всей его

жизни, и в последний момент Франция была спасена от поражения».[143] Мысли Геббельса были заняты постыдной капитуляцией Германии в 1918 году. Благодаря верности национал-социалистов и фанатизму членов его берлинской «старой гвардии», такой позор не может повториться. Геббельс станет Клемансо 1944 года.

Последнее большое публичное празднование по случаю очередного юбилея прихода Гитлера к власти состоялось 30 января 1943 года. Через год после этого один из адъютантов Геббельса заметил иронический контраст с годом 1933-м. Тогда в честь нового правительства зажглись факелы, теперь же, в 1944-м – сам Берлин пылал как гигантский костер, освещая корчившийся в предсмертных муках «Третий рейх». Но Геббельс еще сильнее хватался за положительные аналоги с «эрой борьбы» и ее счастливым завершением. 31 марта он заявил партийным лидерам, что у нации еще оставался вождь, который сокрушил красных в 1933 году и снова сокрушит их, что он является живым обещанием того, что позорный 1918 год никогда не повторится. Сегодняшняя ситуация выглядит точно так же, как и в канун прихода к власти. К 1944 году Геббельс занимался пропагандой уже не только для масс, но и для успокоения самого себя и нацистского руководства. Это действительно было утешением среди хаоса и разрушения. Если Германии удастся сыграть на разногласиях в лагере союзников, как нацисты сумели сыграть на разногласиях в стане своих врагов в Германии перед 1933 годом, то многое будет спасено. Если ситуация 1944 года могла показаться отчаянной, то какой же отчаянной она должна была быть в 1919 году, когда всего лишь семь человек создавали нацистское движение![144]

Вторжение союзников на западе могло развеять миф Геббельса, основанный на аналогии с «эрой борьбы», если бы 20 июля 1944 года не произошло покушение на Гитлера.

Геббельс видел в заговоре подтверждение его исторической аналогии.[145] Когда в 1930 году Отто Штрассер порвал с нацистами, когда Грегор Штрассер в конце 1932 года обдумывал «заговор» и когда в 1934-м Эрнст Рем поднял свой «путч», нацистская партия сотряслась до основания.

Но она оправилась от этого потрясения, выйдя из него еще более собранной, настроенной решительнее, чем когда-либо, и пришла к победе под руководством человека несгибаемой воли, осененная доброй судьбой. Геббельс считал, что Гитлер, жестокий и решительный, сумеет сделать необходимые выводы, какие он сумел сделать в период 1930-34 годов. Теперь и сам Геббельс был наделен некоторыми полномочиями по развертыванию тотальной войны. И Германия спасет положение. Геббельс строил одну аналогию за другой. Если Германия сумеет выстоять – а была уже без пяти минут полночь, если воспользоваться мелодраматической фразой Гитлера, – то лагерь союзников лопнет по всем швам и Запад даст Германии возможность разбить большевиков.. Разве это не произошло в 1933 году, когда буржуазные реакционеры перебежали к Гитлеру для того, чтобы предупредить приход красных к власти? В начале 1943 года, когда, по мнению Геббельса, победа немцев была еще возможной, он выставил несколько иную аналогию: большая коалиция красных и капиталистов была естественна и схожа с той оппозицией, с которой пришлось столкнуться Гитлеру в 1932 году. В 1944 году Геббельс надеялся каким-то образом выскочить из войны, он сменил аналогию, подчеркивая, что победа нацистов в 1933 году частично была результатом антикоммунистических настроений немецких консерваторов и буржуазии.

Когда Геббельс отвернулся от стратегии Гитлера длительного сопротивления на Западе, после провала операции в Арденнах, он развил аналогию с «эрой борьбы» для того, чтобы убедить Гитлера изменить мнение. Главным инструментом Геббельса было то, что Гитлер не пришел бы к власти, если бы затребовал сразу все, а оказался в качестве элемента консервативной коалиции, и посему следовало бы как-то видоизменить, смягчить стратегию конфронтации в 1945 году.[146] Если бы нацисты 13 августа 1932 года затребовали у президента Гинденбурга все, они получили бы отпор. Полная победа приходит лишь в ответ на компромисс. Сохранение и спасение нацизма в 1943 году предлагало компромиссный мир, вероятно, с Западом, который бы послужил прелюдией к альянсу против большевизма.

Неужели в начале 1945 года Йозеф Геббельс действительно верил в такую аналогию и в такую возможность? В моменты отчаяния, которых у него становилось все больше и больше, министр часто доходил до самых нигилистических нацистских аналогий. Приписывая врагам рейха цель полного уничтожения Германии, Геббельс завоевывал моральное право своему желанию увидеть нацию уничтоженной, прежде чем она сдастся России или Западу. Ведь никогда больше не будет 1918 года, пусть даже это означает полное уничтожение германской нации. «Немцы не были способны к сопротивлению в 1918 году, потому что не имели правительства, способного на сопротивление», утверждал Геббельс[147] слова «капитуляция» в нашем словаре нет!»[148] В канун последнего дня рождения Гитлера посреди развалин Берлина, он настаивал: «То, что мы переживаем сегодня, является последним ужасным актом драмы, начавшейся 1 августа 1914 года, которую мы, немцы, прервали 9 ноября 1918 года, именно в тот самый момент, когда она приближалась к своему решению».[149] Ситуация в 1945 году явилась расплатой за грех капитуляции 1918 года. Йозеф Геббельс с удовлетворением воспринимал мрачный контраст с 1918 годом. Теперь не будет трусливой сдачи врагу, а только гибель в героической обороне.

Хотя к 1943 году стало ясно, что Германия проигрывала войну, Пауль Йозеф Геббельс продолжал верить в возможность победы. Когда один немецкий город за другим постигала участь Берлина, Любека и Гамбурга, Геббельс, выступая перед партийным руководством в Эссене, предложил это в качестве утешения нации, и самому себе: «Новые улицы поднимутся из руин, возникнут города нового типа...»[150] Руководству придется заплатить за доверие к нему человеческими жизнями населения городов, разрушенных бомбежками. После войны города, превращенные в пустыни, станут еще прекраснее, чем когда-либо. Монументальные здания, новые, широкие улицы, чистые, удобные дома с просторными квартирами придут на смену битому камню. За две недели до конца «Третьего рейха»

Йозеф Геббельс все еще раздавал подобные обещания немецкому народу. Битые камень действительно будет убран, но не нацистами. Восстановление составляло материальный аспект фантазий Геббельса, касавшихся заключительного периода войны. В моменты, когда на него вдруг находила объективность, министр обращался к тому, как история обманула его и национал-социализм. Самым близким сердцу Геббельса в заключительные дни войны было трагическое осознание того, что, возможно, и кровь, и жертвы, которых было более чем достаточно, для нацистского движения действительно оказались напрасными.

Йозеф Геббельс был одержим властью, понимаемой им через величие современного государства. Историческое величие подразумевало сильное государство, власть над отдельными индивидуумами и нациями. Сколько бы он ни рассуждал о его «истинных героях», поэтах и других творческих личностях, сколько бы ни заявлял о том, что лучше завоевать сердце нации, чем править ею, Йозеф Геббельс в полной мере пожинал плоды немецкого поклонения государству. Год 1918-й был ужасен, потому что принизил немецкую мощь. «После 1918 года мы оказались в опасности соскальзывания в пропасть вне исторического существования. И это окажется величайшим несчастьем не только для нас одних, а для всего мира», – утверждал он.[151] Геббельс не был экспертом в вопросах новейшей истории, но он, как и многие другие немцы, был продуктом историографии и концепции исторической значимости, корни которых были в отожествлении величия, мощи государства. Вторая мировая война была для Германии последним значительным шансом, ее заявкой на власть воплотить в реальность фразу Фрица Фишера: «День сегодняшний великий, решающий, но и, в то же время, последний шанс! По этой причине он так жесток, требует так много жертв и так горек».[152] Когда Геббельс произносил эти слова в конце 1943 года, его переполняло чувство отвращения к итальянскому народу, который, судя по поведению в войне, упустил свой шанс стать великой нацией. После высадки союзников в Нормандии, Геббельс обратился за утешением к истории. Германия была молодой нацией, выдающейся в

отношении людских резервов, и ей явно не хватало материальных ресурсов, но она все равно победит, как побеждали Афины, Спарта, Рим и Пруссия. Цитируя немецкого писателя Теодора Фонтане, Геббельс любил повторять: «Упорство лучше храбрости».[153] Месяц спустя Геббельс предостерегал немецкую нацию: если она не примет брошенный ей вызов в образе этой войны, то неизбежно впадет в «пропасть вне исторического существования», совсем как Франция после мая 1940 года.[154] Право нации на жизнь, по Геббельсу, было куда менее важным, чем борьба за историческое величие, измеренное в категориях чистой мощи. И здесь он тоже был отражением личности Гитлера, который, в свою очередь, представлял собой отвратительную карикатуру на Германию того времени.

Йозеф Геббельс чувствовал себя обманутым течением новейшей истории. Еще в 1941 году он заявил, что история покажет себя бессмысленной, если Германия проиграет войну.[155] Захлестнувшая его волна горечи от сокрушительного поражения в начале 1945 года заставила Геббельса отказаться от преклонения перед «богиней Историей» и заявить, что если Германия не сможет победить, то имя Истории — «шлюха», продавшаяся тому, у кого больше войско и большие деньги.[156] И если История позволяет дьяволу торжествовать, то История — бессмысленная, ничего не стоящая затея. И весь идеализм, все жертвы на благо нацистского движения оказались бессмысленными, оболганными и преданными шлюхой. В конце двадцатых годов Геббельс, в стихах воспевавший смерть павших товарищей по борьбе, заговорил о величии смерти. В 1931 году Геббельс кричал, что из крови тех, кто был убит, однажды восстанут мстители. Но жертвы и идеализм имели смысл, если за ними следовали отмщение и радость победы. Во всех остальных случаях история оказывалась бессмысленностью, мошенничеством. В 1940 году Геббельс призывал к новым жертвам, которые должен был принести немецкий народ. «Победа и «социальная общность» нации усправедливят и осветят эти жертвы», — считал он.[157] В 1941 году министр заявил, что из жертв и тревог, из героизма и требований времени родится новый, прекрасный рейх, ко-

торому суждено войти в дни победоносного мира.[158] Победоносного мира не наступило, но Геббельс все же сумел преподнести Гитлеру его величайшую из побед в этой войне, окончательное завоевание немецкого народа. 1918 год так и не наступил. Те, кто заявлял, что немцы сражались до самого конца по причине «безоговорочной капитуляции», выставленной в качестве требования союзниками, не убеждают. Нацистская пропаганда твердила с самого 1941 года о якобы существовавших у союзников планах «полного уничтожения». Пропаганда достигла своего наибольшего пика после Сталинграда – но по причине военной ситуации, а не из-за заявления союзников.

В своем романе «Михаэль» Геббельс описывал своего главного героя, растроганным до слез речью Гитлера. В нем был символ веры Михаэля. На потребности верить, которую его вера оправдала историей, Йозеф Геббельс построил свое мировоззрение. Во время войны министр с горечью вспоминал, как национал-социализм рождался в руинах побежденной Германии из небольшой группы единомышленников.

В начале 1945 года Геббельс написал свою собственную эпитафию в этом же духе. Он признавал за собой наличие «небольших проступков, человеческих слабостей и ошибок», но убедил себя в том, что будущие поколения увидят себя в таких людях, как он, «сияющий образец смелости, стойкости и всех национальных достоинств».[159] Даже буквально в самом конце жизни среди берлинских руин, Геббельс продемонстрировал своему ближайшему окружению давние проблески жестковато-откровенной проницательности. 16 апреля, например, он признал, что некоторым из заговорщиков 20 июля 1944 года двигали добрые побуждения.

Что преобладало в эти последние недели, так это чувство утраты, сознание того, что весь идеализм был напрасным. В 1945 году Геббельс становился все более и более похожим на своего Михаэля, человеком, движимым чувством разочарования от постигшей его неудачи: «Но на глаза мне навертываются слезы, когда я думаю о том, что это

движение, построенное на таком идеализме, на таких жертвах, лишениях, на таких крови и поте, становится кучей отбросов...».[160] Слезы текли по щекам министра, когда он заканчивал свою мысль. Оправившись от нахлынувшего на него волнения, Йозеф Геббельс заявил, что смотрит в глаза будущему поколению с чистой совестью. Он признал за собой наличие моментов некоторой нерешительности, но оправдывался тем, что прошел через сомнения и неуверенность целым и невредимым, победив во внутренней борьбе. Геббельс в категориях идеалистов, заявив, что человек продолжает жить в его поступках, и что он в это твердо верит. Здесь доктор литературы Гейдельбергского университета, вероятно, вспомнил мысль Гете, выраженную им в «Фаусте»: «Следы дней моих земных не растворятся в вечности».[161]

В 1944 году на экранах кинотеатров рейха шел захватывающий художественный фильм «Ритуал самопожертвования». В нем жемчужные ворота рая растворились перед мертвым главным действующим лицом. Геббельс был глубоко тронут этой сценой и, возможно, рассматривал ее в качестве намека на свое собственное бессмертие. В конце жизни Йозеф Геббельс рассматривал себя оправданным в глазах Бога своими земными делами, верой, участием в эре беспрецедентного отчаяния и небывалого величия. История ведь показала себя продажной женщиной, следовательно, Геббельсу только и оставалось, что искать собственной смерти. В акте самоубийства он видел подтверждение своей победоносной веры и деяний, кровавое жертвоприношение тела, но не души на плаху истории, ставшей посланником Люцифера. Последний акт должен был явиться вечным доказательством того, что его мучительные поиски веры закончились успехом. Его саморазрушение было показательно, оно свидетельствовало как об извращенности национал-социализма, так и о смещении христианских ценностей в XX столетии. Самоубийство Йозефа Геббельса — смертный грех в глазах его прошлой церкви, было последним заверением его веры в то, что благодать нисходит к тем, кто верует.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОПАГАНДА ПЕРИОДА ВОЙНЫ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ТЕХНИКА КОНТРОЛЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

3

ПРОПАГАНДИСТСКИЙ АППАРАТ В ГОСУДАРСТВЕ И ПАРТИИ

Каждый день, рано утром Йозеф Геббельс появлялся в своем кабинете, в министерстве пропаганды на Вильгельмсплатц. Он был не в духе, но то, ради чего он здесь находился, имело такую важность, что Геббельс быстро сосредотачивался на сообщениях и документах, разложенных перед ним. Министр готовился к главному событию дня — министерскому совещанию. До его начала Геббельс читал выдержки из радиосообщений и газет противника. На его большом столе они лежали стопками, и их содержание требовало от него быстрого принятия решений. Документы были докладными записками или официальными актами, требовавшими его подписи, резолюции или какой-нибудь заметки, которая указывала, кому их следует направлять. Геббельс внимательно изучал секретные донесения, касавшиеся состояния немецкого и иностранного общественного мнения, подготовленные для него СД, а также «Отчеты о деятельности» Имперского управления пропаганды RPA. Очень мало могло ускользнуть от его внимания. Если Геббельс узнавал от гестапо, что какие-нибудь «коммунисты» или австрийские сепаратисты приговаривались к смерти, он вполне мог использовать эту информацию у себя на совещании в министерстве. Затем министр принимал управляющего своего личного отдела, человека, ответственного за подбор докумен-

тов, появлявшихся на его столе. Начальник устно докладывал обо всем, что могло представлять интерес. После этого появлялся офицер связи из ОКВ и информировал Геббельса о самых последних событиях на фронте и степени их важности. Геббельс имел прямую телефонную связь со ставками фюрера и часто пользовался ею для получения конфиденциальной информации по военным вопросам.[1]

Свои совещания Геббельс собирал для того, чтобы дать директивы высокопоставленным чиновникам многочисленных структурных подразделений министерства пропаганды. Корнями эти совещания уходили в последние годы «эры борьбы», но в той форме, которая была более уместна для военного времени, они стали лишь с сентября 1939 года. Когда Геббельс в годы войны расширил диапазон обсуждаемых на совещаниях вопросов, на них стали приглашаться и представители других министерств. Где-то в середине войны собирали до пятидесяти участников. До начала русской кампании их было около двадцати. Время начала совещаний варьировалось между 10 и 11 часами утра. Существовал даже своего рода рекорд — одно из совещаний, вероятно, последнее в истории, началось в 12 часов с четвертью, но это было уже в самом конце войны, когда артиллерия русских и бомбардировщики союзников свели на нет всякие попытки предварительного планирования времени. Время начала совещаний зависело от двух факторов: поступления коммюнике ОКВ и решения отдела прессы министерства провести пресс-конференцию для немецких журналистов с тем, чтобы они смогли подготовить материалы для вечерних и утренних выпусков газет. Но так как коммюнике ОКВ постоянно запаздывало, что в большой степени объяснялось вмешательством Гитлера, Геббельс был вынужден довольствоваться всего лишь его проектом.

Геббельс всегда появлялся на совещании без опозданий. Работа обычно проходила в зале совещаний министерства. Участники, рассевшись в мягких креслах вокруг стола, по форме напоминавшего латинскую букву «U», видели перед собой с иголочки одетого, лощеного министра, входившего в зал с поднятой в нацистском приветствии рукой. Геббельс при этом мог показывать определенную степень

взволнованности и ожидания. Министерское совещание было своего рода спектаклем. Геббельс говорил очень доступно и сладкозвучно, активно используя жестикуляцию, подчеркивая те места, на которые должны были обратить внимание слушатели, соответствующими движениями рук. По воспоминаниям Вилли А. Бельке, даже на этих совещаниях, где присутствовал относительно узкий круг участников, манеры оратора, привыкшего к огромной аудитории спортивных залов и стадионов, давали о себе знать. Рихард Отте, бывший стенографист германского агентства новостей (DNB), записывал каждое слово министра. Протоколы Отте датируются лишь до 31 мая 1941 года, но другие источники, такие, например, как записи одного из представителей министерства иностранных дел, сохранили и отображения более поздних совещаний. Существует много таких записей, которые продолжались от получаса до сорока пяти минут, Геббельс всегда был доминирующей фигурой. Другой фигурой, которая выступала на каждом совещании, был офицер ОКВ, дававший короткий отчет о развитии событий на фронтах. Если кто-нибудь и задавал какой-либо вопрос или робко пытался возразить министру, то это почти всегда были Ханс Фриче, доктор Карл Бемер или доктор Эрнст Враувейлер, все трое являлись высокопоставленными сотрудниками министерства. Но такие вопросы или возражения были явлением не частым, также, как и вносимые предложения. Иногда и офицер ОКВ, не находившийся в непосредственном подчинении и зависимости от Геббельса, вставлял пару слов.

Если Геббельс по каким-либо причинам отсутствовал, он заботился о том, чтобы его директивы отделам и подотделам министерства дошли до совещания. Его статс-секретарь, Леопольд Гуттерер (позже это был Вернер Науман) и Ханс Фриче, если последний отсутствовал, получали стенограммы инструкций от министра и передавали их участникам совещания. Вынужденный очень тщательно планировать свое рабочее время, Геббельс питал особую склонность к этим совещаниям и редко пропускал их. Посредством этих совещаний он добивался полного контроля над немецкими средствами массовой информации, и больше всего

это удавалось в отношении кино и радио. Справа от Геббельса всегда восседал статс-секретарь, фактически главное административное лицо министерства, затем, справа от него, офицер ОКВ. Если Геббельсу требовались какие-то сведения или реакция на его идею, министр обычно поворачивался к одному из них. Так, 1 июля 1942 года Геббельс повернулся к Хансу-Лео Мартину и получил от него более или менее детальный комментарий о результатах антиеврейской пропаганды среди палестинских арабов. После совещания министр принимал ответственных сотрудников министерства у себя в кабинете для конфиденциальной беседы. Темы, в основном, касались технической или специальной стороны дела, либо относились к вопросам, связанным с персоналом. Оба эти круга вопросов не предназначались для упоминания на совещании в полном его составе.[2]

На самых высоких постах в министерстве Геббельса находились два типа людей: «старые борцы» и специалисты, мастера своего дела. «Старые борцы» занимали обычно главные посты, но Геббельс требовал профессиональных навыков и отдачи от работы всех своих подчиненных. Карл Ханке был статс-секретарем до 1941 года, хотя в 1939 году он поступил на военную службу, дослужившись до чина оберфюрера СС. Геббельс ненавидел Ханке, потому что будущий гауляйтер Нижней Силезии выступал на стороне Магды Геббельс и настаивал на отставке министра в тяжелый для Геббельса период, связанный со скандалом вокруг Лиды Бааровой. Ханке пользовался поддержкой СС, благодаря антипатии Гиммлера к Геббельсу в тот период. В отсутствие министра он мог заменять его формально, но не фактически. К 1940 году ведущим кандидатом на должность Ханке был Леопольд Гуттерер, тридцати восьми лет. Когда Ханке принял предложение Гитлера принять на себя руководство гау Нижняя Силезия, Геббельс не стал терять времени и назначил Гуттерера на его пост.

Леопольд Гуттерер был из «старых борцов», он вступил в партию в 1925 году и носил «Золотой партийный значок», знак почета, оказанный после 1933 года тем нацистам, которые пострадали по причине их политической деятельности в период Веймарской республики. Гуттерер оказы-

вался незаменим там, где дело касалось организации торжественных маршей и шествий, парадов и смотров, и в 1930 году он стал заведовать пропагандой в гау Ганновер. Он также имел опыт издания партийной газеты в Геттингене. Гуттерер был из давних сотрудников нового министерства пропаганды, он стал работать вместе с Геббельсом в 1933 году. В период между 1930 и 1933 годами Гуттерер специализировался на подготовке и проведении предвыборных митингов и демонстраций, теперь он занимался тем же как консультант министерства и специалист широкого профиля по митингам и государственным предприятиям. К 1937 году советник министерства Гуттерер стал главой одного из подразделений пропаганды министерства, причем самого важного подразделения. Через год он получил должность управляющего делами министерства. В мае 1941 года никто не удивился, когда Геббельс назначил Гуттерера статс-секретарем, сделав его второй по величине фигурой в министерстве, во всяком случае, на бумаге.

Гуттерер представлял собой посредственность, по словам Белькe, — «человека, желавшего служить не противоречa, и подхалима, ориентированного лишь на личный успех».[3] Другой источник описывает его как «неотесанного, изрекавшего банальности оратора и личность, не способную никого вдохновить», но отдавая при этом ему должное как «человеку неописуемой энергии и способности тщательнейшим образом вникать во все детали».[4] Геббельс не питал особого уважения к Гуттереру, но тем не менее, ему импонировали эти стороны его личности и отношение к работе, его рабская преданность ей. Один из коллег Геббельса охарактеризовал Гуттерера как «не поверхностного, компетентного, а в своей основе порядочного, прямодушного парня».[5] Гуттерер был не единственным человеком из окружения Геббельса, чьей карьере пришел конец вследствие увлечениями операциями на черном рынке. Ирония состояла в том, что Геббельсу, начиная с 1942 года, было официально поручено всячески подавлять незаконную торговлю. И даже если бы Гуттерер не был вовлечен в теневую экономику, тем не менее в 1943 году его дни в должности статс-секретаря были сочтены.

Волевой, обаятельный, талантливый и амбициозный человек тенью пересек дорогу Гуттереру: доктор Вернер Науман, который с 1941 года стал «правой рукой» Геббельса. В то время Науману был лишь тридцать один год, он был «старый борец» из Силезии. В партию Науман вступил в возрасте девятнадцати лет. Он дошел до высокого поста в СА, но поддерживал тесные отношения с Гиммлером и СС. Вероятно, покровительство рейхсфюрера и спасло его от участи Эрнста Рема в период кровавой чистки СА в июне 1934 года. Науман познакомился с Геббельсом еще до 1933 года. Вернер учился в университете Бреслау и в 1934 году получил степень доктора Йенского университета, защитив диссертацию на тему трудовой повинности. Он стал директором управления пропаганды Бреслау и продемонстрировал свои организаторские способности в качестве окружного фюрера, а позднее, главного адъютанта гауляйтера. Все это происходило, когда ему не было еще и тридцати. В 1937 году Геббельс призвал этого талантливого, амбициозного молодого человека в Берлин, где Науман стал начальником отдела кадров министерства. Он дослужился до гауптштурмфюрера СС и служил в составе артиллерийской батареи на Восточном фронте, где был тяжело ранен. В октябре 1941 года Геббельс назначил Наумана управляющим делами министерства, и на следующий год этот молодой человек продолжает свой путь наверх и становится управляющим делами министерства. Вернер Науман представлял собой образец молодого нациста, Геббельс мог показывать его в качестве трофея. Он сочетал в себе скромность, стальную волю, военную выправку и фанатичную преданность Гитлеру и Геббельсу. Науман был великолепного телосложения: высокий и гибкий, он расхаживал по коридорам министерства, увешанный наградами и орденскими лентами — символами преданности партии и военного героизма. Секретари любили его: даже супруга Геббельса посвящала ему наполненные платонической любовью поэмы. В марте 1942 года Геббельс заметил: «Науман очень хорошо справляется со своими обязанностями и стал незаменимым помощником. Он энергично ухватился за мою идею взять в будущем землю в окрестностях Берли-

на».[6] Подобные планы взять землю, до войны поставили Геббельса в неловкое положение перед партией, но теперь у него в распоряжении тактичный, но настырный Науман. Когда в начале 1943 года фон Овен пришел в министерство, кто-то из умных людей посоветовал ему начать с установления добрых отношений с Науманом. Фон Овен быстро это понял, по его словам, «он самое близкое доверенное лицо министра, его единственный советник, может обсуждать с ним любые вопросы и наделен всеми полномочиями».[7] Фон Овен видел кроме приятной внешности Наумана, и его ум, усердие и энергию. И Бельке, и фон Овен рассматривали Наумана как человека, достойного уважения, но вряд ли в качестве объекта симпатии или привязанности. Науман стал и любимцем Гитлера, который в своем завещании сделал его приемником Геббельса. Несмотря на его нескрываемую преданность министерству, вряд ли могло показаться невероятным, что Науман собирался стать преемником Геббельса даже в том случае, если «Третий рейх» выйдет из войны целым и невредимым. Он никогда не скрывал крепких уз, связывающих его с Гиммлером, и не исключено, что тайком собирал компромат на министра.

Науман был истиннымсуперменом, нацистом-фанатиком, поддерживавшим волю Геббельса к победе или смерти. Но за фасадом воли и веры крылась интриганская, карьеристская душонка... Науман всеми способами подкапывался под Гуттерера. Он бегал к Геббельсу докладывать о пьянстве последнего (сказка, специально сочиненная для приведения министра в ярость), либо представлял работу Гуттерера как чистое администрирование. Когда всплыло участие Гуттерера в сделках на черном рынке, час Наумана пробил. В апреле 1944 года Геббельс назначил его статс-секретарем.[8] Ветераны министерских совещаний буквально плакали по причине отбытия Гуттерера, а Науман теперь стоял на ступеньку выше. Геббельс покрывал коррупцию Гуттерера, поскольку не желал краснеть за него перед министерством. Назначая Гуттерера статс-секретарем в 1941 году, Геббельс сорвал овации участников министерского совещания. Когда же он объявил о назначении Наумана, люди сочувствовали Гуттереру и, вероятно, в той же мере

и себе. Науман работал все время и был человеком изрядного ума, того же ожидал и от подчиненных. Тем, что Геббельс получил в период войны большую власть, он частично обязан неустанной работе своего статс-секретаря.

Геббельс познакомился с майором Хансом-Лео Мартином на одном из министерских совещаний в начале 1940.[9] Позже он дал свое согласие на предложение Кейтеля, чтобы Мартин стал офицером связи между ОКВ и министерством. Мартин был шефом группы в отделении пропаганды вермахта и сохранил за собой эту должность после назначения его офицером связи. Как военный пропагандист, он занимался вопросами контрпропаганды. Мартин позднее описывал Геббельса как человека, желавшего получать достоверную информацию о военном положении даже в тех случаях, когда на фронтах складывалась неблагоприятная обстановка. Как и Гуттерер, Мартин попался на связях с черным рынком. В конце 1944 года он лишился своего поста и вернулся на фронт, в действующую армию, рядовым. Основную информацию о положении на фронтах Геббельс получал из трех источников, к которым добавлял свои личные мнения: из сводки ОКВ, из устного личного рапорта Мартина (либо его заместителя) и случайных «секретных» сведений из ставки фюрера. Полагаясь, в основном, на официальную сводку, полученную от главного командования, Геббельс на своем министерском совещании редко выходил за пределы информации, полученной от Мартина в качестве предварительной сводки ОКВ. Геббельс обычно считался с мнением профессионалов, но всегда подозревал германский генералитет в недостатке национал-социалистической убежденности.

Следует вкратце представить еще нескольких сотрудников министра, чтобы дать представление об империи Геббельса. Здесь специалисты умственного труда, эдакие запоздалые националисты, сосуществовали со старыми членами нацистской партии, гордившимися тем, что согласно указу от 1941 года они были обязаны носить на рабочем месте партийные значки. Одним из таких специалистов был доктор Рудольф Землер, год рождения 1913, член НСДАП с 1937 года.[10] Степень доктора Землер получил в

Берлинском университете в 1939 году, защитив диссертацию на тему «Радикальные социалисты во Франции и их пресса». Геббельс обожал подчеркивать сентиментальную привязанность к «старым борцам» и холить свой образ такового, но в качестве ближайших помощников предпочитал иметь дело с докторами философии. Лучшей путевкой в ведомство Геббельса была докторская диссертация в области гуманитарных или социальных наук, в сочетании с прошлым «старого борца». Если кто-то обладал всем этим сразу и был к тому же моложе сорока, то это было еще лучше. Науман сочетал в себе необходимые атрибуты и оказался на высоте положения.

Личный адъютант министра по вопросам печати, выходец из Восточной Пруссии, магистр гуманитарных наук фон Ширмайстер, был одним из преданнейших Геббельсу людей, работал как вол и всегда был в пределах досягаемости.[11] Фон Ширмайстер состоял членом партии с 1931 года и имел опыт работы в отделе новостей одной силезской газеты. На нем лежала ответственность за ведение протоколов министерских совещаний. О нем ходила слава памяти Геббельса, так как тот постоянно использовал его для проверки разного рода сведений и ссылок, а также для извлечения из глубин прошлого различных фактов и имен. Геббельс поручил фон Ширмайстеру издание второго тома его речей и статей периода войны. Фон Ширмайстер не обладал интеллектуальным и техническим уровнем Землера или национал-социалистическим порывом Наумана, но его болезненная преданность долгу и полное самоотречение гарантировало ему место в свите Геббельса до 1943 года, когда по причинам, доселе не известным, министр отправил его в отставку.

Геббельс заменил фон Ширмайстера Вильфридом фон Овеном.[12] Он возлагал очень большие надежды на свой политический дневник. Как же должен был быть расстроен министр, если бы узнал, что его ближайший советник по вопросам прессы фон Овен тоже вел дневник! Фон Овен использовал любую свободную минуту, чтобы записать свои впечатления от министерства и министра, но, самое главное, новый адъютант имел обыкновение быстренько записывать слова самого Геббельса, его воспоминания, вспыш-

ки гнева или радости, его пафос и саркастический эгоизм. Если Геббельс или Науман появлялись в его кабинете без предварительного оповещения, фон Овен быстренько накрывал очередную страницу своего дневника ворохом телеграмм, конвертов или тем, что попадалось ему под руку. Высказывания Геббельса записывались слово в слово, без всяких искажений или сокращений. Вильфрид фон Овен был родом из Южной Америки. После падения «Третьего рейха» он снова обосновался там, в Аргентине. В возрасте восемнадцати лет фон Овен примкнул к СА. Фрау фон Овен позже заявила, что ее муж якобы вышел из рядов партии в мае 1932 года, но она не упомянула, вступил ли он в нее вторично. Однако непохоже на Геббельса, чтобы он заимел у себя в пресс-адъютантах беспартийного.

Фон Овен служил военным корреспондентом в роте пропаганды. Позже он сражался на Восточном фронте, и в 1943 году его вызвали в министерство, чтобы заменить Ширмайстера. По службе фон Овену приходилось сталкиваться с Рудольфом Землером, и оба не очень-то жаловали друг друга. Землер был карьеристом и видел в фон Овене приблудка, втершегося в доверие Геббельса. Фон Овен обожал своего патрона. Даже намека на критику почти не встретишь в его дневнике. Геббельс настолько захватывал воображение фон Овена, что страницы его дневниковых записей пестрели лишь именем министра. О самом себе фон Овен почти не упоминал, за исключением очень немногих чисто автобиографичных штрихов. Этот дневник представляет немалую ценность в качестве исторического документа.

До апреля 1940 года Георг-Вильгельм Мюллер был личным адъютантом и советником Геббельса. Мюллера вряд ли можно было назвать любимцем коллег, и когда его заменили на Карла Фровайна, все вздохнули с облегчением. Мюллер, 1909 года рождения, был удостоен «Золотого партийного значка» и был горлопаном-активистом. В 1933 году во Франкурте он заявил, что немецкой молодежи учиться незачем, ей скорее требуется освоить навыки обращения с карабином. После захвата Норвегии Мюллер стал офицером связи комиссара по делам оккупированных норвежских территорий. Его приемник, Курт Фровайн, 1914

года рождения, происходил из семьи вуппертальского ремесленника. Он был выпускником имперской школы печати. В период польской компании Фровайн, уже написавший книгу о повседневной жизни нового германского солдата, служил в качестве военного корреспондента на фронте. В 1940 году он опубликовал еще одно свое произведение — «Крепость Франция пала». Геббельс одобрил ее, и Фровайн поднялся до ранга старшего правительственного советника.

Все адъютанты Геббельса либо вообще не имели в своих руках никакой власти, либо очень мало ее, в этом состояло их отличие от их коллег, которые были адъютантами у Адольфа Гитлера. Геббельс обращался со своими адъютантами как с прислугой, именно так он обходился с фон Ширмайстером. Герберт Хайдушке, в прошлом один из высоких чинов СА, павший в боях за Крит в 1941 году, работал у Геббельса до злополучного возвращения на службу. Геббельс имел правило поручать ему самые неблагоприятные поручения и видел в нем лишь лакея. Когда Хайдушке погиб во время Критской операции, Геббельс сказал о нем следующее: «Я потерял в его лице не только одного из моих самых верных и надежных сотрудников, но и доброго друга».[13] Этот панегирик немало бы удивил покойного, но и очень бы его тронул, услышь он сказанное. Это может служить очень хорошим примером того, как Геббельс держал своих подчиненных, будь то мужчины или женщины. В лице принца Фридриха-Кристиана цу Шаумбурга-Липпе, сына правящей принцессы, Геббельс обрел аристократа, отдавшего себя партии и службе в рядах СА. В 1933 году двадцатисемилетний принц стал главным адъютантом Геббельса и учил нового министра премудростям этикета и церемониала. Принц был человеком «обезоруживающей наивности», поразительно доверчивым. Геббельс настолько ценил его службу, что вызывал его в свой кабинет даже после того, как принц был переведен на другую должность в министерстве. Отношение нацистов к представителям аристократии резко ухудшилось после провала покушения на Гитлера в 1944 году, и это стоило принцу должности.

А само министерство, которому служили все эти люди, было основано 12-13 марта 1933 года. В 1943 году Геббельс,

оглядываясь на десятилетие пропагандистской деятельности, описывая министерство, не скупился на слова и метафоры.[14] Министерство достигло успехов в деле объединения немецкого народа и повысило престиж Германии во всем мире. Геббельс заявил всем служащим министерства, что их старания и ответственность обеспечили эти достижения. Доказательство успешной работы министерства — любовь к Германии ее друзей и ненависть и бессильная злоба врагов рейха. Более объективную оценку работы министерства и его задач следует искать в других источниках. Один зарубежный специалист писал в конце 1939 года: «Будь то пресса, кино или радио, школа, партийные или промышленные организации, специфическая линия поведения, та особая политика, которую сейчас проводит правительство, постоянно выставляется перед населением в наиболее выгодном свете, в то время как взгляды противоположные, например, тех, кто жадно вслушивается в передачи из-за рубежа, либо тонут в лавине положительной пропаганды, либо искажаются до такой степени, что не могут восприниматься иначе, чем просто явная ложь или проявление ненормальности».[15] Один из приговоров Нюрнбергского процесса 1946 года гласил: «Нацистское правительство прилагало огромные усилия для объединения нации, в поддержку своей политики, при помощи широчайшего использования пропагандистских средств. Было задействовано множество агентств... Все эти агентства находились под контролем геббельсовского министерства народного просвещения и пропаганды...»[16]

За период с 1933 по 1942 год министерство постоянно расширялось. В первые дни своего существования министерство имело пять отделов: пропаганды, радио, печати, кино и театра. В 1934 году был создан отдел по музыке и искусству, в 1937 году появились два различных отдела: один по музыке, другой — по искусству. В 1934 году был создан и отдел, занимающийся литературой. Быстро разрастался отдел прессы, и в 1938 году Геббельс решил разделить его на сектор немецкой печати и зарубежной. В 1941 году появился еще один сектор — периодической печати и печати по вопросам культуры в 1944 году. От пяти отделов

в 1933 году министерство пришло к 1941 году с семнадцатью, хотя позже в период войны имело место слияние некоторых из них. Министерство все еще не закончило период организации к времени обнародования оперативного плана 10 февраля 1936 года. Отдел пропаганды всегда был и оставался самым важным отделом министерства. Это структурное подразделение занималось средствами пропаганды, распространением среди народа нацистского мировоззрения, вопросами проведения съездов и проведением унифицированной пропагандистской компании на всей территории Германии. При этом должны были приниматься во внимание сама национал-социалистическая идеология и наличие чужеродных идеологических вкраплений среди населения. Доктор Эбехард Тауберт был экспертом министерства по чуждому мировоззрению (большевизм, иудаизм, демократия, церкви, масонство). На этой должности он пробыл всю войну.[17]

В 1940 году Мюллер составил официальное описание министерства, в котором он называл отдел пропаганды министерства как «крупное подразделение, инициативы и работа которого чувствуется буквально везде...»[18] Внутри отделов имелись секторы, занимавшиеся следующими направлениями: съезды, выставки, связь с RPA, связь с партийной канцелярией, связь с местными управлениями пропаганды, культурной и политической пропагандой, пропагандой среди этнических немцев за пределами рейха и вновь созданной в Великой Германии цензурой средств массовой информации, расширением германского этноса (Volkstum) и пропагандой в таких областях, как здравоохранение, расовая политика и социальная деятельность. Специалисты, которые отвечали за эти секторы, отвечали за поддержание контактов с сопутствующими министерствами и за расширение работы в них через пропаганду. Отдел пропаганды министерства имел ряд других важных функций. Возглавляемый доктором Шефером, он отвечал за анализ состояния общественной морали и за контрмеры в этой области, если таковые требовались, в зависимости от состояния общественного мнения. Отдел выпускал сборники «Конфиденциальной информации для окружных фюреров», это были особые информационные бюллетени, рас-

сылавшиеся гауляйтерам, их заместителям, управлениям пропаганды, окружным фюрерам.[19]

Во время подготовки министром речи, сотрудники его личного отдела министерства часто обращались в соответствующий отдел министерства по какому-нибудь специфическому вопросу.[20] В начале 1943 года Геббельс готовил речь, посвященную десятилетнему юбилею прихода к власти. Его личный пресс-адъютант, фон Ширмайстер, написал запрос начальнику отдела пропаганды на материалы о достижениях в социальной сфере за последние десять лет. Месяц спустя, когда Геббельс обдумывал спич перед сорока двумя начальниками региональных управлений пропаганды, отдел, занимавшийся радио, снабдил начальника отдела пропаганды соответствующими материалами. Эти материалы были переданы в личный отдел министра. Этот отдел с его адъютантами служил связующим звеном, координировавшим деятельность многих отделов и секторов министерства с другими министерствами. Три секретаря министерства несли ответственность за деятельность этого «министерамта» – личного отдела министра, но адъютанты и стенографы тянули на себе всю тяжесть, проистекающую из повседневной рутины и зависящую от прихотей распорядка дня Геббельса. Министерство пропаганды отвечало также за развлечение зарубежных знаменитостей. Эта задача была возложена на господина Циппе, обеспечивавшего им еду, напитки, удобное проживание и цветы.[21]

Нацистские лидеры обожали «бюрократический дух». Министерство пропаганды Геббельса являло собой главное качество бюрократии: тенденцию к росту. Адольф Гитлер писал: «Чем лучше сработала пропаганда, тем меньше может быть организация, чем больше сочувствующих, тем меньше и число членов, и наоборот: чем хуже пропаганда, тем крупнее организация и тем меньше становится число последователей движения и число ее членов должно быть намного больше, если она все еще вообще надеется на какой-нибудь успех».[22] В вопросах расширения своей министерской ответственности Геббельс напрочь отметал это указание. Значительный рост министерства с 1939 года был обязан той роли, которую министр отводил ему вследствие

своего восприятия войны. Усилия по тотальной мобилизации всех резервов на нужды войны и потребности в людях для фронта вынуждали министерство идти на некоторые сокращения, но история его существования с 1933 года была историей увеличения бюджетных ассигнований и числа сотрудников. В министерстве сначало было занято около 350 человек, к 1941 году их число возросло до 1900 человек.[23]

Геббельсовское министерство было отражением национал-социалистического культа молодости.[24] Средний возраст старших сотрудников не превышал сорока пяти лет и будущее принадлежало людям, родившимся около 1910 года. Геббельс, который бился насмерть за отсрочки от призыва для людей искусства, хотя они непосредственно в министерстве не работали, весьма осторожно шел на предоставление подобных льгот своим сотрудникам, непосредственно занятым в министерстве, за исключением тех случаев, когда их присутствие было жизненно необходимым, или речь шла об уже испытанных в битвах людях. Министр был провозвестником тотальной войны, и вряд ли смог избежать того, чтобы служить добрым примером проявления желания к упрощению и разукрупнению структурных подразделений и предоставлению вооруженным силам дополнительных людских резервов. Ламмерс, глава рейхсканцелярии, поздравил Геббельса с тем, что у него так мало мужчин моложе тридцати пяти лет, имеющих отсрочку от призыва. Такое благоприятное положение имело место отнюдь не во всех министерствах рейха.[25] Несмотря на умение пустить пыль в глаза, министерство хотя и работало достаточно эффективно, к 1942 году оно представляло собой огромную империю. Но проколы случались, хотя и происходили редко по вине самого министерства. Классический пример бюрократической путаницы: в 1941-42 годах, когда Имперская лига германской семьи, следуя указке министерства, пыталась убедить своих членов не использовать сокращение RPA, когда они обращались в расовополитическое ведомство НСДАП (тоже имевшее сокращение RPA). Это приводило к тому, что почта путала адреса. В апреле 1942 года RPA в Байрейте жаловалось, что учреждения, включая и само расовополитическое ведомство, все

еще продолжали использовать сокращение RPA. На протяжении нескольких месяцев в конце 1944 года никто в министерстве не мог выяснить, что такое «Европейская служба прессы и рекламы» и работала ли она на министерство.[26]

Рост министерства нашел свое отражение и в постоянно растущих расходах. Они увеличились с 14 250 000 рейхсмарок в 1933 финансовом году до 28 000 000 в 1934, а цифры 1942 финансового года уже превышали 187 000 000. Даже если принять во внимание умеренные темпы инфляции, увеличение расходов было огромным. В канун войны министерство, вероятно, тратило на себя в год около 95 000 000 рейхсмарок, то есть наибольшие темпы роста расходов пришлись на период с 1939 по 1942 год. Министерство различало «обычные» и «особые» расходы, и во время войны последние превысили первые. Регулярные отчисления и необходимые государственные субсидии из министерства финансов покрывали дефицит. «Особые» расходы и весьма умеренное использование фондов Геббельсом на свои собственные политические цели были спланированы таким образом, чтобы избежать отчетности перед партийными и имперскими ревизионными управлениями. Все это происходило в рамках закона, но требовало тщательной работы «министерамта». Геббельсу удавалось покрывать обычный бюджет министерства за счет пропущенных через ревизионные инстанции доходов. Благодаря высокому статусу в нацистской партийной иерархии, он имел право обратиться к министерству финансов за фондами, которые обеспечивали ему покрытие любых расходов, о которых он отчитывался весьма туманно, либо вообще не представлял никаких объяснений.

Основным источником финансирования министерства была Имперская радиокомпания. Министерство получало 55 процентов от всех средств, собираемых радиокомпанией в виде налоговых поступлений от слушателей. Когда в годы войны число абонентов превысило семь миллионов, доля министерства автоматически возросла до 75 процентов. Эта доля еще более возросла вследствие резкого увеличения числа определенных категорий слушателей (налогов) после

1939 года. За период с 1933 по 1943 годы министерство передало Имперской радиокомпании от 41 до 42 процентов своих доходов от радио. Это послужило причиной для в общем-то безосновательной похвальбы Геббельса, что министерство оплачивает свои расходы из «заработанных им самим денег». Свыше 98 процентов прошедшего ревизию бюджета министерства в течение десяти лет поступало из налоговых поступлений за радио. Геббельс отчитался перед своими сотрудниками, но при этом умолчал об использовании своих личных фондов или фондов на секретные расходы: активная пропаганда (21,8%), служба новостей и коммуникаций (17,8%), музыка, искусство, литература (6,2%), кино (11,5%), театр (26,4%), здания и сооружения (4,3%), оклады и деловые расходы (7,5%), учреждения контроля за кино (0,1%), учреждения пропаганды (4,4%).

Геббельс заявил, что 88,5% всех этих расходов покрыты за счет собственных источников дохода министерства. В 1933 году персонал бюджетного отдела составляли 8 работников, из которых 4 продолжали работать в бюро «Г». Бюджет на 1933 год предусматривал наличие 473 сотрудников: чиновников, рядовых работников и рабочих. Бюджет на 1942 год уже предусматривал, что министерство располагало 3441 человеком.[27] Одно лишь бюро «Г» имело в своем штате 73 сотрудника. Цифра в почти 3500 работников не противоречит ранее приводимой цифре в почти 2000 человек, относящейся к тому же самому периоду. Геббельс включал работников подчиненных учреждений. Эти учреждения не являлись частью министерства, но в полной мере получали от него субсидии и контролировались им. Они включали в себя такие единицы, как Имперская палата культуры, Управление лейпцигской ярмаркой, Германскую библиотеку, Германский институт международных отношений и Имперское объединение германской прессы.[28]

Геббельс и его секретари информировали работников министерства о всех делах, касавшихся персонала и организационных мероприятий, посредством так называемого «Бюллетеня новостей», со скрупулезной точностью формировавшего всю информацию. Тысячи распоряжений, важных и не очень, появлялось на его страницах. Они печата-

лись мимеографическим способом и выходили восемнадцатого числа каждого месяца. Краткое изложение некоторых из этих заметок указывает на ежедневную работу и касается министерства. Одна из заметок в бюллетене от 18 сентября 1941 года предписывала всем работникам министерства и подчиненным учреждений следовать указаниям местных полицейских органов и выполнять свои обязанности по дежурству во время воздушных тревог. Октябрьское распоряжение предостерегало работников министерства от того, чтобы те не бросали бритвенные лезвия и другие колющие или режущие предметы в корзины для мусора, потому что среди персонала уборщиц появились жалобы на ранения, полученные от предметов во время уборки рабочих помещений. Далее распоряжение гласило о том, что каждый, по чьей вине произошло подобное происшествие, обязан выплачивать компенсацию пострадавшему лицу. Часто «Бюллетень новостей» содержал некрологи бывшим сотрудникам министерства, погибшим на фронте. 18 января 1943 года «Бюллетень» сообщал, что П. Карстенсен, погибший в Африке, посмертно возведен в ранг министерского советника самим Гитлером. Это обеспечивало его оставшимся в живых родственникам большую пенсию. Нам это повышение может показаться иронией судьбы, но не исключено, что оно способно было по-настоящему растрогать персонал министерства.

Инструкция от июля 1943 года указывала на то, что библиотека была предназначена строго для служебного пользования и только для работников Promi*. Лишь в особых случаях это право предоставлялось сотрудникам подчиненных учреждений. Работники имели право брать книги на срок до трех недель, но этот срок мог быть сокращен, если речь шла об изданиях, пользующихся повышенным спросом. Иногда в бюллетене появлялись и важные заявления самого Геббельса. Однажды министр напомнил своим сотрудникам, что они должны служить примером воплощения в жизнь программы тотальной войны. Простота и

---

* Министерство пропаганды

действенность и в общественной, и в частной жизни должна быть характерной для работников министерства. Что касалось Геббельса, то он выставлял напоказ свой аскетизм задолго до объявления тотальной войны в 1943 году. В 1941 году Геббельс заставил своих товарищей по партии принести свой собственный хлеб и карточки на мясо на празднование пятнадцатой годовщины назначения его гауляйтером Берлина. И никакого сибаритства в духе Германа Геринга.

Успешной работе министерства в немалой степени способствовало и то, что по счастливой случайности зданию удалось уцелеть; несмотря на жестокие налеты авиации союзников, хотя во время массированных налетов ноября 1943 года оно серьезно пострадало. Статс-секретарь Гуттерер успешно руководил работами по пожаротушению, но это не спасло его от увольнения. Однако работа его произвела впечатление на Геббельса. Повреждение здания, которое раньше служило дворцом-резиденцией принца, не сделало его непригодным для работы. Геббельс всегда верил, что относительное везение и отсутствие разрушений являлось добрым предзнаменованием для его дела. Но к началу 1945 года счастье изменило ему. Гостиницы, служившие пристанищем для приезжих по делам службы в министерство сотрудников, были разрушены в результате бомбардировок. 13 марта 1945 года министерству был нанесен такой сильный ущерб, что уже не было возможности размещать в том, что от него осталось, персонал отделов. Тогда Геббельс превратил в министерство свою резиденцию на Германгерингштрассе. Уменьшившееся, в результате значительного сокращения, число работников сделало этот переезд возможным. Сам Геббельс сохранял работоспособность, а вот Магда утратила чувство реальности. После того, как Гитлер нанес им в январе визит, особенное удовольствие ей доставляло осознание того, что он никогда бы не отправился в гости к Герингам! 14 марта она осматривала развалины на Вильгельмсплатц, а одета была, будто собиралась на коктейль.[29]

В течение тяжелых последних лет войны Геббельс имел мало времени, чтобы отдаться своим самым большим увле-

чениям: музыке, искусству, литературе, театру. С 1933 года по 1938 он видел свою задачу, как министра, в возвращении народу его искусства. Точно так же, как его Михаэль обрел свой путь к нации, и германское искусство должно очиститься от всего чуждого эгоистического влияния и стать связанным с народом. В августе 1933 года Геббельс витийствовал о Вагнере именно в этом смысле, выбрал эту фигуру, зная, как благоговел перед ним Гитлер. Молодой министр превратил музыкальную классическую драму Вагнера «Мейстерзингеры» в эталон всего лучшего и великого в немецком искусстве вообще: глубины и разума, романтизма, трагичности, торжества и триумфа, «звенящего пафоса празднества нации». Геббельс, позаимствовав эту фразу у Гитлера, назвал Вагнера «одним из величайших композиторов всех времен». Что же касается возвращения народу его искусства, то в глазах Геббельса это включало в себя такие аспекты, как очищение от евреев, отмежевание от космополитов и их влияний, подъем роли государства для того, чтобы национальные интересы, а не эгоизм индивидуалистов и не жажда наживы, создавали условия для психического здоровья немецкого народа.[30]

Через несколько месяцев после его высказываний о Вагнере, Геббельс представил прежнюю систему как «либеральную». Новая система отбрасывала ее, провозгласив приоритет блага общественного перед благом индивидуальным. Построение народной общности братьев по расе создавало прецедент господства коллективного над индивидуальным: «Чем более нация свободна, тем более свободно могут перемещаться ее представители».[31] Геббельс заявил, что новое искусство представляло собой духовный отказ от упаднической современной анархии. Действительно, «проникнутые народным духом» художники могут подняться к свету новой эры: они могут вернуться к народу. Геббельс желал стать добрым покровителем нового искусства, которое сможет утолить духовный голод нации.

Нацисты намеревались осуществить эту задачу посредством централизованного института культуры под названием «Имперская палата культуры» – RKK, которая была создана и наделена полномочиями законом от 22 сентября

1933 года. Геббельс считал главной задачей этой организации сплочение всех творческих личностей в «духовно-творческое объединение». Работающие руками и работающие головой должны сплотиться под заботливой защитой государства. RKK состояла из семи подпалат: музыки, искусства, театра, литературы, прессы, радио, кино. Впоследствии подпалата радио была упразднена. Декрет Геббельса от 31 мая 1938 года объяснял отношение этих подпалат к министерству. Министерство пропаганды становилось главным надсмотрщиком над RKK и ее подпалатами, в то время как центральный орган RKK, президентом которого был Геббельс, координировал работу многочисленных подпалат в той мере, в какой это касалось выполнения ими общих функций. Начиная с 1938 года, каждая подпалата была подотчетна непосредственно Геббельсу, а не RKK и не через RKK. Те, кто руководил RKK или ее подпалатами, обычно были людьми из министерства пропаганды, и в конце концов Геббельс планировал постепенно поглотить RKK, введя ее в состав министерства. Если попытаться изложить это проще, то не было поэта или художника, писателя или артиста, который бы мог заниматься своим искусством в «Третьем рейхе» и не быть членом одной из подпалат. К 1939 году палаты насчитывали 65000 членов. Эта система использовалась Геббельсом для обретения контроля над всем немецким искусством. С ее помощью он манипулировал вопросами назначений и льгот так же, как и составлением черных списков предстоявших гестаповских акций. Когда границы Германии расширились, то вслед за ними расширились границы RKK. Многочисленные группы и подчиненные организации внесли свой вклад в разбухание RKK. Один из документ периода войны сообщает, что «в Великой Германии в сфере искусства было занято 410000 человек и что всем им государство помогало советом и делом».[32]

Гитлер обладал определенной, хотя и носившей высокомерный характер терпимостью к эгоистическим и политическим отклонениям, если они имели место в среде художников или актеров. В конце концов, это были представители богемы, эксцентрики. Геббельс не разделял этого мнения и безжалостно использовал свою власть для надзо-

ра, а в случае необходимости, и для прямого уничтожения этих творческих личностей. За глаза актеры называли его «Микки Маус», но подчинялись его требованиям сыграть ту или иную роль или заключить тот или иной контракт. Ходили слухи, что министр пользовался своим положением и заставлял актрис, желавших получить главную роль, уступать сексуальным домогательствам. Еще одна проблема встала для Геббельса с начала 1942 года. Было весьма сложно заполучить отсрочку от призыва в армию для людей искусства. В лучшем случае, можно было добиться отправки в поездку с фронтовой группой. Бедолага Фриц Заукель, новый имперский комиссар по вопросам рабочей силы, человек далекий от искусства, был наделен полномочиями декретом от 30 июля 1942 года. Вооруженные силы имели право последнего слова в решении ходатайств о предоставлении отсрочек, и если кого-то отмазывали от фронта, то другой мог получить за это повышение по службе.

Когда началась война, Геббельс похвально отзывался о многих сотрудниках министерства, решивших отправиться на фронт. Но он приказал им оставаться за рабочими столами. В начале 1940 года министру стало ясно, что в его ведомстве приспособленцев не меньше, чем героев. Он предупредил всех, что никто не смеет подать прошение об уходе для того, чтобы принять предложенную ему должность в другом министерстве, даже если предложенное место означало повышение ранга или более высокое жалованье. К этому вынудил начавшийся призыв резервистов. Архивы министерства и RKK были забиты документами, свидетельствовавшими о состоянии ситуации с отсрочками.

К 1943 году центральное управление партийной пропаганды теряло многих работников-мужчин среднего возраста, которые были призваны в армию и министерство оказалось не в силах предотвратить это. Даже когда ОКВ уступило, признав, что это крайний случай, армия требовала, чтобы запрашивающая инстанция заменяла работника человеком, у которого есть отсрочка от призыва. ОКВ редко расставалось с человеком, стоило ему только быть призванным, хотя на какое-то время мог быть оформлен «рабочий отпуск». Министерство имело особый список лиц,

без которых действительно не могло обходиться, но партийные учреждения по милости армии теряли все больше и больше музыкантов и художников-плакатистов. Редкий и забавный случай произошел в 1944 году, когда министерство выяснило, что получение отсрочки некоего Ханса Альбрехта больше не представляет проблемы. Он был арестован после покушения на жизнь фюрера. Иногда сам Гитлер вмешивался для обеспечения возможности получения отсрочки или демобилизации из армии. Важность, которую и Гитлер, и Геббельс приписывали кино, наглядно подтверждается тем фактом, что даже в 1944-45 годах в кинопромышленности было занято 1944 человека, имевших отсрочку от призыва на фронт.[33]

Еще одна проблема в области культуры возникла во время войны. Проблема, имевшая отношение к попыткам некоторых слишком уж ретивых нацистов местного масштабы подвергать произвольной обработке пьесы, оратории и оперы. Причем они это делали на свой страх и риск, без санкции соответствующих инстанций. Местные нацистские душители или самозваные борцы за очищение культуры могли, например, урезать Шекспира, переписывать Шиллера, менять текст в ораториях Генделя или вносить изменения в «Реквием» Моцарта. Мартин Борман соглашался с Геббельсом, что это недопустимо, во всяком случае, во время войны (религией мы займемся потом, после победы). Местным провинциальным театрам было запрещено вносить изменения в тексты пьес. Если кто-то находил нечто недопустимое, то следовало об этом уведомлять Имперскую палату театра или Комиссию по переводу иностранных произведений драматургии, или Имперское агентство по принятию музыкальных произведений.[34] Несмотря на атаки на интеллетуализм, Геббельс питал отвращение к полуграмотным типам, из под пера которых вышло так много произведений нацистской литературы. Он считал себя музыкально одаренным человеком и тонким литератором-стилистом. Что еще важнее, Геббельс противопоставлял примитивному, грубому давлению льстивый патронаж, это обеспечивало министру имидж человека, защищавшего и поощрявшего германское искусство.

Йозеф Геббельс всю войну неустанно трудился над

созданием образа лидера, который всегда проявляет заботу, министра, который стоит за пострадавших от бомбежек и который помогает художникам и актерам, попавшим в беду. Этим министр снискал себе популярность, создавая особую структуру взятия под покровительство. Конечно, никакие массы не повернутся к человеку такого типа, каким был Геббельс: сложный характер и интеллектуальная холодность. Но если он примется защищать немецкий народ и его артистов и художников, он сможет изменить представление о себе и стать человеком из народа. Возможно, Геббельс никогда не позволял себе об этом задуматься, однако его покровительство времен войны казалось точнейшим образом рассчитанным заранее ходом, обеспечившим ему переход в более выгодное положение, причем неважно, будет ли эта борьба за власть происходить «после победы» или после ухода Адольфа Гитлера. Свой секретный фонд, «Фонд доктора Геббельса», он использовал для оказания помощи тем, кого постигла беда. Геббельс жертвовал средства из фонда оставшимся в живых родственникам военных корреспондентов и фоторепортеров, погибших на фронте. В 1942 году Геббельс выдал по 100 рейхсмарок родственникам нацистов, сложивших головы в «эру борьбы». Кроме того, он выдавал от 50 до 500 рейхсмарок, в зависимости от размера семьи — тем, кто носил «Почетный значок» и кто был тяжело ранен в «эру борьбы». Каждое местное управление пропаганды было обязано представить на рассмотрение до шестидесяти пяти человек, попадавших под вышеупомянутые категории. Геббельс сочетал манеры покровителя в духе Гэмени-холла с имиджем защитника жертв и оставшихся в живых их родных и близких.[35]

Деньги, поступавшие в «Фонд доктора Геббельса», большей частью являлись результатом операции с «DW» (Германским еженедельным обозрением). Контора под названием «Дойче вохеншау ГМБХ» платила 1 миллион рейхсмарок в казну, деньги, выделенные для фонда Геббельса. Когда газета Юлиуса Штрайхера «Дер Штюрмер» сделала запрос относительно репортажа с фронта, она узнала от министерства, что может опубликовать этот материал без

всякой оплаты, но желательно сделать некий взнос в фонд Геббельса на нужды родственников погибших солдат — корреспондентов пропагандистской роты. В другом случае, должностное лицо министерства, Вернер Штефан, проинформировал одного книготорговца и издателя из Миндена, что тот может пожелать сделать взнос в фонд Геббельса в размере 25 рейхсмарок. В письме одного чиновника армейской пропаганды, датированном 1940 годом, утверждалось, что службы выпуска фотоновостей обязаны ежемесячно отчислять в фонд далеко не небольшую сумму. Министр опасался, что частные издатели и газеты попытаются собрать деньги у своих бывших сотрудников, пребывавших ныне в составе пропагандистских рот, и использовать их нечестным путем. Геббельс был готов взять на себя финансовую поддержку семей этих людей и, таким образом, исключить любой намек на фаворитизм и обеспечить себе более или менее постоянный круг лиц, работающих на его фонд. «Дойче вохеншау ГМБХ» платило специальные субсидии репортерам-одиночкам, служившим в пропагандистских ротах, но Геббельс рассматривал это в качестве приемлемого варианта, поскольку лично контролировал эту корпорацию. К июню 1940 года в фонд Геббельса пришло десять процентов рентного дохода или 270 тысяч рейхсмарок за популярный документальный фильм «Крещение огнем».[36]

Во время поездок на фронт доктор Геббельс щедро раздавал ребятам в форме коньяк и сигареты. Генерал Дитль, чьи подвиги обеспечивали ему статус любимца Геббельса и постоянную возможность красоваться в кадрах «DW», обнаружил, что в 1942 году его войска получили алкогольных напитков на 600 тысяч рейхсмарок. И все до единой бутылки были доставлены по линии RKK! Умница Геббельс прекрасно понимал, как благодарны будут ему солдаты, несущие службу на далеком севере или Восточном фронте, за такие презенты. Часть средств из своего фонда Геббельс жертвовал и «Национал-социалистической благотворительной организации» (НСВ). Такое целевое использование денежных средств Геббельсом очень напоминало по технике поведения Гиммлера, который

предпочитал помещать высокопоставленных эсэсовцев в различные министерства, а также заманивать в свои ряды неэсэсовцев, пообещав им высокое звание в СС. В феодальном мире национал-социалистического соперничества каждый лидер стремился поддержать и повысить свое влияние и расширить власть.[37] Поддержать собственный статус на должном уровне было невозможно без обладания определенной властью. Риббентроп и Розенберг открыли для себя эту истину только в 1943 году.

Геббельс использовал свое высокое положение в министерстве для завоевания авторитета в среде тех, кто занимался кино и искусством. Он был создателем Фонда пожертвования радиоприемников тем, кто в них нуждался, но не мог приобрести на собственные средства. За период с 1933 по 1942 год ему удалось собрать тысячи приемников, которые жаловали самые разные люди, занятые в сфере радиовещания. Во время войны Геббельс дарил радиоприемники, запасы которых постепенно истощались, раненым солдатам и оставшимся в живых родственникам погибших на фронтах. Однажды за день он пожертвовал пять тысяч радиоприемников.

Геббельс имел в своем распоряжении миллионы марок, так как лично контролировал «Фонд актеров доктора Геббельса» и «Благодарность художникам». Геббельс использовал эти деньги для оказания финансовой помощи актерам и художникам, оказавшимся в затруднительном положении. Его министерство очень эффективно использовало эти жесты, противопоставляя социальную справедливость в Германии жестким порядкам Англии, жертвой которых становились многие безработные или оставшиеся без крова актеры, музыканты, художники. В 1943 году Геббельс направил через RKK почти миллион марок на нужды людей искусства. «Фонд доктора Геббельса», для самых активных в культуре, обеспечивал своим членам, раненым или пострадавшим от воздушных налетов союзников, бесплатный трехнедельный отдых для восстановления сил.

Особенно высоко поднялся рейтинг Геббельса после того, как он взял на себя роль утешителя оставшихся без крова людей и беженцев. В 1943 году он организовал и

оплатил кампанию «Имперский музыкальный поезд». В поезде по городам севера и запада Германии разъезжали с концертами музыканты, внося вдохновение в души усталых, издерганных людей. Кроме того, Геббельс верил, что показ кинофильмов может оказаться полезным в деле подъема боевого духа в опустошенных бомбежками районах. Тогда же он обязал соответствующие власти попытаться обзавестись киноустановками, которые впоследствии должны были перейти в собственность общественных организаций, которые того заслуживали. Геббельс и его подручные давали на это санкцию.

Во время общественных выступлений Геббельс постоянно подчеркивал, что население северных и западных районов Германии пострадало от бомбардировок особенно сильно. Люди в остальных частях рейха не должны ворчать по поводу сокращения радионов – ведь 7 миллионов на севере и юге постоянно вынуждены жить в страхе перед очередным террористическим налетом. Геббельс считал эту проблему еще большим вызовом себе, чем Сталинград. Эта проблема, с другой стороны, была возможностью для Геббельса проявить себя покровителем и защитником. Он уже приобрел достаточный опыт для того, чтобы выступить в этой роли, работая с контингентом этнических немцев, переселявшихся в рейх между 1939 и 1941 годами. На рождество 1941 года он организовал доставку и распределение почти 165 тысяч подарков переселенцам. Эта акция стоило Геббельсу почти 400 тысяч рейхсмарок, которые были использованы местными отделениями пропаганды на различные цели, включая закупку водки, рома, нот, песенников и тысяч портретов Гитлера.[38]

Йозеф Геббельс питал глубокий личный интерес к культурным запросам тех немцев, кто участвовал в «величайшей эмиграции всех времен», как он называл переселение, вызванное бомбежками союзников. В 1943 году Геббельс взял на себя руководство культурной и пропагандистской деятельностью RPL (Главного управления пропаганды). Бюллетень для внутреннего пользования сообщал в конце 1943 года, что обеспечение всем необходимым беженцев и жертв бомбардировок – важнейшая задача пар-

тии. Частью этой работы являлись кинопоказы, постановки пьес, ознакомление с творчеством ведущих артистов. Работа в сфере культуры, как утверждал бюллетень, поможет сохранить и укрепить стойкость и несгибаемость нации. Симпатии Геббельса к жертвам этого массированного сдвига навела его на мысль об утверждении нового знака отличия, который должен был вручаться гражданским лицам, отличившимся в службе тыла. В конце октября 1944 года Геббельс и Науман пытались продвинуть эту идею с медалью, но партийная канцелярия отказалась от нее.[39] Борман и Гитлер, видимо, опасались, что неизбежность придания вручению этой медали публичного характера выставит на показ страдания миллионов немцев и может повлиять на судьбу Германии в войне. Геббельс понимал всю абсурдность подобных обоснований, но изменить ничего не мог по причине нехватки власти.

Министерство держало под контролем свой пропагандистский аппарат посредством управлений имперской пропаганды, расположенных во всех сорока двух гау Великой Германии военного времени. Эти управления обязаны своим существованием декрету от июля 1933 года, согласно которому основывались тридцать одно управление на периферии, подчинявшиеся вновь созданному министерству. В 1937 году эти управления стали называться RPA или Имперские отделения пропаганды.[40] На протяжении войны Геббельс и чиновники отдела пропаганды министерства старались расширить полномочия сорока двух управлений. В одном из циркуляров конца 1942 года утверждалось: «Глава отделения пропаганды является представителем министерства. В соответствии с этим, он должен иметь в своем распоряжении средства для подтверждения своей роли в случае необходимости проведения мероприятий особого характера (приемы, государственные церемонии, юбилеи и т. д.).[41] Геббельс намеренно поддерживал определенную степень автономии и элементы децентрализации, с целью усиления RPA. Если местное отделение не проявляло активности или же целиком попадало под влияние

местных партийных боссов, власть самого министерства, тем самым, преуменьшалась.

В 1944 году один из циркуляров министерства для внутреннего пользования поднял этот вопрос.[42] Он напоминал, что согласно указу от 26 февраля 1942 года все отделы министерства были обязаны информировать RPA относительно их работы, должны были использовать местные органы управления для проведения политической работы и работы в сфере культуры своих гау. Руководители отделов культуры министерства, начиная с октября 1941 года, получили указание сотрудничать с представителями местных отделений по культуре. Циркуляр напоминал, что игнорирование местных отделений принижает их престиж. Геббельс видел в RPA инструмент для проведения политики министерства на местах. Но гауляйтеры не собирались уделять особого внимания вопросу о том, слабо ли местное отделение культуры. Геббельсу так никогда и не удалось решить эту проблему, ибо большинство из руководителей RPA были давнишними закадычными приятелями гауляйтеров. И они, по сути дела, становились пропагандистами не от министерства, а от партии, ибо подчинялись гауляйтеру по службе и в дисциплинарных вопросах. RPA были поделены на четыре сектора: административный, пропаганды, прессы и культуры. К 1941 году общее число работников RPA достигло почти 1400 человек и их бюджет увеличился до десяти миллионов рейхсмарок, то есть в два раза превысил сумму 1939 года. Берлинское отделение представляло для гауляйтера Геббельса особый интерес: до 1941 года Вернер Вехтер руководил им, его сменил Эрих Бекер.[43]

Одним из основных источников информации для министерства являлся так называемый «Отчет о деятельности», отчет RPA о моральном состоянии и лояльности гражданского населения. Каждое местное отделение было обязано предоставлять такой отчет в сектор пропаганды политического отдела министерства для последующей оценки. Эти отчеты иногда становились основой для выработки политики Геббельсом и его помощников. На своих министерских совещаниях Геббельс нередко распоряжался о проведении

тех или иных мероприятий на основе выводов, сделанных из одного или нескольких таких отчетов. В сентябре 1942 года он высказал опасения, что слухи, упоминавшиеся в отчетах нескольких RPA, настроят население Германии против Берлина. Слухи эти касались якобы имевшего место пакта между Британией и рейхом о взаимном предохранении столиц от разрушения. По этому поводу министр, продемонстрировав в очередной раз сардонический, язвительный юмор, заявил, что, когда осенью британцы приступят к массированным бомбардировкам Берлина, слухи рассеются сами собой. Местные руководители несли ответственность и за другие рапорты – «отчеты о деятельности», в которых должны были информировать Берлин о положении на местах и языком политики и пропаганды выдвигать соответствующие предложения министерству, для обеспечения принятия им соответствующих мер.

К концу 1944 года Шефер, на которого была возложена обязанность анализировать эти отчеты, признал их неудовлетворительный характер. Они длинны, в них явно ощущается недостаток деловых предложений. Он указал, что отчеты должны содержать практические идеи и предложения, которые могли быть незамедлительно реализованы. Большинство руководителей RPA весьма неуверенно высказывали такие предложения, а сам доктор Шефер неоднократно клал их под сукно. В сентябре 1944 года один из чиновников дрезденского RPA, Эльснер, жаловался на то, как пресса комментировала советско-финское перемирие. Казалось, все газеты пытаются привить своим читателям ощущение, что его условия, выдвинутые русскими, были весьма благоприятны. По мнению Эльснера, это могло внушить немцам мысль, что большевики вовсе не такие уж и плохие. Шефер возразил Эльснеру, заявив, что если бы тот внимательнее подошел к оценке ситуации, то наверняка бы заметил, что необходимые меры уже приняты. Месяц спустя представитель RPA Ольденбурга предложил, чтобы министерство выпустило пропагандистскую брошюру, разъяснившую бы, кто в действительности виновен в войне. Шефер ответил, что вряд ли это может служить главной задачей текущего момента.

Многие отчеты RPA содержали не только весьма эксцентричные предложения, слухи, служившие лишь для оправдания собственной деятельности или бездеятельности, но и факты, имевшие место в действительности. В июне 1944 года (6 июня, в день высадки союзников) один из авторов отчета предложил, каким образом следует отвечать на террористические бомбардировки немецких городов: заселить военнопленными, из числа союзников, дома, представляющие наибольшую культурную ценность и оставлять на время бомбардировки в них. Это предложение не приняли всерьез, несмотря на призывы Геббельса «линчевать их» и сходные настроения в конце войны. В октябре один из бывших сотрудников министерства заявил о случаях коррупции в армии на территории оккупированной Норвегии. Он сообщал о якобы лучших условиях жизни офицеров и использовании ими служебного положения в корыстных целях. Проявления антивермахтовских настроений особенно подогревалось Геббельсом и Шефером после попытки покушения на фюрера 20 июля 1944 года. Несколько месяцев спустя один из авторов письма из отделения в Мозельланде дал министерству информацию, которая могла послужить министерству для сообщений о жестокостях, чинимых союзниками. Речь шла о том, что союзники якобы разбомбили немецкий санитарный поезд. Отчеты RPA страдали одним общим недостатком. Если в них сообщалось о эффекте, произведенной речью какого-нибудь нацистского бонзы, они все как один говорили об энтузиазме и вдохновении народных масс.[44]

Шефер также снабжал местные RPA сведениями, которые могли бы оказаться полезными в их работе по выполнению пропагандистских задач, поставленных перед министерством. В 1943 году он и его коллега Дице сумели получить тысячи отзывов от профессионалов из сотрудников RPA и сочли необходимым составить тайный, объективный отчет, который не был запланирован для широкого опубликования в средствах массовой информации. Среди этих людей – доктора, адвокаты, владельцы аптек, инженеры, архитекторы, химики и вообще авторитетные люди.

Они получали отчеты о положении в Италии, об оборонительных мерах в воздушной войне, о положении в Африке, о циркулировании и распространении разного рода слухов. Хотя в этом направлении было сделано не очень много, кое-что из этой информации дошло до лидеров активистов нацистских профобъеденений. В этом же году Шефер высылал руководителям RPA длинные фрагменты переводов книги Уэнделла Уилки «Единый мир», чтобы продемонстрировать, как Запад продал Европу на откуп большевизму. В мае 1943 года RPA получило конфиденциальные материалы, касавшиеся недавнего роспуска Сталиным Коминтерна, который трактовался как провал старой тактики старых коммунистов – «Единого фронта». Пропагандистская машина все еще функционировала и в феврале 1945 года, когда признаки краха везде были налицо. Один разгневанный чиновник министерства писал местному эксперту по вопросам антисемитизма, сообщая ему, что его антисемитский материал не может быть распространен среди руководителей местных RPA: «Откуда у начальника RPA, который сталкивается с такими трудностями, может найтись время для прочтения материала на семнадцати машинописных листах?»[45]

Начальники местных RPA время от времени собирались в Берлине для обсуждения своей работы и проблем. Геббельс был хозяином. Программа одной из таких встреч, состоявшейся 28-29 февраля 1944 года, дает некоторое представление о теоретическом уровне начальника местного RPA. Эти люди подслушивали сообщения об экономической политике, о положении с продовольствием, о вопросах призыва в вермахт, о мерах, касающихся действий местной противовоздушной обороны, о «современном состоянии немецкой культурной жизни», о германских Люфтваффе. Имелось два мероприятия в запасе: беседа с министром внутренних дел рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером по вопросам внутренней политики и участие в дискуссии с Альфредом Розенбергом по «философским вопросам». Война вынуждала министерство делать эти совещания короче. Заканчивались совещания обращением к участникам Йозефа Геббельса.[46] Повышенный интерес Геббельса к жертвам

воздушных налетов вдохновил в апреле 1942 года начальника отдела пропаганды министерства на послание ему докладной записки. Озаглавленная «Культурные мероприятия среди населения с целью отвлечения его от тягот бомбардировок», эта докладная записка в сжатой форме информировала о мероприятиях, которые проводились в Киле местным RPA после жестоких английских бомбардировок.[47] Различные хоровые и музыкальные ансамбли вермахта давали каждое воскресенье концерты, для чего за городом было устроено нечто вроде театральной сцены. Все это должно было приободрить население и внушить ему чувство единства. Мероприятия в Киле оплачивались из особого, предназначенного именно для подобных целей фонда. Угрожающе-катастофический характер воздушной войны заставлял сменить акценты в работе RPA. Их первичной функцией было: 1) проведение пропагандистской политики министерства путем «активной пропаганды», 2) укрепление чувства немецкой народности, 3) управление особыми расходами. В некоторых регионах, особенно сильно пострадавших от воздушных налетов, RPA были поглощены мероприятиями по решению вопросов простого выживания. Наоборот, в районах, удаленных от опасных зон, местные RPA часто впадали в спячку, почти бездействовали, чему способствовало пренебрежительное отношение к ним со стороны гауляйтеров.

Наиболее впечатляющим был единственный проект RPA, который возник в начале войны и фигурировал под названием «народническая работа», или укрепление немецкого народного самосознания, одна из форм национал-социалистического строительства. На ранее аннексированных польских территориях, принадлежавших тогда рейху, интересы немецких поселенцев приобретали первостепенное значение. Многие из них не очень жаловали Западную Пруссию или Вартеланд и предпочитали переселяться подальше на запад. Одно из предложений, поступивших, в этой связи, к Геббельсу, состояло в том, чтобы построить сеть немецких клубов и культурных центров на востоке (ну, как у англичан). Кроме того, необходимо было открыть книжные магазины, а все города с населением более двух

тысяч человек должны были обеспечиваться еженедельной кинопрограммой, пусть даже это осуществлялось бы при помощи передвижной киноустановки. Для этого требовалось 55 кинопередвижек. Кроме того, требовался и обслуживающий персонал для них. Получить кинопередвижки было делом не очень простым, также как и радиоприемники, несмотря на проведенную у польского населения конфискацию. Для немецких клубов и социальных центров нужны были знамена и портреты. Передвижные выставки должны были информировать население о культурных, экономических и политических достижениях. Следовало перевозить их от одной общины до другой по железной дороге. Те же принципы соблюдались и при организации концертов, спектаклей, лекций, поэтических чтений, выступлений хоровых коллективов, при проведении вечеров отдыха членов общин, включая празднование дней, священных для рейха и партии. Такие мероприятия предназначались для содействия росту осознания восточными немцами своей «народности». Докладная записка, содержащая эту программу и адресованная Геббельсу, предусматривала проведение согласованной компании министерства и RPA в тесном сотрудничестве с другими партийными органами. Образ новых земель на Востоке должен был подаваться в прессе в более приглядном виде; плакаты должны были показать немцам, живущим в «старом рейхе», что восточные провинции станут красивыми местами, в которых хочется жить. Выпуски кинохроники, а также лекции, чтение которых сопровождалось бы показом диапозитивов, могли бы очень содействовать программе заселения восточных областей рейха. Восточный отдел министерства выделил на 1941 финансовый год свыше 11 миллионов рейхсмарок. Большую часть этих денег предполагалось использовать именно в восточных землях, для создания их более привлекательного образа.

Министерство пропаганды в особенности было заинтересованно в укреплении этнического самосознания и соответствующей работе RPA в «пограничных» зонах, то есть в отделениях регионов, где проживало большое количество населения немецкой национальности, граничив-

ших с Францией, Бельгией, Италией, Польшей и Чехией. Советник по вопросам «Volkstum» в каждом местном RPA пользовался своей частью бюджетных ассигнований, выделенных на эти цели в 1941 году общим объемом в 810 тысяч рейхсмарок. Эти деньги поступали из Берлина, но использование их, в большинстве случаев, предоставлялось каждому RPA, который распределял их в зависимости от местных условий и конкретной ситуации. В июне 1941 года доктор Хопф из министерства уведомил начальников RPA, что задач советников по вопросам «Volkstum», в основном, четыре: поддержка германизации, оказание содействия усилиям Гиммлера как верховного комиссара по вопросам укрепления германского народного духа, поднятие культурного уровня и национального самосознания населения, предупреждение контактов немцем с иностранными рабочими, не носящее дискриминационного характера. Пиком этой работы были 1941-42 годы. После 1943 года дотации в местные RPA на эти цели стали уменьшаться. Но даже в 1943 году они все еще составляли большую часть расходов RPA, в особенности, если речь шла о приграничных районах. В таких приграничных районах, как Восточная Пруссия, Верхний Дунай, Нижний Дунай, Каринтия, Триоль, Судеты, Данциг, Вартеланд и Верхняя Силезия деньги, получаемые RPA на этническую работу, составляли от 44% до 77% от общей суммы бюджета на 1943 финансовый год. Средней цифрой для всех RPA можно считать примерно 38%.

RPA делали запросы на бюджет на следующий финансовый год в марте и апреле текущего. RPA Бранденбурга запрашивало в 1942 году дополнительные фонды, вследствие демографических изменений, произошедших в этом регионе, начиная с 1939 года. Район с традиционным преобладанием сельского населения населяли теперь многочисленные сельскохозяйственные рабочие, как немцы, так и иностранные крестьяне, последнее обстоятельство и вызвало особую необходимость в проведении работы «в духе народничества». Это отделение производило не очень хорошее впечатление. Выходило так, что люди предпочитали отступать перед трудностями, с которыми они сталкива-

лись, вместо того, чтобы противостоять им. Для такого отделения геббельсовская система децентрализации являлась чуть ли не благословением. Главной проблемой, с которой местные RPA сталкивались во Франкурте-на-Майне, была возродившаяся оппозиция нацизму в среде духовенства. В марте 1942 года исполняющий обязанности начальника RPA писал Геббельсу из Вюрцбурга, обращаясь с просьбой об особой в субсидии в размере 24 тысяч рейхсмарок на то, чтобы искоренить христианское влияние. Эта кампания должна была включать субсидирование нацистских клубов и хоровых обществ, проведение лекций, представлений кукольных театров и открытие в деревнях книжных лавок. RPA обещала мобилизовать ассоциации ветеранов, спортивные общества, местный гитлерюнгенд и Союз германских девушек.

К 1941 году отделения каждого гау обрело особый подотдел, занимавшийся этнической работой. Ежемесячные субсидии на специальные проекты, такие, как премьеры новых фильмов, давали дорогу единому подходу к планированию бюджета. Проблемы общества, которое вело войну, изнуряли все отделения RPA, и жалобы о потерянных метриках и свидетельствах и канцелярская волокита — сковывали их. Такие сбои стали наиболее очевидны, когда RPA в Данцинге — Западной Пруссии, заказало 1400 экземпляров брошюры «Возвращение знамени», предназначенной для переселенцев-рабочих женщин, 500 из которых раньше жили в Берлине. Некоторые отделения RPA были склонны ограничивать работу по «Volkstum», с целью увеличения бюджета или избежания сокращения денежных сумм, предназначенных им. В 1940-41 годах директор одного из отделений в Восточной Баварии (Байрей) признал, что Бавария больше не является приграничным районом, вследствие того, что бывшая граница с Чехией уже не существовала, но тем не менее здесь проживало очень много чехов, 17 тысяч переселенных детей из Гамбурга и Берлина и 11 тысяч этнических немцев из восточных территорий. По этой причине начальник RPA требовал увеличения первоначально отведенной суммы в 1000 рейхсмарок ежемесячно на пропаганду «народничества». Министерство

пошло на увеличение бюджета этого отделения, но не настолько, насколько желал его начальник.

В начале 1941 года начальник отделения пропаганды Нижнего Дуная (Вена) запросил для себя особый фонд для издания брошюры «Сохраните чистоту своей крови». Начальник обосновывал необходимость этого шага тем, что приток иностранной рабочей силы в крестьянские хозяйства требует незамедлительного применения подобных мер, поскольку немецкие сельскохозяйственные рабочие склонны видеть в иностранцах таких же крестьян, как и они сами. Министерство согласилось на это. Условия военного времени затрудняли выполнение других требований. В начале 1942 года министерство поставило все RPA в известность о том, что обеспечение кинопоказов для переселенцев невозможно по причине нехватки горючего и автомобилей для их перевозки. К 1943 году общие бюджетные ассигнования для всех RPA стали снижаться. По сравнению с 1942 годом отчисления на «Volkstum» снизились на 100 тысяч рейхсмарок, хотя это было на 8% выше пропорционально бюджету RPA в целом по рейху.

Умные руководитель RPA сумели обойти эти сокращения, нагоняя на министерство страху. В мае 1944 года отделение в Восточной Пруссии сообщало об усилении большевистской агитации, в особенности среди иностранных рабочих. Пресса была недостаточно эффективна, чтобы побороть эту тенденцию. Не хватало плакатов, которые изображали бы зверства большевиков, причем графически наиболее выразительно. Хотелось иметь и аналогичные диапозитивы. И месяц спустя Шефер одобрил внеплановое повышение выделяемых средств на эту кампанию на 60 тысяч рейхсмарок. Молчаливой предпосылкой этого запроса стало то обстоятельство, что Восточная Пруссия вскоре могла стать частью восточного фронта.[48]

Йозеф Геббельс проявлял особый интерес личного характера к состоянию дела в культурной пропаганде на бывших польских территориях. Он был официальным покровителем «страны немецкого порядка», организации, сформированной в Данциге (Западная Пруссия) для проведения германизации. К началу 1942 года около полумиллиона

рейхсмарок выделено на нужды RPA для работы в этом направлении. Это деньги, которые Геббельс сумел раздобыть, используя свои личные связи. Работа в сфере культуры была общим усилием для осуществления плана германизации со стороны самого министерства, руководства гау, немецких общин и отделений RPA. Отдел пропаганды министерства считал эту работу успешной, поскольку она явилась стимулом к созданию аналогичных организаций в Вартеланде, Кельне-Аахене и Мозельланде. Начальные результаты работа по наведению «германского порядка» уже дала в этих районах к 1942 году, но завершить ее предстояло после победы Германии. В октябре 1942 года статс-секретарь Гуттерер хвалил работу по германизации на Востоке, заявляя, что лишь в условиях национал-социализма стало возможным провести такую важную кампанию: «Мы уже давно не живем в романтической среде на облаках, где царствуют поэты и мыслители, над которой хохочет весь мир».[49] И это в то время, когда в России грохотали кровавые битвы.

Программа германизации финансировалась не только министерством Геббельса, но и другими министерствами и ведомствами. Если речь шла о недавно присоединенных к рейху территориях или его приграничных регионах, средства на знамена, украшения и оборудование интернатов гитлерюнгенда приходили из министерства внутренних дел или из фонда германизации. Министерство пропаганды дало ясно понять, что на некоторые виды «активной пропаганды», как-то: украшение зданий и залов, в случае проведения партийных съездов (знамена, бюсты Гитлера, подиумы), спортивные мероприятия, благотворительные акции, — оно средств выделять не будет. И RPA, желавшие провести у себя спортивные соревнования, обращались за помощью к министерству внутренних дел или к местному спортивному фюреру, ибо фонды для оздоровительных мероприятий были областью деятельности Национального спортивного союза. Партийные съезды относились к финансовым обязательствам Главного Имперского управления пропаганды. RPA поэтому отчитывались перед ведомством Геббельса в относительно небольших суммах.[50]

Работа нацистской пропаганды, сделавшая возможным приход Гитлера к власти, было делом RPL. «Книга партийной организации» указывала, что пропагандистская деятельность НСДАП, ее филиалов и подчиненных групп находилась в сфере ответственности руководителя имперской пропаганды. НСДАП была организована по иерархическим линиям, состоявшим из политических лидеров или «высших лиц», начиная с Гитлера, затем следовала партийная канцелярия, рейхсляйтеры, далее гауляйтеры, крайсляйтеры, ортсгруппенляйтеры, лидеры ячеек и, наконец, блоков. В практическом смысле понятие «партийный лидер» начиналось с уровня «ортсгруппен» – местных групп. Главы важных партийных звеньев, таких, как Национал-социалистический союз студентов, были отнесены уже к категории «высших лиц». В партии существовали восемь отделов, включая СА, СС, гитлерюнгенд и еще восемь филиалов. «Организационная книга» оговаривала, что Reichspropagandaleiter- руководитель имперской пропаганды – определял все направления пропагандистской деятельности движения, включая его отделы и филиалы. Руководство пропагандой на уровне гау (GPL), во главе с начальником, являлась представительным органом RPL (Руководства имперской пропаганды в каждом гау) и отвечало за проведение национальной политики партии в четырех областях: активной пропаганде, кино, радио и культуре. Окружное отделение пропаганды выполняло эти функции на более низком уровне и подчинялось начальнику местного отделения пропаганды.[51]

Главной фигурой в RPL после Геббельса и государственного секретаря был административный директор. До апреля 1942 года этот пост занимал Хуго Фишер. Родившийся в Мюнхене в 1902 году, Фишер изучал вопросы предпринимательства, собираясь стать торговцем. Вместо этого он стал активистом партии, вступив в нее в 1922 году, и на следующий год участвовал в «пивном путче». После убийства германского министра иностранных дел Вальтера Ратенау в 1922 году он отличился тем, что написал брошюру, откровенно восхваляющую убийц. В 1927

году Хуго Фишер стал адъютантом Гиммлера. Фишер привлек внимание Гиммлера тем, что был одним из активных членов СА и дружил с печально известным Эдмундом Хайнесом. Грубость и неотесанность Фишера, также как и его продажность, делала его незаменимым в борьбе за власть, но для работы он совершенно не годился. Гебельс отправил Фишера на пенсию, обеспечившую ему беззаботную жизнь.

8 июня 1942 года министр заменил его Ойгеном Хадамовски. Этот тоже был не из числа его любимчиков, и Геббельс распорядился, чтобы бывший глава отдела радио министерства проводил время в штаб-квартире мюнхенского RPL. Мюнхен имел славу «колыбели» и «столицы» движения. Геббельс не желал бюрократизации пропагандистской работы партии, поэтому в 1941 году издал указ, чтобы все отделы RPL, независимо от того, какое значение они имели в военных условиях, находились в Мюнхене. Это было своего рода иллюзией, потому что Геббельс и министерство в Берлине решали, чем должно заниматься RPL. Все важные отделы RPL оставались по-прежнему в Берлине, несмотря на распоряжение Геббельса, и располагались там до 1942 года. Об этом сообщал выпуск за 1942 год «Национал-социалистического ежегодника». Вернер Вехтер, шеф пропагандистского корпуса RPL, сыграл важную роль в работе этого корпуса после 1941 года. Геббельса не привели в восторг блестящие способности к мимикрии, талант, позволивший ему в совершенстве копировать и речь министра, и его манеры. Одной из проблем RPL была его печальная способность включать в свой состав самых ленивых и безынициативных партийных деятелей, людей, которых Геббельс и близко не подпустил бы к министерству.[52]

Главное управление по культуре RPL, под началом Карла Церфа, выполняло множество функций, включая и составление образцов программ для празднования юбилейных дат нацистского движения. Этот отдел выпускал «Предложения по построению национал-социалистических церемоний» и занимался созданием благоприятных условий для насаждения духа национал-социализма в искусстве и кон-

тролем за этим. К 1944 году Главное управление по культуре брало на себя выполнение и многих других задач, включая удовлетворение нужд раненых солдат вермахта, беженцев и жертв бомбардировок. Работа главного узла RPL осложнялась пропагандистскими амбициями сотрудников в подчиненных учреждениях, филиалах и других низовых организациях. В 1940 году Геббельс направил Хуго Фишера разъяснить организации «Сила через радость», что если в будущем она желает избежать в своей работе «пустых и вредных» лекционных программ, то ей следует сначала согласовать свои усилия с RPL.[53]

Руководство RPL, Геббельс, Тислер, Фишер (или Хадамовски) и Вехтер регулярно обменивались докладными записками и идеями при подготовке каждой сезонной пропагандистской кампании. В конце 1941 года обсуждалось несколько программ и призывов компании зимней помощи. Было достигнуто соглашение, напечатан и готов для распространения и ее план, для использования в качестве руководящего документа для ораторов и лекторов на всей территории рейха. Вот некоторые призывы и идеи зимней кампании 1941-42 годов: «Через жертвы к победе!», «Немецкий народ выигрывает войну нервов», «Неисчерпаемые резервы Германии», «Больше юмора!», «Наши союзники». Слишком много немцев верило, что «Германия превозмогает себя и гибнет», как и в то, что «Англия проигрывает все сражения и выигрывает войну».[54] Геббельс и его коллеги знали это, потому что очень большое внимание проявляли к секретным докладам СД относительно состояния общественного мнения, а также к своим собственным отчетам о состоянии лояльности. Планы на 1941-42 годы предусматривали использование агентов для того, чтобы противостоять всякого рода пораженческим настроениям, насаждая, в свою очередь, прямо противоположные слухи. Еще одним ходом, должным способствовать росту уровня морали рабочего класса, было приглашение знаменитых актеров появляться перед публикой в кинотеатрах на презентациях фильмов с их участием. Второй вариант проекта плана на этот период уже яснее выражал собственный подход Геббельса, утверждая, что Европа находилась в со-

стоянии войны против евреев, которые были побеждены в Германии после 1933 года.

План, составленный Геббельсом, – всего лишь черновик, но он служит отличным сборником методов, которыми пользовалось RPL. Пропагандистская компания должна была включать в себя проведение митингов и партийных съездов, премьеры кинофильмов, сопровождаемые выступлениями ораторов, показы диапозитивов, презентации фильмов, организованные гау, празднования знаменательных дат, чтение лекций на военнополитические темы, организацию выставок, выпуск плакатов, лозунгов, призывов недели, еженедельную информацию о новых членах НСДАП, карикатуру недели и устную пропаганду. Некоторые из лекционных тем, сопровождавшихся показом диапозитивов: «Предательство дела социализма», «Немецкая женщина в войне», «США – нарушитель спокойствия» и «Средиземноморье. Решающее значение этого района», «Германская миссия в Европе» и «Политика и война в карикатуре» – последние три темы находились в стадии подготовки. Кампания эта должна была начаться 1 октября 1941 года и завершиться 31 марта 1942 года, с длинным перерывом с 15 декабря по 15 января 1942 года. Геббельс, без сомнения, помня об огрехах предыдущей работы, требовал тщательной выверки, подготовки и доставки необходимых материалов в местные отделения пропаганды.

В качестве девиза кампании 1942-43 года Тислер рекомендовал: «Фюрер может на нас рассчитывать!» Геббельс же решил взять на вооружение старый лозунг «эры борьбы»: «За свободу, справедливость и хлеб», но вскоре изменил мнение и отказался как от первого, так и от второго варианта в честь старого проверенного-перепроверенного: «Фюрер, приказывай – мы исполняем!» Лишь после этого девиз был передан по всем инстанциям и отдельным лицам с тем, чтобы мог тиражироваться по всей территории рейха. К июлю 1944 года Науман и Геббельс так жаждали свежего, неизбитого призыва, что в качестве образца использовали большевиков. Науман вспомнил, что, когда дела у русских шли хуже некуда, они пользовались призывом «Лучше умереть стоя, чем жить на

коленях!» Ему хотелось отыскать что-нибудь, что подошло бы как нельзя лучше для битв, которые предстояли немцам в будущем году. Начальник отдела министерства пропаганды и административный директор RPL вымали- али призывы у своих подчиненных и предложили попурри: «Любая жертва ради свободы», «Нацию, желающую быть свободной, поработить нельзя!», «Есть только один грех- трусость!», «Не думай о тяготах, думай о цели». Последние рекомендации были взяты из работ Э. М. Арндта, Фридриха Ницше и Эрнста Юнгера. Пропагандисты стремились вычеркнуть «неумолимую важность» текущего момента и в тоже время подбодрить нацию разговорами о чудо-оружии и увеличивавшихся показателях военной промышленности. Некоторые из этих рекомендаций впоследствии использованы Геббельсом и Науманом, но большинство отвергнуто. Геббельс весьма враждебно воспринимал призывы, содержащие хоть какое-то упоминание о Европе. На этот раз он понял, что темы, подобные «Жизнь или смерть!», звучали слишком пессимистично, и посему заменил их на «За свободу и жизнь!»

Главное управление имперской пропаганды регулярно информировало аппарат гау и его агитаторов о том или ином призыве или иных сведениях, публикуя их во множестве всякого рода бюллетеней и обзорах новостей. Один из них «Особая служба» RPL, регулярно посылался гауляйтерам, директорам региональных отделений пропаганды, окружным фюрерам, ведущим партийным ораторам и их коллегам на уровне гау («Издание Б»). Однако пользоваться этой конфиденциальной информацией в своей пропагандистской деятельности им запрещалось до особого разрешения. Материал предназначался лишь для «личного ознакомления». «Особая служба» включала материалы о последних слухах, а также о тех фактах, которые было рекомендовано использовать при проведении пропагандистских мероприятий. «Особое издание» бюллетеня содержало перепечатку редакционной статьи Геббельса из следующего выпуска журнала «Дас Райх». Этот жест должен был ясно дать понять пропагандистам, что в работе они должны использовать линию, рекомендованную им

Геббельсом. Центральная служба информации RPL регулярно высылала строго секретный доклад под названием «Положение», трактовавший последние события на фронте, в военной промышленности и ход кампании тотальной войны.

RPL снабжала местные RPA еще одним регулярным бюллетенем, который содержал как информацию конфиденциального характера, так и специфические указания для применения этой информации в пропагандистской деятельности. В мае 1942 года RPL изменило этот бюллетень, убрав из него специфические указания для осуществления пропагандистской деятельности.

Теперь они публиковались отдельно в «Инструкциях пропагандисту», и информация отсюда могла передаваться вниз по субординации до пропагандистских функционеров уровня гау. Эти два издания не выходили из печати, пока Тислер не получал санкции партийной канцелярии. К июлю 1943 года было достигнуто новое соглашение, в соответствии с которым партийная канцелярия не занималась проверкой всего текста издания в целом, а лишь знакомилась с отдельными моментами, представленными Тислером на ее одобрение. Официальный журнал RPL назывался «Наша воля и путь» — ежемесячник, публиковавший подробные статьи о технике, персонале, целях и успехах нацистской пропаганды.[55]

Гитлер был убежден, что все великие революции своим успехом обязаны устному слову, посредством которого их зачинатели увлекали за собой последователей. К этой категории он относил Иисуса Христа, Ленина и Муссолини. Часто нацисты упоминали имена Фридриха Великого и Наполеона, чьи вдохновляющие речи, обращенные к войскам способствовали успешному завершению битв. RPL следовала культу устного слова, организовав у себя Главное управление по делам ораторов, которое объединило под своей крышей «Организацию ораторов» и «Агентство по информации для ораторов». Ораторы делились на две категории: «политические ораторы», в чьи функции входило донести нацистскую идеологию до умов людей и разъяснять меры, применяемые режимом, и «ораторов-специа-

листов», которых посылали вниз по иерархии, с целью разъяснения специфических моментов, например, трудовой политики правительства. Партийные ораторы делились на ораторов высшего ранга (имперских) и далее, до окружных. Между двумя вышеупомянутыми стояли ораторы масштаба гау. Ораторы собирались и использовались на основании двух критериев: принципа достоинств и наличия таких заслуг, как принадлежность к клану «старых борцов». В 1940 году работу этих ораторов 150 направляли человек. Оратор уровня гау работал на отделение пропаганды гау, окружной действовал на уровне округа или окружного отделения пропаганды.

В канун войны многие партийные инстанции пеклись о том, чтобы военный конфликт не отразился на ораторах. Ведомство Рудольфа Гесса работало с комиссарами по вопросам мобилизации гау для того, чтобы предотвратить распад системы в случае войны. Ведомство Гесса затребовало провести общую проверку призывного статуса партийных ораторов, а также цифры минимального числа ораторов на каждое гау. Одновременно были выработаны процедуры получения отсрочки и указано, что это обеспечит тесную связь с соответствующими инстанциями вермахта. И когда партия лишилась, из-за призыва, своих лучших ораторов (из почти 9800, в начале 1941 года, в вермахте служила почти одна треть) их отсутствие не оказалось катастрофой для системы. В период между 1 сентября 1939 года и 15 декабря 1940 года проведено около 140 тысяч митингов и съездов и кроме того, прошло около 50 тысяч фабричных и заводских собраний. «Наша воля и путь» трубила, что война еще раз доказала: важнейшими элементами в системе пропаганды были и остаются ораторы и митинги. Эти усилия увенчались тем, что вермахт начал отправлять ораторов обратно на гражданскую службу или предоставлять отпуска для участия в митингах. Выполнение некоторых инициатив серьезно осложнилось из-за войны. Например, план, который воплотили в жизнь к 1938 году на некоторых территориях рейха, предусматривал установку громкоговорителей на каждой площади всех городов. Система ораторов и ораторства слегка поблекла, когда в

Германии начала ощущаться усталость от войны. Растущая непопулярность партии и требования насущного момента к 1942 году сделали эту систему практически неуместной, и даже частичное оживление партии в конце войны все равно не могло реставрировать ее.

Отделение пропаганды уровня гау получало материалы и рекомендации для ораторов из «Службы просвещения политических ораторов» при RPL. Такие инструкции получали мюнхенские ораторы перед подготовкой к выступлению: изучи свой круг вопросов, оставайся тактичным, производи хорошее впечатление на публику, демонстрируй глубину и ясность в изложении и заставь твоих слушателей понять, насколько их повседневные заботы мелки по сравнению с величием целей и задач Германии. Бюллетени Службы просвещения пытались оживить старый добрый агитационный пыл «эры борьбы». Находясь под влиянием «Майн кампф», один из бюллетеней разъяснял ораторам, как вести себя на митинге. Суть объяснения сводилась к тому, что ораторы должны сочетать в себе высокие моральные и интеллектуальные качества. Первое и непременное условие – перед выступлением они не должны были употреблять спиртные напитки, не следовало заказывать себе выпивку и после того, как митинг завершался. Ораторы выступают не ради аплодисментов. В процессе выступления им следовало держать руки по швам и ни в коем случае не держать их в карманах или за спиной. Воспрещалось расхаживать и раскачиваться. Речь должна быть естественной, лишенной ложного пафоса. Ораторы не должны кричать или пользоваться избитыми фразами и расхожими истинами, но рекомендовалось прибегать к помощи тактичного юмора. И нечего было ораторам болезненно реагировать на справедливую критику управления пропаганды гау. За исключением предписания, воспрещавшего употребление алкоголя, все пункты полностью нарушались Адольфом Гитлером во время его речей. И такая явная ересь была не случайна: слишком уж много развелось ораторов, которые пытались представить себя гитлерами в миниатюре, перенимая у фюрера его стиль и даже усики. Партия распорядилась и о том, чтобы во время митингов

вывешивались флаги и знамена, а также исполнялись оба национальных гимна и военные марши. Рекомендовалось также, чтобы продолжительность митингов не превышала полутора часов.[56]

Перед войной бюллетень Службы просвещения критиковал монотонную речь многих партийных ораторов. «Мы — молящиеся» — так называлась статья. Ораторы должны были вкладывать в свою речь «сердце» и вливать свою кровь». Партия пыталась обнаружить золотую середину между истерией Гитлера и апатичными ораторами, который читали с листка нудные речи незаинтересованной, собранной насильно партийной аудитории. Рекомендовалось, чтобы ораторы были поосмотрительнее в выборе арсенала своих традиционных средств, чтобы последние подходили под конкретную аудиторию. Ораторы, говорившие перед НСФБ (Национал-социалистическим союзом женщин), должны были вести себя мягко и избегать всякого рода взрывных восклицаний, но и не быть приторными как елей. Когда ораторы останавливались на вопросах нацистской политики в отношении населения и рождаемости, то невозможно было при этом не задеть достоинства присутствующих на митинге холостяков. Партия была часто разочарована тем, как речи ораторов освещались в прессе, поскольку статьи эти были банальными и большей частью на низком уровне. Складывалось впечатление, что партия и ораторы, а также пресса страдали от наплыва хитрецов и приспособленцев, от «людей, которые выполняли лишь свою работу».

И вот в Мюнхене Служба информации (или просвещения, если хотите) для ораторов снабжала этих самых людей детальными цифровыми выкладками о деятельности партии по всему гау Мюнхен (Верхняя Бавария), включая презентации фильмов, рост числа членов партии, деятельность DAF, выставки по искусству и окружные партийные съезды. Некоторые из бюллетеней, вышедших незадолго до войны, содержали тематические материалы, которые больше нигде не опубликовывались. Антиклерикальная пропаганда занимала перед войной значительную долю всех материалов, помещенных в бюллетенях Службы просвеще-

ния, выходивших в католической Баварии. В одном из изданий даже говорилось о том, что в Праге евреи, церковь и Коминтерн объединились в антигерманский союз. Этот тип пропаганды, также как и гневные обличительные антибольшевистские речи, исчезли со страниц информационных бюллетеней, поскольку политика нации вела к войне, а Советский Союз при этом соблюдал благожелательный нейтралитет. На антиклерикальный фанатизм не рассчитывали, когда речь шла об объединении немецкой нации, бывшей на одну треть католической, и эта тональность пропаганды в большинстве гау принижалась.

В начале и середине 1939 года всем ораторам было дано указание акцентировать достижения нацистского режима на фоне всех несчастий немецкой истории. Их обязывали развенчать «позорный мир» прошлого и мирные договоры, основанные на унижении Германии, такие, как Версальский и Вестфальский, и всецело посвятить себя описанию того, как Гитлер мирным путем создал Великую Германию и обеспечил мир, основанный на победах 1938-39 годов. Гордость, царившая внутри партии, обязывала всех ораторов давать преисполненные гордости ответы на вопросы типа: «Почему вы национал-социалист?»,- обращаясь к присутствовавшим на окружных торжественных церемониях. Они должны были отвечать на них, заявляя, что являются партийными товарищами по причине их германской крови, любви к немецкой земле, из-за того, что они так хорошо разбираются в немецкой истории, из-за своей веры в «Volk», из-за любви к Адольфу Гитлеру. В канун войны многочисленные партийные информационные бюллетени содержали рекомендации, рассчитанные на то, чтобы закалять волю к победе. Ораторам вменялось в обязанность рассказывать слушателям, что Германия дня сегодняшнего была намного сильнее рейха, который был до первой мировой войны. В 1940 году RPL имели в своем распоряжении материалы для нескольких программ показа диапозитивов «Наш фюрер», «Западный вал», «Германия проводит расовую политику», «Мировой пират Англия», «Плутократия и еврейство», «Фронт и тыл – сообщество борьбы», «На пути к победе» и «Битва и победа в Норвегии». Когда случилось, что война

атянулась до 1942 года, в призывах стал доминировать несколько иной тон. Ораторы должны были употреблять в своих выступлениях такие фразы, как «Победа любой ценой», и о Германии должны были говорить, как о Германии «после победы», и никогда о Германии «после войны» или «после заключения мира». В конце 1942 года один бюллетень указал на необходимость борьбы с широко распространенным убеждением, что Соединенные Штаты непобедимы из-за огромных запасов сырья и продовольствия. Ораторам необходимо обращать внимание своих слушателей на факт, что «ось» (Берлин – Рим – Токио) скоро станет располагать гораздо большими резервами на Среднем Востоке и в России, чем у Соединенных Штатов. Ораторы обязаны были продолжать развенчание Британии, как реакционной «плутократии», трудящиеся массы которой изнемогают от эксплуатации.

Весной 1943 года бюллетени настаивали на том, чтобы ораторы уделяли больше внимания зверствам Советов в отношении польских офицеров в Катыни, где немцы незадолго до этого наткнулись на тысячи трупов. Это дало возможность открыто и убежденно продемонстрировать жестокость, которую нес с собой большевизм, и одновременно подчеркнуть лицемерие сталинских западных «демократических» союзников. Когда в мае 1943 года сопротивление стран-участников «оси» в Тунисе потерпело крах, ораторы получили директивы относительно того, как обращаться с новой напастью. Следовало придавать особое значение героической борьбе Германии (на итальянцев не следовало обращать особого внимания), но со Сталинградом не должно было быть никаких вгонявших в депрессию параллелей. Один эпизод, который мог оказаться весьма полезным для оратора: немецкий полковой оркестр, который торжественным маршем направлялся в лагерь для военнопленных союзнических войск, вызывающе-дерзко играл немецкие военные марши и нацистские песни. Бюллетень демонстрировал отвращение к реальной действительности, наивно полагая, что подобные истории могли бы приободрить смертельно усталое от войны население Германии. Зато они вполне еще могли произвести должный эффект на

закоренелых нацистов, составлявших основную часть аудитории ораторов. Месяц спустя ораторы получают статистические данные, составленные для того, чтобы доказать, что «ось», хотя и имеет население численно меньшее, чем союзники, контролирует коммуникации (Япония?) и располагает более вышколенными рабочими, с более высоким моральным духом.[57]

В 1943 году руководство RPL провело определенные изменения в структуре своей информационной системы, предназначавшейся для ораторов. Ораторы жаловались, что материалы, которые они получали, были излишне длинными и нуждались в улучшении. Большинство из них по стилю напоминали скучнейшие пресс-релизы. Живой информации в бюллетенях явно нехватало. Тислер рекомендовал Вехтеру провести перестройку информационных систем и переработку бюллетеней. Геббельс взял под свою опеку такие бюллетени, как «Специальная информация для ораторов» и «Информация окружного фюрера» через отдел управления пропагандой RPL. Единственным ответом на возрастающий поток критики было то, что эти бюллетени после лета 1943 года отодвинули подвергнувшиеся остракизму материалы Службы просвещения на второй план.

Усиливавшееся вмешательство партийной канцелярии в пропагандистскую работу было продиктовано разложением пропагандистского аппарата партии, а также решимостью Мартина Бормана расшевелить все больше и больше впадавшее в спячку национал-социалистическое движение.[58] Связь между партийной канцелярией Бормана и RPL осуществлял Вальтер Тисслер, директор Имперского кольца национал-социалистической пропаганды и народного просвещения. В функции этого кольца входила координация пропагандистской деятельностив ветвях партии. Он состоял из представителей этих ветвей и организаций на уровне рейха, гау, округов и муниципальных уровней. Главной задачей Имперского кольца было избежание всякого рода недоразумений, которые могли произойти вследствие издания множества различных директив по вопросам пропаганды. Кольцо предлагало курсы по

вопросам пропаганды для членов нацистской организации. В целях проведения умной и единой пропагандистской политики, кольцо опубликовало бюллетени на уровнях гау, округов и их филиалов. Кольцо было детищем RPL, и его создание позволило центральному управлению выходить за пределы гау и местных отделений пропаганды для распространения своих сообщений и мобилизации пропагандистов. Кольца уровня рейха и гау имели отлично налаженную цензуру, потому что были наделены полномочиями проверять пропагандистские печатные материалы, предлагаемые подчиненными организациями и филиалами до того, как эти брошюры начнут распространяться. Впрочем, если эта работа касалась какого-нибудь заслуженного нациста из другого агентства, кольцо часто не достигало поставленной цели.

Вальтер Тисслер родился в 1903 году. Он принадлежал к числу «старых борцов», вступив в партию в 1922 или в 1923 году, в течение года или двух ходил в низовых фюрерах — был ортсгруппенляйтером, а к 1925 году стал крайсляйтером в районе Биттерфельд-Делич. Опыт Тисслер приобретал, будучи уже оратором уровня гау, будучи автором ряда брошюр и издателем газеты, а в 1926 году стал руководителем отделения пропаганды в Галле. Тисслер был активистом как в СА, так и в движении нацистов «На фабрики!», и в последние годы продолжал писать брошюры для партии «эры борьбы». Геббельс забрал его в RPL в 1934 году, а в 1936 году Тисслер становится директором Имперского кольца. Возрастание роли партийной канцелярии Мартина Бормана обеспечило ему роль офицера связи между RPL и партией. Роль эта была чрезвычайно важной и влияние его внутри RPL трудно переоценить, особенно если обратиться к документам периода после 1941 года. Тисслер почувствовал, что влияние Бормана на Гитлера очень сильно возрастало еще тогда, когда большинство нацистов не склонно было этого замечать, и он старался угождать всем предрассудкам Бормана. В августе 1941 года Тисслер намекнул Борману, что очень было бы здорово вздернуть этого графа фон Галена, епископа Мюнстера, если бы только фюрер дал свое согласие.

В вину Галену вменялось, что он осуждал нацистскую программу «убийства из милосердия».

Ведомство Тисслера собирало информацию через своих ораторов и других пропагандистов посредством вопросников и отчетов. Цель этой работы – выяснение того, какой тип пропагандистских компаний должны были проводить низовые структуры партии и филиалы и насколько они могли быть эффективны. Ленивые или не обладавшие хорошей дикцией ораторы редко присылали детальные отчеты о своей деятельности. Большая часть информации о деятельности местных органов партии в период войны получалась из общих отчетов, составлявшихся отделениями пропаганды. Один гау сообщал, что только 5 процентов руководителей партийных митингов и съездов удосужились прислать отчеты в отделения пропаганды. Имперское кольцо пыталось исправить положение, хотя бы на уровне ветвей и филиалов, требуя ежемесячного отчета от таких организаций, как Имперский женский союз. Ораторы и организаторы должны были отвечать на вопросы типа: «Вы планируете пропагандистские компании? Когда? Какими средствами? Какие новые плакаты, брошюры, листовки, а также другие средства пропаганды вы планируете издать или распространить в ближайшем будущем? Укажите время и место. В каком виде это будет осуществляться? Какой вид вражеской пропаганды в форме листовок или устной, в виде слухов, вы заметили в последнее время (в течение месяца), – приложить копии. Как вы поддерживаете настоящую компанию RPL в течение последнего месяца?»[59] Ответы на эти вопросы часто получали неполными и расплывчатыми.

Руководитель кольца на уровне гау был в хорошем положении для того, чтобы вникнуть во все нужды пропаганды, поскольку находился в контакте со многими организациями. Одна из его задач – выступления со своими предложениями по вопросам пропагандистских компаний и совершенствования техники их проведения к центральному RPL через Тисслера. В 1942 году руководитель в Саксонии написал одно интересное письмо о роли школы в программе осуществления мобилизации на тотальную

войну. Обосновывал он свои предложения успехом в Саксонии. Автор письма предлагал, чтобы учителя и администрации школ проводили работу по оказанию помощи семьям погибших на фронте и в защите школ от воздушных налетов. Эти люди находились во вспомогательной службе сельской местности или на фабриках. Они помогали заботиться о раненых солдатах или участвовали в операциях, задуманных как эвакуация школьников из районов, которым грозят бомбардировки.[60] Автор предлагал способ спасти много мужской рабочей силы, сократив в восемь раз число учебных часов. Человек, писавший это письмо, прекрасно понимал систему приоритетов нацистов, потому что требовал сокращения учебных часов по литературе, но призывал «больше внимания уделять «современной истории» (под которой он подразумевал построение Великой Германии после 1933 года), геополитическим доктринам и расовым проблемам». Автор предлагал больше часов выделить на изучение Большой Восточной Азии, «смешение рас» в США, негритянского вопроса и эксплуатации мира Соединенными Штатами как «империалистической державой». Видимо, вся история, относившаяся к событиям до 1933 года, должна была быть изъята из этой улучшенной сетки часов.

На основе информации, доступной ему из самых разных источников, Тисслер в начале 1943 года выступил с рядом предложений к Геббельсу. Если прибегнуть к логике «старых борцов», «буржуазный пропагандист может заниматься лишь буржуазной пропагандой». Тисслер обратил внимание министра на главную проблему: призыв пропагандистов на военную службу ставит под угрозу работу RPL и отдельные сотрудники должны быть взяты под защиту от призыва, независимо от их возраста. Те структуры, которые уже потеряли большое количество таких сотрудников, должны быть защищены от опустошительных акций, иначе работа этих структур парализуется. Такие структуры должны поддерживаться RPL, ибо для Тисслера было жизненно важным решать, какие именно учреждения необходимы для исхода войны, и взять их под защиту. Тисслер взывал к Геббельсу о помощи, моля его о поддержке, что было

равнозначно объявлению войны с соответствующими ведомствами вермахта, в чью компетенцию входил призыв на службу. Он пытался вселить в министра смелость, делая особое ударение на том, что было дорого сердцу Геббельса: пропаганда неотделима от победы, это еще один фронт. Но Тисслер переоценил возможности Геббельса в этом вопросе, так как министр не намеревался дать втянуть себя в битву с вооруженными силами, в которой мог оказаться побежденным.[61] Докладные записки Тисслера ясно показывали ухудшение дел в пропагандистском аппарате после 1939 года. Пропаганда не могла быть оживлена лишь условиями одного RPL, но только лишь применением радикальных мер, поддержанных Борманом для оживления фанатичной роли партии.

Возрастание роли Мартина Бормана стало ощущаться после конца 1941 года. Он отвел себе некую двойную роль личного секретаря Гитлера и начальника партийной канцелярии, и базис этой роли был вполне надежным.[62] К 1943 году уже никто бы больше не повторил ошибки, исправленной мрачным бюрократом в одной из «секретных директив прессе» Имперской палаты культуры. «Пресса»,- писал он,- «не должна приводить в замешательство братьев Бормана». Мартин был в партийной канцелярии, а Альберт – одним из адъютантов фюрера. Мартин Борман впутался в террористическую деятельность нацистов в двадцатых годах. Партийной знаменитостью он стал в 1934 году, когда его произвели в ранг рейхсляйтера. Он служил административным директором у Рудольфа Гесса в канцелярии фюрера. Скрытный и честолюбивый Борман добился исключительного расположения Гитлера, всячески угождая ему и поощряя его капризы, какими бы они не были – финансовыми, политическими или личными. Гитлер считал Бормана настолько важным для себя человеком, что даже не обращал внимания на его периодические запои и распутство. Борман являлся неутомимым и методичным работником и к началу войны сумел укрепить и даже расширить большую часть того, что автоматически перешло к нему по наследству от Гесса. Борман странствовал вместе с Гитлером по его многочисленным ставкам и стал его личной походной канцелярией по вопросам

гражданского и партийного администрирования, на что у фюрера вечно не хватало времени. После войны на Нюрнбергском процессе обвинитель спросил Ханса Фриче: ...Какое влияние имел отсутствующий здесь обвиняемый Борман на немецкую пропаганду?» На что Фриче дал точный ответ: «Роль его была необычайно высока... Доктор Геббельс откровенно боялся Мартина Бормана».[63]

У Фриче были все основания знать о растущем влиянии Бормана в области пропаганды. В августе 1941 года рейхсляйтер Карл Филер пожелал написать Рузвельту открытое письмо. Письмо это должно было послужить целям антисемитской пропаганды, а также ударить по Черчиллю, ну и уж, конечно, по самому ФДР. Филер заручился поддержкой Вальтера Тисслера, единственным возражением которого было лишь то, что, по его мнению, письмо было излишне длинно. Тисслер, один из самых высокопоставленных людей Геббельса, настоятельно просил партийную канцелярию дать добро на письмо Филера. Ответ Бормана пришел в конце месяца: Гитлер похоронил эту идею. Этот вопрос как раз относился к группе таких, которые Борман избегал передавать Гитлеру (к чему беспокоить фюрера такими мелочами?). Не вызывает сомнений, что Борман действовал по собственной инициативе. Филер пожелал, чтобы письмо появилось в прессе с комментариями Ханса Фриче, начальника отдела немецкой прессы при министерстве пропаганды.[64]

Борман иногда действовал на основании рапортов, полученных от гауляйтеров и крайсляйтеров, хотя достоверность их сильно уступала докладам СД, к которым он имел доступ. Начальник партийной канцелярии включал свои директивы и критические оценки в «Конфиденциальную информацию», в бюллетени, которые рассылал во все возрастающих количествах и объемах, начиная с 1942 года. Вскоре Борман расширил круг тех, кто имел привилегию получения его указов. На последней фазе войны занятые по горло, утратившие всякие иллюзии или просто беспробудно пьяные гауляйтеры и крайсляйтеры, вероятно, с меньшим вниманием прочитывали «Конфиденциальную информацию», но выпуски эти сослужили Борману хорошую служ-

бу, так как он расширил рамки своих полномочий, собрав в своих руках средства контроля над центральным аппаратом партии. Борман представлял собой тип бюрократа, способного не увязнуть с головой в море бумаг. Он обладал даром предчувствия, в какую сторону отклонится стрелка барометра общественного мнения, насколько, конечно, тупые и некомпетентные чиновники с мест, при составлении своих докладов обладали способностью вообще учитывать общественное мнение и его реакцию на те или иные меры, применяемые режимом.

Борман получал доклады с мест, в которых говорилось, что народ не очень интересуется воспитательными и пропагандистскими лекциями, содержащими слишком много вопросов «мировоззрения» или мрачноватой философии в духе Альфреда Розенберга. Большинство этих тем уже успели набить оскомину или просто были непонятны людям, включая даже активных нацистов, которые ежедневно и ежечасно воочию убеждались в том, что представляют собой лишения, которые несет существование в условиях военного времени. Многие доклады, словно эхо, повторяли довоенные нарекания на безликость ораторов. Вероятно, лекции, посвященные специфическим военным темам, политике, науке или новейшей истории оказались бы более действенными. Борман пришел именно к такому заключению, несмотря на возражения канцелярии Розенберга. В этом случае, он имел в лице Йозефа Геббельса союзника, который не любил, когда абстрактная идеология проникает в выступления перед публикой и статьи, и который редко употреблял слово «мировоззрение» в своих эссе на страницах «Дас Райх».[65]

К февралю 1943 года активность Мартина Бормана весьма сильно возросла, повысив роль партийной канцелярии в области пропаганды. Очередной выпуск «Пропаганда-Пароле», издаваемой начальниками отделений пропаганды уровня гау, часто начинался фразой: «По согласованию с партийной канцелярией». Растущая изоляция Гитлера, одержимость, с которой он занимался все больше ухудшавшейся военной обстановкой, давала возможность Борману обрести влияние в самых разных областях. Бор-

ман даже не счел необходимым быть элементарно вежливым, когда в ноябре 1942 года проинформировал генерала фон Эппа, что он и его «Колониальный союз» должны приостановить всю пропагандистскую работу, предназначавшуюся для германской колониальной империи.[66] Борман приказал Эппу вновь заняться пропагандой после того, как будет достигнута победа, а в данное время пропагандистский персонал союза «может быть использован куда более эффективно на других участках работы», требующих решения неотложных вопросов. И в течение всего лишь месяца колониальной пропаганде пришел конец. Не позднее февраля 1943 года один гау доложил, что крайсляйтер разрешил провести митинг «Имперского Колониального союза». Вероятно, Борман как-то прознал про этот митинг и его реакцию в те траурные, после Сталинграда, дни можно было легко вообразить. Ни одна деталь, связанная с пропагандой или настроениями в обществе, не уходила от внимания Бормана. Три недели спустя после краха под Сталинградом, Тисслер докладывал Геббельсу, что партийная канцелярия не желала брать военнопленных, не желала, чтобы гражданское население Германии посещало музеи искусства.[67] Скорее всего, гражданское население не испытало бы восторга по поводу столь странной комбинации двух столь разных по своему характеру запретов.

Мартин Борман был человеком невежественным, не способным воспринимать ничего, что шло дальше самых элементарных навыков общения. Разумеется, у него были некоторые, чисто нацистские, доходившие до одержимости верования, как например, антагонизм национал-социализма и христианства. Весьма удивляет, что человек такого более чем скромного уровня культуры, как Борман, нашел время для того, чтобы написать обстоятельное письмо, опубликованное в «Verordnungsblatt» (бюллетене распоряжений) о роли искусства и культурной политики в партийной работе. И это в самый разгар Сталинградской битвы! Письмо, несомненно, было вызовом, брошенным Геббельсу, считавшему, что лишь в его компетенцию входили аналогичные вопросы. Борман говорил о том, что культура

являлась одним из «самых важных и выразительных инструментов» в руках партии даже в военное время. Борману были известны художнические устремления Гитлера. Его, Бормана, утверждения об искусстве и культуре задуманы как отражение взглядов фюрера. Письмо понравилось бы Гитлеру, если бы только оно дошло до него.

4

НАЦИСТСКАЯ ПАРТИЯ, РАДИО И ПРЕССА

Укрепление и распространение нацистской идеологии военного времени в партийных кругах было главной функцией немецкой пропаганды. Термин «Schulung» может быть понят, как тренировка, обучение, воспитание и информирование нынешних и будущих нацистских кадров и членов партии для выполнения задач, стоящих перед рейхом во время войны. Ежемесячник «Воспитательная работа в гитлерюгенде» проводил эту работу во всех молодежных нацистских организациях, включая Союз германских девушек. Каждый выпуск посвящался одной главной теме, например, «Германия — мировая держава», «Единство Германии — судьба Германии», «Евреи и лорды идут рука об руку», «Девятое ноября» и «Евреи — враги всего человечества».[1]

На доктора Роберта Лея, рейхсляйтера НСДАП и главу DAF, была возложена задача по обучению и воспитанию. Если партийные кадры и члены партии не разбираются в вопросах идеологии военного времени, то как же, позвольте спросить, немецкий народ сможет охватить своим разумом природу этой борьбы, имевшей всемирно-историческое значение? Одним из методов, которым доктор Лей охотно пользовался в начале войны, было направление партийных ораторов-«воспитателей» на германские заводы и фабрики для донесения до рабочих нацистских идей:

«Только лучшее годится для немецкого рабочего».
Эти «политические» ударные группы DAF давали рабочим несбыточные обещания о социальном рае, ожидавшем их после победы. Такого рода преувеличения были характерной особенностью Лея, но растерянный Геббельс мало что мог сделать, чтобы дать отпор рейхсляйтеру. Для распространения своих идей Лей использовал «циркулярные директивы», которые рассылались DAF во все гау рейха.

Большинство эскапад Лея, на ниве идеологии, относились к воспитательным учреждениям уровня гау, в особенности отделениям, занимавшихся воспитанием и подготовкой нацистских ораторов, «ведомств воспитания». Эти учреждения получали и «Воспитательный бюллетень», и «Хранитель высшей власти». На Лея была возложена обязанность выучить и вышколить будущую нацистскую элиту. Эту обязанность он делил со многими другими ведомствами и организациями партии, их филиалами и низовыми структурами. Для поддержки своих воспитательных мероприятий он использовал и средства, даваемые ему DAF. Лей сталкивался с проблемами на уровне гау, что, впрочем, типично для полной противоречий хаотичной нацистской системы. Воспитательные учреждения и программы деятельности и подготовки ораторов были отданы на милость местных гауляйтеров и крайсляйтеров, а они могли и проигнорировать присланные им материалы. Отсутствие интереса к воспитанию кадров стало более понятно на исходе войны, когда стало ясно, что вопрос выживет или погибнет национал-социализм решался на поле битвы и уж никак не в воспитательных учреждениях уровня гау.

Публикации и директивы Лея – хороший ориентир для понимания способа, которым нацистская элита разъясняла членам партии все, что касалось войны. Они содержали темы и материалы, подготовленные и разосланные людьми Геббельса, но и не только ими.

В 1942-43 годах «Воспитательный бюллетень», выпускавшийся с 1934 года, предлагал множество вариантов идеологических акций: «Рейх и завоевание Европы», «Борьба и труд – братья, дарующие победу», «Вперед к победе», «Мобилизация нации» (после объявления тотальной войны в начале 1943

года). Издания, дополненные этими крикливыми лозунгами и иллюстрациями на «героические» темы, доходили до воспитателей и преподавателей, находившихся на низовом (городском) уровне (ортсгруппен). Окружные ораторы от воспитательных структур, как правило, выступали перед слушателями не менее двадцати четырех раз в году. Перед этим им давался особый «испытательный срок». За каждый митинг или выступление на партийном съезде оратор получал пять рейхсмарок, гонорар такого же размера выплачивался и ораторам-пропагандистам RPL. Они должны были представлять в воспитательное ведомство уровня гау ежемесячный отчет.

Главное воспитательное управление Роберта Лея выпускало несколько бюллетеней для обеспечения поддержки этой деятельности. «Сообщения» публиковали распоряжения и предписания, разъясняли функции многочисленных циркуляров и бюллетеней. Одно из таких предписаний касалось условий конкурса ораторов-воспитателей, занятых на выступлениях перед учителями и членами партии по вопросам «мировоззрения» или нацистской идеологии. Другой указ касался адаптации к стесненным условиям работы, вызванным войной: смежные городские организации должны почувствовать себя свободнее в вопросах обмена ораторами. Это может послужить средством борьбы с транспортными проблемами и урезаниями рационов. «Подбор материалов на политические темы из журналов и книг», публиковавшийся в трех видах, предназначался для инструктирования ораторов-воспитателей и должностных лиц, но и одновременно являлся откликом на призыв экономить бумагу, так как отпадала необходимость многократной публикации одних и тех же материалов.

«Издание А» и «Издание Б» в основе своей подходили друг на друга, а вот «Издание Ц» предназначалось для ораторов и должностных лиц политических подразделений вермахта. Эти материалы задумывались для того, чтобы постоянно информировать их, и они, таким образом, после победы должны были быть готовы к тому, чтобы подвести утешительные итоги своей плодотворной работы. Выборки касались идеологических тем, таких, как например, «Попытка Эйнштейна поставить физику с ног на голову»,

«Ницше и национал-социализм», «Лицемерие Англии», «Евреи в Красной Армии» и т.д., и т.п.

Многочисленные бюллетени Лея нередко содержали библиографии на темы идеологии, обычно состоявшие из подборок его собственных опусов. Здесь наличествовали такие названия, как «Германия стала еще прекраснее» или «Наш труд освобождает нас». Большинство из того, что было опубликовано Леем, состояло из текстов его выступлений, содержавших хвалебные высказывания о достижениях DAF и обещания социально-утопического характера немецким рабочим. «Воспитательные брошюры» содержали материалы для подготовки лекций и выступлений, а также всякого рода инструкции, касавшиеся одной-единственной темы: «Германия заново организовывает Европу!». «Подборки», рассылаемые по гау и окружным учебным центрам, содержали два типа материалов: 1) дискуссии на идеологические и политические темы и 2) рекомендации относительно проведения партийных церемоний и указания по вопросам воспитательной деятельности. «Дискуссионные вечера», проводившиеся в партийных ячейках на уровне «ортсгруппен», имели целью укрепление политической воли и повышение интеллектуального уровня всех товарищей по партии. «Община по проведению дискуссионных вечеров» выпускала бюллетень для координаторов этих встреч. Инстанции ведомства Лея часто предостерегали координаторов, что руководство, осуществляемое ими, и их инструкции станут «мертвыми и нудными» в случае, если они как следует не проштудируют хотя бы половину из того материала, что они получали из Имперского учебного центра. Интеллектуальное содержание «Службы дискуссионных вечеров» состояло из лозунгов, таких, как: «Есть лишь один приказ дня — выиграть войну!»[2]

Учебные центры уровня гау публиковали лекции и подборки материалов из книг и журналов в качестве вспомогательного материала для партийных воспитателей и ораторов. Некоторые материалы несли на себе печать абстрактной нереальности, словом, представляли собой типичные образчики продукции Альфреда Розенберга. Скольких же ...тных чиновников заботила битва при Таннсенберге (1410

год)* или нашествие гуннов на Римскую империю (375 год)? Скорее всего, не очень многих, но публикация подобных сведений в конце 1943 года свидетельствовала о фанатичном постоянстве и упрямстве нацистской элиты в достижении цели — переместить нынешнюю войну в контекст национальной идеологии и мировоззрения. И здесь национал-социалистическое единое мировоззрение не могло не вернуться к рассмотрению проблемы евреев. В 1943 и 1944 годах отдел воспитания гау в Тюрингии беспрерывно публиковал материалы по «еврейскому вопросу», инструктивные материалы для партийных кадров. А тем временем, другие нацисты уничтожали европейских евреев.[3]

Альфред Розенберг считал себя хранителем чаши Грааля нацистской идеологии. Его очень раздражало наличие, в качестве соперников в области идеологической пропаганды и обучения, такого неотесанного субъекта, как Роберт Лей, и аморального приспособленца, Йозефа Геббельса. На Нюрнбергском процессе Ханс Фриче свидетельствовал, что Розенберг повлиял на германскую пропаганду лишь до такой степени, которая и самому Фриче не была заметна. Но высказывание, запротоколированное 1 октября 1946 года, гласило: «Обвиняемый Розенберг играл ведущую роль в распространении доктрин национал-социализма по поручению партии».[4]

Это явное противоречие основывалось на разных точках зрения. Делая свое заявление, Фриче мысленно представлял себе Геббельса, своего министра и, возможно, RPL. Здесь влияние Розенберга, в особенности на рутинную, ежедневную пропаганду или сезонные пропагандистские кампании, не стоило принимать в расчет. Зато во время войны Розенберг и его «канцелярия» играли известную роль в воспитательных программах, направляемых нацистским ораторам, в различные пропагандистские учреждения и школы. Влияние Розенберга на идеологию было видно невооруженным глазом еще в самый канун войны, но после 1939 года оно быстро пошло на убыль. Служба в информации ораторов гау Мюнхен/Верхняя Бавария в 1938 году в

---

* Грюнвальдская битва (примечание редактора).

своей работе очень твердо придерживалась линии Розенберга. Информация этой службы отличалась резким антиклерикализмом и очень напоминала речи Розенберга и его ранние эссе. Заявление о том, что 9 ноября, день памяти нацистов, погибших во время «пивного путча», и день памяти героев в марте были событиями гораздо более заметными, чем католические религиозные процессии, и более глубокими по своему значению, чем отправление религиозных месс в окопах во время первой мировой войны, не могло принадлежать никому, кроме Розенберга.

Альфред Розенберг родился в 1893 году в российском городе Ревель (ныне столица Эстонии – Таллинн). Он изучал архитектуру в германском политехническом институте, в Риге (Латвия), и во время первой мировой войны перебрался вместе с другими студентами в Москву, когда институт срочно эвакуировали туда из Риги, в связи с опасной близостью немецких войск. Находясь в Москве, где он получил профессию архитектора, будущий теоретик нацизма стал свидетелем событий большевистской революции. Для остзейского немца, коим был Розенберг, свержение старого порядка и наступление эры балтийского национализма и коммунистического террора явилось воплощением конца стабильности в мире. Розенберг возненавидел большевизм, это был второй по счету объект его ненависти после евреев, которых он опять-таки обвинял в коммунизме. Он стал снисходительным покровителем национальных меньшинств бывшей Российской империи, таких, как народы Балтии и украинцы, и убежденным врагом великорусской нации, приведшей Россию к развалу и коммунизму. Когда в начале 1918 года Розенберг вернулся в Ревель, город уже был оккупирован германской армией. Альфред стал читать публичные лекции на темы марксизма и еврейства и вскоре заявил, что в Москве некий таинственный иностранец вручил ему документальное доказательство того, что русская революция – часть еврейского заговора, конечной целью которого являлось мировой господство, этот «документ» назывался «Протоколы Сионских мудрецов».

Розенберг вместе со многими беженцами из Белоруссии и немцами русского происхождения оказался в Мюн-

хене, где вступил в ряды гитлеровского движения, когда то еще только возникало. С 1921 по 1923 годы он вместе с Дитрихом Экартом был издателем нацистской газетенки «Фёлькишер беобахтер». После 1923 года он становится ее единоличным издателем и остается им до самого 1938 года. Во время войны Розенберг продолжал публиковать в этой газете пространные статьи. В 1923 году произошел «пивной путч». Розенберг шел в колонне вместе с Гитлером до пивной «Бюргербройкеллер». На следующий день он был в первых рядах обреченных на поражение нацистов, двигавшихся к Фельдхернхалле. В 1924 году Розенберг основал антисемитский журнал «Мировая борьба», а в 1930 году стал главным редактором (позже станет издателем) «Национал-социалистического ежемесячника». В 1929 году он основал Союз борьбы за германскую культуру и в сентябре 1930 года, когда нацисты одержали убедительную победу, был избран в рейхстаг. После прихода к власти Гитлера Розенберг стал рейхсляйтером и главой Внешнеполитического отдела партии. В 1934 году Гитлер назначил его «Комиссаром фюрера по надзору за интеллектуальным и доктринальным обучением НСДАП». В 1941 году Розенберг становится министром по делам «оккупированных восточных территорий».[5]

Альфред Розенберг очень много читал, выбирая то, что подходило для его национал-социалистического мировоззрения. Хотя он и не был плагиатором в чистом виде, однако имел склонность перенимать идеи и взгляды у авторов, произведения которых знал, и склеивать их в некий единый конгломерат, своего рода «пастиччо». Он был человеком самодовольным, ощущавшим свое интеллектуальное превосходство над товарищами по партии, и обожал идеологические дискуссии высокого уровня, если твердо знал, что победа будет за ним. Его высокомерие отражала и самодовольная ухмылка — одна из главных отличительных черт этого сурово-непреклонного человека, который вряд ли мог похвастаться избытком чувства юмора. Розенберг никогда не был популярным среди партийцев, некоторые считали, что его спесь — следствие наличия у него комплекса неполноценности. Розенберг считал себя синтезатором нацистской идеологии и на протяжении последних лет

второго десятилетия работал над выполнением своей главной задачи. Он изучал расовую теорию, историю искусств, историю еврейского народа и все, что пригодилось бы для его работы. Даже враги отдавали должное прекрасной памяти Розенберга, его неуемной энергии и рельефному, хотя и мрачному, не всегда ясному, литературному стилю, но ограниченность его интеллекта и беспредельность его догматизма пропитывали его труды. Розенберг, заявлявший, что нацизм «был не догмой, а жизненной позицией», был догматиком из догматиков.

Кое-какие из его теорий и их необоснованность оттолкнули бы от него любое другое серьезное политическое движение, однако в случае с нацистской партией они лишь подтачивали его влияние, но не способность бойко говорить. Например, в период около 1931 года Розенберг был убежден, что канцлер Генрих Брюнинг, ярый католик, желал большевизировать Германию. Ведь жизнь тогда станет адом, и люди вернутся в лоно церкви! В своих исследованиях о древних этрусках Розенберг большинство суждений строил на основе работы Альберта Грюнведеля, выдающегося ученого в этой области. Но проблема здесь состояла в том, что единственная книга, которую использовал в своей работе Розенберг, «Туска», была результатом работы уже впавшего в маразм на склоне лет, а когда-то блестящего специалиста. В то время Розенберг работал над своим «великим произведением» – «Мифом XX столетия». Его коллега по партии вспоминал: «Розенберг имел привычку делать записи в кафе «Одеон». Обычно он усаживался за круглый мраморный столик, прямо у большого центрального окна, где все могли видеть, как он писал или сидел, видимо, размышляя». Обычно три или четыре столика, или кресла, стоявшие вблизи, были завалены книгами и рукописями. Макс Аман всегда обращал мое внимание на него, говоря: «Вот смотри, как он там скочевряжился, этот дурачина, воображала, недоучка! Пишет «труды» – тоже мне богема выискалась! Ему впору какую-нибудь паршивую газетенку выпускать!»[6]

Далее тот же автор, которому принадлежали вышеприведенные высказывания, Альберт Кребс, впоследствии гауляйтер, продолжает в том же духе: «Мои личные встречи

с Альфредом Розенбергом были редки. Более того, с точки зрения его неспособности войти в пристойный разговор, причиной которой было непомерное высокомерие и внутренняя неуверенность, они, как правило, были непродуктивными. Поэтому у меня сохранилось ясное воспоминание лишь о трех беседах с ним... Он настолько упивался собственным мнением, что просто не был в состоянии понять, как кто-то еще может иметь другую точку зрения, отличную от его».[7]

К 1934 году издатель Розенберга продал и распространил 150 тысяч экземпляров «Мифа», а ко времени начала войны эта цифра достигла 250 тысяч. Мысль о том, как его возненавидела католическая церковь, включившая книгу в проскрипционные списки, приводила его в восторг. Но Розенберг не радовался бы так, если бы знал реакцию Гитлера: фюрер посчитал книгу трудночитаемой, компилятивной, мрачной и недостаточно представлявшей нацистское мировоззрение. В 1937 году Розенберг удостоился Национальной премии, немецкой альтернативы Нобелевской.

Начало войны означало упадок влияния Розенберга, ибо человек его кругозора мало мог дать элите, намеревавшейся завоевать и мобилизовать целый континент. Один из его бывших подчиненных по восточному министерству, работавший там в период войны, не лишенный симпатии по отношению к своему бывшему патрону, вспоминал в 1958 году, что «Розенберг был человеком теории, которому не хватало здорового, инстинктивного начала». Розенберг не был движим одержимостью или поисками политического престижа. Его «эго», скорее способно было обрести удовлетворение в числе экземпляров книг, проданных партийным издателем, или победоносной аргументацией в интеллектуальных дискуссиях. Розенберг не был ни злопамятным, ни мстительным, но у него имелись серьезные человеческие недостатки. Нельзя было рассчитывать, что Розенберг выступит в поддержку подчиненных в том случае, если на них обрушится поток партийной критики. Разочарованный и растерянный во всем, что касалось его работы в период войны, Розенберг стал сварливым, раздраженным ворчуном, вечно ссорившимся из-за мелочей с тем, кто

вовлекал его в борьбу по поводу разделения сфер полномочий. К 1945 году это был «усталый, больной человек», сетовавший на свою судьбу, ударившийся в пьянство, что было абсолютно нетипично для него в годы молодости.[8]

Престиж и влияние Альфреда Розенберга сильно поубавились по причине трудного понимания несообразного круга его интересов, верным которому он оставался несмотря на происходившее на фронте. Он готов был разглагольствовать о Ницше на лекциях даже тогда, когда американцы уже заняли Аахен, а русские находились в Восточной Пруссии. В 1941-42 годах Розенберг выступил инициатором большого диспута с министерством иностранных дел по поводу целесообразности отправки археологической экспедиции в Венгрию и Хорватию. Отдел древнейшей истории, работавший под покровительством Альфреда Розенберга, финансировал экспедицию, целью которой ставилось отыскание следов пребывания древних германцев.[9] Венгрия и Хорватия были готовы разрешить раскопки, и Будапешт собирался оплатить все расходы по экспедиции. Министерство иностранных дел, однако, отказалось выдать участникам экспедиции необходимые документы, потому как считало, что экспедиция должна была проходить под контролем именно его соответствующих культурных инстанций. Споры по этому поводу затянулись, став еще одним примером того, каким нереальным был мир, в котором пребывал и действовал Розенберг.

В годы войны плодовитость Розенберга как писателя также пошла на убыль, и не в последнюю очередь по причине бесконечных споров с Риббентропом и Леем, которым он посвящал очень много времени. Но в конце 1942 года пошли слухи, что Розенберг написал еще один объемный труд – «От мифа к прототипу», явившийся продолжением «Мифов XX столетия». Гиммлер был так обеспокоен появлением этой книги, что даже письменно обратился к Борману. И Гиммлер, и Борман проявили единодушие в том, что такой томище не может выйти в свет без санкции на то фюрера (то есть, как полагал Борман, его самого). Из этого следовало, что даже интеллектуальный капитал самого Розенберга подвергся заметной инфляции.[10]

Большая часть пропагандистской деятельности Розенберга, в период войны, вертелась вокруг «еврейского вопроса». Евреи не оставляли его в покое с 1917 года. Он написал большую работу, которую впоследствии назвал исследованием главного свода законов евреев – талмуда («Бессмертие талмуда»), а также о роли евреев в истории и о «Протоколах Сионских мудрецов». Розенберг, глава внешнеполитического отдела партии с 1937 года, полностью субсидировал выпуск антисемитского журнала «Мировая служба». В период войны издание это выходило раз в две недели на восемнадцати языках и было маяком антисемитизма во всем мире. Ульрих Фляйшхауэр, ученик и друг пионера антисемитизма Теодора Фрича, вместе с Дитрихом Экартом выпускали «Мировую службу» в одном эрфуртском издательстве. В 1937 году Фляйшхауэр хвастался: «Наша работа доходит до отдаленнейших уголков земли». Во время войны во главе бюллетеня встал Август Ширмер, затем его сменил на этом посту Курт Рихтер. К этому времени «Мировая служба» являлась частью «Института НСДАП по изучению еврейского вопроса» во Франкфурте. Розенберг создал этот институт на базе захваченного еврейского собрания и намеревался использовать его для разработки курсов для послевоенных «высших школ» и национал-социалистических университетов. В задачу этих университетов должно было входить «конвейерное производство» идеалистов-доктринеров для нацистского движения, и Гитлер по какому-то явному недоразумению назначил Розенберга руководить подготовкой ко дню посвящения этих учебных заведений.[11]

Писания Розенберга, относившиеся к периоду войны, вероятно, могли оказывать некоторое весьма ограниченное влияние на тех, кто снизошел до их чтения, а к 1942 году таких осталось очень немного. А вот на образовательные структуры Розенберг оказывал влияние более чем сильное, также как на содержание учебных программ теоретических курсов обучения нацистской элиты. Будучи комиссаром фюрера по теоретическим вопросам, Розенберг и его ведомство постоянно сталкивались в своей работе на уровне гау, округов и рейха с другим ведомством – Лея. Ведомство Розенберга содержало ряд специализированных отделов. В

сферу их деятельности входили педагогика, история, «новое арийское мировоззрение», «нордические вопросы», идеологическая информация, сбор и контроль материалов по вопросам воспитания и составления учебных программ. Административным директором у Розенберга почти всю войну был компетентный специалист, доктор Гельмут Штельрехт. Профессор Альфред Боймлер, который слыл знатоком трудов Ницше, отвечал за учебную и научную работу, а идеалист-фанатик Карл-Хайнц Редигер (позже погибший на Восточном фронте) контролировал взаимоотношения с прессой и пописывал статейки о публикациях Розенберга.

Партийные чиновники высшего ранга получали «Бюллетень состояния теорий», издаваемый отделом информации и идеологии. Это издание служило наглядным примером того, насколько Розенберг был постоянен в своих убеждениях и далек от действительности. Даже когда во время войны геббельсовская машина стала избегать антихристианских высказываний, Розенберг большую часть страниц бюллетеня посвящал атакам на католицизм и евангелизм. Он и его люди в бессильной ярости взирали на то, как религия начинает занимать все больше и больше места в жизни немцев. Ведомство Розенберга выпускало «Идею и деяние», которая выходила, если это было продиктовано «необходимостью», содержала материалы для теоретического обучения НСДАП и, кроме того, «Библиографию для работы в системе теоретического обучения». Большинство трудов, публикуемых людьми Розенберга, издавались в издательстве «Эер» в Мюнхене, являвшимся официальным издателем партии.

«Национал-социалистический ежемесячник», издаваемый Розенбергом, был центральным журналом по политическим вопросам и вопросам культуры НСДАП. Этот журнал предназначался не только для партийных кадров и воспитателей, но и для всех нацистов, которых волновали вопросы теории и истории. И это издание во время войны утратило влияние, хотя не далее, как летом 1939 года, «Служба образования политических ораторов» часто ссылалась на него и всячески рекомендовала его пропагандистам. Небольшая подборка названий статей «Ежемесячника» дает

вполне определенное представление об идеологической продукции Розенберга: «Десять лет правления Адольфа Гитлера» (Розенберг), «Двадцать пять лет мировой агрессии большевиков» (Э.Н.Бокхоф), «Народничество и построение национал-социалистических церемониалов» (Ганс Штробель), «Расовый социализм — Европейский социализм» (Вернер Дайтц), «Миссия рейхсляйтера Розенберга» (Отто Бидерман). После споров с Леем и Геббельсом Розенберг с 1943 года отвечал за разного рода обрядовые церемонии («праздники жизни»), принятые у национал-социалистов. Представляя собой прямое подражание ненавистному христианству, церемонии эти были задуманы для добропорядочных наци по случаю рождения, свадеб или похорон.[12]

Самое сильное воздействие Розенберга осуществлялось в сфере партийного воспитания. Он и его сотрудники разработали для ежеквартальных семестров несколько «имперских тем», которые, как ожидалось, будут служить основой для обучения ораторов-воспитателей, а они впоследствии включат их уже в свои собственные лекции и учебные планы. Розенбергу подчинялись представители гау, занимавшиеся распространением материалов, но его задача состояла в том, чтобы осуществлять контроль за гауляйтерами и подчиненными воспитателями уровня гау с тем, чтобы те, в свою очередь, тоже не упускали из виду учебные планы. Слабость положения Розенберга усугублялась предписанием, согласно которому те, кто имел какие-то предложения, должны были пересылать их к нему не непосредственно, а через персонал гау. Партийные ораторы и воспитатели не обращали внимания на большую часть материалов Розенберга и делали это с молчаливого согласия Роберта Лея. Когда воспитатели уровня гау выполняли распоряжения гау, они узнавали о существовании таких тем, как «Германские достижения в Америке», «Судьбоносная битва Востоке» или «Борьба, как цель жизни». Розенберг снабжал материалами вечерние партийные мероприятия, на которых обсуждались теоретические «доктринальные» вопросы. Один из округов вынужден был заявить, что такие мероприятия предназначались строго для членов партии. Нет, сделано это было не потому, что публика валом

валила на них, а скорее потому, что некоторые из местных устроителей опасались малочисленности аудитории, которая могла бы поставить их в затруднительное положение.

Весной 1944 года Розенберг хвастался перед группой национал-социалистических воспитателей, что «имперские темы» просвещали инструкторов и ораторов о великих вопросах дня насущного: о мировом паразитизме евреев, победе через веру и о борьбе как законе жизни.[13] Неужели Розенберг в 1944 году верил, что ознакомление с миссией средневековой Священной Римской Империи было жизненно необходимо для достижения военных успехов в 1944 году? Взятие на себя груза теории — единственное, что придавало целостность и смысл его жизни. Адъютант Розенберга Штельрехт заботился о том, чтобы нужное количество экземпляров «имперских тем» доходило до своих адресатов, средний тираж их достигал 100 тысяч экземпляров. Ведомство Розенберга использовало некоторые из этих тем для кампаний в прессе, имевших целью дойти до сердец широких масс, но очень много воспитательных брошюр оказалось в мусорных корзинах партийных функционеров. Лей блокировал усилия Розенберга при любом удобном случае, заявляя, что Розенбергу было предоставлено право надзирать, но не выполнять. И посему он не должен вмешиваться в существующие учебные процессы и учебные планы.

Розенберг бурно выразил несогласие, он-то видел себя воплощением совести движения. Он принудил воспитателей уровня гау и округа приглашать лекторов непосредственно из его ведомства. Лей воспротивился из-за боязни, что это может превратить ведомство Розенберга из издательского центра ничего не стоящих брошюр в полицейскую силу контроля за чистотой доктрины. В начале 1943 года Борман склонялся к тому, чтобы принять сторону Лея, но трения между Леем и Розенбергом продолжались в атмосфере постепенной утраты чувства реальности.[14] Два отчаянных человека боролись насмерть в гуще политической и личной дезинтеграции ради поддержания какого-то подобия респектабельного авторитета. Роберт Лей превратился в аморфного, заикавшегося пьянчугу, жена которого покончила жизнь самоубийством. Альфред Розенберг потер-

пел полный провал как министр по делам восточных территорий и к 1944 году утратил доступ к Гитлеру. Большинство нацистов высокого ранга, за исключением Лея, которому к тому времени стало безразлично, с кем говорить, игнорировало его. Все, что оставил Розенберг, не выходило за рамки чистых теорий, «чаши Грааля», которая, как он позже заявит, была содержанием всей его «активной жизни». Наверное, Розенбергу было легче на скамье подсудимых в Нюрнберге, чем остальным обвиняемым. Впервые за много-много лет его здесь принимали всерьез. Он был человеком, которого было за что наказать.

Разногласия между Геббельсом и Розенбергом носили личный и политический характер. Розенберг не считал, что министр пропаганды должен осуществлять контроль за искусством и на протяжении многих лет вел своего рода бюрократическую партизанскую войну против Геббельса. В 1934 году комиссар фюрера сочетал «Немецкую сцену» с «Союзом борьбы за германскую культуру», основав «Национал-социалистическую культурную общину».[15] В ведомстве Розенберга «Общину» контролировал отдел, отвечающий за искусство. Как и следовало ожидать, Геббельс перехитрил Розенберга и к 1940 году завоевал больший авторитет в этой области, что бы там ни думал Гитлер о восприимчивости к искусству министра пропаганды. Розенберга довели до того, что ему только и осталось, как восхищаться тем, что его Отто Дитрих заручился уникальными полномочиями давать прямые указания немецкой прессе.[16]

Отношения Розенберга с министром иностранных дел Риббентропом тоже не лишены некоторых шероховатостей.[17] В самом начале войны Розенберг был назначен «Комиссаром фюрера по сохранению национал-социалистического мировоззрения». Министр иностранных дел опасался, как бы Розенберг не забрался на его территории. Да и сам Розенберг, к тому же, не страдал от избытка такта по отношению к иностранным державам. Его визит в Лондон в 1933 году вызвал в рейхе всеобщее замешательство. В 1940 году он допустил высказывание, в котором, казалось, предвидел вторжение Германии в Швецию. Представитель Риббентропа фон Вайцзеккер после этого потребовал, чтобы

статс-секретарь Гитлера Ханс Ламмерс разъяснил Розенбергу, что любые высказывания, касающиеся международных отношений, должны быть согласованы с министерством иностранных дел. Ламмерс согласился с существом возражения, но опасался, что если свое согласие он оформит в виде официального указа, то любой другой министр, в особенности Геббельс, сможет потребовать такого же предупреждения. Ламмерс попытался успокоить фон Вайцзеккера, убеждая его, что, очевидно, Розенбергу впредь придется согласовывать некоторые высказывания с министерством иностранных дел. «Да, но если это столь очевидно, – возражал Вайцзеккер, – то почему, позвольте спросить, это невозможно оформить в виде документа?» Фраза о «согласованиях» не была включена в должностную инструкцию Розенберга. Само по себе, это событие оказалось ничтожной победой, поскольку значимость нового ведомства была столь же ничтожна.

Риббентроп и люди Геббельса излили друг на друга достаточно желчи. В особенности часто это стало происходить после 1939 года. Риббентропу хотелось расширить влияние иностранных дел до сфер внутренней и зарубежной пропаганды. Летом 1941 года Риббентроп основал в своем министерстве комитет пропаганды, которым руководили Лютер и Крюммер. Крюммер, которого Риббентроп часто посылал своим представителем на министерские совещания к Геббельсу, получал информацию о происходящем в министерстве пропаганды из первых рук. Доктор Шмидт из отдела прессы министерства иностранных дел был ярым сторонником субсидирования таких журналов, как «Народ и империя», в качестве способа оказания воздействия на общественное мнение за рубежом и внутри рейха. Это делалось через отдел информации министерства. Шмидт объяснял Риббентропу, что всего за 8 тысяч рейхсмарок в месяц министерство имеет возможность завладеть этим респектабельно выглядевшим журналом. Отдел информации распространил к осени 1940 года 10 тысяч экземпляров. Поскольку министерство пропаганды практиковало представление субсидий, в качестве способа обретения контроля за многочисленными периодическими издания-

ми, то аналогичный жест министерства иностранных дел мог бы умерить амбиции Йозефа Геббельса. Субсидированные журналы и газеты выходили в свет одним за другим наряду с официальными или полуофициальными выпусками министерства иностранных дел, таким, как «Динст аус Дойчланд» или «Дипломатическая и политическая корреспонденция».

Геббельс презирал Риббентропа, считая его приспособленцем, примазавшимся к партии, запоздалым нацистом. Трения между министрами вылились в конце 1941 года в серьезный конфликт. В начале октября отделы прессы и пропаганды министерства иностранных дел предложили методику ведения наступательных кампаний в прессе и в выпусках радионовостей. Позже Геббельс предпринял еще один набег на МИД. Он заставил представителей своего министерства предоставить ему отчет на следующую тему: «Отношение немецкого народа к своим союзникам». Ответы убедили его в том, что отношение было либо безразличным, либо враждебным. Геббельс направил эту информацию, сопроводив ее анкетой-вопросником, Ламмерсу. Канцелярии понравился рапорт Геббельса, и она решила, что он должен быть удостоен внимания вермахта.

Даже после того, как Гитлер заставил Риббентропа и Геббельса заключить друг с другом хрупкий мир, который одновременно разграничивал сферы их деятельности на поприще пропаганды, отношения оставались недружелюбными.[18] Весной 1943 года Риббентроп делал решительные попытки повлиять на немецкую прессу при помощи отдела прессы МИДа. Геббельс не терял надежды, что сумеет убедить Гитлера, отправить Риббентропа в отставку, поскольку сам спал и видел себя в роли министра иностранных дел. Ламмерс и Борман натравили одного нацистского зубра на другого, но Гитлер не имел намерений воздавать должное лояльности, неважно, компетентна она или нет, при помощи отставки. Геббельс продолжал осыпать проклятьями Риббентропа, но обрел некоторое успокоение от сообщений СС и отделов имперской пропаганды. Они служили доказательством того, что расположение немецкого народа к своему министру пропаганды росло, в то время как Риббентроп растерял почти весь престиж.

Геббельс пришел к выводу, что Роберт Лей очень усложнял его пропагандистские усилия. К концу 1943 года Геббельс понял, что от Лея уже ничего не осталось и в политике от него толку никакого, а посему рейсхляйтер не мог пригодиться ему в качестве политического союзника для революционных шагов, которые министр пропаганды собирался предпринять для постановки Германии на рельсы тотальной войны. На протяжении многих лет Геббельс злобствовал по поводу несбыточных обещаний, даваемых Леем немецким рабочим. Теперь он видел в Лее человека, полностью разложившегося. Когда у Лея в 1941 году родился четвертый ребенок, это было через два дня после начала «русской кампании», он настоял на том, чтобы девочку назвали Глорией, «в честь святой веры в германскую победу, в честь величайшей эпохи в немецкой истории».[19] После самоубийства жены Лей впал в перманентный запой. В 1944 году, оглядывая свое книжное собрание с явным намерением очистить его от кое-каких изданий, Геббельс сказал: «Вот, собрание сочинений Лея может скоро исчезнуть отсюда... Вон их! Я больше не желаю видеть этого идеологический навоз в своей библиотеке. Я хочу, чтобы книги в моей библиотеке были подобраны в соответствии с критериями, установленными в литературе, а не по наличию партийного значка».[20]

Растущая изоляция Лея и его поведение перестали быть секретом для кого бы то ни было летом 1941 года, когда он пригласил для работы над одним идеологическим изданием, которое было скорее символическим, чем реальным, сразу всех троих – Геббельса, Бормана и Розенберга. 3 июля Лей издал указ, в котором заявил, что Мартин Борман наделил его полномочиями, которые могут толковаться очень широко, по проведению всех внутрипартийных нацистских церемоний. Вальтер Тислер из RPL спешно отправил запрос Борману (который обожал вызывать подобный хаос) о том, известно ли Лею, что ответственность за проведение этих церемоний («праздников жизни») возложена на Розенберга. В августе Борман разъяснил свою позицию, сообщив, что RPL несет ответственность за проведение праздников и построение торжественных общественных церемоний, как например, 30 января, День памяти

Героев в марте, 20 апреля (день рождения Гитлера) и 8-9 ноября (день памяти жертв «пивного путча»). Главные лидеры партии, любого уровня административного деления, несли ответственность именно за ход проведения этих церемоний в соответствии с указом RPL. Следовательно, Розенберг действительно отвечал за «праздники жизни». Лей ответил, что оставит вопрос об этом противоречивом указе открытым до тех пор, пока лично не встретится с Гитлером, который уже довольно давно не встречался с ним. Борман всего лишь желал уступить Лею не игравшей особенно большой роли DAF и церемонии в профессиональных организациях. Лей серьезнейшим образом просчитался и утратил преимущество в споре. Может быть, он поставил Бормана в неловкое положение с помощью Рудольфа Гесса, который в последние месяцы был заместителем фюрера.[21]

Роберт Лей мог сотрудничать с Геббельсом по административным вопросам и даже по политическим. В октябре 1941 года он хорошо работал с Гуттерером над программой швейной промышленности Германии, пребывавшей в хаотическом состоянии.[22] Проблема взаимоотношений «Лей-Геббельс» приходилась на архиважную область пропаганды. Лей использовал страницы газеты «Дер Ангриф» для помещения на них заявлений, которые весьма обескураживали Геббельса. Само по себе это, может быть, и не было трагедией, потому что все меньше и меньше людей обращало внимание на ничтожество из Германского Трудового фронта. У Геббельса это вызвало раздражение, потому что «Дер Ангриф» прочно была связана с «эрой борьбы» и ее героизмом, со временем, когда Геббельс издавал ее, а теперь этот Лей дискредитировал его имя. Геббельса раздражало, как это один из главных нацистских лидеров может обнаруживать такое вопиющее отсутствие самодисциплины. Когда Лей написал, что война может продлиться еще лет четыреста[23], Геббельс впал в неистовство и приказал Хансу Фриче следить за тем, чтобы нацистские бонзы согласовывали свои писания с ним перед тем, как те поступят в печать. Но легко сказать – «согласовывали». Лей делал, что хотел. Геббельс мог вволю смеяться над его заиканием или пьяными речами, но

свидетельства его «мудрости», да еще вдобавок напечатанные черным по белому, не давали покоя министру пропаганды.

В период «эры борьбы» Йозеф Геббельс проявлял немалый журналистский талант. Он не сомневался в своей способности завоевывать средства массовой информации, но возможности его было ограничены цензурой, введенной на период войны, а также тем обстоятельством, что почти равными с ним полномочиями был наделен Отто Дитрих. После нескольких ошибок Геббельс научился ладить с вермахтом и с его цензорами, столы которых стояли как в ставках ОКВ, так и в самом министерстве пропаганды. В июле 1941 года Геббельс разъяснял политику подачи новостей нации, указывая, что «...разумеется, предметом сводки ОКВ не может быть информация, которую враг легко может использовать для подготовки соответствующих контрмер».[24] В пророческом высказывании, касавшемся молчания фюрера, Геббельс сказал нации, что когда фюрер заговорит, то это будут слова о том, что Германия одержала победу. Раз Гитлер молчал, то для этого должны были существовать достаточно серьезные причины... Какими же ироничными могут показаться эти слова, сказанные в 1941 году, какому-нибудь немцу, если бы он вспомнил их, когда Гитлер на деле оказался затворником! В мае 1942 года на страницах своего дневника Геббельс выразился еще более недвусмысленно: «Политика подачи новостей – это оружие в войне. Цель этой политики – вести войну и хранить тайну».[25] Геббельса просто опьяняло единоличное право на знание истинного положения дел. В 1943 году, хотя он и был раздражен высказываниями Лея, министр довольно самоуверенно заявил: очень хорошо, что люди, которым приходится регулярно выступать перед массами, свободны от знания неприятных новостей. Им это придет больше уверенности в себе».[26]

ОКВ и министерство сотрудничали в создании Экзаменационной комиссии по вопросам пропаганды, на Вильгельсплатц. Иногда военные цензоры добавляли еще и свои собственные «ежедневные предписания для военной цензу-

ры» в «Конфиденциальную информацию» (V.1) или директивы прессе. Все эти инструкции и наставления передавались в 42 отдела на местах. Местные власти несли ответственность за то, чтобы вовремя проинструктировать того или иного издателя газет или же влепить ему выговор, если это требовалось. Кроме того, местные власти отвечали и за достоверность сведений и могли предпринимать всякого рода проверки для их установления. Это относилось к материалам, предназначенным для экстренной публикации. Существенным было то, что ни одна инструкция министерства не входила в противоречие с ежедневными «Сводками вермахта» (WB). На эти сводки можно было положиться, они были гораздо надежнее, чем информация, исходившая от самого Геббельса, во всяком случае, на начальном этапе войны.

Один репортер, писавший о германских военных сводках, заметил, что во время молниеносной кампании против Франции и Нидерландов германские сухопутные войска редко вводили журналистов в заблуждение, так уж повелось с первых дней польской кампании; одной из главных задач военных сводок было повлиять соответствующим образом на тыл. Начальник оперативного отдела ОКВ генерал-оберст Альфред Йодль играл центральную роль в выборе, какую информацию допускать в «Wermachtbericht». Отдел пропаганды вермахта направлял большую часть своих материалов для сводок вермахта, но ему не удавалось изменить сводку, если она исходила из ставки Йодля. Последнее слово оставалось за Гитлером, и он нередко задерживал выпуск сводки, пока самолично не делал некоторые типичные лингвистические изменения. Затем сводка направлялась к Отто Дитриху, который передавал ее в германское бюро новостей (DNB) и службе беспроволочной связи для опубликования в вечерних газетах и в послеобеденных выпусках новостей по радио. Министерство пропаганды и ведомство генерала Хассо фон Веделя, главы отдела пропаганды вермахта, вместе делили ответственность за интерпретацию WB для прессы. Часто инструкции из министерства и местных PPA запаздывали.[27]

В двух областях Геббельс и ОКВ были связаны очень тесными узами. Офицеры из отдела пропаганды ОКВ и

других подразделений часто докладывали Шеферу в отдел пропаганды министерства и иногда самому Геббельсу. Некоторые из этих отчетов появлялись в письменной форме, некоторые – в устной. Качество их было разным, в этом можно убедиться на двух примерах. В конце июля 1943 года один из докладов ОКВ для министерства содержал слишком резкое описание проявления злобы итальянцев по отношению к немцам в Неаполе, хотя подчеркивалось, что люди в сельской местности и маленьких городах настроены более дружелюбно. Доклад, датированный 15 августа 1943 года, явно вводил в заблуждение. В нем заявлялось, что в ходе операции «Цитадель» на Восточном фронте, который был прорван 13 июля, вермахт добился решающего успеха и уничтожил более 11 тысяч танков Красной Армии. По сути, это говорило о падении обороны русских на Украине. Утверждение это было тем более абсурдно, потому что в нем же говорилось, что Красная Армия должна к концу года одержать на Украине решающий успех.

Результатом заботы Геббельса о единстве тыла и фронта было издание ежегодного «Новогоднего поздравления нашим солдатам», публиковавшего нацистским издательством «Эер» при покровительстве ОКВ. Излюбленными геббельсовскими темами в течение последних трех лет войны были: «Блестящий военный гений Гитлера», «Единство фронта и тыла», «Природа войны – оборонительная», «Борьба, необходимость выстоять» и лозунг «Мы не капитулируем никогда!»[28]

Германская пресса военного времени мало что могла предложить своим читателям в смысле разнообразия тематики, но представляла собой разнообразие по стилю и формату. Партийные издания по числу строк уходили своими корнями к «эре борьбы» (имеется в виду «Фёлькишер беобахтер» и «Дер Ангриф»), язык их был дерзковат, что изобличало пристрастия «старых борцов» и их девиз: «Пресса всего лишь инструмент. Нацистская газета должна быть средством пропаганды, а не только органом информации, она служит движению, а без движения она ничто».[29] Многие из ранних газет были размером не больше листовки,

содержание их было вызывающим из-за наличия резких выпадов и злобных каррикатур («еврейская пресса лжет!»). В тридцатые годы нацистские теоретики прессы разглагольствовали по поводу того, что прежняя либеральная пресса была лишена жизни даже в том, что касалось ее формата. Один из авторов сравнил «Фёлькишер беобахтер» с уважаемой «Фоссише цайтунг» (основанной в 1704 году), восхваляя форматы нацистских газет, их стиль, одновременно всячески принижая сухой, скучный внешний вид и мертвое построение старых газет.[30]

Управление нацистами германской прессой основывалось на принятом 4 октября 1933 года законе об издательской деятельности, который предписывал газетам «осуществлять свою работу в соответствии с национал-социализмом, понимаемым как философия жизни и как концепция правительства... Главный редактор отвечает за все содержание и точку зрения, выраженную во всей текстовой части газеты».[31]

Нацисты заявляли, что освободили всех редакторов от гнета капиталистических группировок, преследовавших свои узкие интересы, которые редакторы ранее представляли. Органом контроля являлась Имперская палата прессы, RPK, президентом которой являлся Макс Аман. Средства давления, используемые этим учреждением, были разнообразны, включая наложение штрафов и даже закрытие. Члены официальной Ассоциации германских издателей газет и Имперской ассоциации германской прессы не имели права обжалования взысканий. В большинстве случаев нацисты предпочитали «координировать» широко известные во всем мире газеты, а не закрывать их. А Аман тем временем создал издательство «Эер», превратил его в мощное предприятие, и к середине войны этот партийный трест держал в руках 70% всей прессы.

Аман имел обыкновение ссылаться на тяготы войны для того, чтобы укрупнить свою империю. Его RPK регламентировала размеры и формат газет. Когда решением RPK в 1944 году были закрыты все еженедельники развлекательного характера, осталось лишь два иллюстрированных еженедельника, и оба издавались в «Эер». Предприятие-филиал «Дойчер Ферлаг», первоначально основавшееся на со-

бственности реквизированной у издательства «Ульштайн», являлась самым большим подчиненным подразделением внутри треста «Эер». В период войны циркуляция газет невероятно выросла. Частично это объяснялось тем, что сильно возросло число читателей на оккупированных территориях. Особенно сильно поднялись тиражи иллюстрированных еженедельников, таких, как «Берлинер Иллюстриртер Беобахтер», который в период между 1939 и 1944 годом собрал около 9 миллионов читателей. К 1944 году партия осуществляла контроль над газстами, свыше 82,5% всей читательской аудитории Германии. Ограниченное число материалов развлекательного характера, интерес к первой странице обложки и первоклассная работа фронтовых фотографов способствовали росту тиража издаваемых газет, которые, говоря без преувеличений, были лишены воображения, несвободны, скучны и часто вообще трудно читать. Немцы покупали все больше газет, но читали их с растущей долей скепсиса.[32]

Отдел германской прессы имперского правительства, расположенный в министерстве пропаганды, находился под руководством Ханса Фриче. Фриче оставался верным министру пропаганды в его постоянных сражениях с Отто Дитрихом, и большинство материала, который Фриче давал прессе, исходило от Геббельса. В марте 1942 года Фриче сменил на его посту заместитель, Эрих Фишер Дитрих, которого Геббельс презрительно обзывал «полевой мышью». Он был Имперским шефом прессы НСДАП, а также статс-секретарем в министерстве и начальником отдела прессы имперского правительства. Власть Дитриха над партийной прессой основывалось на указе Гитлера от 28 февраля 1934 года. Контроль этот осуществлялся через гау и округа, то есть через соответствующие ведомства по вопросам прессы, которых в 1942 году насчитывалось 882. Эти учреждения снабжали информацией адъютантов Дитриха в Берлине и несли ответственность за отправку партийных газет по почте в высокие сферы, а также за увеличение числа подписчиков.

В начале ежедневных совещаний в министерстве пропаганды Ханс Фриче зачитывал «Лозунг дня» Дитриха (прежде, конфиденциальную информацию) и давал инструкции

и наставления для различных министерств и ведомств. Фриче тонко нарушал территориальную неприкосновенность Геббельса, обычно он даже не называл имени министра. Представители МИДа и ОКВ также присутствовали, сообщали и свою информацию присутствовавшим здесь почти двум сотням журналистов. Через Фриче и Фишера Геббельс осторожно подкапывался под директивы Дитриха. В 1942 году выведенный из себя Дитрих воспользовался указом фюрера в надежде помириться с Геббельсом, но старая вражда продолжалась и закончилась практически вместе с падением «Третьего рейха». Люди Дитриха – Вернер Штефан и позже Гельмут Зюндерман были несколько стеснены и изолированы в министерстве из-за связи с шефом Имперской прессы. Штефан в роли технического контролера добился большего, кроме того он заведовал распределением фотографического и печатного материала о положении на фронте, получаемого от людей из рот пропаганды. Контроль над партийной прессой осуществлялся людьми Дитриха в Мюнхене, и они имели больше возможностей, чем их коллеги в Берлине, поскольку были свободны от надзора за ними со стороны министерства.[33]

Конфликты в министерстве разгорались лишь по поводу выбора средств и личностей, но никак не по поводу целей. В то время как Ханс Фриче был нацистом, довольно запоздалым (с 1 мая 1933 года) и опытным техническим работником в области радио и прессы, он находился под контролем Геббельса и был вынужден тягаться с такими важными партийцами, как Альфред-Ингемар Брандт, задиристый горлопан, имевший значительные административные полномочия внутри министерства. Фриче основал германскую службу срочных новостей (Schnellrenst), снабжавшую немецкую прессу сведениями, могущими быть использованными для реакции на вражеские выпуски новостей или речи иностранных лидеров. Эта служба была особенно полезна для небольших газет, не имевших своих представителей на ежедневных пресс-конференциях в Берлине. Главным источником информации секретного характера, тем не менее, оставался местный отдел имперской пропаганды, ежедневно, в 15.00, получавший от Фриче

министерский пресс-отчет. Эти отделы получали также секретные сводки DNB. Сообщения DNB появлялись в папках различного цвета, но единственный материал, который мог появиться в прессе в виде дословной передачи, находился в так называемой «зеленой папке DNB».[34]

В канун войны в циркуляре RPA от 30 августа указывалось, что газеты обязаны подробно освещать вопросы «зверств» поляков по отношению к этническим немцам. Антинацистские высказывания Рузвельта должны были непременно сопровождаться прогерманскими утверждениями Генри Форда. Нарушение поляками германо-польского договора также должны были подаваться в прессе эмоционально. Через три месяца РРА рекомендовало журналистам проявлять осторожность в репортажах на экономические темы, поскольку в них могут вкрасться секретные данные, касающиеся внешней торговли Германии. Эта кампания происходила в начале 1938 года, перед аншлюсом Австрии. Позже, когда потребовалась агитация против чехов и обвинения в «притеснении» судетских немцев, директор отдела прессы, Берндт, играл в этих кампаниях роль вдохновителя.

Агитация марта 1939 года против остатков «Чехословакии» началась, когда Фриче, заменивший Берндта, получил от Дитриха и Пауля Шмидта из МИДа инструкции, предписывавшие ему развернуть в прессе кампанию, делавшую упор на «антигерманской» политике Праги и на желании словаков обрести независимость. Летом 1939 года пресса развязала уже антипольскую кампанию, состоявшую из следующих тем: террор в Польше против этнических немцев, принудительные работы этнических немцев в Польше – стране беспорядка и рабства, провокации Польши на границе с Германией, агрессивные намерения правящей клики Польши. Такая же в точности кампания была развязана и против Югославии после вторжения в эту страну 6 апреля 1941 года, разница состояла лишь в том, что кампания эта, по причинам военного характера, происходила не перед вторжением, а после.[35]

В экстраординарных условиях директивы прессе поступали от Гитлера через Дитриха. В тех случаях, когда та или иная информация могла вызвать замешательство в рядах

партии, Гитлер вначале беседовал со своими рейхсляйтерами и другими «старыми борцами». Затем прессе говорилось несколько слов и начиналась запланированная программа. Именно такая процедура последовала после того, как 10 мая 1941 года Рудольф Гесс, заместитель фюрера и член-основатель «старой гвардии», неожиданно покинул страну. Шло к тому, что эта акция могла нанести серьезный ущерб делу партии. Как только стало ясно, что Гесс приземлился в Шотландии и стал военнопленным, немецкая пресса сразу же последовала линии, предписанной ей высшей властью. К 13 мая газеты утверждали, что Рудольф Гесс «стал жертвой несчастного случая», что раньше ему запретили летать и что он уже давно выказывал признаки душевного заболевания. На следующий день газеты продолжали писать о душевном заболевании, но истории уже стала придаваться идеологическая подоплека. Газеты изображали бывшего заместителя фюрера идеалистом, ставшего жертвой опасных иллюзий, полагавшего, что злодеи-британцы смогут пойти на мир с Германией.

На страницах печати появились также намеки на то, что Британия при помощи астрологов пыталась воздействовать на Гесса, но Гесс продолжал изображаться в виде национал-социалистического «идеалиста» и «путаника». Цензоры умудрились вымарать из DW все, относившееся к Гессу, но режим был явно смущен еженедельными изданиями, представлявшими Гесса рядом с Гитлером на последней сессии рейхстага. Полет Гесса побудил правительство произвести массовые аресты и допросы ясновидцев и прорицателей, астрологов, христианских ученых, короче всех, кто якобы манипулировал Гессом. Партия спокойно пережила эпизод с Гессом оттого, что тот утратил былую власть задолго до 1941 года. После того, как произошло нападение на Советский Союз, общественное мнение в Германии круто повернулось на Восток. Эпизод же с Гессом уходил в небытие, о нем больше не говорили.[36]

Теперь во многих случаях сам Гитлер задавал тон новых тем, нередко он самолично диктовал их. В октябре 1941 года он заявил через Дитриха, что исход кампании на Востоке решен. Несмотря на неудачные попытки, Геббельс

и Фриче не смогли противостоять этой идее, и она преобладала в прессе на протяжении почти всего октября. На суде Фриче заявил: «Я предупреждал германскую прессу о том, чтобы она не принимала безоговорочно этот лозунг. Я не верил в решение, которое якобы уже должно было иметь место».[37] Если вчитаться в строки немецких газет того периода, то можно заметить, что в словах Фриче много противоречий. 29 ноября в газетах была напечатана его речь, в которой он заявил: «Решение уже принято». Для прессы было просто невозможно взять и последовать более реалистичным указаниям Геббельса после того, как сам Гитлер продиктовал «девиз дня» Дитриху.[38]

Когда пресса оказалась сосредоточена в руках партии, она была окутана монотонностью, нарушавшейся лишь изредка фальшивыми нотами, взятыми газетой вроде «Франкфуртерцайтунг». К 1943 году нацисты придали изображению войны некий идеологический характер, который, как ожидалось, должен был воспеваться прессой. Фотоснимки, помещенные в этой и других газетах, поступали из BPA (управление иллюстрированной прессы). К наступлению 1943 года отдел прессы располагал бюджетом в 840 тысяч рейхсмарок, почти на 600 тысяч больше, чем в 1941 финансовом году. Половина бюджета уходила на покрытие административных расходов. BPA несла ответственность за подготовку материалов для политических и военных цензоров, а после этого для передачи одобренных фотоматериалов фотоотделам и службе «фотопрессы». Этот отдел ежедневно представлял на одобрение Гитлера снимки фронтовых фотографов из пропагандистских рот, а также нес ответственность за предоставление фотоматериалов для выставок и книг. В 1943 году он смог собрать для служащих пропагандистских рот и членов их семей сумму, почти равную размерам Фонда доктора Геббельса. Сумма эта складывались из дотаций и гонораров. Директивы, которым были обязаны следовать иллюстрированные издания, содержали подробные инструкции, касавшиеся использования фотоматериалов. Когда после успешной французской кампании сотрудники берлинского отдела вернулись домой, пресса получила от DNB фотоснимки прошедших событий. Вось-

ми главным фотослужбам было дано указание поместить снимки победного торжества рядом с теми, на которых отображался позор предательства и поражения 1918-1919 годов. Работа отдела иллюстрированной прессы была посвящена тридцати пяти иллюстрированным газетам и журналам, которые существовали до 1944 года.[39]

Шесть тем, доминировавших на страницах «Берлинер иллюстрирте» в июле 1943 года, давали наглядный пример нацистской интерпретации войны. 1 июля газета писала: «Британские террористические налеты на Кельн — преступное уничтожение памятников европейской культуры». На следующий день читатели познакомились с «интервью с Босе — десять вопросов — десять ответов. Вооруженная революция и гражданское неповиновение — извне и изнутри» (Субхас Чандра Босе был союзником стран «оси», будучи лидером движения борьбы за независимость Индии против британского империализма). Другая передовая статья всячески утрировала конкурентную борьбу между США и Великобританией в Северной Америке и на Дальнем Востоке. К июлю 22 заголовка, посвященных успехам немцев в танковом наступлении под Курском, на Восточном фронте, были заменены прогнозами того, что Британская империя должна быть поглощена Соединенными Штатами. В конце месяца газеты описывали, как Германия защищает Европу от большевизма, от его преступных агентов и прислужников.

Пропагандисты с пеной у рта доказывали, что «скоординированная» пресса представляла собой жизнеутверждающее, новое начало, молодое поколение издателей, свободных от прежнего давления на них евреев, либералов и капиталистов.[40] Но можно было сколько угодно восклицать, использовать цветистые фразы и все же оставаться монотонно-скучным по стилю. Геббельс понимал, что германская пресса находилась на чрезвычайно низком интеллектуальном уровне, но признать роль национал-социализма в создании кастрированных средств массовой информации отказывался. Министр испытывал уважение к «прирожденным журналистам», таким, как Ханс Шварц (который позже добавил к своей фамилии «ван Берк», вероятно, для того, чтобы после 1930 года каким-то образом отдалиться

от дискредитировавшего себя Отто Штрассера, которому верно служил своим пером).[41] Умные и гибкие фразы Шварц ван Берка, с 1935 года редактировавшего «Дер Ангриф», произвели впечатление на Геббельса, вдохнувшего жизнь в эту умиравшую газетенку. В период Польской кампании 1939 года Шварц служил репортером пропагандистской роты, а в 1940-м стал политическим редактором новой геббельсовской газеты «Дас Райх».

«Дас Райх» явился попыткой Геббельса заполнить пустоты, возникшие в результате отсутствия в германской прессе качественных изданий.[42] Он желал оказать влияние на некоторые круги за рубежом, да и внутри рейха. С этой целью Геббельс выбрал намеренно приглушенный тон, «интеллектуальность» стиля. Передовица Геббельса, помещаемая на страницах еженедельника, была всегда выдающимся политическим событием, и с октября 1941 года ее регулярно читали по радио, кроме того, она распространялась Главным имперским управлением пропаганды и RPL. Геббельс привлек к работе в своей газете и Ханса Фриче, и даже такая знаменитость, как Шварц ван Берк, время от времени удостаивал ее страницы своей статьей. К 1943 году новый еженедельник расходился тиражом свыше полутора миллионов экземпляров в неделю. Всех издателей и главных редакторов поставили в известность, что они могут публиковать передовицы Геббельса в сокращенном или полном виде, но, как заявил Берлин ганноверскому отделению имперской пропаганды, не должно было иметь места никакого принуждения. Хотя и не без внутренних конфликтов, еженедельник продолжал успешно существовать до самого конца войны. Его популярность после Сталинграда увеличивалась вместе с ростом популярности самого Геббельса.

Больший контроль, чем над прессой, Йозеф Геббельс имел над средствами радиовещания. Причиной этого была уверенность, что радио – мощнейшее средство пропаганды. Ни за каким другим ведомством Геббельс не следил так тщательно, как за отделом радио.[43] Еще в 1933 году, еще не избавившийся от запаха издательства, где он выпускал «Дер

Ангриф», молодой министр пропаганды видел большое будущее нового средства коммуникации и информации — радио: «То, чем пресса стала для девятнадцатого столетия, радио стало для двадцатого...» Геббельс признал, что без радио и без самолетов приход нацистов к власти и использование всей тоталитарной государственно мощи были бы немыслимы. Он писал о радио как о «первейшем и влиятельнейшем посреднике между движением и нацией, между идеей и человеком... Нам нужно радио, марширующее вместе с нацией, радио, работающее для людей...» Этими словами 18 августа 1933 года Геббельс открыл X Всегерманскую выставку средств радиовещания.[44]

Главный командный пункт Всегерманской радиосети находился в отделе радио министерства пропаганды. С августа 1939 года им руководил Альфред-Ингемар Берндт. С февраля по август 1940 года Берндт служил в вермахте. В течение года после возвращения неуравновешенный Берндт передоверил большую часть ежедневной работы своему заместителю Вольфгангу Диверге, окончательно сменившему его на посту начальника отдела в сентябре 1941 года. Диверге был фанатичным нацистом, «экспертом» по вопросам антисемитизма и работал в министерстве с 1934 года. Директором имперского радиовещания являлся Ойген Хадамовски, о котором Вилли А. Бельке писал как о человеке «необузданного энтузиазма прирожденного фанатика». Он располагал полномочиями составлять и планировать программы. Хадамовски пришел в партию в 1930 году и уже тогда обнаружил признаки неистовой антисоциальной натуры. В своей книге о пропаганде, вышедшей в 1933 году и посвященной Геббельсу, Хадамовски искренне, может быть даже чересчур, заявил о недоверии нацистов к «жупелу объективности». В то время как Берндт служил в армии, Хадамовски замещал его, но успешной эту кадровую перестановку назвать было нельзя, и в конце 1941 года Берндта сменил именно Диверге. Геббельс назначил Хадамовски адъютантом Наумана в отделе министерства, но и здесь работа не пошла, и в 1942 году Хадамовски перебросили в RPL, где он уже «не мог более причинять вреда». В бытность Хадамовски директором Имперского радиовещания

Геббельс назначил имперским управляющим Всегерманской радиосети доктора Генриха Гласмайера. Частично этот шаг был продиктован необходимостью надеть узду на расшалившегося Хадамовски и хоть как-то уравновесить его полную некомпетентность. Гласмайер тоже вряд ли мог служить примером идеального руководителя и в 1942 году был лишен большинства полномочий.[45]

Германским радиовещанием руководило Имперское радио. Его отдел по составлению программ контролировал все радиопередачи и осуществлял обмен между двадцатью шестью станциями, из которых складывалась сеть германского радио... Существовало тринадцать региональных радиостанций и многочисленные местные: последние не вели собственного вещания, а служили ретрансляторами для более крупных региональных и для национальной «Дойчландзендер», которая занимала центральное место во всей радиосети. Одновременная трансляция на всю страну осуществлялась радиостанцией «Дойчландзендер», а региональные радиостанции были обязаны прерывать свои программы, если указание об этом поступало из Берлина. Когда в 1942 году Геббельс назначил Ханса Фриче главой отдела радио министерства пропаганды, то в его лице он обрел компетентного руководителя германской радиоимперией, причем в том, что касалось нацистского фанатизма, министр вряд ли мог оказаться достойным конкурентом Фриче, Хадамовски или Гласмайеру. Но это не играло роли — ведь Геббельсу требовались «Золотые партийные значки», а не таланты.

Ханс Фриче родился в Бохуме в 1900 году и начал свою карьеру в 1923 году редактором «Прусского ежегодника». Вскоре он переходит на службу в телеграфную компанию, являвшуюся частью империи связи Альфреда Гугенберга, предпринимателя и политика с ярко выраженным национальным уклоном. До 1932 года Фриче работал редактором телеграфного синдиката Гугенберга. Частью его работы было написание для германских газет статей на международные темы, поддерживавших Гугенберга. В это время Фриче не проявлял особой политической активности, но его статьи отражали точку зрения немецких националистов. В конце 1932 года Фриче становится директором отдела новостей на

радио («беспроволочная служба»), являвшегося частью принадлежавшего государству «Имперского радиообщества» (RRG). В сентябре 1932 года Фриче начал свое собственное радиовещание. Это была программа «Политический обзор прессы». В 1928 году он познакомился с Йозефом Геббельсом, которому Фриче понравился славословиями в адрес нацистов. Его заздравные комментарии (от которых Фриче отказался в 1931 году) отражали имевший место в тот период альянс Гугенберга и Гитлера.

Геббельс, хорошо понимавший роль средств массовой информации для борьбы нацистов за власть, был занят поисками компетентных специалистов, таких, каким был Фриче. Фриче был типичным, хотя и высокоодаренным «специалистом, стоящим вне политики», «националистом», который вполне станет работать и на правых, если при этом он обретет определенную свободу действий и если будут удовлетворены его амбиции. В 1933 году Фриче стал во главе DNB, являвшейся частью нового министерства пропаганды. Чтобы не испытывать судьбу, осторожный Фриче 1 мая 1933 года все же вступил в нацистскую партию. В 1938 году Геббельс назначил Фриче главой отдела германской прессы в министерстве. Этот пост он занимал до 1942 года, пока его ненадолго не отправили на Восточный фронт. Позже, в том же году, Фриче вернулся и добрался до вершины своей карьеры, став одновременно главой министерского отдела радио и уполномоченным Геббельса по вопросам политического устройства германского радио. В этом качестве он «формулировал и издавал ежедневные радио «пояснения» для всех отделений и отделов пропаганды рейха...»[46]

Отдел, подчиненный Фриче, имел важную структуру — разведывательную службу, осуществлявшую запись на пленку передач зарубежных радиостанций. Секретная информация, полученная таким образом, суммировалась и доставлялась Геббельсу и другим высокопоставленным чиновникам по его выбору. Германское радио имело, таким образом, возможность быстро дезавуировать вражеские радиопередачи, которые немцы слушали, забившись в подвалы или куда-нибудь от глаз подальше. Таким образом, открывалась воз-

можность подкопаться под содержание передач союзников, прежде чем по Германии пойдут всякого рода слухи. Разведывательная служба снабжала Геббельса разнообразной военной, экономической и политической информацией о врагах рейха. Качество сообщений было различным. Сообщение от 24 ноября 1944 года гласило, что зарубежные радиостанции широко комментируют молчание Гитлера и его редкие появления на публике. Геббельс высоко оценил значение этой информации, поскольку она подтверждала его точку зрения о важности личного присутствия Гитлера перед населением Германии. Разведывательная служба также издавала отчеты: «Положение в Советском Союзе», «Развитие событий на Среднем Востоке», «Влияние большевизма на державы врага». Некоторые из них представляли собой кое-как слепленные воедино обрывки информации. Они состояли из переводов текстов зарубежных передач, а анализ их представлялся Геббельсу. Другие сообщения, такие, например, как «Германская пропаганда и ее критика врагами» являлись тщательно подобранными антологиями цитат и немецких радиопрограмм и газетно-журнальных материалов, причем в том виде, в каком они появлялись на страницах газет и в радиопередачах союзников. Работа разведывательной службы дополняла сведения архивного отдела МИДа, который предоставлял материалы министерству пропаганды для использования при составлении радиопрограмм и определения тематики газетных выпусков.[47]

Радиопередачи периода войны содержали две ежедневные программы, транслировавшиеся на всю страну — сводку ОКВ и подробные репортажи, основанные на наблюдениях очевидцев непосредственно с фронта, которые осуществлялись корреспондентами пропагандистских подразделений. «Беспроволочную связь» или отдел новостей с 1938 года возглавлял Вальтер Вильгельм Дитмар. Геббельс ясно дал понять, что политика и директивы, сформулированные на совещании в министерстве, и ежедневные пресс-конференции были в той же степени руководством к действию для радио, как и для остальных средств массовой информации. Персонал радиоредакций был свободен в вопросах обработки материалов и придания ему формы,

приемлемой для подачи на радио, но ему не позволялось высказывать собственную точку зрения или выпускать в эфир новости без позволения министерства. Для ужесточения тотального контроля над передачами Геббельс рекомендовал радиокомментаторам и редакторам выпусков новостей чаще присутствовать на совещаниях в министерстве. Начало этой политики было положено в 1941 году, и она оставалась такой до тех пор, пока в 1942 году Франц Вильдонер не сменил Дитмара.[48]

Самым драматическим моментом на радио в начальный период войны было специальное сообщение. Прерывались все программы. Сообщение предварялось коротким призывным звуком фанфар, после чего следовала бравурная «Прелюдия» Листа. Затем диктор читал военное коммюнике, содержащее сведения об очередном германском триумфе. Когда диктор заканчивал чтение, специальное сообщение завершалось пением маршевой бравурной песни, это могла быть, например, «Мы маршируем на Англию», одна из самых популярных в 1940-42 годах. Эти специальные сообщения начались во время норвежской операции и продолжались в 1941 году, воспевая великие победы вермахта в России. В июне 1940 года Геббельс впал в ярость, когда один из иллюстрированных еженедельников поместил снимок записи звучания фанфар, которые возвещали о начале специального сообщения. Эти снимки могли привести к развенчанию торжественно-загадочной атмосферы, которая сопутствовала великим национальным событиям. Министр пригрозил виновникам, что, если подобное будет допущено впредь, они окажутся в концентрационном лагере.[49]

Геббельс осознавал, что люди слушают радио для успокоения, отдыха и для того, чтобы просто прослушать музыку с тем же интересом, с каким они слушают известия с фронтов. Еще в 1934 году министр своим указом постановил, что после сильнейшего эмоционального воздействия, которое слушатели получали после партийного съезда в Нюрнберге, радио в течение нескольких недель должно передавать легкую музыку. Программы, задуманные как наставление массам, должны быть, конечно, содержательными, но не слишком уж дидактичными, а вот «добрый

немецкий разговор» должен оказаться полезным для отдыха. Заботы, которые принесла с собой война, в особенности катастрофа под Сталинградом и усиление воздушной войны, придало радиопрограммам гнетущий, наводящий ужас и уныние тяжеловесно-воинственный тон. К началу 1943 года Вольфганг Фишер, глава отдела радио RPL, неоднократно повторял Вальтеру Тисслеру, что германскому радио явно недостает чуточку заинтересованности людскими проблемами.[50] Возникла необходимость в большем количестве передач, которые были бы посвящены социальным, личным и человеческим нуждам и интересам, и, вероятно, следовало бы уменьшить число споров на чисто военные темы и по вопросам международных отношений. Фишер даже осмелился провести параллель с советским радио, которое обращалось к заботам конкретных групп населения. Он предложил, чтобы германское радио способствовало мобилизации на тотальную войну, обсуждая в своих передачах, например, такое явление, как работа, выполняемая пожилыми людьми, и подойти к трактовке этой тематики попроще, по-народному, человечнее. Критика Фишера, оказавшаяся щелчком по носу Геббельсу и Фриче, действительно привела к некоторым изменениям в характере радиопередач – после этого они стали даже еще более политичными. В них теперь доминировали новые мнения и оценки, новые идеологизированные клише и вопли Фриче, Геббельса и Карла Шарпинга.[51]

То, как германское радио использовало в своих программах музыку, может служить примером того, какие оковы надели на него фантики и партийные идеологи. Несмотря на свои изысканные вкусы, Геббельс поощрял устремления работников радио без конца передавать немецкую маршевую музыку. Эти агрессивные марши в периоды великих побед и надвигавшихся наступлений, видимо, должны были встряхивать наиболее апатичных сограждан, но их полное несоответствие ситуации, сложившейся в Германии после Сталинграда, делало передачи просто бессмысленными. Нужно было быть сверхубежденным нацистом, чтобы в конце 1944-го соответствующим образом реагировать на марш, который в 1931 году горланили бодро маршировав-

шие по Берлину штурмовики. В начале 1940 года Геббельс настоял на включении в программу «Немецкие марши всех гау» австрийских и прусских маршей. Гермс Ниль, известные дирижер, написал самый популярный немецкий марш периода войны: «Мы маршируем на Англию», который между концом 1939 года и весной 1941 года германское радио передавало до отвращения часто. Когда 6 апреля 1941 года Гитлер напал на Балканы, немецкое радио очень много времени посвятило «Маршу принца Ойгена», вызвав в памяти героя Австрии времен турецких войн начала XVIII столстия.

С 23 июня 1941 года стали господствовать новые тенденции. Радио начало антибольшевистский крестовый поход. Теперь маршевая музыка гремела уже на фоне грохота артиллерийской канонады и рева пикирующих бомбардировщиков.[52]

Героическая музыка аккомпанировала нацистскому движению с самого начала. Место, которое маршевые ритмы занимали в немецком обществе, немыслимо для какого-нибудь другого, и нацисты сколотили себе на этом капитал. Фанатики-нацисты и фанатики из Гитлерюгенда всем сердцем реагировали на героические музыкальные призывы даже в самом конце войны. Зато у остальных немцев «Мы маршируем по Большому Берлину» или «Выше знамена!»* мигом стерлись из памяти, стоило только бомбам союзников и артиллерии Красной Армии загрохотать над тем же Большим Берлином.

Геббельс и его радионадзиратели так высоко ставили именно этот тип музыки, поскольку сталкивались с немалыми трудностями, которые привносили собой иные музыкальные формы. Даже вынужденный проявлять уважение к церковной музыке немецких авторов как к части германского культурного наследия, министр изъял из радиопередач «Реквием» Моцарта из-за его «производящего гнетущее впечатление и воспевавшего отречение от мира текста». К 1941 году проблемы стал вызывать даже Бетховен, поскольку немецкая публика открыла для себя в один

---

* «Песня о Хорсте Весселе» — (примечание редактора)

прекрасный день, что его «Пятая симфония» стала музыкальным символом очередной победы союзников. «Фиделио», с его призывом к свободе, был таким же неблагонадежным, как и «Вильгельм Телль» Шиллера, хотя в 1944 году венская опера получила высочайшее дозволение поставить ее. Одной из самых хитрых уловок Геббельса для отвлечения людей от церкви были утренние воскресные радиопрограммы, разительно отличавшиеся от большинства передач германского радио. Эти передачи включали в себя некоторые отрывки из произведений классической немецкой поэзии и классическую, даже церковную, музыку. Но проблемы составления музыкальных программ на германском радио не ограничивались лишь областью классики. Геббельс и Гиммлер запретили свинг и вообще джазовую музыку как чуждую и упадническую. Допущенная к эфиру музыка воспринималась как старомодная. В Германии маршевые песни в исполнении солдатских хоров занимали такое же место, как в Соединенных Штатах занимал джаз и эстрадная музыка.[53]

Весной 1943 года после Сталинграда Геббельс, Вехтер, Тислер и Ханс Хинкель, глава «отдела особых культурных поручений» министерства, обсуждали проблемы музыки на радио. Хинкель указывал, что 80% писем, получаемых от слушателей, указывают на то, что люди не желают, чтобы программы радио были заражены всеобщей депрессией, которой страдала теперь нация. Радио в качестве развлечения и «воодушевления» теперь стало более необходимым, чем в дни великих побед. Тислер категорически не согласился с ним и заявил, что по радио не должны звучать такие музыкальные темы, как «Мы будем танцевать с тобой, пока не окажемся в раю» или «Прошел еще один прекрасный день». Геббельс посоветовал Вехтеру поехать в один из западных районов Германии, наиболее сильно пострадавший от бомбежек союзников, и выяснить там на мете, что люди желают слушать.[54] Но даже после этого сделано было мало и практически ничего не изменилось.

В конце 1942 года Ханс Фриче взял на себя руководство отделом радио. Его комментарии наряду с коммента-

риями генерал-лейтенанта Курта Дитмара и доктора Карла Шарпинга вышли далеко за рамки прежних передач. Они стали носить резко полемический характер. Фриче отказался даже от имитации объективного взгляда на зарубежную прессу, что раньше всегда отличало его программы. Комментарии Фриче и Шарпинга, несмотря на протесты, имевшие место после войны, были выражением национал-социалистического мировоззрения и попыток объяснить и оправдать перед нацией войну. Дитмар был военным комментатором.[55] Он избегал полемических тонов, характерных для статей Геббельса в «Дас Райх» (они читались по радио регулярно, начиная с последних месяцев 1941 года) и отказался принять презрительную иронию Фриче. Курт Дитмар родился в 1889 году. Во время первой мировой войны он дослужился до звания гауптмана, а позже стал начальником военно-инженерного училища в Берлине. Во время Сталинградской битвы Дитмар сумел подготовить нацию к плохим новостям. Его откровенность порой раздражала Геббельса, который не мог спорить с оценкой Дитмара положения на фронте. Когда же Дитмар стал вмешиваться в отражение в радиопередачах внутренней политики и положения в тылу, Геббельс подверг его резкой критике и потребовал от него либо четко следовать курсом министерства, либо вообще отказаться от работы в этой области. Фриче заявлял в Нюрнберге, что он был верным союзником Дитмара и всегда пытался защитить его, но неполный характер протоколов министерских совещаний у Геббельса не служит подтверждением этого утверждения.[56] Может быть, защита носила чисто личный характер, так сказать, с глазу на глаз. Геббельс желал, чтобы в передачах господствовал осторожный подход к освещению событий, но никак не пессимизм. Он готов был признать поражение как совершившийся факт, но не желал публично предвидеть катастрофу.

Ханс Фриче был самой важной фигурой среди работников германского радио в период войны. За годы работы ему приходилось, наверное, не меньше тысячи раз выступать перед микрофоном. Он был также хорошо известен как талантливый оратор. Еженедельные радиобеседы Фриче

в последние годы войны являлись острополемическими по своему характеру, поданные в форме обзоров международной прессы и различных мнений. Как выразился сам Фриче, он не стал бы «иметь дело с вражеской пропагандой без острого клинка в руке». Геббельс понимал, насколько для его пропагандистской деятельности важен Фриче, но комментатору, тем не менее, не удалось избежать стрел министра. Геббельс говорил фон Овену, что такой человек, как Фриче, был очень кстати в мирное время, поскольку обладал великой политической зоркостью и умом, но в период кризиса (1943 год) ему недоставало решимости и смелости.[57] Может быть, министр ощущал, что ему не дотянуться до Фриче в смысле овладения узкопрофессиональными навыками, может, Геббельсу не по душе было его запоздалое вступление в нацистскую партию. Но в своих высказываниях на публике он всегда очень хвалил Фриче.[58]

От Ханса Фриче материал поступал в архив экспресс-службы. Это были вырезки из газет, сообщения телеграфных агентств и репортажи зарубежных радиостанций. В передачах Фриче представлялась определенная степень свободы, разумеется, в рамках предписанной Геббельсом генеральной линии. В своей работе в качестве директора отдела радио Фриче уже не был столь свободным. Карл Церф, советник по вопросам культуры RPL, всегда ополчался на Фриче, если составленные программы хоть незначительно отклонялись от мировоззренческой позиции нацистов (например, трансляция по радио религиозных служб), но до 1944 года имел полномочия для того, чтобы настаивать на своей точке зрения, пока Геббельс от нее не отделался. Даже защищаясь на Нюрнбергском процессе, Фриче признал, что его работа направлялась и руководилась двумя противоречивыми факторами: постоянным вмешательством Геббельса, который очень интересовался соблюдением руководящих указаний, и, по его словам, собственной задачей ознакомления аудитории с точкой зрения правительства на природу, причины и цели войны в Германии, на оккупированных ею территориях и за границей...[59] Когда в 1942 году Фриче вступал в должность, Вольфганг Диверге процитировал одобрительную реплику

Геббельса: «Никто лучше меня не знает, сколько работы уходит на эти радиообращения, как их иногда могут продиктовать буквально в последнюю секунду перед выходом в эфир, и все это лишь для того, чтобы мгновение спустя найти в нации благодарных слушателей».[60]

В радиовещании начального периода войны Ханс Фриче выбрал для себя саркастический, ироничный тон, привлекавший многих слушателей. Да, тогда не составляло труда опрокидывать все аргументы союзников – ведь Германия шагала от победы к победе. А вот постсталинградские «шоу» Фриче стали более задиристыми: сарказм-то остался, а вот живой ум и насмешливость испарились. Теперь прежний сарказм уже выступал в роли циничного всезнайства, и в страшные годы, которые последовали за Сталинградом, это стало резать ухо очень многим немцам. Техника Фриче в первые годы войны – схватить и зажать в кулаке заявления и высказывания, доходившие по радиоволнам до Германии из стана союзников, а затем умело перетасовывать их, выстроить стройную систему аргументации, оправдывающей германскую политику. Средний немец-радиослушатель поедал такого рода новости из лагеря врага с удовольствием, и даже тот факт, что он (слушатель) или она (слушательница) получали новости из весьма сомнительного источника, не мог затмить их пылкой любви к этой программе. Фриче часто использовал свои радиопередачи для быстрого отпора утверждениям союзников, которые, останься они без ответа, могли бы служить одним из средств подрыва режима. Холодное расчленение вражеских утверждений, которые были уже хорошо знакомы большинству немецких слушателей от друзей или коллег по работе, слушавших вражеские передачи – швейцарские радиостанции или Би-Би-Си, позволяло Фриче сводить на нет пропагандистские усилия союзников, прежде чем они достигали своей цели.[61]

Радиообращение Фриче 20 апреля 1940 года представляло собой шедевр такого рода работы.[62] Он был большим специалистом, когда требовалось перевоплотиться, обращаясь к немцу средних умственных способностей, в «беспристрастного», и в то же время не забывать проводить

политику своего работодателя, гитлеровского режима. На первый взгляд человек, начисто лишенный какой бы то ни было идеологии, как бы в шутку, но тем не менее, проявлял недюжинные знания по обсуждаемому предмету. Фриче рассказывал своим слушателям о некоем британском летчике, хваставшемся, что он на бреющем полете прошел над Унтер-ден-Лиден, видел берлинцев, мог угадать их настроение и смог улететь, прежде чем Люфтваффе сообразило, что происходит. Фриче призвал на помощь всю свою иронию: жалко, что этот «специалист по угадыванию настроения немецкого народа» не вернулся на то же место вечером 19 апреля, когда он смог бы увидеть сотни знамен в честь предстоящего дня рождения фюрера и невообразимые толпы, жаждущие своими глазами увидеть дорогого вождя». Несмотря на первоначальные успехи немцев во время вторжения в Норвегию, начатого почти за две недели до этого, очень многих немцев беспокоило то обстоятельство, что успех этой операции в немалой мере зависел от судьбы ее морской части, которая должна была осуществляться в водах, контролируемых Британией. Здесь насмешки Фриче могли оказать благотворное влияние. Его назначение 1942 года совпало с драматическими событиями – военная удача оставила рейх. К 1943 году в стиле Фриче происходят разительные перемены, хотя голос его сохраняет прежние нотки высокомерного всезнайства.

Во время битвы за Сталинград Фриче в своих радиовыступлениях не изменял указкам Геббельса и не пытался приуменьшить опасность, грозящую рейху: «Тяжелый год подходит к концу, и еще один год, обещающий быть столь же тяжелым, перед нами», – сказал он.[63] В своем обращении по поводу десятилетия рейха Фриче сравнил нацистскую революцию с «немецким восстанием» 1813 года. Вновь прозвучала тема борьбы с большевизмом, против Версальского договора и плутократии. В конце марта 1943 года Фриче поносил британских плутократов за их жестокие воздушные налеты на гражданские объекты и говорил своим слушателям, что британцы, а не немцы начали в 1940 году воздушную войну налетами на Гамбург и Фрайбург.

Его стиль представлял смесь разоблачения врагов с оттенком утешения. В самом конце зимы 1943 года Фриче старался убедить своих слушателей в том, что воздушная война против рейха стоит союзникам больших потерь – так же, как и немецкая подводная кампания в Северной Атлантике. Он намекал на новое наступление на востоке. Описывая конец армий стран «оси» в Тунисе, в начале мая Фриче использовал уже знакомую лексику Гитлера (героическая борьба), которая от частого употребления за зиму (после Сталинграда) заметно поизносилась, но в тоже время придал сообщению циничное звучание, так напоминающее Геббельса. В ноябре 1942 года Фриче утверждал, что союзники упустили благоприятную возможность открыть второй фронт. Теперь Западный фронт стабилен и другого такого шанса не будет! Когда союзники в июле 1943 года высадились на Сицилии, Фриче самодовольно заявил, что они не в состоянии были высадиться в Италии и выбрали поэтому остров.

К концу мая советские войска взяли инициативу в свои руки. Муссолини сидел под арестом, а новые бомбардировки превращали в руины все больше немецких городов... Теперь Фриче говорит уже о «стойком сопротивлении» германских сил на Сицилии и в России и хвастается, что немцы и итальянцы – это «молодые нации», борющиеся за свое будущее. Население Германии становится уже «общностью судьбы», попавшем в полосу невезения, и если оно не выстоит, то ему уготована участь 1918-19 годов. Но на этот раз они не капитулируют, ибо в «Третьем рейхе» чувство реализма неразрывно связано с немецким идеализмом. Высказывание Фриче о том, что «в войне решающая роль принадлежит морали», предвосхитило нацистский призыв «Победа через веру», пущенный в оборот в 1944 году. Но его хладнокровные высказывания не походили на речи представителей RPL или лекторов-воспитателей. Фриче пользовался идеологической партийной риторикой: «Бомбы не сломят нашей воли; 1939 год был опаснее, потому что мы воевали в окружении; Бадольо предал итальянский народ, свергнув Муссолини; победа союзников будет означать передачу Европы в руки

большевиков». Теперь Фриче туманно намекал на какое-то «чудо-оружие». Столкнувшись с леденящими душу успехами Советов на Украине, он заявлял, что германское руководство решило поступиться землями во имя сохранения жизней немцев.

В конце 1943 года Ханс Фриче развил новую тему, которую эксплуатировал до 1944 года. Он заявил, что союзники терпят разногласия в своей собственной среде, а на Западе растет и ширится страх перед большевизмом. Это было, без сомнения, коварной уловкой, но он протянул отчаявшемуся и впавшему в депрессию немецкому народу еще одну соломинку надежды. В декабре 1943 года комментатор признал, что «это Рождество дает мало оснований для праздников». Люди повсюду толковали о возможности открытия второго фронта во Франции, и Фриче, правда, без особого энтузиазма, ляпнул, что все, что союзники могут делать, так это говорить о втором фронте. Очень любопытные вещи сообщал Фриче немцам о том, что союзники собирались сделать в случае своей победы с Европой, указывая при этом на южные области Италии в качестве живого примера подобной перспективы. Фриче описывал эту местность как землю нищеты, хаоса и диктатуры. Фриче оказался прав, предсказав, что многочисленные правительства в изгнании (Польши, Чехии, Югославии), находящиеся в Лондоне, никогда не смогут прийти к власти в случае победы союзников.

В конце 1944 года в комментариях Фриче появились нотки нервозности, особенно когда он заявил, что ни воздушная война, ни пропагандистские наступления союзников не смогут сломить волю германской нации к победе. К марту Фриче стал разглагольствовать о распаде Британской империи и огромных прибылях, которые получал американский капитализм в Канаде и Австралии. В начале 1943 года Фриче всячески подчеркивал стабилизацию на фронте и успехи нации в противостоянии воздушной войне, но чуть больше чем через год многие из его утешительных аргументов приелись и оказались не к месту. Фриче вынудили тешить свою измотанную войной публику россказнями о том, что в Британской империи дела идут еще хуже.

Доктор Шарпинг подготавливал для Фриче большинство из идеологических тем, но в своих утверждениях он был еще большим экстремистом.[64] Когда Сталинградская катастрофа вступила в завершающую стадию, Шарпинг заявил своим радиослушателям, число которых было меньшим, чем аудитория Фриче, что мнение в пользу «Новой Европы» достаточно сильно на всем континенте. Он сравнил резервы трудовых ресурсов Европы с резервами США, и сравнение говорило в пользу Европы. Восхваление Шарпингом Видкуна Квислинга из Норвегии, которого он назвал пионером «Новой Европы», должно быть, весьма позабавило слушателей, которым было известно, что Квислинг относился к числу людей, вызывавших ненависть населения Норвегии. Цинизмом, который являлся отличительной чертой всех пропагандистов Геббельса, Шарпинг обладал в избытке. Он заявил своей аудитории, что союзники, утверждая, какие зверства чинили немцы на оккупированных территориях, просто лгут. Для доказательства правоты своей точки зрения Шарпинг приводил такие территории, как Прибалтика, Минск и Украина, пребывая как бы в блаженном неведении о расправах с мирным населением, геноциде, депортациях, которые были повседневным явлением на Востоке.

Фриче удавалось несколько подреставрировать свою убывающую привлекательность, заявляя от случая к случаю, что рейх сталкивался со сложностями. Карл Шарпинг о таком и не подумал бы. Он был до абсурда оптимистичен, настолько, что его разгневанные слушатели стали писать ему критические письма, адресуясь к нему «Доктор Шарлатан». Не было лучшего оратора, который бы так умело и так охотно разглагольствовал о немецкой реорганизации Европы. Доминирование этой темы в немецкой пропаганде стало ощущаться еще более явственно по мере ухудшения военного положения Германии. Шарпинг заявил, что даже Франция собирала добровольцев на европейскую борьбу с большевизмом и плутократией. Он был еще в большей степени прямолинейным идеологом, чем Фриче, без всякой иронии высокопарно изрекая стряпню, наскоро приготовленную для него Геббельсом и Гитлером. Он делал все

это, даже не пытаясь изобразить хотя бы подобие объективности. Широкая популярность Фриче держалась на протяжении почти всего 1943 года, а Шарпинг терял доверие к себе с каждым новым поражением Германии. И все же, из-за недостатка источников информации, доступных немцам, миллионы слушателей настраивались каждую неделю именно на эти передачи.

5

ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ И ПРОПАГАНДИСТСКИЕ КАМПАНИИ

Нацистская пропаганда в годы второй мировой войны поставила себе на службу не только прессу и радио. Широкомасштабно использовались книги, брошюры, листовки, витринные выставки-инсталляции, показы диапозитивов, плакаты, открытки, почтовые марки и штемпели для их погашения. Нацистская верхушка, разъясняя германской нации суть второй мировой войны, отводила главную роль печатному слову. К 1941 году немецкий рынок заполонили книги по любой мыслимой политической, геополитической, расовой и военной тематике в свете идеологии национал-социализма. Стремление германского народа получать больше информации было на руку нацистскому движению, и партия всячески поддерживала лояльных национал-социализму писателей, способных удовлетворять жажду нации к правдоподобной информации. Йозеф Геббельс так отзывался о своем народе: «Мы, немцы, едва ли можем представить себе жизнь без книг».[1]

Позднее, в 1941 году, он провозгласил две цели, стоящие перед немецкой книгой военного времени: «Она должна давать народу представление о подоплеке военного конфликта и должна обеспечивать «силу и отдых в трудные недели и месяцы войны».[2]

К этому времени партийные и частные книгоиздатели «выдали на гора» почти четверть миллиарда экземпляров соответствующих времени книг и брошюр. Почти 40% этой продукции имели непосредственное отношение к темам, связанным с войной. Тиражи в среднем составляли 11 тысяч экземпляров.[3]

Партийные и государственные агентства заказывали эти печатные работы и включали их в библиографии, широко распространявшиеся среди книготорговцев и владельцев библиотек. Партийное издательство «Франц Эер Ферлаг» опубликовало в Берлине «Серии заметок НСДАП» (Schriftenreiche), напрямую связанных с войной. Цены на эти книжки удерживались на самом низком уровне, чтобы они могли быть доступными для всех граждан. Книги этой серии подразделялись на несколько разделов: «Германские Вооруженные Силы», «Труд в Германии», «Европейская политика вчера и сегодня», «Это – Англия», «Опыт войны», «Восточная Европа». В 1939 году НСДАП было предпринято издание серии трудов, озаглавленных «Национал-социалистическими образовательными брошюрами» (Nationalsozialistische Schulung Schiften), подходивших для учебных программ гау.

Аппарат главного идеолога НСДАП Альфреда Розенберга выпускал огромное количество брошюр, которые развивали его интерпретацию национал-социалистического взгляда на мировую политику. «Книжные знания: Ежемесячник немецких печатных трудов», например, издавался и редактировался Хансом Хогемайером и содержал обзоры и списки книг, разъяснявших суть национал-социалистической военной доктрины. Журнал постоянно подчеркивал превосходство интеллектуальных усилий Розенберга над прочими.

Аппарат также ежегодно публиковал списки рекомендованной литературы. На их страницах преобладали произведения самых известных авторов: Гюнтера д'Альквена из эсэсовской газеты «Дас Шварце Корпс», Вильфрида Баде, Альфреда-Ингемара Берндта и Карла Бёмера из министерства пропаганды, Филиппа Бюлера и Вальтера Буха из аппарата НСДАП, Курта Далюга – полицейского, Вальтера

Дарре из крестьянской организации «Blut und Boden»*, Отто Диттриха, гауляйтера Альберта Форстера, Ханса Франка из администрации польского генерал-губернаторства, Карла Рихарда Ганцера – нацистского историка, Геббельса, Хадамовски и (до мая 1941 года) – Рудольфа Гесса. Многие из этих опусов являлись сборниками речей. Склонность немцев к размышлениям и стремление казаться культурными завладели даже умами полуграмотных нацистских бонз. В «Книжном справочнике» Розенберга перечислялся список рекомендуемых работ с краткими аннотациями, сделанными работниками литературного отдела его аппарата.[4]

Книги, одобренные партией и ее ведомствами, достигали тиражей, исчислявшимися сотнями тысяч. В дни грандиозных молниеносных побед 1939 и 1940 годов баснословно разбогател официальный фотограф Гитлера Генрих Гоффман, «ответивший» на пожелания народных масс иметь фронтовые снимки фюрера. Гоффман, несколькими годами ранее представивший вождю германской нации свою юную ассистентку Еву Браун, в 1939 году издал (отчасти в противовес инспирированным армейским руководством документальным лентам типа «Польский поход») фотоальбом «С Гитлером в Польше».

Многие партийные бонзы ощущали, что армия всячески выпячивает свою роль в захвате восточного соседа Германии ценой принижения военного гения Гитлера и его организаторских талантов. Альбом Гоффмана являлся фотографическим увековечиванием фюрера-полководца.

Геббельс презирал придворного фотографа-пьяницу и похотливого хама с «разрушенным алкоголем» багрово-синюшным лицом, но не обладал властью над партийным изданием, находившимся под контролем Гитлера и его окружения.

Одним из самых ходовых партийных изданий военного времени была «Германская книга по домоводству».[5] Она содержала художественные тексты и календарь. Это была умная смесь беллетристики и нацистской идеологии: поэ-

---

* Кровь и Почва (Прим. ред.)

зия Гете могла соседствовать с прославлением 9 ноября 1923 года. Книга была опубликована издательством «Эер Ферлаг». В 1943 году ее спонсором стали также министерство культуры и RPL. Эта антология предназначалась для каждой семьи, исповедующей национал-социализм. Ее образовательная роль заключалась в том, что она содержала рассказы и стихи, которые можно было читать вслух маленьким детям. Книга в общих чертах разъясняла суть торжественных церемоний национал-социализма. Для тех, кто интересовался более «академично» подобранными произведениями, хорошим подспорьем был опубликованный библиотекой рейхстага список «Новых избранных приобретений».[6]

В 1944 году эта библиография включала в себя труды Генриха фон Шрибика, австрийского историка – автора «Германской тоталитарной идеи», Гизельхер Виркинга – нацистского журналиста – эксперта по США, Виктора Биля – известного австрийского ученого, запоздало уверовавшего в Великую Германскую Идею в ее национал-социалистическом варианте.

Эти книги должны были произвести неизгладимое впечатление на немецких интеллектуалов. Возлагалась надежда на то, что те, кто не исповедует национал-социализм, увидят связь между «Третьим рейхом» и ранними традициями немецкой науки. Но даже в этом списке появилась щедрая россыпь вульгарных и откровенно нацистских произведений, подобных «Смертному греху либерализма: еврейство получает гражданские права» Фрица Дебуса. Ханс Хагемюллер и А.К. фон Мюллер – «лояльные» к режиму историки – соединили свои усилия для работы над большим атласом мира. Законное удивление может вызвать необходимость его создания в 1944 году. Различные информационные бюллетени RTL для лекторов-пропагандистов были главными средствами распространения подобных произведений, одобренных режимом. Докладчики иногда получали списки литературы, в которых им предлагалось обратиться к трудам Розенберга, фон Шрибика и Рихарда Зухенвирта, чья популярная «Германская история» стала бестселлером в 1934 году.[7]

НСДАП широко пользовалась печатным словом в виде книг, брошюр и листовок. Это было наследие «эры борь-

бы», когда личности, подобные Геббельсу, обычно делали все, чтобы попасться на глаза прохожим, вдохновить штурмовиков и членов НСДАП. Для этого никакое средство не являлось слишком грубым или слишком сенсационным. Описывая подобные издания 30-х годов, Франц Сикс приводил в качестве примеров ранние брошюры Геббельса.[8] Военные годы ознаменовали собой широкомасштабный возврат к этой ранней технике, как в брошюрах, так и в плакатах. Изделия образца 1944 года больше напоминали их аналоги 1932 года нежели 1937-го. Это отражало стремление личностей вроде Геббельса снова вернуться ко времени «эры борьбы», чтобы пережить тяготы последних лет войны. И все же приходилось быть осторожным: к 1943 году непопулярность кампании, проводимой RTL, вынуждала скрывать имя издателя многих партийных брошюр. Вместо надписи внизу страницы – «Имперское министерство пропаганды» теперь можно было прочитать «издательство «Универсум Ферлаг».

В 1943 году RTL значительно увеличило тиражи брошюр и книг. Миллионы экземпляров одной только статьи Геббельса были отправлены находившимся во всей Центральной Европе немцам. В конце 1943 года одну брошюру отпечатали тиражом 14 миллионом экземпляров.

К этому времени разразилась кошмарная война в воздухе, а в Италии пал режим Муссолини. Центральный аппарат RTL неустанно требовал, чтобы все руководители GPL еженедельно указывали общее число необходимых экземпляров для каждого района в подотчетным им гау. Причиной подобной спешки была память о недавнем поражении. Некоторые гауляйтеры полагали, что распространение знаменитой речи Геббельса от 18 февраля о «тотальной войне» может оказаться полезным, но при получении этой брошюры они сталкивались с типичными бюрократическими трудностями военного времени.

Геббельс еще раз изменил название своей речи, затем изъявил настойчивое желание, чтобы кто-нибудь написал похвальное предисловие, описывающее безумную атмосферу, царившую в тот день в «Шпортпаласте». Затем возникли типографские проблемы.

К концу мая брошюра еще не была готова, а тираж оказался намного меньше запланированного.

К этому времени «тотальная война» обернулась тотальным фарсом и брошюра в значительной степени утратила свою эффективность. И еще один, хоть и менее значительный нюанс – брошюра появилась в конце июня и содержала речь, произнесенную Геббельсом в «Шпортпаласте». В течение шести недель были готовы первые 500000 экземпляров для отправки членам НСДАП на фронт.

В одной из наиболее широко распространявшихся брошюр был псевдонародный опус Геббельса «Тридцать статей о войне для германского народа».[10] В течение последних трех месяцев 1943 года спрос со стороны руководителей пропаганды гау и округов был просто огромен. После книжки «Советский Союз глазами немецких солдат» – сборника писем снабженного комментариями, опубликованного в 1942 году, это была, пожалуй, самая ходовая брошюра.[11] Два гау – Саксония и Судеты затребовали свыше 600 тысяч экземпляров. В конце 1943 года Судетское отделение НСДАП скооперировалось с DAF и разработало «романные» способы публикации геббельсовских «Тридцати статей о войне... Странички были разъединены и размещались на фабричных досках объявлений, а 6 тысяч экземпляров выставили в магазинных витринах. Журнал «Пропагандист» («Der Propagandist»), издаваемый GPL, состоял частично из статей, напечатанных на бумаге, в которую его заворачивали при пересылке по почте.

Судетские официальные власти отмечали, что их работе в огромной степени способствовала поддержка, оказываемая со стороны располагавшейся в Берлине штаб-квартиры RPL.

К зиме 1941 года RPL утверждало, что распространило 2 миллиона брошюр, 7 миллионов плакатов, более 60 миллионов журналов и бюллетеней, предназначенных для публичного обозрения, а также 67 миллионов листовок. Было устроено 30 тысяч лекций-презентаций с показом диапозитивов и 200 тысяч собраний, демонстраций и заводских митингов.

Обострение военной обстановки после Сталинграда, возрастающий дефицит бумаги и трудности с транспортировкой, проверили на излом действенность геббельсовских пропаган-

дистов. В мае 1943 года Шеффлер (глава отдела кадров RPL) предложил министру размещать печатные материалы в парикмахерских и в приемных комнатах частных врачей.[12]

Шеффлер уверял, что подобный вид деятельности обойдется в сумму, не превышающую тысячи рейхсмарок в неделю. К концу года многие гау получали от четырехсот до двух тысяч экземпляров еженедельной передовицы Геббельса в газете «Дас Райх» для размещения в кабинетах врачей. Первоначально Геббельс с недоверием отнесся к этой программе, но после обсуждения с доктором Конти, главой имперского здравоохранения[13], разрешил RPL действовать в этом направлении. Возможно, Геббельс, сам не выносивший физической боли, не подумал о том, каким образом больные могут отреагировать, увидев в приемной стоматолога его «Тридцать статей».

Нацистские агентства при распространении своих пропагандистских материалов уделяли внимание любой группе населения. Свою лепту попытался внести и Роберт Лей со своим DAF, занявшись распространением печатных изданий «Эер Ферлаг» на фабриках – главным образом , «Стандартных трудов движения».[14]

В 1942 году объектом заботы министерства пропаганды стали этнические немцы из Восточной и Юго-Восточной Европы, находившиеся в ту пору в пересыльных лагерях рейха. Вехтер и его помощник Вернике заявили Гуттереру: «Наша цель состоит в том, чтобы снабдить переселенцев с юга и юго-востока... печатными антиеврейскими материалами. Речи фюрера и рейхсмаршала разбудили интерес всего немецкого народа к тому факту, что наша борьба за свободу представляет собой последний этап в противоборстве арийско-германской расы и еврейских недочеловеков».[15]

Гиммлер и СС обладали своими каналами распространения книг, и их деятельность способствовала лучшей продаже литературы определенного рода. Как писал рейхсфюрер СС Эрнсту Кальтенбруннеру, шефу Главного Управления Имперской безопасности *: «Я заказал большое коли-

---

* РСХА (прим. ред.)

чество экземпляров книги «Еврейское ритуальное убийство» и распределяю их среди штандартенфюреров*».[16]

Указанная книга была написана Гельмутом Шраммом и вполне могла произвести на Гиммлера впечатление наукообразным подзаголовком — «Историческое исследование».

Партийная канцелярия Мартина Бормана начала рассылать огромное количество рекомендованных книг еще в 1941 году. Политические лидеры задались вопросом: а не следует ли им воспринимать все эти книги как официальную линию партии? В начале 1944 года Борман издал циркуляр, подтверждавший, что все они достойны внимания как величайшие печатные издания современности, но эта рекомендация не означает партийной поддержки каждого слова этих книг. Рейхсляйтер имел обыкновение рассылать книги по канцеляриям каждого гау. Предполагалось, что их будут раздавать руководителям округов. В январе 1942 года успехи японцев на Дальнем Востоке открыли новые перспективы для ведения войны против Британии, с целью «освобождения» Индии, и вызвали интерес у Гитлера и Бормана. Книга Людвига Альсдорфа «Индия», появившаяся в серии книг, разрекламированных аппаратом Розенберга, была разослана партийной канцелярией всем гауляйтерам.[17]

Карл Церф, шеф главного отдела культуры RPL, организовал в 1941 году неделю партийной книги. Геббельс предложил устроить выставку, которая основывалась бы на опыте проводимых ранее под эгидой государства книжных ярмарок. Этой неделе надлежало стать частью попыток «оживить» партию. Ее моделью должны были стать выставки за пределами Германии, долгие годы спонсировавшиеся литературным отделом министерства.[18]

Цензура над печатным словом в военной Германии принимала многие формы. Литературная секция располагала, особенно в распределении скудных запасов бумаги, огромной властью. Единственными современными писателями, которые могли публиковаться, были те, кто считался

---

* В данном случае, среди командиров штандартов (полков) СС (Прим. ред.)

«надежными» членами Имперской Книжной палаты. Во время войны отдел предварительной цензуры внутри этой секции рассматривал около четырех тысяч рукописей за год. Он отвечал за искоренение сомнительных или спорных книг, статей и брошюр, имевших отношение к политическим и военным делам. Эта деятельность привела к яростному конфликту с официальной экзаменационной комиссией НСДАП по охране национал-социалистической литературы (директор — Филипп Булер). Комиссия выносила заключение: «имприматур»* в отношении книг, журналов и даже сборников речей, которые не содержали «вводящих в заблуждение точек зрения и противоречивых мыслей». Комиссия была учреждена в 1934 году и опубликовала «Биографию национал-социализма». Другие агентства также претендовали на главенствующую роль в области цензуры. В течение двух недель после внезапного исчезновения Рудольфа Гесса, Мартин Борман потребовал, чтобы Тисслер и литературная секция запретили и приостановили выпуск иллюстрированной книги под названием «Наша гитлеровская молодежь», содержавшей портрет Гесса.

К 1944 году бомбардировки Берлина «собрали литературный урожай». Министерство сообщило профессору Крегеру о том, что его книга «Еврейство в Южной Африке», к несчастью, уничтожена при авианалете, сравнявшем с землей Центральный исследовательский институт. Не мог бы он оказать любезность и выслать еще один экземпляр в министерство для того, чтобы институтская секция литературы смогла определиться в своем отношении к этой книге? Нацистские идеологи не были бы собой, если бы не проявляли подобной настойчивости.[19]

Макс Аман возглавлял процветающее издательство «Франц Эер Ферлаг», имевшее отделения в Мюнхене, Берлине и Вене. К 1940 году Аману удалось убедить Бормана и Гесса, что партийные писатели должны были печататься только в его издательстве, а остальным следовало обращаться к издателям-аутсайдерам. Аман думал не о партийной чистоте, а о деньгах. Представьте себе, что ему удалось

* имприматур — подписано в печать (лат.) (прим. перев.)

бы когда-нибудь опубликовать секретный дневник Геббельса или книгу Гитлера о том, как тот выиграл войну!

Некоторые партийные авторы игнорировали этот циркуляр, поэтому партийный казначей Шварц в октябре 1940 года напомнил им об этом устами самого Бормана.[20] Министр метал громы и молнии и негодовал по поводу низких гонораров, которые выплачивал «Эер Ферлаг», когда он публиковал свои статьи и речи военных лет, но в отношении этого дела он мало что мог сделать. Геббельс постоянно выражал озабоченность относительно намерений своих подчиненных обращаться в министерство, поэтому добился того, что любой, кто намеревался выйти на Амана с замыслом книги, сначала должен был показать рукопись ему. Он также предупредил склонных к литературной деятельности подчиненных не использовать своего служебного положения для получения благосклонных отзывов прессы об этих книгах.[21]

Несмотря на засилье цензуры, случаи противодействия режиму все-таки время от времени имели место. В конце 1941 – начале 1942 года одна лейпцигская издательская фирма отправила в одну из школ гау Верхний Дунай проспект книги. Как было отмечено в директивном письме в секцию литературы, в обращении находилась книга, содержащая снимок Рудольфа Гесса! Единственно допустимыми ссылками на Гесса после 1941 года были лишь те, что содержались во внутрипартийных постановлениях, относящихся к ранним приказам «бывшего заместителя фюрера».[22]

Исчезновение Гесса подмочило репутацию прославленного геополитика, профессора и генерала Карла Хаусхофера – учителя бывшего заместителя фюрера. Хаусхофер и так уже впал в немилость партийного руководства из-за своей жены, в жилах которой текла еврейская кровь, а также сына Альберта -политического диссидента. В феврале 1942 года Геббельс принял решение позволить Хаусхоферу остаться в составе Имперской Культурной палаты из-за скандала, связанного с увольнением этого довольно известного, националистически настроенного автора, что могло обеспокоить интеллектуалов.[23]

Борман уступил, дав согласие не запрещать книги Хаусхофера. Возбранялись всякие разговоры, дискредитиро-

вавшие профессора, а пока Гесс продолжал всячески проталкивать книги Хаусхофера, Борман заметил, что не намеревается потворствовать этому.

Веймарская республика была политическим полигоном, на котором партии всерьез обкатывали свои плакаты и средства наглядной агитации. Особенно это относится к НСДАП в последние годы «эры борьбы». В конце 1932 года Йозеф Геббельс, мечтавший о создании шедевра политической кампании, полагался в первую очередь на «плакаты, листовки, брошюры». Увидев эскизы плакатов, которые должны были использоваться в предвыборной кампании (Гитлер против Гинденбурга), он прокомментировал их так: «Наши плакаты стали просто превосходными. Пропаганда ведется наилучшим образом. Вся страна обязательно обратит на них внимание».[24] Плакаты представляли собой злую сатиру. Это были прекрасные рисунки в поразительно яркой цветовой гамме. Враги Гитлера являли собой воплощение зла, Гитлер же представлялся ангелом-мстителем, заступавшимся за поруганную Германию.

Плакаты появлялись повсюду — на стенах зданий, в киосках, в окнах партийных учреждений и в окнах всех, кто симпатизировал Гитлеру. Темы их были незамысловаты, однако аппелировали к двум сильным эмоциям: ненависти и идеализации. Альберт Шпеер уже в послевоенные году отметил, что плакат, идеализировавший Гитлера и изображавший его в героической позе, «больше не казался ему смешным, после того, как он услышал, как фюрер говорит». Ранние нацистские карикатуры высмеивали врага (например, «Исидор Вайс». К 1932 черты врага ужесточились и на него уже нападали. Партия больше не беспокоилась о том, что ее игнорируют. Теперь она почуяла запах власти и ей требовалось нечто большее, чем смех или огласка, связанная с мордобоем в пивных. Во время войны нацистские плакаты отражали эту сложившуюся после 1930 года точку зрения. Как высказался в 1941 году Геббельс, целью всех этих плакатов стал показ врага в звероподобном виде, поскольку в схватке не на жизнь, а на смерть никак нельзя

было преуспеть, делая его маленьким и смешным. Следовало запугать людей до такой степени, чтобы они взялись за оружие против большевиков-насильников и убийц, изображенных на развешанных по всему рейху плакатах.[25] В 1944 году нацистские плакаты взывали также и к идеализму, но только лишь в контексте битвы.

Непосредственно перед захватом власти национал-социалисты неустанно использовали листовки, наклейки и рекламные листки.[26] Снова и снова повторялись прежние лозунги: «За хлеб и свободу», «Против марксизма и реакции».

Резкий тон и энергичные фразы, пусть даже и вульгарные, переносились на плакаты. Их аналогом являлись бодрые маршевые песни штурмовых отрядов. В последние два года войны Геббельс и RPL вернулись ко многим старым лозунгам и песням. Что же могло быть лучшим средством для возрождения ставшей инертной партии, кроме как обратиться к ней при помощи старой техники? Аппарат нацистской пропаганды тех лет, таким образом, в значительной степени пользовался «лозунгом недели», который распространялся гауляйтером в каждом районе. Каждому местному муниципальному руководителю отсылалась «картина недели», вместе с которой следовал приказ самым аккуратным образом выставить ее для всеобщего обозрения. Главным требованием было обновление экспозиций сразу по получении нового экспоната. Последние являлись отражением всех пропагандистских кампаний RPL. Одна из картин военного времени изображала двух людей в поезде, оживленно разговаривавших под набранным крупным шрифтом призывом: «Не болтай!» Это была часть кампании, направленной против шпионажа и распространителей зловредных слухов.

В 1943 году Сталинградская катастрофа и призыв Геббельса к тотальной войне вызвали целый ураган плакатной пропаганды. Темы плакатов отражали приоритеты Геббельса: «Победа или большевистский хаос», «Тяжелые времена, упорный труд, крепкие сердца». Миллионы огромных (порою размером 90x150 сантиметров) плакатов появились по всему рейху – на автобусах, поездах, киосках, в магазинных витринах, на фасадах зданий. В том же году последовал новый поток гитлеровских плакатов – последних в истории

«Третьего рейха» с надписью «Адольф Гитлер – это победа». В то же время Шеффлер из RPL объявил пропагандистам всех гау, что больше получать «лозунг недели» они не будут. Шеффлер отметил, что это решение принял сам Геббельс, а канцелярии гау, подписавшиеся на «лозунг», получат денежную компенсацию. Теперь дополнительные денежные средства и усилия направлялись на плакаты и брошюры, подобные геббельсовским «Тридцати статьям... В мае 1943 года, совместно с Альбертом Шпеером, предпринята новая пропагандистская кампания, объектом которой стали рабочие. Для этого предназначались плакаты «Тяжелые времена, тяжкий труд, крепкие сердца» – весьма подходящая тема для изнуренных трудом и подвергавшихся постоянным бомбежкам пролетариев.

С самого начала 1940 года RPL распространяло серии плакатов «Еженедельный девиз НСДАП». В них фигурировали призывы, взятые из брошюр и речей вождей. DAF Роберта Лея долгие годы поощряло их размещение на заводах и фабриках. Растущая озабоченность по поводу морального облика рабочих стала в 1943 году отражением усилившегося в «тяжкие времена» давно сдерживаемого страха нацистов. А не вернутся ли рабочие к своему давнему союзнику-марксизму, если все недоступнее становятся потребительские товары, если инфляция неумолимо пожирает их доходы, а война складывается явно не в пользу Германии? «Плакатная» кампания 1943 года стартовала всего лишь десять дней спустя после разгрома 6-й армии под Сталинградом, когда Курт Фровайн из секретариата Геббельса представил своему шефу для одобрения целый реестр предложений.[27]

Министерство пропаганды уполномочило Германскую студию пропаганды изготовить плакаты, соответствующие подобным пропагандистским кампаниям. Министерство полагало, что желаемого результата можно добиться только при помощи высокопрофессиональной центральной студии, которую они субсидировали. Оно отвергало просьбы местных учреждений RPL разрабатывать и выпускать свои собственные печатные издания. Отдел пропаганды утверждал, что местные учреждения не располагали достаточными средствами для исполнения качественной программы. Во

время войны министерство поощряло децентрализацию в бюджете и финансах, но не в пропагандистских выставках и инсталляциях. Бюджет, выделявшийся DPA в течение всей войны, возрастал за два финансовых года (с 31 марта 1940 года по 31 марта 1942 года) с суммы, чуть меньшей 1 000 000 рейхсмарок до 1 400 000 рейхсмарок. К 1942 году почти половину бюджета DPA поглотили затраты на организованные министерством выставки. Судя по финансовым отчетам 1941 года, все эти презентации пользовались небывалым успехом. На выставках использовались материалы, созданные отделом графики DPA. Использовались плакаты и другие графические работы с тем, чтобы пробудить интерес к какой-то теме, например: «Враг видит твой свет» (пропаганда затемнения) или «Англия – грабительской государство». DPA также изготавливало плакаты и рисунки для рекламы фильма ОКВ «Победа на Западе» (Sieg im Westen) – документальной ленте о падении Франции. До 1944 года более мелкие студии (например, «Цербст») соперничали с DPA в деле выполнения министерских и прочих аналогичных заказов. Как составная часть мер по ведению тотальной войны подобные студии были ликвидированы. Их персонал либо был призван в армию, либо влился в штат DPA. Имели место случаи, когда прежние владельцы обращались с заявлениями в министерство или DPA, но все прошения обычно оставались без ответа.[28]

Аппарат пропаганды не пренебрегал ни единым средством воздействия на каждого человека. В годы военных успехов Германии, у местных учреждений RPA возникла огромная потребность в крупномасштабных картах, которые можно было выставлять для всеобщего обозрения на городских площадях. На них указывалось направление главных ударов вермахта. Последняя акция, осуществленная в этой области, прошла в конце лета 1942 года. Во время продолжавшегося три недели сталинградского наступления поступили приказы убрать эти карты, потому что собиравшиеся вокруг них люди, вели разговоры о том, какие большие территории немцы сдали противнику. Еще один вид наглядной пропаганды представляли собой огромные карикатуры и сводки, выставлявшиеся перед главными общест-

венными зданиями. Карикатуры высмеивали врага, а сводки объясняли, почему немцы выигрывают войну. Гау, которые пользовались этой методикой в самом начале войны, отмечали большой общественный интерес к ней, особенно когда через громкоговорители транслировалась музыка или комментарии. Время и характер всех этих мероприятий в значительной степени зависели от хода войны. В конце августа 1942 года RPL внезапно убрало свою «картину недели», темой которой была зимняя экономия угля. В это время немецкие войска продолжали успешное наступление на юге России, и вполне объясним тот факт, что Геббельсу хотелось избавить немецкий народ от мысли о еще одной суровой зиме. Не исключалась вероятность того, что Советская Россия скоро падет. Имея в своем распоряжении ресурсы западной части СССР, «Третий рейх» мог особенно не экономить на энергоресурсах.[29]

RPL снабжало отдел пропаганды каждого гау набором диапозитивов – от 25 до 30 штук.[30] Они распространялись по районным отделам пропаганды для публичных лекций. В сентябре 1941 года были популярны следующие темы: «С Версалем покончено», «Сокрушим тиранию Англии», «Предотвратим несчастные случаи дома», «Немецкая авиация в бою», «Преданный социализм» и «США -противник мира». Возникали технические проблемы. Это имело место и в прочих мероприятиях, зависевших от использования диапроекторов: подобной аппаратуры попросту не хватало. Отпечатать листовки было гораздо проще, и, соответственно, в последние военные годы предпочтение отдавалось именно им. Существует мало свидетельств о количестве лекций с показом диапозитивов после 1942 года. Между 1940-м и 1942-м годами RPL начало грандиозную кампанию по распространению листовок, содержавших национал-социалистические максимы. Их целью являлась борьба против тенденции, сильно беспокоившей НСДАП. Немцы, особенно жители сельских районов, симпатизировали батракам-военнопленным и иностранным рабочим. Поскольку рейх использовал огромные массы невольников, канцелярия рассматривала симпатию к ним как серьезную угрозу национал-социалистической идее.[31]

Самым неприятным аспектом ситуации были многочисленные сообщения о том, что немецкие девушки вступали в интимные отношения с иностранными рабочими и военнопленными. Уже 20 июня 1940 года это вызвало столь сильное беспокойство Бормана, что он приказал передавать уличенных в этом военнопленных в руки гестапо. Дела еще более ухудшились, поскольку немецкие крестьяне находили французов хорошими работниками – эти мужчины часто становились «членами семьи», что некоторым образом являлось оскорблением для немецкого менталитета. Число подобных случаев стремительно росло, по мере того как все больше немецких мужчин уходило на фронт.

Между 1940 и 1942 годами и иностранные рабочие наводнили города и села рейха. Имел место случай, когда семнадцатилетняя крестьянская девушка была приговорена к тюремному заключению на 1 год и 3 месяца за интимную связь с французским военнопленным, в которую любовники вступали дважды в неделю. Ее оправдания просто трогательны своей наивности. Она заявляла, что ее возлюбленный находился в рядах вермахта и что она «нуждалась в сексе». Власти, очевидно, отвергли этот довод. Рейхсканцелярия и RPL в августе 1940 года решили отпечатать миллионы листовок со списками того, что разрешалось и что запрещалось немцам при контактах с иностранцами. Основные пункты касались чистоты немецкой крови и необходимости избегать половых контактов с иностранными рабочими. Тисслера раздражало, что большому числу немцев по-прежнему было присуще то, что он называл старым немецким «гуманизмом и эмоциональностью». С иностранцами надлежало обращаться вежливо, но строго. Немцев предупреждали не играть в карты с работниками из числа военнопленных и не делиться с ними продуктовыми пайками. К началу 1942 года свыше двух миллионов памяток, содержавших постулаты о расовой чистоте, и 85 тысяч плакатов были отправлены адресатам по почте.

Нацистов крайне раздражало, что юные немки предавались плотским утехам с людьми низшей расы, в то время как их мужчины-соотечественники погибали на фронте, отстаивая идею расовой чистоты.

К середине войны завсегдатаям ресторанов стало просто невозможно взять со столика ресторана меню, не оказавшись под градом нацистских лозунгов[32]: «Солдату часто приходится ожидать долгие часы или дни! Помни об этом, когда тебе приходится подождать несколько минут», «Будь вежлив и тактичен, держи себя в руках. Думай о себе и окружающих!» Дефицит, неудобства, неудачи на фронтах и бомбардировки союзников делали немцев все более раздражительными и бесцеремонным. Вышеперечисленные утверждения являлись частью геббельсовской кампании «вежливости». Другим средством ведения пропаганды были партийные календари.[33]

До 1944 года НСДАП, ее отделения и организации-филиалы издавали свой собственный календарь с различными призывами и картинками. В мае 1943 года Борман дал указание RPL издать унифицированный партийный календарь на 1944 год. Это не только предполагало экономию бумаги и трудовых затрат, но и являлось средством унификации нацистской идеологии. В 1943 году на рядового немца уже с самого утра обрушивался поток пропаганды. После пробуждения, под призывные звуки радио, он бросал взгляд на календарь, испещренный теми же лозунгами, одевался, завтракал, прочитав меню, насыщенное пропагандистской фразеологией, затем садился в оклеенный афишами и плакатами поезд. Достигая места назначения, он мог услышать из громкоговорителя ежедневные сводки об успехах вермахта, разглядывая через стекло магазинных витрин немногочисленные промтовары и новые «витринные экспозиции плакатов». Кульминация вышеупомянутой кампании пришлась на август 1943 года.[34] Позднее бомбы союзников стали представлять для витринных выставок плакатов серьезную опасность.

Ответом министерства на усиливавшийся авиационный террор союзнических войск стало привлечение к пропагандистской деятельности немецкой почтовой службы. Особенно усилилась эта кампания в начале 1942 года. Аппарат RPL вместе с руководством почтовой службы начали работу по изготовлению почтовых штемпелей с нацистскими лозунгами.[35]

Пионерами в этом деле стали Вена и Грац – города бывшей Австрии. В числе прочих использовались следующие лозунги: «С фюрером к победе», «День основателей Европейской молодежной организации», «Георг Риттер фон Шренерер – герольд и пионер Великого Германского Рейха», «Они погибли за Великую Германию» (после марта 1942 года не использовался), «Повелевай нами, фюрер, и мы все сделаем» и «Наш фюрер остановит большевизм!» В отдельных случаях лозунги становились известны всей стране после успешной апробации на местном уровне. Один из наиболее оптимистичных появился на свет в Мюнхене в день рождения Гитлера, 20 апреля 1944 года – «Германия победит!» Летом 1943 года министерство и RPL рассмотрели вопрос о выпуске памятных марок в целях «пропаганды против авиатеррора». Такие марки, как правило, содержали изображения памятников культуры, разрушенных англичанами и становились, тем самым, антитезой американским сериям порабощенных стран. Однако стали возникать сомнения в том, что изображение какого-нибудь разрушенного собора сможет поднять моральный дух немцев. В конечном итоге от этого замысла отказались. Распространение листовок продолжалось почти до самого конца войны. В округе Дюссельдорф, в нижнем течение Рейна, в конце 1944 года было выпущено свыше полумиллиона листовок. Их целью было противостоять пораженческим настроениям и надеждам немцев на то, что «англо-американцы окажутся не такими ужасными, как большевики».

На листовках можно было прочесть следующее: «Стоит ли это того?» и «Англо-американцы не так уж плохи». Краткие тесты давали утвердительный ответ на эти вопросы и опровергали бытовавшие в народных массах представления о западных союзниках. Даже когда война уже близилась к концу, отдел пропаганды под руководством Шеффера осуществил выпуск 300000 листовок, посвященных «народным пожертвованиям» (Volksopfer) – сбору одежды и прочих вещей для нужд фронта в округе Дюссельдорф, а также 100000 обращений к новобранцам с призывом вступать во вспомогательные части вермахта.[36]

Когда вермахт перемещался в район, безопасности которого угрожал подход войск союзников, сотрудники RPL по-

лучали приказ оставаться там и размещать лозунги на стенах домов даже в том случае, если гражданское население покинуло этот район. Таким образом, последние пропагандистские мероприятия нацистов принимали форму граффити.[37]

Скоординированные пропагандистские кампании могли рассчитывать на национальную прессу и радио, но их успех или неудача зависели от усилий партийных функционеров на уровне городских отделений (Ortsgruppen), окружных (Kreis) или гау (Gau). «Дирижеры» пропагандистских акций отправляли циркуляры своим подчиненным, осуществляя таким образом инструктивное руководство, прямое или косвенное, со стороны RPL.

Протоколы отдела пропаганды округа Айзенах на севере Тюрингии – центрального гау Германии, содержат превосходные образцы этих пропагандистских кампаний и средств их воплощения в период 1940-42 годов.

В конце марта 1940 года все руководители муниципальных отделов получили листовки с обращением – «Германским мужчинам и женщинам» и «Германским домохозяйкам». Почтовикам надлежало доставить по одному их экземпляру в каждый дом. Листовки взывали к гражданам, убеждая их жертвовать на благо победы металлические изделия. В мае те же официальные лица получили текст речи, которую могли использовать в качестве тезисов для своих собственных выступлений в День Матери. Это было типичное национал-социалистическое обращение, в котором фразы о «жизненном пространстве» (Lebensraum) и «борьбе», «народе» и «фронте» заменяли фальшивую сентиментальность рассуждений о материнстве и семье.[38]

Национал-социалистические образовательные программы в Айзенахе подверглись пересмотру и были приостановлены на период весны-начала лета 1940 года.

После падения Франции районный руководитель отдал распоряжение о возобновлении учебных курсов партийных руководителей и резервных партийных кадров.[39] Типичными темами занятий были «Идея рейха», «Политические вопросы современности».

«Величайшее событие года» в айзенахской партийной организации произошло 9 декабря, когда гауляйтер Фриц Заукель сам выступил на массовом митинге жителей города.[40]

Неделей раньше он недвусмысленно дал понять своим подчиненным, что им следует позаботиться, чтобы на этом митинге присутствовал каждый член НСДАП, проживающий в районе. «Товарищам по партии» следовало также привести с собой и членов своих семей.

Местные власти получили плакаты, оповещавшие о том, что митинг состоится 3 декабря, и в обязанность им вменялось разместить плакаты на всех видных местах. Они должны были также раздать входные билеты на митинг. Неудовлетворительная координация действий ослабила эффективность некоторых пропагандистских кампаний.

В начале августа 1941 года RPL решило устроить месячник партийных собраний, с тем, чтобы члены НСДАП могли лучше представить себе и разъяснять другим характер войны против большевизма.[41] RPL заявило, что это время года не подходило для массовых митингов, где собиралась также и беспартийная публика. Таким образом, митингам суждено было, по крайней мере на первых порах, стать чисто партийными мероприятиями. Истинная причина этого, вполне возможно, заключалась в падении престижа партии с конца 1940 года. Это связано с четырьмя факторами: неудачная попытка разгромить Англию, растущее понимание того, что немецкое воздушное пространство перестало быть неуязвимым для налетов Королевских ВВС, бегство Гесса. И (после августа 1941 года) все возрастающее ощущение, что Советский Союз вряд ли падет в одночасье. Даже эта проводимая среди членов НСДАП кампания – «Обращение евангелистов к посвященным» – существенно страдала от нехватки диапозитивов и экспозиций, имевших отношение к Востоку. Материалы, связанные с темами «Сокрушим тиранию Англии» и «Наш военно-морской флот», едва ли могли способствовать лучшему пониманию войны в России. Некоторые диапозитивы так часто были в употреблении, что растрескались в августовскую жару. Война также прерывала ход партийной учебы в Айзенахе. Серии лекций для политических руководителей, руководителей низовых организаций и членов партии возобновились в

зимний семестр 1941-42 годов.[42] За девять лекций по вопросам национал-социалистического законодательства, германского жизненного пространства и немецкой истории от Бисмарка до Гитлера полагался гонорар в размере пяти рейхсмарок.

Вопросы культуры тоже не оставались без внимания. В марте районная партийная организация намеревалась отметить 150-ю годовщину со дня смерти Бетховена.[43] Сразу может возникнуть мысль: а не лучше ли для чествования немецкого композитора избрать 16 декабря — день его рождения, но это симптоматично для нацистов — делать упор на смерть. Идея мероприятия исходила от Карла Серфа, ревностного национал-социалиста, возглавлявшего главный отдел культуры RPL.

Район Айзенах принимал участие во всех пропагандистских кампаниях, организуемых RPL. Эти пропагандистские акции как правило получали названия-призывы, такие, как «Все для победы» — в мае 1942 года. Докладчикам платили 5 рейхсмарок за первый доклад за день в своем собственном городе или деревне. Если они выступали за пределами родного дома, то им оплачивался проезд в вагоне второго класса. Лекторы-пропагандисты майской кампании 1942 года получали подробные инструкции по поводу тем выступлений.

«Враги Германии намереваются бросить рейх в объятия большевизма», «Еврей Кауфман в Америке написал о разработанном союзниками плане истребления немецкой нации». Далее шли слова нацистов о силе и воле: «Героизм наших солдат — пример для нас всех», «Мы должны стоически переносить тяготы военного времени». «Каждый, кто подает дурной пример на «семейном фронте» — изменник нашей нации и наших солдат», «Фюрер и его солдаты — залог победы».[44]

Во многих районах деятельность партийных пропагандистов продолжалась вплоть до появления там войск союзников. Гревенбройх, располагавшийся вдоль нижнего течения Рейна на северо-западе Германии, был именно таким районом. Его новый руководитель организовал празднование нового, 1944 года, на котором звучали стихи, выражения благодарности фюреру и воинам-фронтовикам, хоро-

вое исполнение рождественских песен; декламировалось геббельсовское эссе «Рождество в дни войны». Он (гауляйтер) потратил в декабре немало времени, составляя тексты листовок как для своих находившихся на фронте земляков, так и для местных жителей, у которых вызывала беспокойство «ложь» союзников. Его «поздравления из родного дома» содержали лестную оценку солдатских подвигов и уверения в том, что, если у родственников солдат возникнут какие-нибудь проблемы, они смогут обратиться за помощью в местную партийную организацию. Листовка, адресованная «мужчинам и женщинам Гревенбройхского района», содержала истеричные призывы, особенно в той ее части, где разоблачался союзнический «яд разрушения». Гауляйтер отрицал факт бегства жителей из родных мест в страхе перед надвигающимся наступлением союзников: «Враг лжет!» Особенно язвительно он отозвался о тех немцах, которые больше верили заявлениям союзников, чем уверениям своего родного правительства. Похоже, что эта листовка была ответом на снизившийся повсеместно престиж НСДАП и растущее неверие в победу германского оружия.[45]

В среднем, гау обычно состоял примерно из двадцати районов. Таким был и Айзенах, находившийся в составе гау Тюрингия. Руководитель пропаганды этого гау, возглавлявший также и RPA, использовал материалы издававшегося в Веймаре «Бюллетеня пропаганды».

Докладчики и политические руководители получили из этих выпусков тезисы для своих пропагандистских выступлений во время шока, вызванного первой русской зимой. Местный аппарат советовал руководителям пользоваться картами, чтобы показать людям разницу между нынешней обстановкой в Германии и той, что имела место в 1914-1918 годах.

RPL подготовило плакат, показывавший политическую карту мира, который вскоре стал рассылаться всем пропагандистам. В феврале 1942 года гауляйтер посоветовал своим подчиненным предостерегать людей от использования в речи фраз из лексикона союзников, типа «летающая крепость союзных войск» или «корабли-освободители». Ворчание обывателей по поводу участия в войне Италии заставило гауляйтера дать своим пропагандистам совет указы-

вать на разницу, а также на сходство между итальянской фашистской революцией и германским национал-социалистическим движением. То, что RPL пыталось приглушить антиитальянские настроения, подготавливало для немецкой пропаганды выход на случай, если Италия падет окончательно. Многие из выпусков «Бюллетеня» публиковали не только предписания, но и статистические выкладки, касающиеся военной экономики и положения на оккупированных территориях.

Хотя вышеозначенный бюллетень издавался аппаратом гау для распределения по районным и муниципальным учреждениям, он являлся абсолютным отражением линии RPL на все времена. В сентябре 1942 года жители Тюрингии пугали друг друга русской зимой и цеплялись за любую «соломинку», которую им протягивали распространители слухов. Среди подобных иллюзий были или россказни, что Россия вот-вот падет, или сплетни, что Сталин собрался просить мира. Лексикон издания гау Тюрингия был типично геббельсовским: пропагандисты должны разрушать подобные иллюзии, но обязаны в то же время выражать нерушимую уверенность в победе и внушать ее массам. Геббельс был способен на это, поскольку уже взлетел к вершинам популярности и стал значительной фигурой рейха, но достоен удивления успех обычного среднего гауляйтера или районного докладчика в осуществлении этого трудного, противоречивого задания. При рассмотрении пропагандистского механизма «Третьего рейха», будет полезно сравнить различные гау. Гау Мюнхен (Верхняя Бавария), колыбель национал-социалистического движения, издавал ежемесячный бюллетень для пропагандистов и политических руководителей, озаглавленный «Parole». В 1943 году Мюнхен принял участие в общенациональной кампании, имевшей целью укрепление престижа партии такими статьями, как «Партия превыше всего!» («Die Partei ist uber alles!») В статье повторялось, что партия не является всего лишь еще одной политической группировкой, стоящей у власти сегодня и уходящей в оппозицию завтра, а есть модное политическое движение мирового масштаба. Тем самым RPL надеялось убедить каждого гражданина в порочности мыслей о пере-

ходе к пост-нацистскому правлению. На заре «Третьего рейха» Геббельс заявил: «Из наших правительственных кабинетов нас могут вынести только в гробах!»

Не будь в 1933 году партии, продолжал «Parole», Германия перестала бы существовать вследствие «иудаизации» науки и культуры, всеобщего морального упадка, семи миллионов (sic!) голосов, отданных за коммунистов и семи миллионов безработных.[46] Это утверждение являло собой великую апологию нацизма, и после Сталинградской катастрофы, всегда начиналось словами: «Что случилось бы с Германией...? и заканчивалось резюме: и Европой, если бы в 1933 и 1941 годах фюрер поступил иначе?»[47]

Пропагандистские издания, выпускаемые гау, отражали суть национальных тезисов, а не обстановку на местах. Гауринг (Gauring) издавал «Бюллетень окружных сношений гау». Руководитель пропаганды каждого гау отвечал за распространение и руководство изданием, но Вальтер Тисслер, глава национального Райхсринга (Reichsring), часто говорил издателям Гауринга по всему рейху, какие статьи следует перепечатывать. Сам он, вместе с Карлом Серфом, написал для бюллетеня много статей. К 1943 году моральный дух германского народа стал падать и руководители пропаганды некоторых гау стали стали употреблять бранную лексику, которая могла поднять до известной степени престиж в Берлине и Мюнхене. Куно Попп из Померании характеризовал врага в 1943 году как «... самого трусливого и ничтожного ублюдка, какой только существует на лице земли», состоящего из приспешников еврейско-большевистских плутократов, которые беззастенчиво лгут, предают, терроризируют и убивают для достижения своих низменных целей». Это был еще один случай передергивания: набор штампов Поппа звучит совсем как описание нацистской методики. Фанатик из ведомства культуры, Карл Серф опубликовал в том же выпуске Гауринга статью, тональность которой была в некотором отношении подозрительной. Оправдывая продолжающуюся после сталинградской катастрофы культурную работу, Серф уверял, что, совершая однажды поездку в общественном транспорте, он услышал, как один из пассажиров сказал, что после падения Сталинграда

радио транслировало три симфонии Бетховена, на что второй пассажир ответил ему: «Наверное, передадут и другие».[48]

Это могло бы быть вымыслом, попыткой доказать Геббельсу, насколько важна пропаганда культуры в трудные времена. Вполне возможно, что это могло быть и высказывание какого-нибудь члена партии, намеренно желавшего быть услышанным. Если же это высказывание носило характер импровизации, оно являло собой еще один успех Геббельса.

Формат Байрейтского выпуска Гауринга производил более сильной впечатление, чем его аналог в крестьянской Померании, возможно благодаря месту его происхождения, поскольку Байрейт был родиной вагнеровских музыкальных произведений. Это издание Гауринга содержало рисунки, карикатуры, немногочисленные фотографии, и с точки зрения журналистики было более профессионально сделано. В мае 1943 года в нем появилась статья Тисслера под заголовком «То, что наши враги выдвигают в качестве военных целей, фюрер осуществляет в мирное время!» Аргумент Тисслера заключался в том, что социальные цели Германии в эпоху «Третьего рейха» были реальнее бесплотных обещаний «четырех свобод», предлагавшихся западными державами. Июньский выпуск Гауринга частично посвящался памяти Виктора Лютце, начальника штаба СА, незадолго до этого погибшего в автокатастрофе. Статья, написанная группенляйтером Л. Шмуком, естественно, не упоминала широко известный в рядах СА и НСДАП факт участия Лютце в серьезных махинациях на черном рынке.[49]

Партия ожидала, что каждый гау учредит архив, в котором хранились бы документы местных и вышестоящих организаций, имеющих отношение к истории НСДАП. Ощущение жизни в бесконфликтную эпоху на пороге «тысячелетнего величия» в 1942 году побудило многие гау к действию. Всем захотелось иметь архивы, отражающие их работу в «эру борьбы» (Kampfzeit); ранний «Третий рейх»; войну и победу. Организациям на самых разных уровнях вменялось в обязанность снабжать материалами архив гау Магдебург-Ангальт, который издавал свой собственный бюллетень по этой теме.[50]

В дальнейшем RPL возложило эту обязанность на руководство пропаганды гау, особенно в последние годы

войны. Постоянная озабоченность моральным духом рабочих на фабриках в феврале 1943 г. заставила RPL потребовать от пропагандистов гау более тесно сотрудничать с представителями шпееровского министерства Вооружения и Боеприпасов.[51]

Результатом этого альянса стало распространение многочисленных плакатов, листовок и брошюр на промышленных предприятиях рейха и в их округе. Это стало признаком упадка DAF, поскольку к началу 1943 года он окончательно оказался не у дел.

Продолжительность интенсивной пропаганды на уровне гау в 1944-45 годах зависела от воли и положения гауляйтера. В Тюрингии «старый борец» Фриц Заукель продолжал дожидаться пропагандистских кампаний вплоть до конца 1944 года. 23 июля 1944 года руководство гау Тюрингия с гордостью отрапортовало статс-секретарю Науману, что оно организовало почти 11 тысяч митингов и пропагандистских акций, охвативших около 1,3 миллиона человек. Состоялись выставки и лекции с показом диапозитивов на темы: «Воздушный террор», «Фюрер», «Немецкое искусство против большевизма», «Проклятие всемирного еврейства», «Наш флот», «Атлантический вал». Гау Тюрингия также организовал пропагандистскую кампанию по экономии газа. В дате отчета об этом, 25 июля, заключалось нечто большее, чем просто совпадение, – она представляла собой признание в лояльности пять дней спустя после покушения на Адольфа Гитлера.[52] По мере того, как главные пропагандистские кампании гау после лета 1944 года почти прекратились, «Германское еженедельное кинообозрение» – главное средство идеологической пропаганды продолжало доводить до немецкого народа военную доктрину нацистской верхушки вплоть до самого крушения «Третьего рейха».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА В ГЕРМАНСКОМ КИНОИСКУССТВЕ ПЕРИОДА ВОЙНЫ

6

ВОЙНА И МИР В ГЕРМАНСКОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОМ КИНООБОЗРЕНИИ

Йозеф Геббельс рассматривал средства массовой информации, независимо от способа их воздействия на население, как важнейшее орудие национал-социалистической пропаганды. Считалось, что пропаганда достигала успеха лишь в том случае, если народные массы Германии с новым рвением отдавали себя делу победы, насмотревшись, наслушавшись или начитавшись «шедевров» пропагандистской империи Геббельса. Для Геббельса пропаганда означала удачное сочетание идеи и средства ее выражения. Если люди смотрели фильм, чувствуя при этом, что им подсовывают откровенную пропаганду, то они неправильно пользовались этим определением, так как фильм попросту был неудачным. Пропагандой его назвать было нельзя. По этой причине Геббельс запретил германской прессе использовать слово «пропаганда» в отрицательном смысле, например, в словосочетании «типичная вражеская пропаганда». Любое несоответствие между идеей и средством ее выражения в глазах масс означало, что фильм, радиопередача или статья потерпели полный провал и поэтому не имели ни малейшего отношения к пропаганде: это был просто плохой фильм, неудачная радиопередача или статья. В узком кругу Йозеф Геббельс признавал существование определенных уровней эстети-

ческого восприятия, несовместимых с задачей государства и даже с волей к победе. Интеллектуальная и художественная элита жаждала именно подобного, сугубо индивидуального, внутреннего утешения. Геббельс разделял взгляд Гитлера на толпу, как на стадо, которое следует держать в жестких рамках, формировать и направлять. Пропаганда предназначалась именно для этих масс. Сам Геббельс не был чужд некоторых утонченных пристрастий элиты, однако его сомнительные достижения в качестве государственного деятеля состоят именно в создании направленной в массы пропаганды. Это противоречие между эстетической ценностью внутреннего мира отдельной личности и манипулированием толпой явилось следствием и отражением раздвоенности сознания самого Геббельса и только усилило свойственный ему цинизм. Министр планировал посвятить некоторое время «после победы» созданию исследования, посвященного кино, столь же важного с эстетической точки зрения, как и знаменитый трактат Готтхольда Эфраима Лессинга о драме «Гамбургская драматургия (1767-68)». Планы его так и остались неосуществленными. Геббельс понимал интеллект, но был способен создавать произведения, отражавшие тщеславие, озлобленность и жажду власти. Так, например, его крупнейшим литературным достижением стал дневник, направленный на прославление самого себя. Для нас эта находка ценна не в качестве произведения искусства или же плода рефлексирующего сознания, а как фактический материал и ничем не приукрашенные откровения о личности министра.

Задачей Геббельса стало создание пропаганды, а так как кинематограф был ему ближе всего, министр вполне мог оправдать свое пристрастие к фильмам важностью этого вида искусства для поднятия боевого духа. Геббельс играл первую скрипку в выборе тем, редактировании и прокате «Германского еженедельного кинообозрения» — «Die Deutsche Wochenchau» (DW). Эта серия, достигшая высот технического и коммерческого успеха между 1940 и 1944 годами, была наиболее эффективным средством нацистской пропаганды военного времени. Далеко превосходя аналогичные киножурналы союзников, по способно-

сти слить воедино музыку и зрительный ряд, действие и комментарии к нему, DW по праву стало предметом гордости доктора Геббельса и его команды. Зигфрид Краукауэр заметил: «То значение которое придавалось кинохронике после сентября 1939 года, далеко превосходит ее прежние достижения и его нельзя недооценивать».[1] DW приблизило войну к немецкому народу. Эта война была с предельной тщательностью, хотя и ненавязчиво, заснята на пленку и отредактирована хорошими операторами и монтажерами. Давая великолепное освещение боевых эпизодов и время от времени вставляя «трогательные» сюжеты, DW справилось, главным образом благодаря постоянному вмешательству самого Геббельса, с еще двумя жизненно важными задачами. Оно способствовало поднятию патриотических настроений и объясняло войну идеологическими терминами, выработанными нацистским режимом. Геббельс рассматривал обозрение как подтверждение сделанного им еще в 1934 году публичному заявлению: «Вполне возможно завоевать власть при помощи пушек, однако куда важнее и приятнее завоевать сердца целого народа и удержать его в своих руках».[2]

Дом Йозефа Геббельса на Герингштрассе был оснащен демонстрационным залом. Именно здесь его хозяин придирчиво просматривал новые выпуски хроники, прежде чем отправить их в прокат. Он смотрел каждый выпуск от начала до конца, как минимум дважды, причем первый раз – без дикторского текста, музыки и звукового сопровождения. Министр изучал тексты с предельной тщательностью, и ни один из них не вышел в свет без ... существенных изменений.

«В Германии ни один из выпусков «Обозрения» не выходит на экран, не будучи предварительно переработанным самим министром», – писал фон Овен.[3] Кстати, упомянутая фон Овеном работа была Геббельсу вовсе не в тягость; наоборот, для него это было приятным времяпрепровождением перед отходом ко сну. Министр едва сдерживал восторг, когда в 1940 году писал: «DW – это не сравнимый ни с чем современный нам документ, какого не знала еще ни одна нация в мире. Это вестник невиданного ранее героизма. Для нас военная кинохроника – дело се-

рьезное, это – неподкупный свидетель героических подвигов молодой национал-социалистической армии. Она выходит за рамки чисто пропагандистских целей. Правдивые картины, вдохновляющие марши, песни, музыка и язык – все это средства выражения новой эпохи, выкованной безграничным стремлением к жизни со стороны нации, объединенной идеалами национал-социализма».[4]

Геббельс неоднократно благодарил работников «Пропагандистских рот» (РК) – которые снимали фронтовые эпизоды, составлявшие большую часть материала «Обозрения». Выступая в октябре 1941 года перед представителями гитлерюгенда, он заметил, что «Обозрение» было областью, в которой немецкий кинематограф оставил далеко за собой своих бывших соперников».[5] Гитлер, который первоначально сомневался в ценности выпусков «Обозрения», особенно на раннем этапе войны, в 1941 году заявил: «Я в восторге от нашей современной кинохроники. Мы становимся свидетелями героической эпохи, не имеющей аналогов в истории. Ради будущего нам необходимо сохранить военную кинохронику. Она станет бесценнейшим документом. Нам постоянно придется печатать новые копии этих фильмов, и лучше всего делать это на металлизированных лентах, чтобы они хранились как можно дольше».[6] Во время своих министерских заседаний Геббельс неустанно отдавал новые распоряжения всем работникам, участвующим в создании фильмов. В конце мая 1940 года толпы валом валили в кинотеатры, желая увидеть заснятые на Западном фронте эпизоды, где в это время имел место «всемирно-исторический прорыв» германской армии. Геббельс дал распоряжение Фрицу Гипплеру позаботиться о том, чтобы кинотеатры устраивали дополнительные сеансы, если того потребуют возросшие очереди. А в случае если кинотеатры, расположенные в пригородах Берлина, получали копии «Обозрения» с опозданием, следовало немедленно исправить положение. 27 мая Геббельс велел Гипплеру и Вехтеру оборудовать специальные залы на железнодорожных вокзалах для проведения сеансов «Обозрения». Там же, где это было невозможно, следовало вывешивать афиши, в которых сообщалось бы, где пассажиры могут найти ближай-

ший кинотеатр, в котором демонстрируется DW. Министр предложил прессе заняться разработкой темы «Новые очереди в Берлине», не только ради самого «Обозрения», но и как хитроумный комментарий о недовольстве рядовых граждан очередями.

Геббельс, так же как и Гитлер, особенно остро осознал эмоциональное воздействие «Обозрения» на аудиторию во время падения Франции. Он противился тому, чтобы благоговейный трепет, пафос и энтузиазм, едва ли не религиозные по своей сути, нарушались сразу после демонстрации показом какого-нибудь посредственного мюзикла или дешевой слезливой мелодрамы. Вот почему Геббельс распорядился устраивать трехминутные перерывы между показом DW и художественного фильма. Эти перерывы вскоре увеличились до пяти минут, а театры, не выполнявшие это распоряжение, подвергались штрафу в 10000 рейхсмарок. Геббельс не желал, чтобы опоздавшие на сеанс зрители нарушали атмосферу священного трепета, и поэтому в 1941 году постановил, что кинотеатры не имеют права впускать опоздавших во время демонстрации «Обозрения». Пришедших позже впускали в зал во время перерыва, по окончании показа хроники или с началом художественного фильма.[7]

Выпуски «Обозрения» военного времени различаются по длине, однако во всех случаях Геббельс следовал определенной формуле — героические портреты вождей и их приближенных, добротное освещение боевых действий, несколько трогательных историй, напористые марши и боевое настроение — все это составляло суть каждого нового выпуска DW. Геббельс был неизменно заинтересован в том, чтобы учиться у доступных ему зарубежных лент. Как-то раз он заметил, что советский фильм об обороне Ленинграда продемонстрировал весьма действенные, хорошо продуманные эпизоды, вызвавших у гражданского населения чувство сопричастности.[8] Разумеется, министр не упускал случая позаимствовать удачный лозунг или кинематографическую идею то у большевиков, то у Запада.

К 1939 году Йозеф Геббельс не только «перестроил» германский кинематограф, но и весьма успешно устранил любые письменные отклики, способные попасть под опре-

деление «критика». В рецензиях и отзывах на военную кинохронику Геббельс желал видеть нечто большее, чем просто похвалу своим идеям. Он требовал энтузиазма и получал его, даже если для этого ему приходилось поручать Фрицу Гипплеру написание подобных «откликов» и публикацию их в печати. Вот пример того, что желал видеть и слышать Геббельс. В 1940 году Ханс Йоахим Гизе написал: «Германское еженедельное кинообозрение явилось существенным вкладом в дело духовного возрождения нашей кинопромышленности. Тем самым оно сделало доступным для понимания всех слоев населения жизненно важную политическую необходимость мер по обеспечению лидерства, показывая, какие замечательные результаты могут принести эти меры, как в настоящем, так и в будущем».[9] Геббельс предупреждал о недопустимости использования для критики «Обозрения» пресыщенных интеллектуалов. Он не желал, чтобы отклики о его «творениях искусства» и «документальных фильмах» выходили из-под пера снобов, которые каждый день смотрели по новому фильму.[10] 5 августа 1942 года имевшая широкий круг читателей газета «Дойче Альгемайне Цайтунг» писала: «Достижения DW заслуживают особого упоминания». В 1943 году та же газета заявляла, что эти фильмы представляют особую ценность в деле политического и культурного просвещения.

Геббельс манипулировал прессой и другими, хотя и весьма сходными, способами. Он запретил публичное обсуждение материалов в первые месяцы русской кампании, однако этот необычный ход был предпринят исключительно по военным соображениям.[11] Вполне типичным явился приказ Геббельс от апреля 1940 года, когда министр велел Гипплеру написать об «Обозрении» статью, чтобы разъяснить, какие успехи были достигнуты в этой области.[12] В сентябре следующего года статс-секретарь Гуттерер, обратившись в Берлине к представителям прессы, заявил, что главной задачей «Еженедельного обозрения» является доведение до немецкого народа, а также до народов Европы, присоединившихся к нему в общей борьбе, «уникальных достижений вермахта».[13] Представители германской прессы раз в неделю собирались в кинозале министерства для

просмотра новых выпусков DW за несколько дней, а то и недель до выхода киножурнала на широкий экран. Когда Геббельс находил особенно удачным одобренный им накануне выпуск, то, обычно, отдавал распоряжение буквально на следующий день показать его представителям прессы. Министерство пропаганды поощряло работников кинопроката и писателей, заносивших впечатления о просмотренных ими выпусках «Обозрения» в свои произведения.[14] Один такой том, безусловно вдохновленный Геббельсом и командой «Обозрения», содержал стандартную похвалу: ...великое произведение искусства», «уникальная с технической точки зрения работа». Писатели Брауне и Кох пошли еще дальше, заявив в 1943 году, что зрители, приходившие на сеансы «Обозрения», желали получить не только информацию о войне, но и для того, «чтобы глубоко сопереживать происходящему на экране». Далее они спрашивали: «Как часто мы, глядя на экран, видели не просто лицо пехотинца М. или танкиста С., а скорее, вечный образ «неизвестного» немецкого солдата?».[15] Именно этого и добивался Геббельс.

Впечатляющие сцены сражений в DW и подобной ему кинодокументалистике свидетельствовали о техническом мастерстве работников рот пропаганды. В большинстве своем это были просто солдаты, которые нашли применение своим гражданским профессиям, став асами в съемке военных репортажей. Все они имели воинские звания и подчинялись суровому армейскому распорядку. Как сказал известный впоследствиии писатель Эрих Борхерт: «Мы, мои товарищи и я, отложили в сторону гражданскую одежду. Мы больше не репортеры и не редакторы, мы солдаты нового оружия фюрера: рот пропаганды.[16] Геббельс высоко отозвался о них в 1941 году: «Работник рот пропаганды вовсе не репортер в привычном смысле слова. Он в большей степени солдат. Кроме пистолета и связки гранат он носит при себе другое оружие: кинокамеру, проектор, блокнот для заметок и скамеечку для письма. Он прошел ту же подготовку, получил те же навыки, что и остальные солдаты, он ведет жизнь солдата, среди солдат, прекрасно знает их быт и привычки, потому что сам вращается в их гуще,

говорит тем же языком, испытывает те же чувства».[17] Профессионализм работников рот пропаганды, их мужество при выполнении возложенных на них задач в самой гуще сражения, разумеется, находили воплощение в высоком качестве, а следовательно и популярности выпусков DW, но и вели к высокому уровню потерь среди кинодокументалистов. Геббельс отзывался о них с высочайшей похвалой: «Никто, будь то друг или враг, не станет сомневаться, что теперь Германия располагает самой современной, самой надежной и самой быстрой военной кинодокументалистикой, чем кто-либо другой в мире. Будущее историческое описание этой войны еще прояснит, что послужило тому первейшей причиной. Сегодня же мы можем лишь с удовлетворением отметить этот факт, зная, что именно так сейчас обстоят дела и что так будет продолжаться до самого конца войны».[18]

Другие наблюдатели высказывают сходное мнение. Некий иностранный корреспондент отмечал в 1940 году, что один немецкий офицер сказал ему, будто победа над Францией стала возможной благодаря отчаянным кинооператорам и репортерам в солдатской форме, чьи бесстрашные подвиги частенько приносили им Железные кресты, радиокомментаторам, которые вели репортажи прямо из пекла сражений, и всем тем современным техническим средствам, что способны влиять на общественное мнение.[19] В 1943 году Людвиг Хайде заявлял: «Справедливая борьба немецкого народа – сама по себе лучший пропагандист. Задача состоит в том, чтобы довести эту идею до сознания всех и каждого. Эта задача стала посильной благодаря созданию средств пропаганды вермахта. Военный репортер теперь – это профессиональный солдат и товарищ по оружию...»[20]

Авантюристская внешняя политика Гитлера сделала войну неотвратимой уже после апреля 1938 года. В этом году ОКВ и министерство Геббельса пришли к соглашению, очертив свои индивидуальные сферы пропагандистской кампании. В результате этого в сентябре были организованы пять пропагандистских рот (Propagandakompanie, PK). Первым их серьезным заданием стало освещение об-

становки в Судетах, недавно оккупированных Германией. Заместитель фюрера Гесс и министр пропаганды Геббельс прекрасно понимали, что существование РК произведет на немецкую общественность благоприятное впечатление, и поэтому средства массовой информации были вынуждены признать наличие этих подразделений. Структура РК и распоряжения, которые они получали от ОКВ и министерства, составляли государственную тайну. Командир отделения РК находился в подчинении начальника штаба армии. В мирное время роты пропаганды считались моторизованным резервом вермахта. Их работа подразделялась на три категории – пропаганда для тыла, для действующей армии и против неприятеля. Каждая рота располагала разнообразным персоналом, насчитывающим около пятидесяти человек – от фотографов до радиотехников и лаборантов.[21] Планируя в июне 1939 года создание специальной РК Люфтваффе, штаб Гесса неустанно повторял, что партия отвечает за проверку «политической благонадежности» потенциальных работников РК. Пропагандистские службы рейха играли важную роль в проведении проверки на благонадежность, а само министерство отвечало за подбор кадров для подразделений РК.[22]

На начальном этапе войны в РК позволялось работать только тем, кто уже отслужил в вооруженных силах или прошел курс начальной военной подготовки. Исключение составляли только специалисты РК Люфтваффе, в случае если они высказывали желание в ближайшем будущем пройти курс подготовки, в особенности те, кто смыслил в авиации. Быстрый рост количества РК, в сочетании с хроническим недостатком кадров, привели к тому, что после 1942 года требования стали значительно мягче. Примерно 5-12 местных представительств отвечали за подбор кадров для местной РК, расположенной в мирное время на их территории. Когда же началась война, эти представительства были вынуждены по требованию свыше передать ОКВ кинотехнику и грузовики для использования их в РК. В мирное время партийные киноконторы отвечали за техническое обслуживание принадлежащего РК оборудования. Требования военного времени о приобретении для РК спе-

циальных видов оборудования, в котором те нуждались, направлялись в германскую студию пропаганды в Берлин-Лихтерфельде. Вооруженные силы содержали в Потсдаме главный центр подготовки кадров РК, а также центр проявления пленки, удобно располагавшийся в непосредственной близости от других средств массовой информации в центрс пропаганды. В Потсдаме донесения и репортажи РК и кинопленка готовились для просмотра военными цензорами и министерством пропаганды. К 1942 году РК различных подразделений вермахта остро нуждались в следующих специалистах: стенографистках, фотолаборантах, техниках, операторах (особенно для Кригсмарине), киномеханиках (для армии), техниках для работы со звукоусиливающей аппаратурой и радио.[23]

Геббельс проявлял огромный интерес к работе РК, ибо успех обширной фото и кинопропаганды его министерства зиждился именно на результатах работы этих людей.[24] По распоряжению Геббельса, командиры подразделений РК получали бюллетени с информацией «Для служебного пользования» и строгие предписания следить за тем, чтобы эти листки не попали в руки врага. Министр не имел полномочий давать прямые указания работникам РК, которые официально находились под началом отдела пропаганды вермахта, однако, обеспечивая РК этими бюллетенями, Геббельс надеялся повернуть их деятельность в нужное ему русло. Иногда он обращался с той или иной конкретной просьбой, например, он велел статс-секретарю Леопольду Гуттереру позаботиться о том, чтобы репортажи РК и отснятые киноматериалы содержали больше информации о немецких рабочих, занятых на фронте.[25] Эти рабочие были гражданскими лицами из «Организации Тодта», участвовавшими в возведении укреплений и других объектов. В то же время Геббельс ревностно следил за тем, чтобы никто другой из министров не пытался основать собственную пропагандистскую службу, и добился, что подобного не произошло. Фриц Тодт имел возможность лично убедиться в этом зимой 1940 года.

Комментарии и предложения Геббельса к новым выпускам DW имели для многих работников Promi силу зако-

на. К концу 1942 года стала вырисовываться окончательная структура киноподразделения министерства. Она нашла свое воплощение в организационном плане министерства, распространенном 1 ноября 1942 года. Доктор Гаст, старший советник Эберхард Фангауф и доктор Бакмайстер отвечали за координацию усилий цензуры и представителей ОКВ и министерства Геббельса. Вехтер, главный советник по вопросам, связанным с вооружением и строительством, контролировал репортажи РК и выпуски «Обозрения» с точки зрения этих вопросов. Специалисты в разных подразделениях министерства имели право подвергать киноматериалы тщательной проверке, дабы убедиться в том, что кинофрагменты не противоречат общей линии пропаганды, принятой по этим вопросам. Советник, профессор Штарлиц, работавший в отделе пропаганды, отвечал за цензурирование фильмов, рисунков, газет, театральных спектаклей, если тс имсли хотя бы малейшее отношение к «народности» (Volkstum), или германской нации. Советник Дитц, работавший в том же отделе под началом Бернадта и Гаста, отвечал за координацию деятельности всей команды DW. Работа над кинохроникой так или иначе затрагивала несколько подразделений министерства — это была коллективная ответственность, как в отношении материала как такового, так и его цензуры.[26] Военные цензоры ОКВ имели в министерстве последнее слово в определении того, что считать государственной тайной рейха. Все их изменения и предложения безоговорочно принимались и выполнялись.[27] Тем не менее, офицерам зачастую удавалось одержать верх лишь после долгих и ожесточенных споров с представителями министерства. Каждый новый выпуск DW был готов для проката в понедельник, однако, в зависимости от настроения Гитлера, в него могли быть внесены некоторые изменения.[28] До Сталинграда Гитлер следил за выпусками DW с величайшим интересом. Он часто просматривал хронику вместе с адъютантами и представителями штаба. Эти киносеансы обычно проходили в Берлине или Берхтесгадене, в понедельник вечером. В 1944 году просмотр кинохроники штабом перенесли на вечер вторника. К этому времени Гитлер потерял к кинохронике всякий интерес. Его

былой энтузиазм таял по мере того, как военные успехи рейха становились все более скромными. Работники киноподразделения министерства не сразу догадались, что Гитлер больше не просматривает хронику, которую исправно доставляли его адъютантам, хотя Геббельс заподозрил неладное еще в 1943 году. В конце апреля того года Геббельс понял, что что-то не так. Он намеревался посвятить большую часть последнего выпуска DW картинам зверств, совершенных большевиками над польскими офицерами в Катынском лесу, однако был вынужден уступить. Военным из ставки фюрера удалось выкинуть сюжет о Катыни из еженедельного выпуска. К сожалению, у фюрера не нашлось времени, чтобы лично просмотреть ролик.[29] На Вильгельмплатц выразили неудовольствие, когда работники Геббельса подтвердили, что сделанные в последнюю минуту поправки, внесенные, якобы, по распоряжению фюрера, на самом деле отражали мнение его адъютантов, вещавших от лица своего шефа и его штаба. Когда Хинкель и Геббельс обнаружили, что происходит в действительности, то поспешили положить этому конец, отказавшись принимать какие бы то ни было изменения, если они не исходили лично от Гитлера. Геббельс уже ощущал себя полноправным хозяином DW. В 1944 году Хассо фон Ведель, шеф отдела пропаганды вермахта, потребовал, чтобы министерство произвело замены персонала.[30] Он заявил, что DW якобы уделяет чрезмерное внимание Люфтваффе в ущерб остальной армии. Директор киноподразделения, статс-секретарь и министр выступили тотчас с заявлением, что фон Ведель не имел права вмешиваться в кадровую политику «Германского еженедельного кинообозрения».

УФА (акционерное общество Универсум-Фильм), часть империи Альфреда Гугенберга, в 1926 году выпустило свой первый немой киноролик под названием «Еженедельное обозрение». В следующем году УФА приобрело концерн кинохроники Дойлих-Вохе. Первый экранный выпуск «Обозрения» УФА (Tonwochenschau) вышел на экраны в сентябре 1930 года. по чистой случайности некое дурное предзнаменование явилось в том, что его премьера имела место всего за две недели до первого крупного успеха

нацистской партии на выборах. К 1933 году УФА выпустило 104 выпуска еженедельного обозрения. За эти годы нацистская партия первой додумалась использовать кинохронику для политической пропаганды.

Первая нацистская звуковая лента вышла 23 октября 1932 года в Мюнхене. В центре ее внимания была предвыборная кампания Гитлера, а сама лента называлась «Гитлер над Германией». Заголовок этот прекрасно передавал молниеносное вознесение Гитлера, когда его имя за один день облетело всю Германию. Нацисты стали политическими первопроходцами сразу в двух областях, объединив в этой ленте авиацию и кинематограф. Понимая возрастающую роль кино в политике, Геббельс содействовал созданию национал-социалистической ассоциации владельцев кинозалов.

После захвата власти нацистами влиятельная профессиональная газета «Фильм» писала, что последние выпуски DW порою волновали людей сильнее, чем художественные киноленты, перед которыми их показывали.[31] Ко времени прихода Гитлера к власти в подготовке DW было занято уже 98 работников и более пятидесяти полевых операторов. «Обозрения» выпускались партиями в сотни копий, попадали в прокат по всему рейху и демонстрировались в течение 12 недель. В среднем каждый выпуск собирал около шести миллионов зрителей. Растущая концентрация кинохроники и кинопромышленности с 1929 года и до возникновения «Третьего рейха» привела к тому, что сумели выжить лишь четыре компании по производству документальных фильмов. Операторы посылали отснятый материал в Берлин, где все эти четыре компании обменивались полученными пленками, которые лишь после этого редактировались, чтобы избежать повторений. Подобная «координация» существенно облегчила для Геббельса создание государственной монополии.

До конца 1940 года глава киноподразделения министерства направлял деятельность Центрального отдела Германского еженедельного кинообозрения, который выпускал DW. Этот отдел поглотил документальную студию УФА, что явилось частью замысла Геббельса слить воедино всю

киноиндустрию. В конце 1940 года бывший Центральный отдел заменило собой Германское еженедельное кинообозрение. Геббельс полагал, что изменение статуса «государственной монополии» на «частную кинокомпанию» позволит ему подмять под себя европейский рынок кинохроники и таким образом влиять на общественное мнение за рубежом. Документальные фильмы, в которых использовались материалы DW, создавались на многих языках и распространялись по всей Европе. К июню 1944 года на экраны 2540 кинотеатров за пределами Германии регулярно выходило «Зарубежное звуковое обозрение», собирая еженедельно в залах более 4,5 миллионов зрителей.

После реорганизации в 1940 году «Die Deutsche Wochenscau Gmbh» стало частью конгломерата УФА. Геббельс пытался нажиться на престиже марки УФА за рубежом. Собственно говоря, когда Геббельс между 1940 и 1942 годами занялся реорганизацией немецкой кинопромышленности, УФА уже целиком являлась госсобственностью. Совет директоров новой корпорации состоял из шести членов, четверо из которых были представителями УФА, и по одному от концернов «Тобис» и «Бавария». Фриц Гипплер, глава киноподразделения министерства, занимал пост председателя правления. По крайней мере двое из представителей УФА должны были также являться сотрудниками министерства пропаганды, а одному из них, согласно уставу, полагалось быть председателем совета директоров. Ответственными за выпуск DW были Генрих Релленберг и Фриц Тиц, а близкий сподвижник Геббельса, доктор Макс Винклер, держал в поле зрения финансовую сторону производства.[32]

Продолжительность и количество копий каждого из выпусков DW и в военное время отражали взлет, закат и крушение рейха. В 1939 году средняя продолжительность каждого выпуска равнялась 300-400 метров и демонстрационное время занимало около 12 минут. Настоятельная необходимость в подробном отражении покорения Франции в 1940 году привела к увеличению продолжительности некоторых выпусков DW до 1200 метров, а их демонстрационное время увеличилось соответственно до 40-45 минут.

Подобная ситуация имела место и в 1941 году, когда немцы, затаив дыхание, ожидали наглядного подтверждения успехов вермахта в России. К августу 1942 года продолжительность выпусков DW была 900 метров, то есть около получаса демонстрационного времени. В 1943 году DW достигло верхнего предела с точки зрения средней продолжительности выпусков – 1000 метров пленки, то есть около тридцати пяти минут демонстрационного времени. Поражение на фронте, бомбардировки союзников в сочетании с техническими проблемами снова сократили среднюю продолжительность выпусков DW, и к моменту высадки в Нормандии она составляла 600 метров. Когда же Гитлер предпринял против союзников последнее отчаянное наступление в Арденнах в декабре 1944 года, продолжительность DW составляла уже около 310 метров, то есть была даже короче, чем в довоенное время.

Успех DW частично являлся результатом старания министерства своевременно и с широким размахом выпускать кинохронику в прокат. Когда разразилась война, Геббельс прилагал все усилия, чтобы DW содержало материалы на злобу дня. Вот почему Центральный отдел DW настаивал на том, чтобы выпуски демонстрировались в прокате в течение примерно в два раза более короткого периода времени, чем это было принято раньше. Количество же копий каждого выпуска возросло примерно вдвое. В августе 1939 года в прокат поступало около 700 копий каждого нового DW.

К моменту падения Франции число копий возросло до 1500. В августе 1942 года требовалось около 2 миллионов метров отснятого материала, на основе которого готовились 2000 копий каждого нового выпуска DW. К моменту «Д дня» средняя продолжительность DW составляла приблизительно 66-67% от продолжительности выпусков 1942-45 годов, зато количество копий возросло до 2500. Частичный выход из строя немецкой транспортной сети, а также острая нехватка только что отснятого материала, не могли не сказаться в 1944 году на выпусках DW. В 1945 году резко сократилась длина и количество копий, а также заметно ухудшилось их качество. Более того, в 1945 году DW имело

на фронтах лишь 6 или 7 операторов, в то время как двумя годами раньше их насчитывалось от 15 до 25.[33]

Выпуски DW 1938 года являли собой продукт редактирования и монтажа около 3 тысяч метров киноматериалов. К началу войны их длина увеличилась до 15 тысяч метров. В дни падения Франции редакторам и монтажерам DW приходилось работать среди невиданного ранее изобилия. К ним поступало около 40 тысяч метров отснятых киноматериалов, которые следовало проявить и обработать, причем большинство из них – первоклассного качества. К декабрю 1944 года налицо было резкое истощение запаса киноматериалов. Теперь в месяц поступало только 7 миллионов метров пленки, вместо привычных 12. DW поглощала большую часть материалов, полученных от рот пропаганды и от гражданских операторов, ведь выпуски по-прежнему оставались еженедельными. Киноподразделение министерства располагало резервами необработанных киноматериалов в количестве около 100 миллионов метров, но они представляли собой НЗ на случай острейшего кризиса – например, на время бомбардировок, когда кинофабрики не имели возможности работать на полную мощность. Вермахт имел право пользоваться этим резервом для выпуска учебных фильмов для новобранцев фольксштурма (народного ополчения). Только для этих целей в 1944-45 годах потребовалось около 1,6 миллионов метров киноматериалов.

Экономия стала настоятельной необходимостью, и главные шаги в этом направлении были предприняты в декабре. Ежемесячные дотации вооруженным силам на киносъемку были урезаны 1 января 1945 года на 75%, экспорт сократился соответственно на 67%. Большая часть ежемесячной кинопродукции в количестве 7 миллионов метров оседало в кинопалате рейха, которая затем, в свою очередь, снабжала производителей DW необходимыми материалами.

Истинной подоплекой оскудевших субсидий вермахта, возможно, была уверенность в том, что вооруженные силы нуждались в киноматериалах для специальных, единовременных миссий. Предполагалось, что они могли получить

требуемые им пленки из специального резерва вместо того, чтобы заниматься их хранением, что в случае какого-нибудь наступления становилось затруднительным. Однако, в таком случае, попади пленки в хранилище, они тотчас окажутся исключенными из работы, а следовательно, уплывут из рук Геббельса. Трудности в транспортировке оправдывали еще одну статью экономии в использовании отснятых материалов. В конце декабря – начале января в прокат вышли только два выпуска DW вместо обычных трех. Одним только этим удалось сэкономить 140 тысяч метров пленки.[34] Все эти меры способствовали сохранению, пусть даже в урезанном виде, вполне жизнеспособного DW вплоть до последних недель «Третьего рейха».

Поразительная преданность Геббельса делу DW привела к тому, что министр оказался во все возрастающей оппозиции по отношению к вооруженным силам, которым требовались людские ресурсы, особенно после 1942 года. В начале того года директор киноподразделения предложил, чтобы министр добился от фюрера распоряжения, официально ставящего DW в категорию решающих военных факторов, и, таким образом, уберег технический персонал от массового призыва в армию. Увы, эта политика оказалась безуспешной, хотя официально режим безусловно относил DW к разряду «идеологического оружия». Когда в конце 1944 года правительство объявило, что все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет, способные носить оружие, подлежат призыву в фольксштурм, Геббельс продолжал с прежним упорством гнуть свою линию, настаивая на том, что следует сохранять киноматериалы и персонал, необходимые для производства DW. Ханс Хинкель, главный режиссер, работал в тандеме с министерскими координаторами кадров, пытаясь уберечь от падения в бездонный колодец вермахта и фольксштурма операторов, дикторов и монтажеров. В конце февраля 1945 года персонал DW узнал, что Геббельс намерен продолжать выпуск кинохроники «при любых обстоятельствах», а необходимые для этого людские ресурсы будут освобождены от призыва в фольксштурм.[35] Министр одержал победу, однако «Третий рейх» ненамного пережил последний выпуск DW.

Катастрофа, постигшая 6-ю армию под Сталинградом, началась 19 ноября 1942 года и закончилась 2 февраля 1943 года. Контраст между освещением битвы и пропагандистскими целями в использовании отснятых материалов, к которым стремился Геббельс, оказался разительным. В одном из самых значительных сюжетов за всю историю DW, в последние трагические недели битвы, Геббельс запретил упоминание самого слова «Сталинград» и даже южного сектора Восточного фронта.[36] В течение последней недели января зрители DW имели возможность лицезреть Гитлера, приветствующего румынского диктатора Антонеску, а также сцены боев на относительно спокойном «северном секторе» Восточного фронта. Однако на экране не появилось ни единого кадра, ни единой схемы, касающейся Сталинградской битвы. Проницательные наблюдатели, возможно, почувствовали важность визита Антонеску, поскольку глава правительства Румынии, по всей видимости, был особенно расстроен успехами Советов в южном секторе, где Красная Армия уничтожила большую часть 3-й и 4-й Румынских армий. Но сцены визита Антонеску говорили слишком о многом, и DW уделило меньше времени, чем обычно, освещению визита одного из любимых сателлитов Гитлера. Умолчание Сталинграда и борьбы 6-й армии было слишком многозначительно, поскольку поразительным образом контрастировало с прежними заявлениями ОКВ и в особенности самого Гитлера относительно предполагаемого успеха Германии под Сталинградом.

Выпуски DW, посвященные событиям последней недели января и первых дней февраля, обходили стороной положение в Сталинграде, однако уделяли повышенное внимание ситуации на других участках Восточного фронта. Следующие два выпуска DW вышли в прокат в феврале, но и в них не прозвучало ни единого слова о Сталинграде. Обращаясь с речью к фабричным рабочим, Геббельс сделал туманные намеки на военные неудачи, однако ни словом не обмолвился об уничтожении 6-й армии. Здесь существенную роль сыграло понимание Геббельсом

различия в воздействии на население разных видов средств пропаганды. Между 3 и 18 февраля Геббельс объявил трехнедельный траур по погибшей армии, широко используя с этой целью прессу и радио, и держал речь о «тотальной войне» перед фанатичной аудиторией в Шпортпаласте. Тем не менее, министр не счел нужным прибегать к использованию кинообозрения для освещения гибели 6-й армии и траура по ней. Вполне возможно, что изображение гибели всей армии произвело бы на публику гнетущее впечатление и способствовало появлению пораженческих настроений. Не исключено также, что Геббельс учитывал негативную реакцию европейских союзников и нейтральных стран, которые получали дублированные выпуски DW. Можно запугать целую нацию, подвинув ее на сопротивление и победу, однако, ни в коем случае, нельзя повергать ее в апатию и пораженчество. Выпуски DW этого периода показывали ледовые катки, переполненные счастливыми отпускниками, путевые заметки, живописные старинные городки и места вроде Айзенаха или Вартбургского замка.

Военные катастрофы осени и зимы 1942-43 годов коренным образом изменили сущность DW. Теперь ему пришлось приспосабливаться к отступлениям и поражениям, не теряя при этом, однако, своего бодрого триумфального настроения. В начале 1943 года адмирал Дениц заменил гросс-адмирала Редера на посту командующего германским флотом. Дениц был из подводников, и первые месяцы его командования совпали со значительными успехами немецких субмарин в борьбе против конвоев союзников. Геббельс полагал, что эти успехи задушат Великобританию и положат конец совместным англо-американским попыткам высадиться на континенте. Вот почему, вместо того, чтобы освещать трагедию Сталинграда, DW показывало Деница и Гитлера и подробно освещало события, разворачивавшиеся в Северной Атлантике. В марте, когда боевые операции подлодок достигли апогея своего успеха, Геббельс одобрительно заметил, что Дениц желал бы видеть на экранах больше материалов, посвященных флоту. Он также вполне к месту подчеркнул, что Эриху Редеру не доставало пропа-

гандистского чутья. Министр ни разу не похвалил того, кто впал в немилость Гитлера. В конце лета Геббельс все еще продолжал считать Деница «рассудительным, хладнокровным и расчетливым» офицером, хотя подводная кампания в Северной Атлантике в конце концов провалилась. Дениц уже к июлю перестал появляться на экране в качестве «звезды» DW, однако его все еще можно было увидеть то хоронящим героев войны и морских офицеров, то вещающим во весь голос о своей преданности Гитлеру и несгибаемой вере в победу.[37]

В 1943 году в выпусках DW замелькал Герман Геринг, как следствие уверенности Геббельса в том, что последний, несмотря на все свои неудачи, все еще представлял собой значительную и популярную фигуру, то есть был человеком, способным сыграть решающую роль в осуществлении планов тотальной войны. В конце 1943 года в одном из выпусков DW было показано посещение Герингом одного из городов в западной части Германии, «перенесшей тяжкие испытания». Последняя фраза представляла собой не что иное, как эвфемизм, за которым скрывался подвергшийся бомбардировке или даже разрушенный город. Кстати, сам город и картины разрушения на экран не попали, однако Геринг был одним из немногих высших нацистских чинов, кто время от времени посещал в 1943 году подвергшиеся бомбардировкам города. К 1944 году Геринг потерял большую часть своей притягательности в глазах Гитлера, Геббельса и всего немецкого народа и поэтому продолжал появляться на экране лишь в качестве оратора, произносящим скорбные речи на похоронах погибших асов Люфтваффе.[38]

Еще две фигуры появлялись в качестве «звезд» в выпусках DW зимой 1943 года. Один из них – Альфред Шпеер, министр оборонной промышленности, без которого Геббельс никак не мог обойтись в своих планах «тотальной войны»; он играл важную роль в выпусках DW в период между концом 1942 и началом 1944 года. Шпеер появился 30 января 1943 года на праздновании десятой годовщины прихода Гитлера к власти. Его видели на экране, сидящим рядом с Гиммлером, а Геббельс в это время зачитывал на

митинге в Шпортпаласте послание Гитлера. Лозунг – «Фюрер, отдай нам приказ, и мы выполним его» – стал лейтмотивом происходящего, а чтобы немецкого зрителя не посещали мрачные мысли, было строжайше запрещено даже намеком упоминать о событиях Сталинграда.

После этого на экране частенько появлялся Шпеер, как правило, осматривая фабрики, обращаясь к промышленникам и рабочим на собраниях Трудовой Палаты рейха или же присутствуя на крупных собраниях и митингах.

Когда война, вопреки всем обещаниям, не завершилась ни в 1940, ни в 1941 году, Геббельс понял, что для поднятия боевого духа требуется пропаганда успехов оборонной промышленности и, в особенности, нового оружия массового поражения. В этих областях работали два учреждения из его министерства – «отдел Шварц ван Берка» и «Рабочий штаб по пропаганде оружия». Этот штаб отвечал за связь с министерством оборонной промышленности и вооружений Альберта Шпеера.[39] Внушительные данные об успехах шпееровского министерства вдохновили Геббельса. Вопреки впечатлениям, высказанным Шпеером на суде и в двух его послевоенных книгах, он и его люди тесно сотрудничали с Геббельсом и RPL, пропагандируя вооружения. Геббельс пошел против Шпеера в 1944 году, когда почувствовал, что министр ввел его в заблуждение, обещая скорейшее появление «чудо-оружия». Кроме того, он завидовал Шпееру из-за дружбы последнего с Гиммлером, и поэтому вместе с Борманом и Гиммлером прилагал все усилия, чтобы очернить министра оборонной промышленности в глазах фюрера. Выбранная им тактика оказалась небезуспешной.

Роль, отведенная Шпееру DW, хотя и представлялась важной, бледнела по сравнению с тем образом, который Геббельс отвел для самого себя.[40] Начиная со Сталинграда и до конца войны, Йозеф неизменно оставался ключевой фигурой DW. Речь Геббельса 18 февраля 1943 года, посвященная тотальной войне, стала пиком красноречия в его военной карьере. Толпа в конце ее, поднявшись с мест, вдохновенно подхватила рефрен гимна – «Германия превыше всего». Уже к 1 марта 1943 года немецкие зрители имели

возможность лицезреть Геббельса в состоянии настоящего экстаза: министра, казалось, переполняла фанатичная воля к победе и ненависть к врагу. Он призывал всю нацию грудью встать на пути неприятеля и довести войну до победного конца. В течение последующих недель министр продолжал появляться на экранах, например, рядом с Гитлером, министром внутренних дел Фриком и Герингом, когда те отдавали последнюю дань павшим в День памяти героев, под аккомпанемент трогательной торжественной мелодии «Песни о хорошем товарище». Но даже если Геббельс и не появлялся на экране, зрители без труда могли почувствовать его решимость – например, в сценах, изображавших встречи министра с фабричными работницами в конце 1943 году. К этому времени большинство нацистских лидеров, включая самого Гитлера, уже давно боялись показаться на глаза народу, вследствие обрушившихся на рейх одна за другой катастроф. Геббельс же, тем не менее, продолжал частенько появляться среди солдат, рабочих и рядовых членов партии.

В конце войны министр пропаганды нанес визит фельдмаршалу Моделю, из уст которого услышал отчет о положении на Западном фронте. Кроме того, он обратился с речью к рабочим прифронтовых областей, говоря с ними как уроженец Рейнской области. Всякое появление Геббельса на людях было тщательно обставлено и срежиссировано, чтобы произвести впечатление на зрителя. Как-то раз во время его визита на запад, рабочие встали и в конце его речи запели «Стражу на Рейне».

После позора Сталинграда Гитлер практически превратился в отшельника и не показывался на глаза публике. Однако зрители DW видели, как он тепло приветствовал зимой 1943 года маршала Антонеску. В марте Гитлер почтил память павших в День памяти героев (Heldangedenktag) в Берлине, а затем приветствовал солдат, получивших ранения в обеих мировых войнах. Ставшие все более редкими появления Гитлера на публике привели к тому, что возросло значение выпусков DW в качестве «наглядного примера агитации».[41] Неудачная попытка покушения на Гитлера 20 июля 1944 года поставила создателям DW воистину труд-

нейшую задачу. Ведь только кадры кинохроники могли доказать напуганному, подозрительному или даже враждебно настроенному зрителю, что Гитлер жив, хотя и не совсем здоров, что «провидение» снова сохранило ему жизнь для исполнения возложенных на него всемирно-исторических задач. Тем не менее, снимая Гитлера в 1944 году, авторы DW были вынуждены показать на экране рано состарившегося человека, явно имевшего серьезные проблемы со здоровьем. Несмотря на тщательно отредактированные и смонтированные сцены, Гитлер наверняка производил в августе 1944 года удручающее впечатление на зрителей, видевших фюрера на киноэкране.

DW показывало встречу Гитлера и Муссолини в ставке фюрера в Восточной Пруссии вскоре после покушения. Более того, немецкому зрителю была предоставлена возможность видеть прощание обеих вождей. Хотя главные действующие лица об этом не догадывались, это была их последняя встреча. Несколько недель спустя Гитлер навестил тяжелораненных жертв заговора, пострадавших от взрыва бомбы 20 июля.

Режиссеры DW сделали упор на окружавший Гитлера восторженный медицинский персонал, когда тот утешал в госпитале пострадавших, однако даже эта уловка не могла скрыть от зрителя нетвердую походку, одутловатое лицо и потасканный внешний облик фюрера. Тем не менее, DW продолжало реанимировать гитлеровский миф до самой весны 1945 года, когда на экран вышли последние куцые ролики, в которых были кадры, посвященные фюреру.

DW сыграло ведущую роль в создании нацистского мифа о героическом самопожертвовании. В конце 1944 года в одном из выпусков DW можно было увидеть огромные толпы членов гитлерюгенда, добровольцами уходивших на фронт. Класс 1928 года рождения особенно отличился своей преданностью фюреру и нации.[42] В одной из своих наиболее мощных по воздействию сцен DW верно уловило юношеский идеализм и пафос. Тысячи юношей стояли в строю, а громкоговорители над площадью бес-

страстно сообщали статистические данные об огромном числе подростков, изъявивших готовность сражаться за фюрера и Фатерланд. Эта готовность стоять до конца стала наглядным доказательством заявлению, сделанным одним безымянным рассказчиком из DW: «Я могу умереть, но чтобы стать рабом, чтобы видеть Германию порабощенной – этого мне не вынести!» И пока над площадью звучал бравурный марш, камера сосредоточилась на одном юном лице, символе национал-социалистического социализма и готовности пожертвовать собой (Opferbereitschaft). Эти кадры фильма были особенно проникновенными: оркестр играл «Наши знамена веют впереди нас» – трогательный гимн гитлерюгенда, память о светлых днях.

Подобные группы юных добровольцев натолкнули Гитлера на мысль продиктовать широко распространенное затем воззвание, навевающее воспоминания о более ранних, пугающе пророческих заявлениях Гитлера, заверявшего немецкую молодежь в своей преданности. В 1934 году он сказал членам гитлерюгенда: что бы ни случилось, они навечно связали свою судьбу с ним и Германией, ибо это поколение, по его словам, было «плотью от плоти и кровью от крови» нации.[43] Гитлер предупреждал молодых людей, что им не следует сдаваться перед лицом врага. На съезде НСДАП в Нюрнберге в 1936 году фюрер заявил: «Мы привыкли к борьбе, ибо мы из нее вышли. Мы будем непоколебимо стоять на земле и выстоим перед любой бурей. А вы будете стоять рядом со мной, если суждено настать такому часу».[44]

И вот теперь, 7 октября 1944 года этот час, кажется, настал. И снова на свет божий извлекли старую риторику, изображая преданность гитлерюгенда делу победы в цветистых выражениях, присущих нацистской пропаганде:

«Мой Гитлерюнгенд!

Я с радостью и гордостью узнал о вашем желании уйти на фронт добровольцами всем классом 1928 года рождения. И в этот решающий для рейха час, когда над нами нависла угроза ненавистного врага, вы дали нам всем вдохновляющий пример боевого духа и безоглядной преданности делу

победы, каких бы жертв это от вас не потребовало. Юношество нашего национал-социалистического движения как в тылу, так и на фронте, оправдало все ожидания нации. Ваши добровольцы дали нам нагляднейшее доказательство своей преданности и непоколебимой воли к победе тем, что служат в подразделениях «Гитлерюгенд»*, «Великая Германия» и фолксгренадеров, а также как бойцы во всех родах войск вооруженных сил. Понимание необходимости этой борьбы переполняет сегодня умы и сердца всей немецкой нации, и в особенности – молодежь. Нам известны планы врагов, направленные на безжалостное уничтожение Германии. Именно по этой причине мы будем сражаться еще более преданно во имя рейха, в котором вы сможете с честью трудиться и жить. Однако, будучи юными бойцами национал-социализма, вы должны проявить даже в большей степени, чем остальная часть нации, свою выдержку, упорство и непоколебимость. Жертвы, принесенные нашим героическим юным поколением, найдут свое воплощение в победе, которая обеспечит нашему народу, национал-социалистическому рейху гордое и свободное развитие.

Адольф Гитлер.

Ставка фюрера, 7 октября 1944 года».[45]

Двенадцатью днями раньше Гитлер распорядился создать фольксштурм, который должен был стать «народной армией» под знаменами вермахта, однако вдохновляемой радикальной национал-социалистической идеологией и руководством. Само название фольксштурм, как предполагалось, должно было вызвать воспоминания о резервных подразделениях и добровольцах 1813 года, когда, согласно народному преданию, весь немецкий народ поднялся против французов и изгнал их из пределов рейха.[46] Именно по этой причине Генрих Гиммлер предложил приурочить создание фольксштурма к 18 октября 1944 года, годовщине состоявшейся в этот день в 1913 году под Лейпцигом знаменитой «Битвы народов». Гиммлер зачитал декрет Гитле-

---

* 12-я танковая дивизия СС (прим. ред.)

ра, и это событие положило начало семимесячной неустанной пропаганде фольксштурма в германских средствах массовой информации и «народного просвещения». Перерывы, вызванные бомбардировками, помешали команде создателей DW заснять Гиммлера на пленку в момент зачитывания декрета.[47] Растерянный, едва ли не извиняющийся тон переписки министерства пропаганды по поводу этого события наводит на мысли, что некоторые высшие нацистские чины, как Гиммлер и гауляйтер Мюнхена Тисслер, были вне себя от злости из-за оплошности DW. Каким бы серьезным не было это упущение, выпуски DW последующих трех месяцев с размахом демонстрировали зрителю «подъем нации, приближение бури», – так Геббельс окрестил народ с оружием в руках, фольксштурм.[48]

DW изображала фольксштурм как взрыв национал-социалистического энтузиазма и воли к сопротивлению. На экране зрителям представали огромные взволнованные толпы, произносящие клятву бойцов фольксштурма. В каком-то из восточных округов, высоко над публикой висели транспаранты с начертанными на них лозунгом: «Народ поднимается, разразится буря!» Гиммлер и Геббельс бахвалились, что подобные митинги докажут, по выражению Гитлера, «нашим заклятым врагам», что Германия по-прежнему обладает людскими и материальными ресурсами. Гауляйтеры, вожаки СА и гитлерюгенда, маршировали на экранах кинотеатров вместе с бойцами фольксштурма как наглядное доказательство тому, что вся страна поднялась с оружием в руках. Вполне допустимо, что всего лишь за два месяца своего существования фольксштурм вдохновлял немецкий народ в его безнадежном патриотическом порыве в войне. Впервые полезными себя почувствовали даже пожилые мужчины. В ход пошел и юношеский идеализм. Дух товарищества, спорадической боевой подготовки способствовал появлению чувства избранности. И все же вскоре началось недовольство, особенно после провала в конце декабря гитлеровского наступления в Арденнах. Вермахт не питал особого доверия к фольксштурму, и к тому же, не располагал достаточным количеством оружия, центрами подготовки и даже фор-

мой, необходимой для вновь созданных подразделений. DW пыталось убедить немецкий народ в обратном. Согласно DW, фольксштурм был прекрасно оснащен, однако даже самый доверчивый или фанатично преданный зритель, наверняка, прекрасно видел, что вместо формы бойцы фольксштурма носят нарукавные повязки, и часто, отправляясь воевать с большевиками или англо-американцами, вооружены охотничьими ружьями или пистолетами. Предполагалось, что их основная задача противостоять большевистским танкам, и поэтому бойцы были вооружены также противотанковыми гранатометами (Panzerfaust). Однако каким образом старик или же юноша, пройдя короткий, всего в пару недель курс подготовки, мог с фаустпатроном в руке преградить на востоке путь наступлению большевиков, если это было не по силам даже несокрушимому вермахту? В ответ на подобный вопрос национал-социалисты наверняка заявили бы, что несгибаемая воля к победе и готовность к самопожертвованию компенсируют недостаток опыта во владении оружием.

Удачный момент для пропаганды фольксштурма подвернулся в воскресенье 12 ноября 1944 года. В этот день все вновь призванные бойцы фольксштурма были приведены к присяге на верность Гитлеру и рейху. Церемония принятия присяги первоначально планировалась на 9 ноября, когда отмечалась годовщина смерти нацистских мучеников в 1923 году, однако Геббельс решил, что воскресенье 12 ноября было бы предпочтительней с точки зрения организации и участия масс. Самая внушительная из этих церемоний должна была состояться в Берлине, где Геббельс был гауляйтером, Комиссаром обороны рейха и Защитником Берлина. Это событие планировалось до мелочей.[49] DW уделило этой церемонии большую часть экранного времени, хотя она и происходила на мрачном фоне холодного, промозглого берлинского дня. Лицо Геббельса излучало какой-то мрачный фанатизм, пока он зачитывал собравшимся на площади бойцам текст присяги. И хотя министр в тот день страдал от простуды, даже это обстоятельство не помешало ему вступить в роли поэта народного патриотического движения. Приведение к присяге берлинских отрядов

фольксштурма явилось, пожалуй, самым близким отголоском довоенных мюнхенских митингов, каких рейх давно уже не видел. Музыка, массы людей, фанатичные речи, руки, вскинутые в клятвенном жесте, все это стало отличительной чертой того давно канувшего в вечность берлинского дня.[50]

Церемония началась в половине десятого утра, когда Геббельс появился на балконе, выходящем на Вильгельмплатц, и оркестр грянул: «Мы маршируем по Большому Берлину», песню «эры борьбы». Под звуки фанфар прозвучала команда: «Берлинский фольксштурм, внимание! Поднять штандарты и знамена! Равнение направо». Глава берлинского штаба СА, обергруппенфюрер Гренц, крикнул «Хайль фольксштурм!» В ответ прозвучало: «Хайль Гитлер!» Затем последовала короткая музыкальная пауза, прелюдия к чествованию павших в бою, после чего была отдана команда: «Берлинский фольксштурм! Внимание! Поднять штандарты и знамена! Опустить знамена». Этим были отданы почести павшим, а оркестр играл «Песню о хорошем товарище». Временно председательствующим был заместитель гауляйтера. Полнейшее воплощение национал-социалистической романтики достигло своей кульминации, когда бразды правления взял в свои руки Геббельс. Последовала команда: «Поднять штандарты и знамена! Вольно!» После чего грянули бравурные аккорды песни «Народ, к оружию». Затем последовала новая команда: «Берлинский фольксштурм, приготовиться к принятию присяги! Поднять штандарты и знамена!» Гренц зачитал текст присяги, а затем Геббельс обратился к заполнившим площадь бойцам, превознося фюрера, после чего оркестр исполнил оба национальных гимна. Министр особенно был горд тем, что 41-я бригада берлинского фольксштурма целиком состояла из сотрудников его министерства, которые, тем самым, демонстрировали свою преданность идее тотальной мобилизации. Геббельс приступил к формированию этой бригады задолго до появления фольксштурма как такового. А поскольку Геббельс и его коллеги придавали своей пропагандистской деятельности первостепенное значение, то возникло известное противоречие, и в 1945 году многие из

сотрудников министерства продолжали подавать прошения об отсрочке их призыва в действующую армию или фольксштурм.

Пропаганда фольксштурма стала идеологическим воплощением фанатичного сопротивления Германии наступлению союзников. Движение «Фольксопфер» («Народных пожертвований») явилось попыткой сбора одежды и других полезных вещей для бойцов фольксштурма на фронте. Взывающие со стен плакаты и агитационные листовки были наглядным примером бесчисленных обращений к нации. В них повторялась одна и та же мысль: «Durchhalten!» (Выстоим!), «Спасем наших женщин и детей от красных чудовищ», «Во имя свободы и жизни — Германский фольксштурм!», «Закалим наши сердца!» Плакаты эти часто изображали старика и юношу с нарукавными повязками фольксштурма, готовых давать отпор ненавистному врагу до последней (а иногда и единственной) пули. фольксштурм представлял собой не что иное, как на скорую руку сколоченное народное ополчение, не оказавшее никакого влияния на ход военных действий. Однако как символ, фольксштурм дал Геббельсу и его сотрудникам свежую тему и новые пропагандистские возможности, особенно для прессы, плакатов и выпусков кинохроники.[51]

Фольксштурм явился безнадежной попыткой вернуться к теме Германского наследия, последней спасительной соломинкой, способной снова зажечь в немецком народе волю к сопротивлению и победе. Нацистский культ смерти, преходящий характер жизни и повиновения, с его романтикой и мрачной сентиментальностью, лежал в основе того героического пафоса, что пронизывал сцены, изображавшие старика и юношу, готовых стоять до конца в последнем, безнадежном усилии. И все же эта столь искусно подогреваемая эйфория провалилась, испарившись словно ее не было, уже в начале января 1945 года. Геббельсу и работникам СД оставалось только перебирать многочисленные донесения, в которых говорилось о том, что гражданское население сильно напугано приближением союзников. Дело в том, что многих мучил вопрос, не будут ли бойцы фольксштурма, попав в руки союзников, расстреливаться прямо на

месте, несмотря на тот факт, что на них нет военной формы, как то предписывалось Женевской конвенцией.

В течение последних трех лет войны DW уделяло большое количество времени и разнообразным сюжетам смерти и повиновения... Героические образы павших вождей, которым отдавали последнюю честь титаны «Третьего рейха», нередко становились ведущей темой выпуска. Государственные или партийные похороны предоставляли DW прекрасную возможность продемонстрировать нерушимое единство партии, государства и вермахта. Эти сцены воздействовали на аудиторию посредством музыки, которая, как считалось, затрагивала сокровенные струны каждой немецкой души – будь то героические аккорды «Хоэнфридбергского марша» или же печальная и проникновенная «Песня о хорошем товарище». К 1944 году эти заупокойные зрелища превратились в обещания бессмертия для всей нации. «Победа через веру» (Sieg durch Glauben) – этот лозунг достигал грандиозного эмоционального воздействия на сердца и умы людей удачным сочетанием видеоряда и музыки. Гармония устремлений всех без исключения членов сражающейся германской нации стала едва ли не религиозной темой, как по содержанию, так и внешнему исполнению. Таким же образом нацистская элита вытащила на свет традиции, которые для многих немцев остались дорогими сердцу символами прошлого. Кроме того, элита беспрестанно занималась отданием последних почестей павшим, создала на этих заупокойных спектаклях образ собственного бессмертия.

Первое проявление этого военного культа имело место осенью 1939 года. Вечером 8 ноября Адольф Гитлер прибыл в Мюнхен на встречу со старой гвардией из числа партийных бойцов в подвальчике Бергенбройкеллер, где в 1923 году состоялась неудачная попытка государственного переворота. Вскоре после того, как Гитлер покинул здание, в нем взорвалась бомба. В результате взрыва погибло семеро «старых борцов». DW уделило также большое количество экранного времени церемонии 9 ноября, тради-

ционному священному дню нацистского календаря. Рудольф Гесс представлял Гитлера у памятника шестнадцати «мученикам» 1923 года, возлагая в полдень венок у места их «Вечного успокоения». Церемония 9 ноября 1939 года, казалось, была исполнена особого смысла вследствие удивительного спасения фюрера предыдущим вечером. И пока Гесс отдавал дань павшим, «старая гвардия» в «последний раз» выстроила свои ряды, а мертвые, «все еще незримо марширующие» в их рядах, выслушивали панегирики от имени партии под торжественные героические аккорды марша «Песня о Хорсте Весселе». Эти мертвые воплощали собой «вечную гвардию» национал-социалистического движения: рядом с именами шестнадцати погибших было начертано слово «здесь» (hier). DW удалось прекрасно уловить дух этого события, тему, которая появилась в виде надписи на другом камне: «И все-таки вы победили».[52] Полная неизвестности и тревоги первая военная зима, мрачно нависшая над всей нацией, придала этому чествованию особый смысл.

DW вернулось к церемонии похорон через два дня. Гитлер, с традиционной повязкой на руке, вернулся в Мюнхен, чтобы отдать последнюю дань новым мученикам движения. Он выразил свое глубочайшее соболезнование родным и близким погибших членов партии. При этом ему удалось мастерски изобразить глубочайшую скорбь и героическую решимость, впрочем, он уже давно этому научился. Похоронная процессия торжественно двигалась к кладбищу по улицам Мюнхена: перед каждым гробом офицеры несли подушечки с наградами погибших, а оркестр исполнял медленную симфоническую версию «Хорста Весселя». Оратор закончил свою заупокойную речь на относительно оптимистической ноте: «Эти люди стали обагренными кровью свидетелями борьбы за новую, свободную Германию».

К 1942 году министерство пропаганды и сотрудники DW достигли еще больших успехов, сосредоточив внимание на отдельных человеческих трагедиях. 12 февраля 1942 года Гитлер лично превозносил покойного доктора Фрица Тодта, министра оборонной промышленности, погибшего

в таинственной авиакатастрофе. Геббельсовское министерство сделалось генеральным подрядчиком для всех государственных и партийных похорон, и поэтому именно оно написало сценарий прощальной церемонии с Фрицом Тодтом, которая состоялась в Мозаичном зале новой рейхсканцелярии. Сам Гитлер со скорбным, страдальческим видом утешал взрослых и детей. Непосильные трудности суровой русской зимы придали этому событию дополнительный, трагический оттенок. Зрители должны были уловить символический смысл поступков и гибели Фрица Тодта как воплощения усилий немецкого солдата от Восточного фронта до Африки, от Ла Манша до Северной Атлантики. Министерство пропаганды одобрило музыку к этому спектаклю, включая «Похоронный марш» из «Сумерек Богов» Вагнера, «Песню о хорошем товарище» (она исполнялась, когда Гитлер возлагал венок к саркофагу), оба национальных гимна — «Германия превыше всего» и «Выше знамена!»[53]

Гитлер в последний раз появился на экране DW в качестве оратора на похоронах 7 мая 1943 года, обращаясь к пришедшим почтить память Виктора Лютце, начальника штаба СА, погибшего в автомобильной катастрофе. Лютце почти не обладал реальной властью, однако Гитлер помнил его преданность до и после чистки СА от Эрнста Рема и других несогласных с политикой фюрера лидеров в 1934 году. Геббельс произнес долгую хвалебную речь и возложил от имени Гитлера венок к гробу покойного. Лютце удостоился «прощального приветствия», а оркестр в это время исполнял «Похоронную музыку Зигфрида».[54] Геббельс никогда не допускал, чтобы голоса участников портили производимый эффект, несмотря на частые жалобы зрителей, желавших услышать голос фюрера. Для достижения желаемого результата Геббельсу было достаточно видеоряда и музыки. Один из наиболее интересных похоронных спектаклей режима был разыгран на экранах немецких кинотеатров в конце полного неудач 1944 года. Начиная с 1941 года самоубийства среди высшего офицерского состава, в особенности в Люфтваффе, превратились в угрожающую закономерность. И если покойный офицер был довольно

высокого ранга, то государство не только замалчивало истинную причину его смерти, но и устраивало для него тщательно отрепетированные похороны, настоящий спектакль, попадавший в DW. Гитлер подозревал Эрвина Роммеля в соучастии в заговоре 20 июлю 1944 года с целью покушения на свою жизнь. Роммель, испытывая постоянное давление со стороны режима, покончил жизнь самоубийством 14 октября и тем самым уберег себя и свою семью от более печальной участи. Геббельс и DW превознесли Роммеля в глазах всей нации, теперь же Гитлер ниспровергал его! Как же удалось нацистам обратить смерть Роммеля себе на пользу? Планы на этот счет разработали еще до его гибели: он будет удостоен хорошо поставленных, волнующих государственных похорон, которые, в свою очередь, перекочуют в кадры DW и станут главным событием недели.[55] Будучи в этом абсолютно уверен, Гитлер сумел немного расслабиться и даже послал на следующий день поздравительную телеграмму королю Афганистана по поводу его дня рождения.

Оплакивание покойных в последние два с половиной года войны превратилось в «Третьем рейхе» в торжественный национальный культ. Эта деятельность, возможно, даже более, нежели все официальные лозунги о стойкости, преданности, возмездии и окончательной победе, несла в себе утешение многим немцам, и в особенности ее предводителям. Победа была чем-то призрачным, а вот празднование героической смерти каждого отдельного бойца способствовало утверждению того, что Адольф Гитлер называл «бессмертие» нации. Великая эпоха национал-социалистической скорби начиналась в течение трех дней траура по павшей под Сталинградом 6-й армии. Нигилистический культ смерти получал свое оправдание как знак непреходящего, вечного величия нации. Йозеф Геббельс умело манипулировал этими настроениями с помощью средств массовой информации и, тем самым, вносил свой вклад в мрачный фатализм и решимость германской нации. И тем не менее, Геббельс создавал памятник самому себе и национал-социализму даже тогда, когда отдавал последнюю дань погибшим мученикам или снимал на пленку государствен-

ные похороны. Каждый раз, когда его люди для придания выразительности церемонии прощания сочетали музыку и видеоряд, Геббельс своими искаженными воззрениями на веру и спасение писал собственную эпитафию. Геббельс желал себе то, что он обещал всей германской нации: победу в смерти.

7

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ НА СЛУЖБЕ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ: ЛЮДИ. ОРГАНИЗАЦИЯ. ТЕМЫ

Интерес Йозефа Геббельса к кино как средству массовой пропаганды распространялся буквально на все жанры: документалистику, художественные фильмы, короткометражные ленты и фильмы о путешествиях. Его власть над германской киноиндустрией военных лет является превосходным примером национал-социалистической доктрины координирования.

Геббельс не только выбирал сюжеты, актеров и режиссеров, но порой даже вносил свои изменения в сценарии. Файт Харлан — одна из ведущих ключевых фигур в среде кинематографистов -ставленников Геббельса, писал по окончании войны: «Главная роль в описываемой драме была сыграна не мной, а доктором Йозефом Геббельсом».[1] Комментарий Харлана — не что иное, как попытка обелить себя в том, что касается нацистской кинопропаганды, но какими бы ни были его побудительные мотивы, это действительно соответствовало истине. Как некогда заметил этот приближенный Геббельса: «До выхода на экран, любой немецкий фильм демонстрируется в просмотровом зале расположенного на Германгерингштрассе особняка».[2]

Еще в 1933 году Геббельс недвусмысленно дал понять сотрудникам гигантской кинокорпорации

УФА, что координация действий со стороны государства равносильна национал-социалистическому руководству.[3]

С тех пор кинематографу суждено было занять ведущее место в авангарде борьбы за «национальную культуру». Эмиграция кинематографистов-евреев и других антинацистски настроенных лиц значительно облегчила геббельсовскую задачу координации.

Оглядываясь на прошедшие шесть лет «марша в едином строю» (Gleichschaltung), в 1936 году Геббельс отметил, что режим мог бы довольствоваться безразличием и цензурой, но желал от киноиндустрии большего.[4] «Тотальное политическое формирование воли германской нации» требовало от правительства вступить в борьбу, используя средство, способное оказывать влияние на миллионы граждан. Кино следовало вырвать из рук анонимной группы людей и сделать «образовательным инструментом» в деле строительства нового рейха.

Разразившаяся вскоре война утвердила Геббельса во мнении, что кино несет общенациональную миссию. По его словам, «война подтвердила, что не хлебом единым жив человек, что разум и дух его жаждут духовной пищи, а также утешения».[5] Этот тезис постоянно подтверждался прессой: «Культурная жизнь в Германии развивается без всяких помех, потому что этому способствуют тяжелые испытания».[6]

На совещаниях министерства Геббельс постоянно настаивал на том, чтобы пресса всячески указывала «нации на значимость работы, что ведется в сфере культурной жизни германского общества военной поры».[7]

Имперский министр пропаганды неоднократно заявлял о своей вере в то, что функция кино заключается в наставлении, развлечении и отдыхе, но в политическом смысле этих понятий. «Даже развлечение имеет своей целью поднятие морального духа и помогает людям переносить тяготы военного времени».[8]

Исполненная противоречий личность испытывает трудности во всех областях жизни и работы. Это вполне справедливо можно отнести к доктору Геббельсу. В личной жизни он симпатизировал кое-каким новаторским тенден-

циям в киноискусстве: «Зачастую мы сильно перегружены традиционализмом и излишним пиететом. Мы колеблемся, стоит ли наряжать наше культурное наследие в модное платье. Таким образом оно остается архаичным и похожим на музей и лучше всего понимается в рядах партии, гитлерюгенда или DAF».[9]

Но все же, оставаясь национал-социалистом, Геббельс выступал против декаданса «веймарской» культуры и ее еврейских культуртрегеров, сжигал их творения и изгонял с работы и из страны. Две стороны натуры Геббельса находились в противоречии – тонкого знатока и ценителя авангарда и вожака народных масс. Пропагандист одерживал верх над киноэстетом, поскольку большую привлекательность представляла собой власть, и необходимость опровергать обвинения в том, что он был оторванным от масс интеллектуалом, заставляла Геббельса отвергать либеральные тенденции целостности художественного творчества. Даже когда он использовал экран в целях приближения идеализированных версий национал-социалистической идеологии, Геббельс поддавался фальшивому и порою неуклюжему буквализму. Обычно это сводилось к утверждению, что исторические киноэпопеи «основываются на исторических фактах».

С относительно независимыми продюсерами и режиссерами Геббельс поддерживал в целом неважные отношения. Начиная с 1934 года он находился в плохих отношениях со знаменитой актрисой, танцовщицей и режиссером Лени Рифеншталь. Тогдашний политический режим не чуждался мелочной мстительности: зимой 1943 года госпожа Рифеншталь обнаружила, что Борман и министерство пропаганды не позволяют ей пользоваться автомобилем и даже отказывают в карточках на бензин.[10]

Создание Имперской Кинопалаты (RFK) как составной части Имперской Палаты культуры было одной из первостепенных задач, которые Геббельс должен был решить в качестве министра. В ведении RFK находились четыре официальных органа печати: «Фильм» («Film»), «Немецкий фильм» («Deutsche Film»), «Решения Пробного управления» (цензурный список) и официальная ежеднев-

ная газета киноработников «Фильм-Курьер» («Film Kurier»). В начале 1942 года Борман потребовал для себя права предварительного одобрения всех важных указов Имперской Палаты культуры, но контроль над кино до самого конца войны осуществлял Геббельс. RFK руководили ответственные работники киноотдела министерства. Все секции RFK отвечали за осуществление приказов, которые Геббельс отдавал персоналу своего киноотдела.[11]

Фигурально выражаясь, киноотдел был головой, RFK – туловищем.[12] Киноотдел подразделялся на несколько главных административных отделов: кинопроизводства, кинодраматургии, цензуры, кинохроники и экспорта. Подотдел цензуры одобрял или отвергал сценарии и кинокартины. Геббельс достиг тотального цензурного контроля благодаря декрету Гитлера от 1935 года. Отдел цензуры работал удивительно продуктивно, рассмотрев только за декабрь 1939 и январь 1940 года 355 фильмов. При Геббельсе цензура приняла иные, помимо просмотра фильмов, формы. Он изобрел особые новые штампы одобрения, например, классификацию фильма как «ценного в политическом отношении». После 1936 года любая кинокритика в истинном смысле этого слова подавлялась.

Начало войны заставило министра пропаганды еще более сжать цензурные тиски.[13] К съемкам фильма невозможно было приступить, прежде чем отдел пропаганды, глава персонала RPL и главный цензор киноотдела не изучат сценарий.

Геббельс не верил в способности немецких режиссеров снимать добротные военные фильмы, отражавшие глобальные цели национал-социализма. Ему импонировали ленты, имевшие легко доступный для восприятия характер и даже юмористические, но отнюдь не неуклюжие, скучные проповеди. Именно по этой причине Геббельс распорядился, чтобы Гуттерер и Фишер работали в контакте с киноотделами.[14] Он предупредил продюсеров, чтобы те представляли свои сценарии в окончательной форме в киноотдел за месяц до того, как над получившим одобрение фильмом начнется работа. Военная цензура также представляла собой соблазнительный источник потенциальных доходов.

Геббельс неоднократно инструктировал подчиненных, чтобы они следили за тем, чтобы из обращения изымались американские фильмы – это стало практиковаться за два года до Пирл-Харбора. Геббельс как никогда был начеку и следил за тем, чтобы не возникло нездоровой конкуренции и в прокате господствовала немецкая (а позднее европейская) кинопродукция.

Образцовым национал-социалистическим киноадминистратором и продюсером был доктор Фриц Гипплер, директор киноотдела с 1939 по 1943 год, занимавший в 1942-43 годах пост имперского директора киноискусства.[15] Гипплер был еще одним молодым фанатичным национал-социалистом из окружения Геббельса. Он занял свой высокий пост в возрасте 30 лет. До этого Гипплер возглавлял центральный аппарат «Die Deutsche Wochenschau». В НСДАП он вступил подростком, в 1927 году. Его отец погиб на фронте в первую мировую войну и амбициозному юноше пришлось трудиться изо всех сил, чтобы любыми путями пробраться в средний класс раздираемой кризисом Германии. Избранной им стезей стал университет, и прежде чем его выгнали за пронацистскую деятельность, он успел поучиться в Берлине и Гейдельберге. Гипплер уверял, что причиной изгнания стала политическая речь, произнесенная им с балкона, на фоне развернутого нацистского знамени. Он окончательно расстался с надеждой на научную карьеру и посвятил себя исключительно пропагандистской и организационной работе в партийных массах. Гипплер стал вожаком студентов-нацистов в Берлине, где попался на глаза министру пропаганды доктору Йозефу Геббельсу. Ключевую роль Гипплер сыграл в позорной акции сожжения книг, состоявшейся 10 мая 1933 года, когда одетые в коричневые мундиры СА студенты предавали огню образчики «антигерманского духа».

Свое министерство Геббельс строил, опираясь на молодых «старых борцов» – амбициозных, фанатичных и грамотных, и, возможно, именно он побудил Гипплера вернуться в ставший теперь «управляемым» Гейдельбергский университет для получения докторской степени. Гипплер получил ее в 1934 году за эссе по политологии XIX века.

Вскоре он принял участие в нашумевшей дискуссии по поводу легализации мученика штурмовых отрядов Хорста Весселя. Консервативно настроенные студенты из высшего общества, верховодившие в университетских корпорациях и «братствах», пытались защитить свое привилегированное положение от национал-социалистических революционеров, утверждая, что Вессель принадлежал именно к их числу. Гипплер же подверг резкой критике это реакционной утверждение, заявляя, что смерть Хорста Весселя была смертью «героя, отдавшего свою жизнь за свободу». Он умер не из-за принадлежности к числу «корпорантов», а по причине того, что боролся за светлое будущее нового рейха. Михаэль Зигерт возражал, вспоминая, что Геббельс мог в сентябре 1933 года на время изъять из обращения полнометражный фильм о Весселе и внести в него изменения, потому что в нем делался чересчур сильный акцент на «корпоративную» принадлежность героя.[16] Вышеупомянутый факт имеет спорный характер; поскольку вполне известно, что Геббельс боялся, что фильм «Ханс Вестмар, один из многих: судьба Германии в 1929 году» мог демифологизировать главного героя-мученика нацистского движения.[17] Эрвин Ляйзер даже предположил, что фильм может с излишней симпатией изобразить коммунистическую оппозицию.[18] Однако это маловероятно, потому что фильм изображал «красных» в виде либо интриганов-евреев, либо заблуждающихся потенциальных нацистов. В добавление к сказанному, стоит отметить, что сотрудники УФА, снявшие этот фильм, явно не замечались в симпатиях к большевизму.

Геббельсу импонировал «радикальный» нацизм Фрица Гипплера и особенно то, что он выступал против Розенберга, стремясь взять искусство под свой контроль. Гипплер и группа его товарищей, среди которых был нацистский художник О.А.Шрайдер, отвергали «вильгельмианский», реакционный взгляд Розенберга на искусство. Они хотели развернуть кампанию против «дегенеративного» современного абстрактного искусства, но в то же время ратовали за некоторую свободу для «умеренных» экспрессионистов. Розенберг располагал достаточной властью, чтобы лишить

Гипплера его поста в национал-социалистическом студенческом союзе, но покровительства Геббельса было достаточно, чтобы гарантировать карьеру молодому национал-социалисту после его возвращения из Гейдельберга. В интеллектуальном труде Гипплера прослеживалось сильное влияние марксизма. Его обостренное чувство социальной несправедливости могло привести его к коммунизму. В Германии той поры Гипплер все-таки стал нацистом и даже пытался оправдать свой антисемитизм, давая ему «социальную» интерпретацию. Еврей не был плох сам по себе, но поскольку он не имел корней и был изолирован от общества, то являлся «абстрактным и изолированным». Таков гипплеровский взгляд на проблему образца 1934 года. В 1940 году его отношение к «еврейскому вопросу» приобрело жесткий и непристойный характер, сходный со взглядами Юлиуса Штрайхера.

Геббельс стал антисемитом-человеконенавистником в угоду Гитлеру, Гипплер стал таким ради Геббельса. Подобно Вернеру Науману, которого он во многом напоминал, Гипплер стал активным эсэсовцем. Следующим шагом в его восхождении по карьерной лестнице стало министерство пропаганды, но это не избавило его в 1943 году от гнева Геббельса, когда Гипплер утратил пост директора киноотдела в результате конфликта, возникшего по поводу сценария фильма «Мюнхаузен».

ХАНС ВЕСТМАР
Производство: Фольксдойче Фильм ГмБХ
Режиссер: Франц Венцлер
Сценарий: Ханс Хайнц Эверс
Исполнители главных ролей: Эмиль Локампф
Карла Бартель
Пауль Вегенер
Штурмовые отряды Берлина/Бранденбурга
Премьера: 13 декабря 1933 года.

Гипплер был не просто амбициозным карьеристом — он являлся фанатичным национал-социалистом, одержимым идеализмом. Ему хотелось оставить свой след как в теории, так и практике немецкого киноискусства, и он принимал деятельное участие в подготовке практикантов в Берлинской академии киноискусства и создании национал-социалистической киноэстетики.

Гипплер написал наиболее известный нацистский кинотрактат «Заметки о создании фильма», выдержавший по меньшей мере шесть изданий в период между 1940 и 1944 годами. Карл Фрелих — президент RFK и знаменитый актер Эмиль Яннингс, написали к книге хвалебное предисловие.

Гипплеру приходилось балансировать между своими притязаниями художника и пониманием того, что он работает и пишет для Йозефа Геббельса. Хотя Гипплер и уверял, что государство не вмешивается в «практическую творческую работу над фильмами» и что «Третий рейх», подобно любому обществу, проявляет интерес ко всем проблемам творческих работников. Теоретические построения Гипплера давали техническую свободу режиссеру, но основывали его «внутреннюю свободу» на соответствии государственным интересам и целям. Автор по-своему дистанцировался от геббельсовского метода, позволявшего министру самовольно вмешиваться даже в «практическую творческую киноработу», как это было прекрасно известно Гипплеру.

Возможно, что выражая свои слегка диссидентские взгляды, Гипплер пытался восстановить самоуважение, которое полностью отсутствовало у сотрудников Геббельса. Фриц Гипплер выполнил несколько самых гнусных заданий своего шефа — в том числе отвратительный антисемитский «документальный» фильм «Вечный жид».

В значительной степени трактат Гипплера выражал более научным языком концепцию Геббельса кино и его задачи — воспитание масс, восхваление истории посредством ее идеализации, и восхвалял фильмы, снятые в новой Германии. «Кино было и остается самой важной разновидностью прикладного искусства, способной охватить наибольшее

число людей», – писал Гипплер. Он верил, что кино является истинно «народным искусством».[19]

Подобными ханжескими словами Гипплер отражал эстетику Геббельса и особенно не скрывал истинных намерений НСДАП относительно киноискусства. В 1939 году Геббельс объявил, что Гипплер будет руководить киноотделом министерства. Предыдущий киноопыт последнего ограничивался примитивными пропагандистскими короткометражками.

Во время второй мировой войны Ханс Хинкель неуклонно расширял свое влияние на культурную жизнь Германии. В конечном итоге он сменил Гипплера на посту директора киноотдела и главного директора Имперского кино.

Ханс Хинкель родился в 1901 году в Вормсе, в семье преуспевающего промышленника. Обладая неугомонным характером, он крайне тяжело пережил поражение Германии в первой мировой войне и посему относился к французам со жгучей ненавистью. Годы учения так и не определили характера его будущей профессии, но чрезмерный национализм и не изжитый до конца жизни инфантилизм привели его в Мюнхен, где в 1921 году, в самые первые дни существования НСДАП, Хинкель вступил в ее ряды. Поднабравшись некоторого опыта газетной работы, он исполнял после 1928 года в нескольких нацистских газетах обязанности редактора. Хинкель попал в редакционную коллегию «Фёлькишер Беобахтер», а в 1930 году стал членом рейхстага. После прихода нацистов к власти Хинкель занял пост государственного комиссара Пруссии по науке, искусству и народному образованию.

Он был яростным антисемитом и после 1933 года рассматривал свою работу исключительно как миссию по поиску и искоренению «еврейского» влияния в немецкой культуре. В этом качестве Хинкель стал «специальным комиссаром» Йозефа Геббельса. В глазах немецких деятелей искусства Хинкель был весьма зловещей фигурой, поскольку одна из его обязанностей в роли главы отдела «деятелей культуры» заключалась в проверке заявлений о благонадежности тысяч мужчин и женщин. Хинкеля особенно интере-

совали евреи. Он внес весомый вклад в осуществление «окончательного решения еврейского вопроса», передавая полученную им информацию соответствующим подразделениям СС и полиции. Аппарат Хинкеля переименовали в 1939 году в «Специальные задачи культуры», а затем — в «Генеральное агентство по вопросам Имперской палаты культуры».

По словам Вилли А. Бельке, «поскольку Хинкель являлся коммерческим директором RKK в должности генерального секретаря RKK, последняя, соответственно, стала отделом министерства посредством личного союза двух аппаратных ведомств».[20]

Геббельс высоко оценивал старания и преданность Хинкеля. Тот находился в близких отношениях и с Гиммлером. В последние месяцы войны новый начальник киноотдела усердно трудился с целью сохранения созданной Геббельсом кинематографической империи.

Главной фигурой в экономической и организационной деятельности геббельсовской киноимперии был доктор Макс Винклер, официальный советник Геббельса по вопросам финансов и производства. Реорганизация немецкой киноиндустрии завершилась зимой 1942 года. Геббельс и Винклер слили воедино различные студии и подразделения кинопроизводства и проката под эгидой кинокорпорации УФА, возникшей 10 января 1942 года с начальным капиталом в 65 миллионов рейхсмарок.[21]

Теперь УФА контролировала 17 германских киностудий и производственных центров, не говоря о многочисленных концернах, разбросанных по всей Европе. Немецкая киноиндустрия всецело находилась в руках государства в течение многих лет, но централизация и тотальный контроль теперь усилились. Реорганизация позволила претворить в жизнь стремление Геббельса добиться превосходства немецкого кино в Европе и даже во всем мире.

«UFA GmBH» была картелем, контролировавшем кинопроизводство, начиная с поставок кинопленки и заканчивая выпуском готового фильма и его прокатом. Все большее количество кинотеатров переходило в ее руки. УФА была высокодоходным предприятием, принесшим в 1943-

1944 годах прибыль в размере 10 миллионов рейхсмарок. Директоры студий-филиалов в Праге, Мюнхене, Вене были в известной степени недовольны винклеровской политикой централизации, но не в их силах было хоть как-то противостоять этому. Поскольку их зависимость от центра впоследствии приняла абсолютный характер, ворчание вскоре прекратилось совсем, и провинциальные студии продолжили послушно выполнять возложенные на них задачи. Тот факт, что они не подверглись бомбардировкам авиации союзников, подтвердил правильность выбора их местоположения, а кроме того способствовал росту местного патриотизма.

Уникальность пражской студии, например, заключалась в том, что она состояла из двух подразделений — немецкого и чешского.[22] Обстановка требовала сотрудничества между министерством пропаганды и наместником протектората Богемии и Моравии, Рейнхардом Гейдрихом. Такое соглашение было достигнуто осенью 1941 года. Оно предоставляло сторонам равные права в выборе персонала на высокие посты в аппарате пропаганды и средствах массовой информации на территории протектората.

Одним из самых прибыльных подразделений в рамках нового конгломерата УФА было Венское «Кинообщество с ограниченной отвстственностью», которое сообщило о прибыли почти в 6 миллионов рейхсмарок по состоянию на 30 ноября 1942 года.[23] Студия специализировалась на производстве фильмов «венского» романтического характера — это были фильмы-мюзиклы — неизменно слащаво-сентиментальные: «Летняя любовь», «Два счастливых народа», «Поздняя любовь», «Женщины — не ангелы».

Студия располагала возможностями снимать одновременно до дюжины фильмов. Это была работа буквально «на износ».

Несмотря на все успехи, призыв на военную службу технического персонала создал к лету 1941 года для венской киноиндустрии множество проблем. Было призвано 23% персонала. Студии удалось не сбиться с сумасшедшего ритма работы благодаря привлечению большого количества иностранных специалистов. В конце осени 1942 года в

армию призвали 25% персонала. Эта очевидная аномалия вполне объяснима, если вспомнить об огромном количестве иностранных техников, занятых на студии. Геббельс и Винклер рассматривали ее как форпост для завоевания германского господства на кинорынках юго-восточной Европы и, возможно, в перспективе даже – Италии. Одной из областей специализации Венской студии было производство таких фильмов, как например, «Возвращение», рассказывавшего о страданиях преследуемых коренным населением этнических немцев во враждебных им странах. Геббельс, очевидно, верил, что вполне логичен был выбор венцев на роль продюсеров фильмов о бывших австрийцах, обитавших на землях, граничивших с территориями Венгрии, Словении и Италии. В процессе работы над этими художественными фильмами они укрепляли бы свое немецкое этническое самосознание. Это касалось и их сограждан-земляков в Остмарке – бывшей Австрии.

В течение последнего месяца великой реорганизации УФА Йозеф Геббельс со злорадством сообщал об успехах в области кино: «Несмотря на войну, наше кино самым невероятным образом процветает. Все-таки разумно было с моей стороны несколько лет назад взять кино под опеку рейха! Было бы ужасно, если бы высокие прибыли, которые нам теперь приносит индустрия художественных фильмов, попадали в руки частников-предпринимателей».[24]

Самовосхваление министра достигло апогея 6 марта 1943 года, когда «светила» немецкого кино отпраздновали 25-ю годовщину создания УФА.[25]

Член Тайного Совета, Альфред Гугенберг, также присутствовал на празднике. По словам Геббельса, старик был польщен медалью, которой режим наградил его. Файт Харлан и Вольфганг Либенайнер стали профессорами. В этой связи стоит упомянуть и Людвига Клицша.

Клицш – директор-менеджер УФА прилагал все свои усилия, чтобы связать государственную монополию с фирмой, которую в 1917 году основал Эмиль Г. фон Штраус и которой впоследствии руководил Гугенберг. Может возникнуть вполне законный вопрос, испытал ли Гугенберг смешанные чувства, когда услышал заявление Клицша, о его

Йозеф Геббельс, произносящий свою самую главную речь. 18 февраля 1943 года, Берлин, «Шпортпаласт».

Доктор Геббельс и единство тыла и фронта. Министр принимает воинов СС и вермахта, героев битвы у Черкасс (Россия), где в начале 1944 года некоторым германским частям удалось прорвать линию фронта русских и избежать «маленького Сталинграда».

11 Зак. 337

На следующий день после речи Геббельса о тотальной войне все немецкие газеты вышли с заголовками в духе «С этого дня программа победы — закон жизни каждого немца!». «Признание народом тотальной войны». «Вера и воля — непоколебимы». «Общество борьбы». Иллюстрация показывает немца на фоне пламени войны. Но он, не смотря ни на что победит!

Гитлер и Мартин Борман. К 1943 году доступ к Гитлеру фактически осуществлялся лишь через Бормана.

Для целей пропаганды военных лет была мобилизована полиграфическая промышленность: обложка книги доктора Ландеса «За что сражается немецкий солдат?»

«Сотрем в пыль всех врагов Великой Германии!» Плакат начала II мировой войны. Рейх вдребезги разбивает французов, англичан и всемирное еврейство.

Памятуя об огромном пропагандистском успехе плакатов «Мьольнира» времен «Эры борьбы», Геббельс заказал Гансу Швайцеру выполнить плакаты как часть устрашающей антибольшевистской кампании «Победа большевизма».

«Тяжелые времена, упорный труд, крепкие сердца». Плакат времен «тотальной войны», датируемый 1943 годом. Его тема — единство фронта и тыла, объединенные усилия рабочих и солдат. Образ гражданского лица, берущего в руки оружие вместе с солдатом, послужил в дальнейшем, в конце 1944 года прообразом фольксштурма.

Плакат работы «Мьольнира» (Ганса Швайцера) «Тотальная война — самая быстрая».

Плакат работы Студии Германской пропаганды «Затемняйся враг видит свет в твоем окне!»

Плакат работы «Мьольнира», сделанный по заказу Главного управления министерства пропаганды. «Фронт и тыл — залог победы».

Портретный набросок морского фотографа.

Член Гитлерюгенда, 1933 год: обещание героизма и победы.

За год до создания Фольксштурма эти подростки принимали участие в обороне рейха. Они командовали зенитными батареями во время воздушных налетов неприятеля. На этом снимке дети присутствуют на похоронах нескольких своих товарищей, погибших во время бомбардировки. Пресса получила строжайшее запрещение использовать эту мрачную фотографию. Годом позже Геббельс, наоборот, призывал прессу прославлять жертвы, принесенные шестнадцатилетними «добровольцами».

«Мы поможем», — военная мобилизация Гитлерюгенда. В начале войны это был не более, чем пропагандистский лозунг, к 1944 году он стал реальностью.

Угроза на границах рейха предоставила членам СА возможность проявить себя в качестве инструкторов, обучающих ополченцев обращению с огнестрельным оружием.

«За свободу и жизнь: фольксштурм». Один из последних плакатов «Мьольнира» для RPL.

Рекламные афиши к фильму «Крещение огнем» — сочетание героизма, садизма и разрушения. Главный немецкий кинотеатр «УФА Паласт ам Цоо» часто использовался для проведения премьер важных фильмов.

В начале 1940 года МИД Германии выпустил книгу о зверствах поляков по отношению к этническим немцам, якобы павшим жертвами польского террора в Шулитце и Бромберге в 1939 году. Такого рода пропаганда, посвященная жестокостям, была редким явлением в геббельсовских средствах массовой информации. От подобных снимков отказывались вплоть до конца 1944 года, из боязни, что они могут подорвать мораль тружеников тыла в период русской компании.

Еще один способ довести до сведения немецкого народа теорию о славянской неполноценности. Немецкая женщина, обвиненная в интимной связи с поляком привязана к столбу вместе со своим любовником. Грех, совершенный ею — «расовое преступление».

Обложка книги «Мы начинаем концерт по заявкам для солдат Вермахта» Хайнца Гедике и Вильгельма Круга.

«Бисмарк». Изворотливый Наполеон III пытается расширить пределы Франции за счет Германии, но получает достойный отпор со стороны Отто фон Бисмарка, перехитрившего своего соперника.

Пронырливый, «ассимилировавшийся» еврей Зюсс Оппенгеймер использует нерешительного и корыстолюбивого герцога Вюртембергского для претворения в жизнь одной из своих махинаций.
Эти роли в фильме исполняли Фердинанд Мариан и Генрих Георге.

Вернер Краусс в роли Раввина Лейбы в кинокартине «Еврей Зюсс», антисемитском фильме, снятом за все время существования «Третьего рейха».

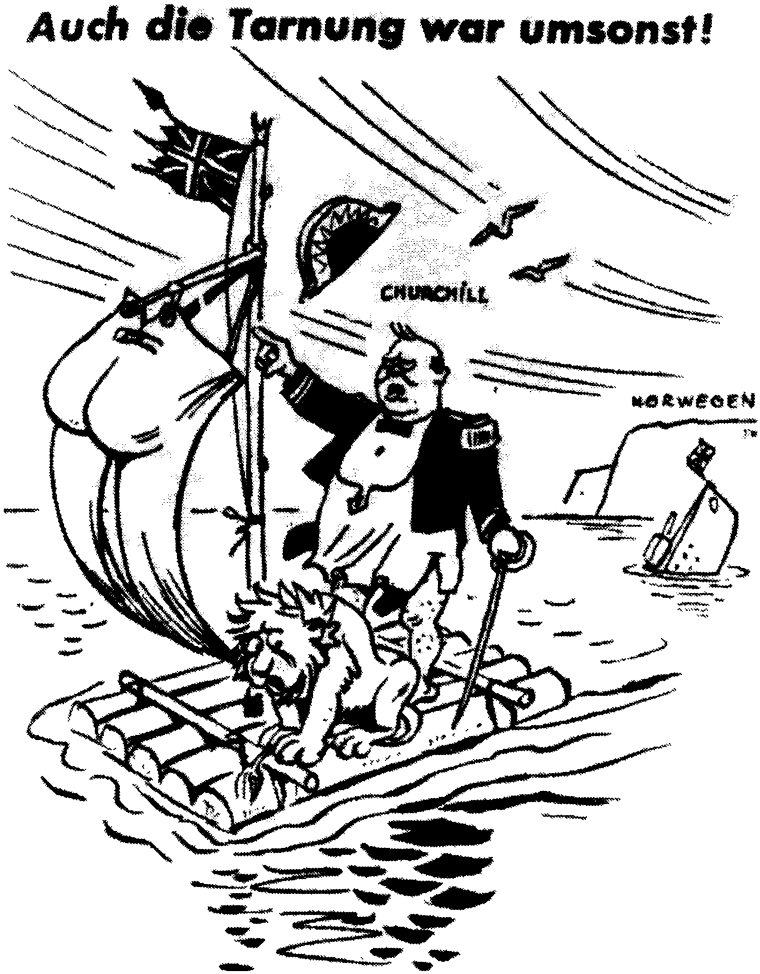
19 5311
R269K

Образ еврейско-большевистского поджигателя войны в довоенной книге «Сегодняшние поджигатели войны, какими они себя видят».

«За вражескими державами стоит еврей». Так нацисты объясняли причины создания антифашистской коалиции. Еврейский банкир-плутократ прячется за флагами Британии, Америки и Советской России.

«Еврей — поставщик войны, главный ее продолжатель».

«Еврей — разрушитель Европы». Полный ненависти маньяк, который движет действиями врагов Германии, упивается в безумном наслаждении видом горящих европейских городов. Этот плакат был создан в германской студии пропаганды, которая выполняла заказы министерства пропаганды.



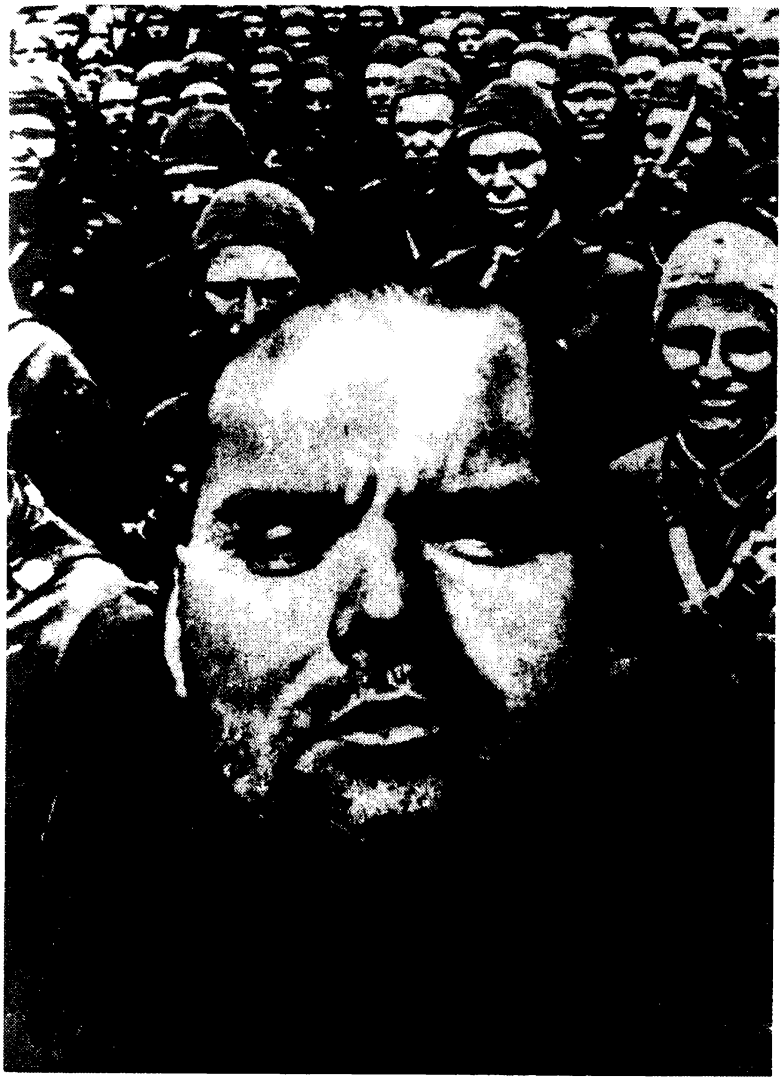
«Даже маскировка не помогла!» Карикатура на Черчилля. Весна 1940 г. Черчилль, потерпевший поражение в Норвегии, приказывает своему «геройскому» плоту следовать полным ходом в Средиземное море, где он и его изъеденный молью британский лев вне всяких сомнений встретятся с еще худшими катастрофами.

Bayerische Ostmark

Vom Nordkap bis zum Schwarzen
Die Kampffront gegen den Bol

Das Doppelspiel von Moskau entlarvt Rußland war jederzeit bereit, uns in den Rücken zu fallen Feindselige Truppenkonzentrationen und unerhörte Grenzverletzungen

Официальная газета НСДАП сообщает о вторжении в Россию — «Фронт борьбы против большевизма — от Нордкапа до Черного моря». «Двойная игра Москвы — разоблачена», «Россия была готова в любое время напасть на нас с тыла», «Концентрация вражеских войск на границе и неслыханные нарушения границы». (газета «Байерише Остмарк», Регенсбург и Байрейт).



«Недочеловек» — памфлет, изображавший евреев и представителей народов России низкоорганизованными существами, пригодными для использования лишь в качестве неквалифицированной рабочей силы или подлежащими уничтожению.

«На этот раз евреи не хотят рисковать. Они сделались офицерами, комиссарами, главными руководителями недочеловеков».

«О боже, спаси нас от этих ублюдков!»

Министерство пропаганды запрещало печатать такие снимки вплоть до конца 1944 года.

гордости тем, что Геббельс в 1942 году выбрал для нового кинокартеля название УФА. В присутствии таких знатных гостей, как Функ, Лей, Гипплер и Гуттерер, оратор принялся восхвалять Геббельса как «защитника немецкого кино», настоящего покровителя искусства в борьбе против еврейских и антигерманских влияний.

Несмотря на явную загруженность, имелись зловещие признаки, указывающие на серьезные проблемы, возникшие в немецкой киноиндустрии. План-график производства кинокартин 1940 года включал 81 фильм, а на следующий 1941 год – всего лишь 44.[26]

К 1942 году производство обычного художественного фильма обходилось в сумму примерно в три раза большую, чем в 1937-38 годах. Геббельс излучал оптимизм даже в частных беседах, но и ему пришлось обратить внимание на некоторые новые проблемы. Он отметил в своем дневнике: «Винклер доложил мне о состоянии, в котором сейчас находится кино. Следует обсудить большое количество кадровых вопросов. Министерство финансов пытается выжать нас, как губку, душит новыми налогами. Едва ли будет возможно создать какой-либо денежный резерв для решения задач, которые возникнут после войны. Однако Винклер – достаточно мудрый финансист и знает обо всем этом гораздо лучше всех этих бюрократов из министерства финансов.[27]

Высокий налог на прибыль, нехватка работников для решения технических и творческих задач, сбои и простои в производстве и прокате, вызванные бомбардировками, мобилизацией персонала, инфляция и дефицит кинопленки и киноаппаратов в течение двух последних лет войны «одарили» Геббельса, Винклера и Хинкеля огромным букетом новых проблем. И даже несмотря на то, что их решение ложилось на плечи государства, стоило ли снимать фильмы, если кинотеатры лежали в развалинах, а люди боялись покупать билеты в кино из страха попасть под бомбы?

Поэтому Геббельс теперь главным образом уделял внимание функционированию кинотеатров любой ценой. Кроме этого существовала возможность слить воедино все обо-

рудование кинофилиалов НСДАП. Ничто не могло отвлечь внимания министра от этих задач.

Центральное киноуправление (ALF) RPL, расположенное в Берлине, было подразделением национал-социалистической пропаганды, руководимым такими надежными нацистами, как Эберхард Фангауф, Карл Нойман и Курт Беллинг. Раскрывая в 1937 году содержание своей работы, публицист Беллинг писал, что ALF сделало кино достоянием миллионов немцев, не имевших кинотеатров в маленьких городах и сельской местности. Потенциальную аудиторию он приблизительно оценивал в 23 миллиона человек. Киноработа организовывалась вдоль иерархических линий НСДАП, сверху – вниз: провинциальный киноотдел, киноотдел гау, затем окружной и местный. Партийную киноработу охватила эпидемия проблем, подобно той, что обрушилась на организационную работу НСДАП. Гауляйтер обладал дисциплинарной властью над директором киноотдела гау, то же самое распространялось и на районный и местный уровни. Таким образом, каким бы активным ни был Берлинский отдел, киноработа на местном уровне зависела от деятельности политической организации НСДАП на всех уровнях. В 1937 году имелось 13 провинциальных филиалов, 32 гау филиала, 771 районный и около 22000 местных филиалов ALF.

Накануне войны территориальная экспансия рейха и усилие киноработы НСДАП увеличила эти цифры примерно на 36 процентов. Накануне войны перед партийным киноотделом стояли две главные задачи – доносить кинофильмы до самых отдаленных, труднодоступных мест, а также осуществлять производство и прокат сотен партийных фильмов, предназначенных для гитлерюгенда и прочих дочерних организаций НСДАП. «Вечера для сельских жителей», проводимые партией, представляли фильмы крестьянам и сельскохозяйственным рабочим. В ведении НСДАП находилось свыше тысячи кинопередвижек, оснащенных необходимой для демонстрации кинофильмов аппаратурой. Сеансы устраивались в зданиях школ, в холлах гостиниц и даже под открытым небом. Удовлетворять запросы зрителей можно было везде. Для гитлерюгенда организовывались

«Киночасы для молодежи». Когда нацисты захватывали новую территорию с многочисленным немецким населением, вслед за оккупационными частями вермахта отправлялись кинопередвижки. Таким образом, НСДАП являлась главным фактором в руководимой министерством пропаганды германизации.[28] В предшествующие началу войны месяцы киноотделы НСДАП предприняли определенные меры для того, чтобы кинопропаганда наверняка продолжалась в случае международного конфликта. Эти усилия не всегда были успешны, потому что вермахт и его отдел пропаганды часто претендовали на обладание техническим персоналом и оборудованием. В 1938 году RPL с гордостью заявило о 45 миллионах людей, посетивших ее кинопрограммы, но ему пришлось на деле показать свои «бойцовские качества» для того, чтобы затем продолжать свою работу в течение тяжелой, затянувшейся на долгие годы войны. Киноотдел выполнял ее, сотрудничая с Геббельсом по программам, адресованным личному составу вермахта. Главной ее функцией была организация сеансов в образовательных целях и для отдыха вооруженных сил. Запрашивая с вермахта чисто символические деньги, киноотдел давал НСДАП возможность охватить кинопропагандой миллионы солдат.

Киноотдел продолжал свою работу, предназначенную для зрителей – членов гитлерюгенда и прочих подразделений партии, а также других изолированных групп населения, но нехватка киноаппаратов и обученного технического персонала вынуждали его сосредоточить основное внимание на солдатах, находившихся в отпуске. Единственное преимущество данной ситуации заключалось в возможности влиять на вооруженные силы в нужном национал-социализму русле даже при помощи беспартийных художественных фильмов и кинохроники. Примерами, подтверждающими удачную работу в этом направлении, были различные кинопрограммы, представленные в январе 1943 года вниманию публики по случаю десятилетнего юбилея прихода НСДАП к власти. Солдаты были гостями этих вечерних киношоу, проводившихся в кинотеатрах всего рейха, а билеты оплачивали гау. Прокатные фирмы бесплатно пред-

оставили кинотеатрам копии фильмов. В местных парторганизациях солдаты получали бесплатные билеты. Таким образом НСДАП надеялись убедить фронтовиков, что борьба во имя Германии и партийная идеология преследует одинаковые цели.[29]

Партийная киноорганизация могла и дальше продолжать работу по охвату солдат-отпускников, партийных филиалов и тех немцев, которые не имели возможности бывать в крупных городах. Геббельсу, тем не менее, было известно, что влияние, престиж и доходы киноиндустрии зависят от жителей крупных городов и городов средней величины. Еще зимой 1940 года министр заявил своим подчиненным, что поскольку фюрер отдал приказ, чтобы кинотеатры в холодные месяцы военной зимы оставались открытыми, закрытия школ в эти холода все-таки не избежать. Геббельс также указал, что в случае возникновения проблем, связанных с нехваткой угля, частные и государственные драматические театры должны были закрываться прежде, чем закроют свои двери кинотеатры. Год спустя, зимой 1941 года, Геббельс велел своим киноработникам проследить, чтобы кинотеатры не закрывались по причине нехватки топлива. Во время первой «русской зимы» возникли новые проблемы.

В феврале 1942 года армия решила использовать для своих нужд некоторые кинотеатры и превратить их в полевые госпитали. Местные партийные функционеры яростно этому воспротивились, ссылаясь на партийную доктрину о важности кино для представителей арийский расы в военное время. Война не только предоставила Геббельсу огромные возможности для реализации его планов, но и создала определенные проблемы. RFK разработала план, по которому сеть кинотеатров местного уровня, находившаяся в частном владении, была упразднена и передана в аренду или продана политически надежным и технически образованным инвалидам – ветеранам вермахта. Дальше программы дело не пошло, хотя она могла бы быть осуществлена, если бы Германия выиграла войну. Особенно в тех местах, где гауляйтер испытывал личную или политическую неприязнь к частным собственникам.[30] В период между 1943

и 1945 годами массированные бомбардировки англо-американской авиации создавали постоянную угрозу для немецких кинотеатров. Геббельс считал, что кино было для германской морали и партийной пропаганды более важно, чем театральные пьесы. Таким образом он одобрял усилия Ханса Хинкеля, направленные на превращение драмтеатров в кинотеатры, особенно в городах, которые серьезно пострадали от бомбардировок англо-американцев.[31]

Вследствие недостатка персонала и оборудования,процесс затянулся, в сентябре 1944 года были переоборудованы всего лишь 9 театров и 15-20 – в октябре. Хинкель отметил, что любой из этих театров мог вместить в среднем около тысячи зрителей. Еще одна трудность возникла, когда правительство повысило цены на входные билеты и ввело налог на развлечения. Эти меры были неизбежны из-за инфляционных потерь, с которыми столкнулась вся германская киноиндустрия в 1940-1945 годах, Управление пропаганды в Халле известило секцию пропаганды о том, что увеличение цен малоприбыльно, поскольку от этого в первую очередь страдали простые трудящиеся, которым кино было необходимо для отдыха.

Главная проблема, тем не менее, по-прежнему заключалась в нехватке киноаппаратуры, персонала, кинокопий и в проигранной немцами войне в воздухе.

Достаточно убедительно свидетельствует об этих проблемах и интересе, который Геббельс проявлял к кинопропаганде ,ужасная серия трагических происшествий с января по сентябрь 1944 года. Берлинские театры представляли для министра особый интерес, и его озабоченность вызывали сообщения, что люди боятся ходить в кинотеатры, которые все-таки сохранились после бомбардировок союзников в конце 1943 года. Берлинцы опасались оказаться в ловушке в охваченном пожаром и рушащемся здании во время просмотра кинохроники или художественного фильма. В начале февраля министерство пропаганды обратилось к генералу вермахта Райнеке с просьбой обеспечить противовоздушную оборону некоторых кинотеатров. Присутствие армии могло успокоить опасения гражданского населения, и оно снова устремилось бы

в кинотеатры, успокоенное сознанием того, что его охраняют от бомбежек, пожаров и следующего за всем этим хаоса. Армия, повинуясь приказу фюрера, 9 февраля отклонила эту просьбу. Фактически этот приказ констатировал, что на вермахт не следует возлагать бремя тыловых забот. Адольф Гитлер, как никто другой, с симпатией отнесся бы к просьбе министерства. Геббельсу было об этом известно, и он также понимал, что прояви он и Гуттерер надлежащую настойчивость, им, очевидно, удалось бы получить помощь армии или СС. Но это был не тот случай, когда Геббельс мог напрямую беспокоить Гитлера, однако Гуттерер не уступал.

Райнеке сказал Гуттереру, что самое большое, что он может сделать – это предложить владельцам кинотеатров и партийным функционерам сотрудничать с берлинской полицией в случае возникновения необходимости аварийно-спасательных работ. Полиция обычно извещала зенитные части на большой части Большого Берлина о налетах вражеской авиации, и эти части обычно выделяли некоторое число своих служащих для обеспечения безопасности кинотеатров. СС, похоже, была более уступчива, и министерство посчитало, что координации действий СА, гитлерюгенда и частей вермахта окажется достаточно, чтобы защитить все главные кинотеатры при условии выработки новых положений. Фон Бер, чиновник СС по связям с другими организациями, заявил, что окажет посильную помощь в распределении персонала по двум главным кинотеатрам, но также заявил, что не сможет этого сделать, пока не получит одобрения своего руководства в лице обергруппенфюрера Юттнера, который, к несчастью, в тот момент отсутствовал. Фон Бер, несмотря на дружеские заверения, попросил министерство изложить свою просьбу в письменном виде. Министерский циркуляр от 21 февраля отмечал, что Геббельс желал удвоить количество мужчин и юношей, которым предписывалось несение дежурства внутри и снаружи кинотеатров. В течение нескольких следующих дней Бер ответил согласием на просьбу министерства, но попросил обеспечить бесплатный вход для его сотрудников. Началась бюрократическая не-

разбериха, поскольку речь в министерстве шла об охране восьми кинотеатров или десяти, а, может быть, даже шестнадцати. У СС скоро возник повод пожалеть о своем согласии, поскольку Гуттерер, отчаянно стремившийся сохранить свой пост, производя впечатление на Геббельса, теперь в мыслях представлял себе, что распространит эту систему и на весь рейх.

СС дополнительно назначило 80 человек для осуществления этих задач в Берлине, но 7 июня 1944 года отозвало их из-за начавшихся во Франции военных действий (день «Д»).

СС пообещало предоставить дополнительную противовоздушную защиту сразу же, как только это окажется в ее силах. В министерстве этот кризис вызвал панику и неразбериху. Может быть, следует закрыть все кинотеатры? Подобная акция шла вразрез с желанием министерства, поскольку это нанесло бы сильный удар по самой основе его существования. Официальные представители Promi все лето умоляли СС вернуть им 80 охранников. Ситуация прояснилась 20 сентября, когда ведомство Гиммлера ответило решительным отказом на просьбу министерства пропаганды. Когда в 1944 году рейх пошатнулся под комбинированными воздушными и сухопутными ударами союзнических войск, министерство пропаганды сочло этот момент подходящим для того, чтобы посвятить большую часть своих усилий защите берлинских кинотеатров. Этот эпизод многое говорит о ходе мыслей Геббельса. Уже в конце 1944 года он стал отказывать в отправке своих людей на фронт для съемок фронтовой кинохроники. Если бы он мог забирать людей с фронта для защиты крупных берлинских кинотеатров, то несомненно пошел бы на это.[32]

Есть все основания утверждать, что 1944 год стал кризисным для немецкой киноиндустрии. Летом Ханс Хинкель получил неограниченные полномочия с целью стабилизации киноискусства на всех фронтах тотальной войны. Означало ли это свертывание кинопропаганды для того, чтобы освободить людей для фронта или пристроить их на предприятия оборонной промышленности или в части ПВО? Вряд ли. Это означало скорее защиту и сохранение мини-

мальных сил, необходимых для функционирования важнейшего из всех средств пропаганды. В начале 1945 года наиглавнейшей задачей Хинкеля и Геббельса было следующее: киноиндустрия должна работать и дальше, несмотря на «монгольское нашествие с востока», поскольку перед ней стояли важные задачи по ведению «решительной борьбы» за свободу и жизнь Великого Германского рейха. И все же проколы случались. Ни один из снимавшихся после 1 января 1945 года художественных фильмов не мог по длине превышать 2.200 метров, длина короткометражек ограничивалась 300-ми метрами.[33]

Но все эти усилия были тщетны, поскольку в 1945 году немецкая кинопромышленность была не в состоянии производить что-нибудь путное. Прокат к концу 1944 года стал неразрешимой проблемой. Германское общество кинопроката хранило в своих сейфах свыше 26 тысяч копий примерно 650 художественных фильмов, но в основном это были старые ленты, и в отдельных случаях пленка уже начала выцветать.[34]

19 более новых художественных фильмов, в том числе и роскошно снятый «Opfergang» («Ритуал самопожертвования») столкнулись при прокате с трудностями. Нехватка кинопленки означала, что чем новее и важнее был фильм, тем меньше копий оказывалось в наличии. Грандиозные зрелища, такие, как «Opfergang» и «Кольберг», действительно, вышли в свет (29 декабря 1944 и 30 января 1945), но в крайне ограниченном количестве копий.

Даже если бы немецкие города не подвергались бомбардировкам, даже если бы нетронутыми оставались кинотеатры и нормально функционировал транспорт, дефицит кинопленки и персонала к 1944 году все равно затормозил бы геббельсовскую кинопропаганду.

Йозеф Геббельс некогда заявил: «Мы убеждены, что кино представляет собой самое современное и научно обоснованное средство воздействия на массы. Следовательно, правительство не должно им пренебрегать».[35]

За 12 лет существования «Третьего рейха» было выпущено или запущено в производство свыше 1300 кинокартин.[36] Только 15 процентов из них могут показаться примитивными пропагандистскими поделками, однако и это является заблуждением. Даже самые «аполитичные» ленты служили целям режима, иначе они не стали бы достоянием немецкого зрителя. Развлекательные кинокартины одобрялись потому, что позволяли людям расслабиться, тем самым подготавливая их к возвращению на свои рабочие места или на линию фронта, готовыми к новым свершениям в труде и в бою. Фильмы, на первый взгляд казавшиеся чисто развлекательными, косвенно способствовали укреплению идеологии режима, тем самым делая доктрину более эффективной, потому что она становилась менее навязчивой. Тогда как некоторые послевоенные историки-исследователи нацистских фильмов, похоже, верят в то, что многие из этих фильмов были «аполитичными», нацисты вроде Гипплера и Людвига Хайде были абсолютно противоположного мнения. А уж эти теоретики национал-социалистического кино знали, о чем говорили. Гипплер считал, что «направляющая функция» государства должна пронизывать все фильмы, дошедшие до стадии производства.[37] Хайде описывал цель немецкого кино терминами укрепления веры в руководство и подъем германского национального сознания.[38]

Вызвал некоторое смятение тот факт, что министерство пропаганды напрямую заказывало менее десяти процентов немецких художественных фильмов, снятых за весь период существования «Третьего рейха». Более существенным является напоминание о том, что ни один фильм не появлялся на экранах Германии без пристального анализа его содержания цензорами министерства и RFK. Откровением звучит контекст, в котором появлялись эти менее вульгарные политические фильмы. «Культурные» короткометражки, наподобие «Сказок черного леса» и «Деревенского музыканта», могут показаться лишенными идеологических подпорок. И тем не менее, Леопольд Гуттерер включил их в «Имперскую неделю короткометражного

фильма» в 1941 году, сказав о немецком культурном кино, что оно стало побуждающим к размышлениям отражением всей германской жизни после прихода к власти Адольфа Гитлера.[39]

Несколько наиболее удачных национал-социалистических фильмов военных лет были идеологически прямолинейными. Остальные при первом рассмотрении кажутся в политическом отношении более насыщенными и изящными. Энергетика и высокий художественный уровень некоторых из этих фильмов оправдали веру Геббельса в кино как в главное средство идеологической пропаганды. При классификации, фильмы попадают под три категории: документальный, военный фильм с использованием отдельных элементов документалистики и художественный фильм. Рассмотрение нескольких полнометражных кинофильмов военных лет чрезвычайно полезно для лучшего понимания того, как режим использовал уникальное средство, объяснявшее и оправдывавшее войну в глазах немецкого народа.

Отдельные ленты имели оглушительный всенародный успех, другие так и не дошли до широкого экрана. С точки зрения пропагандистского подхода эти фильмы можно разделить на четыре категории:

1) документальный фильм, который использовался для подтверждения германского героизма, величия фюрера; злокозненности и отвратительной натуры врагов нацизма («В борьбе против мирового врага», «Польский поход», «Крещение огнем», «Победа на Западе», «Вечный Жид», «Предатели перед судом народа»);

2) военные фильмы, в которых использовались отдельные приемы документалистики, делавшие эти фильмы более человечными, изображая повседневную жизнь и борьбу немецких солдат, матросов и летчиков, и тем самым сближали фронт и тыл, объединив народ и армию («Подводные лодки, на Запад!», «Эскадрилья истребителей «Лютцов»);

3) фильмы, рисовавшие картины преследования этнических немцев на землях славянских «недочеловеков» («Возвращение», «В центре бури»);

4) «развлекательные» художественные фильмы, поддерживавшие нацистскую военную идеологию в ненавязчивой манере («Концерт по заявкам»).

Фильм «В борьбе против всемирного врага», повествовавший в живой манере устами прославленного актера Пауля Хартмана о гражданской войне в Испании, был идеологическим документальным фильмом, снятым в 1939 году. Вследствие антисоветской направленности, в годы германо-советской разрядки (1939-1941) демонстрировать его было нельзя. Имевший подзаголовок «Немецкие добровольцы в Испании», этот фильм так и не попал в широкий прокат; но содержание сделало его типичным образцом немецких фильмов первой категории.

«В борьбе против всемирного врага» («Im Kampf gegen dem Weltfeind») явился в меньшей степени прославлением подвигов немецкого легиона «Кондор», а в большей степени – антисоветской диатрибой* в духе антикоминтерновского пакта 1936-37 годов. Фильм состоял из отдельных кадров кинохроники, рассчитанных на то, чтобы продемонстрировать гнусные последствия большевистской деятельности в Испании в период 1931-1939 годов. Разоренные храмы, принудительный изнурительный труд, толпы несчастных беженцев и прокоммунистический народный фронт был якобы результатом экспансии еврейско-большевистского заговора в Испании. Эту связь акцентировала сцена, показывавшая прибытие Моисея Розенберга, первого советского посла в красной Испании. Хартман с надрывом сообщал зрителям, что 1936 год мог стать «последним часом Испании, если бы Франсиско Франко не поднял мятежное знамя и не спас свою Родину. Благодаря помощи генерала Шперрле и легиона «Кондор», генералиссимусу Франко удалось ввести войска из Марокко в Испанию и начать широкомасштабное сражение за свою родную страну». На протяжении фильма можно видеть контраст между абсолютным добром и тотальным злом: помогающий красным французский еврей Леон Блюм,

---

* резкая, обличительная речь. (прим. перев.)

героические итальянские легионеры, поддерживающие Франко. Интербригады, составленные из отбросов общества и используемые большевиками, чтобы уничтожить Испанию, тогда как националисты и их немецкие покровители самоотверженно противостоят натиску врага во имя добра.

Одной из причин довольно-таки слабого успеха этого фильма у публики, возможно, была внешняя политика, проводимая Франко после 1939 года. Его дружественный нейтралитет не устраивал Гитлера, и немцы, просматривая этот фильм в 1941 и 1942 году, вполне могли задать тревожный вопрос: если немецкие добровольцы погибали ради новой Испании, почему же тогда Франко не помогает странам «оси» в их борьбе против большевиков и англосаксов? Фильм обладал существенным недостатком: он был неровен и скучен по своей тональности.

Два документальных фильма о победе Германии над Польшей были более успешны, особенно в первые военные годы. «Польский поход» и «Крещение огнем» использовали тот же основной материал и акцентировали аналогичные темы. Некоторые из них, очевидно, просматриваются в документе, циркулировавшем по Имперскому министерству пропаганды в Берлине еще до того, как Гитлер начал войну против поляков. Польша была «возмутителем спокойствия в Европе». Ее экспансионистски настроенная, шовинистическая верхушка угрожала немецкому «вольному городу» Данцигу.

Начиная с весны 1939 года, тайные директивы отделениям RPA делали акцент на теме, которая впоследствии еще сыграет важную роль.[40] Они восхваляли покойного польского диктатора маршала Пилсудского, изображая его разумной личностью, дружественно относившейся к рейху, тогда как его преемники были пигмеями, чьи безграничные амбиции привели к тому, что они продали интересы Польши Западу.

Эти люди способствовали приближению войны и были ответственны за ужасное состояние, в котором оказалась Польша.

ПОЛЬСКИЙ ПОХОД

Производство:
Немецкое кинопроизводство ГМБХ

Режиссер: Фриц Гипплер

Премьера: 8 февраля 1940 года

Гала-премьера «Польского похода» («Feldzug in Poland») состоялась в берлинском кинотеатре «УФА-Паласт ам Цоо», в здании, обычно используемом Геббельсом для презентации идеологически важных фильмов. «Поход» был снят под руководством Гипплера и представлял собой результат взаимного творчества «Германского кинообщества», ОКВ и персонала DW. Исполненные драматизма кадры явились результатом совместных действий различных фронтовых рот пропаганды. Первые эпизоды фильма достаточно грамотно аппелировали к народному историческому сознанию. Публика видела кадры, изображавшие Данциг, акцентировавшие его особый статус «истинно германского города», его величие в эпоху Ганзейского союза, его роль форпоста Германии на Востоке. Затем Гипплер сосредоточился на причинах, породивших обиды немцев на поляков: Польша Версальского договора была государством-разбойником (Raubstaat), основанным на грабеже других народов. В ней проживало восемь национальностей, подавляемых шовинистически настроенными варшавским правительством. Англия в этом фильме показывалась государством-злодеем. Диктор живописал о подстрекательской деятельности Англии против Германии. Эта политика была частью замысла британцев снова окружить Германию кольцом блокады, как она сделала это в 1914 году. Следуя диктату немецкой пропаганды того момента, критика не касалась Франции, поскольку предполагалось, что публика должна видеть мрачные кадры, изображавшие исключительно бегство этнических немцев от злобных поляков,

науськанных англичанами. Черчилль, Иден и Галифакс были ответственны за все эти преступления. В данном контексте сценарий оправдывал сталинско-гитлеровский пакт, который представлялся как возможность вырваться из тисков британского окружения. Следующая, главная часть фильма представляла собой попытку средствами видео- и звукоряда доказать враждебные намерения Польши. Сценарий повествовал об огромной польской армии, насчитывающей в мирное время 300 тысяч человек. Эта армия была инструментом Варшавы в осуществлении «безграничных захватнических целей», очевидно, предусматривавших перенос западной границы Польши до Одера или даже до Эльбы. Диктор рассказывал о непрекращающихся польских провокациях на границе, а затем о безжалостной деструктивной деятельности польских банд в Данциге, когда разразилась война.

Чтобы продемонстрировать гнусные намерения поляков, использовалась карта, на которой демонстрировались агрессивные планы Польши и эффективные контрмеры, предпринятые ОКВ. Затем начинался самый яркий эпизод, живописавший в хроникальной манере «блицкриг» в Польше. Польские войска показывались редко, правда, иногда отмечалась их храбрость, но лишь для того, чтобы подчеркнуть героические подвиги победоносного вермахта. «Поход» показывал захват вермахтом Гдыни, впоследствии переименованной немцами в Готенхафен («Готская гавань»).

Именно в этот миг на экране появлялся фюрер – «на фронте, вместе с солдатами» – гений, возглавивший коллективное военное руководство, сделавший возможным самую ошеломляющую победу в новейшей немецкой истории. «Поход» возвращался на фронт с тем, чтобы отобразить окружение большой группировки польских войск под Радомом и Кутно, а также тщетную попытку поляков прорваться на восток к Варшаве. «Ни одному поляку не удалось прорваться из Кутно к Варшаве!» – с гордость восклицал диктор, и результат этого зритель видел на экране: тысячи поляков колоннами двигались на запад, в плен. Это был образчик иронии нацистов, поскольку правительство,

приведшее людей к трагедии, обещало им, что они отправятся на запад, в сторону рейха, что они в этот момент как раз и делали – правда, совсем в другой роли!

«Поход» не упускал возможности продемонстрировать превосходство национал-социализма и руководства Гитлера над имперской Германией 1914-1918 годов.

В то время как Гитлер и Кейтель стояли на берегу реки Сан, публика узнавала о том, что вермахт покорил территорию, отвоевывать которую его предшественнику потребовалось целый год в «Великую войну». Фильм создавал образ великого Гитлера в контексте успехов его войск, и, по этой причине, имел, вероятно, успех еще больший, чем довоенный киноэпос «Триумф воли», сосредоточивавший внимание исключительно на обожествлении Гитлера и показывавший его титаном, лишенным каких-либо человеческих качеств. «Поход» изобразительно переходил от показа Гитлера к «человечным» сценам, где солдаты отдыхают или спят на передовой, либо чистят оружие. Диктор говорил мало, но позволял эпизодам самим говорить за себя под аккомпанемент драматической музыки и барабанной дроби. Посвежевшие и отдохнувшие солдаты продолжали свое победоносное, не встречающее сопротивления наступление, захватив к 21 сентября 160 тысяч пленных – всего лишь за три недели «похода».

Эпизоды сотрудничества немцев и русских в тот момент, когда беспощадные «клещи» вермахта сомкнулись вокруг Варшавы, должны были еще раз рассеять сомнения немцев относительно невозможности войны на два фронта. Под аккомпанемент героической музыки Гитлер приветствовал солдат лейб-штандарта СС под Варшавой, затем наблюдал за осадой города, капитулировавшего 27 сентября. В сценарии комментировалась необходимость осады, поскольку некоторые немцы (пусть даже ничтожно малое их число) могли усомниться, по крайней мере в самом начале войны, в необходимости безжалостных бомбардировок многочисленного гражданского населения. Публика узнавала, что Гитлер хотел избавить этих людей от мучительной осады города, но «преступное» решение коменданта Варшавы продолжать сражение, вынудило немцев атако-

вать. Напряженно-тревожная впечатляющая музыка сопровождала эпизод вступления немецких войск в город, создавала контрастный фон показу 120 тысяч новых пленных, строем направляющихся в неволю. Последний эпизод фильма «Польский поход» показывался в контексте темы «поход в Польшу достиг своего логического завершения». Военный оркестр исполнял зажигательные прусские военные марши, в то время когда войска салютовали Гитлеру на улицах бывшей польской столицы. Ликующе звенели колокола на соборах – в уступку германскому благочестию; развевались по ветру флаги со свастикой, в то время как исполнялись фрагменты гимна «Германия превыше всего», сопровождаемые одним единственным словом, вспыхивавшим на экране – «Великая Германия».

«Польский поход» был составной частью тотального пропагандистского «блица» в рейхе. Пресса уделяла ему много внимания, а сам фильм быстро стал доступен широким зрительским массам по всей стране. В «Биографии национал-социализма» рекламировалась новая книга, опубликованная в Берлине в 1940 году – «Победа в Польше» («Der Sieg in Polen») с предисловием Кейтеля – результатом сотрудничества вермахта и СА. В 1940 году было распродано около двухсот тысяч экземпляров. Книга была изготовлена практически по тому же рецепту, что и вышеупомянутый документальный фильм и была рассчитана на многочисленное немецкое население, растроганное тем, что оно увидело на экране: немцы узнали правду о «безграничных планах поляков» покорения немецких городов и сел. Главные деятели НСДАП, государства и вермахта были привлечены для пропагандирования фильма – Геббельс, Кейтель, Лютце, Гейдрих и генерал-оберст Мильх. Фильм был официально провозглашен «ценным с политической точки зрения», «ценным в художественном отношении», «поучительным для всей нации» и «фильмом-наставлением». Партия и владельцы кинотеатров были вдохновлены возможностью использовать фильм на праздничных мероприятиях и особенно для показа перед молодежной аудиторией. «Польский поход» использовался так же, как инструмент германской внешней политики, поскольку его демон-

стрировали сотрудникам генеральных штабов нейтральных держав весной 1940 года в качестве предупреждения и пророчсства.

Фриц Гипплер использовал тот же подход при привлечении режиссера Ханса Бертрама для съемки еще одного документального фильма – «Крещение огнем» («Feuertaufe»). Этот фильм использовал большую часть своего метража в новой форме и являлся еще одним подтверждением той роли, которую Люфтваффе сыграло в ошеломляющей победе немцев.[41] Герман Геринг с ревностью отнесся к роли, предоставленной армии в первом фильме, и огромный всенародный успех, которым пользовался «Польский поход», вдохновил Гипплера снять «Крещение огнем».

В начале «Крещения» зрителю сообщалось, что это фильм о действиях Люфтваффе в Польше. Съемки велись во время настоящих боевых действий. Вступление содержало следующее резюме: «Этот фильм предназначается для того, чтобы служить образцом борьбы Великой Германии ради грядущих поколений. При создании этого фильма следующие операторы, снимавшие боевые действия, отдали свои жизни за фюрера и Родину». Вступление заканчивалось списками этих людей. Молодые Люфтваффе назывались в «Крещении» «мечом в небесах». Повествование ведется в оживленной манере, временами почти экстатической, по мере того, как развертывается прославление Германа Геринга и Люфтваффе. Фильм особо подчеркивает решающую роль ВВС в спасении человеческих жизней, обеспечении сухопутных войск разведывательной информацией и разрушении польских железнодорожных узлов и узлов связи. Один из самых впечатляющих эпизодов «Крещения» показывает, как скопления вражеских поездов уничтожается бомбометанием с низкого полета. Диктор неустанно подчеркивает, что самолеты Люфтваффе атаковали только военные сооружения. Это было лживое утверждение, от которого официальные представители Люфтваффе не отказывались до второго этапа «Битвы за Британию» в конце 1940 года. В фильме прославляется садизм немецких бомбардировщиков – очевидно, Гипплер

полагал, что это может быть благосклонно воспринято немецким народом.

На Польшу падали бомбы, а летчики Люфтваффе пели о том, что они пролетают над польской землей и бомбы сыплются градом «с небес на землю, где огонь и дым». Германа Геринга, в чьих руках была сосредоточена абсолютная власть над воздушными операциями, показывали вместе с Гитлером. Финал «Крещения» полностью отличался от концовки «Польского похода». В «Крещении огнем» к зрителям обращался лично Геринг, провозглашавший: «То, что Люфтваффе сделали в Польше, произойдет и в Англии, и во Франции». Фельдмаршал рекомендовал всем посмотреть этот фильм, заканчивающийся хоровым исполнением антибританских песен. Последний кадр изображал карту Британских островов, и последним звуком фонограммы был звук рвущейся бомбы. Публика покидала кинотеатры в приподнятом настроении.

Геббельсовская пропагандистская машина мобилизовала все свои резервы для того, чтобы довести этот фильм до внимания владельцев частных кинотеатров и потенциальных зрителей.[42] Обозреватель «Берлинер Моргенпост» рассказывал об охватившем его во время просмотра «этой эпической киноленты» напряжения, «от которого перехватывало дыхание». Дневной выпуск «Берлинер Цайтунг» назвал фильм «уникальным и потрясающим», тогда как «Берлинер Локаль-Анцайгер» усмотрел в нем «могучий заряд», предупреждение всем врагам рейха. Геббельсовские кинематографисты из министерства пропаганды и RFK подготовили роскошные буклеты для владельцев частных кинотеатров, объяснявшие, для чего необходимо брать напрокат этот фильм и как следует его рекламировать. Акция по прокату «Крещения» предусматривала привлечение нескольких массовых изданий, и это помогало режиму использовать кино как средство объяснения и оправдания войны. Подготовленный для владельцев кинотеатров плакат включал в себя изложенный на одной странице сюжет фильма, с которого можно было снимать копии и передать их постоянным или потенциальным зрителям. Владельцам было сказано, что показ этого фильма является делом чести

каждого истинного немца. Их также предупредили не использовать плакаты или рекламные объявления собственного изобретения. Для этой цели годились лишь материалы, предоставляемые официальным дистрибьютором – «Студией Тобис» («Tobis Studio»). В их дизайне не было ничего оригинального, однако они дают нам хорошее представление о стилизованном немецком героизме и милитаристском духе.

Сообщав владельцам кинотеатров, что им ПРИДЕТСЯ демонстрировать этот фильм, студия подбодрила их сообщением о том, каким огромным успехом будет пользоваться у зрителей фильм, в котором имеются еще нигде не показывавшиеся ранее эпизоды – ни в «Польском походе», ни в хронике DW.

Сотрудники Гипплера предлагали способы, при помощи которых владельцы кинотеатров могли привлечь публику и сделать показ фильма более привлекательным. Если в округе размещаются авиационная или зенитная часть, почему бы не поместить на сцене ее солдат перед премьерой «Крещения огнем» с тем, чтобы присутствующие могли спеть «Бомбы над Англией» или какие-нибудь другие шлягеры, включая самую популярную «Мы маршируем на Англию»? Владельцев кинотеатров всячески побуждали устраивать специальные просмотры для школ, учреждений, первичных партийных организация и воинских частей. Они также могли сделать заказ и заплатить за изготовление листовок и афиш. Многие рекламки к фильму «Крещение огнем» включали в себя полный текст «Бомб над Англией» и почти что вынуждали зрителей подпевать доносящейся с экрана мелодии. Шквал рекламы фильма вызывал к жизни еще один поразительный факт: «Крещение огнем» считалось слишком серьезным, чтобы тесниться на одной и той же странице с обычными художественными фильмами. Сообщения о нем появлялись на страницах газет, посвященных драматическому искусству. Еще до конца года Геббельс, учитывая растущую нехватку бумаги, запретил рекламу, на которую уходило более половины газетной страницы, даже для «премьеры фильмов, качества выше среднего».

ПОБЕДА НА ЗАПАДЕ
Производство:
Германское Кинообщество (только вступление) и «Нольдан»
Кинорежиссеры: С.Нольдан и Ф.Брунш
Премьера: начало 1941 года

Документальным фильмом, которому Геббельс да оценку «выше среднего качества», был «Победа на Западе» («Sieg in Westen») — результат совместной деятельности ОКВ, Фрица Гипплера, Киноуправления армии и рот пропаганды.[43] Этот продолжительный по времени фильм восхвалял захват Франции в 1940 году. Это была фундаментальная кинолента, сделанная армией для народа. «Победа на Западе» воздавала соответствующую дань полководческому гению Адольфа Гитлера, но уделяла мало внимания Люфтваффе. Фильм прославлял немецкого солдата и его командиров. ОКХ, ОКВ, включая Верховного главнокомандующего фон Браухича, спонсировали торжественную военную гала-премьеру в Берлинском театре Вест Энд. По этому случаю выступали симфонические и военный духовой оркестры. Немцам хотелось увидеть этот фильм, поскольку он отражал в изысканной манере событие намного большего масштаба, чем падение Польши. Боевые эпизоды в «Победе на Западе» были отобраны из многочисленной кинохроники и в четыре раза превышали то, что было использовано в «Крещении огнем».

Геббельсу следовало помогать армии, но он проигнорировал это насколько было возможно, после того, как все было закончено. Решив, что 30 января 1941 года, юбилей начала правления Гитлера, — не слишком удачный день, министр отложил премьеру фильма до 31 января, отсрочив отклики прессы и радио. В течение всего дня премьеры Геббельс распорядился, чтобы его подчиненные снизили интенсивность рекламной кампании к фильму, поскольку в ней содержались исторические и психологические ошибки, которые нельзя было скрыть. «Победа на Западе» прослав-

ляла национал-социализм и «Третий рейх» в иной, отличной от остальных документальных фильмов, сделанных по заказу НСДАП или министерством пропаганды, манере. Геббельс вмешался именно по этой причине, но несмотря на всю его озабоченность, он не мог запретить этот фильм, который пользовался в военные годы огромной популярностью. Очевидно, в Кремле его видел даже Сталин, который получил копию по просьбе советского руководства.

Первая часть «Победы на Западе» была классической националистической интерпретацией современной истории Германии. Нацисты вроде Геббельса сочли бы ее вполне заурядной, натянутой и даже незаконченной. Фильм рисовал картины мирного счастливого Германского рейха (располагавшегося между Рейном, Дунаем и Вислой), омраченного ужасами Тридцатилетней войны. Затем Британия и Франция создают Вестфальский Союз, который сохранял рейх в раздробленном состоянии, тогда как сами вышеназванные государства создавали свои мировые империи. Справедливая победа в 1871 году породила тактику антигерманской изоляции, вызвавшую первую мировую войну. Германская армия одерживала блестящие победы, но ей был нанесен удар в спину, в то время как союзные силы (Антанта) взяли ее в кольцо блокады и морили германский народ голодом. Посрамленные немцы подписали позорный Версальский мир, заставивший немецкий народ возопить о справедливом возмездии. В результате произошел захват власти Гитлером. Гитлер разорвал цепи Версальского договора, и это заставило напуганное британское правительство снова предпринять попытку блокады и вооружиться для войны с «Третьим рейхом». Такое толкование современной немецкой истории в значительной степени игнорировало НСДАП и ее борьбу против Веймарской республики, и одно только это обрекало фильм на немилость Геббельса. Основная часть «Победы на Западе» посвящалась «блицкригу» — молниеносной войне против Франции и малых европейских государств. В незначительной степени упоминалось и о Польше. Зрителю сообщалось, что эта страна стала инструментом агрессивной политики Запада. Немцы верили своему фюреру, в руках которого находилась судьба Германии,

и в 1940 году Гитлер оправдал эту веру блистательным наступлением в Арденнах.

Фильм объяснял причины немецкого вторжения в нейтральные Бельгию, Люксембург и Голландию, объявляя, что союзники намеревались маршем пройти через всю Бельгию прямиком к Руру — промышленному сердцу Германии. В качестве доказательства диктор цитировал документы о сотрудничестве Бельгии с армиями союзников и намекал на то, что это сотрудничество побудило Германию ступить 10 мая 1940 года на бельгийскую землю. В фильме появлялись такие выдающиеся армейские генералы, как глава генерального штаба Гальдер и фон Браухич. Большая часть боевых эпизодов «Победы на Западе» создавали большее ощущение актуальности, чем аналогичные кадры в «Польском походе».

«Победа...» казалось менее торопливо и более сбалансировано сделанной кинолентой. Использование кадров трофейной французской кинохроники, где показывалась линия Мажино и провозглашалось: «Мы победим, потому что мы сильнее», придавало победе Германии внушительность, вследствие приема сдержанного, но ироничного контраста. Ирония немцев, тем не менее, бумерангом ударила и по ним самим, и подлые комментарии в адрес спасавшейся бегством британской армии под Дюнкерком зимой 1941 года вызвали у Геббельса, да и у других немецких зрителей этого фильма, чувство неловкости.

Немецкие документальные фильмы этого времени уже не содержали прежних сдержанных и язвительных недомолвок, и их издевательское использование в 1939 году английской песни «Мы устроим постирушки на линии Зигфрида (если таковая вообще имеется)», очевидно, не производила должного впечатления в то время, когда Британия уже весьма серьезно ввязалась в войну. Разгром Франции в «Победе на Западе» имел почти «антиклимактерический характер», хотя именно в этой, последней части фильма появлялись некоторые столь дорогие нацистским пропагандистам мотивы. Публике показывались немецкие рабочие с оружейных заводов — «лучшие друзья» немецкого солдата (тема: единство фронта и тыла), благочестивые церковные сцены в готических соборах (тема: Германия —

покровитель религии и культуры); чернокожие колониальные части французской армии (тема: Франция — расовый отравитель Европы), немецкие солдаты, спасающие Руанский собор, подожженный отступающими войсками французов (тема: Франция — обманщица, «великая нация», сама объявившая себя цивилизованной страной).

В 1944 году Die Deutsche Wochenschau Gmbh выпустило свой последний полнометражный документальный фильм — гротескный опус, озаглавленный «Предатели перед судом народа» («Verräter vor dem Volksgericht»). В основу его легли кадры, снятые на суде над участниками заговора 20 июля 1944 года — офицерами, пытавшимися совершить покушение на Адольфа Гитлера. Психически неуравновешенный, но временами довольно последовательный председатель суда, Роланд Фрайслер, является, в основном, главным героем фильма, выкрикивая непристойности и оскорбления в адрес беззащитных подсудимых, которым удалось сохранить «прусское» достоинство перед лицом этого безумца.

Фильм вызвал некоторую неловкость в армейских кругах, особенно в среде курсантов военных училищ, и никогда не был выпущен на широкий экран. RFK предоставила одну копию Мартину Борману, единственному, кому надлежало ознакомиться с ее содержанием. И все же Борман колебался и отдал приказ не отправлять «Предателей» отдельным гауляйтерам даже в качестве «партийного» фильма, поскольку те могли показать его тем, кому не положено. Это могло привести к «нежелательным» дискуссиям о том, каким образом проводился этот суд. В августе 1944 года Хинкель известил Науманна о том, что показ фильма состоится перед группой гауляйтеров на их ближайшем совещании.[44]

ПОДЛОДКИ НА ЗАПАД!
Производство: УФА
Режиссер: Гюнтер Рummay
Сценарий: Георг Цох
Исполнители главных ролей:
Ильзе Вернер, Герберт Вильк
Премьера: 9 мая 1941 года

Таким образом, последнее творение служащих «Вохеншау» сразу стало самым позорным и самым неудачным фильмом.

Геббельс и Гипплер понимали, что надуманные сюжеты могли быть более эффективными, нежели чисто документальные ленты, в деле подъема морального духа немцев и выполнения идеологических задач. Две постановки периода 1940-41 годов как раз отразили это предположение, хотя одна из них была сделана более искусно. Фильм «Подлодки – на Запад!» («U-Boote Westwärts!») прославляли сражающихся моряков подводного флота, осуществлявших героическую попытку прорвать британские морские трассы в Северной Атлантике и тем самым поставить противника на колени. «Подлодки» представляли этих немецких воинов как живых людей, одновременно крутых и сентиментальных; моряков, мечтающих о женах и подружках; несущих свою нелегкую службу в схватке с врагом; жадно ловящих радиосообщения с Родины. Это были честные, отважные мужчины, несущие службу ради своего народа и фатерланда. В конце фильма в роли самого себя выступил адмирал Дениц – он благодарил своих возвратившихся с задания подчиненных и посмертно награждал погибших. Эпизоды боев смотрелись очень эффектно. Игра актеров также была на уровне – это привлекло к фильму интерес зрителей. Даже в рамках этого типичного фильма военных лет в него все же удалось внедриться идеологии. Вполне достойно внимания то, каким образом нацистские догмы хитро вплетались в ткань киноповествования, не отвлекаясь от затрагивающих человеческие интересы сторон этого фильма, в котором рассказывалось о войне.

В музыкальной части фонограммы фильма доминировала песня «Мы маршируем на Англию». Противники – англичане изображались исключительно негативно, за редким, впрочем, исключением. Офицеры британского флота коварны и применяют хитроумные уловки для нанесения урона немцам. В одном эпизоде «мирная» рыбацкая лодка передает световые сигналы британскому эсминцу, указывая местонахождение всплывшей на поверхность немецкой подлодки. Вероломные британцы применяют для достижения

своих целей даже корабли нейтралов, в одном из случаев используя голландское судно, чтобы вывезти в Британию запасные части пропеллеров через зону действий. В другом эпизоде показан британский корабль, подбирающий в море раненого немецкого матроса, но это была единственная уступка традиционным взглядам на британскую честность и справедливость. Более типичен трусливый британский офицер, орущий «Они убьют нас!», когда примерный экипаж немецкой подводной лодки собирается спасти англичан с торпедированного ими корабля.

Немецкий командир принял решение атаковать английский корабль, несмотря на то, что на его борту находились немецкие военнопленные. Чтобы этот поступок не смущал зрителей, умирающий немецкий матрос неразборчиво бормочет: «Сладостно и почетно – умереть за родину». Таким образом, экранное воплощение триумфально получает национал-социалистический культ преображения в смерти. (Реалистические сцены смерти были запрещены в Германии, как и в американских кинолентах военных лет).

В финальных кадрах «Подлодок» адмирал Дениц, чье появление на экране придает фильму ауру документальной картины, обращается к своим морякам: «Борьба продолжается...» и употребляет три ключевых слова немецкого лексикона военных лет – «борьба, жертвы, победа». Фильм заканчивается хоровым исполнением «Мы маршируем на Англию».

«Истребительная эскадрилья «Лютцов» («Kampfgeschwader «Lutzow») Ханса Бертрама была намного более неуклюжей постановкой, в которой боевые эпизоды в документальном стиле перемежаются с невероятным сюжетом.[45]

Фильм воспевал отважных летчиков Люфтваффе. Об авиации Бертрам знал все, поскольку совершил несколько кругосветных перелетов. Его впечатления от них, воплощенные в форму книги, стали в 30-е годы бестселлером. Съемки боевых действий осуществлялись на севере Германии, в Генерал-губернаторстве (бывшей Польше) и на «многочисленных театрах боевых действий».

Слабость фильма заключается не в боевых эпизодах, а, скорее, в абсурдном сценарии. В этом и кроется причи-

на неуспеха у публики. Фильм представлял собой, по крайней мере, частично, попытку сделать капитал на успехе довоенной постановки «Pour le Merite»* (1938), но в прославлении Люфтваффе ему было очень далеко до «Крещения огнем».

ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ «ЛЮТЦОВ»
Производство: Тобис
Режиссер: Ханс Бертрам
Сценарий:
Х. Бертрам, В. Ноймайстер, Г. Орловиус
Исполнители главных ролей:
К.Кайслер, Г.Браун,
Хайнц Вельцель, К.Лек
Премьера: 28 февраля 1941 года

Тем не менее, «Лютцов» был художественным фильмом, содержавшим важные для режима идеи, и по этой причине он представляет интерес.

Нацисты часто заявляли, что выражают истинный голос народных масс. Люфтваффе — самый юный и, очевидно, самый «нацистский» вид вооруженных сил. В «Лютцове» новый командир эскадрильи, очевидно, является противоположностью старым прусским военным типам, которые все еще господствовали в армии.

Подобно своему коллеге в «Подлодках», командир (Карл Раддац) ведет себя с подчиненными на равных, общаясь с ними почти в семейной манере, как желанный почетный гость на свадьбе. И все же культурная и социальная пропасть между офицером и его подчиненными так и не исчезает. В «Лютцове» очевидна еще одна дорогая нацистским идеологам концепция.

Двум пилотам Люфтваффе удается проскользнуть через польские воздушные границы ради спасения этничес-

* Крест «За боевые заслуги».

ких немцев. Когда эти ребята не ухаживают за одной и той же девушкой — один из наиболее абсурдных любовных треугольниках кинематографа «Третьего рейха», они топят британское грузовое судно водоизмещением 8 тысяч тонн. Один из летчиков серьезно ранен в бою, но, проявляя чудеса героизма, благополучно сажает самолет и спасает жизни членов своего экипажа. Зрители увидели не избыток пролитой крови, а героическое преображение славного молодого немца. Дабы не оставить зрителей разочарованными, звуковая дорожка «Лютцова» заканчивается хоровым исполнением маршевой песни о подвигах героев Люфтваффе. Таким образом, «аполитичному» военному фильму удается поддержать и донести до зрителя задачи нацистской идеологии в трех жизненно важных областях: социальное равенство в общей борьбе, помощь «фольксдойче» — этническим немцам и героическая смерть как преображение.

«И его жертва никогда не будет забыта», — писала «Иллюстрирте Фильм-Курир».

ВОЗВРАЩЕНИЕ
Производство: Вин-Фильм ГМБХ
Режиссер: Густав фон Учицки
Сценарий: Герхард Менцель
Исполнители гл. ролей: Паула Вессели, Петер Петерсен, Карл Раддац
Премьера: 10 октября 1941 года

Немецкие фильмы военных лет, которые никоим образом не претендовали на то, чтобы стать документальным отражением эпохи, зачастую были столь нашпигованы национал-социалистической идеологией, что не попадали под определение «развлекательные». Весь киновымысел часто подчинялся национал-социалистической идее. Антураж фильмов был современным, но их темы — столь тяжеловесны, что любители кино в основном избегали их, невзирая

на то, что актерская игра или режиссура могли быть и неплохи.

«Возвращение» («Heimkehr») было искусно снято режиссером Густавом фон Учицки на Венской киностудии. Главную роль исполнила Паула Вессели, которая после 1941 года больше не вспоминала о тех годах, когда она брала уроки актерского мастерства у еврея Макса Рейнхардта. «Возвращение» было попросту карикатурой. Ханс Хагге правильно назвал его «уникальной песней ненависти» и «оправданием уничтожения поляков».[46]

К работе над фильмом приступили в начале 1941 года. «Возвращение» было одной из самых порочных постановок киноимперии Геббельса-Гипплера-Хинкеля, фильмом, которому абсолютно недоставало изящества. Местом действия являлась Польша 1939 года. В одном из первых кадров явствует, что «этот фильм повествует о горстке немцев, чьи предки эмигрировали на Восток многие десятки лет назад, потому что на родине им не нашлось места. В 1939 году они вернулись на родную землю, домой, в новый, сильный рейх. На их долю выпали те же испытания, что перенесли сотни тысяч других их соотечественников, разделивших ту же судьбу».[47]

Действие первого эпизода «Возвращения» происходит в Луцке 27 марта 1939 года. Нарастающее напряжение между Польшей и рейхом провоцирует польских шовинистов, антигермански настроенных ублюдков, на бесчеловечные поступки. Эти «унтерменьши» с энтузиазмом выводят побелкой знак на здании местной немецкой школы. Маленький немецкий мальчик заливается слезами, видя, как бессердечные поляки сваливают на улице в кучу школьную мебель и поджигают ее. Когда языки пламени охватывают классную доску, мы видим на ней написанные рукой прилежного немецкого учителя слова «Великая Германия» и несколько статистических выкладок о народонаселении.

Немка Мария, духовный лидер местной немецкой общины, – даже ее не щадят польские власти. Они не отдают приказа на повторное открытие немецкой школы.

В гротескной сцене, действие которой происходит в

маленьком городском кинотеатре, зрители-поляки буквально звереют, когда слышат, как немцы говорят на своем родном языке. Когда три немца не встают со своих мест при исполнении звучащего с экрана польского национального гимна, толпа поляков приходит в неистовство и избивает их. На место происшествия прибывает полицейский, но лишь для того, чтобы выбросить несчастных немцев из кинотеатра! А его владелец не позволяет зверски избитому жениху Марии лежать на тротуаре перед своим кинотеатром до прибытия машины скорой медицинской помощи. Затем бюрократ-поляк не принимает несчастного (его роль исполняет Карл Раддац) в больницу. Шокированная происшедшим, разгневанная Мария указывает на висящее над его головой распятие и говорит ему: «Подумайте о Боге!» Тем временем, ее жених, тоже врач по профессии, умирает у стен больницы.

Вполне очевидно, что справедливости этническим немцам в Польше не найти, и Мария впадает в отчаяние. На каждой улице можно увидеть польских военных — свидетельство враждебных намерений Польши. Польские власти продолжают уверять, что немецкое меньшинство обладает всей полнотой прав, но мы сами видим истинное положение дел: поляки бросают одобрительные взгляды на развешенные на городской площади плакаты, демонстрирующий, как польская армия угрожает Берлину; немецкая школа по-прежнему закрыта; 1 августа немцы лишаются своей собственности, не получив никакой компенсации. Пожилого немца, видного активиста общины, поляки лишают зрения, но представитель польских властей сообщает Марии, что достойный сожаления случай не имеет ничего общего с политикой или этническим происхождением жертвы. Что характерно, определенную роль в «Возвращении» играют и польские евреи. Мария проходит мимо лавки, владелец которой, еврей, торгует тканями. Он демонстрирует свои товары, говоря на похожем на идиш немецком языке, восхваляя великую немецкую нацию. Еврей сожалеет лишь о том, что Гитлер не любит его соплеменников, на что Мария остроумно отвечает: «Так напишите ему письмо!» Когда ободренная женщина уходит, слышно, как ев-

рей бормочет ужасные проклятия в адрес ненавистного ему немецкого народа.

По мере развития сюжета, действие картины подходит к самому кануну второй мировой войны. Немецкая община оказывается перед угрозой уничтожения.

В «Возвращении» есть сцена погрома, устроенного поляками, которая концентрирует в себе большую часть нацистской идеологии военных лет в течение всего лишь каких-то трех минут. Поляки грабят и поджигают немецкий фольварк. Они носятся вокруг, как обезумевшие животные, а один ужасный «недочеловек» срывает с груди испуганной немецкой женщины цепочку со свастикой, рыча при этом от восторга. Нацисты еще раз спроецировали свои собственные преступления на своих жертв. Подобно старому еврею-торговцу, угрожавшему немецкой нации уничтожением, поляки с остервенением убивают и грабят бедных этнических немцев. Когда начинается война, польские солдаты окружают Марию и ее соотечественников и помещают их в тюрьму: немцев собираются расстрелять, всех, до последнего мужчины, женщины или ребенка. Мария продолжает оставаться маяком надежды, достойным подражания, образцом несгибаемого германского духа. Это был излюбленный прием нацистов – они любили идеализировать женские образы в качестве символов истинного германского духа, направляющего несчастных на дорогу спасения в мужском мире.

Охваченная ужасом, отчаявшаяся Мария мечтает о Родине, о том дне, когда ей больше не придется слышать польскую речь или идиш, а одну лишь родную – немецкую. Любимыми словами в лексиконе нацистов военных лет были «мужество», «не напрасно», «отчизна», «вера». Где-то вдалеке слышатся звуки «Германской песни» («Deutschlandlied»), раздающиеся, очевидно, откуда-то с небес, а целый хор голосов начинает подпевать песне о Родине. А затем происходит чудо. Раздается лязганье гусениц немецких танков. Налет самолетов Люфтваффе рассеивает польский гарнизон, намеревавшийся умертвить немцев. «Немцы идут!» – вскрикивает Мария. Это – проявление экстаза, не находившего особого отклика в Европе той поры. А на финал

скорее всего оказали влияние романы немецкого писателя Карла Мая об американском Диком Западе. Люфтваффе и танки были кавалерией, немцы – белыми поселенцами, а поляки – индейцами. При обсуждении будущей германской политики на востоке, Гитлер рекомендовал своим генералам познакомиться с книгами Мая. Судьба этнических немцев в фильме разрешалась необычно удачно. Они возвращались в рейх, пересекая старую германо-польскую границу, где их приветствует плакат, изображающий широко улыбающегося фюрера, тем самым благославляя их появление на Родине.

«Возвращение» явилось тем вкладом, который кинематограф внес в скоординированную кампанию, предпринятую средствами массовой информации после августа 1939 года. Геббельс стал поговаривать о постановке подобного фильма уже в декабре 1939 года. Немецкая пресса получила приказ обвинять поляков в преследовании этнических немцев, как только политика Гитлера приобрела неприкрытую антипольскую направленность. После того, как 1 сентября 1939 года разразилась война, нацисты обвинили поляков в агрессии и значительно усилили свою грубую пропаганду.

Немцы заявляли, что 10 сентября в «кровавое воскресенье» под Бромбергом поляки умертвили огромное количествомирных немцев.[48] Государственные и партийные пропагандистские службы напечатали плакаты в память об этом ужасном событии. Главная идея «Возвращения» заключалась в том, что эти «фольксдойче» живыми вернулись в рейх, тогда как их собратья – жертвы Бромберга, так и не добрались домой.

Если даже бромбергский инцидент и фотографические «свидетельства» могли и не быть фальшивкой, сфабрикованной немцами, один немецкий документ продолжает внушать сомнение относительно этой «бойни». 30 августа, за 11 дней до того как было объявлено об убийствах, DNB, обычно не вызывавшее доверия, довело до сведения своих подписчиков следующую информацию: «Беженцы немецкого происхождения, которые прошлой ночью пересекли границу, сообщают, что поляки в районе Бромберга настав-

ляли своих женщин следующим образом: «Мы будем сражаться до последней капли крови и уничтожим всех немцев до последнего, включая и детей... И все-таки, если наши дела пойдут плохо, тогда вам придется плескать немцам в глаза кипятком».[49]

Окружавшая «Возвращение» пропагандистская шумиха делала упор на стойкость немцев, претерпевающих нескончаемые мучения, чтобы остаться немцами и вернуться в рейх. Одна рекламная заметка обращала внимание на эпизоды фильма, которые не вызывали радости и гордости за тех, кто приносит себя в жертву Великой цели. Вильгельм Утерман, рецензировавший «Возвращение» в «Фёлькишер Беобахтер» от 24 октября 1941 года, извлек из кинокартины еще более поучительный урок. Он полагал, что тема «Возвращения» выходит за рамки проблем этнических немцев в Польше. Утерман провозглашал, что друзья этих убийц-поляков, «плутократические демократы», планируют уничтожение Германии и немцев: «Убить их или уничтожить!»[50]

Возможно, Утерман имел в виду польского актера, исполнявшего роль в «Возвращении», убитого польскими националистами за его прогерманские убеждения.[51]

RPL и министерство пропаганды убедилось, что антипольская кампания достигла интеллектуальных слоев населения.

Тисслеру и Бернду казалось, что слишком многие в Германии и за рубежом поверили, что великий ученый XVI века Николай Коперник был поляком, а не немцем. Они решили использовать 400-ю годовщину со дня его смерти в качестве предлога для опровержения этого заблуждения.[52]

Министерство разослало в каждый отдел пропаганды по пять секретных схематичных биографий Коперника. Тисслер отметил, что военное время не подходит для пышных празднований, но несмотря на это 22-24 мая 1943 года в Кенигсбергском университете состоялся памятный митинг довольно скромного масштаба.

Серьезным взглядом нацистской науки на это мероприятие стал первый том полного собрания сочинений Коперника, который содержал тексты на оригинальном языке

(латыни) и их немецкие переводы. Его издание осуществил доктор Фриц Кубах.

В своих заметках «О четырехсотом юбилее со дня смерти великого немца, Николауса Коперника» Кубах называл этого польского ученого «великим немецким ученым» и пренебрежительно отозвался о польских исследованиях о Копернике. Кубах оспаривал факт рождения Коперника в Кракове – городе, обязанном своим подъемом и процветанием немцам.

Страдания этнических немцев и их спасение в качестве темы немецкой пропаганды не ограничивалось одной лишь Польшей. В зависимости от поворота внешней политики эта тема либо активизировалась, либо подавалась очень малыми дозами. Однако сбор потенциально полезной информации постоянно продолжался. В 1939 году Геббельс заказал подобные материалы по «преследованию этнических немцев в Югославии».[53] Пока Югославия, находившаяся под управлением регента – принца Павла, проводила нейтральную, дружелюбную по отношению к рейху политику, эти материалы клались под сукно, но о них продолжали помнить. В марте 1941 года Павел присоединился к Тройственному Пакту, но буквально через несколько дней в Белграде произошел переворот, в результате которого он был свергнут, и власть перешла в руки молодого короля Петра. Поворот югославской внешней политики в сторону Москвы и Лондона привел Гитлера в бешенство. Он поклялся раздавить эту страну. Фюрер запланировал 6 апреля напасть на Югославию и Грецию, но до этого следовало добиться общественного спокойствия, чтобы не потревожить врагов Германии. 1 апреля Геббельс сделал вид, что соблюдает осторожность в использовании сообщений, касающихся «актов терроризма, предпринимаемых сербами в отношении этнических немцев», потому что они были недостаточно точны и обстоятельны. Публикация неподтвержденных слухов, как уверял он, подорвет доверие к нашей информационной политике».[54]

Неизвестно, глубоко ли Геббельс исследовал надежность полезного информационного материала, поэтому, должно быть, за его осторожным подходом и политикой

крылся другой мотив. Геббельс понимал, что пропагандистский материал о зверствах может быть найден и в Белграде, и в любом другом месте в качестве прелюдии к немецкому вторжению. Зачем давать врагу предварительное уведомление об опасной ситуации, затрагивавшей не только Югославию, но также и войну против Британии и германо-советские отношения?

Когда немцы вторглись в Югославию, геббельсовская пропаганда воспользовалась накопленным, начиная с 1939 года, материалом.[55]

Немецкая пресса муссировала зверства, чинимые сербами в отношении «фольксдойче», причем проводила различие между сербами и хорватами – последних рассматривали как жертв сербских националистов и настоящих друзей немцев. Одна из карикатур изображала немецкую женщину-крестьянку с ребенком на руках, на которую угрожающе лаяла злобная шавка с надписью «Сербия». Стоит отметить, что очень похожая сцена фигурировала и в фильме «Возвращение». Немецкие пропагандисты скоро заговорили о «кровожадной Сербии» как о стране, развязавшей первую мировую войну. В Сараево некий немецкий лейтенант снял со стены дома памятную доску, обозначавшую место покушения на Франца Фердинанда в 1914 году, и лично представил ее Гитлеру, который приказал выставить этот экспонат в армейском музее в Берлине. Главным изделием блиц-пропаганды образца 1941 года стал кинофильм «В центре бури» («Menschen im Sturm»), появившийся на экранах в декабре. В главной роли снялась популярная актриса Ольга Чехова, но даже ей не удалось спасти фильм, сценарий и постановка которого были малодраматичными и неровными.

Сюжет картины – избитый и незамысловатый. Группа славных трудолюбивых этнических немцев пытаются спастись от становящихся все более жестоких преследований сербов. Неуклюжий символизм олицетворяет собой извечную немецкую тему борьбы света и тьмы: плачущая немецкая девочка видит, как озверелые сербы поджигают немецкое крестьянское подворье. Героиня приходит к пониманию того, что погромы устраиваются именно в домах не-

мцев и именно потому, что они немцы, и она возвращается, наконец, к своему немецкому этническому сознанию. Ее друг Александр — словенец, богатый беззаботный космополит. В его судьбе происходит событие, связанное с национал-социализмом, поскольку Александр попадает в расставленную сербской полицией ловушку и его арестовывают. Любой приличный югослав должен испытывать к немцам дружественные чувства, однако тесным общественным или личным отношениям между немцем и славянином суждено закончиться трагически.

Многие сцены фильма напоминают «Возвращение»: горящая немецкая библиотека, разгром немецкой школы, ошеломительный побег через границу, героический подвиг немецкой женщины. Роль женщины можно назвать синдромом королевы Луизы, навеянным романтическим образом прусской королевы, спасшей страну в период наполеоновских войн. Не теряя достоинства и доблести, Ольга Чехова флиртует с сербским начальником и заставляет его поверить в то, что она не прочь уступить его амурным притязаниям. Таким образом, она отвлекает его внимание, в то время как ее товарищи — фольксдойче направляются к границе.

Некоторые эпизоды символизируют муки и героизм преследуемого немецкого меньшинства. И пока мать отвлекает сербских офицеров, дочь нечаянно включает радио. Радиостанция, скорее всего Грац, транслирует прусский марш — мать быстро выключает радиоприемник, сохраняя внешнюю лояльность сербам, рискуя уронить себя в глазах дочери — истинной юной немки. Один эпизод оправдывает нацистское клише военных лет, имеющее отношение к прогерманским симпатиям хорватского народа: хорват-аптекарь помогает немцам («каждый честный хорват симпатизирует немцам, это само собой разумеется»), и его, естественно, убивают негодяи-сербы. Финал фильма вселяет светлые чувства. Немцы успешно совершают бегство сквозь леса к границе. Но финал также абсурдно мелодраматичен: сияющая от счастья героиня признается злодею — сербскому комиссару: «Да, правильно. Я помогла моим соотечественникам». Она преисполнена гордости, счастлива, и на-

ционал-социалистическое бессмертие ей обеспечено. Она погибает от сербской пули при попытке к бегству. Мученица умирает со светлой улыбкой на устах — это еще одна героиня национал-социализма, которая умирая, побеждает, зная, что ее друзья-фольксдойче благополучно добираются до рейха. Ее героическая смерть и преображение все-таки не спасли фильм. Он был излишне прямолинеен в политическом отношении, поскольку для того, чтобы привлечь внимание кинозрителей, фильм использовал самые избитые приемы-клише.

Фильм стал свидетельством склонности нацистов к соединению текущих событий и идеологии военных лет и не был простым развлечением для народа.

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ

Постановка: «Сине-альянс»
Тонфильмпродукцион ГМБХ
Режиссер: Эдуард фон Борсоди
Сценарий: Ф.Люцкендорф, Э. фон Борсоди
Исполнители гл. ролей: Ильзе Вернер
Карл Раддац
Премьера: 30 декабря 1940 года

В глазах Геббельса и Гиммлера выдающийся фильм должен быть одновременно и серьезным, и развлекательным. Они фактически добились этого синтеза в фильме «Концерт по заявкам», одном из самых популярных «аполитичных» фильмов военных лет. Название создатели фильма позаимствовали из популярной радиопрограммы, транслировавшейся в полдень по воскресеньям на все города рейха и оккупированной Европы. По коротким волнам она достигала офицеров и матросов немецкого военно-морского флота.

Эта программа, которую составлял и вел конферансье Хайнц Гедике, состояла из произведений популярной легкой музыки,маршей, классики и комических скетчей. Программа пользовалась огромным успехом в первые военные

годы, и не столько из-за своего содержания, сколько благодаря заверениям, что передачи состоят из произведений по заявкам сражающихся на фронте немецких солдат. Таким образом, она воплощала единство фронта и тыла.

Ощущение сопричастности возникало благодаря присутствию восторженной аудитории в стадии во время прямого эфира. В первые годы войны Геббельс понимал значимость «Концерта по заявкам» и настойчиво требовал, чтобы все ведущие немецкие исполнители высказывали желания принять участие в радиошоу Гедике. Когда знаменитый актер Ханс Альберс заявил, что у него нет для этого времени, министр пропаганды недвусмысленно дал ему понять, что в его распоряжении всего лишь два дня на раздумье.[56]

Успех радиопрограммы послужил причиной для издания хорошо разошедшейся книги с тем же названием — результат совместного туда Хайнца Гедике и Вильгельма Круга.[57]

Геббельсу и его кинематографистам показалось вполне логичным, что внимание миллионов кинозрителей может привлечь фильм с тем же названием. Предположение оказалось верным, и «Концерт по заявкам» стал одним из самых кассовых фильмов «Третьего рейха» военных лет. Невинная с виду, чисто развлекательная радиопередача стала огромной удачей геббельсовской радиопропаганды, поскольку она способствовала единству НСДАП (Гедике был заметной фигурой среди нацистов, что не слишком афишировалось министерством пропаганды), нации и вермахта. Это делалось таким образом, что казалось ненавязчивым и неидеологизированным, но все это, по мнению Геббельса, было во благо.

Фильм «Концерт по заявкам» имел даже еще больший успех. Взяв за основу трогательную историю любви, где трагедия трансформировалась в политику, «Концерт по заявкам» ставил несколько главных тем нацистской идеологии военных лет на общечеловеческий уровень, тем самым, аппелируя к не-нацистам — тем самым людям, которых Геббельсу было необходимо привлечь на свою сторону.

В основе сюжета фильма – взаимоотношения немецкого офицера Герберта Коха (Карл Раддац) и юной девушки Инге Вагнер (Ильзе Вернер), неожиданно встретившихся и влюбившихся друг в друга. Он – вежлив, учтив, энергичен и мил. Она – тоже мила и невинна. Влюбленным приходится расстаться – виной тому долг офицера перед отечеством, поскольку он несет службу в Испании, на Западном фронте. Из-за секретности, которой окружена его миссия в Испании в составе знаменитого легиона «Кондор», влюбленные расстаются.

В конце концов, молодые люди находят друг друга, потому что Герберт обращается с заявкой к Гедике – просит исполнить олимпийские фанфары в его радиопрограмме, зная, что Инге откликнется на это и попросит ведущего-конферансье назвать имя и местонахождение человека, сделавшего заявку.

После целой серии злоключений и комических ошибок, любящие сердца воссоединяются, хотя в лучших традициях национал-социализма финал фильма подразумевает, что служебный долг может снова позвать Герберта в дорогу, в военный поход, на этот раз на войну против Англии.

Обычный немец, посмотревший этот фильм один, два или даже три раза, не обращал внимания на ходульный сюжет и наслаждался любовной историей, хорошей игрой актеров и миром грез, искусно воссозданным режиссером Эдуардом фон Борсоди. Нацистская идеология военной поры явно присутствовала, однако тщательно просчитанная ее дозировка была крайне невелика.

Тетушка Инге, опекающая юную девушку, например, с грустью рассказывает той о своей молодости, протекавшей в дни кайзера Вильгельма. Она тоже была влюблена, правда, в юношу более высокого социального происхождения, но не могла выйти замуж, потому что ее отец был всего лишь ремесленником. Удивленная Ильзе, живущая в «народном государстве» – «Третьем рейхе», спрашивает свою тетушку: «Разве такое возможно?», на что та печально отвечает: «В те дни – да, возможно».

Самыми разными способами представлена в «Концерте по заявкам» нацистская природа героического самопожертвования. Герберт и его подчиненные готовы на любые лишения для того, чтобы сражаться за рейх, а это, в свою очередь, означает борьбу за немецкую культуру. В фильме имеются интересные сопоставления, которые развивают эту тему. Мы видим на экране солдата, который, находясь дома в отпуске, играет на пианино Бетховена. Затем он возвращается обратно на Западный фронт и погибает, играя на органе в соборе, разрушаемом французской артиллерией.

Вот такие защитники западной цивилизации и культуры – эти французы! Своим героизмом немецкий солдат спасает свое подразделение, поскольку атака, предпринятая французами на этот собор, позволила им успешно ретироваться. Звуки органа вызывают на себя огонь вражеской артиллерии, обрушенный на это сооружение, которое французы принимают за место расположения целой роты вермахта.

Органист не просто погибает героической смертью, он весь преображается – глаза его излучают веру, а сердце – немецкую культуру.

Это еще один гитлеровский мотив: «Тот, в чьем сердце есть вера, сильнее всех на свете».

Изображение различных социальных групп в фильме поставлено на высоко художественный уровень. Несмотря на все разговоры о «народном государстве» и «массах», простой народ показан в мирной жизни простодушным, а в военное время «... он знает свое место и с уважением подчиняется вышестоящим офицерам».[58]

Солдаты-ремесленники и рабочие – преданы своему долгу и приказам командиров на фронте. Дома же они – настоящие клоуны. Герой, тем не менее, никогда никоим образом не смешон и всегда знает, как жить согласно своему целостному волевому характеру и своему положению. А что касается зрителей, преданных идеалам высокой культуры, то в фильме имеется эпизод с молодым дирижером, дирижирующим оркестром при исполнении увертюры

к «Женитьбе Фигаро». Дирижер – прославленный Йорген Йохум, который сегодня, пожалуй, охотно забыл бы о своей роли в «Концерте по заявкам».

В финале фильма искусно совмещены «хэппи-энд» любовной истории с великолепным хором, исполняющим «Мы маршируем на Англию». Таким образом, даже триумф любви не оказался за пределами досягаемости национал-социалистической пропаганды военных лет.

8

ИДЕАЛЫ И СТРАХИ НАЦИСТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМАХ: ОТ «ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА» К «РИТУАЛУ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ»

Все произведения германских кинематографистов военного времени, как знаменитые, так и не очень известные в историческом, политическом и моральном плане, отражали основные установки национал-социалистической идеологии. Особенно впечатляющими с точки зрения художественной выразительности оказались семь лент, пропагандировавших нацистскую точку зрения на глобальные процессы, происходившие в мире. Они подразделяются на три основные категории: 1) фильмы, в которых речь идет о великих деятелях германского прошлого, именно с ними пытались ассоциировать себя Гитлер и его окружение. Эти политики, писатели и поэты были хорошо знакомы германскому обывателю: «Фридрих Шиллер», «Бисмарк», «Отставка»; 2) фильмы, в которых делалась попытка изменить сознание немцев в нужном режиму направлении, чтобы психологически подготовить их к будущим мерам правительства, не подлежащим открытому обсуждению. Эти меры включали физическую ликвидацию умственно неполноценных лиц и еврейского населения Германии и всей остальной Европы. («Я обвиняю», «Вечный жид»,

«Еврей Зюсс»); 3) художественные фильмы в духе лирического, трансцендентального идеализма, носившего нейтральный характер, но фактически укладывавшийся в русло социальной политики правительства («Ритуал самопожертвования»).

Карьера актера Хорста Каспара была карьерой человека, чья манера в киноискусстве отражала тон и стиль «убежденного национал-социалиста». Молодой, решительный, вдохновенный фанатик – эти определения характеризуют исполнение Каспаром ролей на германском экране, сыгранных им во время войны, начиная от «Фридриха Шиллера» (1940) до «Кольберта» (1945 г.). Во «Фридрихе Шиллере» изображали портрет юного поэта и драматурга, «триумф гения» («Der Triumph eines Genies»), как гласил подзаголовок фильма. Он как бы перекликался с названием знаменитого фильма Лени Рифеншталь «Триумф воли», посвященного съезду НСДАП, состоявшемуся в 1934 году. Однако их сходство на этом не кончалось. Молодой Фридрих Шиллер предстает здесь в качестве прирожденного гения, борца за свободу и чистоту искусства, который противостоит враждебному окружению во время обучения в школе. В дебатах перед великим герцогом Вюртембергским Шиллер с горячностью высказывает убеждение в том, что гениями рождаются, но их нельзя воспитать или выучить в школе. Он отвергает бытовавшую в то время точку зрения эпохи Просвещения, согласно которой равенство всех людей достижимо через приобщение их к знаниям. Зрители должны были увидеть в юном Шиллере мятежный дух, выступавший против власти именем гения отечества, – а разве Гитлеру в молодости не приходилось испытывать подобных страстей ради триумфа его воли? Геббельс же развил эту тему дальше. В своем публичном выступлении в Гейдельбергском университете в 1943 г. он заявил: «Вождями рождаются, а образование – дело наживное».[1] Несмотря на характерные черты, прославлявшие гения германского духа, «Фридрих Шиллер» затрагивал темы, одно упоминание о которых грозило неприятностями в свете цензурной политики «Третьего рейха». Молодой поэт борется против герцога-угнетателя, отстаивая свободу творчества на сцене.

Поэт Шубарт, заключенный по приказу того же великого герцога в темницу, говорит: «Во всех уголках мира сильный навязывает свою волю слабому. Где же свобода?» Не исключено, что авторы сценария и режиссер фильма Герберт Майш включили эти и другие высказывания в текст в виде завуалированного протеста против нацистского режима, но в принципе главная тема литературного гения, боровшегося против реакционного правительства за свободу в Германии, была чрезвычайно приемлема для национал-социалистов, поскольку в фильме явно подразумевалась аналогия с политическим гением, боровшимся за свободу Германии против Веймарской республики.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР, ТРИУМФ ГЕНИЯ
Производство: Тобис
Режиссер фильма: Герберт Майш
Сценарий: В.Вассерман и К.Х.Диллер
В главных ролях: Хорст Каспар
Генрих Георгс
Премьера: 13 ноября 1940 года

В германском кинематографе военного времени Геббельс и Гипплер приплетали исторические аналогии, где только могли. Однако не было для них фигуры более привлекательной, нежели Отто фон Бисмарк, канцлер Германской империи и министр-президент Пруссии, человек, объединивший Германию под эгидой Пруссии.

Во время войны в «Третьем рейхе» было снято два напыщенных по стилю фильма о Бисмарке: «Бисмарк» — в 1940 году и «Отставка», в 1942 году. Режиссером обоих картин являлся прославленный Вольфганг Либенайнер, один из любимчиков Геббельса. Эти фильмы были, по утверждению нацистской пропаганды, основаны на исторических фактах, и хотя с историей в них обращались довольно-таки вольно, Фриц Гипплер отнес их в категорию фильмов, которые представляли историческую правду «в высшем смысле».[2] Они не только изобиловали многими набившими

оскомину клише о железном канцлере, но и, по мнению Гипплера, успешно отражали прошлое в свете «национальных ценностей» настоящего. По этим причинам фильмы о Бисмарке стали официальными «фильмами нации».

В «Бисмарке» в роли прусского министра-президента и будущего германского канцлера снимался Пауль Хартман. Доходивший в своей честности и прямоте иногда до грубости, Бисмарк 60-х годов прошлого века является образцом добродетельного немца, благопристойным и добропорядочным отцом семейства, фанатичным президентом Пруссии и Германии. Эти две реальности в фильме никогда не сталкиваются, ибо его цель — представить Бисмарка как человека, который начинал работу, законченную Адольфом Гитлером.

БИСМАРК
Студия: Тобис
Режиссер: В.Либенайнер
Сценарий: Р.Лаукнер, В.Либенайнер
В главных ролях: Пауль Хартман
Ф.Кайсслер, М.Коппенхефер
Вернер Хинц, Отто Гюбер
Премьера: 6 декабря 1940 года

Героический звук фанфар, сопровождающий титры фильма, уже предполагает эту тему. Действие разворачивается в Пруссии 1862 года, где идут тяжелые политические баталии между старым королем Вильгельмом I и либеральным большинством в парламенте. В то время как народ призывает к объединению и созданию рейха, способного защитить Германию от алчных соседей, либералы устраивают интриги с целью ослабить армию и подорвать монархию. Король в минуту отчаяния подумывает об отречении от престола, но затем обращается к Бисмарку и назначает «ненавистного» человека министром-президентом: «У него хватит мужества», - заявляет король. Бисмарк принимает на себя эту тяжелейшую ношу и тут же сталкивается с мощ-

ным сопротивлением проанглийской части придворных, которые решительно настроены в пользу создания парламентского государства по модели Вестминстера. Бисмарк Либенайнера – не только прусский патриот; он – ярый германский националист, человек, который открыто говорит: «Наша цель – Германия!» В «Бисмарке» появляются все германские стереотипы того периода. Наполеон III изображается бездарным интриганом-дилетантом, который стремится к сохранению «баланса» между Австрией и Пруссией, рассчитывая при этом прибрать к своим рукам лакомые кусочки германской территории вдоль Рейна. Императрица Евгения, роль которой исполняет прекрасная Лил Даговер, – фривольная куртизанка, путающая Шлезвиг с Силезией.

Парламентские либералы в изображении Либенайнера предстают как люди, одержимые властью, для которых безразлична внешняя угроза Германии, поскольку главное для них – свергнуть власть Бисмарка и короля. Вождь либералов – Рудольф Вирхов обличает реакционных юнкеров и называет князей настоящим бичом рейха. Бисмарк пытается найти общий язык со своими парламентскими оппонентами, но все его усилия наталкиваются на непримиримую враждебность. Либералы ослеплены ненавистью и отвергают любой компромисс – ведут себя так же, как враги Гитлера после 1939 года. Бисмарк отвечает им своей знаменитой речью о «железе и крови», которая вызывает у парламента бурное возмущение: «Вы нарушаете конституцию!» «Кто такой этот Бисмарк, в конце концов?» Вирхов выступает с заявлением в защиту своей позиции, которая представляет собой карикатуру на все традиции германских либералов. Он гордится репутацией Германии как страны поэтов и мыслителей и восхваляет единство «сердца и разума». Вирхов доходит даже до того, что называет прусского военного министра фон Роона и Бисмарка врагами народа, «лишенными всякого патриотизма». Постоянные словесные перепалки в парламенте вынуждают Бисмарка распустить его и назначить новые выборы. Он действует хладнокровно и беспристрастно, заявляя: «Газеты – это еще не вся нация». Договор Бисмарка с Россией, направ-

ленный против возрождения Польши и изображающийся в фильме как предвосхищение «гениального» пакта, который был заключен Гитлером со Сталиным в 1939 году; вызывает резкие нападки в прессе, настроенной пропольски. Бисмарк, однако, заявляет: «Договор с Россией означает, что наша спина прикрыта». Особенно эффектно выглядят кадры, в которых старый король Вильгельм с нескрываемым удовольствием принимает военный парад. Как и во всех нацистских лентах эпического характера, постоянно звучащая военная музыка определяет настрой фильма «Бисмарк».

Франц-Иосиф, император Австрии, вынашивает коварные замыслы, направленные на отторжение Силезии от Пруссии: «Если мне удастся когда-нибудь оплатить Пруссии за то, что она сделала с Марией-Терезой, это будет самый счастливый день в моей жизни!» Почти все выступают против гения Бисмарка, точно так же, как все противостояли гению Гитлера в 1928 году. Бисмарк – гений-одиночка, каким был молодой Шиллер; как и поэт, он одержим верой в самого себя, в свою нацию. Он постоянно заряжает этой верой и старого короля, заставляя того принять концепцию министра-президента о построении Великой Германии. «Подумай о Пруссии! Подумайте о своих предках, о вашем долге!» – напирает он на Вильгельма. Бисмарк затевает войну с Данией, оправдывая ее политическими соображениями. Сцены, изображающие победу Пруссии, типичны для нацистского кинематографа: сражения общим планом, воодушевленные толпы, артиллерийские бомбардировки, военные парады и набожность («Бог даровал нам победу»). Бисмарк твердо противостоит интригам Наполеона III, говоря: «Он не получит ни пяди германской земли!» Наполеон, однако, настаивает на своем: «Я возьму все, что мне нужно». В этот момент Либенайнер вводит в фильм антисемитскую тему: Коэн-Блинд, английский еврей, пытается убить Бисмарка, но того спасает «божественное провидение». Эта фраза, ставшая одним из любимых выражений Гитлера, была взята на вооружение германской прессой в 1944 году при описании спасения Гитлера от покушения Штауфенберга. Эпизод с Коэн-Блиндом напоминал об убийстве немецкого советника Эрнста

фон Рата польским евреем в Париже в 1938 году. Таким образом, вероломный еврей в «Бисмарке» становится прообразом всех врагов Германии. Фильм заканчивается на героической триумфальной ноте. Оркестр исполняет «Стражу на Рейне», и в этот момент начинается франко-прусская война, которая привела к объединению Германии в январе 1871 года.

Исторические персонажи и ситуации очень искусно использовались в «Бисмарке» с целью оправдания нацистской идеологии. У зрителя подспудно возникала аналогия с деятельностью Адольфа Гитлера. Вот, что говорил «критик» доктор Ханс Боде о «Бисмарке» в 1941 году[3]: «Всем поколениям свойственно проводить определенные сравнения прошлого с настоящим. Бисмарк начал новую главу истории Германии. Он объединил ее силы, заключив союзы с монархами мелких королевств и княжеств. Шестьдесят лет спустя нашему фюреру Адольфу Гитлеру удалось объединить германский народ под единым руководством. Ему тоже пришлось преодолеть сопротивления огромного количества как явных, так и скрытых противников. Здесь, внутри Германии, и за границей, эти враги вначале были сильнее фюрера. Но все равно он победил, потому что верил в свою миссию и был убежден в ее успехе. Заслуга фильма «Бисмарк» состоит в том, что он возрождает наше героическое прошлое и вызывает нужные, своевременные мысли в умах зрительской аудитории. Он настолько захватывает и поражает, что после его просмотра несколько зрителей предпочли покинуть зал, хотя кинопрограмма была еще далеко не исчерпана, чтобы на досуге спокойно поразмыслить над увиденным».

Успех «Бисмарка» привел к тому, что Геббельс, Гиплер и Либенайнер создали в 1942 году его продолжение под названием «Отставка» («Die Entlassung»), который был посвящен отставке Бисмарка в 1890 году. Роль престарелого канцлера исполнял Эмиль Янингс, один из самых талантливых актеров в истории германского кинематографа. Ставший известным международной киноаудитории после выхода на экран киноверсии знаменитого произведения Генриха Манна «Профессор Унрат» («Голубой ангел»), в

котором он играл роль школьного учителя, Янингс заполнял своим присутствием весь экран и доминировал в любом фильме, какую бы роль ему ни пришлось исполнять. Если Геббельс и его команда построили фильм в расчете на Янингса, это означало, что кинематографу среди других средств пропаганды «Третьего рейха» принадлежит явный приоритет. Янингс прославился еще и несносным, взрывным характером, и Геббельсу с Гитлером льстило, что именно им удалось склонить этого неуживчивого человека к сотрудничеству. Янингс даже написал небольшое эссе, где сравнивал Бисмарка и Гитлера и делал вывод, что оба они боролись в одиночку, выступая против мощнейших тенденций, и победили. В «Отставке» Бисмарк предстает раздражительным старым германским националистом, потерпевшим крах из-за недальновидной политики Вильгельма II и его окружения, состоявшего из дилетантов; неблаговидную роль в интригах против Бисмарка сыграл и министр иностранных дел Гольштейн, изображенный в фильме этаким злым духом, «серым кардиналом». Сценарий не лишен симпатий к молодому императору, который неплохо осведомлен о незавидном положении пролетариата, однако последнее слово остается за Бисмарком: «Германия, Германия. Кто завершит мою работу?» Предполагалось, что в 1942 году ответ на этот вопрос не вызывает у зрительской аудитории никаких сомнений: Гитлер.

ОТСТАВКА
Студия: Тобис
Режиссер: В.Либенайнер
Сценарий: К.Й.Браун, Ф. фон Экардт
В главных ролях: Эмиль Янингс, Т. Лоос, Вернер Гинц, Вернер Краусс
Премьера: 6 октября 1942 года

В то же время сценарий поставил перед режиссером некоторые проблемы, что послужило причиной долгой отсрочки фильма от выхода на широкий экран. К июлю 1942 года лента была уже готова к массовому показу, но ее

премьеру, которая должна была как всегда состояться в Берлине, отложили до осени. Главная причина крылась в том, как в фильме трактовалась внешняя политика Бисмарка. По сценарию, Бисмарк выглядит гением, поскольку ему удалось избежать для Германии войны на два фронта, заключив в 1887 году с Россией так называемый «договор перестраховки» (В.В.Чубинский. Бисмарк. Политическая биография. Стр. 366. Москва, Мысль. 1988. – прим. переводчика). Вильгельм II и Гольштейн насильно отправляют Бисмарка в отставку, что приводит к осложнениям в отношениях с Россией, которая затем переходит в лагерь врагов Германии. В одном из последних эпизодов фильма русский посол приказывает своему кучеру, садясь в карету: «Во французское посольство!» Такая сцена выглядела вполне приемлемо в период советско-германского сотрудничества (1939-1941 годы), но в 1942 году она по понятным причинам могла быть истолкована в ложном направлении. Как зрители отнесутся к политике Гитлера, если Бисмарк считался гением из-за того, что смог избежать войны на два фронта, заключив договор с царем? И хотя причину, приведшую к устранению Бисмарка от власти, следовало искать вовсе не в его внешнеполитической деятельности, все же нацисты правильно оценивали ситуацию, понимая, что среднему германскому обывателю были известны последствия этого события. Уход Бисмарка ознаменовал начало новой, не очень счастливой эры в германо-русских отношениях. Этого вопроса нельзя было избежать, и тогда Либенайнер и его сценаристы постарались компенсировать нехватку аналогии с теперешней политикой Гитлера в отношении России, изобразив Бисмарка как деятеля, который предвосхитил планы Гитлера по созданию Великой Германии.

«Отставка» была задумана еще в начале 1941 года на волне огромного успеха «Бисмарка». К 1942 году на создание этой ленты было истрачено слишком много сил и средств, и к тому же с ней связывались большие ожидания. Поэтому Геббельсу даже в голову не приходило отказаться от дальнейших съемок. Но адъютант Гитлера Шауб предос-

терег его, посоветовав воздержаться от выпуска фильма в свет, пока сам фюрер не сочтет, что время приспело.

«Отставка» произвела огромное впечатление на Геббельса и Геринга, но Гитлер долго, вплоть до 20 августа, не решался дать ей зеленый свет. Наконец он и Геббельс решили, что фильм следует испробовать на германской аудитории в Штеттине. Реакция провинциальных кинозрителей должна была определить дальнейшую судьбу «Отставки». Министерство иностранных дел было особенно встревожено возможными негативными последствиями, ибо сравнение внешней политики Бисмарка и той, что проводили Гитлер и Риббентроп, было явно не в пользу последней. Министерству иностранных дел не удалось предотвратить показ фильма в пределах рейха, но Геббельс, однако, пошел МИДу на уступки, согласившись, что этот фильм не должен быть экспортирован.[4] Затем он дал газетам команду толковать фильм как изображение германской трагедии: великий Бисмарк удалялся от власти пустым и тщеславным Вильгельмом. Геббельс хотел, чтобы критики писали о фильме в свете контакта между руководством после 1890 года и гением фюрера в 1942 году. Даже этот самообман не мог помешать Геббельсу увидеть пугающую параллель не между Гитлером и Бисмарком, а между войнами, которые вели Гитлер и Вильгельм II. «Отставка», премьера которой состоялась в Берлине за 47 дней до того, как русские полностью окружили в Сталинграде 6-ю армию, показала, что использование нацистами истории в идеологических целях может дать прямо противоположные результаты в свете современных дипломатических событий.

Военные цели, которые Адольф Гитлер поставил перед Германией, вовсе не ограничивались достижением доминирующего положения в Европе. В военное время фюрер получил возможность проводить такую политику, которую в мирных условиях было очень трудно скрывать от мира, несмотря на всю закрытость тоталитарного общества. Гитлер полагал, что германский народ еще недостаточно закалился, чтобы безоговорочно принять эту политику, хотя во всех его

публичных выступлениях и статьях делались достаточно прозрачные намеки. Гитлер намеревался исключить физическим путем из немецкого общества всех «расово неполноценных», лиц с наследственными болезнями и «умственно отсталых». В засекреченном указе от 29 августа 1939 года, за три дня до вторжения в Польшу, Гитлер приказал рейхсляйтеру Боулеру и доктору Брандту установить практику, согласно которой все дипломированные врачи получали право даровать неизлечимо больным смерть «из милосердия». Под нацистское определение «неизлечимо больных» попадал довольно широкий круг лиц; общее количество таких лиц, умервщленных в период с 1939 до осени 1941 года, оценивается в сто тысяч человек. Медицинские комиссии посещали дома для умалишенных и отбирали там пациентов, которых затем убивали в газовых камерах. Родственников погибших обычно извещали о том, что эти лица скончались от сердечного приступа либо от воспаления легких. Однако везде, где ни появлялись эти медицинские комиссии, возникали подозрения, которые в конце концов привели к возмущению широких масс германского населения; их настроение ярко выразил в своих отважных публичных разоблачениях епископ Мюнстера Гален. В результате, в 1941 году правительство вынуждено было свернуть все работы по программе эвтаназии. Риск отчуждения значительной части населения от нацистов, в то время как велась тотальная война на истощение, был неприемлем, а продолжение «убийств из милости» грозило именно этими последствиями. Программа эвтаназии закончилась точно так же, как и началась — был разослан особый секретный циркуляр, предписывающий остановить ее осуществление.

Я ОБВИНЯЮ
Производство: Тобис
Режиссер: В. Либенайнер
Сценарий: Э. Фровайн и Г. Братт
В главных ролях: Хайдемари Гатгейер, Пауль Хартман, Матиас Виман
Премьера: 29 августа 1941 года

Одной из главных задач, стоявших перед Геббельсом, была мобилизация германских средств массовой информации на оправдание мер, предпринимаемых режимом. В случае с программой эвтаназии нацистам приходилось соблюдать особую осторожность, чтобы не возбудить недовольство своего народа, с повышенной чувствительностью реагировавшего на истребление больных и умственно неполноценных. Ведь речь шла о самих немцах, причем не представлявших никакой опасности для нацистского режима. Фильм, снятый с целью приучить общественное мнение к мысли о возможности убийств, узаконенных государством, был воспринят германским обывателем довольно сдержанно, если не сказать – почти благожелательно. В кинокартине «Я обвиняю» (Ich klage an) речь шла о молодой женщине, страдающей от рассеянного склероза, недуга, превратившего ее в существо, похожее на человека лишь внешне, а в остальном исполнявшее лишь вегетативные функции.[5] Болезнь – неизлечима. Женщина (ее роль играет Хайдемари Гаттейер) боится не смерти, а медленной агонии, которая сделает ее похожей на животное. Ее муж (актер Пауль Хартман) уступает мольбам жены и убивает ее, чтобы спасти от невыносимых мучений. Он делает это после того, как лечащий врач отвергает аналогичную просьбу. Муж подвергается затем судебным преследованиям, и последняя драматическая сцена фильма происходит в зале суда, где муж защищает свои действия. Отличный сценарий и прекрасная игра актеров приводят к тому, что заключительная сцена становится гимном во славу эвтаназии. Здесь звучат все теоретические рассуждения, использовавшиеся нацистами для обоснования и оправдания этого способа умерщвления больных. Один член суда выдвигает следующий аргумент: если государство имеет право требовать от солдата, чтобы он пожертвовал своей жизнью во имя нации, то оно должно также предоставить гражданину право умереть в любой момент и при обстоятельствах, которые он сочтет наиболее подходящими. В фильме эвтаназия представлена в наиболее знакомой для всех форме: смерть происходит в момент, выбираемый самим больным, который желает избежать дальнейших страданий. Врач, выступаю-

щий теперь в защиту мужа женщины, заявляет, что он изменил свою точку зрения и что, если бы ему пришлось оказаться в подобной ситуации снова, он умертвил бы женщину по ее просьбе. В своем заключительном слове, которое звучит весьма эмоционально, муж заявляет, что обвинителем является именно он, поскольку закон (статья 216 уголовного кодекса), преследующий человека за спасение своей жены от ненужных мучений, антигуманен и его следует отменить. Диалог в этой сцене производит потрясающее впечатление; обладая высоким эмоциональным накалом и будучи построенным на не менее высоком интеллектуальном уровне, он рассчитан на то, чтобы зрительская аудитория сама пришла к определенному заключению в отношении поставленной проблемы. В фильме не было ни героев, ни злодеев, хотя зрители обычно покидали кинозал с чувством симпатии к обвиняемому, оправдывая его поступок. Вызвать эту реакцию у населения и было главной целью, которую преследовал нацистский режим, дав Либенайнеру задание снять фильм, посвященный эвтаназии.

Режиссер знал о директиве Гитлера, принятой в 1939 году, потому что люди, ответственные за ее выполнение, ознакомили его с этим документом и попросили сделать фильм, который помог бы подготовить общественное мнение к мерам, которые уже невозможно будет скрыть. Геббельс всегда придавал большое значение германскому общественному мнению и своим острым нюхом распознал неприязненное отношение многих людей к тайне проводившейся политики эвтаназии. Этим можно объяснить его бурную реакцию в апреле 1941 года, когда министр пропаганды выступил с ярыми нападками на англичан, которые якобы «клеветнически» утверждали, что нацистский режим «после войны умертвит всех своих ветеранов-инвалидов».[6] Глубокую тревогу вызвали у него участившиеся критические выступления против нацистов среди католиков, как мирян,так и священнослужителей.[7] Геббельс полагал, что фильм «Я обвиняю» станет первым, весьма эффективным шагом на пути к «просвещению» германского народа, надеясь, что сами персонажи и ситуация, изображенные здесь очень человечно, снимут всякие страхи или религиозные

угрызения совести, мешающие немцам подняться на более высокий уровень национал-социалистического сознания. Разумеется, фильм не имел ничего общего с настоящей политикой «умервщлений из милосердия», проводившейся властями. В ленте сама жертва выбирает смерть; у пациентов же в гитлеровских психлечебницах такого выбора не было. Как и в других спорных вопросах, чреватых потенциальной угрозой, здесь режим действовал очень осторожно, шаг за шагом. Геббельс планировал производство и других фильмов на эту тему, которые постепенно знакомили бы массы с действительной политикой «эвтаназии», проводимой правительством. Однако недостаточный успех фильма «Ich klage an», которым тот был обязан словесным излишествам сценария, а также впечатление, что в целом фильм являлся упражнением в интеллектуальной эквилибристике, заставили его отказаться от этих планов. К тому же, в них не было теперь необходимости в связи с приостановлением программы «умервщлений из милосердия».

ВЕЧНЫЙ ЖИД
Режиссер: Фриц Гипплер
Сценарий: Эбергард Тауберт
Премьера: 28 ноября 1940 года

Два фильма, снятых в первые годы войны, отмечались меньшей двусмысленностью и большей ясностью в изображении другого аспекта массового уничтожения, осуществлявшегося нацистами. Имелось в виду куда более обширная программа ликвидации в оккупированной Европе всех евреев, включая детей. Фриц Гипплер воспользовался идеей, подсказанной экспертом по еврейскому вопросу министерства пропаганды доктором Траубертом, и поставил печально известный фильм «Вечный жид» («Der Eweige Jude»), премьера которого состоялась 28 ноября 1940 года в Берлине. Дублированные версии этой картины были позднее показаны во многих европейских странах, завоеванных нацистами.[8] «Вечный жид» подавался ими как документальный фильм

о роли евреев в мировой истории. Евреи изображаются в нем как паразиты, существа, похожие на крыс, неопрятные, грязные, помешавшиеся на деньгах; лица, которым чужды все высшие духовные ценности; совратители мира: «Им нужен лишь базар, они не умеют что-либо делать сами», «Они разносят болезни», «Они безобразны, трусливы и ходят стаями». Сцены ритуальных убийств животных в кошерном стиле призваны усилить до гротеска впечатления от садизма еврейской «религии». Фильм не завершается призывами к уничтожению евреев, но его смысл достаточно ясен: единственный путь к спасению мира лежит через ликвидацию евреев. Как выразился Гитлер в разговоре с Хорти, состоявшемся в апреле 1943 года: «Здоровое общество может приспособиться к евреям не в большей степени, чем здоровый организм способен вынести бациллу туберкулеза».[9] Людвиг Гайде превозносил «Вечного жида» за то, что эта картина помогла рядовому человеку понять необходимость мер, принятых правительством. Главной задачей фильма была идеологическая и психологическая подготовка германского народа, его союзников и населения оккупированных стран к «окончательному решению еврейского вопроса». Тех, кто видел «Der Ewige Jude» в 1941 году и кто случайно узнал об Аушвице* в 1943 году, было легче удержать в подчинении, и дело тут было не в осознании своей вины как соучастника. Просто эти люди уже были убеждены, что иного выхода у германских властей нет.

ЕВРЕЙ ЗЮСС
Производство: Терра
Режиссер: Ф. Харлан
Сценарий: Л. Метцгер, Е. В. Мюллер, Ф. Харлан
В главных ролях: Кристина Зюдербаум, Фердинанд Мариан, Генрих Георге Вернер Краусс, Ойген Клепфер
Премьера: 24 сентября 1940 года

* концентрационный лагерь уничтожения Освенцим.

Один из самых позорных художественных фильмов, снятых в «Третьем рейхе», был «Еврей Зюсс», поставленный Файтом Харланом в 1940 году. Два историка, изучавших кинематограф того периода, упомянули о «Еврее Зюссе» как о «лучшем пропагандистском фильме «Третьего рейха»».[10] Это был один из самых дорогих фильмов года. Ненависть к евреям в нем просто била через край. Сюжет фильма основан на жизни и смерти Зюсса Оппенгеймера, еврея, подвизавшегося в начале XVIII столетия при дворце герцога Вюртембергского. В этой кинокартине снимались многие знаменитые актеры германского кинематографа: Фердинанд Мариан в роли еврея Зюсса, Генрих Георге в роли правителя Карла-Александра, Кристина Зюдербаум в роли соблазненной арийской красотки, Вернер Краусс в роли раввина Лева и нескольких других евреев. Согласно свидетельству одного достоверного источника, идея сценария настолько захватила Краусса, что он настаивал, чтобы ему предоставили не меньше шести ролей евреев в этом фильме. Было ли это проявлением садомазохизма или вынужденным шагом, продиктованным необходимостью доказать свою лояльность нацистскому режиму? Генрих Георге, один из величайших актеров того времени, был руководителем берлинского театра имени Шиллера. Говорили, что однажды он закричал на своих актеров: «Я говорю о фюрере, вы слышите? Все на колени!».[11] Трудно сказать, являлось ли это высказывание насмешкой или искренним побуждением разума, свихнувшегося от постоянного общения и зависимости от таких людей, как Геббельс, Гипплер и Хинкель? Пресса уделила «Еврею Зюссу» очень большое внимание.[12] Возникало, правда, одно сомнение – подходит ли этот фильм для подрастающего поколения, поскольку в нем присутствовала сцена изнасилования, в которой еврей лишал девственности Кристину Зюдербаум. Эту ленту часто показывали перед аудиторией, состоявшей из членов Гитлерюгенда и эсэсовцев, а также во всех крупнейших кинотеатрах рейха и оккупированной Европы.

Зюсс Оппенгеймер предстает в фильме как наполовину ассимилированный еврей, который за несколько лет проходит путь от еврейского квартала до дворца герцога. Исполь-

зуя подкуп и черную магию, он и его товарищи-евреи, такие, как раввин Лев, намереваются захватить власть, манипулируя продажным, пьяным герцогом, который для них является архетипом легко поддающегося чужому влиянию гоя. Евреи, остающиеся в своем еврейском квартале, вызывают физическое отвращение, но главная идея фильма заключается в том, что они представляют куда меньшую опасность, нежели Зюсс, который, вращаясь в высших сферах, успел приобрести необходимый лоск. Не довольствуясь своим влиянием при дворе, Зюсс выдвигает притязания на руку дочери государственного советника. Его ярость не знает границ, когда отец девушки извещает Зюсса: «Моя дочь никогда не произведет на свет ребенка от еврея». Зюсс Оппенгеймер и его приспешники вынашивали тайные планы с помощью герцога, Карла-Александра, высасывать кровь из его ни о чем не подозревающих верноподданных. Любой позор и бесчестие оправданы, если они помогают евреям добыть деньги, занять уважаемое положение в обществе, пробиться к власти. Со смертью герцога от апоплексического удара исчезает основа влияния и власть Зюсса. Под давлением праведного народного гнева его арестовывают и предают суду. Зюсс Оппенгеймер до самой казни клянется в невиновности, однако в конце концов скользкого, как угорь, еврея вешают в камере, в то время как тихо падающий снег укрывает своим уютным, белоснежным покрывалом очистившуюся от скверны и успокоившуюся землю Вюртемберга. Урок «Еврея Зюсса» очевиден: евреи — паразиты на теле общества, и их следует уничтожить. Единственная разница между последней сценой фильма и нацистским геноцидом состоит в том, что еврей Зюсс умирает открыто, при стечении большого количества народа, а нацисты (за исключением Украины и Прибалтики) старались скрыть от всех свои злодеяния в отношении евреев.[13]

Фильмы «Вечный жид» и «Еврей Зюсс» отражали приверженность нацистов делу ликвидации евреев. Гитлер намекнул на возможность принятия таких мер в речи, произнесенной 30 января 1939 года[14], но геноцид стал официальной политикой германских властей лишь с 1940 года, а к массовому уничтожению еврейского населения

Европы нацисты приступили в начале 1942 года. Эти две художественные картины представляли собой синтез теории нацистов, ибо они донесли до широких масс бесчеловечную политику, которая ранее проповедовалась в устных и письменных выступлениях отдельных лиц, не облеченных официальными полномочиями и не пользовавшихся большим авторитетом за пределами узкого круга ярых антисемитов. Даже после погромов «хрустальной ночи» 1938 года мало кто из немцев верил, что гитлеровский режим и в самом деле собирается уничтожить всех евреев. К таким действиям открыто призывали лишь безумцы и дегенераты типа Юлиуса Штрахара и его приспешников в газете «Дер Штюрмер», издававшейся в Нюрнберге. Возможно, евреи депортируются «на восток» или в «трудовые лагеря», но убивать их? Едва ли, но миллионы немцев, которые увидели в 1940 и 1941 годах эти фильмы, наверняка поняли, что собирается сделать и уже делает с евреями германское правительство. Лишь человек, обладавший невероятной склонностью к самообману, мог выйти из зала после просмотра «Еврея Зюсса» и подумать, что этот фильм – всего-навсего историческая сказка с моральным уклоном, триумф добра над злом. Эти фильмы были по своей сути руководством к действию, а не просто обличением евреев. Вот почему Геббельс настаивал, чтобы пресса в статьях о «Еврее Зюссе» не называла его антисемитским фильмом. Традиционный антисемитизм в глазах Геббельса и Гитлера был слишком безвреден. То, что они имели в виду, отличалось куда большим радикализмом. Именно здесь эти фильмы смыкались с призывами Штрайхера, жестокими и бесчеловечными. «Респектабельные» нацистские лидеры, такие как фон Ширах и Фриче, позднее утверждали, что газета «Дер Штюрмер» вызывала у них отвращение, и они даже пытались ее запретить и принимали к тому меры в пределах своих возможностей.[15] Стараясь дистанцироваться от Штрайхера, они тем самым хотели обелить себя перед Международным военным трибуналом и предстать в его глазах в качестве обманутых добропорядочных немцев. Их антисемитизм был образца 1919 или 1937 года, говорили они. Оба этих руководитсля пытались снять с себя ответственность за

убийства, к которым без обиняков призывали фильмы «Еврей Зюсс», «Вечный жид» и газета «Дер Штюрмер».

К 1940 году нацистский режим сделал последний шаг. «Еврей Зюсс» и «Вечный жид» являлись пропагандистским обеспечением так называемого «окончательного решения». Штрайхер, человек, с 1938 года лишенный реальной власти, в 1942 году мог считать цели своего крестового похода достигнутыми, когда Гитлер заявил: не арийское сообщество, а евреи будут стерты с лица земли. Какой бы напряженной борьбы это не потребовало и как бы долго она не длилась, это будет ее окончательным результатом».[16] Когда к 1942-1944 годам массовое уничтожение евреев стало реальностью, которую нельзя было отрицать, Геббельс позаботился о том, чтобы германские средства массовой информации неустанно разоблачали происки евреев и вообще не ослабляли антиеврейской кампании. По мнению Гитлера и Геббельса, военные неудачи Германии лишь подтверждали их тезис о том, что евреи являются вечными, заклятыми врагами рейха и что с ними должно быть покончено. Как заявлял в своих показаниях в 1946 году Штрайхер: «У министерства пропаганды в Берлине была национал-социалистическая пресс-служба. В каждом информационном выпуске она помещала несколько просветительных статей по еврейскому вопросу. Во время войны фюрер лично отдал приказ, чтобы пресса публиковала как можно больше материалов просветительного характера по еврейскому вопросу».[17]

«Еврей Зюсс» и «Вечный жид» походили на карикатуры на евреев, которые с начала 1920-х годов играли доминирующую роль на страницах «Дер Штюрмер». В случае с «Евреем Зюссом» этот образ на киноэкране содержал элемент неприличной сексуальности, которому уделялось большое внимание в газете Штрайхера. Сам Штрайхер был грубым и довольно тупым, ограниченным человеком, в личности которого отражались явные следы душевного заболевания. Такие люди, как Ханс Фриче, относились к Штрайхеру и ему подобным, как к бездарностям, которые своим экстремизмом лишь компрометировали режим и лили воду на мельницу врагов. Фриче, работавший в аппарате

министерства, шеф которого не скрывал своего желания быстрее покончить со всеми евреями физическим путем, позднее утверждал, что пытался убедить правительство запретить «Дер Штюрмер», поскольку антисемитский бред и призывы к массовым убийствам подливали керосин в огонь антисемитской пропаганды. Альфред Розенберг отождествлял с германизмом и еврейством две противостоящие друг другу силы, одна олицетворяла свет, а другая – тьму. Его тоже мало привлекал порнографический, антисемитский психоз, раздувавшийся издательством «Штюрмер» в его «борьбе за историческую истину». И вот этот самый Розенберг, «философ», решил созвать в 1944 году в Кракове международный антиеврейский конгресс. Риббентроп и Геббельс обещали оказать ему в этом всяческое содействие, но Розенбергу пришлось, скрепя сердце, отказаться от своих планов в ноябре, когда Борман указал ему, что для такого мероприятия необходимо более подходящее время.[18] Все эти люди, Файт Харлан, Фриц Гипплер, Ханс Фриче и Альфред Розенберг, Геббельс и Риббентроп, считали себя культурными джентльменами и, наверное, презирали такого неотесанного мужика, как Штрайхер, но своей деятельностью они во многом способствовали достижению его главной цели, «окончательного решения». Гитлер, позволивший Штрайхеру продолжать издание его газеты вплоть до конца 1944 года, испытывал к нему большую симпатию из-за наивного антисемитского идеализма, которым были проникнуты все страницы «Дер Штюрмер». Как констатировал сам Гитлер в декабре 1941 года: «Несмотря на все его слабости он – человек, обладающий сильным духом... Меня всегда мучили укоры совести, если я чувствую, что был с кем-то не до конца честен... У Штрайхера лишь одна болезнь, нимфолепсия».[19]

Даже в 1945 году Гитлер выражал свои симпатии к Штрайхеру в разговоре с Йозефом Геббельсом. Это само по себе было признаком «триумфа Геббельса», который, будучи «интеллектуалом» среди головорезов, должен был более всех презирать Штрайхера, и скорее всего так оно и было. Однако в 1945 году ему удалось убедить человека, которого боготворил, в том, что он, Геббельс, в состоянии оценить

Штрайхера, «человека, обладающего духом». Это было победой Геббельса — но в какое время и какой ценой!

Премьера кинокартины «Opfergang» («Ритуал самопожертвования»), режиссер Файт Харлан, состоялась 29 декабря 1944 года.[20] Этот интересный фильм был одной из последних роскошных, импозантных лент, снятых в «Третьем рейхе». Он поражает великолепными декорациями и сочными красками. Сюжет фильма не имеет ничего общего с агонией умирающего рейха. Но можно ли с полной уверенностью говорить о его отстраненном характере? Находилась ли его идея действительно вне всякой связи с пропагандой и мировоззрением Йозефа Геббельса? «Ритуал самопожертвования» на самом деле отражал, как удачно заметил Карл Гауптман, господствующую среди руководителей «Третьего рейха» тенденцию путать факты с возможностями, что в конце концов привело к тому, что они «стали верить в свои собственные фразы».[21] Основой для создания этого фильма послужил одноименный роман Рудольфа Биндинга, хотя Харлану пришлось многое изменить, чтобы не нарушать некоторые принципиальные положения национал-социализма.[22]

РИТУАЛ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ
Производство: УФА
Режиссер: Файт Харлан
Сценарий: Ф. Харлан, А. Браун
В главных ролях: Кристина Зюдербаум, Карл Раддац, Ирене фон Майендорф
Премьера: 22 декабря 1944 года

Альбрехт (Карл Раддац) возвращается из кругосветного путешествия и оказывается вовлеченным в трагический любовный треугольник. Его брак с прекрасной Октавией (Ирене фон Майендорф) находится на грани распада, и развод кажется неизбежным, когда Альбрехт возвращается к своей прежней возлюбленной, смертельно больной Аэлс (Кристина Зюдербаум). Фильм изобилует трагическими

обертонами. Аэлс внешне олицетворяет тип здоровой, жизнерадостной женщины, которая большую часть времени проводит на свежем воздухе, красавицы нордического типа в полном расцвете сил. На протяжении всей картины над любовной драмой постоянно витает незримый, мрачный дух смерти Аэлс, которая неминуемо должна последовать от неизлечимой болезни. Самопожертвование становится в этом фильме способом очищения души и формой оправдания. Когда Октавия узнает об угрозе страшной эпидемии в местности, где растет ребенок Аэлс, она просит Альбрехта спасти маленькую девочку. Он совершает героический поступок, но сам заражается этой опасной болезнью, и больше не может посещать Аэлс, которая уже находится при смерти. Тогда Октавия переодевается Альбрехтом и ежедневно появляется верхом на лошади под окном умирающей женщины, тем самым поддерживая в ней бодрость духа и помогая перенести мучительные страдания. Альбрехт выздоравливает и узнает от Аэлс, которая разгадала обман, продиктованный самыми лучшими намерениями, о поступке Октавии. Он понимает, что самопожертвование его жены свидетельствуют о благородстве души, достойной любви. Аэлс умирает, брак спасен, и все три главных героя оправданы в своем поведении.

В этом «романтическом» фильме содержались некоторые пропагандистские штампы, характерные для национал-социалистической идеологии. Никто ни разу не кричит «Хайль!», не видно свастики, но все же «Opfergang» полностью соответствует характеру Йозефа Геббельса и его мировоззрению. После того как съемки были закончены, фильм почти год пролежал на полке, не получив доступа на экран. Это случилось потому, что Геббельс и Харлан питали некоторые сомнения в его идеологической непогрешимости. В романе, например, Аэлс не умирает, но исходя из установок национал-социализма, сценаристы решили изменить сюжет и ради сохранения брака пожертвовали прелюбодейкой.

Сценарий изображает Альбрехта человеком, которому не по нраву трагедии в стиле Ницше и который говорит «да» жизни, любит море и горы. Но этот самый Альбрехт

осознает всю глубину трагических коллизий жизни, и через них возвращается к мысли о святости брака. Такой поворот сюжета вполне устраивал цензоров Геббельса. Ранее Альбрехт находит одну из поэм Ницше («Останься сильным, мое храброе сердце») удручающей. Испытав страдание, он становится сильнее, и его возвращение к Октавии не означает отказ от Аэлс и забвение памяти о ней, но пробуждение к действительности и осознание своего долга после жизни, проведенной в путешествиях, пирах и маскарадах, когда все казалось преходящим и не имеющим ценности. В фильме много сцен, символизирующих другие аспекты нацистской идеологии, но их искусная трактовка позволила создателям «Ритуала самопожертвования» избежать вульгарностей национал-социалистической доктрины и счастливо миновать ловушку, в которую попались другие режиссеры. Один эпизод происходит в Колониальном клубе в Гамбурге, напоминая зрителям о традициях германского империализма, когда-то протянувшего свои щупальца за далекие моря, на другие континенты. Другой эпизод вызывает в памяти ассоциацию с фашистской эвтаназией, хотя в данном случае речь идет всего-навсего об умерщлении страдающей собаки. Трагедия Аэлс состоит в том, что она является воплощением нордической воли к жизни, но обрсчена на смерть в расцвете лет. Это противоречие, возможно, и доставило Геббельсу некоторые беспокойства, но в конце концов высшие постулаты нацистской идеологии сделали ее смерть необходимостью. Геббельс мог увидеть в этой истории аналогию со случаем из собственной жизни, когда он сошелся с Лидой Бааровой. Ведь тогда он тоже спас свой брак (и карьеру), вернувшись к Магде. Правда, ему пришлось сделать это под давлением обстоятельств, в то время как Альбрехт возвращается к Октавии, вновь обретя к ней любовь и глубокой уважение.

Геббельс в 1944-45 годах часто смотрел этот фильм и каждый раз его реакция была циничной и глубоко эмоциональной. Самым интересным и показательным аспектом «Ритуала самопожертвования» была его невероятная сентиментальность. Когда Аэлс умирает, мы слышим пение немецкого хора, который готовит ее к восшествию на небеса.

Ворота вечности открываются для нее под аккомпанемент романтической трансцедентальной музыки в стиле Листа. Яркие замечательные краски прекрасно передают радость спасения души. У зрителей создается ощущение причастности к христианскому Успению. Эта сцена чрезвычайно растрогала Геббельса, и временами он через нее переносился к мысли о своем собственном бессмертии. В 1944-45 годах от него все чаще можно было услышать: «Я думаю, что человек продолжает жить в своих делах...» Заключительная сцена «Ритуала самопожертвования» представляет собой аллегорию на конец «Третьего рейха», показывая, как преданность идее, несмотря на суровые обстоятельства, грозящие гибелью, гарантирует спасение души и полное искупление грехов через волю, веру и дела человека. В завершающих кадрах ворота дома Аэлс, перед окнами которого появляется Октавия в одежде Альбрехта-утешителя, становятся райскими вратами из золота и жемчуга. Вся эта сцена смехотворна дешева и вульгарна. Но в то же время по ней можно вполне безошибочно судить о душевном состоянии Геббельса, в котором он пребывал в конце войны. Весьма показательно не то, что в этой ленте нашла свое отражение нацистская концепция брака, а то, что впервые идеология поднимается до уровня трансцедентальной, искупительной религии.

Аналогичная сцена появляется в фильме «Кольберг», снятом в 1944 году. Королева Пруссии и патриотически настроенная крестьянская девушка (роли которых исполняют Ирене фон Майендорф и Кристина Зюдербаум) показываются под аккомпанемент ангельской музыки, неизбежно вызывающей у зрителя мысль о спасении на небесах. Верность родине («Кольберг») и надлежащее исполнение своей обязанности перед обществом («Ритуал самопожертвования») всегда были основой нацистского мировоззрения. Однако крах «Третьего рейха» был не за горами, и эти ценности отошли на второй план, уступив место «высшей» теме личного искупления главных героев, получивших благословение благодаря своей нерушимой вере. К этому времени все тонкости идеологического подтекста выше перечисленных фильмов имели значение лишь для Геббельса.

Остальным немцам было уже некогда в них разбираться. Роскошные и дорогостоящие киноленты отражали романтическое спасение души Йозефа Геббельса, человека, превзошедшего в цинизме самого себя, поскольку он верил в то, что память о нем переживет даже разрушение Германии.

КОЛЬБЕРГ
Производство: УФА
Режиссер: Файт Харлан
Сценарий: Ф. Харлан, Альфред Браун
В главных ролях: Кристина Зюдербаум, Генрих Георге, Хорст Каспар Ирене фон Майендорф, Курт Майзель
Премьера: 30 января 1945 года

Идея смерти, становящаяся порой просто навязчивой, красной нитью проходит через фильмы «Я обвиняю», «Еврей Зюсс», «Вечный жид», «Ритуал самопожертвования» и «Кольберг». Генрих Гиммлер любил проводить различие между «позитивными» и «негативными» сторонами своей деятельности. «Ликвидация цыган, евреев и других недочеловеков была неприятной, но необходимой страницей германской истории, — говорил он, — которую нельзя написать». Удовольствие рейхсфюреру СС доставлял положительный аспект его работы, к которой он относил, например, планировку образцовых крестьянских поселений в России и отбор нордической элиты. Последнее было особенно важно, ведь от этой избранной касты зависело будущее Европы. Первые три фильма, по мнению Геббельса, отражали негативную, но крайне необходимую сторону практики национал-социалистов. Их задачей было подготовить сознание германского народа к положительному восприятию мер, принимавшихся режимом против нежелательных лиц и недочеловеков. Эти киноленты появились в то время, когда военные победы «Третьего рейха», казалось, уже гарантировали прочное положение Великой Германии как ядра новой Европы. «Ритуал самопожертвования» также был посвящен смерти. Он прославлял ее, но в отличие от предыдущих кинокартин, в нем выражалась «позитивная»,

или «идеалистическая» сторона нацистского характера. В 1940 году германский киноэкран подстрекал к убийствам. Теперь же, в 1943-45 годах, на нем пропагандировали спасение души через искупительную смерть. Нигилизм такой ориентации на смерть воплощал в себе дух национал-социализма. Такой фильм, как «Еврей Зюсс», предназначался для широких зрительских масс; «Ритуал самопожертвования» и «Кольберг» были расчитаны на нацистскую элиту, предлагая модель спасения души.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДВА ВЗГЛЯДА НА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И МАССОВЫХ ВРАГОВ В ГЕРМАНСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

9

ВОЙНА ПРОТИВ АНГЛИИ В ГЕРМАНСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Когда Великобритания стала объектом нападок германских средств массовой информации, национал-социалистическая идеология военного времени смогла опереться на давние традиции если не ненависти, то явной неприязни к коварному Альбиону, которую всегда испытывали немцы и которая еще более усилилась после первой мировой войны, а также на рассуждения о социальном прогрессе. Гитлер же долгое время рассматривал англичан как братьев немцев по расе, а Британскую империю как потенциального союзника рейха. Когда Британия стала врагом, нацисты кинулись обличать империю как социально реакционную, разглагольствуя об ужасной эксплуатации, которой подвергались английские трудящиеся массы со стороны угнетающих их капиталистов-плутократов. Некоторые темы, к которым часто обращались немецкие газеты во время первой мировой войны, после 1939 года были опять извлечены из запасников и стали широко использоваться нацистской пропагандой. Во время «Великой войны» германских школьников учили хором произносить лозунг: «Боже, покарай Англию!» ведь Британия «предала» Германию и вступила в союз с чуждыми ей по духу и крови славянами и галлами — Россией и Францией.

В 1940 году немецкие учителя входили в классы и громко провозглашали: «Боже, покарай Англию!» Учащиеся неизменно должны были отвечать: «Он обязательно ее покарает!»[1] Нацистская пропаганда военного времени, направленная против Англии, опиралась на концепции, развитые в ходе «Великой войны» такими людьми, как Вернер Зомбарт, Хьюстон Стюарт Чемберлен и Освальд Шпенглер. К 1920 году изобретенные ими лозунги и пропагандистские клише получили широкое распространение в германском народе, и нацистам ничего не стоило вновь извлечь их на свет и запустить в обращение.

К 1914 году знаменитый историк, изучавший историю через призму последовательно сменявших друг друга экономических формаций, Вернер Зомбарт обнаружил, что англичане не заслуживают права числиться среди «Heldenvolker», — наций-героев, так как в действительности являлись «Handlervolk», наций торговцев. В этом качестве они имели гораздо больше общего с евреями, нежели с немцами. Потребовалось совсем немного ума и усилий, чтобы от этого тезиса перекинуть мостик к громогласному утверждению, будто англичане являются «евреями среди арийских народов». Артур Мицман перефразирует Зомбарта: «Для англичан война была капиталистическим предприятием, для немцев же она стала последним бастионом на пути бешеного коммерциализма, порабощающего душу современного человека».[2] Х.С.Чемберлен, известный теоретик, занимавшийся исследованием роли рас в истории, начал использовать в вопросах культуры и национализма германизм. В первую мировую войну ему было предоставлено германское гражданство. Чемберлен написал ряд статей, очерков и эссе, призванных поднять боевой дух немцев и оправдать их дело. В эссе «Англия» он описывает свою родину как страну, где люди ставят деньги на место бога, и как антисоциальное государство с очень жесткими классовыми различиями, где глубокая пропасть отделяет привилегированные слои от народа. В довольно неуклюжем, изобилующим архаизмами, германском стиле Чемберлен обличает парламентские институты как забаву богатеев. Он отказался признать, что из англичан получились отличные

мореплаватели или что они были храбрыми покорителями других наций. По его мнению, англичане годились лишь на то, чтобы угнетать примитивные народы, но сами не отличались героизмом или творческими способностями. Чемберлен заявил, что страсть к наживе сделала его соотечественников работорговцами и империалистами. Для Британии, по его словам, типичным является повсеместное стремление к обогащению, принимающее самые омерзительные формы, с точки зрения морали. Совершая различные экскурсы в историю, он доказывал, что в характере британцев преобладают лицемерие, наглость и холодная расчетливость, а идеализма нет и в помине. Чемберлену, правда, пришлось скрепя сердце признать, что средний англичанин храбр, трудолюбив и добропорядочен, но тут же он делает оговорку, утверждая, что классовое общество и государство, где все отношения зиждились на деньгах, извратили внутреннюю здоровую суть рядовых людей и превратили их в существа, достойные презрения. Многие «теоретические» постулаты Чемберлена использовались нацистами в нападках на Англию.

Освальд Шпенглер исследовал британцев через призму «пруссачества». Он противопоставлял прусское трудолюбие и высокоразвитое чувство долга эгоистичному британскому понятию о свободном индивидуализме: «Для пруссаков является характерным слияние воли индивидуализма с волей общества», – писал он.[3] Весь свой огромный престиж ученого, изучавшего историю философии, Шпенглер использовал для обличения британцев, обвиняя их в отсутствии внутренней духовной свободы и недостатке сознательности. По мнению Шпенглера, материализм и либерализм, присущие англичанам, делают их неспособными дать должную оценку творческой стороне труда и обязанностям человека перед обществом. Рассуждая о влиянии кальвинизма и Кромвеля на развитие английского характера, Шпенглер выдвинул в качестве аргумента следующее утверждение: «Труд в глазах верующего в Бога приверженца англиканской церкви является результатом падения человека. С точки зрения же пруссака это Божья заповедь».

Когда весной 1939 года британское правительство стало проявлять первые признаки сопротивления дальнейшей экспансии Германии, те, кто заправлял пропагандистской машиной нацистов, пришли к выводу, что большинство немцев разделяет взгляды Зомбарта, Чемберлена и Шпенглера. Партийным агитаторам было дано задание в своей разъяснительной работе делать упор на историческую лживость британских гарантий и обещаний. Они должны были говорить своим слушателям о том, например, что англичане предательски покинули Фридриха Великого в 1761 году, когда он больше всего нуждался в поддержке. А баварским пропагандистам сообщили, что британская концепция «равновесия сил» служила лишь прикрытием для сохранения гегемонии англичан в Европе. Не был обойден вниманием и тот удобный аргумент, что Невилл Чемберлен якобы опять прибегнул к политике «окружения», которая проводилась в 1904-14 годах и привела к «Великой войне». В своей исторической ненависти к Англии нацисты дошли до совершенно абсурдных измышлений, что англичане направляли и идейно вдохновляли убийц многих великих исторических личностей, от французского социалиста Жана Жореса и югославского короля Александра до Авраама Линкольна. Среди тем, предлагавшихся вниманию агитаторов, были: «Евреи и масоны в английской политике» и «Англия – поджигатель войны». Пропагандистов снабжали псевдофактами о лицемерии англичан, чтобы они использовали эти данные для развенчания традиционных британских идеалов, таких, как «свобода морей», «самоопределение» и «равенство сил в Европе». Опираясь на труды Зомбарта, Чемберлена и Шпенглера, лекторы управления внутренней пропаганды призывали своих слушателей на краткосрочных курсах особенно подчеркивать то обстоятельство, что у англичан не было такой глубокой духовной культуры, как у немцев. Противник почитал «еврейского» материалистического бога, а англиканская церковь была по своей природе политической, а не духовной силой. Соперничество между двумя странами изображалось как «борьба Бога против мира наживы и золотого тельца». В английском «мирозда-

нии» не предусматривалось уважение к правам других наций, оно было насквозь пропитано жаждой прибыли и эксплуатацией.[4] В этом смысле нацисты несколько усовершенствовали пропагандистские приемы почти тридцатилетней давности.

Одним из тех, кто безоговорочно принял на веру весь набор этих тупых, примитивных пропагандистских штампов, был английский ренегат Уильям Джойс («Лорд Гав-Гав»), который рассматривал движение нацистов как пролетарское и надеялся, что оно «освободит мир от пут плутократов-капиталистов».[5] В течение всего 1940 года нацистские теоретики от пропаганды трудились не покладая рук, выступая в печати и перед микрофоном с многочасовыми лекциями и пространными статьями, полными словесной шелухи. Их целью было создание зрелой, развитой концепции «плутократии».[6] Инструкции для агитаторов, составленные RPL, предписывали изображать англичан как нацию евреизированных ростовщиков, людей, которые кормятся спекуляциями на биржах и доходами от масонских лож. Даже британское искусство и музыка были лишены духа творчества, и отличались тавтологией и стерильностью. Пропагандисты сопоставляли это общество умершей культуры с богатым миром германской духовности, породившем Майстера, Экхарта, Гете, Бетховена и Гитлера. Однако к началу 1940 года в пропагандистской кампании на первый план выдвинулась другая тема – описание Британии как отсталой страны трущоб, безработицы и социального неравенства. Как выразился в 1941 году Гитлер: ...среди англичан культура, как и спорт, являются привилегией высших классов».[7]

После сокрушительного поражения французской армии и капитуляции Франции Геббельс приказал временно воздержаться от крайностей в антибританской пропаганде. Эта пауза длилась с конца июня по 22 июля 1940 года и была связана с попытками Гитлера убедить англичан примириться с доминированием Германии на европейском континенте в обмен на союз, который гарантировал бы сохранение Британской империи. Рудольфу Гессу, возможно, уже было известно о намерении фюрера вторгнуться в

Россию. В беседе с Феликсом Керстеном 24 июня 1940 года он заявил: «Мне трудно представить, что холодная, расчетливая Англия сунет свою голову в большевистскую петлю вместо того, чтобы спастись, заключив с нами соглашение».[8] 25 июня германские газеты получили новые инструкции об изменениях в пропаганде против Англии: «В трактовке нашей будущей политики по отношению к Великобритании необходимо подчеркивать, что целью нашей борьбы не является уничтожение Британской империи, она направлена скорее на ликвидацию британской гегемонии на континенте».[9] Художественные фильмы с антианглийским циклом, которые уже показывались или должны были выйти на экран в ближайшем будущем, такие, как например: «Подводные лодки, на Запад!», больше не являлись темой обширных дискуссий и восторженных отзывов в прессе.[10] 19 июля Гитлер сделал Британии предложение о мире, а 22 июля лорд Галифакс решительно отклонил германскую концепцию мира. Гессу осталось еще 10 месяцев на размышление.

Во время «битвы за Британию» Геббельс дал указания германским средствам массовой информации придерживаться осторожной линии в ведении антианглийской пропаганды. Он предупреждал, что не следует ожидать скорого краха такой огромной империи, как Британская. Признаки ослабления ее военной мощи уже проявились, но, по словам Геббельса, конец последует еще через некоторое время и будет носить характер внезапности.[11] Он не стал указывать конкретных дат, полагая вредным возбуждать у германского народа ложные иллюзии, и вместо пророчества обратился к сарказму. Это был его излюбленный прием. В декабре 1940 года он высмеял британские предложения, которые касались будущего политического, общественного и экономического порядка в Европе, заявив, что англичане располагали более чем достаточным временем, чтобы реализовать свои предложения в жизнь, но их постигла полная неудача. А теперь англичане якобы занимались плагиатом, пытаясь перенять для своих целей германский опыт в социальной сфере.[12]

Серьезный удар по антибританской пропаганде Геббельса был нанесен в мае 1941 года, когда, предпринимая последнюю отчаянную попытку образумить англичан, в Шотландию, якобы в тайне от фюрера, вылетел Рудольф Гесс. До нападения на Советскую Россию оставалось всего лишь шесть недель. Люфтваффе и подводные лодки, хотя и нанесли ощутимый урон Британии, все же не смогли поставить ее на колени. Один биограф Гесса утверждает: «Исторический полет Гесса в Англию состоялся с одобрения фюрера, который знал о намерении Гесса заранее».[13] Это заявление трудно подтвердить или опровергнуть, но очевидно одно — если бы Гессу удалось «образумить» британское правительства, то Гитлер вряд ли пренебрег бы результатами этого драматического полета. Отто Дитрих, пытаясь спасти лицо германской пропаганды, заявлял, что Гесс, понимая, что Британия потерпела поражение, хотел помочь английской «партии мира» в ее борьбе против Черчилля и побыстрее положить конец ненужной войне.[14] Альбрехт Хаусхофер, сын известного политика и человек, знакомый с британскими политическими нравами и традициями, предложил своему другу Гессу, чтобы тот встретился с герцогом Гамильтоном на нейтральной территории. Герцог имел свободный доступ к королю и премьер-министру Уинстону Чечиллю. Это предложение было сделано Хаусхофером 8 сентября 1940 года, а неделю спустя он заметил в своем дневнике, что Гитлер лично одобрил эту идею и решил сам встретиться с Гессом.[15]

Провал миссии Гесса усилил позиции Черчилля и британской «плутократии». Германская пропаганда возобновила свои яростные нападки на это «гнусное» явление, иногда толкуя понятие о плутократии в несколько более широком смысле и употребляя термин «англо-американская плутократия».[16] Как выразился Карл Церф: «Германская культура дает огромную моральную закалку, чтобы вести эту борьбу! Что могут противопоставить этому английские и американские выскочки?»[17] Геббельс обратил как-то внимание на широкие дискуссии, развернувшиеся

в Британии по поводу плана Бевериджа, который предусматривал введение после войны некоторых социальных гарантий. Встревожившись, он приказал германским средствам массовой информации начать разоблачение этого плана, как фикции, нацеленной на обман английских трудящихся. Министр с гордостью констатировал, что в Германии социальные реформы начались еще в 1884 году, а с 1933 года немцы живут при государственном социализме. Соответственно, германским газетам и радио была дана сверху команда изобразить план Бевериджа запоздалыми и лживыми посулами провести реформу, которые Германия осуществила еще во времена Бисмарка.[18]

Учебно-образовательные пособия, распространившиеся по линии Главного Управления партийной учебы, содержали огромное количество материалов о германской «плутократии». Эта тема была излюбленным коньком Роберта Лея, который в 1944 году провозгласил Германию как «единственную страну на всей планете, где руководство сдержало обещания, данные народу», создав народное сообщество и основав школы, доступные молодежи из всех социальных слоев.[19] Лей восхвалял количественные и качественные достижения германского рабочего класса, ссылаясь на них как на доказательства правильности избранного национал-социалистами пути. Это утверждение звучало весьма иронично, поскольку от него отдавало капиталистической эксплуатацией, той самой, которую Лей так яро поносил в «плутократической» Великобритании. В «учебнообразовательных пособиях», по которым занимались в кружках партучебы, было очень много подробных сведений о «классовом» характере британского общества.[20] Одна брошюра, используя марксистскую терминологию, обличала правящий класс Британии, государственных чиновников, верхушку армии и парламентариев, называя их инструментами в руках всесильных «плутократов» — крупных землевладельцев и капиталистов. Из подобных брошюр информацию о Великобритании черпали не только агитаторы и преподаватели школ и курсов, но и остальные члены партии, мелкие и средние функционеры, а также служащие госаппарата, составители

учебных пособий, источников, включая труды времен первой мировой войны. В бюллетенях, которые рассылала организация Роберта Лея, английская правящая элита представала перед читателями как корыстолюбивая, эгоистичная группа лиц, которая заразила своим вредоносным влиянием Европу. Один бюллетень поносил «еврея Рикардо» за его участие в создании теории свободной экономики и разносил в пух и прах Адама Смита и Иеремию Бентама за их вклад в концепцию «материалистической национальной экономики».

Геббельс, конечно же, прекрасно знал о том, что «тотальная эффективность» производства и сплоченность народа вокруг НСДАП являлись больше химерой, чем действительностью. По отношению к Англии в позициях германской элиты и германских средств массовой информации часто бывали несовпадения, а временами они отличались явным противоречием. В конце апреля 1942 года Геббельс заметил, что англичане подчас проявляют явную халатность и небрежность в отношении сохранности государственных тайн, и сказал: «Я надеюсь, что на наших линиях секретной правительственной связи дела обстоят совершенно иначе».[21] Но всего лишь десять дней спустя Гитлер хвалил англичан за совершенно противоположные качества: «Вплоть до настоящего момента мы не услышали ни слова о том, что говорится на этих парламентских сессиях. Это мощный фактор, стимулирующий рост солидарности и сплоченности британского народа».[22] Позднее министр пропаганды заметил: «Я полагаю, что Англии в настоящее время не угрожает опасность большевизации. Английский менталитет находится в слишком прочной зависимости от английских традиций».[23] И в тоже самое время работники Управления внутренней пропаганды рейха начали в газетах и на радио кампанию, призванную показать, что подрывная работа большевиков принесла свои плоды и Англия неуклонно скатывалась в лоно большевизма.[24] Перед германской пропагандой военного времени стояла задача объяснить народу причину враждебности Британии. Все средства массовой информации усердно эксплуатировали тему «плутократии», замусолив ее вко-

нец, хотя справедливости ради следует отметить, что в ходе войны в выступлениях на эту тему появились некоторые нюансы и наблюдался перенос акцентов. В конце 1942 года Гитлер изрек: «Мы должны постоянно повторять, что ведем войну не с британским народом, а с маленькой кликой, которая правит им. Этот лозунг обещает дать хорошие результаты...»[25] Возможно, Гитлер позаимствовал этот прием у ненавистного ему Вудро Вильсона, который «одурачил» немцев, объявив, что борется против прусского милитаризма, а не против германского народа. И все-таки, несмотря на титанические усилия немецкой пропаганды, воздействие на англичан «антиплутократической» темы дало куда меньший эффект, чем этого можно было ожидать. Не в последнюю очередь в этом оказались виноваты Люфтваффе, которые подвергали варварским бомбардировкам прежде всего трущобы и жилые кварталы, населенные рабочими. Такие действия явно расходились с нацистскими заявлениями, что Германия воюет с плутократией, а не с народом. В марте 1943 года Геббельс с опозданием заметил: «Я предложил фюреру в будущем бомбить не трущобы, а кварталы, в которых живут плутократы. Люфтваффе надлежало учесть это обстоятельство при планировании воздушных налетов на Англию... Фюрер согласен с этим».[26] Март 1943! Запоздалое прозрение...

В нападках Геббельса на «плутократов» содержалось саркастическое обличение лицемерия, характерное для этого порочного, злого на язык, циничного человека, который сам являлся прежде всего лицемером. Когда в июне 1940 года французская армия потерпела полное поражение, министр пропаганды изобличал англичан как «набожных лицемеров», которые выглядят смиренными и богопослушными в своих глазах, но являются бессовестными лгунами, с точки зрения бесстрастных, объективных наблюдателей со стороны. Он задавал вопрос: «Что мы понимаем под плутократией? Плутократия — это такая форма политической и экономической власти, когда пара сотен семей правит всем миром, не имея на это никакого морального права».[27] Геббельс был создателем концепции «плутократии», и гер-

манские средства массовой информации опирались в своей работе на нее вплоть до конца войны.[28] Министр произнес очень много речей, в которых противопоставлял германское «социальное государство» несправедливостям, творимым британским правящим классом.[2] Он даже подхватил лозунг, которым часто пользовался Муссолини, гласивший, что страны «оси» были нищими пролетарскими нациями, стремившимися сбросить оковы британского империализма и занять свое место под солнцем.

Геббельс выдвигал тезис, что малые нации являются лишь «разменными монетами» в борьбе, которую ведут британские плутократы за установление гегемонии в Европе.[30] Вот что они сделали с поляками, норвежцами, голландцами и бельгийцами, не говоря уже о французах. Они накликали войну на головы простодушных, доверчивых народов и их коррумпированных политиков. Результаты оказались плачевными для этих «жертв» британской политики окружения Германии. Особенно раздражали Геббельса набожность и моральное лицемерие британского руководства. Он заявлял, что его не очень волнует бесчеловечность англичан или их хитрые трюки; больше всего его задевали их претензии на роль блюстителей морали и защитников религии, их наглый обычай поучать других при помощи церковных проповедей.[31] Ослепленный своим невежеством тщеславного всезнайки, Геббельс в 1941 году нарисовал не соответствующий действительности социальный портрет Лондона, который наверняка привел в замешательство германскую аудиторию, поскольку именно на нее и были рассчитаны перлы словесной эквилибристики этого подручного Гитлера. Однако из поля зрения министра ускользнул героизм, проявленный англичанами во время налетов Люфтваффе (который в частных беседах он высоко оценивал). Он стал описывать жизнь «золотой молодежи» из высшего света, которая танцует и веселится в роскошных отелях в то время, как город объят огнем.[32] Геббельс не объяснил, как Британии удалось выстоять против германской военной машины вермахта, если ее правящий класс разложился и погряз в коррупции и разврате. И все же эта картина соответствовала представлени-

ям Геббельса о неизбежном упадке морали в прогнившем буржуазно-либеральном обществе.[33] Этот подход пригодился, когда понадобилось найти новый пропагандистский аргумент после вторжения в Советскую Россию: Европа должна была выбирать между победой Германии или большевизмом.

Нападки Геббельса на британскую «плутократию» не ослабевали даже после того, как стало ясно, что даже самые ужасные воздушные налеты и рейды подводных лодок не смогут поставить Англию на колени. Ближе к концу 1943 года министр нарушил свой собственный запрет на обсуждение средствами массовой информации вопроса о нехватке продовольствия и предметов первой необходимости в Британии. (Наученные горьким опытом лишений военных лет германские обыватели могли насторожиться и принять пропагандистскую шумиху вокруг якобы невероятных трудностей, испытываемых англичанами, за прелюдию, вслед за которой неминуемо последует сокращение их пайков, получаемых по карточкам). Он раскритиковал британскую систему распределения продовольствия, от которой выигрывали богатые бездельники, в то время как в Германии рабочие, занятые в тяжелой промышленности, получали дополнительные пайки. В борьбе против британской «плутократии» Геббельс вновь обратился к радикализму двадцатых годов, отозвавшись о второй мировой войне, как о «социальной» революции», которая исключала возвращение старых порядков.[34] Он предсказал, что британский рабочий класс отвернется от коллаборационистской партии лейбористов и осознает, что только «плутократия», люто ненавидевшая социально-прогрессивную нацистскую Германию в 1939 году, хотела начать войну из-за Данцига. К концу 1943 года Геббельс провозглашал, что победа союзников может иметь для «плутократов» такие же катастрофические последствия, как и победа Германии. Большевики выйдут к брегам Ла-Манша, и британский империализм будет задушен. Геббельс был прав (несмотря на все преувеличения), предчувствуя скорый закат британского империализма. Он довольно точно определил проблемы, с которыми должно было

столкнуться британское общество, и предсказал, что Британия выйдет из войны «без денег, без торговли и со значительно ослабленным торговым и военным флотом, который скатится до разряда второстепенного».[35] Геббельс упорно не желал видеть, что «плутократы» и рабочие, Черчилль, Рузвельт и Сталин, несмотря на все разногласия, объединили свои усилия с тем, чтобы такие люди, как он, исчезли с лица земли.

В 1940 году Геббельс высказал мнение, что радио является самым современным и наиболее эффективным инструментом воздействия на умы широких масс людей, при помощи которого их легко повести за собой. Ханс Фриче, который к тому времени уже успел приобрести известность как радиокомментатор, ведущий рубрику «Политическое обозрение прессы и радио», собрал довольно много антибританского материала, составившего книгу под названием «Война против поджигателей войны».[36] Карикатура из «Симплициссимуса» изображала Невилла Чемберлена в образе старухи Смерти с косой среди трупов французских солдат. На другой карикатуре, взятой из официальной газеты СС «Черный корпус», был нарисован поджигатель войны Джон Буль, бомбящий нейтральные Бельгию и Голландию зажигательными бомбами. Фриче, который к 1943 году стал вторым после Геббельса человеком в руководстве германского радио, часто обвинял англичан в том, что они пользуются социальной риторикой для маскировки истинных целей плутократической войны. Заносчивый сарказм Фриче и Карла Шарпинга к 1943 году во многом потерял остроту.[37] Комментаторы продолжали злорадствовать по поводу проблем, стоявших перед Великобританией – отношения с Америкой и Сталиным, нехватка продовольствия – но в каком положении очутились сами немцы, чтобы смеяться над этими трудностями? Многие из них понимали, что если у Британии и возникли какие-то трения со своими союзниками, то по крайней мере у нее хоть были союзники. И какое дело было немцам до того, что Черчилль якобы боялся Сталина, ведь Красная Армия была намного ближе к Берлину, чем к Лондону?

Важным средством распространения пропаганды в национал-социалистической Германии были торжественные партийные собрания. Эти собрания имели много общего с религиозными церемониями: они включали в себя песни, провозглашение лозунгов и призывов, заклинания фюрера и «проповедь», разъясняющую какое-либо положение теории национал-социализма. На примере некоторых сценариев-разработок как состоявшихся, так и не успевших состояться партийных собраний можно увидеть, как официальная точка зрения руководителей Германии и вождей НСДАП вдалбливалась в головы рядовых нацистов. На собраниях, которые проводились в Тюрингии в конце 1940 года, выступавшие ораторы дружно клеймили позором британский империализм. Объявлялось, что с Британией как с мировой державой покончено раз и навсегда, и повторялся старый припев: «Во всем виновата Англия!». В завершение всех церемоний «паства» вставала и пела песню «Мы маршируем на Англию». У участников этих собраний должно было создаваться впечатление, что Германия вот-вот нанесет последний, сокрушительный удар по уже шатающейся Британской империи. Германия будет свободной, а весь остальной мир воспрянет от угнетения, которое символизировала «плутократическая» клика, погрузившая в 1939 году Европу в еще одну братоубийственную войну.[38]

Тема «Во всем виновата Англия» много лет кочевала по страницам нацистских журналов и брошюр, выпускавшихся партийными издательствами. Журнал «Die Aktion» («Действие») имел весьма откровенный подзаголовок «Борец против плутократии и поджигателей войны».[39] В нем в основном печатались статьи профашистски настроенных авторов из стран, ставших «жертвами» империалистической политики Британии (Норвегии, Ирландии). Не брезговал страницами этого издания и Фриче, частенько помещавший там статьи, полные едкого сарказма и ненависти. Однажды «Ди Актион» перепечатал антисемитскую статью известного британского военного историка Дж.Ф.Фуллера, написанную до войны. Радиус воздействия журналов был ограничен довольно узким кругом их читателей, но партийные

и частные издательства Германии не дремали и буквально наводнили рейх и оккупированную Европу книгами и брошюрами, посвященными «преступлениям» Великобритании, причем особое внимание уделялось первым двум годам войны. Некоторые из этих книг были перепечаткой прежних изданий, но большую часть составляли произведения, написанные по заказу министерства пропаганды уже после того, как разразилась война. Книга Фрица Зайденцаля «Господство британского фунта: Как Англия злоупотребляет своим экономическим могуществом» являлась обличением фарисейства и лицемерия британской внешней политики. Из этого произведения явствовало, что весь мир восстал против тирании фунта стерлингов. Все поняли, как ловко Англия пользуется предоставлением субсидий, чтобы манипулировать странами-должниками. Особое внимание автор уделил нарушению Британией прав других наций. Он доказывал, что Британия возненавидела Германию еще с 1870 года, когда стало ясно, что германский народ в борьбе обрел свободу и единство. По словам Зайденцаля, на протяжении последних полутора веков Англия не останавливалась ни перед чем, действуя коварством и подкупом, лживыми посулами и грубой военной силой, чтобы свести до минимума влияние любой страны, которая создала или могла создать серьезную угрозу интересам британским капиталистов. Он изобразил англичан империалистами-эксплуататорами, которые беззастенчиво присваивают себе сырьевые ресурсы других стран и расточительно расходуют их, будучи неспособными организовать действительно эффективное производство. Целью британской внешней политики после 1933 года, по мнению автора, было наказать Германию, освободившуюся от тирании фунта стерлингов. Он писал: «Падение курса английского фунта и развал стерлинговой зоны является безошибочными признаками, свидетельствующими о близком крахе всемогущего фунта и английской плутократии».[40] Большими тиражами выпускали книги и памфлеты в 1940 и 1941 годах DAF и издательство Франца Егере. Так, книга Вернера Моргенштерна «Под гнетом плутократии: Дорога страданий миллионов» издавалась в 1941 году несколько раз довольно приличны-

ми тиражами. Объемный памфлет, опубликованный DAF, содержал нападки Роберта Лея на плутократов. Этот вождь похвалялся якобы самым совершенным в мире германским социальным и трудовым законодательством.[41] Серия «Это Англия», принадлежавшая к пятой группе издательства Франца Егере, которое занималась выпуском учебно-образовательных брошюр НСДАП, состояла из одиннадцати книг и брошюр по вышеуказанной теме. Почти все пособия переиздавались тиражами по 10 000 экземпляров и сыграли большую роль в распространении антибританской пропаганды внутри Германии. Стиль этих книг отличался ясностью и лапидарностью, материал был изложен кратко, иногда в виде тезисов, сообразуясь с образом мышления среднего наци. Брошюра Вальтера Паля «Британская политика силы» подвергала ярым нападкам стремление Британии к мировому господству. Паль сыграл злую шутку с покойным Вудро Вильсоном, объяснив выдворение англичан с континента в 1940 году «правом Европы на самоопределение». Принципы «разделяй и властвуй», «равновесия сил» и устрашение слабых народов являются характерными чертами английской дипломатии, утверждал он.[42]

Ф.О.Х.Шульц сосредоточил огонь критики на регрессивном характере британской внутренней политики. В книге «Социальная политика в Англии» он заявлял: «Даже сегодня английский рабочий является игрушкой в руках корпораций, марионеткой, которую дергают за веревочки биржевики и банкиры...»[43] Шульц ругал «плутократов» за то, что те в конце XIX века впустили на британские острова тысячи евреев с востока. Ненависть, которую Британия якобы испытывала к немцам, он объяснял внедрением евреев в среду «плутократов». Тесная связь, которая якобы имелась между еврейством и британской «плутократией», стала главной темой нацистской идеологии еще в сентябре 1939 года. В конце этого месяца бюллетень Розенберга, посвященный вопросам идеологии, процитировал генерала Фуллера в подтверждение тезиса о решающем влиянии евреев на формирование англо-саксонской внешней политики.[44]

Но из всех произведений, посвященных этой теме, наибольший интерес вызвала книга, вышедшая под названием «Лорд Кон: Иудаизация английского высшего класса от Дизраэли до Хора Белиша». Этот опус сочинил некий Эрнст Клам. Его стиль, представлявший собой смесь бульварного романа и вульгарной журналистики, был еще одним ярким доказательством дегенеративного характера нацистского мировоззрения. В самом начале книги Клам признает, что титул является вымышленным, так как в действительности нет никакого «лорда Кона». Однако далее он говорит, что такой лорд вполне мог существовать, поскольку теплые взаимные чувства между евреями и британскими аристократами, общавшимися друг с другом в масонских ложах и синагогах, привели к появлению на свет типа, наиболее характерные черты которого и отражены в образе лорда Кона. Особое внимание автора привлекает фигура Бенджамина Дизраэли, в которой он видит скользкого, пронырливого авантюриста, добивающегося престижа, власти и денег ради осуществления своей «восточной мечты» — обеспечить руками британцев господство евреев во всем мире. Клам во всех подробностях, разумеется, фальшивых, повествует о том, как Дизраэли, получив вначале отпор королевы Виктории, все-таки ужом втирается в ее доверие. Эти эпизоды являются по сути несколько измененной версией «Еврея Зюсса». Так же, как Оппенгеймер лестью сумел одурачить Карла-Александра и использовать его в своих целях, Дизраэли у Клама ухитряется завоевать доверие и любовь королевы. Клам даже сообщает своим читателям, что еврей Дизраэли изобрел политику «окружения» Германии. Этот борзописец начисто отметает тот факт, что если бы такая политика и была на самом деле, то возникнуть она могла лишь по меньшей мере через двадцать три года после смерти «старого еврея». В конце книги Клам обращается к современной Великобритании, которая, по его мнению, пожинает плоды работы Дизраэли. Благодаря своим тесным связям с аристократией, экономикой и политикой Англии фактически заправляют свободные масоны и евреи-эмигранты из Германии. Именно этот противоестественный, чудо-

вищный союз и толкнул Англию и всю Европу во вторую мировую войну.[45]

По мере того как война принимала для Германии все более и более неблагоприятный оборот, а в концлагерях типа Аушвица и Треблинки счет умервщленным евреям уже пошел на миллионы, Гитлер и Геббельс приказали усилить антиеврейскую пропаганду. Одним из типичных примеров-последствий этого решения явилась широко распространенная статья Фрица Заукеля «Лондонские дураки», написанная им в 1944 году. В ней преобладал тон апоплексичного, бешеного фанатизма, который позволяли себе обычно «старые борцы», ветераны НСДАП. Автор еще раз решил позлословить в адрес бедной «старушки Англии, слава которой окончательно потускнела». Заукель связал падение Британской империи с тем, что Лондон отверг руку, протянутую ему «величайшим и самым гениальным европейцем всех времен, Адольфом Гитлером... Люди, отказавшиеся от мирных предложений Гитлера, были глупцами, которыми манипулировали евреи. К числу этих глупцов автор статьи причислял прежде всего Черчилля, «раба евреев и алкоголя».[46] 2 мая 1944 года управление пропаганды одного из гау разослало статью Заукеля всем окружным и районным пропагандистам, рекомендуя им использовать «ценное содержание» этого пасквиля в антиеврейской пропаганде.

Геббельс лично давал германской прессе установки, следуя которым, она должна была значительное место отводить восхвалению некоторых пропагандистских произведений, имевших яркую антибританскую направленность. Такие опусы, как «Документальное исследование характера англичан» Вильгельма Зиглера и «Сто семей правят Англией» Гизельхер Вирзинг, особенно пришлись по душе министру пропаганды.[47] Геббельс понимал, что эффективность пропаганды зависит во многом от слаженных действий различных ее ветвей и поэтому приказал Фрицу Гипплеру довести этот материал до сведения Эмиля Яннигса для возможного использования его в работе над фильмами. Еще две книги, более серьезные по стилю, нежели грязное словоблудие Эрнста Кламма и непрошибаемый идиотизм

Фрица Заукеля, появились в 1940 и 1941 гг. Это были «Социальная отсталость Великобритании» профессора Бруно Рюкера и «Мировая империя и «ось»: Сила и слабость Великобритании, мифы и реальность ее экономического могущества» А.Райтхингера, которые дополняли друг друга. Рюкер доказывал, что Британия является угнетателем и эксплуататором, а Райтхингер объяснял, как и почему Британской империи суждено погибнуть.

Рюкер построил свою книгу на выводах социолога XIX В.Х.Риля и философа Освальда Шпенглера, полагая, что у каждой нации есть свое представление о труде, которое гармонирует с ее характером. Англичане были «авантюристами» и «исследователями-путешественниками», прототипом «пионера-первопроходца». Это означало, что у них не было понятия о честной социальной политике; труд для них был лишь средством извлечения прибыли, а не высшим национальным достоянием. Рюкер предполагал, что эту черту в национальном английском характере предопределило положение Британии как островного государства. Результатом этого стала органическая неспособность преодолеть безработицу, в отличие от успехов в этой области, достигнутых «Третьим рейхом».[48]

Эту же тему, но в ином контексте, поднял и Райтхингер, доказывавший, что британской могущество произрастало не из труда и творчества, а от манипуляции другими странами путем грубого насилия и финансовой коррупции. Однако британский империализм не мог преодолеть противоречия, присущие такому порочному обществу, и низкий уровень рождаемости в Англии был еще одним доказательством, что дни искусственно созданной Британской империи сочтены. Признаками упадка служили также, по мнению Райтхингера, безработица и «отступление британской промышленности с мировых рынков». Он правильно предсказывал, что в результате войны Британия потеряет свое лидирующее положение в мировой торговле, судостроении и финансах. «Всемирная империя теперь вынуждена бороться за выживание, а не за сохранение традиционных форм жизни».[49]

В течение первых трех лет войны нацистская пропаганда для обозначения жестокости и загнивания пользовалась

образом Уинстона Черчилля. Невил Чемберлен в этом плане оказался малоудобной мишенью. В Мюнхене он проявил «благоразумие», да и его благообразная, миролюбивая внешность делала невозможным для германской пропаганды изменить отношение к нему на прямо противоположное и обрушиться на него с нападками как на злостного поджигателя войны. Черчилль же, напротив, пользовался у нацистов репутацией заядлого германофоба, и пропаганда Геббельса постаралась превратить его в в вечно жующего огрызок сигары, лицемерного, пьяного гангстера, символ британской «плутократии». Макс Домарус даже составил нечто вроде каталога прозвищ, которыми награждали нацистские средства массовой информации Уинстона Черчилля: «выживший из ума дурак», «безумец», «отупевший от виски пьяница», «обжора с огромной пастью», «лжец» и т.д.[50] Немецкая пародия на псалом «Наш отец, который на небесах... явно относилась к Чемберлену («отец Чемберлен, который в Лондоне...»), называя его «лодырем и бродягой во веки веков», но таким нападкам не хватало язвительности и остроты, с которой нацисты изображали портрет Черчилля. До того, как Черчилль стал премьер-министром, контролируемые нацистами газеты и радио использовали для его описания довольно безликие термины, называя его человеком, поправшим нейтралитет скандинавских стран, поджигателем войны и безумцем, ненавидящим «Третий рейх». Еще 9 мая 1940 года, когда оставался всего лишь один день до занятия Черчиллем кресла премьер-министра, Геббельс сказал своим сотрудникам, что последняя речь Черчилля заслуживает «пары саркастических замечаний, но не больше».[51] Но когда Черчилль и его «клика плутократов» стали символом британского Сопротивления, тон Геббельса изменился.[52] Он надеялся, что нападки на британского премьер-министра будут способствовать его свержению. Теперь немецкая пропаганда стала представлять Черчилля убийцей детей, поскольку Королевские ВВС бомбили немецкие города. Германские же самолеты якобы вынуждены были наносить сокрушительные удары по английскому городскому населению. И все эти бедствия случились по

вине одного маньяка.[53] В декабре Геббельс сравнил Черчилля с игроком, который уже проиграл 90% того, что поставил на кон, но продолжает повышать ставку в отчаянной попытке отыграть назад все свои потери.[54] Нападки еще более усилились, когда Геббельс со злорадством процитировал строки из отчета, приписывавшегося какому-то американскому источнику о том, как шестидесятисемилетнего пропойцу ловко обводит вокруг пальца пятидесятидвухлетний фюрер, самым крепким напитком которого является чай.[55]

Очерки и речи, написанные Геббельсом в 1941 году, изобилуют едкими, саркастическими выпадами в адрес Черчилля. В феврале, например, он назвал Черчилля убийцей бурских женщин и детей, применив к нему такие красочные выражения, как «первый скрипач» в «дьявольском оркестре», порожденным «демоплутократическим миром».[56] Черчилль изображался человеком, расхаживавшем по полю, заваленному трупами, и удовлетворявшим тем самым свои извращенные амбиции. Он был циником и сластолюбцем; потухший окурок сигары символизировал крах развратной жизни. Он хотел войну ради войны: это относительно мягкое утверждение, возможно, и содержало в себе элемент правды, но оно утонуло в ворохе прочих словесных оскорблений в адрес Черчилля, на которые не скупился Геббельс. Чтобы столкнуть Европу в пучину хаоса и разрушений, Черчилль стакнулся с большевиками, которые преследовали точно такие же цели. Нападки такого сорта продолжались вплоть до ноября 1941 года: «Как хорошо известно, британского премьер-министра Черчилля отличают исключительно тесные, сердечные отношения с алкоголем, но вот отношения с истиной у него куда более напряженные...»[57] В начале 1942 года Геббельс заметил: «Недавно на лондонской бирже был установлен бюст Сталина. Ему там самое место...» Англия пала очень низко. Она переживает небывало трудные времена и за это должна благодарить лишь Черчилля...»[58] Каким бы цинизмом не отличались его высказывания, на Геббельса все же иногда находило просветление. Так, в феврале он сказал, что англичане упрямый народ, и добавил: «... возможно, в

целом это является скорее преимуществом для нации, чем недостатком».[59] Однако вплоть до 1944 года он отказывался признать тот факт, что именно Черчилль был символом этого «упрямства». Растущий военный кризис заставил машину германской пропаганды в 1942 году ослабить нападки на Черчилля, которые носили прежде всего личный характер. Гитлер не исключал такого поворота в пропагандистской тактике, но все же продолжал считать, что Черчиллю не следует давать пощады. Он был «недисциплинированной свиньей» и пьянствовал по «восемь часов в сутки». «Боже, помоги нации, которая терпит таких вождей!» — восклицал Гитлер.[60] К 1944 году Геббельс научился, против своей воли, уважать Черчилля, хотя и называл его «упорствующим в своих заблуждениях фанатиком», полуамериканским премьером, который был готов преподнести красным всю Европу на блюдечке. Если бы только он побыстрее умер — но старого политика, казалось, не брали никакие болезни.

В нападках на Черчилля огромное место занимали его связи с Рузвельтом. Черчилль с кликой «плутократов» изображались предателями Европы, поскольку они согласились уступить Британскую империю американскому президенту, Европу отдать в лапы Сталина, и все это ради того, чтобы сохранить свою неустойчивую власть над Англией. В конце 1943 года в пропагандистском бюллетене, распространявшемся среди служащих организации, ведавшей в рейхе трудовой повинностью, известный журналист Отто Кригк писал: «Вполне очевидно, что теперь Черчилль может продолжать войну, начатую им под предлогом соблюдения гарантий, данных Польше, лишь отказавшись от этих гарантий и передав польские территории большевикам».[61] В отношении будущего Польши это утверждение оказалось не лишенным проницательности; однако содержавшиеся в нем обвинения Черчилля в гнусных интригах и предательстве были излюбленным коньком нацистской пропаганды. В доводах нацистов о том, что Черчилль поставил Британию в подчиненное отношение к Соединенным Штатам, также была значительная доля истины, но этот аргумент рассматривался в отрыве от

общего контекста войны англичан за выживание. Более того, Гитлер серьезно недооценивал особый характер деловых и моральных отношений, связывавших Британию с Америкой. Впрочем это было неудивительно, ибо он, как правило, игнорировал советы, исходившие из «ненадежных» источников.

Альбрехт Хаусхофер написал статью для престижного «Журнала геополитики», в которой предупреждал: «Всякий, кто ввяжется в конфликт с Британией, должен ясно отдавать себе отчет в том, что среди его противников окажется также и Америка, несмотря на все ее законы о нейтралитете».[62] К июлю 1939 года Хаусхофер понял, что Германия не сможет выдержать затяжной войны, которая в случае выступления Америки на стороне врага, должна была приобрести именно такой характер. В октябре Хаусхофер пришел к выводу, что результатом войны станет проникновение русских и американцев в сердце Европы. Хаусхофера арестовали и подвергли допросам после того, как его приятель Рудольф Гесс улетел в Англию. На допросах он часто цитировал профессора Карла Буркхардта, бывшего верховного комиссара Лиги Наций в Данциге в подтверждение своего тезиса о том, что продолжение войны уменьшит влияние античерчиллевских «мирных сил», поскольку власть над Британской империей во все больших масштабах переходит в руки американцев. Одной из причин, которые побудили Гесса совершить этот отчаянный поступок, могли послужить слова, сказанные ему Хаусхофером в конце 1940 года: «Если дело дойдет до худшего, то англичане скорее по кусочкам передадут всю свою империю американцам, чем подпишут мир, который сделает национал-социалистическую Германию хозяйкой Европы».[63] В июле 1940 года Гитлер надеялся, что англичане образумятся, когда поймут, «что уступают Америке свое положение ведущей морской державы».[64] Но когда надежды на исчезновение Черчилля с политической арены рассеялись, как туман, нацистская пропаганда с особым рвением принялась муссировать тему развала империи, делая это больше из чувства садистского отчаяния, нежели из какого-то дипломатического расчета.

В 1942 году Геббельс развил тему, которой было суждено сыграть важную роль в нацистской идеологической пропаганде. В то время как немцы занимались созидательной работой, строя Европу на основе нового, справедливого общественного порядка, британские империалисты уступали свои базы, территорию и всю империю американским империалистам. Их жалкое сопротивление было просто судорогой умирающего. «Американцы едва ли смогут насытиться этим, да и теперь они вовсе перестанут скрывать свои империалистические цели за дымовой завесой демократической фразеологии», – выразился он. «Когда-нибудь англичане осознают, в какую зависимость от Вашингтона они попали, заключив союз с Соединенными Штатами...» Геббельс тогда вполне серьезно полагал, что англичане «уже проиграли войну».[65] Некоторые американские «ревизионистские» историки тоже встали на подобную точку зрения, однако в отличие от них, Геббельсом двигала циничная злоба неудачника, а не интеллектуальный интерес ученого или журналиста. Тем не менее, Геббельс нащупал интересную тему, показав тем самым, что он не был лишен кое-каких задатков политической проницательности. Этот тезис красной нитью проходил через многие материалы, издававшиеся Главным управлением партучебы НСДАП. Пропагандисты умудрились даже вытащить на свет цитату Фридриха Листа, который еще в 1834 году предсказывал: «Англия уступит всю свою империю Соединенным Штатам».[66] В течение всего 1943 года Геббельс и Шарпинг постоянно обыгрывали эту тему, хотя и в разных тональностях. После Тегеранской конференции Геббельс презрительно заметил, что среди так называемой «Большой тройки» имя Черчилля во всех официальных коммюнике союзников упоминалось последним. Конечно, он не преминул добавить: «Мы не принадлежим к тем, кто считает Черчилля великим государственным деятелем».[67] После Сталинградской битвы Шарпинг злорадствовал по поводу того, что американцы вытеснили англичан со всех позиций. В то время как германские города один за другим превращались в развалины под ударами союзной авиации, Шарпинг продолжал высмеи-

вать слабость Великобритании и ее неспособность выступить в роли вождя и организатора в послевоенном мире. Бог и в самом деле наконец-то покарал Англию, и в нацистском зашоренном мышлении уже одно это являлось доказательством гениальности Гитлера как одного из величайших государственных деятелей, даже если Германия лежала в руинах. Победа смертью...

Гитлер испытывал глубокие опасения, что Британская империя может стать идеологическим противником Германии. Ведь в данном случае речь шла о стране, где преобладал «нордический тип» населения и которая распространила господство белого человека от Гонконга до Ганга. Германские средства массовой информации не сразу решились использовать антиимпериалистическую тактику в борьбе с Великобританией. В 1942 году такое решение было наконец принято. К тому времени стал ясен затяжной характер войны. Теперь нельзя было проявлять ни малейшей снисходительности к врагу. Газеты и радио следовали установкам Геббельса и Риббентропа, выражая симпатии к народу угнетенной Индии. Однако за два месяца до того, как фюрер принял Субхаса Чандру Босе, главу профашистского «Индийского освободительного движения», его все еще посещали некоторые сомнения. Если англичане предоставят Индии независимость, то не пройдет и двадцати лет, как Индия ее потеряет, полагал Гитлер. Если правдой является то, что англичане эксплуатируют Индию, то правда и то, что Индии господство Англии пошло на пользу.[63] Япония, Италия и даже Германия пытались создать новые империи в век упадка империализма. Введенный в заблуждение этим противоречием, Гитлер явно недооценивал силу индийского национализма, над которой он был не властен, и совершил ошибку, поддержав Босе, оппортуниста, не располагавшего никаким влиянием. В роли освободителя Гитлер чувствовал себя не совсем уютно, особенно если дело касалось темнокожих народов. В результате последовало мощное пропагандистское наступление не столько в защиту национального освобождения, сколько против прогнившего британского империализма.

Широкомасштабное наступление германских войск под командованием фельдмаршала Роммеля в Северной Африке в 1941-42 годы привело к возрастанию заинтересованности Германии в Индии. Была принята концепция, согласно которой японская армия должна была наступать на Индию с востока, в то время как силы «оси» продвигались бы на Средний Восток из Египта и с Кавказа. В июне 1941 года, в самый разгар сражений в пустынях Северной Африки, в германской печати появились статьи, где утверждалось, что британский генерал Уэвел не жалеет жизней индийских солдат, проливающих кровь на самых опасных участках фронта за чуждые им интересы Британии.[69] Геббельс, долго не знавший, что сму делать с Босе, назначил индийца на ответственную должность в отдел «свободной Индии» своего министерства. Позднее Босе сыграл видную роль в газетной кампании 1942 года, начатой, когда казалось, что еще немного – и Роммель с Муссолини будут в Александрии. Эта кампания была предпринята в ответ на пропаганду «Четырех свобод», и «Единого мира». Немцы сопоставляли реалии британского правления в Индии с грандиозными обещаниями западных союзников.[70] Индийская тема стала козырной картой антибританской пропаганды. На Бормана большое впечатление произвела книга Людвига Альсдорфа «Индия», публиковавшаяся по частям в брошюрах серии, которую редактировал Розенберг. Глава партийной канцелярии приказал разослать эту книгу в достаточном количестве каждому гауляйтеру, чтобы те распространили ее в низовых партийных организациях.[71] Пропагандисты широко использовали также лекции, разъезжая с ними по всей стране. Сам Босе произнес немало речей, восхваляя германскую культуру за интерес, который она проявляла к санскриту и древним арийским племенам Индии, а также обличая английскую империалистическую политику в Индии. Не отставал от Босе и его помощник профессор П.Т.Рой, излюбленными темами выступлений которого были: «Англия – противник нордического духа в Индии» и «О недавних событиях в Азии».[72] Партийные журналы охотно предоставляли свои страницы этой парочке. В августе Босе

написал статью «Свободная Индия и ее проблемы» для журнала гитлерюгенда «Воля и Власть», издававшегося Бальдуром фон Ширахом*.[73]

Особенно гордилось Босе министерство иностранных дел, приписывая себе заслугу в том, что «на нужном месте оказался нужный человек». Большая часть сведений по Индии поступала в средства массовой информации от людей, прямым или косвенным образом связанных с этим министерством, где в ранге специального советника по индийским делам служил некий Адам фон Тротт цу Зольц.[74] Учреждение в Гамбурге в сентябре 1942 года Германо-Индийского общества служило целям пропаганды военного времени. Риббентроп, в свою очередь, выступал в роли шефа «Индо-Германского рабочего сообщества», центра пропаганды, рассчитанной на индийскую аудиторию, который был расположен в Далеме. Босе являлся почетным председателем Индийско-Центральноевропейского общества с самого его основания в Вене в начале 1934 года. Босе говорил своим германским сотрудникам то, что хотели слышать: что Гитлер и Муссолини были лучшими друзьями индийского народа, и что большая часть индийского населения склоняется к странам «оси».

В течение всего 1943 года среди германских специалистов по Индии шел оживленный обмен мнениями в отношении ее будущего, перераставший иногда в спор. Эти диспуты проходили в атмосфере, все более отдалявшейся от реальности. Германская пропаганда, направленная на Индию, не имела никакого практического значения, но в то же время она занимала вполне определенное место в схеме тотальной идеологической войны, которую средства массовой информации вели против Великобритании.

На ниве антибританской пропаганды Ирландия представляла собой куда более благодатное поле деятельности для немецких идеологов. Многие немцы не скрывали своих симпатий к угнетенной Ирландии и раньше, до и во время первой мировой войны. Дело доходило даже до поставок ирландским националистам оружия из Германии. Когда

---

* Рейхсфюрер Гитлерюгенда (прим. ред.)

вспыхнула вторая мировая война, Ирландия заняла по отношению к Англии позицию враждебного нейтралитета и придерживалась этого курса вплоть до 1945 года. Этот остров имел для Великобритании стратегическое значение, и на его примере германские пропагандисты, используя богатый фактический материал, могли легко продемонстрировать жестокость и вероломство британских колонизаторов. И на головы немцев обрушился бесконечный поток причитаний о тяжелой судьбе бедных ирландцев, несколько веков стонавших под игом чужеземных захватчиков. Эта кампания была рассчитана на то, чтобы раздуть пламя праведного гнева в Ирландии и Германии. Гитлер сам задал тон этой пропаганде еще до войны, заявив на заседании рейхстага (та «знаменитая» речь 22 апреля 1938 года была направлена главным образом против Франклина Рузвельта):

«Я хочу обратить внимание мистера Рузвельта на несколько исторических ошибок... Я только что прочитал речь ирландского премьер-министра Де Валера, в которой, как ни странно, он не обвиняет Германию в угнетении Ирландии, но обвиняет Англию в том, что она продолжает агрессию против его государства».[75]

Был, однако, момент во время войны, когда германские средства массовой информации хранили мертвое молчание, избегая упоминания об Ирландии даже в самом безобидном контексте. Имеется в виду период конца июня – начала июля 1940 года, когда Гитлер еще питал надежду на примирение с Англией.[76] На тему об угнетении Ирландии Британией нацистскими издательствами было выпущено огромное количество памфлетов и книг, в особенности в 1940 и 1941 годах. В 1940 году издательство DAF опубликовало работу «Войны, которые вела Англия – История британских войн на пяти континентах в изложении Фердинанда Граля». На самом деле брошюру написал не Граль, а Генрих Бауэр.

Несмотря на то, что некоторые элементы трактовки истории Бауэром внушали опасение официальным инстанциям, в 1941 году Имперским объединением народно-

го просвещения и пропаганды было распространено около миллиона экземпляров этой брошюры. Бауэр выдвинул тезис, что Великобритания стала могучей сверхдержавой благодаря агрессивным войнам, которые она вела. В его повествовании Ирландия играла важную роль жертвы.[77] Издательство Франца Егера тоже не осталось в стороне и опубликовало книгу Рейнольда Хупса «Ирландия и Англия», которая вышла в серии «Это Англия!» В описании Хупса британское присутствие в Ирландии представало непрерывной цепью страданий и голода, от которых вымерла значительная часть ирландского населения. Он обрисовал борьбу ирландцев за свободу весьма детально и с большой симпатией.[78] Образ мышления нацистских писак был таков, что позволял им без зазрения совести обличать британскую политику «истребления населения» в Ирландии и восхвалять борьбу Ирландцев за свободу, не задумываясь при этом о лагерях смерти в Польше или массовом голоде в оккупированной Греции и на Украине. В «Информационной серии» издательство «Европа» распространило памфлет некоего Майера-Эрлаха «Ирландия в английском аду», представляющий собой краткое изложение работы этого же автора «Неужели Бог – англичанин?» «В течение столетий ирландский народ вел отчаянную борьбу против англичан – алчных убийц и грабителей», – с пафосом провозглашалось в одном абзаце. «Судный день Англии еще придет».[79] Проза Майера-Эрлаха отличалась крайней несдержанностью в выражениях. Ирландия изображалась нацией, распятой на кресте, задающей в отчаянии вопрос: неужели Бог тоже является англичанином? Майер-Эрлах обещал отмщение и заявлял о своей вере в будущее полностью освобожденной Ирландии. Германские пропагандисты Фричс и Шарпинг говорили, что хоть Ирландия и являлась частным случаем проявления экстремизма в английской внешней политике, тем не менее в целом она типична для Англии и вполне вписывается в общую картину многовекового угнетения и нарушения прав малых наций и народностей английскими плутократами.

ЛИСА ГЛЕНАРВАНА
Производство: Тобис
Режиссер: М.В.Киммиш
Сценарий: В.Ноймайстер и Ханс Бертрам
В главных ролях: Ольга Чехова, Фердинанд Мариан
Премьера: 24 апреля 1940 года

Пропагандистский аппарат Геббельса широко использовал возможности кинематографа, чтобы представить германскому народу свою версию англо-ирландских отношений. С этой целью был снят фильм «Лиса Гленарвана», отличавшийся тщательно продуманным сюжетом и отличным подбором актеров, доставивших публике настоящее удовольствие своей игрой. Премьера этой кинокартины, где в главных ролях снимались Фердинанд Мариан и Ольга Чехова, состоялась в апреле 1940 года. В самом начале фильма на экране появляются слова, из которых сразу становятся ясны его цель и характер: «Ирландия — зеленый остров — одна из самых первых жертв английского угнетения! В течение восьми веков методами британской политики здесь были: предательство, обман, грабеж, убийства и разрушения. История этого народа — это история миллионов умерших от голода, высланных из родной страны и казненных людей. Но гордость и любовь ирландцев к свободе невозможно истребить!»

Фердинанд Мариан как всегда играет роль злодея, на этот раз — английского мирового судьи Филиппа Грандисона, застигнутого врасплох революцией, которая раздирает Ирландию. Его жена — ирландка, роль которой исполняет Ольга Чехова, испытывает к революционерам симпатию, но выходит замуж за Грандисона в идеалистической надежде смягчить гнет британцев и помочь своему народу. Действие фильма происходит в бурном 1921 году. В Ирландию вскоре должен прибыть сэр Джон Тетберн, «индийский вешатель». Его задача — помочь Грандисону подавить движение ирландских патриотов, настроенных по-боевому. Как говорит в

фильме один повстанец: «Борьба за нашу свободу уже стоила жизни многим из нас». Изображение Ирландии и ирландской революции более соответствует духу национал-социализма, нежели представления Де Валера или Коллинза. Гимны, распеваемые ирландцами, звучат как лютеранские хоралы, а не католические литургии. Попытка двух английских констеблей помешать похоронам революционера очень похожа на сцену из фильма «Ханс Вестмар», где красные и их приспешники оскверняют церемонию отдачи последних почестей погибшему Хорсту Весселю. Таинственные и маловразумительные ритуалы и танцы под музыку тайного ирландского революционного оркестра являются плодом воображения немецких сценаристов, совершенно незнакомых с бытом и народными традициями Ирландии. Ирландский революционер, возражающий против бессмысленной мести, мало чем отличается от Йозефа Геббельса, который заявил в 1932 году: «Мы — политические борцы!»

В «Лисе Гленарвана» используются и другие темы, к которым часто любили прибегать во время войны германские кинорежиссеры: женщина как героиня-спасительница («В центре бури», «Ритуал самопожертвования», «Кольберг»), роскошная жизнь британских «плутократов», противопоставленная прозябающим в нищете обитателям английских трущоб («Папаша Крюгер»), победа добра над злом («Еврей Зюсс»). Глория отвергает Филиппа, который, действуя заодно с ненавистным Тетбери, выносит мятежникам смертные приговоры, не утруждая себя в поисках доказательств их вины. Она влюбляется в Джона Энниса, убежденного ирландского революционера, и помогает своему народу в его справедливой борьбе против Тетбери, развязавшего в Ирландии свирепый террор. В заключительной сцене революционеры судят Грандисона тайным трибуналом и признают его виновным. Приговоренный к повешению, судья умирает в петле раньше, чем британские войска успевают спасти его. Еще один предатель, тайный осведомитель Грандисона, погибает в болотной трясине, пытаясь избежать справедливого возмездия. Джон Эннис указывает путь у будущему Ирландии. «Эта ночь — предзнаменование для всей Ирландии».

Германские средства массовой информации старались подкрепить свои нападки на британский империализм разнообразными примерами, за которыми им не нужно было далеко ходить, ибо история еще одного угнетенного народа – буров Южной Африки, не успела изгладиться в памяти пожилых немцев. Вся Германия с огромной симпатией и тревогой следила за неравной борьбой горсточки буров против огромной армии британских колонизаторов в начале XX века, и нацисты постарались извлечь максимум пользы из этих воспоминаний. Вскоре после начала второй мировой войны Геббельс приказал своим сотрудникам подготовить к печати книгу с документальными свидетельствами об английских «концентрационных лагерях» и «колониальных зверствах». Бюллетень Розенберга, посвященный идеологическим вопросам национал-социализма, постоянно подвергал нападкам англиканскую церковь за то, что она лицемерно оправдывала политику британских правящих классов, какие бы зверства они не совершали именем Великобритании.[80] Ханс Фриче затронул эту тему в радиопередаче в 1942 году: «Англия вступила в эту судьбоносную схватку, играя роль морализирующей за чаепитием гувернантки, которая падает в обморок, если кто-то случайно наступит на хвост ее любимой болонке, и в то же время политика, обрекающая на голодную смерть всех женщин и детей целой нации, будет казаться ей исключительно богоугодным делом...»[81] Одно из выступлений Геббельса на тему «Наш социализм», состоявшееся уже в военную пору, содержало фразу, напоминавшую последние слова папаши Крюгера из одноименного антибританского фильма: «Эта ужасная война с ее страданиями породит новый, лучший мир».[82]

Некоторые невразумительные высказывания о бурах можно встретить и в дневниках Рудольфа Гесса, которые он вел, находясь в плену.[83] В 1940 году Стефан Шредер опубликовал брошюру, содержавшую карикатуры и подписи к ним на тему англо-бурской войны. Эта брошюра явилась свидетельством большого вклада, который внесла в то время германская пресса в пробурскую кампанию. «Англия и буры» наглядно иллюстрировала британскую политику массового уничтожения бурского населения, усугуб-

ленную типичным британским лицемерием.[84] Шредер считал Сессиля Родса инструментом, при помощи которого еврейский капитализм прокладывал себе дорогу в Южную Африку. В ходе этой кампании в германских газетах на одну доску ставились английские пираты, грабившие испанские галионы с золотом, беспринципные авантюристы, англиканские священники-лицемеры и евреи-капиталисты. Шредер использовал очень действенный прием: карикатуры, изображавшие зверства, учиненные английскими войсками в ходе Бурской войны (1899-1902 гг.), сопровождались различными высказываниями английских высокопоставленных лиц. Например, карикатуре, которая изображала умирающих с голоду детей в британском концлагере, предшествовало официальное коммюнике английского военного министерства, где в бодрых тонах говорилось о здоровых, упитанных детях буров, резвящихся в тех же лагерях. На другой карикатуре британские офицеры избивали почем зря бурскую старушку. Здесь же приводилось заявление британских властей: «Гуманность наших солдат не перестает удивлять местное население».

ПАПАША КРЮГЕР
Производство: Тобис
Режиссеры: Ханс Штайнхоф, Х. Майш, Кароль Антон
Сценаристы: Х. Братт и К. Хойзер
В главных ролях: Эмиль Яннингс, В. Гинц, Х. Вангель, Густав Грюндгенс, Фердинанд Мариан
Премьера: 4 апреля 1941 года

Самым дорогостоящим и в то же время самым мощным залпом, который сделала германская пропаганда в ходе «бурской» кампании, был хорошо поставленный фильм «Папаша Крюгер» с Эмилем Яннингсом в главной роли. Геббельс являлся инициатором этого фильма и следил за его съемками от начала до конца. На производство кинокартины было истрачено свыше пяти миллионов рейхсмарок сумма,

немалая по тем временам, если учесть, что на эти деньги можно было снять пять обычных, полнометражных художественных фильмов. Штайнхоф, один из режиссеров ленты, отзывался о ней как о политической пропаганде, нацеленной на разоблачение Англии. «Папаша Крюгер», по мнению журнала «Немецкий фильм», был и выразителем народной судьбы, символом борьбы, которую вели простые и бесхитростные крестьяне против капиталистической эксплуатации и наглой, ничем не прикрытой агрессии.[85] Геббельс присвоил «Папаше Крюгеру» почетный титул «Фильм нации», и в самом деле у него были причины радоваться результату деятельности Эмиля Яннингса. Кинокартину отличали прекрасная игра актеров, эффектные батальные и массовые сцены, внушительные декорации и хлесткие, напряженные диалоги. За вклад в создание этого фильма Эмиль Яннингс был удостоен звания «Государственного артиста». На кинофестивале в Венеции «Папаша Крюгер» получил приз «лучшего иностранного фильма», а Яннингс в качестве лауреата получил «кубок Муссолини». Вдохновленный успехами, актер в одном интервью ничтоже сумняшеся заявил: «Я сыграл Папашу Крюгера, потому что в свое время судьба предопределила ему начать борьбу, которая будет завершена лишь в наше время».[86] Творческая удача настолько окрылила Яннингса, что он даже не скрывал немалого количества статистов, раненных в ходе съемок. Имелись даже убитые, чем он также не погнушался похвастать. Словом, реализм фильма был действительно до ужаса потрясающим. Весь сценарий и съемки строились вокруг главного действующего лица, роль которого с блеском исполнил талантливый Яннингс, играющий в компании других, известных и кое в чем даже не уступавших ему артистов, включая Фердинанда Мариана в роли злого Сессиля Родса и Густава Грюдгенса в роли прожженного политикана Джозефа Чемберлена, министра по делам колоний.

Фильм начинается сценой, в которой больной, ослепший Папаша Крюгер, президент Бурской республики, погрузился в невеселые размышления, находясь в затемненной номере швейцарской гостиницы. Он приехал в Европу во время Бурской войны в попытке получить поддержку для

своего народа, оказавшегося в тяжелом положении. Англичане окружили буров плотным кольцом блокады. В продажной лондонской прессе то и дело появлялись статьи, утверждавшие, будто Крюгер отдыхает в роскошных отелях, в то время как его народ подвергается невыносимым лишениям. С уст президента буров срывается мрачная сентенция: «Когда ложь повторяется снова и снова, ей в конце концов начинают верить». Пробивному еврею-репортеру «Берлинер Тагеблатт», который в свое время вызывал особую ненависть Геббельса, удается пробраться в комнату Крюгера и сфотографировать старика, беззастенчиво пользуясь его слепотой. Затем Крюгер начинает перелистывать в памяти страницы истории своего маленького, трудолюбивого народа, и на экране появляются сцены мирной и счастливой жизни скромных фермеров. Но вот появляются алчные англичане и бурам приходится переселиться на северные земли. Не успели они обустроиться и зажить в достатке на новом месте, в Трансваале, как весь мир облетает весть об открытии там богатых месторождений золота. Сесиль Родс и его приспешник Джеймсон тут же начинают плести интриги, с целью наложить лапу на это богатство, и зритель видит коллизию двух в классической национал-социалистической трактовке: кровь против золота, честь против алчности, народ против капитализма.

Многие образы в этой картине поданы в карикатурном виде и часто вызывают у зрителей смех, причем это происходит даже тогда, когда на экране появляются сцены, по замыслу режиссеров претендующие на полную серьезность. С помощью миссионеров англиканской церкви, которые во всем идут навстречу его пожеланиям, Сесиль Родс вооружает черных туземцев, вероломно натравливая их на буров. В одной из наиболее запоминающихся и смешных сцен два англиканских священника маршируют по проходу в церкви, причем один несет стопку библий, а второй тащит охапку карабинов. Под музыку оркестра, исполняющего «Боже, храни королеву», один пастырь раздает духовную пищу, а другой — оружие. Это художественное, доведенное до гротеска, воплощение британского лицемерия вполне соответствовало представлениям и взглядам, которые разделялись многими

европейцами и американцами еще с конца XIX столетия. Следует отметить, что в постановке некоторых весьма примитивных, карикатурных сцен почти не чувствуется тяжелая идеологическая длань Геббельса. Великолепная игра актеров и первоклассная по тому времени техника съемок держали аудиторию в напряжении, заставляя ее подчас забывать о идеологическом контексте кинокартины. Крюгер твердо противостоит всем поползновениям англичан, запретив продажу земли иностранцам без разрешения Государственного Совета. Однако среди сплоченных и решительно настроенных буров находится горстка отщепенцев. Эти презренные типы продают священную землю буров евреям. Крюгер воплощает в себе характер своего народа, добродушный глава огромного семейства, скорее клана, одних внуков у него 45. Этот государственный деятель – выходец из народной гущи, который по отношению к туземцам ведет себя жестко, но справедливо. Негры в фильме – наивны и похожи на детей. Они легко поддаются влиянию коварного Родса и становятся игрушками в его руках. Показав черным вождям, что ему прекрасно известно происхождение их винтовок, Крюгер заставляет их сдать оружие и оставляет наедине с улюлюкающими соплеменниками.

Следующая большая сцена принадлежит к числу самых смешных. Зритель переносится в Лондон, в Букингемский дворец, где министр по делам колоний Джозеф Чемберлен пытается убедить старую королеву Викторию санкционировать захват англичанами страны буров. Чемберлен, человек с елейным голоском и вкрадчивыми манерами, типичный лицемер, оправдывает свои планы ссылкой на «отсталость» буров. Пожилая леди колеблется, опасаясь, что «люди станут называть нас разбойниками». Тогда Чемберлен пускает в ход другой аргумент – с точки зрения религии, Англия должна взять эти земли под свою опеку для блага их же жителей, обеспечив им приобщение к культурным и иным ценностям цивилизации. После того как королева деласт несколько глотков своего «лекарства» (виски), Чемберлен наконец приводит неотразимое доказательство своей правоты: он произносит слово «золото». Виктория, которая уже находится под легким воздействием винных паров,

восклицает в ответ: «Золото! Если там есть золото, значит земли буров принадлежат нам!» Чемберлен с восторгом принимает эту реакцию королевы, ведь по его твердому убеждению, лишь англичане «способны стать такими богатыми и оставаться при этом такими набожными и благочестивыми».

В надежде добиться прекращения войны Крюгер прибывает в Лондон. Чемберлен старается подавить его волю демонстрацией имперской помпезности и величия и таким образом принудить его к подписанию договоров на выгодных для британских капиталистов условиях. Сцене, изображающей прием Крюгера в резиденции королевы, по исполнению творческого замысла и выразительности нет равных во всем кинематографе военного периода «Третьего рейха». Под звуки героической музыки пожилой президент Крюгер медленно движется к трону королевы Виктории, окруженный со всех сторон генералами и высшей знатью в расшитых золотом мундирах. Крюгер подписывает договор, хотя и отдает себе отчет в том, что могущественная Британия скорее всего не будет соблюдать его условия. Его опасения вскоре оправдываются, но старику удается перехитрить Родса, обложив золотодобытчиков и импортеров английских товаров большими налогами. Родс старается воздействовать на Крюгера лестью, а затем предлагает ему большую взятку, но эти грязные трюки не срабатывают. Крюгер, который в знак протеста против нарушения англичанами договора, подал было в отставку, вновь занимает прежнюю должность. теперь он производит впечатление рассерженного человека, исполненного решимости бороться до конца. На экране появляется еще одна запоминающаяся сцена: в едином порыве негодования восстает вся нация буров, ручейки людей стекаются в одно место, образуя мощный, многолюдный поток, марширующий под бодрую музыку военного оркестра под знаменами, на которых начертано: «Долой Англию!»

Патриотизм и энтузиазм Крюгера и его народа контрастируют с еще одной излюбленной темой национал-социалистической пропаганды, темой предателя своего народа. Сын Крюгера, Ян, целиком англизированный юноша,

объявляет себя «пацифистом». Весьма характерно, что делая это заявление, Ян стоит перед своим сердитым отцом по стойке смирно, в типично немецком стиле. Образ пацифиста Яна перекликается с образом скрипача Клауса в «Кольберге», молодого человека, который не желает воевать против армии Наполеона лишь на том основании, что он является гражданином мира, а не узколобым патриотом. Немецкая пропаганда часто поливала грязью немцев-«космополитов», которые якобы презирали свой собственный народ и предпочитали иностранный образ жизни и идеи немецким.[87] Крюгер отрекается от своего сына, заявляя, что идет борьба не на жизнь, а на смерть и никому не дано права отказываться от служения делу нации.

В трактовке Геббельса и Яннингса война буров предстает справедливой, партизанской войной, которую ведет весь народ против иностранной плутократии, нагло поправшей его независимость. Буры в фильме создают настоящую Volksarmee, народную армию, одним из подразделений которой командует восьмидесятидвухлетний старик. Их отличает храбрость и беззаветная преданность правому делу. Контраст с английскими миссионерами – абсолютный. Ян выжидает, рассчитывая прийти к власти с помощью своих благодетелей-англичан, когда буры потерпят поражение. Он произносит тосты за мир, чокаясь с английскими офицерами, классический пример изменника-коллаборациониста. Однако по ходу фильма и его характер подвергается изменениям, причем в радикальной степени. Британский офицер пытается изнасиловать жену Яна, и тот мигом отбрасывает весь свой пацифизм, убивая обидчика. Сын Крюгера возвращается к своему народу подлинным патриотом.

Особое место в фильме «Папаша Крюгер» занимают зверства, совершенные английскими оккупантами. Причем, это не единичные случаи, а официальная установка британского высшего командования. Лорд Китченер предстает бездушным человеконенавистником. «Хватит с меня болтовни о гуманизме!» – кричит он. Будучи не в состоянии подавить сопротивление упрямых буров, отстаивающих каждый клочок земли обычными методами, Китченер прибегает к варварской бомбардировке Претории. Наступа-

ющие английские войска гонят перед собой бурских женщин и детей, укрываясь за их спинами. Положение буров становится совсем отчаянным по мере того, как завоеватели применяют все более варварские способы военных действий. Обрадованный воссоединением с сыном, возвратившемся в лоно нации, Крюгер тем не менее испытывает большую тревогу за судьбу своего народа. Он отправляется в Европу, надеясь найти там военную и дипломатическую поддержку. Повсюду его превозносят как героя, но несмотря на всеобщую симпатию, он везде встречает отказ, ибо никто не хочет злить британского льва. В этом месте Яннингс вводит совершенно неправдоподобную сцену, которая лишена всяких исторических оснований, но является типичной для необузданной фантазии Геббельса. Находясь в Париже, слабовольный Эдуард, принц Уэльский, проводит время в разврате и кутежах. Внезапно он получает известие, что его мать, королева, умирает. Эдуард едет к ней, и на смертном одре Виктория, задыхаясь, с трудом выдавливает из себя последние слова-предупреждения. Она говорит сыну, что тот должен положить конец этой войне, которая навлекла на империю «ненависть всех народов». Она боится будущего возмездия, орудием которого и стала Германия в 1940 году.

К 1901 году ситуация для буров стала совершенно безнадежной. Англичане повсеместно организуют концентрационные лагеря, над одним из которых начальствует комендант-садист, внешностью здорово смахивающий на Уинстона Черчилля.[88] Женщины и дети мрут от голода, их кормят испорченной, тухлой пищей. Ясно, что коменданту не нужны эти «бесполезные человеческие отбросы» – термин, применявшийся Геббельсом в 1942 году, когда он критиковал командование немецких лагерей за недопустимую мягкость, которую они якобы проявляли по отношению к военнопленным.[89] В назидание другим, английский комендант устраивает публичную казнь, вешая Яна Крюгера на глазах его семьи. В ходе последней сцены старый Крюгер размышляет в швейцарском отеле о моральном возмездии, которое неизбежно настигнет Британскую империю. Как и в фильме «Кольберг», страдающему герою

придает силы мысль, что все было не напрасно. «Англия выиграла эту войну, но однажды великие народы Земли восстанут против британской тирании и создадут лучший мир». Это плохо завуалированный намек всему миру на то, о чем национал-социалистическая пропаганда и ее средства массовой информации громогласно объявили в 1940 году: «И тогда будет расчищен путь к лучшему миру!»

10

«ЕВРЕЙСКО-БОЛЬШЕВИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО НЕДОЧЕЛОВЕКОВ». СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

«Плутократия» и «лицемерные империалисты» — вот основные темы нападок германской пропаганды на англичан и их руководителя. В структуре этих обвинений чувствовались некоторые нюансы, отражавшие прежнюю точку зрения нацистов на желательность союза с Англией. Британцы были разумными существами, причем даже нордического происхождения; правда, их морально-политические качества оставляли желать лучшего, тем не менее нацисты признавали их настоящими арийцами, хотя и низшего сорта. А вот когда дело касалось Советской России, нацистская пропаганда не допускала никаких двусмысленностей. Большевики являлись архетипами «еврейской преступности», отбросами человеческого общества, антимиром ненависти и извращенной зависти, преданными идее разрушения всего доброго и прекрасного.

Антикоммунистическая идеология нацистов в военное время строилась на традициях, которые к 1939 году уже прочно утвердились в германском обществе и государстве, но которые пришлось предать времен-

ному забвению в период сближения Гитлера со Сталиным в 1939-41 годы. Точка зрения Гитлера на большевиков сформировалась к 1923 году. Наибольшее влияние на него, в этом плане, оказали контакты с русским белоэмигрантами и с теоретиками Альфредом Розенбергом и Дитрихом Экартом, а также личный опыт бурных лет в Мюнхене в 1918-1919 годах. В результате Гитлер проникся духом полнейшего отрицания большевизма. Некоторые составные части нацистской концепции еврейского большевизма берут начало еще в прошлом столетии – в теории Дарвина о борьбе за выживание и в теории Густава Ле Бона, которая рассматривала вопросы психологии толпы. Немалое влияние на создание этой концепции оказали взгляды Отто Зеека, который считал, что упадок Римской империи явился результатом «уничтожения лучших» в расовой клоаке, которую представляли собой IV и V века нашей эры. Х.С.Чемберлен тоже вложил свою лепту, высказав убеждение, что царская Россия потерпела крах в результате подрывной деятельности евреев-эмигрантов из Германии. Для Гитлера сталинская Россия была одновременно соблазном и загадкой. С одной стороны, она должна была быть слабой, ибо возникла в результате происков евреев, но с другой стороны, она таила в себе огромную опасность, что-то вроде межконтинентальной бубонной чумы, которая вот-вот могла перекинуться на Запад. Представление Гитлера о большевизме мало чем отличалось от взглядов мелкой буржуазии Запада, с той лишь разницей, что ему был присущ весьма гротескный характер.[1]

В своей посмертно опубликованной книге «Большевизм от Моисея до Ленина: диалог между Адольфом Гитлером и нацией» Дитрих Экарт излагает убеждения человека, маниакально одержимого одной бредовой идеей. Этих же убеждений придерживался, разумеется, и сам Гитлер.[2] Фюрер взахлеб рассказывал Экарту о своем открытии: оказывается, еще в древности евреи натравливали народы друг на друга и извлекали из этого огромную пользу для себя. Ему даже удалось найти документальное подтверждение этому тезису в книге Эсфири, где говорится о том, что евреи якобы предали смерти семьдесят пять тысяч персов.

Что это – если не яркий пример большевизма? Затем, через несколько лет, Гитлер, усердно работая над развитием и усовершенствованием своей теории, выдвинул еще одну «блестящую» гипотезу. По его мнению, сегодняшние ариане влачили жалкое существование, потому что являлись потомками межрасовых связей между евреями и персами! Гитлер обвинял евреев в том, что они травили мир в прямом и переносном смысле, интеллектуально и физически. Этим «подонкам» удалось соблазнить арийских девственниц и произвести на свет чисто еврейское потомство.

В неприятии Гитлером еврейского большевизма всегда присутствовал сексуальный элемент: обвинение евреев в кровосмешении и распространении венерических заболеваний. Эти два момента были его навязчивой манией. «Евреи разрушили сотни культур, но взамен не создали ничего». Экарт приводит цитату Гитлера: «В корне всех социальных несправедливостей лежит подрывная деятельность евреев». Гитлер считал, что целью евреев было покорить мир, а затем разрушить его. Следуя своей невероятно извращенной логике, он утверждал, что евреи сами виноваты в своей гибели от рук арийцев, которые защищают себя и весь мир. Евреи де предчувствовали скорый конец, являясь «трагическими» фигурами люциферовского толка, поскольку не могли переделать себя. Еще в 1923 году Гитлер достаточно ясно высказался о грядущем уничтожении евреев, которое станет делом рук его народа. Смертоносная энергия нацистов обрела конечную точку своего приложения. Эта тенденция в 1923 году просматривается не менее отчетливо, чем в 1945.

Гитлер и национал-социалистическая идеология видела в евреях связующее звено между христианством и большевизмом. Оба движения отличались уравнительным характером и были направлены против исключительной расы и отдельных личностей. Они возбуждали в массах брожение и недовольство, уничтожали все великое и выдающееся именем жалости и равенства. «Самый тяжелый удар прогрессу человечества нанесло христианство. Большевизм – это незаконнорожденное дитя христианства. У истоков обоих этих движений стояли евреи», – заявил Гитлер в июле 1941

года.[3] В другом случае он нашел связи между святым Павлом, Троцким и евреями, при этом добавив, что еще имеется возможность отразить натиск сброда, из которого состоит антимир. Чтобы спасти мир, люди должны действовать безжалостно, отбросив всякие угрызения совести и прочую христианскую дребедень. Немцы и поступили именно так, и этим частично объясняется успех Гитлера. Каждый еврей был разносчиком семян нигилизма и разрушения, и поэтому все их племя вплоть до последнего ребенка должно быть уничтожено. Нацистские идеологи часто изображали дело так, будто бы борьба велась в защиту христианства, но Гитлер и Гиммлер знали, что людей, «способных на такие необходимые меры», можно воспитать, лишь выкорчевав с корнем христианскую этику сострадания. Если еврея не уничтожить, считал Гитлер, он вновь восторжествует и с помощью «плутократов» Лондона и Уолл-Стрита, а также русских большевиков прорвется к мировому господству, истребив авангард, который состоит из арийских народов.

Свой вклад в эту идеологию, в виде речей и DW, внес во время войны и Геббельс. В конце 1941 года он заявил, что из сообщений канцелярии НСДАП немецкий народ узнал о «зверствах ГПУ и еврейских палачей».[4] В кинохронике были показаны камеры пыток ГПУ и места массовых казней латышских и украинских националистов. В марте 1942 года, после первой суровой «русской зимы», министр записал в свой дневник: «Ситуация вполне созрела, чтобы покончить сейчас с большевизмом по всей Европе. Учитывая то положение, в котором мы сейчас оказались, от достижения этой цели отказаться никак нельзя».[5] Геббельс лично руководил знаменитым «Советским раем», антибольшевистской выставкой, открывшейся в берлинском Люстгартене в апреле 1942 года. По замыслу ее устроителей, эта выставка должна была явиться для германских рабочих убедительным доказательством того, что коммунизм шел вразрез с их интересами, что он нес с собой нищету, пытки и грязь. Как всегда, Геббельс не преминул сгустить краски, заметив, что прежде чем показать посетителям грязные хлева, считавшиеся нормальным обиталищем советских

рабочих, его сотрудники вынуждены были вычистить их, насколько это было возможно. После закрытия этой исключительно успешной выставки по Берлину стал ходить порожденные ею анекдот: Вопрос: «Почему закрыли выставку «Советский рай»? Ответ: «Потому что рабочие из северных кварталов Берлина потребовали назад свои пожитки». В проведении антисемитской линии Геббельс до самого конца соблюдал твердую последовательность. В январе 1945 года мы находим в его дневниках утверждение, что коалиция союзников держится вместе лишь благодаря неустанным интригам международного еврейства, как клей, скрепляющих ее.[6] Как Геббельс, так и Гитлер постоянно обвиняли евреев в геноциде даже в 1945 году, после того как от рук Германии и ее союзников погибло около 6 миллионов евреев.

Будучи министром пропаганды, Геббельс с особой озабоченностью реагировал на пессимистические настроения среди гражданского населения Германии и военнослужащих, которые начали распространяться в конце 1941 года. Большевики не только не капитулировали, а, наоборот, стойко держались на всех фронтах. Геббельс полагал, что такое упорное сопротивление советских войск может придать идее коммунизма большую привлекательность в глазах многих немцев. Он поэтому исключил всякую возможность объяснения фанатизма и стойкости русских их верой в учение Маркса и Ленина, внедрявшееся в армии через систему политработников. Он объяснял это на примере из биологии: «Крыса также более приспособлена к оказанию сопротивления, чем домашнее животное, поскольку ей приходится существовать в ужаснейших социальных условиях, развивающих в ней повышенную сопротивляемость, которая становится главным фактором ее выживания».[7] В описании Гитлера, евреи были опаснейшими бациллами, и Геббельс, сравнивая большевиков с крысами, шел по стопам своего вождя и кумира. К таким существам нельзя подходить с человеческой меркой; их следовало истреблять в войне, названной Гитлером «войной доктрин на тотальное уничтожение» К проблеме сопротивления советских частей Геббельс возвратился в июле, будучи неудовлетво-

ренным слабой отдачей пропагандистских усилий. Для него было очевидным, что рядовые немцы по-своему объясняли невероятную цепкость русских. Теперь уже он употреблял такие термины, как «почти животное упрямство» и «презрение к смерти».[8] Несколькими месяцами позже Гитлер также затронул эту тему в подобном ключе: «Если кто-то скажет теперь: «но ведь русские держатся до сих пор несмотря ни на что» – да, мы должны признать этот факт. Но это объясняется тем, что они не европейцы, а существа низшего порядка, привыкшие к жизни в болотах. Нам очень трудно вести наступление в такой непролазной грязи, по которой русские двигаются, как по асфальту».[9]

Мысли Геббельса на этот счет отличались меньшим примитивизмом. Он считал русских типичными носителями панславянских настроений.[10] В его представлении, революция принесла России «великие перемены» в виде мощного возрождения национального духа, которое он якобы предсказывал еще двадцать лет назад. Геббельс, в отличие от Гитлера, отдавал себе отчет в том, что к невероятному по силе сопротивлению русских войск «еврейская клика» не имеет никакого отношения, а причины его следует искать в творческом порыве всего народа, имеющем яркую национальную окраску. Интересы пропаганды требовали однако, чтобы министр держал эти убеждения при себе или делился ими лишь с ограниченным кругом друзей и сотрудников. Фанатичная решимость советских вождей и комиссаров, идущих на пролом к поставленной цели, вызывали у Геббельса искреннее восхищение. Однажды в беседе министра с коллегами речь зашла о лидере немецких коммунистов в 1925-1933 годах, и он выразил мнение, что для победы в войне с Россией Германии требуются руководители «типа Тельмана».[11] Геббельс рекомендовал своим подчиненным посмотреть советский фильм об обороне Ленинграда, который, как он полагал, демонстрировал, что гражданское население СССР вносило куда больший вклад в достижение победы, по сравнению с немцами, трудившимися в тылу. Кроме того, он испытывал все большее презрение к офицерскому корпусу вермахта даже восхвалял

Сталина за то, что тот уничтожил в 1937-38 годах почти все высшее командование Красной Армии.[12]

Йозеф Геббельс не верил своей же пропаганде, по утверждениям которой, все славяне принадлежали к низшей расе, хотя он сам приложил руку к распространению этой лжи. Уже весной 1942 года у Геббельса появились серьезные опасения. Он предчувствовал беду, заметив в дневнике: «В конечном счете, приток рабочих с Востока значительно сократится, если мы в рейхе будем обращаться с ними, как с животными».[13] По мнению Геббельса, все публичные заявления о колонизации России являлись идиотизмом чистейшей воды, ибо лишь усиливали сопротивление Красной Армии и партизан. Его план заключался в переносе акцента на идеологическую борьбу против евреев и большевиков, не затрагивая коренные народы СССР. Перманентный кризис на Восточном фронте, начавшийся с конца 1942 года, заставил Геббельса забить тревогу. В его выступлениях все чаще стали появляться лозунги «Победа или смерть» или «Большевизм или триумф национал-социализма».[14] 25 ноября, через несколько дней после начала контрнаступления советских войск на Сталинградском фронте, Геббельс заявил своим сотрудникам, что германская пропаганда должна перехватить инициативу и снова перейти в наступление.[15] Из русских побед тоже можно извлечь пользу, считал он. Напуганный ими германский народ и его союзники с еще большим рвением будут трудиться на победу. «Лозунгом нашей пропаганды должна стать борьба против большевизма, и его нужно повторять снова и снова», – призывал министр. Он приказал не упоминать больше в прессе и по радио о завоеваниях на Востоке, а вместо этого сделать упор на организацию крестового похода против большевизма.[16] Успехи Красной Армии не только помогали заставить немцев лучше трудиться в тылу, но и могли иметь неплохой побочный эффект, убедив западных союзников сесть за стол переговоров с немцами. По этим причинам, в пропаганде Геббельса теперь почти не встречалось разглагольствований на тему о расовой неполноценности славян, которые так привлекали Гитлера, Гиммлера и в несколько видоизмененной форме – Розенберга.[17]

Антибольшевистский мотив, зазвучавший с новой силой в геббельсовской пропаганде после первых двух лет войны на Восточном фронте, явился, в некотором отношении, возвратом к тезисам, развитым еще до 1939 года. В инструкциях для нацистских пропагандистов и агитаторов, которые выпускались в 1937 и 1938 годах, содержались упоминания о «дьяволе-Сталине», о «Движении воинствующих безбожников» в Советском Союзе, о роли евреев в ГПУ, о нищенском уровне жизни в СССР, и о том, что советская экспансия на Восток сдерживалась сопротивлением Японии.[18] Политика Геббельса характеризовалась откровенным оппортунизмом. Так, он довольно легко приспособился к смене ориентиров в годы действия пакта Гитлера – Сталина. Впрочем, ему было не привыкать, ведь союз Гитлера с Гугенбергом потребовал от Геббельса не менее резкого поворота. Его министерству и RPL не понадобилось особых усилий, чтобы вернуться на позиции ярого антибольшевизма в 1941 году, когда Гитлер напал на Советский Союз.

В специальном выпуске бюллетеня RPL, предназначавшемся для агитаторов и вышедшим под броским заголовком «Германия вступает в последнюю, решительную стадию борьбы с еврейско-большевистской системой», на свет вытаскивались старые идеологемы.[19] Новым элементом в них было лишь предположение, что за на первый взгляд странным (хотя, если вдуматься, он является вполне естественным) союзом плутократов и красных стояли евреи. Партийные агитаторы должны были объяснить народу, что Германия и в этот раз обязана была своим спасением Адольфу Гитлеру, который в последний момент избавил немцев и все остальные народы Европы от вторжения коммунистических полчищ. Геббельсовские специалисты по «еврейско-большевистскому заговору» Э. Трауберт и В. Диверге[20] в изобилии снабдили соответствующим материалом информационную службу RPL. В них говорилось, что евреи используют русский панславизм, еврей Каганович управляет Сталиным как марионеткой, евреи заставляют русских упорно сопротивляться. Страх перед ГПУ, находившемся в руках евреев, принуждает советских солдат

сражаться даже тогда, когда их бросают на бессмысленный убой, с винтовками против танков. В отличие от прежней установки, в нынешних ориентировках для агитаторов подчеркивалось, что на самом деле русского народа как такового не существует, а есть лишь тридцать восемь различных этнических групп, живущих на территории «бывшего» Советского Союза. Агитаторам предлагалось обратить особое внимание своих слушателей на грядущую опасность. «Евреи и плутократы продали Германию и всю Европу большевизму. Под властью кровавого диктатора и убийцы Сталина миллионы немцев – мужчин, женщин и детей – будут безжалостно истреблены».[21] К 1942 году главным лозунгом, который использовало в своей работе RPL, стал «Победа или большевистский хаос», вариация на тему «Победа или смерть». Пропаганда против плутократов отошла на второй план, уступив место мощной атаке на большевизм.

В бюллетене, носившем название «Пропаганда в лозунгах», говорилось, что еще в 1923 году Сталин решил сделать Берлин столицей большевистского мира. Там же приводились цитаты, приписывавшиеся Уинстону Черчиллю (1921 г.) и Малколму Маггериджу (1934 г.). В них утверждалось, что Советским Союзом правят евреи, которые угнетают и эксплуатируют все остальные национальности.[22] Возобновившаяся кампания против большевизма представляла собой не столько новые нападки на марксизм, сколько апогей крестового похода Геббельса против евреев. Из Берлина были депортированы последние евреи. В апреле 1943 года служба информации распространила «Еврейский школьные календарь», в котором цитировались утверждения, сделанные якобы еврейскими авторами, среди которых были и анонимные сочинители «Протоколов сионских мудрецов». Эти цитаты были «доказательством» намерения евреев отомстить всему благородному миру за антисемитизм и захватить власть на всем земном шаре.

Специальная организация, финансировавшаяся министерством пропаганды и называвшаяся «Антисемитское действие» (ACA), имела библиотеку и архивы, содержавшие все необходимые материалы для дальнейшей обработки населения в духе смертельной ненависти к евреям. Другие

министерства и организации также часто пользовались архивами АСА, где хранились и документы института по научному изучению еврейского вопроса. Антикоминтерн (АК), один из отделов восточного управления министерства пропаганды, вновь развил кипучую деятельность после периода спячки во время пакта Гитлера-Сталина. Его бюджет на финансовый 1942 год составлял 1,6 миллиона рейхсмарок, из которых одна пятая отпускалась исключительно на нужды антиеврейской пропаганды. Этот антиеврейский отдел вскоре забрал материалы для антибольшевистской, антиеврейской и антимасонской пропаганды, но вся его работа прямо или косвенно крутилась в основном вокруг «Еврейского вопроса». Отдел состоял из пяти секций, занимавшихся соответственно 1) печатью, 2) СССР, 3) прочими странами, 4) координацией антиеврейской пропаганды и 5) административной работой. К 1943 году в нем работало 124 сотрудника. Дважды в месяц он издавал журнал «Еврейский вопрос» тиражом в 1200 экземпляров. Библиотека АК насчитывала свыше 40000 томов. Планировалось даже издание нового журнала «Архивные данные по еврейскому вопросу». Проводившаяся ревизия обнаружила образцовое ведение бухгалтерского учета и строгий порядок в библиотеке отдела. Однако сотрудников отдела 22 ноября 1943 года постигло несчастье. В результате проводившегося в этот день авиацией союзников массированного воздушного налета на Берлин все «сокровища» АК были уничтожены и люди Геббельса лишились всей своей «научной базы», в то время как борьба Великой Германии за свободу вступила в критическую фазу.[23]

Различные структуры партийных организаций часто пользовались в своей работе материалами, которые создавались в недрах министерства пропаганды и управления внутренней пропаганды рейха. Например, СА, долгое время пребывавшее в состоянии спячки, вдруг встрепенулись и решили активизировать пропаганду среди своих членов, сделав упор на антибольшевистский ее аспект. Были выпущены серия плакатов с лозунгами соответствующего содержания, а также брошюры, почти слово в слово излагавшие материалы RPL в более вульгарной и потому более доступ-

ной пониманию штурмовикам форме. В 1941-42 годах пропагандисты на разные ладу твердили о примитивной, животной натуре красноармейцев, недочеловеков, лишенных всякого идеализма. Чтобы читателям или слушателям, не дай Бог, не взбрело в голову сделать сравнение с СА образца 1932 года, авторы листовок, брошюр и радиопередач особенно подчеркивали безыдейность и шкурничество, якобы царившие в среде советских военнослужащих.[24]

На последнем году войны министерство пропаганды дало германским газетам и радио указание знакомить немцев с жизнью населения в районах, попавших под железную пяту Сталина. Многие союзники Германии стари проявлять тревожные тенденции к ослаблению связей с рейхом, стремились вырваться из орбиты немецкого влияния, и органы пропаганды получили инструкцию вести особую, разъяснительную работу с населением стран-сателлитов, рисуя их будущее в безрадостных, черных тонах, если они предадут Германию. В марте 1944 года в германских средствах массовой информации появились прозрачные намеки в отношении к колеблющейся Финляндии, на то, что любые западные гарантии окажутся пустым звуком, в случае, если какая-то союзница Германии вздумает объявить нейтралитет, надеясь тем самым спастись от вторжения советских полчищ.[25] В качестве примера немецкая пропаганда ссылалась на Италию, которая, предав Германию, не смогла избежать переноса войны на свою территорию. Наоборот, она превратилась в место, где происходили ожесточенные бои и сражения, и теперь альтернативой национальному величию и союзу с Германией стали хаос и коммунизм. К концу 1944 года самообман полностью вытеснил у руководителей немецкой пропаганды способность к маломальски трезвой оценке событий, происходящих в мире. На Вильгельмсплац раздували до небес весьма скромные успехи антисоветского подполья в Прибалтике и на Западной Украине и торопились выдавать в прессу и на радио восторженные победные реляции, основавшиеся на вымышленных данных. Газета «Новый день», печатавшаяся в Праге, сообщила с ссылкой на шведскую прессу о планах Советов построить газопровод Москва-Саратов, используя

исключительно принудительный труд военнопленных Германии и ее союзников.[26] Геббельс продолжал даже 24 февраля 1945 года настаивать на том, чтобы германские средства массовой информации и дальше муссировали тему невыносимых условий жизни трудящихся в Советском Союзе.

Словесные и карикатурные нападки на большевизм и его прихвостней начались в германской прессе 24 июня 1941 года. Подбор заголовков из «Национаь Цайтунг», одной из газет НСДАП, дает представление о манере, в которой пресса выполняла указания партии и государства: «Москва ждала сигнала из Лондона» (24 июня); «Сталин и Черчилль в одной упряжке» (25 июня); «Европа восстает против большевизма» (28 июня); «Московские евреи мутят воду» (10 июля); «Рузвельт ищет повода» (6 июля). Газеты сравнивали вторжение Гитлера в Россию с мерами, принятые им против германских коммунистов после поджога рейхстага в 1933 году.[27] Отто Дитрих лично сочинил инструкцию, согласно которой газетам предписывалось отразить на своих страницах реакцию немецких солдат, ужаснувшихся невыносимым условиям жизни в «раю для рабочих». Значительное место в сообщениях с востока уделялось «зверским расправам большевистско-еврейского сброда над украинскими и латышскими националистами». Хвастливый тон подавляющего большинства коммюнике был призван успокоить страхи немцев старшего поколения, которым довелось испытать великие победы, а затем сокрушительное поражение в войне 1914-18 г.г. В начале июля 1941 года многие газеты сообщили, что германская армия уже достигла рубежей, путь к которым в первой мировой войне занял у нее три года.[28] Летом 1941 года германская пресса получила материалы, касавшиеся роли, которую сыграли в организации политических убийств, шпионажа на самом высоком уровне и саботажа советские посольства в Париже и Берлине. К материалам прилагались инструкции, самым подробнейшим образом регулировавшие все вопросы их использования. Операция была подготовлена с участием Розенберга, гестапо и СД. События, о которых шла речь, якобы имели место в 1924-25 годах. Министерство пропаганды заявило, что ранее, исходя из высших

государственных соображений, соответствующие органы налагали запрет на предание этих досье гласности, но теперь, учитывая резко изменившуюся обстановку, министерство иностранных дел сочло возможным разрешить их опубликование. Кое-какие документы, захваченные недавно в Париже и Берлине, якобы подтвердили предположения нацистов, которые до этого основывались на данных, полученных в ходе судебных процессов еще во времена Веймарской республики. Несколькими месяцами спустя, в ноябре 1941 года, в германских газетах появились «сенсационные разоблачения», изображавшие советский империализм как дитя старого царского режима, берущего свое начало еще от Петра Великого.

План газетной кампании «Петр Великий» был продиктован самим Гитлером, который поднял тему преемственности, усмотрев в нынешней советской действительности связи между еврейским большевизмом и славянским империализмом. Ханс Фриче из министерства пропаганды и Пауль Шмидт из министерства иностранных дел ознакомили главных редакторов ведущих нацистских газет с линией, которой те должны были следовать, указав, что в качестве аргументов газеты могут использовать цитаты из «Завещания Петра Великого».[29] Это, так называемое завещание, еще ранее, в ходе первой мировой войны, было признано крупными немецкими учеными подделкой, но Гитлеру было наплевать на мнение уважаемых профессоров. Современная политика Советов вполне укладывалась в русло принципов «Завещания Петра Великого», и все остальное не имело никакого значения. Есть некоторые основания полагать, что «Завещание» было подделано по приказу Наполсона еще в 1812 году. При проведении этой операции министерства пропаганды и иностранных дел тесно сотрудничали, какими бы ни были личные отношения шефов. В 1942 году министерство иностранных дел отметило, что парижский еженедельник «Тоут ля Ви» поместил статью, в которой ответственность за организацию государственного переворота в Белграде в 1941 году, носившего антигерманский характер, возлагалась на сэра Стаффорда Криппса и Сталина.[30] Один чиновник этого министерства предложил

использовать случаи плохого обращения русских с польскими военнопленными в целях разоблачения «зверств большевистско-еврейских комиссаров», представив советскую сторону в выгодном для немцев свете и вызвав напряженность в отношениях между Москвой и правительством Польши в изгнании, находившемся в Лондоне. Сформированные на территории СССР из бывших военнопленных польские войска, теперь, в мае 1942 года, находились в Иране, а многие польские военнослужащие открыто заявляли о жестоких издевательствах, которым они подвергались во время пребывания в советских концлагерях. В феврале 1942 года в министерстве иностранных дел решили, что прославление советских партизанок прессой союзников можно обратить в пользу Германии, показав на этом примере, как большевики грубо нарушали правила ведения войны.[31] Эти же чиновники стали усердно собирать вырезки из западных газет, желая доказать, что Советский Союз намеревался оставить за собой всю территорию, захваченную им в 1939-40 годах, и что Энтони Иден согласился передать большевикам всю Восточную Европу.[32] Это были лишь немногие из предложений по усовершенствованию пропаганды, переданные в ведомство Геббельса и Дитриха сотрудниками германского МИДа, после того, как они получили санкцию на это от самого Риббентропа.

К геббельсовской кампании по нагнетанию страха перед большевиками, проводившейся в конце зимы и весной 1943 года, подключились все журналы и иллюстрированные периодические издания, а также другие средства массовой информации. Их главным редакторам регулярно рассылался информационный вестник «Лозунг борьбы» и материалы, относившиеся к теме «Большевизм -смертельный враг Европы». Этим делом занималась служба периодики министерства пропаганды. Большевизм предвещал рабство, нищету, смерть, и многие редакторы в поисках дополнительных сногсшибательных материалов обращались к другому информационному вестнику – «Германскому еженедельному обозрению», в котором имелись более подробные материалы для подготовки статей на соответствующие темы.[33] Весной антибольшевистская кампания

разгорелась с новой силой, когда немцы объявили на весь мир о том, что в Катыни под Смоленском ими были обнаружены останки двенадцати тысяч польских офицеров, попавших в плен к советским войскам в 1939 году и позднее расстрелянных органами НКВД. Сообщение Германской службы новостей от 3 мая 1943 года походило на выступление Гитлера, будучи проникнутым лжепафосом праведного возмущения: «Массовое зверство евреев-большевиков в Катыни, жертвами которых пали двенадцать тысяч польских офицеров, вызвали возмущение всего цивилизованного мира».[34] На протяжении последних лет войны германские средства массовой информации не переставали выражать показную скорбь и лить крокодильи слезы по погибшим полякам, надеясь тем самым вбить клин в отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции. В августе 1944 года Отто Дитрих охарактеризовал советскую политику в Польше как попытку физически уничтожить «польские национальные силы».[35] В похожих выражениях описывало «Германское еженедельное обозрение» Варшавское восстание 1944 года, ядром которого были подразделения антикоммунистической Армии Крайовой под командованием генерала Бур-Комаровского. Советские агенты якобы подбили польских националистов на бессмысленное восстание против неизмеримо более сильного немецкого гарнизона. Цель Сталина – истребить поляков-некоммунистов руками немцев, была достигнута. Многим немцам тогда не были известны потрясающие факты о проводимой Гитлером в польском генерал-губернаторстве политике геноцида, от которых волосы вставали дыбом, и поэтому нацистская пропаганда имела некоторый успех. Следует указать, что большая часть этой пропаганды была рассчитана на западных союзников, а не на собственное население.[36]

В 1941 году Ханс Йост, президент имперской палаты литературы, заявил: «Две книги, «Майн Кампф» и «Капитал», находятся в состоянии войны между собой».[37] Книги играли огромную роль в нацистской пропаганде, помогая убеждать рядовых немцев в справедливом характере ведущейся войны. Интеллектуалы и вообще все самостоятельно

мыслящие образованные люди были мишенью «Виндекса» (под этим псевдонимом скорее всего скрывался Гизельхер Вирзинг), в написанной им книге под названием «Политика» масляного пятна: Советский империализм во второй мировой войне».[38] Как и все «серьезные» нацистские писатели, Вирзинг видел в советской и американской идеологиях выражение империалистических устремлений, в то время как Германия всего лишь пыталась построить новый справедливый порядок. Война в интерпретации Вирзинга, интеллектуала-журналиста, стиль которого отличался выразительностью и свежестью, отсутствием затасканных штампов, была борьбой убеждений, и победителю в качестве приза доставалась Европа. «Война, – писал он, вышла за националистические рамки 1939 года. Теперь она превратилась в войну за спасение Европы от Советской России, которая доминировала во вражеском союзе» (1944). Вирзинг с удивительной прозорливостью предупреждал о далеко идущих, честолюбивых намерениях СССР, предсказывая бурное развитие Советских ВМС, которые поставят под свой контроль важнейшие морские коммуникации в Мировом океане. Не ошибся он и предсказав резкий поворот британских масс в сторону левых сил. Парламент и правительство Черчилля явно не поспевали за изменением настроений рядовых избирателей.

Антибольшевистский крестовый поход вдохновил и многих, наиболее вульгарных национал-социалистических писак на муки творчества. Д. фон Леерс, журналист, свихнувшийся на почве ненависти к евреям, который приобрел скандальную известность своим трудом, посвященным истории Веймарской республики, – «Четырнадцать лет еврейской республики», написал памфлет, разоблачавший «евреев за спиной Сталина».[39] Леерс не только обвинял евреев в жестокостях, творимых ГПУ, но и шел дальше, заявляя, что большевистскую революцию финансировали еврейские капиталисты! В 1942 году издательство Еера опубликовало книгу, ужаснувшую всех дикими подробностями, в которой рассказывалось о трудовых лагерях системы ГПУ-НКВД. Эта книга была написана Кайтаном Клюгом и и называлась «Самое величайшее рабство в ми-

ровой истории». Издатели пообещали, что это произведение будет продаваться во всех магазинах и станет сенсацией во всем мире.[40] Памфлет «Дверь в Россию открыта» изображал судьбу рабочих и крестьян в Советском Союзе, историю бесконечных мучений и голода. Во многих случаях окружные штаб-квартиры НСДАП рассылали эту литературу по районным партийным организациям, где ее могли получить все заинтересованные лица, в том числе беспартийные. Книга «Я видел большевизм» распространялась в 1942 году в округе Айзенах именно таким образом.[41] Более широкую известность приобрела вышедшая в том же году книга Вольфганга Диверге «Советский Союз глазами немецких солдат», представлявшая собой сборник фрагментов из писем немецких солдат, служивших на Восточном фронте. Предисловие к этой, получившей восторженные отзывы многих литературных критиков книге написал сам Геббельс. Партийные организации всех уровней постоянно заказывали ее, и тираж произведения достиг нескольких миллионов экземпляров. Советское общество в нем казалось одной огромной тюрьмой, где люди терпели невероятные лишения, жили в грязи и голодали. Это был рай для евреев и ад для всех остальных.

Детище Геббельса, берлинская выставка «Советский рай» стала темой книги, вышедшей в 1942 году, – «Советский рай: выставка НСДАП, иллюстрированный отчет».[42] Благодаря этой книге, многие немцы, жившие далеко от Берлина, получили возможность как бы побывать на выставке. Германская пропаганда провела также тщательную работу по распространению информации о катынском деле, что видно на примере книги: «Массовые казни в Катынском лесу: документальный отчет».[43] Наибольшее значение в этой книге имел «Протокол», подписанный медицинскими экспертами из двенадцати европейских стран. В конце апреля 1943 года эти люди посетили место, где производились расстрелы, и их доклад подтвердил обоснованность немецких обвинений в адрес органов НКВД. Во всех жутких историях о большевизме и его преступлениях неизменно обнаруживалась ведущая роль евреев. Нацисты со злорадством повествовали о евреях, сотрудниках НКВД, кото-

рые приканчивали польских патриотов своим излюбленным присмом – выстрелом в затылок.

В 1944 году издательства Франца Эера опубликовало книгу Генриха Гойча «Никогда!» – истерический призыв к германской нации сопротивляться изо всех сил, ибо евреи де запланировали поголовное уничтожение всего населения Германии.[44] К этому времени большая часть евреев в европе уже пала жертвами нацистских убийц, но Гойч упрямо повторял измышления Диверге о еврейских планах ликвидации немцев.

24-летняя борьба Альфреда Розенберга против большевизма завоевала ему авторитет главного эксперта по этой проблеме, и после 1941 года его ведомство стало главным источником антисоветской пропаганды. Розенберг искренне верил в национал-социализм и смог примириться с соглашением, подписанным в 1939 году со Сталиным, только потому, что верил и в Адольфа Гитлера. Однако в мыслях у него царил полный разброд. Охваченный душевным смятением, он в недоумении вопрошал: «Как мы можем и дальше болтать о спасении и построении новой Европы, если нам приходится просить о помощи того, кто ее разрушает?» Бедняга Розенберг прилагал все усилия, чтобы найти достойное оправдание этому пакту. Он назвал Риббентропа «шуткой всемирной истории», однако ему все-таки пришлось с горечью заключить, что Германии нужно было обеспечить себе свободу рук на Западе.[45] После нападения Гитлера на СССР Розенберг, разумеется, воспрял духом, а известие о назначении его министром оккупированных восточных территорий окончательно похоронило все прежние сомнения. Впереди его ждали годы разочарований и неудач на поприще администратора, но Розенберг совершенно не ощущал нехороших предчувствий. 29 июня 1941 года он самоуверенно заявил, что «история сторицей воздаст России за двадцать три года, в течение которых она отравляла европейский континент ядом большевизма».[46]

После июня 1941 года Розенберг и его учреждение выплеснули на свет огромное количество самой оголтелой антисоветской пропаганды, главная задача которой заключалась в идеологическом обосновании войны против ком-

мунизма. «Группа действия» при рейхсляйтере Розенберге занималась сочинением брошюр и книг, печатавшихся миллионными тиражами. Собственное сочинение Розенберга «Советская проблема» (1943 г.) является типичным образчиком этой продукции.[47] Розенберг, ненавидевший великорусский национализм и царистский экспансионизм, отозвался в нем о Российской империи, как об орудии угнетения свыше пятидесяти разных народов. Это противоречие и было использовано евреями при подготовке большевистской революции, которую Розенберг описал как правление люмпенпролетариата. В этом же году рейхсляйтер выказался на тему «Советы и их союзники». В одном месте, которое вполне могло бы вызвать сочувственный отклик в сердцах его читателей полтора года спустя (если к январю 1945 года у него остались еще какие-либо читатели), Розенберг благодарил фюрера за его вторжение в Россию, аргументируя это тем, что если бы «гений» не совершил такой шаг, то Красная Армия давным-давно уже ворвалась бы в «Восточную Пруссию, Саксонию или Силезию». Рейхсляйтер и министр восточных территорий, который всем сердцем воспринял нацистскую идеологию «единой Европы», обвинял Великобританию в предательстве Европы и пытался представить вторую мировую войну как войну культуры Гете и Бетховена против эскадрилий американских бомбардировщиков и гангстеров-янки. В мае 1944 года Розенберг сравнил «это сатанинское мировоззрение» (большевизм) с новейшим типом диких орд, надвигавшихся на Европы из степей Центральной Азии, «извращенным неомессионизмом востока».[48]

Сотрудники Розенберга наполнили предложенную им концепцию большевизма конкретным содержанием. Доктор Герд Вундер был специалистом по «евреям в большевизме». Его перо с легкостью выводило такие строчки, например, как: «Известно, что Якоб Шифф и другие еврейские банкиры с Уолл-Стрита финансировали революцию 1917 года. Даже Черчилль признавал у большевизма еврейские корни...» Вундер «документально» доказал ведущую роль евреев в советском государстве, обществе и экономике, подтвердил пророческие слова Баруха Леви, которые

якобы были написаны Карлом Марксом: «Всемирная республика станет орудием осуществления власти евреев над всем миром...»[49] Вундер заявил, что евреи стараются избегать прямой ответственности и с этой целью выдвигают на первый план лиц других национальностей, таких, как Сталин, которые в действительности являются лишь марионетками в их руках, имея чисто номинальную власть. Он считал, что «типично еврейскими» методами правления в СССР были страх, недоверие, месть и ненависть. Если Геббельс первостепенное значение придавал национальным, панславистским и варварским чертам большевизма, то Розенберг и Гитлер до самого конца видели в большевизме, главным образом, происки международного еврейства.

Бюллетени и журналы, выпускавшиеся ведомством Розенберга, содержали в основном антибольшевистскую идеологическую пропаганду. Даже в эру пакта Гитлера-Сталина «Бюллетень по доктринальной ситуации», имевший сугубо конфиденциальный характер, поскольку предназначался лишь для служебного пользования, продолжал публиковать материалы о коммунизме и Советской России.[50] Вторжение в Россию означало, что теперь идеологический журнал Розенберга «Национал-социалистический ежемесячник» мог открыто печатать на своих страницах «теоретические» статьи, выражавшие отношение нацистов к большевизму и войне на востоке. Серия статей, опубликованных в начале 1942 года, дает неплохое представление о масштабе «теоретических» изысканий журнала[51]: Бруно Брем писал о России: «Человеческая жизнь никогда не имела там никакого значения, она не стоила там даже ломаного гроша». Свой тезис об отсутствии у среднего русского уважения к жизни другого человека он подкреплял цитатами из произведений Достоевского. Карл Розенфельдер, писавший об «Историческом аспекте фронта Европы на Востоке» пытался совместить современную европейскую идеологию Розенберга с историческим прошлым отношений Европы и России. Он ссылался на индо-германские племена, защищавшие восточные рубежи Европы от натиска скифов, гуннов и монголов: «Москва берет на себя роль монголов». После 1918 года старая Москва стараниями

свреев воспряла, и это возрождение приняло форму мировой революции. Таким образом, нападение Германии на Советскую Россию явилось оборонительной мерой. Ведомство Розенберга доводило свои взгляду и мнения по восточной проблеме до германской прессы через доктора Тауберта, главного консультанта министерства пропаганды, который служил связующим звеном между «восточным министерством» и Геббельсом.[52] Ханс Фриче стал получать материалы для опубликования в прессе лишь после назначения Розенберга на новый министерский пост.[53]

К 1944 году в политике Альфред Розенберг был уже конченым человеком, хотя и продолжал еще выступать с речами о «европейской» идее и борьбе против еврейского большевизма. Поскольку его министерству было уже нечем руководить, рейхсляйтер нашел другую точку приложения своему творческому потенциалу, обрушившись с гневными нападками на весьма могущественных лиц из гитлеровского окружения за то, что они покровительствовали «ярому русскому шовинисту» Власову в его стремлении создать русскую национальную армию. Вообще Розенберг сочувственно относился к чаяниям украинских и других националистов, но с его мнением даже до 1944 года мало считались, по крайней мере тогда, когда речь шла о практической реализации тех или иных политических решений. Его задачей было решать теоретические вопросы, связанные с идеологическим обеспечением борьбы с большевизмом. В частности, он выдвинул тезис, согласно которому Германия вела войну в интересах всей Европы и европейские народы должны были принять участие в борьбе против общего врага, если они хотели занять достойное место а будущем «Новом порядке». Германские средства массовой информации уделили этой идее самое пристальное внимание.

Главное управление партийного просвещения НСДАП, которым руководил Роберт Лей, снабжало партийные кадры, лекторов и преподавателей папками с подборкой материалов по таким темам, как «Мировой большевизм»[54], «Судьбоносная борьба на Востоке»[55] и «Суть большевизма».[56] Тон, в котором все они были написаны, не менялся на протяжении всей войны: «Немцу с нормальным образом

мышления трудно понять, как этому степному волку удается гнать на убой свой безропотный народ лишь для того, чтобы еще более прославить свое имя».[57] В данном случае имелся в виду Сталин. В образовательных материалах, подготовленных Вильгельмом Лебзаком и другими «восточными экспертами», режим Сталина изображался инструментом, при помощи которого евреи проводили свою политику. Советская власть получила от них благословение именем Иеговы и Тора, явившаяся выражением их «святой» ненависти к Гитлеру. Пропаганда Лея была рассчитана на среднего немецкого обывателя, в то время как Розенберг предпочитал формулировки более изящные в интеллектуальном плане. Сотрудники Лея стремились к изложению материала в доступном для понимания членов НСДАП виде и всегда выделяли две главные мысли 1) Еврейское происхождение большевизма и 2) Советское государство как центр еврейской власти.

Пропаганда, которая велась в Ваффен СС, подчинявшихся Генриху Гиммлеру и являвшихся воплощением мистического национал-социалистического понятия о чистоте расы, представляла собой последнее достижение теоретической мысли в теории еврейского большевизма. «Борьба против большевизма: 28 вопросов и ответов о большевизме», выпущенная главным управлением СС, стала карманным катехизисом каждого эсэсовца.[58] Вот некоторые выдержки из него: «Вопрос – «Почему мы боремся против большевизма вплоть до его полного уничтожения?» Ответ – «Потому что большевизм это порождение еврейского разума, который пытается истребить все цивилизованные нации...» Отвечающий обычно добавлял, что большевики убили или депортировали всех немцев, проживавших на территории бывшей царской России, за исключением тех, кому удалось бежать на Запад. Другой ответ гласил: «Большевизм – это учение, при помощи которого евреи хотят установить свое господство над всем миром». В этом пособии утверждалось также, что настоящим главарем советского режима является Лазарь Каганович, дергавший ниточки из-за кулис, и что ВКП(б) руководят евреи.

Наиболее известным произведением органов пропаганды СС была брошюра «Недочеловек» (Der Untermensch), первоначально предназначавшаяся для немецких войск, воевавших в России, в качестве справочного пособия по восточным народностям.[59] Этот документ получил широкое распространение и внутри рейха. «Недочеловек» стал гимном расовой ненависти, призывая немецких солдат смотреть на мирное население, как на вредных микробов, которых следовало уничтожать. В этом смысле он продолжал линию художественных фильмов «Еврей Зюсс», «Вечный жид», и произведения Вольфганга Диверге «Мировая плутократия и ее цели в войне» (1941). Разница заключалась в том, что «Недочеловек» не просто выражал ненависть к евреям. Он оскорблял все народы Востока, называя их грязными, монголоидными, скотскими ублюдками. Это создало трудности для германских пропагандистов. Как отмечал Геббельс, было бы невозможно наладить эффективное использование рабочей силы с Востока в Германии или заставить население оккупированных восточных территорий работать на победу Германии, если бы этот памфлет и дальше имел бы столь свободное хождение. После Сталинграда министерство пропаганды с большей настойчивостью стало добиваться запрета на распространение «Недочеловека» хотя бы в пределах рейха. В феврале и марте Тисслер и Гуттерер встретились с Борманом и Гиммлером и довели до них точку зрения Геббельса. С весны 1943 года эта брошюра стала реже встречаться в свободном обращении, но нанесенный ею ущерб был уже непоправим.[60]

К концу 1944 года, когда время уже было упущено, аппарат Геббельса стал часто использовать в своих целях русского генерала Власова и его комитет освобождения народов России (КОНР). Немцам, прочитавшим брошюру «Недочеловек», было очень странно увидеть этого генерала на экранах кинотеатров в DW, где он изображался героем. Ведь и сам Геббельс в 1941-42 годах внес немалый вклад в распространение взглядов, выраженных в «Недочеловеке», уподобив сопротивление русских реакции крыс. Однако он резко изменил свою точку зрения, поняв всю ее вредность

в деле мобилизации иностранных трудовых ресурсов. Взгляды Гиммлера эволюционировали не так быстро, а Гитлер вообще остался на прежних позициях. В 1941 году нацистская идеологическая пропаганда расширила понятие о еврейском большевизме, включив туда и массы «недочеловеков» на Востоке, которые оказывали упорное сопротивление продвижению германских армий. В этом прогрессе была своя логика, поскольку еще в 1931 году штурмовики называли своих противников коммунистическими недочеловеками. По мнению Геббельса, ядром идеологии военного времени являлся антисемитизм. Это был цемент, который скреплял «плутократов» и большевиков. Пропаганда же в отношении восточных недочеловеков подвергалась быстрым и радикальным изменениям, потому что концепция неполноценности славян не принадлежала к числу стойких убеждений Геббельса, особенно после его любовной интрижки с Лидой Бааровой в 1938 году.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАКЦИИ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА НАЦИСТСКУЮ ПРОПАГАНДУ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

11

РЕАКЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВОЙНУ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

Йозеф Геббельс считал, что пропаганда военного времени должна убеждать как можно большую часть населения в том, что любая политика, проводимая руководством страны, правильна и осуществляется в интересах всей нации. Народ должен был верить вождям, даже когда правительство не могло открыть ему истинных мотивов и целей. Если пропаганда достигла этой цели, значит, ее главная задача была выполнена, ибо руководство получало свободу действий и могло поступать, как ему вздумается, не беспокоясь о настроениях и мнениях граждан. Это давало огромное преимущество над медлительными парламентскими режимами, вынужденными считаться с настроениями масс[1] и действовать осторожно, с оглядкой. Геббельс старался не отягощать Гитлера такими мелочными заботами, как отношение общества к войне. Гению должно было быть позволено следовать курсом, предназначенным судьбой с «бесстрастностью и хладнокровием сюзерена». Геббельс понимал, что у Гитлера не будет этой свободы действий, если его министр пропаганды не сможет чувствовать настроение в обществе. Только тогда германское государство сможет подготовить население к правильному восприятию политики Гитлера. По этой причине Геббельсу требовалась точная информация о настроениях и моральном состоянии немецкого общест-

ва. Такие данные позволяли бы ему судить об успехе или провале той или иной пропагандистской кампании и дали бы правительству возможность подготовить население к предстоящим изменениям в политике и экономике, будь то сокращение карточных рационов или нападение на соседнюю страну. Таким образом, Гитлер оказывался в растущей изоляции от народа, будучи вынужденным во всем, что касалось мнений общества, целиком полагаться на Геббельса. Последнего же такое положение устраивало как нельзя больше, ибо соответственно возрастало его влияние и значение. В тоталитарном обществе пропаганда часто подготавливает население к тому или иному мероприятию, решение о котором, на самом деле, уже давным-давно принято, но пока держится в секрете. При проведении таких операций требовалась известная тонкость и изворотливость.

В «Третьем рейхе» не было никакого «общественного мнения», по крайней мере в общепринятом смысле, таким, каким его привыкли ощущать граждане западных демократий. Не было и столкновения, борьбы мнений в средствах массовой информации, а значит, не было и легальной возможности для критики режима и его политики. Йозеф Геббельс добывал информацию о настроениях в народе из разных источников, не полагаясь исключительно на официальные каналы. К этому материалу он присовокупил свою творческую фантазию и интуицию, а также представляемые им обобщенные и переработанные сообщения или сводки, которые регулярно ложились на стол рейхсканцлера и фюрера, становились основой принятия Гитлером важнейших решений. Министр пропаганды внимательно прочитывал обзоры еженедельных докладов о своей деятельности, которые представляли его секретарям все сорок два управления и отдела его министерства. В этом документе содержались не только данные о проведении и различных пропагандистских кампаний, но и свежая информация о настроениях населения различных гау. Геббельс хранил этот материал в тайне от посторонних глаз и запретил начальникам территориальных управлений министерства снабжать этой информацией какие-либо другие

правительственные учреждения.[2] Он оправдал это решение тем, что со стороны СД имеются возражения против любого распространения этих материалов, но в действительности, ему хотелось сохранить монополию на них, ибо только из этих обзоров и сводок можно было узнать правду о том, что думал народ о вождях и их решениях, и об эффективности работы аппарата министерства пропаганды. Сообщения с мест пропадали прежде всего в руки статс-секретаря и начальника отдела пропаганды. Этих высокопоставленных чиновников интересовало моральное состояние населения и его отношение к режиму в целом. Они постоянно предупреждали начальников окружных управлений пропаганды не направлять материалы, в которых содержались «отдельные, изолированные случаи извращенной, негативной реакции на различные события».[3] Гуттерер, на совещании в начале 1943 года, сказал этим начальникам, что по каждому конкретному случаю должны приниматься решительные меры воздействия, типичные для «эры борьбы». Берлин беспокоило ворчание значительных обывательских масс по поводу урезания норм выдачи угля. Высказывания отдельных личностей, имевшие своей подоплекой личные обиды, не имели особого значения, и их можно было игнорировать или, на худой конец, принять полицейские меры.

Огромная пропагандистская машина располагала и другими каналами обратной связи, через которые она подпитывалась информацией, включая докладные записки и рапорты партийных функционеров самого разного ранга. Эти рапорты представляли собой подробнейшие отчеты о партийных собраниях, начиная с низовых партячеек и кончая гау, и были частью информационного потока, вливавшегося в огромное чрево RPL. Доклады составлялись по определенной схеме. В них указывались место и дата проведения собрания или митинга, число участников, тема выступления докладчика и способ ее раскрытия, впечатление, произведенное докладчиком на аудиторию, общее впечатление от доклада, а также предложения и пожелания местных партийных руководителей. По этим анкетам можно было не только судить о способностях того или иного

партийного оратора воздействовать на публику. Они снабжали RPL ценной информацией о настроениях населения. Если данная тема интересовала аудиторию в разных частях рейха и в одно и то же время, можно было сделать определенный вывод о том, что больше всего тревожило народ, или по меньшей мере ту часть народа, которая симпатизировала национал-социалистам. Как только партийные учреждения в Берлине и Мюнхене улавливали определенную закономерность, то на основе полученных данных вносились коррективы в уже существующие пропагандистские разработки или создавались новые. В управления пропаганды гау, округов и районов направлялись рекомендации о проведении будущих кампаний и списки примерных тем для массовых мероприятий и индивидуальных бесед.[4]

«Рейхсрапорты», составлявшиеся СД, которая была одним из отделов РСХА – Главного имперского управления безопасности, также содержали материалы чрезвычайной важности для ведомства Геббельса. Информация о настроениях германского народа была весьма специфичной, если учесть методы СД, но тем не менее она отличалась предельной откровенностью и, по этой причине, выражаясь словами Фриче: «оказывала очень благотворное влияние на эффективность пропаганды...»[5] Эти документы имели строго секретный характер и предназначались конкретным адресатам – государственным служащим и партийным функционерам, которым было запрещено разглашать содержащуюся в них информацию даже коллегам по работе. Первоначально они назывались «Доклады внутренней политической ситуации» и отражали желание групенфюрера СС Отто Олендорфа создать орган, который доводил бы до внимания руководства рейха заботы и чаяния народа. Позднее Олендорф возглавил службу внутренней информации – третье управление РСХА и в этой должности непосредственно контролировал составление и распространение докладов СД. До перевода в Берлин на эту канцелярскую работу Олендорф был командиром одной из айзанцгрупп, орудовавших в России. По его личному приказу в 1941-42 гг. было убито 90000 человек. 8 апреля 1948 года американский военный суд приговорил этого нацистского палача к смерти.

Доклады СД представляли собой синтез материалов, которые содержались в ежедневных служебных докладах территориальных органов, посылавшихся в III управление РСХА. Здесь вся первичная информация проходила соответствующую обработку, а затем в виде резюме направлялась в различные государственные и партийные учреждения. Это делалось дважды в неделю. Чтобы собранный материал не терял актуальности и значения, ведомство Олендорфа не производило анализа и правки резюме, ибо это требовало слишком много времени. Вся информация в докладах СД делилась на шесть категорий: общее настроение и ситуация, враги, область культуры, работа судов и прочих административных учреждений, экономика и здравоохранение. Документ, составленный зимой 1942 года, дает неплохое представление о характере информации, которую собирало РСХА от территориальных органов различных служб СС. Берлин хотел знать об отношении германского народа к войне. Нацистских заправил интересовало, что люди думают о войне вообще, каков их вклад в военные усилия, верят ли они в победу, насколько распространены миролюбивые настроения, как люди относятся к тому, что война затянулась гораздо дольше обещанного. РСХА требовало от своих секретных осведомителей, чтобы те сообщали, не ослабло ли у рядовых немцев чувство единства на внутреннем фронте, насколько они вежливы и учтивы по отношению друг к другу в повседневной жизни, какое влияние на настроение граждан оказывают перебои в продовольственном снабжении. Исследовались также такие темы, как: мнение граждан о работе полевой почты вермахта, забота государства о семьях павших солдат и офицеров, единство фронта и тыла и даже награждение крестом «За воинскую доблесть». Тайным информаторам вменялось в обязанность сообщать о реакции людей на правительственную пропаганду. Верили ли массы в объективность информации, поступавшей к ним по официальным каналам? Каким представал в воображении немцев образ врага? Однако самый неожиданный вопрос, поднимавшийся когда-либо РСХА, касался сравнения эффективности своей и вражеской пропаганды. Многие ли немцы

слушали передачи иностранного радио, обменивались информацией, почерпнутой из них, или вообще больше доверяли вражеской пропаганде, нежели немецким государственным средствам массовой информации?[6]

Адольф Гитлер, очевидно, не уделял особого внимания этим докладам (возможно, он их вообще не читал), поскольку они врывались грубым диссонансом в его «трагическое уединение» и мешали ему играть перед всеми роль беспристрастного, невозмутимого сюзерена. Точно не известно ни количество распространявшихся докладов СД, ни полный список лиц, их получавших. Ясно лишь, что Геббельс, Борман, Геринг, Розенберг, Фрик, а также рейхсляйтеры и члены правительства регулярно читали доклады, напечатанные на машинке. Во многих материалах содержался такой жуткий материал, поданный в неприкрашенном виде, что у Геббельса, Бормана и Гиммлера возникли серьезные опасения, поскольку, в случае утечки этих сведений, среди сотрудников их ведомств могли возникнуть пораженческие настроения. Нетрудно вообразить, какой голод по правдивой информации испытывали чиновники министерств и других учреждений, в свете монотонного и безжизненного стиля радио и газет. В 1942 году Геббельс поднял вопрос о том, чтобы положить конец всем конфиденциальным рапортам, докладам, запискам и прочим документам, которые рождались в недрах различных ведомств. Вместо них он хотел наладить выпуск единственного информационного вестника и требовал, чтобы выполнение этого поручения было возложено на его министерство. Суть его предложения заключалась в объединении материала СД с докладами, поступавшими из органов министерства пропаганды на местах. В синтезированном виде такие сведения затем должны были направляться узкому кругу руководителей партии и государства.

В апреле 1943 года Геббельс заметил: «Если материал СД, весьма доброкачественный в своей основе, просеять через политическое сито и привести в соответствие с политическими взглядами гауляйтеров и территориальных органом RPL, то из него получится весьма надежный источник ценной информации».[7] В 1944 году усилия Геббельса нако-

нец-то увенчались успехом. Во всяком случае, составление и распространение докладов СД прекратилось. Начало войны вызвало слабый энтузиазм у германского народа. Большинство немцев надеялось, что фюрер решит «Данцигский вопрос» путем угроз и политического блефа и, согласившись в последнюю минуту на переговоры (как это уже бывало и раньше), вырвет у Запада уступки. 1 сентября 1939 года немцы занимались своими обычными делами, не проявив особого интереса к дополнительным выпускам ежедневных газет. Но 3 сентября известие об объявлении войны Англией и Францией буквально ошеломило их. «Проявлений ненависти к французам и англичанам не наблюдается...» – записал Ширер в своем «Берлинском дневнике».[8] Машина геббельсовской пропаганды боролась с этой всеобщей апатией и замешательством двумя способами. Прежде всего, немецкие газеты и радио неустанно подчеркивали, что победоносная война с Польшей имела оборонительный характер и что коварная Британия втянула несчастную Францию в конфликт, направленный на окружение и уничтожение миролюбивой Германии. Победа над Польшей, полная, молниеносная и неожиданная, произвела на народ Германии большое впечатление. Немецкие города не подвергались воздушным налетам, а обстановка на Западном фронте в последние месяцы 1939 года характеризовалась затишьем. Особого перелома в настроениях немцев не наступило. Это был период настороженного выжидания, не лишенный напряжения. В общей массе преобладало стремление к заключению мира на выгодных для Германии условиях, основывавшееся на успехе польской кампании.

После 6 октября, когда Гитлер предложил союзникам именно такое мирное урегулирование[9], поползли самые разнообразные слухи. Говорили о том, что король Англии отрекся от престола, что Невилл Чемберлен подал в отставку и что якобы уже подписано перемирие. Отказ англичан и французов принять «мирное предложение» Гитлера сыграл на руку Геббельсу, ибо теперь он мог изобразить Германию сторонницей мира, а Британию – поджигательницей войны. В рапорте, составленном сотрудником СД, который курировал VI укрепрайон (г. Дюссельдорф), сообща-

лось, что жители этого города, на западе страны, сохраняют спокойствие и уверенность, а ненависть к Великобритании растет.[10] Геббельс знал, что средний немец будет работать в тылу и сражаться на фронте, но ему нужен был тотальный контроль над умами и душами людей. Лишь тогда можно было с полной уверенностью сказать, что 1918 год, когда была подписана позорная капитуляция, к которой привела страну подрывная пропаганда горстки предателей-пораженцев, не повторится. Он также осознавал, что, если немцы проникнутся верой в непогрешимость фюрера и правительство, их стремление к полной победе будет сочетаться с трудолюбием и послушанием, что ускорит наступление триумфа.

Продолжение войны зимой 1939-1940 годов вызвало некоторое недовольство у населения. Рейх не был готов к долгой войне. Бедняки с особым раздражением отреагировали на заявление министерства экономики, что им придется обойтись старой обувью, поскольку пока, из-за военных заказов, обувная промышленность не в состоянии удовлетворять нужды гражданского населения. В Ростоке зимой жители зябли от холода, в своих плохо отапливаемых квартирах, из-за нехватки угля и с возмущением отнеслись к тому факту, что в котельные кинотеатров и театров топливо было завезено в достаточном количестве. Это был как раз тот случай, когда политика Геббельса, состоявшая в том, чтобы ни в коем случае не закрывать учреждения массовой культуры, дала обратный пропагандистский эффект. Объявления в газетах о закрытии кафе и ресторанов часто содержали такие фразы, как: «Закрыто по причине нехватки продовольствия». Такая практика продолжалась вплоть до января 1940 года, когда Геббельс положил ей конец, запретив упоминать в средствах массовой информации о каких-либо перебоях в снабжении населения промышленными и продовольственными товарами. Весной 1940 года длинные очереди выстроились у табачных лавок, что свидетельствовало о недостаточных запасах импортных товаров и о желании населения запастись сигаретами впрок, потому что оно не верило в способность государства разрешить эту проблему. Очереди уже сами по себе являлись

негативной пропагандой против национал-социалистического режима, и поэтому обеспокоенный Геббельс приказал Гуттереру и Вехтеру принять меры к тому, чтобы розничная торговля табачными изделиями велась в часы, когда очереди меньше всего бросались в глаза. В отношении холодной зимы министр пропаганды был бессилен, но и здесь он попытался сделать хорошую мину при плохой игре, дав указание прессе печатать материалы о том, что весь остальной мир страдает от необычно суровых холодов.[11]

Геббельс, почувствовав, что антибританская пропаганда против плутократов начинает находить отклик в сердцах людей, усилил эту кампанию, обещавшую принести неплохие плоды. Один иностранный обозреватель отмечал в феврале 1940 года: «Ни одному объективному и беспристрастному наблюдателю не удается отрицать успеха, которого добились нацисты своей пропагандой... Мужчины и женщины, которые еще в прошлом октябре или ноябре пребывали в растерянности, не зная, как объяснить причины и цели войны, теперь говорят на языке Геббельса». Далее этот же обозреватель так комментировал изменение настроений масс: «Доктору Геббельсу и его молодым, способным сотрудникам и в самом деле удалось переделать образ мышления подавляющего большинства немцев. Причем этот успех был достигнут ими в военное время».[12] К апрелю 1940 года Геббельс, желая закрепиться на завоеванных позициях, приказал своим радиокомментаторам прекратить высмеивание правителей Британии. Таких людей, как Черчилль и Дафф Купер, необходимо было изображать «мстительными плутократическими врагами».[13] Геббельса очень беспокоила британская пропаганда. Листовки, сбрасывавшиеся с самолетов, могла подорвать или совсем разрушить тот образ Британии, который он создал в сознании своих соотечественников.

Несмотря на все свое хвастовство и действительные успехи, Геббельсу на протяжении всей войны так и не удалось избавиться от сомнений по поводу достаточной сплоченности и монолитности германской нации. Смогут ли немцы стойко переносить военные поражения и неудачи? Здесь министру пригодился цинизм, которым отлича-

лись его откровенные разглагольствования в узком кругу доверенных лиц. 22 апреля 1940 года он распорядился, чтобы 5 мая того же года радиопрограмму «Концерт по заявкам радиослушателей» заменили трансляцией футбольного матча Германия-Италия, если у германской команды были более предпочтительные перспективы на победу. Двумя днями позже Геббельс затребовал разъяснений, почему германские борцы проиграли чехам в Праге.[14]

Среди немцев, на бытовом уровне, начали проявляться признаки недовольства нехваткой товаров ширпотреба и налетами английской авиации. В 1940 году британские самолеты чаще сбрасывали на германские города, расположенные на северо-западе, бомбы, а не листовки. Эти бомбардировки не нанесли большого ущерба, однако они опровергли утверждение Геббельса, бахвалившегося, что Люфтваффе якобы завоевали господство в воздухе. Война изменила образ жизни большинства людей к худшему, и это вызвало у них тревогу и разочарование. Культура, отрасль развлечений и вообще вся общественная жизнь приходили в упадок. Частично это было связано с системой рационирования, введенной в начале войны. Настоящий кофе исчез с прилавков, и покупателям осталось лишь довольствоваться так называемым «германским кофе», представлявшим собой смесь размолотых обжаренных желудей и зерна, в которую для аромата добавлялась мизерная щепотка настоящего кофе. Вино имелось в изобилии, однако качество пива резко ухудшилось. Оно стало таким жидким и бесцветным, что берлинские шутники сравнивали его с мочой коня, страдавшего от диабета. Настоящего чая не было и в помине, так же как и кофе. Люди переоборудовали подвалы своих домов в бомбоубежища или старались запомнить месторасположение ближайших коллективных убежищ, чтобы знать, где прятаться, если налет Королевских ВВС застигнет их на улице, по пути на работу или в магазин. В гости друг к другу ходили теперь только в дневное время, иначе засидевшимся допоздна грозила опасность попасть под английские бомбы.[15]

Проблемы, вставшие перед населением, осложнили задачу Геббельса, который усиленно проповедовал этику

нацистского героизма и стойкости и в то же время должен был убеждать своих соотечественников не расстраиваться по поводу перебоев в снабжении и других бытовых неудобств. Примеры народного юмора, казалось, подтверждали эффективность воздействия национал-социалистической пропаганды, однако имели хождение и анекдоты, от которых явно отдавало антинацистским душком. Весной 1940 года большое недовольство у немцев вызывала позиция Италии, которая не спешила вступать в войну на стороне рейха, несмотря на то, что геббельсовская пропаганда годами на все лады расписывала фашистскую Италию как единственную верную союзницу Германии. Военные неудачи Италии, в период между июнем и декабрем 1940 года, дали немецким обывателям повод изощряться в антиитальянских шутках. Геббельсу прекрасно были известны все анекдоты и шутки, но он не знал, как на них реагировать. Некоторые популярные анекдоты носили явно изменнический характер. Осенью 1940 года из уст в уста, шепотом, озираясь по сторонам, люди передавали друг другу такой анекдот: «Вопрос: «Самолет, в котором летят Гитлер, Геринг и Геббельс, терпит катастрофу. Все трое погибают. Кто же спасся?» Ответ: «Немецкий народ». Более по вкусу режиму пришлась, однако, другая шутка, также составленная в вопросно-ответной форме, которая получила хождение в конце лета 1940 года и приобрела еще большую известность: «Вопрос: Кто является самым великим электриком всех времен? Ответ: Фюрер! — Он подключил к сети Германию, отключил Польшу, заземлил Рема и его приятелей, изолировал евреев, электрифицировал Англию, подал высокое напряжение на весь мир, и при этом у него ни разу не получилось короткого замыкания».[16]

Сокрушительные удары немецких войск, которые привели к полному поражению Франции, Голландии, Бельгии и Люксембурга в мае и июне 1940 года, оказали огромное влияние на немецкое общественное мнение. И дело было не только в том, что Франция, этот давний враг, была, казалось, навсегда повержена в прах. У всех немцев вдруг возникла эйфория, вызванная огромным масштабом побед германского оружия. Из уличных громкоговорителей и

обычных радиоприемников то и дело раздавались бравурные солдатские песни и марши, такие, например, как «Песня о Франции».[17] Реакция населения на поражение Франции представляла большой интерес для нацистских правителей. С августа 1939 года Геббельс рисовал Францию безвольным, послушным союзником Британии, рабски следующим в фарватере ее внешней политики. Главари британской плутократии, столкнувшись с коррумпированными французскими политиками, которые перестали выражать интересы народа, втянули Францию в ненужную и бесцельную войну. Антифранцузская пропаганда основывалась, главным образом, на исторических примерах посягательств французов на исконно германские территории. В ходе военной кампании мая-июня 1940 года все изменилось. Немцы вдруг услышали сообщения о черных колониальных войсках, зверствах французов, совершавшихся в отношении немецких военнопленных, а сама Франция изображалась биологически деградировавшей и вымирающей нацией. Когда Франция рухнула, а сопротивление Британии походило на укусы разозленного комара, победная эйфория достигла своего апогея. Однако эйфория быстро прошла, а ожидаемой капитуляции Британии все не было, и многие немцы пришли в замешательство.

У немцев возникло ощущение, что история прошла свой поворотный пункт, завершив противостояние Франции и Германии. Это чувство впервые появилось у немцев на Олимпийских играх 1936 года, когда немецкие зрители бурно приветствовали французскую команду в момент ее прохождения перед ложей Гитлера. Французы тогда отдали почести фюреру. В 1940 году Гитлер намеревался использовать Францию против Великобритании, поэтому его пропагандистская машина резко сбавила обороты антифранцузской кампании. Однако симпатия к Франции и несчастным французским солдатам не входила в расчеты Геббельса, и поэтому в июле германская пресса вновь напечатала материалы о французских зверствах. Резкий контраст возникал между антифранцузской пропагандой и многочисленными сообщениями партийной канцелярии с фронта, в которых говорилось о мужестве и храбрости французских

солдат. Германские газеты раскопали в архивах первой мировой войны различные небылицы, и, присовокупив к ним кое-что из статей начала июня, сочинили репортажи о пытках, которым колониальные войска подвергали немецких солдат. Многие граждане австрийского города Инсбрука потребовали, чтобы Франция кровью заплатила за эти «зверства». В докладах СД сообщалось, что в эти великие дни победы с новой силой ощутилось единство фронта и тыла.[18]

Эйфория, распространившаяся среди немцев, явилась результатом ожидания прекращения всех военных действий. Слухи о мире циркулировали с возрастающей интенсивностью. Это обеспокоило Геббельса, который прекрасно знал, что ожидает Германию в ближайшем будущем, и он запретил средствам массовой информации использовать слово «мир». В бюллетене RPL от 15 мая указывалось, что употребление фразы «после победы» вполне допустимо, но ни в коем случае не следовало говорить «после заключения мира» или «после войны». В июне и июле многие немцы, также как и жители Франции и нейтральных стран, разделяли мнение, что война скоро окончится. Геббельс понимал, что сопротивление англичан (во всяком случае, пока Черчилль продолжал свою политику) делало эти надежды весьма зыбкими. Он чувствовал, что долгая война, в ходе которой германские города будут подвергаться все более жестоким воздушным налетам, окажет катастрофическое моральное воздействие на население, изголодавшееся по миру. По этой причине, министр пропаганды в последние пять месяцев 1940 года сосредоточил усилия своего ведомства на подготовке нации к воздушной войне. Еще 20 мая, когда немецкие войска развили стремительное наступление на Запад, Геббельс приказал средствам массовой информации сообщить населению точные данные о количестве жертв британских воздушных налетов. Фальсификация подорвала бы доверие немцев к официальным сообщениям, в то время как правдивые цифры и факты закалили бы германский народ и возбудили бы в нем еще большую ненависть к врагам. В августе, во время «Битвы за Англию», Геббельс еще раз прибег к подобным увещеваниям. Разумеется, в тот момент, когда перевес сил был явно на стороне немцев, он

мог позволить себе немного и пооткровенничать, однако его пропаганда оказывала желаемое воздействие на германское общественное мнение.[19] Иностранный корреспондент отмечал в конце августа, что многие немцы верили Геббельсу, когда он называл англичан убийцами. Он говорил, что англичане бомбили мирные дома немцев, в то время как Люфтваффе поражали лишь «военные объекты».[20] Главным тоном немецкой пропаганды стал праведный гнев. Министр хорошо знал, чем можно затронуть душу немца.

В начале сентября по всему рейху был распространен плакат, который появился в результате сотрудничества чиновников одного из отделов министерства пропаганды с представителями штаба гражданской противовоздушной обороны. Надпись на плакате гласила: «Решать вам». Это была психологическая подготовка широких масс населения к воздушной войне, поскольку плакат содержал адреса ближайших бомбоубежищ и инструкции, как вести себя при воздушном налете. Двенадцать дней спустя Геббельс дал указание германской прессе избегать ссылок на плохое состояние бомбоубежищ в Великобритании, поскольку это могла привлечь внимание населения к немецким сооружениям подобного типа, готовность которых была довольно низкой. В 1940 году Геббельс мог похвалить себя за эту предусмотрительность. После ошибок и тревог, которыми характеризовалось поведение людей в первые месяцы войны, он почувствовал, что его влияние в значительной степени возросло. Один иностранный наблюдатель заметил в декабре: «Через полтора года войны... моральный дух германского населения держится на достаточно высоком уровне».[21]

После того как в 1940-1941 годах Британия успешно отразила воздушное наступление Люфтваффе, народу Германии стало ясно, что война затянется надолго. Геббельс оказался прав, выступив против преждевременного оптимизма. Теперь перед ним встала иная задача — развеять чрезмерный и преждевременный пессимизм, уверив своих соотечественников, что время работает на Германию и ее союзников. Однако многим немцам старшего поколения, без сомнения, врезались в память 1917-18 годы, когда вре-

мя работало против рейха. Средний немец продолжал весьма остро реагировать на все, что в той или иной степени сказывалось на уровне и привычном укладе его жизни. Раздавалось ворчание по поводу снижения производства пива. Это непопулярное и неразумное, на первый взгляд, решение властей было, однако, вполне здравым по смыслу, ибо один миллион тонн зерна в год, уходивший на варку пива, можно было с куда большей выгодой пустить на откорм свиней и частично удовлетворить запросы потребителей. Конечно, многим немцам не хватало второй или третьей кружки пива, хотя сделав первый глоток и почувствовав водянистый, ненатуральный вкус этого напитка, некоторые начинали склоняться к мнению, что правительство поступило верно.[22]

В течение первого полугодия 1941 года немцы, вне зависимости от своего пристрастия к пиву, испытывали сильнейшее недовольство из-за крайне неудачных действий итальянских вооруженных сил, в результате чего основные тяготы ведения войны ложились на плечи Германии. Появились даже отдельные тревожные факты, свидетельствовавшие о росте уважение к англичанам за их стойкость и непреклонность. В феврале Геббельс приказал средствам массовой информации не упоминать о том, что члены английской королевской фамилии посещали места, пострадавшие от бомбардировок немецкой авиации. Пропагандистский эффект таких сообщений был ничтожный. Они, скорее, вызывали обратное воздействие, ибо многие немцы стали уважать короля и королеву. Кроме того, некоторым приходило в голову сравнение с национал-социалистическими вождями, которые ни разу не показывались на руинах немецких городов. К апрелю все чаще стали слышаться высказывания типа: «Англичане оказались покрепче нас!», «Крепкий орешек — эти англичане, как бы нам не сломать об него зубы», «Только подумать, что с нами стало бы, если бы нам пришлось испытать то, что англичане переносят сейчас». Даже успехи германской армии на Балканах не могли рассеять это невеселое настроение. Американская помощь Британии вызывала у рядовых немцев серьезную озабоченность. Среди них шли оживленные дискуссии в

том, как отреагирует Рузвельт на завоевание нацистами Греции и Югославии. Увеличит ли он поставки военно-стратегических материалов и оружия на Британские острова или, наоборот, урежет их? Многие немцы были склонны придавать слишком большое значение влиянию американских изоляционистов, таких, как например, Чарльз Линдберг, человек, пользовавшийся в рейхе исключительной популярностью. Большое беспокойство доставляли Геббельсу и листовки, которые сбрасывали самолеты англичан, поскольку в них шла речь об огромных американских военных поставках Англии, которые якобы гарантировали победу этим плутократам. При этом авторы листовок ссылались на пример 1918 года.[23]

Полет Рудольфа Гесса в Шотландию, в мае 1941 года, поразил всю Германию, в особенности членов НСДАП, словно гром среди ясного неба. В докладах СД отмечалось, что ни одно недавнее событие не вызвало столь глубокого потрясения. Некоторые нацисты сравнивали этот полет по значению с так называемым «путчем СД» под руководством Эрнста Рема в 1934 году. Дней десять разговоры об этом событии не сходили у всех с уст. Казалось, никто не верил официальной версии о том, что Гесс был «душевнобольным». Ходили самые противоречивые слухи. Согласно одному – Гесс намеревался улететь к своим родителям в Египет, в другом утверждалось, что Гесс направлялся в Россию. Среди некоторых слоев населения наци №2 пользовался довольно широкой популярностью, и о его полете говорили везде, у газетных киосков, в парикмахерских, в пивных. Молчание британских властей лишь осложняло дело. Несколько коротких, невразумительных коммюнике не содержали никакой информации, ухватившись за которую, можно было бы построить упреждающий контрпропагандный выпад. Вскоре с бомбардировщиков Королевских ВВС на Германию посыпались листовки, в которых говорилось: «Гесс знал о многом. Он предвидел поражение». Нацистские главари, не на шутку встревожившись, срочно мобилизовали на отражение этого удара десятки тысяч партийных агитаторов, которые в буквальном смысле «пошли в народ», чтобы разрядить напряженность. Это мероприятие дало определенные

результаты, но полностью ущерб, нанесенный престижу партии, так и не удалось ликвидировать. Однако полет Гесса принес и некоторую выгоду, поскольку помог Гитлеру отвлечь внимание населения от подготовки к нападению на СССР, слух о котором уже начал циркулировать в Берлине и других германских городах. Правда, к середине июня этот слух снова возвратился на первый план.[24]

В нацистской Германии не было никакого общественного мнения, лишь официальная политика, «правда» и частное мнение, которое могло иметь и антинацистский оттенок. В атмосфере тоталитаризма Геббельс не мог прямо отрицать слухи, которые в этом случае сразу же приобрели бы подобие правды. К счастью для нацистов, получалось, что полный контроль режима над средствами массовой информации и связи порождал неведение, в результате чего одновременно возникали самые противоречивые слухи по одному и тому же вопросу. Эти противоречия как бы аннулировали друг друга, предупреждая тем самым образование какой-то молчаливой и пока аморфной оппозиции в народе. Поздней весной 1941 г. ходили, например, следующие слухи: 1) Гитлер собирается вторгнуться в Россию приблизительно 20 мая и 2) Сталин намеревается присоединиться к Тройственному пакту и даст возможность немецким войскам транзитом проследовать через Украину в направлении Ирака, где в то время к власти на короткое время пришли местные сторонники гитлеровской Германии. Нападение на Советский Союз чрезвычайно поразило немцев, которые тут же жадно приникли к радиоприемникам, надеясь узнать какие-то подробности. Но первые сводки вермахта с Восточного фронта были скупы и туманны. ОКВ предпочитало выжидать время, пока не определится окончательный итог первых пограничных сражений, и лишь затем обрушить на головы населения ворох победных реляция о сокрушительном разгроме советских армий. В этот напряженный период, полный мрака неизвестности, немцы рассуждали о возможной продолжительности войны на Востоке. Сомнений насчет победы германского оружия в общем-то никто не испытывал, все сходились на мнении, что война продлится от трех до девятнадцати месяцев.[25]

Геббельса давно беспокоили некоторые новые тенденции, смутно наметившиеся в настроениях немецких рабочих и некоторых других социальных групп населения. Теперь, после того как отношения с СССР приняли характер военного противостояния, он вновь почувствовал себя в своей тарелке, не будучи больше стесненным необходимостью считаться с мнением советского руководства. Уверенность в немцев вселяло и то, что вся Европа, включая маленькую Словакию, маршировала на Восток вместе с вермахтом, хотя большинство населения Германии и считало, что вклад стран-сателлитов носил больше пропагандистский характер. Известие о посылке Италией моторизованной дивизии было встречено с холодным сарказмом. У многих немцев уже зарождалось предчувствие, что отступление Красной Армии в глубь бескрайних российских просторов могло привести к затяжке войны. К началу июля уже мало кто сомневался в окончательной победе Германии и никто не принимал в расчет русскую зиму, которая казалась такой далекой как во времени, так и в пространстве. Кое-кто начинал уже держать пари на продолжительность Восточной кампании, причем большинство спорящих оценивало ее в среднем в шесть недель. В то время когда немецкие армии, казалось, врезались в Россию как нож в масло, нацистская пропаганда сделала очень умный ход, заявив, что огромные склады вооружения, захваченные вермахтом близ западной границы СССР, подтверждают намерение Сталина напасть на Германию. Победы вермахта, большие военные трофеи и праведный гнев «оборонительной войны» были в то время серьезными козырями в руках Геббельса и оказали мощнейшее воздействие на психику немецких обывателей. В июле мало кому из немцев приходило в голову сравнение со злополучным вторжением Наполеона в 1812 году в Россию, зато многие гордились, что рейх нанес поражение России, не ослабляя в то же время военных усилий против Великобритании. Однако в одном маленьком городке агентом СД был подслушан разговор двух мужчин, обсуждавших военные сводки с Восточного фронта. В этом разговоре прозвучала тревожная и зловещая нотка: оба собеседника сошлись во мнении, что

русские предпочитают драться до последней капли крови и умереть на месте, а не сдаются в плен, как поляки или французы. Такие прозорливые высказывания были, конечно, редкостью в то время (не будем забывать, что речь идет о конце июня 1941 года), но к августу их можно было услышать уже повсюду.[26]

В августе серьезное беспокойство Геббельсу и Гитлеру стала доставлять британская пропаганда, которая в своих радиопередачах и листовках без конца твердила о том, что Восточная кампания является роковой ошибкой. Геббельс мог снова и снова обзывать Черчилля лжецом, но к концу августа повсеместно распространилось убеждение, что скорого конца войны с Советами ожидать не приходится. Вскоре Геббельс столкнулся с еще одной серьезной проблемой — слухами о зверских надругательствах советских солдат над попавшими к ним в плен немецкими военнослужащими. Эти слухи оказывали сильное деморализующее воздействие на родственников тех, кто воевал на Восточном фронте. Министр пропаганды выработал особый подход к данной проблеме и придерживался его вплоть до последних месяцев войны. Средства массовой информации обязаны были умалчивать о всех случаях жестокого обращения с пленными солдатами вермахта. Большевиков следовало изображать скотами, но гражданское население Германии не должно было ни видеть, ни слышать ничего о конкретных случаях зверств. Исключения делались только в том случае, если такому обращению подвергались лица других национальностей, например, литовские антикоммунисты. Когда в октябре 1944 года советскими войсками были заняты ряд городов в Восточной Пруссии, Геббельс изменил свою позицию в данном вопросе и разрешил средствам массовой информации дать сообщения о жестоких изуверствах и пытках, которые выпали на долю немецкого мирного населения.[27]

Возобновившееся осенью 1941 года наступление группы армий «Центр» на Москву в сочетании с другими факторами опять породило волну необоснованного оптимизма. Гитлер и Дитрих, в начале октября, заявили, что исход кампании на Востоке уже практически решен. Население

Германии, со страхом ожидавшее неприятных сюрпризов от знаменитой русской зимы, ухватилось за эти соломинки надежды и предалось опасным иллюзиям. Геббельс пытался противостоять этому головокружению, но все его усилия были обречены на провал, ибо толчок этим мечтаниям дал сам фюрер. К середине ноября, однако, стало ясно, что русская зима и в самом деле станет вершительницей судьбы вермахта. Оптимизм сменился фатализмом и мрачной решимостью, вкупе с проявлениями ненависти к иностранным военнопленным, находившимся в рейхе, которые были куда лучше экипированы в условиях зимы, нежели их германские победители, мерзшие в куцых шинельках на рыбьем меху. В подробном отчете о настроении народа в то время говорилось о широко распространившейся боязни налетов английской бомбардировочной авиации, ставшими более интенсивными, о недовольстве участившимися перебоями в продовольственном снабжении, плохом отоплении жилищ, нехваткой зимней одежды и обуви, почти повсеместным отсутствием врачей, которые в большинстве своем были призваны в вермахт. Геббельс решил добиться перелома к лучшему в этих настроениях, однако продолжал с пеной у рта обличать интеллектуалов, которых вместе с верующими и состоятельными людьми подозревал в распространении заразы пессимизма и подрывных настроений.

Участившиеся слухи о счастливчиках, которые за взятки получили освобождение от военной службы, и о вызывающе роскошном образе жизни больших нацистских «шишек», заставили министра задуматься над адекватной реакцией. Однако лучшее, что ему удалось предпринять, было усиление пропаганды о безжалостном враге, который в своей антигерманской ненависти доходил якобы до садизма. Что касается армейских правил предоставления отсрочек или полного освобождения от призыва в вермахт, то здесь он был бессилен что-либо изменить, точно так же, как не мог он убедить нацистскую верхушку отказаться от многочисленных привилегий, которые вызывали раздражение у людей, потерявших родных и друзей, дом, имущество и ютящихся в барачных трущобах. Геббельс старался внушить немцам мысль, что эта война была борь-

бой за существование самой нации. Пожалуй, неплохо будет напомнить им и о той дегенерации и нищете, которая постигла рейх после 1918 года, — думалось ему в министерском бомбоубежище под грохот разрывов английских бомб. Партия должна проявить инициативу и взять на себя заботу о вдовах и сиротах погибших фронтовиков, о родственниках тех, кто не жалея жизни борется с большевиками и плутократами. Таковы были основные установки Геббельса в пропагандистской кампании зимы 1941-1942 годов.[28] Объявление Германией войны Соединенным Штатам, 11 декабря 1941 года, мало отразилось на общем настроении немцев. Разумеется, средний немец с удовлетворением следил за успешным наступлением японской императорской армии на Дальнем Востоке, да и кроме того, Германия фактически уже давно находилась в состоянии войны с США. Однако Россия сейчас была куда важнее, чем какая-то далекая Америка, с которой сможет разобраться и Япония.[29]

В январе 1942 года журналист Рудольф Пехель выступил с открытой критикой геббельсовской пропаганды и политики правительства. Пехель убедительно доказывал, что рейху следовало бы предложить своим врагам заключить мир летом 1940 года, когда все фронты надежно удерживались войсками и стратегическая инициатива целиком принадлежала Германии. Он провел параллель с первой мировой войной (запрещенное сравнение) и упомянул об огромнейшем военном потенциале Соединенных Штатов.[30] Однако это был голос смелого одиночки, не побоявшегося вступить в спор с пропагандистской машиной империи смерти. Дело закончилось его арестом, и этот талантливый эссеист, сотрудничавший с Дойче Рундшау, провел все оставшееся до конца войны время в концентрационном лагере.

Плачевной положение, в котором оказались немецкие войска на Восточном фронте зимой 1941-1942 годов, вызвало небывалый прилив энтузиазма и самопожертвования в тылу. Геббельс умело дирижировал этой кампанией, состоявшей главным образом из сбора теплых вещей для солдат, страдавших от суровых русских морозов. Дух самопожер-

твования сам по себе был неплохой пропагандой. У народа в тылу возникло ощущение непосредственной причастности к борьбе против большевизма, которое в момент успешного контрнаступлений советских войск под Москвой помогло удержать людей от скатывания в болото депрессии. Население в сельской местности и небольших городках проявляло теперь к положению на фронтах не меньший интерес, чем к проблеме снабжения продовольственными товарами, в то время как в больших городах часто население продолжало высказывать в личных беседах нарекания по поводу нехватки картофеля, обуви и табачных изделий. Когда после отступления германских войск линия фронта на востоке стабилизировалась и опасность непосредственного кризиса миновала, головы обывателей опять заполнили повседневные заботы о хлебе насущном. Опять поползли слухи о предстоящем очередном урезывании норм выдачи продовольствия по карточкам. По указанию Геббельса, газеты и радио прекратили болтовню о неимоверных трудностях в снабжении, которые якобы приходилось переживать англичанам, поскольку эти россказни могли вызвать у немецкого населения подозрения, что в скором будущем им придется смириться с сокращением карточных рационов. Несмотря на этот приказ, в прессе продолжали появляться статьи о бедственном положении обитателей британских островов. Еще один аспект пропаганды Геббельса воспринимался в народе с явным скептицизмом. Дело было в том, что он начал повторяться, и, как и год назад, использовал старый предлог – холодную погоду для оправдания трудностей и неурядиц, так испортивших относительно размеренный, налаженный, довоенный быт немецкого населения. Народу нужна была правда без прикрас.[31]

К началу лета 1942 года среди жителей больших городов и крупных индустриальных районов стали все чаще звучать жалобы на плохое снабжение фруктами и овощами. Завоевание обширных районов Юга СССР, в ходе летнего наступления вермахта, в некоторой степени сняло напряжение. В рейх начали поступать эшелоны с украинской пшеницей и овощами. Завозилось также и промышленное

сырье —уголь, руда из Донбасса и других мест. Дефицит все новых и новых видов потребительских товаров, который становился хроническим, навел Геббельса на мысль, что государство, выражая свои идеи через средства массовой информации, никогда не должно пользоваться такими словами, как «убийство» и «саботаж», поскольку они могут вызвать в умах некоторых людей нежелательные ассоциации и подтолкнуть их к непредсказуемым действиям. Налицо и так были признаки деморализации. Начинали исчезать такие качества, как врожденная немецкая вежливость, аккуратность, любовь к чистоте и порядку. Геббельс запланировал особую кампанию, поставив перед собой и своими сотрудниками задачу возродить немецкие традиции, призвать людей проявлять больше внимания друг к другу. Были введены даже специальные премии для тех, кто предложит свежие, новые идеи, способные увлечь людей. Несмотря на свою приверженность идее тотальной мобилизации, Геббельс продолжал возражать против закрытия парикмахерских, салонов красоты и заведений маникюрш. Его точка зрения не была лишена логики: народ терпит много лишений, так зачем же лишать его возможности хоть немного потешить свое самолюбие, тем более, что в этой сфере обслуживания почти совсем не были заняты мужчины, годные по состоянию здоровья к несению военной службы даже в тыловых подразделениях. Министр пропаганды внес и свой личные вклад в укрепление морального состояния населения, пошутив, что «ворчливость является отражением души, бегающей по пустому желудку». Это изречение приобрело широкое хождение и часто цитировалось журналистами.[32]

Затянувшаяся война и возраставшая деморализация населения привели к тому, что многие немцы, в поисках душевного равновесия, обратились к церкви. Это сильно встревожило Геббельса и Бормана, особенно когда они узнали, что, по мнению многих людей, своим возрождением христианство обязано Адольфу Гитлеру и что именно благодаря ему в церкви вновь валом повалил народ. В сообщении из Судет говорилось, что тамошнее население потребовало хоронить павших на Восточном фронте по

христианскому обряду. Как раз в это время партия предприняла массированную кампанию, направленную на то, чтобы изъять у церкви эти мемориальные функции и секуляризовать их, но оппозиция со стороны церкви и многих верующих сорвала этот план. Вполне естественно, что нацисты, с самого начала своей деятельности относившиеся к религии с недоверием и опаской, увидели в переполненных церквях и отказах от погребения усопших согласно официальному, государственному обряду неприятие своей идеологии, замаскированный вызов. Еще большее беспокойство доставили властям участившиеся сообщения о том, что немки стали вступать в половые контакты с расово неполноценными иностранными рабочими и расконвоированными военнопленными. Анализ фактов показал, что в порочных связях были замешаны не какие-либо крестьянки или женщины, в чьих жилах текла не совсем чистая кровь. Как раз наоборот! Дело касалось особ из семей, прошедших расовую проверку и считавшихся абсолютно «безупречными» как в биологическом, так и в общественном смысле. На такое явное нарушение нацистских этических и юридических норм этих женщин толкнуло одиночество и «духовная деградация», что объяснялось, по мнению Геббельса, недоработками нацистской расовой пропаганды.[33]

В течение зимы 1941-1942 годов отношение обывательской массы немцев к Советскому Союзу претерпело значительные изменения. НСДАП пытались всеми силами бороться с растущим убеждением, что война будет длиться очень долго, а результат ее может оказаться несколько не похожим на тотальную победу, о которой продолжали трубить газеты и радио. Партийные органы различных уровней распространили миллионы экземпляров антисоветского памфлета «Советский Союз глазами немецких солдат», причем большая часть этой работы пришлась на первые три месяца 1942 года. И все же, несмотря на столь титанические усилия, 13 марта того же года доктор Вернер Холле, сотрудник отдела СД в Билефельде, доносил в своем рапорте, что хотя жители этого города, в массе своей, и не ставили под сомнение победу Германии, однако война на Востоке вызывает у них сильную тревогу и они не верят,

что Советский Союз находится на грани краха.[34] Некоторые немцы впали в депрессию и считали, что война может продлиться до 1944 года. Ревностные католики видели в войне достойное воздаяние Германии свыше, за все прегрешения ее вождей. Те, кто потерял близких на фронте, были крайне удручены долгим временем, в течение которого до них доходили официальные уведомления о гибели мужа или сына. Большую тревогу доставляли также сообщения о том, что многие немцы уже не верили тому, как официальная пропаганда объясняла стойкость советских войск, ссылаясь на боязнь комиссаров-евреев или на «животную природу» русских людей, далеких от цивилизации. Среди немцев не редкостью было теперь мнение о красноармейце, как об убежденном большевике, борющемся за свой идеал. Эта мысль таила в себе особую угрозу, поскольку монополию на идеализм вплоть до самопожертвования закрепила за собой НСДАП. Некоторое удовлетворение Геббельс находил в том, что антиеврейская пропаганда все еще давала неплохие результаты, продолжая отравлять сознание миллионов немцев. Судя по документу, опубликованному лишь после войны, дело обстояло именно так. Члены партии, которым не по душе пришлись погромы 1938 года, или те, кто безразлично относился к еврейскому вопросу, теперь были совершенно глухи к мучениям сотен тысяч евреев, обреченных на смерть в газовых камерах. Сочувствие к евреям находилось в обратно пропорциональной зависимости от страданий немцев.[35] Геббельс сделал из этого два главных вывода: ему следует усилить антибольшевистский аспект пропаганды, а антиеврейский ее элемент должен оставаться константой в повседневной деятельности германских средств массовой информации.

Многие немцы сетовали на неадекватное освещение положения на фронтах газетами и радио. Сведения, содержавшиеся в коммюнике партийной канцелярии, в газетных обозрениях или в кинохронике, давали слабое представление о точном месте и времени сражений и боев. Народ пока еще доверял официальным сводкам вермахта, но репортажи идеологического и политического характера уже не оказывали почти никакого воздействия. Очень сильно

повлияли на изменившееся отношение немцев к войне письма солдат с фронта. Их жалобы на нестерпимый холод, потери и мучения окопной жизни вызывали серьезную озабоченность и опасения родных и близких в тылу, хотя справедливости ради следует отметить, что такие чувства обычно заставляли немцев трудиться на заводах и фабриках с еще большей ожесточенностью и упрямой, обреченной решительностью и мало кто поддавался растерянности и панике. Волна оптимизма, показавшаяся Геббельсу весьма опасной, прокатилась по вей Германии летом 1942 года, когда немецкие войска рвались к Сталинграду и Каспийскому морю. Немцы ожидали и надеялись, что Восточный фронт стабилизируется по линии от Астрахани до Архангельска.[36] Однако в последние недели лета наступление явно стало выдыхаться, подтверждая опасения Геббельса: несвоевременный оптимизм всегда сменяется деморализующим пессимизмом.

В последние пять месяцев 1942 года немцы все чаще стали задавать друг другу вопросы о большевиках и народах Советского Союза. Как могли эти «примитивные» люди построить огромные заводы и оснастить их современной техникой? Откуда у этих «недочеловеков» взялись квалифицированные рабочие, талантливые инженеры и ученые? Являлась ли стойкость советского солдата результатом презрения к смерти или в ней отражалась фанатичная преданность идеалам коммунизма? Весьма примечательно, что очень редко звучал один важный вопрос: как повлияли варварства немецких войск на сопротивление русских? Не оказались ли эти злодеяния фактором, который еще больше закалил дух советских войск, знавших теперь, что они сражаются за правое дело. К сентябрю многие немцы стали проявлять признаки усталости от войны и полного безразличия к ее исходу. Часто слышались такие вопросы и утверждения: «Кто бы мог подумать, что после всех грандиозных побед в начале войны, дела на фронте примут такой оборот и война надолго затянется?», «Что ждет нас впереди?» Не переставали циркулировать слухи о возможном сепаратном мире с Советским Союзом, которые обычно вызывали комментарии типа: «Это слишком хорошо,

чтобы быть правдой». В донесениях СД указывалось, что у многих немцев отсутствует ясное понимание целей, которые поставила перед собой Германия в этой войне. Это приводило к тому, что все большее количество немцев не верило в способность вермахта одержать верх над Красной Армией.

Осенью 1942 года в Германии стали распространяться неприятные для Геббельса слухи о партизанском движении, охватившем значительную часть оккупированных территорий. «Мы так же далеки сейчас от «Новой Европы», как и год назад», — в этой фразе заключалась вся суть отношения немцев к данной проблеме. Теперь даже успехи немецких подводных лодок, действовавших в Северной Атлантике и пустивших на дно много английских и американских крупнотоннажных транспортных судов, не вызывали бурного ликования у среднего немца. У них возникли вопросы, на которые средства массовой информации не могли дать исчерпывающего ответа, например: «Сколько конвоев противника добирается до места назначения без существенных потерь? Какой процент к общему тоннажу конвоев составляют потопленные корабли? Каково соотношение между количеством потопленных судов и судов, которые ежемесячно сходят со стапелей вражеских верфей?»[37] Хотя немецкие подлодки в начале 1943 года добились еще более значительных успехов, правдивые ответы на эти вопросы свели бы на нет весь эффект от пропаганды Геббельса в данной области.

В начале ноября в Берлин был отправлен очередной отчет о работе одного из северогерманских гау, в котором подробно освещались настроения местного населения. Из него явствует, что тамошних жителей очень беспокоила судьба африканского корпуса фельдмаршала Роммеля. Кроме того, отмечались частые нарекания на недостаточность пайков, получаемых по карточкам. Население также сетовало, что иностранных рабочих кормят якобы не хуже немцев. Реакция на недавние выступления по радио Гитлера, Геббельса и Геринга, также как и на памфлеты со статьями министра пропаганды, была вполне положительной. Партийные организации всех уровней проводили боль-

шую и содержательную работу по внедрению национал-социалистического мировоззрения и мобилизации усилий всех слоев населения на более полное удовлетворение нужд фронта. В целях поднятия духа жителей городов, разрушенных англо-американской авиацией, гитлерюгенд организовал там конкурсы патриотических песен. Местные управления пропаганды договорились с Имперской палатой музыки о проведении концертов для слепых. В таких рапортах ясно читается желание руководителей управления выглядеть получше в глазах берлинского начальства. Вполне естественно, что при составлении отчета они никак не могли обойти стороной успешную, мобилизирующую роль местной организации НСДАП, если не хотели испортить отношения с тамошним гауляйтером. Но даже такие субъективные и малодостоверные отчеты не были в состоянии скрыть удручающую картину падения влияния партии. В ее ряды из гитлерюгенда приходило не менее 30 процентов молодежи, пригодной по нацистским критериям для вступления в НСДАП. Некоторых так и не удалось найти, другие отбывали трудовую повинность.[38] Несмотря на оговорки, авторы отчета явно опасались, что такая статистика могла произвести неблагоприятное впечатление на чиновников.

8 декабря 1942 года доктор Шефер проанализировал все последние отчеты территориальных управлений пропаганды и положил доклад на стол своему патрону, доктору Геббельсу. Шефер признал, что в общественном мнении преобладала депрессия, вызванная затяжным по времени и неопределенным по исходу характером войны. И все-таки, несмотря на озабоченность населения последними событиями на Восточном фронте и в Северной Африке, доктор Шефер отметил, что «в целом отношение немцев в тылу к политике руководства стабилизировалось». В начале анализа Шефером был затронут один довольно неприятный момент. По его мнению, на население произвела благоприятное впечатление откровенность и оперативность, с какой правительство признало факт оставления Тобрука силами «оси». Куда меньшее понимание немцев встретила туманная неопределенность сводок с Восточного фронта, упоминание о «советском прорыве на запад от Сталинграда». Германию заполни-

ли самые различные слухи, поскольку средства массовой информации никак не комментировали этот прорыв. «Народ желал знать правду», – сказал Шефер Геббельсу.[39] Однако если бы вся правда дошла до народа, то он несомненно был бы повергнут в шок: еще 22 ноября Германская 6-я армия попала в Сталинграде в полное окружение. Этим фактом и объяснялось исчезновение слова «Сталинград» из сообщений германских средств массовой информации.

Шефер и Геббельс возлагали определенные надежды на увеличение норм выдачи продуктов по карточкам, которое по их расчетам должно было улучшить моральное состояние населения и психологически подготовить его к кризисным ситуациям, ожидавшимся той зимой в Северной Африке, Советском Союзе и Северной Атлантике.

Даже в январе, когда положение 6-й армии стало поистине отчаянным, мало у кого из немцев возникло ощущение катастрофы, случившейся на южном фланге Восточного фронта. Если люди, разбиравшиеся в тактике и стратегии, еще могли читать между строчек лживых и туманных комментариев ОКВ, то среднему немцу это умение было недоступно. В народе недоумевали, почему ОКВ не приказало 6-й армии оставить город и отойти на запад. В воздухе повисло чувство неминуемой беды, люди остро ощущали беспомощность и погружались в депрессию. Именно тогда Геббельс и решил начать новую пропагандистскую кампанию, имевшую два направления, обозначенные соответственно лозунгами «Тотальная война» и «Победа или большевизм». Народ был готов нести любые тяготы и лишения, но ему нужно было разъяснить, что происходит и что он должен делать. Геббельс намеревался призвать к чувствам страха и самопожертвования. Не перестав ссылаться на «гений фюрера», он обратился за поддержкой к нации, которая с сарказмом восприняла первый шаг правительства в «тотальной войне». 27 января 1943 года уполномоченный по трудовым ресурсам Фриц Заукель объявил, что все мужчины в возрасте от 16 до 65 лет, не призванные в армию, и женщины в возрасте от семнадцати до сорок пяти лет подлежали регистрации в местных органах, ведавших использованием трудовых ресурсов. В этом декрете тут же обнаружилось так много

лазеек для желающих увильнуть от отбывания трудовой повинности, что он стал предметом язвительных насмешек. Резкий контраст между Геббельсом, развязавшем кампанию запугивания и угроз в адрес тех, что посмеет уклониться от участия в «тотальных военных усилиях», и мягкими мерами Заукеля не способствовали поднятию духа немецких граждан в тылу. Люди с горечью, а иногда и со злобой вспоминали первые коммюнике, возвещавшие о грандиозных успехах вермахта, якобы одержавшего окончательную победу на Сталинградском фронте. Не меньшее раздражение вызывали теперь и лозунги типа: «Время работает на Германию». И все же в одном из докладов СД содержалась фраза, что большинство населения было «открыто навстречу мужественному, откровенному разговору» и ожидало от своих вождей именно этого.[40]

Геббельс учел эти настроения и постарался все свои дальнейшие выступления строить в ключе грубоватой солдатской откровенности, что привело к некоторому повышению его популярности в период с 1 января 1943 года и до конца февраля того же года. В докладе СД Штутгарта, от 3 января 1943 года, сообщалось, что последняя речь Геббельса в целом встретила благожелательный отклик населения, хотя случались и критические высказывания, касавшиеся личности автора. В другом докладе СД, от 22 февраля, отмечался повсеместный энтузиазм, с которым рядовые немцы отреагировали на выступление Геббельса в Шпортпаласте.[41] Однако благоприятный поворот в настроениях народа не получил закрепления, ибо вскоре людей ждало горькое разочарование. И причиной этому стал не столько Геббельс, сколько неспособность правительства принять действенные меры по мобилизации всех сил государства и ресурсов на военные нужды. В марте в докладе СД указывалось, что население вновь впадает в апатию и скептицизм. Грозный призрак нации, встающей, как колосс, в едином порыве, обещанном Геббельсом, так и не появился на горизонте Германии. Некоторые немки обратили в свою пользу один пункт декрета, имевший скорее символическое значение. Правительство отменило запрет на перманентные завивки женщин в качестве меры, на-

правленной на экономию рабочего времени, а стало быть способствующей «тотальным» военным усилиям нации.

Антибольшевистская кампания Геббельса, имевшая целью закалить волю нации в ее борьбе за полную победу над опасным врагом, развивалась успешно. У Геббельса не возникало сомнений в ее необходимости. Задачей этого мероприятия было не только воздействовать на рабочих заводов и фабрик с целью побудить их к более производительному труду, но и рассеять опасное заблуждение насчет большевизма, зародившееся в некоторых слоях германского общества. Так, в сообщения, поступавших из гау Вартеланд, говорилось о том, что многие местные жители верили в преимущество советской системы коллективного хозяйствования, обладавшей, по их мнению, большей производительностью. Распространению этих вредных представлений способствовали немецкие солдаты, которые отзывались о населении Крыма, как о зажиточных крестьянах, вполне довольных своей участью. Некоторые личности даже имели наглость утверждать, что «в поражении для Германии нет ничего страшного». Другие выражали откровенную ностальгию по коммунизму, сохранившуюся еще со времен Веймарской республики. Хозяева мелких лавочек и пивных выражали вполголоса свое недовольство попытками режима, хотя и не очень удачными, закрыть часть заведений этого профиля и высвободить, таким образом, часть рабочей силы для использования на предприятиях военной промышленности. Они говорили, что нацизм становится все более похожим на большевизм, что его политика разоряет и уничтожает средний класс, а значит нечего бояться красных, все равно – один конец. Однако согласно докладу СД, большинство населения считало, что поражение Германии означает конец нации. Этого для Геббельса было недостаточно. Он хотел, чтобы каждый немец думал так и, работая в тылу или воюя на фронте, постоянно помнил об этом. Он знал, какие чувства втайне испытывают многие его соотечественники: «Англичане и американцы не допустят большевизации Германии» или «Большевики всего-навсего перевешают нацистов», – вот и все.[42] Народ должен был осознать, что союзники не просто разделаются с

нацистами, а уничтожат Германию как государство, что американцы и англичане уже готовы предать Европу в руки большевиков. Выполнять эту задачу Геббельсу помогла пропаганда союзников, в которой постоянно употреблялся термин «безоговорочная капитуляция», впервые появившийся в январе 1943 года, но больше пригодившийся министерству пропаганды в 1944-45 годах, когда союзники стояли ужс на границах рейха.

Кампания Геббельса по «закалке» германской нации не зависела от частных успехов вермахта, весь упор делался на конечную победу. Неудачи и поражения играли министру на руку, поскольку именно он, а не Гитлер, требовал уменьшения мясных рационов. Его голос был голосом тотальной войны, и он знал, что ведет войну, которую Гитлер обязательно выиграет. Однако Геббельсу было ясно, что за одну ночь нельзя радикально изменить настроение народа. К апрелю 1943 года в германском общественном мнении появились нотки отчаяния. В целом, тогда бытовало три точки зрения: 1) летнее наступление на Востоке будет решающим; 2) в Тунисе Германии был утроен второй «Дюнкерк»; 3) Германия ничего не могла противопоставить воздушным налетам союзной авиации. Это настроение беспокойства и тревоги помогало Геббельсу, но лишь пока оно не превращалось в апатию и отчаяние. Случалось порой, что некоторые немцы «неправильно» реагировали на его надрывные стенания по поводу зверств большевиков. Они говорили, что у немцев, которые истребили миллионы поляков и евреев, нет никакого морального права возмущаться мерами большевиков.[43]

Население проявляло все большую тревогу относительно возможности открытия «второго фронта» во Франции. Чтобы рассеять эти страхи, правительство приказало средствам массовой информации опубликовать серию статей с фотографиями, где убедительно доказывалась неприступность германских фортификационных линий от Норвегии до границ Испании. Эта кампания, казалось, помогла, в некоторой степени, успокоить немцев. Давно ожидавшаяся развязка в Тунисе, где капитулировала большая группировка немецко-итальянских войск, опять вызвала у населения

резкое недовольство работой средств массовой информации. Геббельс настойчиво доказывал, что пресса и радио здесь ни при чем. Он окольным путем обвинил Гитлера и Дитриха в том, что, по их прямому указанию, аппарат пропаганды нереалистично оценил шансы вермахта в Северной Африке. К маю 1943 года один проницательный сотрудник СД отметил, что страхи почти исчезли и наступило общее успокоение. Это не было результатом внутренней уверенности в победе. Просто дало о себе знать чувство усталости и беспомощности, с которыми немцы уже свыклись. Разговоры о войне надоели людям до тошноты, и они переключили внимание на свою работу и личные проблемы и заботы.[44] Они выполняли свой долг, но с тяжелым чувством пессимизма.

Йозеф Геббельс полагал, что ответом на этот пессимизм должно стать расширение его полномочий. Почему немалая часть немецких обывателей слушала радиопередачи из Москвы? Потому что официальная политика в области массовой информации свелась к замалчиванию правды о Сталинграде, вынудив тем самым родственников и близких солдат и офицеров 6-й армии, которые не могли подать о себе весточек из «котла», слушать большевистские радиостанции, которые иногда зачитывали списки немцев, взятых в плен. Растущая апатия населения не подрывала сопротивления врагу, но и способствовать воспитанию воли к решающей победе тоже никак не могла. Геббельс всем своим хитрым лисьим нутром чуял, что народ нужно немедленно взбодрить и что сделать это можно лишь с помощью успешного наступления.[45] В то время как одни немцы проклинали красных, а другие «плутократов», настоящей ненависти к врагу у них не хватало, и ее, как заметил один наблюдатель, не могли вызвать даже ожесточенные воздушные налеты. Правда, это относилось к периоду начала 1943 года, а к середине лета, когда многие большие города Германии уже лежали в руинах, настроение людей стало меняться.[45] Нацию сотрясали призывы к «возмездию», которые всячески поощрял Геббельс. Он умело направлял и нагнетал волну ненависти, хотя впоследствии ему пришлось в этом разочароваться. В своем дневнике Геббельс

отметил, что к маю на его имя поступило более 15000 писем с предложениями о программе тотальной войны. Многие немцы хотели внести свой вклад, но правительство отказалось перенести экономику в режим тотальной войны. У Геббельса были свои собственные заблуждения, так, в частности, он считал, что в целях поддержания морального духа не следовало закрывать театры и салоны красоты, но отказ коллег из правящей нацистской верхушки предоставить ему чрезвычайные полномочия по организации тотальной войны просто сводил его с ума. Многие немцы в это время стали видеть в Геббельсе тип нового руководителя, особенно после того как Гитлер ушел в тень, продолжая играть роль «героя-одиночки», «трагической фигуры». Кто-то соскучился по фюреру и мечтал увидеть его хотя бы мельком, а кто-то полностью игнорировал его редкие выступления по радио. Появились новые элементы цинизма, и не создав обстановки тотальной войны, Геббельсу трудно было бороться с ними. Песенка, которую распевали на фронте, звучала примерно так: «Все проходит, все проходит — отступление в декабре, наступление в мае». Остряки в тылу переделали последнюю строчку следующим образом: «Сначала уйдет фюрер, а за ним и партия». У некоторых немцев наблюдалась тенденция ставить свое выживание выше выживания нации, что подтверждается частушкой, которая была популярна среди шахтеров одного из промышленных районов рейха:

Дорогой Томми, лети себе, лети.
А нам, шахтерам, под землей не страшно.
Лети прямо на Берлин.
Там живут те, кто орал «Да!»[46]

Последняя строчки относилась к истерическому энтузиазму, с которым 18 февраля берлинцы встретили речь Геббельса о «тотальной войне».

Растущий страх дал пищу совершенно невероятным слухам, циркулировавшим летом 1943 года. В одних утверждалось, что рейх готовится применить против Англии ракеты с атомными бомбами, в других говорилось, что в

предстоящем вторжении на британские острова немцам будет помогать тысяча японских летчиков. Однако рекорд глупости и фантастического вранья поставил слух, что Советский Союз предоставит японским самолетам право пролета над его территорией, чтобы оказать помощь Германии против Англии! Непрекращающиеся воздушные бомбардировки порождали кровожадные мысли о мести. Средства массовой информации на чем свет стоит клеймили пилотов англо-американских бомбардировщиков, называя их убийцами беспомощных женщин и детей, однако когда самолет сбивали и летчики опускались на парашютах и попадали в плен, с ними обращались как с офицерами и джентльменами. В разных частях рейха среди местных жителей стали раздаваться призывы к линчеванию таких «убийц». Геббельс, недолго думая, поддержал инициативу «снизу», поскольку это отвечало его планам тотальной войны. И вскоре из радиопередач многие немцы узнали, что в Японии не церемонятся со взятыми в плен пилотами бомбардировщиков, а по принятому там обычаю отрубают им головы прямо на месте. Это известие привело многих граждан Германии в восторг.[47]

Военные неудачи 1943 года породили волну антиберлинских настроений, как в городах, так и в сельской местности, в особенности среди тех, кто не любил идентифицировать себя с «пруссаками». Нацистские главари заволновались, узнав об этих дестабилизирующих, центробежных тенденциях. И было от чего. Ведь первое по-настоящему централизованное управление Германией было создано ими. Зимой в одной из речей Геббельс, в завуалированной форме, коснулся проблем германского единства. Он заявил, что нет лучшего подарка Черчиллю, чем смятение и неразбериха внутри Германии, которые неизбежны, если возникнут противоречия конфронтационного плана между горожанами и крестьянами, предпринимателями и рабочими, протестантами и католиками, баварцами и пруссаками. Нацисты хвалились, что им удалось похоронить классовую борьбу и классовые трения, но тем не менее, они проявляли повышенную чувствительность ко всему, что могло привести к возрождению старой вражды. Однако в 1943

году некоторые опасные тенденции, разгоравшиеся ранее латентно, вынырнули на поверхность, несмотря на десять лет оболванивания населения геббельсовской пропагандой. В разных уголках Вены на домах появились ненавистные для нацистов цифры «1918».[48] Люди писали их тайком, по ночам, выражая враждебность ко всему прусскому. Бывшая столица Австрии всегда отличалась антипрусским духом. Люди говорили: «Если мы выиграем войну, мы станем немцами; если проиграем, то останемся австрийцами».

От шуток, ходивших по рейху в 1943 году, отдавало юмором висельника. Он был настолько заразителен, что даже служащие министерства пропаганды не обладали иммунитетом от него. Вопрос: «В чем разница между Германией и Россией?» Ответ: «В России прохладнее.» Вопрос: «В чем разница между Германией и Индией?» Ответ: «В Индии один голодает за всех». Циники дошли даже до того, что именовали североафриканский город, где потерпели поражение немецко-итальянские войска «Тунисградом». В другой «нездоровой» шутке речь шла о человеке, которого достали из-под развалин через два дня после воздушного налета. У человека погибли жена и сын, но он выбрасывает вперед в нацистском салюте поврежденную правую руку и кричит: «Хайль Гитлер! Данциг немецкий, и это самое главное!» Еще один анекдот касался человека, дом которого был разрушен при налете английской авиации. Ему нужно купить себе костюм, но из-за бомбардировок и дефицита товаров широкого потребления, это оказывается невозможным. Он с негодованием восклицает: «И все это из-за одного, единственного человека!» Человека тут же хватают и волокут в нацистский суд, где его спрашивают, кого он имел в виду? Человек поднимает голову и удивленно смотрит на судью: «Черчилля. А вы кого имели в виду?» Объектами народных шуток все чаще становились нацистские бонзы: «Прошло двадцать лет после окончания войны. Геббельс продает на улице газеты, а Геринг зарабатывает себе кусок хлеба продажей медалей и орденов. Прохожий спрашивает их, что они делают. Объяснив ему суть своих новых занятий, Геббельс и Геринг интересуются, как зовут прохожего, и тот говорит: «А

разве вы не узнаете меня? Я — лорд Гесс!» Весьма характерно, что анекдоты подобного рода не были редкостью и для некоторых сотрудников Геббельса.[49] Ведомство Розенберга, которое собирало сведения о настроениях населения по своим каналам, отмечало, что в последнее время в анекдотах не щадятся даже такие фигуры, как Геринг, Геббельс, Лей и другие. Кто рассказывал эти анекдоты? Жители Гамбурга, Берлина и Дюссельдорфа, а также переселенцы из районов, которые были полностью разрушены англо-американскими бомбардировками и стали разносчиками подрывной пропаганды.

Передвижения огромных людских масс облегчали распространение слухов и анекдотов. Кое-где высказывались мнения, что Германию может спасти лишь установление военной диктатуры:

«Фюрер может остаться во главе государства, но партия и все ее структуры и вспомогательные организации должны быть ликвидированы».[50] Такие мысли давно уже созрели в умах некоторых немцев, и крах фашистской Италии летом 1943 года послужил толчком к их озвучиванию и распространению.

Контраст между фанатизмом нацистской пропаганды и перманентным кризисом на фронте вызвал следующую реакцию у продавщицы газет Урсулы фон Кардофф: «Для таких людей немыслим даже компромиссный мир. Смерть или победа! Борьба до последнего человека, и этим последним обязательно окажется тот, кто кричит больше всех. Неужели когда-нибудь существовала нация, которая была бы так же нацелена на самоуничтожение, как эта?»[51] Люди, лишенные фанатизма, просто выполняли свой долг, рассказывали мрачные шутки, старались воздерживаться, насколько это было возможно, от разговоров о войне и были насквозь пронизаны смертельным страхом. Не удивительно, что Геббельс приказал своим сотрудникам не употреблять больше слова «настроение», заменив его оборотом «отношение народа».[52] У человека, который трудился в разрушенном бомбами городе, было здравое, нормальное отношение к действительности, но никак нельзя было ожидать от него бодрого и радостного настроения.

«Победа или смерть!» — этот постоянный мотив геббельсовской пропаганды все-таки находил дорогу к сознанию людей, несмотря на все жалобы и причитания, апатию и отчаяние. Народ страшился последствий поражения. Это было главной причиной, заставлявшей его работать и подчиняться властям. Гитлеру удалось так переплести свою судьбу с судьбой народа, что единственной альтернативой его власти казалось уничтожение нации, всеобщая катастрофа. Это единство судеб было одной их главных заслуг геббельсовской пропаганды военного времени, личным достижением министра пропаганды, его победой, от которой отдавало зловещим мраком обреченности. Он писал: «Никто больше не сомневается, что в этой войне решается главный вопрос — быть или не быть».[53] Генрих Гиммлер и СС активно включились в эту кампанию, целью которой было заставить германский народ понять, что эта война была войной за рейх, а не за партию или СС. Если партия была обречена на гибель, такая же участь ждала и всю нацию. 16 ноября Геббельс сделал запись, рассчитанную на потомство: «Моральный дух нашего народа в настоящее время великолепен. Частично это результат хорошей работы нашей пропаганды, а частично — суровых мер, которые мы своевременно приняли по отношению к пораженцам...»[54] В последней части своего изречения он безусловно имел в виду Гиммлера, который обеспечивал строгий надзор за эффективностью «суровых мер». Геббельс считал, что запуганный до смерти народ будет сражаться до конца. Теперь все, что ему было нужно, это успех, хотя бы временный, на каком-нибудь участке фронта и полномочия организатора «тотальной войны». Конечно, время от времени случались и предательства, кое-кто поддавался отчаянию, но в целом деятельность Геббельса приносила, как он не без самодовольства заявлял, неплохие плоды: «Если все будет зависеть от морального духа армии и народа, то мы никогда не проиграем эту войну».[55] Особенно быстро начала расти популярность Геббельса в ноябре, когда он лично занялся вопросами оказания помощи многочисленным жертвам массированных налетов авиации союзников на Берлин. В июле 1943 года Готтлиб Бергер сказал Гиммлеру, что Геб-

бельс не пользовался особой популярностью в народе, но через полтора года он заявил рейхсфюреру СС, что люди верят лишь Гитлеру, Геббельсу и Гиммлеру.[56] Геббельс подытожил свой успех в статье «Новая фаза войны», опубликованной в «Дас Райх» 16 октября 1943 года: «Моральное отношение германского народа к войне не дает его врагам ни малейшей надежды на какие-либо уступки с его стороны».[57] Эта фраза оказалась пророческой, но еще девять месяцев назад Геббельс вряд ли мог ее произнести. Успех пропаганды Геббельса означал, что он сумел-таки извлечь пользу лично для себя из все более ухудшавшейся ситуации на фронтах. Один шведский обозреватель заметил в начале войны: «Геббельс непопулярен до такой степени, что его начинают ненавидеть».[58] К началу 1944 года положение изменилось. Геббельс стал ненким «трибуном, выражавшим чаяния простого народа» в психологической борьбе с ужасами воздушной войны. «Это беда, которой подвластны все одинаково – и нацисты, и те, кто недолюбливает их, сплачивает немецкий народ», – писал Кардофф в феврале 1944 года.[59] Престиж Геббельса среди народа и его возможности реально влиять на политические решения, принимавшиеся на самом высоком уровне, достигли своего пика в период с конца 1943 и до начала 1945 года. До начала этого периода настроения по большей части были мрачными и подавленными. Так, в ноябре 1943 года одна консьержка заметила: «Ну и пусть приходят русские, а мне какое дело. Маленьким людям, вроде меня, они ничего не сделают, а главное – эта проклятая война наконец-то кончится».[60] Гораздо большую пользу Геббельсу оказывали рассказы восточных рабочих, которые заверяли своих теперешних хозяев в том, что большевики просто перестреляют их и не будут пытать, если с угнанными в Германию будут более или менее прилично обращаться.[61] Геббельс призывал к тотальной войне, а теперь каждому стало ясно, что без нее просто нельзя обойтись. Он был единственным из всех нацистских руководителей, кто хоть в какой-то мере принял на себя ответственность за кошмары воздушной войны и организовал оказание помощи ее жертвам. Министр пропаганды постоянно твердил об ужасах большевизма, и к

октябрю 1944 года некоторым немцам они начали уже сниться. Успех Геббельса в конце концов логически сделал его преемником Гитлера, каковым он стал на несколько часов, в ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 года.

В феврале 1944 года Геббельс выступил на совещании гауляйтеров. Темой его выступления была воздушная война, которая становилась все более ожесточенной. Он воспользовался этим случаем для безудержного восхваления НСДАП и непоколебимой воли германской нации выстоять в самых тяжких испытаниях. Геббельс сравнил бесстрашное, стойкое поведение германского народа с малодушной паникой, которая охватила население столиц других стран «оси»[62] во время воздушных налетов, имевших куда менее серьезные последствия. Он пришел к выводу, что общность страданий и единая судьба теперь сплотили нацию, ведь люди, принадлежавшие к самым разным социальным слоям общества, сидели в одних и тех же бомбоубежищах и вместе тушили пожары, случавшиеся при налетах вражеской авиации. Один антифашист так выразился о сотрудниках Геббельса: «Как иезуитски ловко они эксплуатируют, в целях пропаганды, каждое естественное человеческое чувство».[63] Нацистские пропагандисты никогда не шли на неоправданный риск. Когда потери на Восточном фронте стали расти угрожающими темпами, Шефер разослал по всем территориальным управлениям пропаганды инструкцию с приказом прекратить пользоваться термином «пушечное мясо», когда речь шла о враге.[64] Нападки на партизан, которые именовались не иначе как «бандитами», также прекратились в конце 1944 года, когда нацистский режим начал планировать ведение партизанской войны против союзнических оккупационных сил. К весне 1944 года партийные пропагандисты оценили ситуацию так: народ понял всю опасность, которая исходит от большевизма, и теперь нам нужно сосредоточить усилия на другом направлении народ должен понять, почему необходимо сражаться с западными демократиями до полной победы. Германская служба радиоперехвата, занимавшаяся составлением сводок с кратким содержанием иностранных радиопередач, снабдила сотрудников Геббельса конкретным материалом для этой кампании: «Вражеские

голоса: борьба идет против всех немцев, а не только против партии Гитлера».[65] Кампания против западных союзников началась в критическое для Германии время. До высадки союзников в Нормандии оставались считанные дни.

Период с июня по сентябрь 1944 года был для немецких пропагандистов тревожным в непредсказуемости развития общественного мнения. Успешное наступление союзников во Франции, не прекращавшиеся ни днем ни ночью массированные воздушные налеты и разгром советскими войсками группы армий «Центр», в результате чего территория Польского генерал-губернаторства и Восточной Пруссии осталась на какое-то время фактически без прикрытия перед угрозой советского вторжения, все это стало серьезнейшим испытанием для геббельсовской пропагандистской машины. Опять участились высказывания о том, что мол не так уж страшны большевики, как их малюют. Особенно побаивались пропагандисты возрождения прокоммунистических симпатий германских рабочих. По этой причине было наложено вето на публикацию антимарксистского «диалога», написанного Куртом Бланком. Один из участников этого диалога, рабочий, приводил слишком много цитат из трудов Маркса, а также допускал пацифистские высказывания. Рим пал, Париж пал. Большевики вышли на границы Восточной Пруссии. Один крупный нацистский деятель в беседе с журналистом заявил, что уже заранее распрощался с жизнью. Когда американцы подошли к Аахену, по городу распространились слухи, что администрация, гестапо и партийные функционеры первыми позорно бежали от врага. Говорили также, что в урнах было найдено семьдесят партийных значков. Деморализация затронула даже некоторые части СС. Готлиб Бергер, начальник штаба Ваффен СС, в письме Гиммлеру от 26 сентября 1944 года раскаивался в том, что не погиб смертью солдата, участвуя в недавнем подавлении Словацкого восстания. Он также сообщал, что Геббельс уверен в стойкости населения западной части Германии.[66]

На поездах, переполненных беженцами из западногерманских городов, нередко красовались лозунги антинацистского характера: «Мы едем из Кельна, Аахена и Трира, спасибо тебе, фюрер!» и «Мы благодарны нашему фюреру!»

Пришедшие в растерянность чиновники партийной канцелярии, узнав об этом, созвонились с министерством пропаганды и попросили принять меры, чтобы эти надписи были стерты до прибытия поездов в Вестфалию. Последние европейские сателлиты Германии капитулировали. Хватаясь за соломинку, в виде пословицы «нет худа без добра», аппарат Геббельса разослал по своим учреждениям на местах инструкцию, где подавались советы изображать в работе с населением события в выгодном для Германии свете. Отпала Финляндия – и слава Богу! Теперь рейху не придется кормить ее из своих запасов. Нашелся даже такой рьяный пропагандист-патриот, который предложил вменить всем членам НСДАП в обязанность бить пораженцев в челюсть. Гиммлер сообщал Борману, что население округа Дюрен было настроено крайне враждебно по отношению к НСДАП и никто не поднимал руку в гитлеровском приветствии, даже партийные функционеры.

В сентябре прекратились запуски на Англию ракет V-I, продолжавшиеся три месяца. Немцы возлагали на этот вид оружия особые надежды, и когда V-I оказались неспособными сокрушить «плутократов», начались саркастические насмешки. Некоторые называли эти ракеты Versager-I или «провал номер I»; другие шли еще дальше и употребляли выражение Volksverdummung-I или «национальная тупость номер I». Отход Румынии, Финляндии и Болгарии от коалиции «оси» дал повод многим немцам заметить, что «крысы побежали с тонущего корабля».[67] Через несколько месяцев в народе стали говорить то же самое, применительно уже к гауляйтерам и другим нацистским бонзам, которые бежали из городов перед приходом войск противника, предварительно приказав населению держаться до последнего.

В конце 1944 года начальник управления пропаганды гау Галле-Мерзебург, в докладной записке, представленной в Берлин, обобщал свой свежий опыт и сформулировал на его основе некоторые предложения, которые, по его мнению, могли быть использованы в работе и другими органами пропаганды. Он признавал тот факт, что население в большинстве своем было охвачено депрессией, и ставил во главу угла вопрос: каким образом партия и государство могут

возродить и укрепить волю к сопротивлению. В данных условиях, рассуждал этот начальник, очень трудно организовывать митинги и демонстрации, да и кроме того, от таких мероприятий все равно было бы мало толку. Он выдвигал тезис, согласно которому основную тяжесть борьбы с вражеской радио и печатной (в виде листовок) пропагандой должны были взвалить на свои плечи партийные кадры, находившиеся ближе всего к народу – руководители низовых партячеек по месту жительства и на предприятиях. Он выделял то обстоятельство, что в этом деле должен возобладать разумный подход, ибо к настоящему времени разрыв между действительностью и догмами партийной пропаганды стал пугающе широк. Идеологические стереотипы, которыми специалисты Геббельса наводняли страну в течение более чем десяти лет, не оказывали больше никакого воздействия на умы и сердца немцев. Этот начальник мог бы добавить (но он не сделал этого), что вводящие в заблуждение WB тоже не способствовали укреплению у населения доверия к нацистской пропаганде. Он заявлял: «Я подчеркиваю, что любые формы работы с населением, будь то политическое просвещение или же обычная информация, должны ограничиваться рассмотрением живых, злободневных вопросов – любая попытка разговаривать с людьми в поучающей манере заведомо обречена на провал и потому бессмысленна». В конце своей записки начальник управления делал вывод, что объявление о создании фольксштурмьксштурма (народного ополчения) открывало новые возможности для эффективной пропаганды.[68]

Создание фольксштурма совпало по времени с успешным контрнаступлением вермахта в Восточной Пруссии, временно вытеснившим оттуда советские части. Страхи, вызванные угрозой прорыва фронта Красной Армией и ее стремительного броска на Берлин, в значительной мере поутихли. Однако многие встретили весть о формировании отрядов фольксштурма с сомнением и разочарованием. Должно быть, Германия и впрямь попала в отчаянное положение, если уж на фронт стали отправлять стариков и безусых мальчишек прямо со школьной скамьи. Однако Геббельс блестяще организовал разъяснительную работу, привнеся в

нее огромный эмоциональный накал, и отношение населения к этому важному мероприятию заметно изменилось в лучшую сторону. Фольксштурм объединял в своих рядах людей всех социальных групп и возрастов. Он, по замыслу его организаторов, обещал стать решающим фактором в тотальной войне, который должен был переломить ход боевых действий и склонить-таки чашу весов на сторону Германии. Те, кто не был призван в ополчение, участвовали в сооружении противотанковых рвов и других укреплений. Клятва, которую давали фольксштурмисты 12 ноября, в торжественной обстановке под звуки фанфар, породила волну гипертрофированного, уродливого энтузиазма. Однако уже в декабре и январе ему на смену пришло горькое разочарование. Фольксштурм так и не получил обещанного ему современного оружия, да и формирование и обучение его подразделений шло в хаотичной обстановке. Кроме того, никто не знал, как будут рассматривать фольксштурмистов союзники, как солдат регулярной армии или же как партизан. В последнем случае, опасались члены фольксштурма, им мог грозить расстрел. Народ, обманутый лживыми посулами «чудооружия», теперь не верил этим потугам государства и партии, доживавшим последние месяцы. Кое-где жители даже срывали со стен плакаты с призывами вступать в фольксштурм. Многие ворчали из-за того, что их заставляли тратить свободное от работы время на военную подготовку, которой руководили партийные функционеры, мало что смыслившие в этом деле. Значение фольксштурма состояло в том, что он продлил агонию нацистского режима. В течение некоторого времени он продемонстрировал солидарность и сплоченность нации, вставшей как один человек на защиту рубежей родины. В этом смысле фольксштурм послужил целям Геббельса, вызвав в ноябре 1944 года к жизни последний порыв доверия к Гитлеру.[69]

В конце трудного 1944 года Йозеф Геббельс подвел итог «достижениям» своих подчиненных и остался ими очень доволен. В декабре он заявил, что пропаганда союзников потерпела крах, потому что ей не удалось вбить клин между германской нацией и ее руководством.[70] Более того, болтовня германской пропаганды о несокрушимом «Атлан-

тическом вале» все-таки возымела некоторое воздействие на союзников и несколько отсрочила их вторжение во Францию, и как бы не изощрялись над этим валом в шутках «аполитичные интеллектуалы», в Германии после дня «Д», несмотря на подавляющее военное превосходство союзников, воля народа к сопротивлению за последние месяцы еще более укрепилась. Геббельс верил, что восстановить и стабилизировать линию фронтов, в особенности на западе, осенью 1944 года удалось лишь с помощью его пропаганды. И хотя к началу 1945 года потери вермахта только убитыми составили 2 миллиона солдат, а в ходе воздушных бомбардировок союзников погибло более трехсот тысяч гражданских лиц, хотя в настроениях населения преобладали пессимизм и сомнения, Геббельса не покидала уверенность, что все эти факты лишь подтверждают его правоту. Он видел себя единственным человеком, который поможет Адольфу Гитлеру выиграть эту войну. Народ боялся последствий поражения, которое означало победу в первую очередь большевиков, а потом уже Запада. Как заметил Мартин Брозат, даже люди, которые давно уже не верили в победу Германии, отказывались и думать о поражении.[71] Они продолжали воевать, работать и страдать с единственной целью – не допустить прихода большевиков. Это означало громадный успех пропаганды Геббельса. В данном контексте Гельмут Гайбер подметил весьма важную и характерную деталь: «И эта пропаганда, бесцельная и бессмысленная, которая исступленно размахивала призрачными, фантастическими понятиями, вопреки всему здравому смыслу, принесла успех и позволила отсрочить давно назревший крах интеллекта и морального духа еще на несколько месяцев. Несмотря на невыносимые тяготы и лишения, германский народ до самого конца цеплялся за свою веру в Гитлера, которая являлась ничем иным, как всеобщим помутнением разума».[72] И Гитлер выразил Геббельсу благодарность, назначив того вместо себя, правда, на несколько часов, фюрером германской нации. В ответ Геббельс еще раз подтвердил свою преданность вождю и учителю тем, что в качестве последней кровавой жертвы принес ему жизни всех членов своей семьи, включая себя.

В марте 1945 года признаки неотвратимого краха были видны повсюду. Гороскопы астрологов, к чьей помощи часто прибегали крупные нацистские бонзы и высшие чины СС, были составлены в туманных, осторожных выражениях: значительное количество благоприятных созвездий говорят о том, что, если кризис этих месяцев удастся преодолеть, последуют лучшие времена». Иногда астрологи осмеливались на более конкретные предсказания следующего типа: «В настоящее время не наблюдается никаких благоприятных созвездий, которые могли бы предвещать Великому Германскому рейху полную победу».[73] Это означало, что крах Германии в долгой войне был вполне реален.

Министерство пропаганды представляло собой последний оплот в этом мире фантазий. Даже чиновники, такие, как например, советник Шпенглер, умудрялись наряду с объективными докладами о моральном состоянии населения подавать безумные прожекты, вроде того, что следует воспользоваться услугами немецких поэтов и писателей (это в марте 45-го!). Пусть они де опубликуют статьи с выражением веры в рейх.[74] Вместе с тем, Шпенглер сообщал, что народ хотел знать всю правду о положении дел на фронте. Люди удивлялись, почему на фронт посылают стариков-фольксштурмистов, в то время как молодые солдаты несли гарнизонную службу. Отчеты, которые теперь присылались в министерство территориальными управлениями пропаганды, содержали самые безрадостные и беспросветные выводы и заключения за все время существования этих учреждений: «Настроение народа остается мрачным» (16 марта 1945 года) и «Развитие военного положения не позволяет питать надежды на улучшение морального состояния населения, погрузившегося в пучину депрессии» (21 марта 1945 года).[75] Вильфрид фон Офен заметил 17 марта, что дух германской нации «выгорел», а сама она находилась в состоянии полного оцепенения или «массового столбняка, от которого она никогда не сможет очнуться».[76] Семь недель спустя, когда Гитлер и Геббельс были уже мертвы, ОКВ решилось наконец прекратить бессмысленное сопротивление.

12

РЕАКЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В «Третьем рейхе» не существовало общественного мнения, в обычном смысле этого слова, как не существовало и открытого обмена разными мнениями. Вместо этого там возникали подпольные средства массовой информации, которые распространяли мнения и информацию, преследовавшиеся правительством. Эта контрпропаганда принимала различные формы. Среди самых распространенных можно назвать анонимные письма с угрозами и оскорблениями в адрес нацистского руководства, антиправительственные надписи на стенах и слухи, передававшиеся из уст в уста. Власти, склонные к недооценке своего всеобъемлющего контроля над германским народом, реагировали на это инакомыслие со все возрастающей тревогой. В борьбе с ним они полагались на два главных средства — гестапо и собственные слухи.

Вожди «Третьего рейха» объявили, что они являются правителями «народного государства». Они хотели, чтобы каждый немец имел доступ к газетам, книгам, радиоприемникам и кинофильмам. Через средства массовой информации нацистские пропагандисты могли распространять как свою идеологию, так и истолковывать в нужном свете все последние

события. Радио в этом отношении являлось уникальным средством, благодаря которому заправилы «Третьего рейха» имели возможность в считанные секунды обратиться к миллионам своих сограждан. Лозунг «Каждый должен стать радиослушателем» почти воплотился в жизнь к концу 1942 года. Количество радиослушателей возросло с четырех миллионов в 1933 году до шестнадцати миллионов. Поскольку абонементная плата за радио была для некоторых граждан обременительна, то их освобождали от нее за счет особых фондов партии.[1]

До войны Геббельс всячески содействовал внедрению в производство «народного приемника», или Volksempfanger'а – маленького и недорогого радиоприемного устройства. Ко времени начала второй мировой войны у большинства немецких семей был такой приемник.

В войну значение радио как средства практически мгновенной пропаганды еще более возросло, одновременно с этим появились и новые проблемы. У Германии не хватало мощных радиопередатчиков, поскольку пропагандисты, включая Геббельса, не предвидели быстрой территориальной экспансии Великогерманского рейха после 1938 года. В ходе войны нехватка запчастей к радиоприемникам достигла устрашающих размеров. Судя по сводкам RPA, в одном Вартегау по этой причине молчало двадцать тысяч радиоприемников.[2] Вполне возможно, что этот дефицит создавался искусственно и причиной тому послужила тревога руководителей немецкой пропаганды, не уверенных в предпочтениях слушателей, многие из которых тайком настраивали свои радиоприемники на волну швейцарских, английских и советских радиостанций.

В течение первых девяти-десяти месяцев войны реакция населения на радиопередачи была вполне благожелательной, но как только оказалось, что война протянется дольше, чем ожидалось, содержание немецких радиопрограмм, отличавшихся туманностью и тавтологией, стало вызывать раздражение.

В октябре 1940 года один иностранный корреспондент отметил: в последнее время я неоднократно замечал, как некоторые немцы выключали свои радиоприемники

почти сразу после начала передачи новостей берлинским радио, весьма выразительно восклицая: «О, какая чушь!»[3] Разумеется, по сравнению с остальными жителями Германии, берлинцы всегда отличались большим скептицизмом. К 1942 году нелегальное прослушивание вражеских радиопередач во многих районах страны достигло критических масштабов.

Адольф Гитлер предвидел такой вариант развития событий еще до войны. Он предложил Геббельсу организовать производство приемников с фиксированной настройкой, в качестве гарантии от прослушивания их владельцами иностранных радиопередач. Позже, уже когда война началась, Геббельс, не сумевший выполнить задание фюрера, стал сваливать вину на других, но Гитлер продолжал считать именно его главным виновником провала данного поручения. Сразу же после нападения на Польшу Геббельс составил проект указа «О чрезвычайных мерах в области прослушивания радиопередач». Этим декретом запрещалось нелегальное слушание передач иностранных радиостанций и вводились суровые наказания для нарушителей, вплоть до смертной казни в исключительных случаях. В течение следующих трех лет Геббельсу пришлось выдержать немало схваток с другими нацистскими руководителями. Камнем преткновения послужил вопрос о разработке критерия для выдачи разрешений на прослушивание иностранных радиопередач. В начале 1942 года в дело вмешался сам Гитлер.[4] Четыре министра, пытавшихся получить подобное разрешение, натолкнулись на отказ, удовлетворена была лишь просьба Розенберга. Геббельс раздраженно заметил: «Просто отвратительно, как много высших чиновников пытаются доказать мне, что их дальнейшая работа просто застопорится, если им не выдадут разрешения на слушание иностранных радиопередач. Почти во всех случаях они получают у меня отказ».[5] Весьма характерно, что министр забыл добавить фразу: «Этот запрет эффективен там, где у меня хватает сил и средств, чтобы проследить за его соблюдением».

Когда Геббельсу доложили о повсеместных нарушениях указа от 1 сентября 1939 года, он воспринял это как

личное оскорбление. Впав в бешенство, он с руганью обрушился на тех немцев, которые были настолько «тупы», что предпочитали слышать голос Черчилля, чем прочитать отчет о его выступлении, написанный Фриче или самим министром пропаганды. Геббельс клеймил позором тех, кто осмеливался преступить закон, называя их «неблагодарными, презренными, низкими тварями», поскольку эти явления объективно свидетельствовали о недостатке доверия к вождям со стороны рядовых германских граждан.[6] Справедливости ради следует указать, что он преувеличивал значение повышенного интереса своих соотечественников к вражеским радиоголосам. Многие немцы слушали Би-Би-Си, стремясь лишь получить по возможности более полную информацию о положении на фронте. Они отвергали не власть нацистов, а скорее их политику в области информирования населения.

Особенно непопулярными передачи германского радиовещания стали зимой 1942-43 годов. Людям надоело до тошноты изо дня в день выслушивать тирады о «Рузвельте, марионетке евреев», в то время когда они с замиранием души жаждали услышать известия о Сталинграде и Северной Африке,[7] где сражались и умирали их близкие. Все изголодались по подробным отчетам с фронта, с передовой. Нужна была конкретизированная специфично военная информация. Статьи или радиоочерки военных журналистов и обозревателей, таких, например, как Освальд Зенкнер, генерал Пауль Гассе и оберлейтенант Зольдан пользовались большим успехом. Семьи, беспокоившиеся о судьбе близких на советском фронте, тайно настраивались на волну Москвы, где упоминались имена некоторых пленных солдат вермахта и названия мест, где шли ожесточенные бои. Германские средства массовой информации, как правило, не давали таких сведений. Геббельс был практически бессилен предпринять какие-либо эффективные меры, чтобы помешать немцам слушать подрывную пропаганду из Москвы. О глушении радиопередач не могло быть и речи, поскольку немцы располагали весьма несовершенной техникой, и любые меры подобного характера резко ухудшили бы прием передач Великогерманского

радиовещания на территории Германии.[8] Однако Геббельс постарался возместить этот недостаток в других сферах пропаганды. В рамках программы тотальной войны был разработан новый подход в подаче информации, отличавшейся большей оперативностью и откровенностью. Вместе с тем, он начал специальные кампании, направленные против слушания вражеских передач и распространения слухов, основывавшихся на таких программах. Эти кампании приобрели особый размах в последние два с половиной года войны.

Сотрудники министерства пропаганды, работавшие на радио, столкнулись с проблемой иного характера, которую поставили перед ними вражеские радиопередачи в диапазоне коротких волн, хитро маскировавшиеся под подпольные немецкие радиостанции. Например, «Штурмовик Макс Шредер» так излагал германскому народу свою антинацистскую версию причин войны: «И никто больше не верит, что Польша собиралась напасть на нас. Даже величайший мошенник всех времен, наш доктор Лгун, признает, что Польшу нельзя рассматривать как причину войны, но она оказалась как нельзя более подходящим предлогом». «Штурмовик Шредер» рассказал своим слушателям, что Гитлер начал подготовку к войне еще с 1933 года, в то время как Англия постоянно демонстрировала Германии свою добрую волю. Этот тип «черной пропаганды» постоянно прослушивался службой радионаблюдения за эфиром министерства пропаганды. Доклады, где упоминались такие нелегальные радиопередачи, были еще одним источником головной боли и тревог для Геббельса. Вдобавок ему доложили, что сотрудники службы радионаблюдения давали читать копии своих отчетов и сводок людям, не имевшим допуска к такого рода информации, тем самым вольно или невольно способствуя распространению вражеских измышлений.[9]

Самым известным германским радиокомментатором во времена войны был Ханс Фриче. Когда его судили в Нюрнберге, его защитник Хайнц Фриц без экивоков признал: «Вне всяких сомнений, он в огромной степени способствовал формированию политического мнения в Германии...»[10]

Так оно и было до 1943 года, но после Сталинграда Фриче, чьи манеры и раньше частенько вызывали негативную реакцию, теперь столкнулся с возросшей враждебностью своих слушателей. СД постоянно держала Фриче в курсе относительно реакции населения на его еженедельные политические радиообращения. Когда 6-я армия погибла в Сталинградском котле, передачи Фриче подкупали своим пафосом и откровенностью. Трогательная манера, с которой он преклонялся перед героизмом солдат и офицеров армии Паулюса, произвела глубокое впечатление на многих немцев, хотя у некоторых, наоборот, душу выворотило от его гнусного подвывающего голоса, типичного для сугубо штатского, не нюхавшего пороха человека. Даже в дни траура по 6-й армии, отдавая дань уважения павшим, Фриче не мог перебороть себя, и в его голосе по-прежнему звучало циничное высокомерие, более подобающее во времена победы, но не после Сталинградской катастрофы. Слушатели критиковали Фриче за то, что его передачи становились все более бессодержательными. Он начинал повторяться. Казалось, он сам порой бывал смущен неактуальностью и надуманностью своих тем. Число его слушателей неуклонно сокращалось.[11] В докладах СД, где все эти проблемы достаточно четко фиксировались и анализировались, откровенно признавалось, что число немцев, слушающих вражеские передачи, растет с каждым днем. Народ предпочитал серьезный тон комментариев генерала Дитмара и отворачивался от политического пустозвонства Фриче и Карла Шарпинга.

В письмах слушателей, полученных Фриче и Геббельсом в период между 1941 и 1945 годами, содержится потрясающее по убедительности доказательство растущего недоверия и враждебности населения к радиопрограммам Великогерманского радиовещания. В письме, написанном в адрес Фриче в начале 1941 года некоей Элизабет Гентцке, выражались стандартные чувства восхищения, которые вызывали его передачи перед началом Восточной кампании. Фрау Гентцке говорила, что англичане безусловно заслуживают уничтожения за то, что затеяли эту войну и разбомбили Ганновер, убив при этом много невинных

мирных жителей. «Я написала это письмо, чтобы призвать к отмщению за страдания жителей Ганновера!» Так обозначила цель своего письма эта почитательница ораторского таланта Фриче. Вне всяких сомнений, это длинное письмо, над которым фрау Гентцке, должно быть, напряженно трудилась несколько часов, порадовало Фриче. Он написал ответ фрау Гентцке, в котором выразил ей свою сердечную благодарность. Фриче заверил свою корреспондентку, что Гитлер трудится день и ночь не покладая рук, над тем, чтобы надежно защитить немцев от кошмарных воздушных налетов. Однако дотошная женщина из Ганновера не успокоилась и сочинила второе письмо, в котором выразила свое недовольство тем, что Фриче в своей радиопрограмме не выразил конкретного сочувствия к пострадавшим ганноверцам, не оплакал их мертвецов. Ответ Фриче, ссылавшегося на то, что он следовал букве инструкции, предписывавшей выражать общее сочувствие всем гражданским жертвам, не удовлетворил ее, несмотря на то, что она была пылкой поклонницей комментатора. В заключение письма Гентцке с воодушевлением сообщает Фриче: «Сегодня вечером я снова буду слушать вас и при одной этой мысли меня переполняет радость!» В ее восхвалении Фриче содержалась и скрытая критика, которая поздно станет явной и повсеместной: его слова отличались уклончивостью, недоговоренностью, да и вообще, люди там, в Берлине, сидящие в уютных креслах радиостудии, просто не представляют себе ужаса воздушной войны, уносившей жизни гражданского населения, стариков, женщин и детей. Забеспокоились даже нацисты из числа ярых фанатиков. Некий А. Кнох написал Гитлеру, предлагая в отместку бомбить английские жилые кварталы и больницы.[12] Фриче, к своему сожалению, не мог ответить Кноху, что Люфтваффе давно, еще с 1940 года, совершает такие налеты. Дело было в том, что он всегда утверждал обратное, а именно: это англичане, а не немцы, практикуют воздушный террор.

Доверие к Фриче помогли подорвать и такие проблемы, как трактовка полета Гесса. Он придерживался партийной линии, заявляя, что Гесс был человеком, маниакально

преданным своей идее образумить англичан и тем самым спасти их. Рьяные члены НСДАП были, разумеется, недовольны таким объяснением. Разве Гесс не был предателем, заслуживавшим расстрела? Автор одного из писем сравнивал урон, нанесенный полетом Гесса, с путчем Рема в 1934 году. Многие партийцы уважали Гесса, но тем, кто его недолюбливал, было недостаточно трактовки, утверждавшей, что Гесс психически неуравновешенный человек. «Один из тысяч» написал Фриче, что члены партии удивляются, как мог душевнобольной человек быть преемником Гитлера? Автор этого письма весьма язвительно поддел «эскапады» Роберта Лея, человека, убеждавшего германские женатые пары, что они «могут просуществовать на 48 марок в месяц», хотя сам он «снимал» уличных проституток и «платил им по 148 марок за несколько часов удовольствия». А как насчет «дьявола с деревянной ногой!» Корреспондент обличал «отвратительные сексуальные излишества» Геббельса и внезапно появившееся у него богатство и заключал письмо многозначительным комментарием: «Теперь вы можете понять, почему тысячи людей слушают новости только их английских радиопередач?» «Добропорядочный немец» рекомендовал Фриче во время шумихи, связанной с делом Гесса, поменьше открывать свой рот, ибо «по меньшей мере 70 процентов слушателей» сразу же выключают свои радиоприемники, едва лишь в динамиках начинает звучать его голос. Он продолжал: «А что касается Гесса, то каждый, кто честен в своих мыслях, должен отдать ему дань уважения. Он был единственным, кто не захотел идти до конца с человеком, который превратит весь мир в развалины. И этот человек смеет говорить, что Гесс — сумасшедший. Я считаю, что Гесс находится в куда более здравом уме, нежели Гитлер, поскольку лишь маньяк способен вести целые народы навстречу гибели так, как это делает фюрер». Этот анонимный автор резко отзывался о нуворишах из числа нацистских бонз, включая «этого жирного борова» Геринга, и выражал надежду, что Гесс выдаст англичанам военные планы Гитлера, приблизив тем самым крах нацизма в Германии. «А ты, ты — бродяга...» Далее этот смельчак,

который своим письмом явно опровергал хвастовство Геббельса об успехах его пропаганды, просил Фриче показать это письмо Гитлеру, чтобы тот мог видеть, «что не все немцы так тупы, как ему хотелось бы думать!»

Геббельс и сам получал много писем, содержавших враждебные или отрицательные отклики на те или иные статьи и радиовыступления. В одном из таких писем, под которым стояла подпись «общественное мнение», выражалось уважение к Гессу, который сохранил остатки совести и чувства справедливости. Используя садистскую терминологию, которая часто встречалась даже во многих антинацистских письмах, автор ссылается на «нацистскую смирительную рубашку» и разносит в пух и прах Гитлера и всю свору его приспешников, называя их преступниками. По его мнению, Гитлера, Геббельса, Риббентропа, Розенберга, Гиммлера и Лея следовало публично высечь, вывалять в смоле и перьях, подвергнуть пыткам на дыбе, а затем сжечь на костре...» Письмо «общественного мнения» завершалось выражением пожелания, чтобы в этом акте мщения могли принять участие все жертвы преступного нацистского разбоя — священники, узники концентрационных лагерей, англичане и другие пострадавшие от вторжений нацистов народы и «последними по счету, но не по значению, евреи». Геббельс считал авторов таких писем безумными предателями. В нацистском мире извращенных ценностей эти письма служили свидетельством того, что всей огромной репрессивной машине «Третьего рейха» не удалось задушить стремление к правде и справедливости, которое некоторые немцы смогли сохранить в себе и пронести через все тяжкие испытания.

Став главным политическим радиокомментатором «Третьего рейха», Ханс Фриче навлек на свою голову гнев некоторых разъяренных радиослушателей. Когда он заявил, что Германия, в которой существовала свобода вероисповедания, ведет борьбу против безбожников-большевиков, один корреспондент обратил внимание Фриче на явное расхождение его слов с действительностью: «... в теории, в Германии и в самом деле якобы существует свобода религии, свобода вероисповедания. Но на практике дело обстоит иначе». Автор

письма, Эрнст Майр, вспоминал годы нацистского давления на верующих с целью заставить их отказаться от посещения церквей. «Я написал вам как человек, внутренне свободный», – заканчивал он свое письмо. Такая антинацистская «внутренняя эмиграция» была анафемой для главарей национал-социалистического режима. 3 октября последовал неуклонный ответ Фриче, который сказал, что свобода религии означает право духовного лица поделиться своими размышлениями с паствой, даже если он воспользуется этим правом в ущерб государству, например, «отзовется о евреях как об избранном народе». В этом и заключалась вся скользкая суть Фриче, который сумел остаться антисемитом, не подвергая при этом евреев прямым нападкам.

После вторжения в Россию главными сторонниками Фриче среди авторов писем на радио стали мстительные, рвущиеся наверх нацисты, почти лишенные интеллекта. Некоторые из их писем, между тем, представляют интерес, особенно когда они обсуждают слухи, распространяющиеся в народе. Одно такое письмо, написанное 31 августа 1941 года, свидетельствует о растущем недоверии к политике Гитлера. Автор, Ида Кайзер-Инзингер, упоминает о слухе, что гестапо ликвидирует душевнобольных и просто слабоумных. Она также намекает, что многие немцы не совсем понимают и одобряют политику режима в отношении евреев. Некоторые люди даже говорили, что евреи не заслужили такого жестокого обращения. Они не понимали, что за Англией стояли евреи и они же заправляли всеми делами в России и Америке, – комментировала автор письма. Составляя ответы на эти письма, Фриче привлек на помощь доктора Альбрехта, сотрудника министерства пропаганды.[13] И разумеется, с большим рвением он старался отвечать на хвалебные письма, а не на критические.

Люди иногда адресовали письма как Фриче, так и Геббельсу, случались обращения и к другим нацистским руководителям. Один автор, который, очевидно, знал, о чем пишет, заявлял, что нацисты, из-за массовых казней совершенных командами СС в Лемберге (Восточная Галиция) и других местах, несут вину за «ненависть евреев

всего мира», обращенную против Германии. В другом письме, направленном Фриче в сентябре 1944 года, автор вспоминал: «Прошло два года, с тех пор как я сообщил вам о своем твердом убеждении в том, что Германия проиграет эту войну и что в следующем году почти все немцы согласятся со мной в этом». Этот человек замечал, что Фриче принадлежал к числу тех немногих немцев, которые, похоже, все еще придерживались противоположного мнения, и пророчески констатировал, что некоторые высшие нацистские бонзы будут по-прежнему твердить о победе, даже если враг будет стоять у самых ворот Берлина! Кто же довел Германию до такого печального состояния? «Слепое, безумное, бессовестное руководство». Корреспондент обратил иронию Фриче против него самого, говоря о невероятно трудной задаче, стоявшей перед комментатором: он должен был извратить все понятия о правде, справедливости и этике, чтобы ослепить германский народ и лишить его возможности видеть все в истинном свете. В письме прозрачно намекалось, что грядет эра справедливости и правосудия, ибо империя «Третьего рейха» просуществует лишь двенадцать лет, а не тысячу, и что те, кто совершал преступления ее именем, уже сейчас трясутся от страха перед неминуемой карой.[14] Даже хладнокровного, ироничного Фриче наверняка прошиб холодный пот, когда он прочитал следующую, нацарапанную каракулями записку:

Дорогой Ханс,
Ты свое отболтал.
Много глупости в твоих речах.
А теперь захлопни пасть,
Садись в ближайший поезд и дуй на фронт
И становись героем!
(подписано) Из госпиталя для тяжелораненых солдат.[15]

К концу 1944 года письма с жалобами и ругательствами потекли в министерство пропаганды рекой, и почти все они были адресованы Фриче и Геббельсу. Один автор саркастически процитировал изречение Гитлера: «Дайте мне десять лет, и вы не узнаете своих городов». Другой корреспондент предвидел, что все офицеры -участники антигит-

леровского заговора, зверски умерщвленные нацистами, будут посмертно отмщены, «и это так же верно, как то, что есть Господь на небесах». В письмах все чаще выражалась истерическая, патологическая ненависть лично к Фриче и Геббельсу; во многих письмах «пруссаки» назывались «разбойниками и убийцами», предсказывалось, что имя Германии будет запятнано, пока души тысяч замученных насмерть евреев, русских, сербов, поляков и инакомыслящих немцев будут в поисках справедливого возмездия неприкаянно бродить по свету. Часто писавшие письма делали намеки на предыдущие пропагандистские кампании и задавали неприятные вопросы: Что случилось с неприступным «Атлантическим валом»? Почему после 20 июля 1944 года пришлось второй раз объявлять тотальную войну, когда Геббельс объявил ее после Сталинграда? Некоторые записки, вложенные в конверт, были больше похожи на политические плакаты; пропагандистские приемы нацистов обращались против них самих»: «Долой Гитлера, кровожадного пса, и смерть всем пруссакам!», «Мы ненавидим не плутократов, а нацистов». Одна женщина мечтала о времени, когда из Гитлера и Геббельса сделают чучела, набитые соломой или ватой, и поставят их в Британский музей. Еще один слушатель писал: «Одна вещь очевидна каждому: Германия обретет мир лишь тогда, когда исчезнет безумец из Оберзальцбурга».

Степень осведомленности авторов писем о массовых казнях, совершавшихся СС на востоке, была просто поразительной. Один автор упомянул об источнике, надежность которого не оставляла сомнения – болтовня разоткровенничавшихся в пьяном угаре высших офицеров СС. В другом письме Гитлер именовался богемским воришкой и говорилось (к сожалению, это предсказание не сбылось), что немецкий народ воистину восстанет, но не так, как желал того Геббельс. Он поднимется против Гитлера и воздаст должное всем нацистским преступникам. В этом письме содержалась интересная деталь: нацисты, которые так пеклись о расовой чистоте, сами же заставляли многих германских женщин и девушек, изголодавшихся по мужской ласке, пойти на половые связи с иностранными рабо-

чими-недочеловеками и расконвоированными военнопленными, занятыми на различных неквалифицированных работах, где применялся тяжелый физический труд! У многих авторов не вызывало никаких сомнений то, что истинными «плутократами» в Германии были все, кто принадлежал к нацистской элите.

И подобные излияния ненависти доминировали в большинстве писем и открыток, посланных Хансу Фриче.[16] Эти проявления вражды к национал-социализму являются трогательным свидетельством несгибаемости и стойкости человеческого духа. У Геббельса были все причины для беспокойства. Главной своей задачей он считал предотвращение еще одного 1918 года. Пока массы продолжали работать и сражаться за нацистов, он выигрывал войну, какой бы бесславной не была его тактика.

Резкий упадок духа германского населения летом 1944 года выразился и в том, что теперь нападки на Фриче последовали и со стороны нацистских пропагандистов. Начальник управления пропаганды в Бохуме отметил, что слушателям не нравится ирония в выступлениях Фриче. Им не нужен был больше саркастический диалог с врагом. Настало время для откровенной беседы с германским народом. Этот рапорт глубоко задел Фриче, поскольку Бохум был его родным городом. Однако эта критика ничему его не научила, он по-прежнему оставался вне ее, и его ответом был жалкий лепет о сложной задаче, которую ему приходилось выполнять в трудное время. Некоторые нацисты пытались, в меру своих возможностей, оказывать помощь: один послал Геббельсу подробный доклад об успехах коммунистов в Вене, другой послал Фриче целую поэму, воспевавшую фольксштурм. Какая-то мазохистка или просто спятившая женщина, в конце февраля 1945 года, когда был уничтожен ее родной Дрезден, написала Фриче письмо, в котором просила печатный текст его выступления, посвященного разрушенному до основания городу. Она не смогла услышать его слова, потому что ее радиоприемник был уничтожен вместе с домом... Другие подбадривающие голоса исходили от людей, «причастных к оккультизму». Так, в 1944 году одна женщина в своем письме клятвенно

заверяла, что еще в 1921 году ей явился дух-спаситель Германии.[17]

В обстановке недоверия к радио и другим средствам массовой информации плодились самые невероятные слухи. Начиная с 1940 года огромную заботу Генриху Гиммлеру доставляло распространение гражданскими лицами информации, которую они почерпнули из вражеских листовок, сбрасывавшихся на Германию с самолетов. Нацисты полагали, что враг старается деморализовать население и привести Германию к капитуляции, как это было в 1918 году. Несмотря на строгие предупреждения полиции о сдаче всех подобранных листовок, часто случалось так, что лица, нашедшие и прочитавшие листовку, передавали ее другим, а те – третьим. Наиболее эффективное воздействие оказывали листовки, содержавшие военные сводки, которых не было в германских средствах массовой информации. Попытки Гиммлера противостоять распространению слухов вражеского происхождения путем сотрудничества с соответствующими государственными и партийными учреждениями, были одним из направлений контрпропагандистской деятельности. Другим стал секретный бюллетень «Оборона против лжи» («Lügenabwehr»), издававшийся совместно несколькими гражданскими ведомствами и вермахтом. В этом интересном бюллетене печатались те «лживые» слухи, которые имели хождение в народе. Там же помещалась и информация, помогавшая бороться с этими слухами путем нейтрализации конкретных фактов и идей. Пример: «Япония – СССР. Объявление североамериканского радио об отзыве японского посла из Москвы является ложным». Спецслужбы управления внутренней пропаганды издавали свое собственное «Зеркало слухов», пользуясь тем же методом, что и «Lügenabwehr».[18] «Зеркало слухов» давало более аккуратную и подробную информацию, поскольку оно ссылалось на предполагаемый источник того или иного слуха.

К 1942 году «Третий рейх» быстро превращался в главный центр слухов и сплетен всего мира. Досье, хранящееся в полицейских архивах, содержат невероятные, поразительные описания способов их распространения. Там

же можно узнать, и насколько опасно было распространять слухи. Две медсестры, Хильдегард Вольф и Ингеборг Нойман, познакомились с двумя солдатами вермахта; разговор довольно быстро перешел на политические темы. Один из солдат заметил: «Великая Германия несет главную ответственность за начало войны». Солдаты также упомянули о том, что русские совершенно не были подготовлены к нападению на Германию и что германские войска жестоко и варварски обращались с гражданским населением оккупированных областей СССР. Когда женщины возразили, приводя в качестве примера зверства, якобы учиняемые русскими в отношении немецких военнопленных, оба военнослужащих лишь «иронически улыбнулись». Они даже защищали евреев: по их словам выходило, что евреи не подталкивали другие народы к войне. «Добропорядочные» женщины наведались в гестапо и сообщили об этом случае. Доносительство, между прочим, всячески поощрялось гитлеровским режимом как неплохое противоядие против слухов. Данное происшествие, как и некоторые другие случаи подобного рода, привлекло внимание самого Геббельса.[19]

Слухи, что война продлится еще очень долго, часто носили оттенок антинацистского юмора: «Когда окончится война? Через 12 лет, когда Адольф Гитлер уйдет в отставку». Другие слухи передавались из уст в уста в виде рассказа очевидца событий, о которых шла речь. Один человек, например, утверждал, что недавно в Берлине возникли беспорядки, которые пришлось подавлять с помощью подразделений СС. Другой заявлял, что в Лейпциге кто-то вывесил советский флаг и что там на окнах и на тротуарах часто появляются вражеские лозунги. Чаще всего ходили слухи о снижении норм выдачи хлеба и мяса. В докладе, предоставленном Тисслером, признается, что в городе Гера 11 и 12 мая 1942 года на витринах магазинов и тротуарах были написаны враждебные лозунги с нападками на партию и фюрера. Гестапо немедленно приняло меры к установлению виновных, но преувеличенные слухи о происшествии успели распространиться на близлежащие кварталы. Что же нацарапали эти «преступники»? «Гитлер — наш

убийца». «Красный фронт – Рот-фронт», символ («три стрелы») старой республиканской организации рейхсбаннер и «Гитлер – свинья». Нацисты с 1920 годов использовали стены для своей пропаганды. Теперь их враги делали то же самое. Высшие партийные инстанции пришли к выводу, что источником политического инакомыслия были вражеские радиопередачи, особенно те, в которых говорилось о снижении нормы выдачи продуктов по карточкам.[20]

С 1943 года Роберт Лей стал использовать страницы бюллетеня, выпускавшегося его организацией, для борьбы со слухами. В июле этот бюллетень с пугающей откровенностью заявил, что главной задачей просвещения рабочих в настоящее время является опровержение гнусной клеветы и слухов.[21] Но слухи никак не хотели сдаваться. Наоборот, их становилось все больше, а содержание их было все фантастичнее, по мере того как война продолжалась и в 1944 году. Население Шлезвиг-Гольштейна поговаривало о том, что Германа Геринга арестовали за установление контактов с союзниками.[22] Во время последних восьми месяцев войны правительство мобилизовало все свои ресурсы и возможности для борьбы с распространением слухов и их последствиями. Управление пропаганды в Дюссельдорфе затребовало выделения дополнительных фондов бумаги, чтобы ко 2 ноября 1944 г. напечатать один миллион листовок.[23] К этому времени враг уже находился на территории Германии, как и большая часть подразделений вермахта. Дистанция между гражданским населением и армией неуклонно сокращалась, и контакт между ними становился неизбежным. Тех, у кого еще были отсрочки от призыва по каким-либо причинам, спешно забирали в вермахт и наскоро обучали. В этой обстановке листовки и другие формы борьбы со слухами имели двойное предназначение – для населения и для военнослужащих. Партийные и государственные учреждения, ведомства пропаганды как гражданские, так и военные, высшие должностные лица национал-социалистического руководства работали в период с октября 1944 по апрель 1945 в тесном сотрудничестве.[24]

Самым эффективным средством контрпропаганды, ос-

тавшимся в распоряжении нацистского режима на этой конечной стадии войны, была кампания «шепота», или распространение контрслухов, точно так же, как распространялись слухи (Mundpropaganda). Агент в гражданской одежде или военном мундире громко беседовал с товарищем в людном месте, чтобы их могли послушать охочие до новостей жители данной местности. Агент внедрял слух, содержание которого было разработано соответствующими органами. Правительство надеялось, что этот слух в конце концов подавит слух подрывного характера на ту же тему. Официальным распространителям слухов также вменялось в обязанность сообщать обо всем услышанном от других людей в территориальное управление пропаганды. После многих лет борьбы со слухами, которая велась устаревшими, ортодоксальными методами, нацисты стали использовать способы, приписывавшиеся ранее вражеским агентам и радиопередачам. Основные направления этих кампаний являлись прерогативой областных управлений пропаганды, однако Вернер Науман настаивал, чтобы все лозунги и контрслухи представлялись ему на проверку и утверждение, до того как их станут внедрять на местах.[25] Примеры этой контрпропаганды дают неплохое представление о настроениях, преобладавших в народе в последние месяцы войны.

Слух: «Большевики не причиняют никакого вреда населению в оккупированных ими районах рейха».[26]

Контрслух: «Они совершают вопиющие зверства».

Происхождение слуха: вражеская агитация, направленная на подрыв боевого духа германского народа.[27]

Контрслух: «Мы достигли высшей точки войны. Теперь нам нужно выиграть время, чтобы успеть переоснастить новые армии новым оружием для нанесения сокрушительных контрударов».

Слух: «Германская 7-я армия окружена в Нормандии».[28]

Контрслух: «Это не так, но союзникам приходится лгать из-за успешных бомбардировок Англии ракетами V-I и разногласий с русскими по поводу Польши».

Лозунг N 29 (Саксония): «Тот, кто предает Германию, сам падет жертвой большевизма».[29]

Лозунг N 32 (Саксония): «Генерал Время не оправдает надежд англичан!».[30]

Лозунг N 7 (Магдебург-Анхальт. 6 октября 1944 г.): «Положение на северном участке Восточного фронта стабильно».[31] «На южном участке Восточного фронта посланы подкрепления». «Наша истребительная авиация вновь добилась больших успехов!» «Англо-американцы не лучше большевиков!»

Лозунг N 12 (Магдебург-Анхальт): «Общественность обязательно совершит ошибку, если будет судить о военном положении в целом по ежедневным потерям территории, которые отмечаются флажками на карте», «... в конце концов победа будет за нами», «... у наших врагов одна цель: уничтожение нашей нации». «В одной деревне пьяные солдаты-негры бросили три ручных гранаты в группу играющих ребятишек». «Германский фольксштурм – это великая демонстрация вооруженного единства всей нации!» «Лучше быть мертвым, чем рабом!» (Вариация в DW: «Я лучше умру, но не буду рабом и не увижу Германию порабощенной – никогда!») «Добровольцы, вперед! В фольксштурм за честь, свободу и хлеб!»

Лозунги в Данциге 10 октября 1944 года: («Только для личной и устной информации!») «Америка – страна проституции и несправедливости».

Лозунг N 12 (начальник штаба пропаганды, 22 октября 1944 года): «С предателями будет покончено. В трех городах близ Аахена, оккупированных англо-американскими войсками, сознательные немецкие товарищи ликвидировали свиней, которые пришли в услужение к американцам...»[32]

Эта форма пропаганды особенно прижилась в Вене. Осенью 1944 года местная организация НСДАП под руководством Эдварда Фрауэнфельда решила начать кампанию в прессе против слухов. Их лозунгом было: «Враг говорит здесь!» Статьи под этим заголовком, мало чем отличавшиеся друг от друга, появились в венском издании «Фёлькишр Беобахтер», «Нойес Винер Тагеблатт» и «Винер Нойесте Нахрихтен» в период с 4 октября по 1 декабря.[33] Местные власти утверждали, что эта газетная кампания была чрезвычайно успешной. Шефер, из министерства пропаганды, не

был в этом уверен, поскольку статьи распространяли те слухи, которые они опровергали. Нацистские кампании по борьбе с вражеской пропагандой, как правило, использовали метод создания контрслухов; открытое признание слухов и их разоблачение в средствах массовой информации привело бы к распространению подрывной пропаганды врага. По этой причине 12 декабря Шефер приказал Вене прекратить кампанию, порекомендовать начальнику местного управления пропаганды противодействовать слухам с помощью других слухов.[34] Такая бюрократическая неразбериха и путаница создавала помехи в согласованном проведении пропагандистских кампаний и послужила причиной того, что Науман потребовал представлять ему на одобрение планы всех мероприятий по распространению контрслухов.

Бюллетень «Пропагандист» опубликовал список наиболее распространенных в народе слухов, с рекомендациями, как нейтрализовать эти потенциальные источники волнений. «Пропагандист» потребовал от сотрудников различных ведомств, занимавшихся проблемами пропаганды, немедленно обратить внимание на вражеские листовки и радиопередачи, которые распространяли будоражащие, ложные слухи среди населения, такие, как «фюрер в опасности». Слухи этого рода были направлены против германского единства, на подавление воли немцев к борьбе, потому что, как констатировалось: наши враги надеются вызвать крах морального духа германского народа так, как им удалось это сделать двадцать пять лет назад».[35]

Реакция народа на радиопропаганду в течение последних двух лет войны стала исключительно отрицательной, и об этом знали как Фриче, так и Геббельс. Национал-социалистическая пресса тоже пользовалась малым доверием у немцев. Успеха она достигла разве что в нагнетании страха перед большевистским вторжением. Впрочем, это отражалось и в том, что Геббельс тратил на нее относительно мало энергии и времени, особенно после 1941 года. Прессой он пользовался лишь для каких-то конкретных целей; так, например, он вел свою колонку в газете «Дас Райх», но его главные интересы были сосредоточены на других средствах

массовой информации. Народ больше привлекала продукция германской киноиндустрии, и это оправдывало огромные затраты финансовых средств и сил пропагандистов. В течение первых четырех лет войны люди валом валили в кинотеатры, посещаемость которых достигла рекордного уровня. Некоторые нуждались во вдохновении или в повышении своего образовательного и интеллектуального уровня, другие искали забытья от повседневных забот и лишений или просто хотели поразвлечься. Но каковы бы ни были их мотивы, немцы правильно (с точки зрения национал-социалистов) воспринимали многие фильмы, и это обстоятельство резко выделяло по значимости кинопромышленность из всех остальных средств массовой пропаганды и агитации. На последнем году войны посещаемость кино резко упала. Причинами тому стали разрушение многих кинотеатров в ходе воздушных налетов союзной авиации и технические проблемы, как-то: дефицит пленки, нехватка запчастей к киноаппаратам и т.д.

Программы по выпуску кинофильмов, разработанные НСДАП, продолжали неуклонно выполняться с самого прихода нацистов к власти вплоть до осени 1944 года.

В 1935 году отдел НСДАП, ведавший кинематографом, пожелал распространить кинопропаганду на сельскую местность и с этой целью обзавелся 350 передвижными киноустановками, в дополнение к традиционным стационарным. В том году на сеансах кинопередвижек побывало от 20 до 30 миллионов зрителей, что составляло в отношении к общему количеству кинопосещений в рейхе от 6% до 9%. К 1937 году эта цифра выросла до 37 миллионов посещений. Позже, в 1938 году, управление кинопроката гау Мюнхен сообщило, что за год им было проведено почти 4000 киносеансов, на которых присутствовало 870000 зрителей. Партийные пропагандисты в своей деятельности в данной области пропаганды исходили из установки «чем больше, тем лучше», и поэтому прилагали все усилия к улучшению этих показателей. К январю 1941 года RPL похвастало, что каждый месяц им проводилось не менее 45000 киновечеров. Отдел кинематографа НСДАП по своей линии также организовал показ

как партийных лент, так и фильмов общего содержания, причем по большей части вход на эти сеансы был бесплатным или же плата составляла чисто символическую сумму. Управление пропаганды гау Байрейт отметило, что в 1940 году за счет местной партийной организации было показано 11000 кинокартин, а количество кинопосещений перевалило за 2 миллиона. Это представляло 60-процентное увеличение по сравнению с показателями 1939 года. Количество посещений было на 600000 больше, чем в предыдущем году.

Партийный отдел кинематографа, координировавший эту работу в масштабах всего рейха, констатировал, что в 1940 году НСДАП провело около 243000 киносеансов, на которых побывало почти 50 миллионов зрителей. Скорее всего, эти цифры были дутыми, так как пропагандисты сознательно преувеличивали их. Часто эти показатели отличались противоречивостью, и партийные функционеры не трудились объяснять разницу между количеством кинопосещений и кинозрителей. Один завсегдатай мог посещать «партийные киновечера» много раз в течение данного отчетного года, а они предпочитали засчитывать каждое его или ее посещение как приход нового зрителя.

К 1940 году в распоряжении НСДАП находилось свыше 800 кинопередвижек. Правда, позже часть их пришлось отдать в учебные центры, где готовились кадры для рот пропаганды вермахта.[36] Несмотря на внушительную статистику, необходимо иметь в виду, что в целом посещаемость партийных киносеансов не превышала 10& общей посещаемости кинотеатров рейха.

Во многих районах партия рассчитывала на обязательную, чуть ли не 100% аудиторию кинозрителей. Члены партии и партийные функционеры должны были безусловно являться на просмотр идеологических кинолент, а в сельской местности у жителей просто не было иной альтернативы. К 1941 году большая часть партийных кинодемонстраций была предназначена либо для крестьян, либо для личного состава частей вермахта, расквартированных в рейхе или на оккупированных территориях. По данным отдела кинематографии НСДАП, посещаемость киносеансов в

сельской местности достигла 55,6 миллионов, а киносеансы для вермахта дали еще 31,5 миллиона посещений. Военные трудности начали сказываться на кинематографической деятельности НСДАП с конца 1942 года. Хвастливая статистика исчезла, сменившись жалобами раздраженного населения, типа той, что была отражена в рапорте сотрудника СД из Билефельда. Люди там ворчали, что управление кинопроката гау никак не могло наладить нормальную работу кинопередвижек. В лучшем случае киносеансы устраивались раз в месяц. Киноэкраны совсем истрепались, и качество проекции оставляло желать лучшего. Из-за отсутствия кинозалов фильмы чаще демонстрировались в плохо приспособленных помещениях, в церквях и даже в хлевах и амбарах. Сидения представляли собой неказистые, грубо сколоченные деревянные скамейки, и знаменитые фильмы, такие, например, как «Папаша Крюгер» или «Я обвиняю» зрителям приходилось смотреть в весьма «экзотической» обстановке: рядом со стойлами для коров, загонами для свиней и кучами конского навоза, от которых исходил «бесподобный» аромат.[37] Разумеется, все это мало способствовало пробуждению чувств, на которые были рассчитаны эпохальные, с точки зрения нацистов, фильмы.

Главное управление пропаганды тесно сотрудничало с гитлерюгендом и другими молодежными партийными организациями. плодом такого сотрудничества явились «Молодежные кинофестивали», первый из которых проведен в 1934 году. Молодежь была одним из самых главных и перспективных объектов нацистской пропаганды. Кроме того, еще раз следует обратить внимание на то, что партия сыграла главную роль в приобщении к нацистскому кинематографу жителей небольших городов, где не было постоянных кинотеатров. Тогда в Германии, как и в большинстве стран мира, большие кинотеатры были расположены в крупных городах. Здесь партия выступила в роли носителя культуры и политики «широким массам». До 1933 года успехом в этой области партия была обязана ловкой политике Геббельса и других пропагандистов, которые представляли все дело как наведение мостов между

резко отличающимися друг от друга социальными слоями «арийского» населения Германии, а также сближением различных местностей, каждая из которых имела свои традиции и обычаи и даже языковые особенности. После 1933 года партийные пропагандисты еще более усилили свою работу в данном направлении. В 1934-35 годах молодежные кинофестивали собрали в общей сложности около 300000 зрителей. Годом позже эта цифра выросла до миллиона. К 1939 году кинозрителей из этой возрастной группы населения уже было до 3 миллионов, а к 1940 году этот показатель достиг трех с половиной миллионов. В 1941 году было зарегистрировано 5,5 миллионов кинопосещений; в следующем году был установлен рекорд в 11,2 миллиона посещений.

К 1942-43 годам почти половина кинофестивалей проходила в деревнях и мелких городишках, где отсутствовали стационарные киноустановки. Партия потребовала, чтобы учителя и другие категории лиц, занятых в организациях гитлерюгенда, обязательно посещали эти мероприятия. Геббельс расширил сферу действия молодежных кинофестивалей, отдав распоряжение о том, чтобы для их проведения предоставлялись помещения крупных кинотеатров один или два раза в месяц, по воскресным утрам. Выбор времени был не случайным. Кинотеатры в этот период дня обычно пустовали и вдобавок всякий, кто пошел бы на такой фестиваль, вряд ли поспел бы в церковь к началу воскресной проповеди, что было немаловажно, ибо нацисты настороженно относились к религии вообще.

Геббельс превратил воскресные утренние кинопросмотры в торжественный праздник национал-социалистического кинематографа. Как всегда, он не упустил случая похвастаться тем, что осенью 1941 года на одном воскресном кинопросмотре присутствовало около 900000 юношей и девушек. «Третий рейх» стремился к установлению тоталитарного контроля над всеми сферами духовной жизни молодежи, и главные надежды в этой области связывались с кинематографом. Изменившийся ход войны помешал доведению этих планов до конца. Лучше всего о них сказал один из руководителей молодежного нацистского

движения Аксман в 1942 году: «Разве не являются такие фильмы, как «Великий король» или «Отставка», лучшим методом воспитания молодежи на конкретном примере?»[38]

Огромный интерес германского народа к кинематографу был основным источником могущества Геббельса. Статистика дает некоторое представление о его успехе:

Количество посещений		*Доход в рейхсмарках*
1932-1933	*238 миллионов*	*176 миллионов*
1934-1935	*280 миллионов*	*205 миллионов*
1935-1936	*317 миллионов*	*237 миллионов*

Особую гордость нацистские кинематографисты испытывали от статистики, показывавшей, что им удалось достигнуть народной глубинки («широких народных масс», как они любили выражаться), сделав кино доступным для людей, которые были лишены его в дни Веймарской республики. До войны количество кинопосещений ежегодно возрастало на 17% в крупных городах и на 33% в маленьких городках и сельской местности.

Война не привела к уменьшению посещаемости киносеансов, по крайней мере, пока она не вступила в последнюю стадию. Наоборот, люди стремились попасть в кинотеатры как никогда раньше:

Количество посещений в миллионах		*Доход в рейхсмарках*
1939	*623,7 млн*	*477 млн*
1940	*834 млн*	*650 млн*
1941	*892 млн*	*726 млн*
1942	*1065 млн*	*896 млн*
1943	*1129 млн*	*971 млн*

В одном из выступлений периода, когда германские средства массовой информации и пропаганды переживали свой бум, Геббельс хвастливо заявил, что от успеха кинематографистов не отстают и другие подведомственные ему отрасли, что подтверждается соответствующими цифрами. В 1941 году было напечатано на сто миллионов экземпля-

ров книг и брошюр больше, чем в предыдущем году, причем 20000 произведений были изданы впервые. Геббельс необыкновенно гордился этой статистикой и приказал своим подчиненным Гуттереру и Гипплеру почаще приводить ее в их выступлениях по радио и в печати. Эти цифры должен знать весь рейх.[39]

Конфиденциальная статистика, подготовленная германским обществом кинопроката в конце 1942 года, оказывает неоценимую услугу при изучении периода расцвета германского кинематографа во время войны. Он же является прелюдией к упадку. К лету 1942 года в Великой Германии существовало 7043 кинотеатра, по сравнению с 5446 в 1938. Увеличение количества кинотеатров произошло в основном за счет аннексий новых территорий после марта 1938 года, хотя цифры объективно свидетельствуют и о том, что за первые годы войны были открыты 200 новых кинотеатров. В Берлине находилось 400 кинотеатров, почти в четыре раза больше, чем имелось у его ближайшего конкурента, Гамбурга. В среднем германском гау насчитывалось около 2 миллионов жителей и обеспеченность кинотеатрами составляла одно заведение на 12000 человек. В этом отношении, Берлин вовсе не обладал таким уж неоспоримым преимуществом. Там приходилось по одному кинотеатру на каждые 10000 жителей. В других германских городах с населением свыше 50000 человек на каждый кинотеатр в августе 1942 года в среднем приходилось больше жителей, чем в Берлине. Однако эти данные могут ввести в заблуждение. В расчете на квадратную милю Берлин располагал наибольшим количеством кинотеатров в рейхе. Количество же демонстрировавшихся лент было по ассортименту ограниченным. Это означало, что близость кинотеатров друг к другу являлась фактором, объективно способствовавшим уменьшению посещаемости, особенно если учесть то обстоятельство, что во многих заведениях показывали одну и ту же кинокартину. Зрителям же где-нибудь в Гальберштадте или Шверине приходилось втискиваться в свои три кинотеатра и смотреть все, что показывали.[40] В Большом Берлине и Потсдаме находилось только 6,5 процента действовавших в тот период

кинотеатров, но количество кинопосещений в августе 1942 года составляло 9,5 процента от всей кинозрительской аудитории Германии, что принесло доход, составивший 10,1 процента всего дохода от продажи билетов в кинотеатрах Германии. Как это могло получиться, если на берлинские кинотеатры падала меньшая посещаемость, нежели по всей Германии? Очевидное, казалось бы, противоречие легко объясняется, если сравнить Большой Берлин с сельскими районами или малыми городами. В таких областях, как Померания, Восточный Бранденбург и Каринтия, существовало довольно много кинотеатров, но все они были маленькими и находились вне районов с большой плотностью населения. Они привлекали куда меньше зрителей, чем можно было предположить. К тому же жившее там население располагало более скромным достатком, чем обитатели Большого Берлина или Гамбурга, и для них потратить деньги на билет в кино в большинстве случаев означало выбросить их на ветер.

Берлин был венцом кинематографической структуры, созданной Геббельсом, административным, финансовым и престижным центром германского мира кино. Если бы он рухнул под ударами союзной авиации, германской кинопромышленности надолго пришлось бы оставить свои доминирующие позиции на европейском и мировом кинорынках. Ей пришлось бы бороться за выживание.

В ноябре 1942 года сотрудники германского общества кинопроката представляли свои «строго конфиденциальные» статистические данные за август. Геббельс ознакомился с ними, не скрывая огромного удовольствия. Гордость распирала его по швам. С июня по август 1941 года в германских кинотеатрах было зарегистрировано 214,6 миллионов посещений, что принесло доход общей суммой в 163,4 миллиона рейхсмарок. За этот же период годом позже эти цифры уже соответственно увеличились до 254,8 миллионов посещений и 202,5 миллионов рейхсмарок. Даже если учесть то, что в списке за 1942 года значатся кинотеатры на новых территориях, которых в 1941 году не было в составе рейха, все равно эти данные дают повод для удовлетворения, поскольку посещаемость возросла на 15,8

процентов, а доход на 21,4 процента. В эти радостные реляции вкралась одна тревожная, зловещая нотка, но статистики предпочли не заострять на ней внимание, чтобы не смазать великолепную картину в целом. А неприятная деталь заключалась в том, что почти 300 кинотеатров, 4% от общего количества, перестали функционировать «по обстоятельствам, связанным с военными действиями». Это означало, что от них остались груды развалин, либо их кинопроекторы совершенно обветшали, а новых не было. Иногда причиной простаивания кинотеатра было отсутствие киномеханика, отправленного на фронт.[41]

Ни один доклад, написанный в 1943 или 1944 годах, уже не мог игнорировать «обстоятельства, связанные с военными действиями». Начиная с 1943 года в министерстве пропаганды и других высших правительственных инстанций постоянно дебатировался вопрос о выплате компенсаций владельцам кинотеатров, разрушенных воздушными налетами, чтобы они смогли восстановить их.[42] Большая часть германских кинотеатров принадлежала восьмидесяти различным кинокомпаниям, театральным объединениям и киносети УФА. Такая централизация значительно облегчила бы реконструкцию пострадавших зданий, но проигранная война в воздухе придала всем этим дискуссиям чисто теоретический характер. Не было смысла восстанавливать кинотеатр, если назавтра его могли разбомбить снова. Признаки упадка появлялись повсюду. В июле 1943 года продажа билетов на киносеансы в городах с насселением свыше 50000 человек составила 54% от общего количества мест; годом позже эта цифра упала до 47%. Посещаемость больших городских кинотеатров, этого хребта германской кинопромышленности, сократилась до катастрофически низкого уровня в течение второго полугодия 1944 года. Даже города Южной Германии, до весны 1944 года не знавшие ужаса воздушной войны, теперь понесли значительный ущерб от частых налетов англо-американской авиации. К июлю 1944 года посещаемость кинотеатров начала падать все белее ускоряющимися темпами, уменьшившись лишь за июнь на 5 миллионов кинопосещений.[43]

Данные о посещаемости и доходах германских кинотеатров по городам за август 1942. Статистика подготовлена Германским обществом кинопроката. В список включены города с населением не менее 50000 человек.

Города	*Количество кинотеатров*	*Количество проданных билетов*	*Доход в рейхсмарках*
Берлин	*400*	*7278383*	*6653226.51*
Потсдам	*7*	*164868*	*153545.30*
Кенигсберг	*21*	*540876*	*538957.65*
Данциг	*22*	*323442*	*324899.35*
Бромберг	*4*	*116123*	*111318.30*
Белосток	*2*	*31681*	*24755.50*
Тильзит	*3*	*116030*	*101933.45*
Торупь	*5*	*68715*	*56216.35*
Грауденц	*3*	*42784*	*34656.40*
Алленштейн	*4*	*109715*	*111394.10*
Эльбин	*5*	*123904*	*127188.10*
Готтенхафен	*3*	*87552*	*85706.10*
Гродно	*2*	*20485*	*18366.20*
Лицманштадт	*13*	*283000*	*224771.70*
Познань	*7*	*197118*	*165812.75*
Леслау	*1*	*17515*	*13832.35*
Калиш	*2*	*37675*	*29921.50*
Штеттин	*27*	*489643*	*403764.85*
Франкфурт на Одере	*5*	*149147*	*131480.70*
Коттбус	*3*	*78601*	*69057.95*
Штальзунд	*3*	*85643*	*88511.75*
Штольп	*2*	*80725*	*86638.30*
Магдебург	*30*	*724004*	*550340.30*
Дессау	*7*	*178107*	*183983.65*
Брандебург	*4*	*144044*	*132477.95*
Гельберштадт	*3*	*93937*	*81506.45*
Гамбург	*117*	*2825187*	*2358643*
Киль	*17*	*477201*	*393012.90*
Любек	*12*	*183714*	*163851.70*

Росток	*7*	*188406*	*183189*
Фленсбург5		*119855*	*102299*
Шверин	3	107226	121669.30
Ноймюнстер	4	92996	80802.85
Ганновер	30	701937	646838.45
Бремен	27	497683	433739.35
Брауншвейг	8	287687	278169.20
Вильгельм-схафен	4	137978	106815
Везермюнде	8	157012	132774.20
Оснабрюк	5	85819	85450.90
Ольденсбург	5	102027	90186.39
Гильдесхейм	3	102019	93362.50
Геттинген	3	99208	107326.85
Итого 42 города	*846*	*17749672*	*15887394.10*

Какими далекими казались замечательные дни августа 1942 теперь, в июне 1944, после того, как министерство пропаганды подвело итог всему ущербу! 500 кинотеатров были стерты с лица земли в результате массированных атак с воздуха. «Многие другие» пострадали в той или иной степени. Авиация союзников совершала налеты в основном на густонаселенные районы. Именно там и находились самые большие кинотеатры рейха. УФА потеряла свои наиболее престижные берлинские кинотеатры, среди которых были УФА-Паласт, Глория-Паласт и Капитолий. В некоторых центрах гау разрушенными оказались все кинотеатры.

Геббельс вместе со своими сотрудниками предпринял все возможные усилия для восстановления хотя бы части выведенных из строя кинотеатров. С июня 1943 года по июнь 1944 года были реконструированы или находились с стадии реконструкции 174 кинотеатра только в одном Берлине. По всему рейху власти импровизировали, устраивая кинотеатры где придется, начиная от обычных театров и кончая комнатами отдыха для рабочих на предприятиях.[44] Решение, принятое Геббельсом в 1942 году и полностью вписавшееся в его доктрину «тотальной войны», теперь больно ударило по нему самому. В целях сосредоточения

всей возможной рабочей силы и ресурсов в промышленности, производившей вооружение, Геббельс приказал прекратить производство кинопроекторов. И хотя 70% кинопроекторов уцелело после того, как кинотеатры, где они находились, превратились в руины, после 1942 года стало ясно, что без импорта киноаппаратуры Германия обойтись не сможет. Однако к 1944 году импортные возможности рейха резко истощились, вдобавок к этому, после лета того года в Германии почти не осталось сколько-нибудь эффективной противовоздушной обороны. Эти факторы привели к тому, что к концу войны в строю действующих кинотеатров сохранились лишь 35% от их первоначального количества.[45] Но даже уцелевшие кинотеатры использовались не на полную мощность: чаще всего из-за нехватки технического персонала и лент. По причине катастрофического положения на фронтах и поврежденных коммуникаций они простаивали. За несколько недель до самоубийства Геббельса на редких киноэкранах появился последний короткий выпуск DW, но у населения появились к этому времени иные тревоги и заботы, и ему некогда было искать среди развалин уцелевший кинотеатр.

Решение продолжить выпуск хроникально-документальных лент почти до самого конца рейха основывалось на той без преувеличения важной роли, которую они сыграли в первые два года войны. К 1944 году DW приобрела какую-то нереальную, символическую ауру. Ее музыка и патетический настрой выражали героическое отчаяние национал-социализма. Геббельсу и его приспешникам эта кинохроника напоминала дни прежней славы. Они по-прежнему использовали при съемках и монтаже выпусков DW все испытанные технические и символические приемы, хотя теперь продолжительность лент стала гораздо короче, чем в лучшие дни. По мнению Геббельса, кинохроника являлась свидетельством единства фронта и тыла.[46] В 1940 году она прославляла величие Германии через победу, а теперь создавала миф о героическом сопротивлении и презрении к смерти. В 1940 году DW разговаривала с немецким народом. В 1945 она стала заветом веры и воли Геббельса и нацистского руководства.

Самые первые выпуски DW, похоже, не произвели особого впечатления на зрителей. Отовсюду поступали жалобы на то, что кинохроника часто отражала события большой давности и, потеряв, таким образом, актуальность, не представляла никакого интереса, кроме, разве что, исторического. Разрыв между действительностью и временем появления DW на экране кинотеатров иногда достигал двух месяцев. Выпуски кинохроники, посвященные победе над Польшей, оказали на зрителей гораздо менее эффективное воздействие, нежели появившиеся позднее документальные фильмы на ту же тему – «Польский поход» и «Крещение огнем», в которых был использован материал партийной канцелярии, не попавший в DW. Позднее режиссеры, выпускавшие кинохронику, сумели перестроить свою работу, и следующие выпуски DW, пришедшиеся на весну и лето 1940 года, пик кампании вермахта на Западе – великие победы в Скандинавии и Франции, вызвали небывалый рост интереса публики к документальному кино как к таковому. Однако Геббельс не удовольствовался этим успехом и решил не пускать дело на самотек. Он приказал Фриче проследить за тем, чтобы в печати были опубликованы восторженные отзывы кинозрителей на последние выпуски DW.[47] Самому же министру нужна была объективная информация о реакции зрительской аудитории. Где он мог найти материал подобного рода? Уж конечно не в прессе, которая угодливо печатала лишь то, что он хотел видеть напечатанным. Поэтому Геббельс поручил Гуттереру затребовать нужную информацию от всех начальников областных управлений пропаганды.[48]

Интерес публики к DW достиг апогея в период между маем 1940 года и августом 1941 года, время, связанное с неслыханным триумфом германского оружия. В 1940 году немецкие зрители буквально цепенели от восторга во время просмотра удлиненного «специального выпуска» DW, который изображал грандиозную, захватывающую дух панораму «Полной победы вермахта на Западе». У большинства немцев эта победа вызвала энтузиазм, в основном потому, что они считали ее прелюдией к миру. Но когда мир так и не наступил, а победа над Британией оставалась недосяга-

емой мечтой, пришло время горького похмелья и, вместе с ним, разочарования и потери интереса к кинохронике. В ноябре в докладах СД отмечалось, что за последние несколько недель интерес населения к DW начал падать. Зрители жаловались на излишнюю удлиненность хроники. Они оживлялись, лишь когда на экране появлялся Гитлер, те, кто сидел сзади, сразу начинали спрашивать у соседей в передних рядах: «Он был серьезен или улыбался?». Их очень огорчало то, что невозможно было расслышать его голос. Эта жалоба возникала на протяжении всей войны. Зрители, проживавшие в местности, где «победные» выпуски кинохроники ранее не показывались, теперь смотрели их с большим энтузиазмом. Кое-где эти старые ленты пользовались несравненно большей популярностью, чем свежие выпуски DW.[49]

После вторжения в СССР произошел новый взлет интереса к DW. Благожелательную реакцию у зрителей вызывали сцены, где плечом к плечу с вермахтом в походе на большевиков принимали участие и добровольцы из других стран Европы. Скептики, правда, высказывали сомнение, появятся ли эти части, бодро маршировавшие перед объективами кинокамеры, на фронте. Наибольшей симпатией у публики пользовалась финская армия. Огромное впечатление на некоторые социальные слои населения произвели сюжеты с многотысячными, растянувшимися на многие километры колоннами советских военнопленных и «доказательствами» зверств большевиков. Особый упор операторы DW делали на показ пленных, внешность которых соответствовала представлениям оболваненных германских кинозрителей о «недочеловеках с биологически заложенными в них преступными наклонностями». Они также ярко живописали «жестокие расправы», учиненные над латышскими националистами «еврейско-большевистскими комиссарами и садистами из НКВД». В июне 1941 года некоторые немцы выразили тревогу в связи с ситуацией в Северной Африке. Означало ли отсутствие в последних выпусках DW всяких известий с этого фронта, что наступление сил «оси» в Африке выдохлось? В августе отношение зрителей стало заметно меняться. Поползли неприятные

слухи о мощном сопротивлении, которое оказывали на Восточном фронте советские войска. Многие люди теперь с неодобрением отзывались о демонстрациях на экране «большевистских зверств», утверждая, что они могут подать дурной, заразительный пример детям и подросткам, которые смотрели DW в кинотеатрах, наравне со взрослыми.[50] Однако истинная причина недовольства публики заключалась в том, что Советский Союз все-таки устоял на ногах, несмотря на тяжелые территориальные и людские потери первых месяцев войны, и сцены «диких расправ большевиков с пленными националистами в Латвии» лишь усугубляли беспокойство немцев. Если нации придется вести долгую наступательную войну, то показ таких сцен будет способствовать деморализации населения, которое будет испытывать серьезные опасения за судьбу своих родных на фронте. Геббельс быстро уловил эту взаимосвязь, и подобные сцены вскоре исчезли из из последующих выпусков кинохроники и появились лишь много позднее, в конце 1944 года и особенно в 1945 году, когда Германия вела оборонительную войну. Теперь страх, возбуждавшийся у немецких обывателей этими «большевистскими вакханалиями», играл положительную роль и был одним из факторов «тотальной войны». Кампания страха пред большевиками, начатая Геббельсом в феврале 1943 года, разрослась во всю ширь на финише войны, в 1945 году.

В первые месяцы русской кампании многие немцы черпали уверенность и бодрость духа у фюрера. Они видели его то в кабине самолета, летящего над Минском, и при этом искренне беспокоились за его жизнь («Просто уму непостижимо, что могло бы произойти, если бы с фюрером случилось несчастье, когда он был на фронте!»), то в штабе, где он совещался с фельдмаршалом Гердом фон Рунштедтом. Аплодисментами и восторженными возгласами встречали зрители и кадры, демонстрировавшие участие в операциях против Красной Армии армий стран-сателлитов. Успехом пользовалась кинохроника, посвященная осаде Одессы румынскими войсками и действиям итальянского контингента на отведенном ему участке Восточного фронта. Вместе с тем, способность итальянских дивизий внести

какой-либо существенный вклад в общие военные усилия вызвала у многих немцев сильные сомнения. В начале октября уже начала вырисовываться мрачная перспектива затяжной войны. Но тут зазвучали фанфары и ударили литавры – германским войскам удалось осуществить операцию по окружению сразу нескольких советских армий в районе Киева.[51] И немецкое население в большинстве своем вновь поддалось вспыхнувшим в этой связи иллюзиям и поверило в скорую окончательную победу. Вскоре после этого Гитлер торжественно возвестил, что с Красной Армией покончено навсегда и исход кампании на востоке предрешен. Взволнованные немцы, опасавшиеся войны в условиях знаменитой русской зимы и чувствовавшие, что их войска к этому не готовы, жадно всматривались в кадры DW, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, которая подтверждала бы правоту фюрера.

Общий кризис недоверия к средствам массовой информации и пропаганды начал развиваться вскоре после заявления Гитлера о «решении на Востоке» (октябрь 1941 года). К январю 1942 года германские войска были отброшены мощным контрнаступлением Красной Армии на сотни километров. Каждый день погибали или замерзали насмерть тысячи германских военнослужащих. Геббельс полагал, что немецкая публика не готова к восприятию откровенных рассказов о поражении под Москвой в прессе, радио и в кинохронике. Подзадоренные соскучившимися по правдивой информации слушателями солдаты, находившиеся на излечении или в отпуске в Германии, приукрашивали свои повествования о «русском аде» такими сочными подробностями, что волосы вставали дыбом. Шок, хотя и временный, от разгрома немецких войск, которые находились, казалось, на расстоянии вытянутой руки от Кремля, настолько контрастировал с прежними хвастливыми заверениями средств массовой информации, что многие немцы начисто отвергли прессу, радио и DW. Люди смотрели кинохронику, показывавшую, как на Восточный фронт устремился поток меховых шапок и шинелей, качали головой и говорили: «Это не правда, наши солдаты замерзают. Их кормят кониной».[52] В марте негативная реакция насе-

ления начала смягчаться, на что в немалой степени повлияли стабилизация линии фронта и ожидание крупного весеннего наступления. Следует отметить, что молодежь реагировала на зимние неудачи вермахта более сдержанно, чем старшее поколение.

Интерес к DW возродился, но на более низком уровне, чем, скажем, в июне 1940 года или в июле 1941. И уж тем более не возродились вместе с ним доверие и надежды немецкого населения. В конечной стадии битвы за Сталинград (19 ноября 1942 – 2 февраля 1943) Геббельс и кинорежиссеры, выпускавшие DW, допустили грубый просчет. Германское общественное мнение было совершенно не подготовлено к известию о том, что 6-я армия попала в окружение. Операции советских войск по прорыву немецкого фронта и блокированию группировки Паулюса начались 19 ноября и закончились 22 ноября. Прежние победные коммюнике вермахта и высказывание по этому поводу самого Гитлера («Город наш!») явились основанием, на котором зиждилась уверенность подавляющего большинства населения рейха в успешном исходе величайшей битвы за «город на Волге». Перед началом демонстрации художественных фильмов зрителям обычно показывался октябрьский выпуск DW, содержавший подготовленный партийной канцелярией киноотчет о боях в Сталинграде. Когда положение 6-й армии стало совсем отчаянным, кинохроника взяла курс на замалчивание событий и некоторое время информация о Сталинграде совсем не появлялась на киноэкранах рейха. Геббельс опасался развития пораженческих тенденций в обществе, если бы ему пришлось узнать правду в полном объеме. Позже он прибегнет к другим средствам массовой информации, чтобы обратить внимание нации на сталинградскую катастрофу, но не к DW, поскольку кинохроника воздействовала прежде всего на эмоции людей, а не на разум, и могла разжечь страсти в нежелательном направлении. В докладе СД от 4 февраля 1943 года можно найти поразительное предложение, подтверждающее эту интерпретацию роли немецкой кинохроники в нацистской пропаганде: «Впечатление, получаемое зрителем от кадров DW, противоречит утверждениям газет и

радио о том, что мы одерживаем победы на всех фронтах».[53] Еще одним аспектом разочарования был отказ людей стоять в очереди за билетами на неинтересные кинофильмы. Их интересовали лишь выпуски DW, где они тщетно надеялись увидеть, что же на самом деле происходило на Восточном фронте. Похожее явление наблюдалось в 1940 и 1941 годах.

Однако привлекательность DW так и не достигла уровня прежних дней, хотя иногда и случались пробуждения кинозрительского интереса, о чем можно судить по документам СД. Люди больше не интересовались великолепными, с технической точки зрения, съемками увлекательных боевых эпизодов, которые проводили операторы партийной канцелярии. Они хотели иметь представление о положении дел на всем фронте, и кадры, запечатлевшие частные тактические успехи германских войск на узких второстепенных участках фронта, не могли ввести их в заблуждение. DW, однако, избегало давать какую-либо стратегическую информацию, поскольку линия фронта все более сжималась и приближалась к границам рейха. Геббельс старался и это обстоятельство обратить себе на пользу, но все же он дал указание пока не использовать в пропаганде карты или военную кинохронику, тормозя тем самым процесс формирования в сознании среднего немца объективной картины происходящих событий. Заснятая на пленку операторами DW его речь в Шпортпаласте, посвященная «тотальной войне», произвела на зрителей благоприятное впечатление, но разочарование конкретными результатами «тотальной войны» породило массу негативных откликов на неадекватное освещение кинохроникой событий на домашнем фронте. Сцены, изображавшие рабочих, усердным трудом вносящих ценный вклад в дело «тотальной войны», вызывали в зале смешки и саркастические замечания: все знали, что тотальная мобилизация в действительности была мифом, фикцией. Рассказы солдат-отпускников еще больше подрывали доверие к постсталинградским выпускам DW, так как солдаты вслух высмеивали хвастливую ложь и отпускали язвительные колкости, когда голос комментатора за кадром объяснял, что все отступления немецких войск

проходили в строгом соответствии с ранее намеченным планом и имели своей целью выравнивание линии фронта. Но с другой стороны, в народе все еще сохранялось желание обрести уверенность в себе, которое вселяли в него с экранов образы фюрера и героев войны типа Роммеля. Наряду с этим все больше распространялись цинизм и скепсис. О DW все чаще презрительно отзывались, как о сказке.[54]

Весьма показательный случай произошел в Вене в марте 1943 года. Аудитории предстояло посмотреть свежий выпуск DW, который еще никто не видел, однако по окончании демонстрации художественного фильма кинозал покинуло около 40% зрителей, не желавших зря терять время. В Катовице, где произошел аналогичный инцидент, этот показатель составил 20%. Кинохронике так и не удалось восстановить свой пошатнувшийся престиж, хотя технический уровень съемок оставался на высоком уровне. Да и кого могли они привлекать на последнем году войны? Разве только убежденных национал-социалистов, до сих пор испытывавших трепет и экзальтацию при звуках героической музыки и появлении на экране обожествляемых ими нацистских вождей, призывавших бороться до последней капли крови и не щадить своей жизни в борьбе против большевизма и плутократии. Как метко подметил один проницательный наблюдатель в конце 1944 года: «Все еще существует предостаточно людей, верящих в неизбежность победы и считающих, что мы не должны замедлять темпы, когда осталось пройти последние метры дистанции».[55] В течение последних месяцев Геббельс усилил кампанию го разоблачению зверств большевиков, однако с трудом верится, чтобы те, кому удалось выжить после двухдневных налетов союзной авиации на Дрезден в феврале 1945 года, превративших весь город в бушующее море огня, почувствовали облегчение от того, что это совершили союзники, а не большевики. Как могли реагировать зрители на демонстрацию ужаса и паники, охвативших Финляндию при известии о наступлении красных, если они сами были свидетелями массового бегства немцев из Восточной Пруссии, которое происходило в последние месяцы 1944 года?

Немецкая пропаганда этого периода главные свои усилия посвятила тому, чтобы вызвать у немцев чувство мстительного злорадства: да, рейх находится в отчаянном положении, но и у союзников дела обстоят не лучше. Британия теряет свою империю, в Америке нарастают социальные волнения, а Советский Союз — это сплошной ад для трудящихся. Но среднему немцу до всего этого не было дела. Его занимали более насущные проблемы выживания. Нацистская же элита на этом строила политику сопротивления во что бы то ни стало. «Мы никогда не капитулируем», — визжали в истерике по всему миру Геббельс и его подручные, стараясь особенно подчеркнуть тот факт, что, по их мнению, в этой войне не было победителей. Этот садистский нигилизм отражал их полное безразличие к дальнейшей судьбе германской нации. Геббельс ставил себе в заслугу организацию сопротивления, которое оказывали продвижению противника немецкие войска и население, но в то же время он говорил, что будет презирать свой народ, если тот проиграет войну. Он выиграл эту войну для Гитлера. Неужели они не могли сделать то же самое?

Кинотеатры, забитые до отказа во время демонстрации художественных фильмов, в начале и середине войны, являлись ярким доказательством того, что продукция кинематографа «Третьего рейха» пользовалась у немцев гораздо большей популярностью, чем за все предыдущие годы. Геббельс заявил, что у немецкого кино две главные функции — «развлечение» и «духовное возрождение».[56] Этот тезис он выдвинул в одном из своих выступлений, имевшем место в последние дни Сталинградской битвы, когда возбужденное население испытывало огромную нужду и в том, и в другом. Статистика располагает интересными данными, которые относятся к изменению посещаемости в ходе войны. К сожалению, они ничего не говорят о том, как реагировала публика на «великие» темы, затрагивавшиеся в художественных фильмах, поставленных по заказу НСДАП. Какие фильмы имели успех, а какие провалились и почему? Более или менее верное представление об отношении германского населения к кинематографичес-

ким произведениям времен второй мировой войны можно получить, проанализировав доклады территориальных управлений СД и документы других государственных и партийных учреждений.

Берлинская премьера «Польского похода» встретила восторженный прием у публики. В феврале 1940 года владельцы и администраторы кинотеатров отмечали, что все билеты на сеансы этого документального фильма распродавались заранее. Зачастую наиболее впечатляющие, захватывающие сцены сопровождались бурными аплодисментами зрителей. Некоторые из них считали, что демонстрация этой ленты должна проходить в более торжественной обстановке, которая способствовала бы «серьезному осмыслению» ее содержания. Другие приходили в ярость от того, что не все присутствующие в кинозале аплодировали сцене, изображавшей разгром польского воинского эшелона. Среди берлинской аудитории были и недовольные «Польским походом», так как в этом фильме частично использовались киноматериалы, уже показанные публике в ходе предыдущих выпусков DW. Зато те, кто не смотрел кинохронику, говорили, что из всех фильмов, виденных ими с начала войны, «Польский поход» произвел на них самое яркое и неизгладимое впечатление. Естественно, что наибольшей популярностью эта лента пользовалась у немцев, которые проживали близ границы с Польшей. Гораздо более продолжительный фильм «Победа на Западе», о котором Геббельс был не очень высокого мнения, демонстрировался по всему рейху в 1941 году. Один американский корреспондент сообщал: «Грандиозный по замыслу и исполнению документальный фильм «Победа на Западе» неделями не сходит с экранов рейха, при переполненных кинозалах».[57]

Реакция на фильм «Еврей Зюсс» не менее интересна, ибо этот фильм является наиболее полным воплощением ненависти национал-социалистов к евреям как одной из форм мировоззрения. В докладах СД, в конце 1940 года, отмечалось, что фильм встретил у публики «исключительно теплый прием». Возможно даже, что не просто теплый, а горячий: некоторые учителя и пожилые люди были всерьез

озабочены, как бы эта лента не оказала отрицательное психологическое воздействие на молодое поколение, настолько мощным и бьющим наповал был заложенный в нее заряд антисемитизма. Кроме того, большой вред могла принести не только центральная антиеврейская тема, но и излишняя насыщенность фильма сценами, изображающими зло и насилие. Вполне возможно, что некоторые немцы, называя фильм «одой ненависти» и подвергая его критике на этом основании, на самом деле воспользовались этим предлогом, чтобы выразить свое неприятие пропаганды идей расовой нетерпимости. Очень сильное впечатление на публику производила сцена изнасилования, а также фрагмент зловещего прибытия евреев в Штутгарт. Фильм будоражил психику людей и пробуждал в них самые низменные чувства. Некоторые особенно экзальтированные зрители покидали берлинские кинотеатры, изрыгая проклятия и ругательства в адрес евреев: «Прогнать евреев с Курфюрстендамм! Выкинуть последние остатки этого презренного племени вон из Германии!»[58]

Когда весной 1941 года на экранах германских кинотеатров появилась кинокартина «Папаша Крюгер», в одном докладе СД говорилось, что она вызвала гораздо больший интерес, нежели любой другой фильм, демонстрировавшийся в течение последних лет, за исключением «Еврея Зюсса». «Папаша Крюгер» производил на зрителей настолько глубокое впечатление, что они, покидая кинотеатр, даже не обсуждали только что виденную DW. В Билефельде интерес к фильму продержался на высоком уровне в течение десяти дней, а затем резко упал.[59] Причиной снижения его популярности, возможно, стал слух, что он предназначен для людей с сильными нервами (может быть, имелись в виду сцены, показывавшие концентрационный лагерь?). Хотя вероятнее всего это произошло по причине недостатка, характерного и для других нацистских идеологических и исторических киноэпопей, отличавшихся пышностью постановки. Они были очень «тяжелыми» для восприятия, требовали осмысления содержания, хотя режиссура и игра актеров заслуживали всяческой похвалы. Главную проблему представляла их крайняя политизированность и злобод-

невность. Они не давали зрителю возможности отдохнуть, расслабиться. Наоборот, прошлое в них постоянно связывалось с настоящим, и это не позволяло аудитории забыть о войне и кровопролитии и погрузиться в мир иллюзий. Такие фильмы больше подходили для показа на молодежных кинофестивалях или партийным функционерам, хотя и среди обычной публики они находили поклонников. Люди говорили о них с уважением, но без энтузиазма. Демонстрациям «Папаши Крюгера» обычно предшествовали мощные подготовительные рекламные кампании. Премьера этой ленты вызывала неизменный интерес, и билеты на нее, как правило, бывали полностью распроданы, но через неделю-полторы посещаемость этих киносеансов резко шла на убыль. Однако в одном из докладов СД отмечалось, что «сообщения из различных районов рейха в целом подтверждают, что положительная реакция на этот фильм со стороны всех слоёв населения далеко превзошла все самые высокие ожидания, какие только могла возбудить рекламная кампания в прессе. По отзывам многих кинокритиков и зрителей, этот фильм можно считать выдающимся достижением текущего года в области кинематографии; особое внимание уделяется тому факту, что его создатели добились превосходного сочетания политической идейности, первоклассной постановки и безупречной игры актеров...»[60] Это было именно то, что и хотели услышать Геббельс и Гипплер. «Папаша Крюгер» продолжал собирать неплохую аудиторию и в 1944 году, но ему с трудом удавалось сохранять место в десятке самых кассовых немецких фильмов военного времени, хотя по затратам на съемки он явно лидировал.

Особый интерес представляет реакция масс на фильм «Я обвиняю», поскольку это была попытка нацистского режима прозондировать отношение общественного мнения к проблеме «умерщвления из милосердия». Кадарс и Куртад отмечают, что у нацистов был повод для разочарования, несмотря на хорошие показатели посещаемости. Зрители очень эмоционально реагировали на болезнь и смерть героини, но их совершенно не интересовала эвтаназия как таковая, ее «достоинства» и «недостатки». Церкви различ-

ных вероисповеданий отвергли тему фильма, и в документах СД говорилось «Поступают сообщения, что католические священники используют посещения прихожан на дому, чтобы убедить последних не смотреть фильм. Они ссылаются на то, что этот фильм призван разжечь вражду к католической церкви, а некоторые священники прямо заявляют, что это пропаганда с целью оправдать убийства людей, страдающих от наследственных болезней».[61] Равно неудачной в глазах Геббельса оказалась и тенденция многих зрителей, видевших «Я обвиняю», подходить к этому вопросу не с точки зрения фильма, а с точки зрения католического епископа города Мюнстера Клеменса Аугуста Галена. Сотрудники одного из территориальных управлений СД, желая угодить Берлину, исказили в своем отчете реальную картину общественного мнения. Подправленные данные создавали впечатление, будто население благожелательно относится к эвтаназии. В этом отчете говорилось, что большинство немцев считают необходимым предоставить безнадежно больным людям право выбирать смерть как выход из тупика, избавляющий их от страданий. Сотрудники СД «забыли», однако, доложить, что в народе начали поговаривать и «многих резервациях». Из их рапорта о положительной реакции населения явствовало, что народ якобы понял намек, выраженный в фильме, и одобрил нацистскую политику ликвидации душевнобольных и людей, страдающих другими неизлечимыми болезнями. В реальности же зрители, и то не все, могли одобрить лишь добровольную смерть. В январе 1942 года из штаб-квартиры партийной организации гау Восточный Ганновер в партийную канцелярию поступил доклад, содержавший данные, которые гораздо более соответствовали действительности. В нем утверждалось, что первые отклики населения на фильм «Я обвиняю» были вполне позитивными, но все дело испортило послание епископа Галена.[62] В вопросе эфтаназии партии пришлось перейти теперь к обороне, потому что церковь, в течение всей зимы, неустанно проводила работу среди прихожан, открывая им глаза на истинную суть фильма.

Галену удалось одержать если и не полную, то частичную победу над нацистским режимом, потому что демонстрация этого фильма породила оживленную дискуссию, что вызвало результаты, противоположные тем, которые ожидались властями. Дела с «развлекательными» фильмами обстояли куда лучше, особенно с такими, как «Подводные лодки, на Запад!» и «Концерт по заявкам». Более успешный «Концерт по заявкам» принес огромный доход. Он реализовал стремление режима пропагандировать с экрана национал-социалистические ценности в ненавязчивой манере, чтобы исподволь внедрить их в сознание широких масс, далеких от идей нацизма. SD комментировала этот фильм следующим образом: «Согласно сообщениям, полученным к этому времени из различных частей рейха, фильм «Концерт по заявкам» нашел у публики исключительно положительный отклик, и повсеместно его показ проходил при переполненных залах... Сцены в церкви и органная музыка производят очень глубокое впечатление именно на те слои населения, которые до сих пор находятся под сильным влиянием религии».[63] Читатель без труда вспомнит, что в церковной сцене прославляются германская доблесть и набожность. При этом используется классический нацистский прием преображения после смерти, который неизменно приносил успех. Зрители были очень тронуты и не заметили, что на всю сцену падала огромная тень от нацистского значка.

ВЕЛИКИЙ КОРОЛЬ
Производство: Тобис
Режиссер: Файт Харлан
Сценарист: Файт Харлан
В главных ролях: Отто Гебюр, Кристина Зедербаум, Густав Фрелих, Пауль Вегенер
Премьера: март 1942 г.

Огромные средства были затрачены нацистами на создание грандиозного киноэпоса «Великий король». В этом внушительном кинодействии о Фридрихе Великом в годы Семилетней войны, короля играл Отто Гебюр, традиционно исполнявший эту роль, так что его можно было назвать самым знаменитым «Фридрихом». Фридрих изображался гением-одиночкой, которому удается победить всех своих противников как внутри страны, так и за ее пределами, и, сделав Пруссию великой державой, выполнить свою историческую миссию. Это фильм принес еще больше дохода, чем «Папаша Крюгер», хотя его премьера состоялась лишь в марте 1942 года, в присутствии аудитории из героев войны и рабочих – передовиков военной промышленности. Гитлер, который высоко чтил Фридриха Великого, очевидно, остался доволен, хотя вполне вероятно, что здесь он положился на мнение критика Геббельса и присвоил актеру Отто Гебюру звание «государственного артиста». Сам фильм был объявлен «фильмом нации», получив таким образом высшую акколаду министерства народного просвещения и пропаганды.[64] Он даже завоевал Кубок Муссолини как лучший иностранный фильм на Венецианском кинофестивале в 1942 году. Министерство пропаганды рассматривало его как «исключительно ценный с политической и художественной точек зрения, представляющий культурную ценность, ценный образец народного искусства, содержательный и познавательный для народа и воспитывающий молодежь в нужном духе на историческом примере». После войны его посмотрели оккупационные власти союзников в Западной Германии, увидели в нем «тщательно продуманную постановку с прекрасно снятыми боевыми сценами, неплохую игру актеров» и в целом охарактеризовали его как «северогерманский тип фильма с явным милитаристским и националистическим уклоном».[65] Роли актеров отличались излишним многословием, но восторженный прием, оказанный фильму по всей Германии в 1942 году, побудил Геббельса воспользоваться мифом о Фридрихе Великом.

Со всех сторон к Геббельсу стекались доклады и рапорты, в которых сообщалось, что «Великий король» поль-

зуется в народе успехом.[66] СД Падеборна докладывала, что там залы были забиты до отказа. Регенсбургское объединение учителей национал-социалистов отмечало, что в их городе «Великий король» демонстрировался целых две недели, при неиссякаемом энтузиазме зрителей.[67] К 1944 году эта кинокартина своим коммерческим и политическим успехом обеспечила себе авторитет и заслуженную популярность. Даже в октябре 1944 года, в Данциге, она собирала неплохую аудиторию.[68] Местная организация НСДАП выделила специального лектора, который минут за 10-15 перед началом киносеанса проводил беседу со зрителями. Данцигское управление пропаганды предложило распространить этот опыт по всему рейху. В ноябре фильм, в течение недели, демонстрировался в Берлине и собрал аудиторию почти в 15000 зрителей, в то время как «Фридрих Шиллер» пришло посмотреть всего лишь 8000 зрителей, а «Отставку» – 7000.[69] Но даже в эру последней вспышки нацистского энтузиазма и героической риторики в два раза больше людей посещало кинотеатры, когда там шли фильмы легкого жанра, боевики или комедии. «Серьезные» фильмы, такие, как «Великий король», значительной частью своего успеха были обязаны мощной рекламе. Неизвестно еще, смогли бы они привлечь столько зрителей, если бы радио и газеты не трубили о них по нескольку раз в день.

«Концерт по заявкам» за войну посмотрело свыше 23 миллионов зрителей. Таким успехом не мог похвастать ни один грандиозный эпический фильм. По этому поводу один партийный бюллетень заметил в 1943 году, что народ обычно хочет смотреть фильмы, «которые не имеют ничего общего с нашей идеей... Проблемные фильмы типа «Бисмарка» не вызывают большого энтузиазма, а уж о «кассовом» успехе и говорить нечего».[70] Фильмы, которые мечтал снимать Розенберг, вряд ли пользовались бы популярностью у широкого зрителя в 1943 году. Справедливости ради следует признать, что некоторые фильмы с политической окраской привлекали довольно большие аудитории. Как можно объяснить такое противоречие? А дело в том, что добрая половина зрительских аудиторий таких

фильмов, как «Папаша Крюгер», «Великий король» и «Отставка», состояла из членов НСДАП, военнослужащих и членов молодежных нацистских организаций. Обыкновенная публика тепло принимала эти фильмы, как только они впервые появлялись на экране, поскольку предшествовавшая им массированная рекламная кампания возбуждала интерес и заставляла их предвкушать нечто особенное. Однако по большей части эти фильмы демонстрировались перед политически «сознательной» публикой. Возможно, и в самом деле, такие «... политические фильмы, как «Папаша Крюгер» и «Еврей Зюсс», оставили более глубокий отпечаток в умах посетителей кинотеатров, чем дюжина приключенческих фильмов или комедий».[71] Даже если это утверждение в какой-то мере справедливо, то его следует отнести к специфическим аудиториям зрителей, которые разделяли нацистское мировоззрение. Мощная реклама, тщательный подбор аудитории и постоянная циркуляция киноэпосов – вот главные факторы, обеспечивавшие этим лентам неплохие показатели посещаемости и если не «кассовый» успех, то, во всяком случае, финансовую самоокупаемость. Особенно выручали в этом плане молодежные организации, стройными колоннами маршировавшие на киносеансы этих фильмов.

Молодое поколение было восприимчиво к темам, воплощенным в киноэпосах, и власти рекомендовали родителям разрешить своим детям посещать специальные бесплатные киносеансы, где наряду с фильмами для детей и юношества регулярно демонстрировали «Папашу Крюгера» или «Великого короля». Причем о конкретных программах таких киносеансов заранее ничего не сообщалось, что вводило родителей в заблуждение, и они с чистой душой отпускали ребенка смотреть детский фильм, а в кинотеатре ему показывали национал-социалистическую политизированную кинокартину. Однако к 1942 году многие родители думали о более прозаических проблемах и поэтому с радостью отпускали детей в кинотеатр, где они были под присмотром и не просили дома лишний кусок хлеба. Во многих малых и средних городах было всего лишь один-два кинотеатра, и нацистские власти строго следили, чтобы их

репертуар состоял в основном из «серьезных» фильмов, то есть фильмов, имевших явную политическую и идеологическую направленность.

Постоянный наплыв шумных, озорных детей в кинотеатры отбивал охоту у многих взрослых ходить туда.[72] И начиная с 1942 года очень часто большую часть зрителей на киносеансах пышных немецких эпосов составляли дети, солдаты-отпускники и члены НСДАП. С точки зрения Геббельса, это вовсе не означало провала этих фильмов. Пусть обычный зритель воспринимает нацистские идеи на подсознательном уровне в «эскепистских» фильмах типа «Концерта по заявкам». Ну а те, кто был подготовлен к более серьезным темам, те, кто составлял настоящую и будущую элиту национал-социалистического государства, становились мишенью для соответствующих фильмов.

Доктор Пауль Йозеф Геббельс все еще хотел оправдаться перед германским народом, даже когда пылающий Берлин лежал в руинах. Верный своему характеру, он еще раз дал обет верности идеалам нацизма и одновременно предпринял отчаянную попытку избегнуть будущего суда «шлюхи»-истории. Как и Гитлер, Геббельс стремился уйти от ответственности за свои действия. Когда на последнем министерском совещании он обратился к своим коллегам, его голос возвысился и на какой-то момент перекрыл шум берлинских улиц. Это уже не был прежний оратор, который рассчитанными ударами кулака по трибуне приводил слушателей в трепетный экстаз. Это был человек, который изо всех сил пытался утвердить национал-социалистическую этику героизма, приписывая ее к врожденным свойствам немецкого народа. Поступая таким образом, он становился в своих глазах выразителем интересов народа и защитником его чести, возвращаясь к изначальной цели национал-социалистического движения. Теперь, 21 апреля 1945 года, Геббельс искал себе оправдания в единой судьбе нации и ее руководства. Ведь на создание этой общности, а вернее мифа о ней, он потратил столько лет и энергии. Будучи убежденным, что союзники уничтожат не только нацистов, но и весь германский народ, Йозеф Геббельс стремился к самоутверждению, к поиску почет-

ной ниши для своей личности в отчаянии и смерти, которые стали общими для всех.[73] Германский народ продолжал сражаться до конца. Этим Гитлер и Геббельс выиграли войну, целью которой было отомстить за позор поражения 1918 года. В конечном счете, народ Германии не желал иной судьбы. Подавляющим большинством голосов в ходе плебисцита, проводившегося в 1933 году, немцы проголосовали за выход страны из Лиги Наций и против политики уступок и выбрали вместо этого политику мужества и чести. Таким образом, германский народ сам выбрал войну, которую теперь проиграл.

ПРИМЕЧАНИЯ

В тексте использованы следующие сокращения:

ADPR	Enlightenment Service for the Political Speaker
B.A.	Bundesarchiv (West German Federal Archives)
DAF	German Labor Front
DAZ	Deutsche Allgemeine Zeitung
DNB	German News Service
DPA	German Propaganda Studio
DW	German Weekly Newsreel
GPL	Gau Propaganda Central Office
H.I.A.	Hoover Institution Archives
IMP	International Museum of Photography
IMT	International Military Tribunal
KPL	District Propaganda Office
KPMB	Cultural-Political Communication Bulletin
LOC	Library of Congress
Michigan	Weinberg Collections, University of Michigan
N.A.	National Archives
PK	Party Chancellory
RKK	Reich Culture Chamber
ROL	Reich Organization Leader
RPA	Reich Propaganda Office
RPL	Reich Propaganda Central Ofhce
RS	Circular Letter or Instruction
RSI	Speakers' Information
VB	Völkischer Beobachter
YIVO	Institute for Jewish Research

ВВЕДЕНИЕ

1. Henri Michel, in Politics and Strategy in the Second World War, ed. Arthur L. Funk (Manhattan, Kan.: 1976), Preface.

2. Gerhard Jagschitz, in Filmbestände. Verleihkopien von Dokumentar-und Kulturfilmen sowie Wochenschauen 1900-1945, comp. Hans Barkhausen (Bundesarchiv: 1971).
3. From the film Triumph of the Will, 1935.

ГЛАВА 1

1. Karena Niehoff and Boris von Borresholm, eds., Dr. Goebbels nach Aufzeichnungen aus seiner Umgebung (1949), стр. 187. Большинство источников указывают в качестве даты последнего заседания министерства 21 апреля 1945 года. К этому времени резиденция Геббельса в Берлине также уже считалась "министерством".
2. Erich Schneyder, "The Fall of Berlin", trans. L.P. Lochner, Wisconsin Magazine of History, L (1967): 418. Cf. Helmut Heiber, ed., Goebbels-Reden (Düsseldorf: 1972), II: 452, n. 6.
3. Heiber, ibid.
4. Schneyder, p. 419.
5. Wilfred von Oven, Mit Goebbels bis zum Ende (Buenos Aires: 1949-50) I: 123.
6. Von Oven, II: 212.
7. Ibid., p. 213.
8. Ibid., p. 224.
9. Ibid., p. 236.
10. Ibid., pp. 304-5. Некоторые, а может быть и все (1924-45) эти ценные сведения из дневников будут восстановлены и вскоре появятся в печати. См. также Frankfurter Allgemeine Zeitung, November 21, 1974, "Goebbels Tagebücher," and October 12, 1973, "Die Goebbels-Kommentare."
11. Heiber, Reden, II: 448.
12. Schneyder, p. 424.
13. Ibid., pp. 422-27.
14. Cf. Willi A. Boelcke, ed., Kriegspropaganda 1939-1941: Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium (Stuttgart: 1966), p. 43.
15. Эта фраза встречается в рукописи фрау фон Офен по поводу дневника ее мужа. Mass Communications Center, Wisconsin State Historical Society.
16. Rudolf Semmler, Goebbels – The Man Next to Hitler (London: 1947), p. 24. Имя этого человека было Землер, пока его не изменили в законодательном порядке.

17. Ibid., p. 29.
18. Louis P. Lochner, trans. and ed., The Goebbels Diaries 1942-1943 (Garden City: 1948), p. 56.
19. Heiber, Reden, II: 208, n. 99.
20. Helmut Heiber, Goebbels (New York: 1972), p. 149.
21. Отчет фрау фон Офен.
22. Конференция министерства 16 сентября, 1942 (Luther, на основе записей Тоденхофера для министерства иностранных дел) in N.A. T-120/736/339707. См также Joseph Goebbels, "Wofür Kämpft der Deutsche Soldat?" in Das eherne Herz. Reden und Aufsätze aus den Jahren 194I/42 (Munich: 1943), pp. 334-35.
23. Hans-Leo Martin, Unser Mann hei Goebbels. Verbindungsoffizier des Oberkommandos der Wehrmacht beim Reichspropagandaminister 1940-1944 (Neckargemünd: 1973), p. 136.
24. Boelcke, 1939-1941, p. 276.
25. Willi A. Boelcke, ed., "Wollt Ihr den totalen Krieg?" Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939-1943 (Stuttgart: 1967), p. 338. См. также p. 344.
26. Von Oven, II: 156.
27. Lochner, Diaries, p. 320; Frau von Oven (August 4, 1943).
28. Martin, Unser Mann, pp. 32 — 33.
29. N.A. T-580/644 (no frame numbers for this series).
30. Lochner, Diaries, pp. 88, 153.
31. Von Oven, I: 87.
32. Semmler, p. 43,
33. Boelcke, 1939-1941, p. 301.
34. Semmler, p. 48.
35. Ibid., pp. 4849.
36. Ibid., p. 63.
37. Lochner, Diaries, p. 35.
38. Adolf Hitler, Hitler's Secret Conversations 1941-1944 (New York: 1953), pp. 452-53.
39. Heiber, Reden, II: 267 (Goebbels' italics).
40. Heiber, Goebbels, p. 22.
41. См. Von Oven, I: 238A6, for this account by Goebbels of his early life.
42. Ibid., pp. 231-32.
43. См. Julien Benda, The Betrayal of the Intellectuals (Boston: 1955), passim. Наклонным шрифтом даны цитаты Бенды.
44. Joseph Goebbels; "Deutsches Schrifttum im Lärm der Waf-

Ten", in Der steile Aufstieg: Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942/43 (Munich: 1944), p. 21.

45. См. Joseph Goebbels, Michael. Ein Deutsches Schicksal in Tagebuchblättern (Munich: 1929), passim. В «Третьем рейхе» всегда находился редактор, который изменял название, чтобы придать произведению более нацистский дух. Cf. Michaels Keg zum Volke in the series "Das Reich im Werden", ed. Dr. Rudolf Ibel (Frankfurt-am-Main: 1941).
46. Norman Cohn, Warrant for Genocide. The Myth of the Jewish Worldconspiracy and the Protocols of the Elders of Zion (New York: 1967), p. 197.
47. Joseph Goebbels, "Gelobt sei was hart macht!" in Die Zeit ohne Beispiel: Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41 (Munich: 1941), p. 244.
48. См. Heiber, Goebbels, p. 51.
49. Carin Kessemeier, Der Leitartikler Goebbels in den NS-Organen "Der Angriff" und "Das Reich" (Münster: 1967), pp. 279 – 80.
50. "Mjölnir" and Joseph Goebbels, Das Buch Isidor, Ein Zeitbild voll Lachen und Hass (Munich: 1931).
51. Semmler, pp. 56-57.
52. Joseph Goebbels, Kampf um Berlin. Der Anfang (Munich: 1937), p. 18.
53. Hans Schwarz van Berk, ed., Der Angriff. Aufsätze aus der Kampfzeit (Munich: 1936), pp. 14-15.
54. Heiber, Goebbels, p. 57.
55. Albert Krebs in The Infancy of Nazism: The Memoirs of Ex-Gauleiter Albert Krebs 1923-1933, William S. Allen, ed. (New York: 1976), pp. 191-205.
56. Ibid. pp. 196-97.
57. Kessemeier, p. 259.
58. Hitler, Conversations, p. 603.
59. Quoted by Heiber, Goebbels, pp. 75-76.
60. Goebbels, Der Angriff, in Aufsätze aus der Kampfzeit (München: 1935), p. 21.
61. Goebbels, ibid., "Der Fuehrer" and "Wenn Hitler spricht", pp. 214-17.
62. Ibid., p. 218.
63. Ibid. "Wir gedenken der Toten!" pp. 250-52.
64. Ibid. "Kütemeyer", pp. 256-59.
65. Ibid. "Die Fahne hoch!" pp. 268-71.

66. Ibid. "Gegen die Reaktion", pp. 291-94. Работа взывала к радикальным рабочим, враждебно настроенным по отношению к социал-демократическому правительству, которое направило полицию на разгон первомайской демонстрации в Берлине.
67. Albert Speer, Spandau: The Secret Diaries (New York: 1976), p. 82.
68. Lochner, Diaries, p. 139.
69. Ibid., p. 205.
70. Goebbels, "Adolf Hitler als Staatsmann", speech of April 1, 1932.
71. Joseph Goebbels, "Aufruf zum Befreiungskampf", in Wetterleuchten. Aufsatze aus der Kampfzeit (Munich: 1939), p. 307.
72. Joseph Goebbels, "Der Sturm bricht los", in Signale der neuen Zeit. 25 ausgewählte Reden (Munich: 1934), pp. 82 – 89.
73. Joseph Goebbels, Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Eine historische Darstellung in Tagebuchblättern (Vom 1. Januar 1932 his zum I. Mai 1933), (Munich: 1935), p. 196. Этот труд стал одним из геббельсовских бестселлеров.
74. Goebbels, "Der Nationalsozialismus führt", in Signale, pp. 91-107.
75. Ibid.
76. Ibid.
77. Ibid.
78. Semmler, Goebbels, p. 75.
79. См. Gustave Le Bon, The Crowd: A Study of the Popular Mind (New York: 1960), passim.
80. Adolf Hitler, Mein Kampf (Boston: 1962), pp. 180, 183.
81. Goebbels, "Erkenntnis und Propaganda", in Signale, pp. 28-51, passim.
82. Krebs, p. 205.
83. Semmler, p. 17.
84. В таких статьях, как "Die Juden sind Schuld!" и "Mimikry", Геббельс применял фразеологию идиш. См. Die Zeit ohne Beispiel, pp. 526-27, где можно видеть характерные примеры.
85. Cohn, p. 258.
86. Я намеревался написать "a twist of foot,", но это было бы непозволительной милостью (прим. автора).
87. Cf. Semmler, p. 30.
88. См. "Isidor" и "Angenommen" in Der Angrig pp. 308-11, passim.

89. "Der Jude" in Der Angrig p. 322.
90. Ibid., p. 324.
91. "Ist das preussisch?" and "Die Juden sind schuld!" in Wetterleuchten, pp. 129, 323.

ГЛАВА 2

1. Цитируется Коном, стр. 204.
2. Goebbels, "Die Deutschen vor die Front!" in Die Zeit, pp. 535-36.
3. Goebbels, "Die Juden sind schuld!" и "Warm Oder Wie?" in Das eherne Herz, pp. 81, 85.
4. Цитируется Коном, стр. 206.
5. Goebbels, "Das eherne Herz: Rede vor der deutschen Akademie", pp. 34-37.
6. Цитируется Коном, стр. 207.
7. Lochner, Diaries, p. 377.
8. "Die Judenfrage als inner-und aussenpolitisches Kampfmittel", Redner-Schnellinformation, Lieferung 57 (NSDAP Reichspropagandaleitung, May 5, 1943).
9. Ibid., "Judendämmerung in aller welt!" May 18, 1943.
10. Heiber, Reden, II: 235.
11. Von Oven, II: 10.
12. Heiber, Reden, II: 433. Cf. Adolf Hitler, "Mein politisches Testament", in International Military Tribunal, Proceedings (Nürnberg: 1947-1949), 41: 548 ff;
13. Boelcke; 1939-1941, p. 537.
14. Земмлер сообщает, что Геббельс отдавал Гитлеру должное за это наблюдение.
15. Semmler, pp. 35-36.
16. Boelcke, 1939-1941, p. 724.
17. Goebbels, in Die Zeit, p. 479.
18. Ibid.
19. Goebbels, in Das eherne Herz, p. 171.
20. Heiber, Reden, II: 101.
21. Ibid.
22. E. H. Gombrich, Myth and Reality in German War-Time Broadcasts (London: 1970), p. 12.
23. Hitler, Conversations, pp. 399-400.
24. Goebbels, "Schwarze Wolken iiber England", in Das eherne Herz, p. 300.
25. Heiber, Reden, II: 162.

26. Lochner, Diaries, p. 536. См. также Boelcke, 1939-1943, p. 335.
27 Hans-Guenther Seraphim, ed., Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs, 1934-1935, 1939 – 1940 (Munich: 1964), p. 81.
28. Ibid. p. 83.
29. Ibid. p. 88.
30. Ibid., pp. 110-11.
31. Ibid. p. 117.
32. Ibid. pp. 138-39.
33. William L. Shirer, Berlin Diary (New York: 1941), p. 588.
34. Hitler, Mein Kampf, pp. 176-83.
35. Hans Thimme, Weltkrieg ohne Waffen: Die Propaganda der Westmüchte gegen Deutschland, ihre Wirkung und ihre Abwehr (Berlin: 1932), pp. 182-83.
36. Eugen Hadamovsky, Propaganda and National Power: The Organization of Public Opinion for National Politics (reprinted New York: 1954).
37 Harold D. Lasswell, Propaganda Technique in the World War (Cambridge, Mass.: 1971), p. 200.
38. Hans Baehr, "Die englische Weltkriegspropaganda und das deutsche Volk" (August 1939), in Unser Wille und Weg, pp. 177-92.
39. Von Oven, I, 36: 216-17.
40. Goebbels' cliches as early as the late 1920s. Cf. Goebbels, in Signale, p. 52.
41. Cf. Jay W. Baird, The Mythical World of Nazi War Propaganda, 1939-1945 (Minneapolis: 1974), pp. 58-59, 64.
42. Steinkopf AP dispatch from Oslo, November 28, 1940. Louis P. Lochner papers, Box #19, Wisconsin State Historical Society, Mass Communications Center.
43. Goebbels, "Was denkt sich Churchill eigentlich?" in Die Zeit, pp. 346-49.
44. Lochner, Diaries, p. 235 (December 8, 1942): К концу этого месяца Геббельс изменил свое мнение о русской зиме. См. также Semmler, стр. 44-45. On optimism regarding Balkan and Soviet campaigns: Boelcke, 1939-1941, p. 658 and Boelcke, 1939-1943, p. 182.
45. Cf. on Brusilov: Boelcke, 1939-1943, p. 319; on Churchill: Von Oven, I: 19.
46. Goebbels, "Wandlung der See.len", in Das eherne Herz, p. 191.

47. Boelcke, 1939-1941, p. 240.
48. New York Times, "Goebbels Sees '39 as a "German Year"», January 1, 1940, p. 11.
49. Baird, pp. 91-92.
50. Boelcke, 1939-1941, p. 307.
51. Fritz Sauckel, instructions for Gau propaganda director of August 7, 1940, B.A.
52. Boelcke, 1939-1941, p. 668.
53. Ibid., p. 723.
54. Boelcke, 1939-1943, p. 184.
55. Semmler, p. 51.
56. Boelcke, 1939-1943, pp. 196.
57. Cf. Goebbels, "Verändertes Weltbild", in Das eherne Herz, p. 126.
58. Boelcke, 1939-1943, p. 317.
59. Semmler, p. 73.
60. Boelcke, 1939-1943, p. 185.
61. Lochner, Diaries, p. 288.
62. Heiher, Goebbels, p. 232.
63. Von Oven, I: 23, 27, 36, 47, 50-51, and Frau von Oven (October 18, 1944). В 1941 Геббельс утверждал, что агент Рузвельта, полковник Донован, пьяница. См. William Stevenson, A Man Called Intrepid: The Secret War (New York: 1977), p. 226.
64. Semmler, p. 13.
65. Von Oven, I: 84.
66. Цитата фон Офена, I: 14.
67. Cf. on Lanke, Frau von Oven typescript.
68. Niehoff and Borresholm, pp. 146-49.
69. Boelcke, 1939-194I, p. 441.
70. Ibid., p. 40.
71. Cf. Semmler, p. 43; von Oven, I: 128; Hans Speier, Social Order and the Risks of War. Papers in Political Sociology (Cambridge, Mass.: 1969), p. 377.
72. Cf. Kessemeier, pp. 137, 169, 172-75, 257; von Oven, I: 262.
73. Cf. Frau von Oven typescript; von Oven, I: 197.
74. Heiber, Reden, II: 31.
75. Goebbels, "Verändertes... in Das eherne Herz, p. 134.
76. Semmler, p. 28.
77. Schwarz van Berk, in Die Zeit, p. 9.

78. Lochner, Diaries, p. 129. Cf. ibid., pp. 154, 242, 376; см. также Heiber, Reden, II: 159; Boelcke, 1939-1943, pp. 269, 323-24, 336: N.A. T-120/5/13324- 13328 ("Handakten Kruemmer" для конференций 24-26 января, 1943).
79. January 31: Berliner Boersenzeitung, Berliner Morgenpost; February 1: Nationalblatt (Koblenz) and Westfälische Landeszeitung.
80. Heiber. Reden, II: 208, n. 99.
81. Cf. Günter Moltmann, "Goebbels' Rede zum totalen Krieg am 18. Februar 1943", Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, XII (1964): 13-43. См. о прессе: February 19: Völkischer Beobachter (Berlin); Berliner Volkszeitung; Der Angriff.
82. Hans-Georg von Studnitz, While Berlin Burns. The Diary of Hans-Georg von Studnitz (Englewood Cliffs, N.J.: 1964), pp. 22 – 23, 232. Lochner, Diaries, p. 296.
83. Goebbels, Der geistige Arbeiter im Schicksalskampf des Reiches (Munich: 1943), p. 21.
84. Goebbels, Dreissig Kriegsarlikel für das deutsche Volk (Munich: 1943).
85. Cf. N.A. T-580/590. (без дальнейшей расшифровки)
86. Lochner, Diaries, pp. 532 – 33, 537.
87. По вопросам планирования тотальной войны см. Lochner, Diaries, pp. 482, 532; von Oven, I: 96.
88. Von Oven, II: 57.
89. Lochner, Diaries, p. 493.
90. Von Oven, II: 189.
91. N.A. T-175/225/2763887. Cf. Heiber, Reden, II: 419.
92. Boelcke, 1939-1941, p. 497. Cf. Boelcke, 1939-1943, p. 238.
93. Heiber, Reden, II: 226-28, 293,
94. Von Oven, I: 29-30.
95. Goebbels, "Das Denkmal der nationalen Solidarität", in Das eherne Herz, p. 348; von Oven, I: 169.
96. Frau von Oven (January 5, 1944).
97 Von Oven, II: 22.
98. Heiber, Reden, II; 336 (Goebbels' italics).
99. Helmut Sündermann, Tagesparolen. Deutsche Presseweisungen 1939-1945, Hitler's Propaganda und Kriegsführung (Leoni: 1973), p. 272.
100. Cf. Martin Broszat, Der Staat Hitlers: Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung (Munich: 1969), pp. 382-95.

101. Lochner, Diaries, p. 268.
102. Рукопись фрау фон Офен.
103. Speer, Spandau, p. 236.
104. Lochner, Diaries, pp. 260, 262, 264, 266; Frau von Oven (November 11, 1943).
105. Lochner, p. 277.
106. Ibid., p. 512.
107. Von Oven, II: 146-47.
108. Seraphim, pp. 32, 37, 45, 48, 49, 52.
109. Krebs, p. 202.
110. Lochner, Diaries, p. 85.
111. Von Oven, I: 113-14.
112. Boelcke, 1939-1941, p. 507.
113. Lochner, Diaries, p. 277.
114. Von Oven, II: 172. См. также Frau von Oven (February 5, 1945).
115. Semmler, pp. 53-54.
116. Von Oven, II: 23-27. Cf. Lochner, Diaries, pp. 443, 475; Baird, p. 31.
117. Semmler, p. 26.
118. Lochner, Diaries, p. 277.
119. Ibid., p. 429. Cf. pp. 435-37.
120. Ibid., pp. 477-78.
121. Von Oven, I: 145-46.
122. Cf. Martin, pp. 134-35; Niehoff, Dr. Goebbels, pp. 182-84; von Oven, I: 180, 219, 265-66; von Oven, II: 11.
123. Lochner, Diaries, p. 512.
124. Speer, Spandau, p. 142.
125. Shirer, p. 522.
126. Lochner, Diaries, p. 547. Cf. Von Oven, II: 14-15; Frau von Oven (October 18, 1944).
127. Von Oven, II: 8, 56.
128. Von Oven, II: 132-33, 150-51.
129. Von Oven, II: 241, 252-53.
130. Helmut Heiber, ed., Reichsführer! Briefe an und von Himmler (Munich: 1970), pp. 362 – 66.
131. Schneyder, pp. 417, 422.
132. Von Oven, II: 309.
133. Hitler, Conversations, p. 127.
134. Heiber, Reden, II: 12. Cf. Goebbels, in Die Zeit, p. 293.

135. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 587, 601; Boelcke, 1939-1943, pp. 204, 216; Goebbels, "Die überlegene Führung", in Das eherne Herz, pp. 311-13; Lochner, Diaries, p. 61.
136. Heiber, Reden, II: 127-32.
137. Ibid., II; 191 (Goebbels' underlining).
138. Lochner, Diaries, p. 359. On the Rhineland, см. Goebbels in Der steile Aufstieg, p. 323.
139. Lochner, Diaries, p. 360. Von Oven, I: 89, 94.
140. Von Oven, I: 98.
141. Ibid., I: 99.
142. Lochner, Diaries, pp. 488-89.
143. Von Oven, I: 134-37.
144. Cf. von Oven, I: 192, 274; Archiv der Gegenwart, pp. 6324-25. Heiber, Reden, II; 264, 326-28.
145. Cf. Heiber, Reden, II: 355, 372-74; von Oven, II; 108-9.
146. Frau von Oven (March 9, 1945).
147. Heiber, Reden, II: 149.
148. Ibid. II: 160 (Goebbels' italics).
149. Ibid., II: 451.
150. Archiv der Gegenwart, pp. 5897 – 98. Cf. Goebbels, "Das Denkmal...", in Der steile Aufstieg, p. 354.
151. Goebbels, "Von den nationalen Pflichten im Kriege", in Der steile Aufstieg, p. 454.
152. Heiber, Reden, II: 288 (Goebbels' italics).
153. Von Oven, II: 46.
154. Heiber, Reden, II: 384.
155. Goebbels, "Um die Entscheidung", in Die Zeit, p. 541.
156. Heiber, Reden, II: 435.
157. Heiber, Reden, II: 48.
158. Ibid., II: 65.
159. Von Oven, II: 237.
160. Ibid., 11: 300.
161. Goethes Faust, ed. Trunz (Hamburg: 1961), p. 348.

ГЛАВА 3

1. Cf. N.A. T-81/675/5484403; Boelcke, 1939-1941, pp. 46-47; IMT, XVII, 236 (Свидетельские показания Ширмейстера 28 июня, 1946).
2. См. также Boelcke, (939-1941, pp. 27, 36-39, 43, 49, 54, 192-93, 330, 428; von Oven, II: 308; N.A. T-120/9/15325; IMT,

XVII, 237, 238 (Schirmeister); IMT, XXXII, 328 (Письменные показания под присягой Фрицше 7 января, 1946); Martin, p. 30; Boelcke, 1939-1943, p. 253.

3. Boelcke, 1939-1941, pp. 57-59, 749.
4. Derrick Sington and Arthur Weidenfeld, The Goebbels Experiment: A Study of the Nazi Propaganda Machine (New Haven: 1943), pp. 49 – 50.
5. Von Oven, I: 43.
6. Lochner, Diaries, p. 122.
7. Von Oven, I: 14, 20-21.
8. Ibid., II: 252 – 53, and Boelcke, 1939-1941, pp. 54-56.
9. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 105-106.
10. См. по Земмлеру: Boelcke, 1939-1941, pp. 52-53, 60.
11. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 51-54.
12. Cf. рукопись фрау фон Офен, p. 1.
13. Boelcke, 1939-1941, pp. 51-54.
14. N.A. T-580/643.
15. C. Brooks Peters, "Nazis Make Science of Propaganda", New York Times, November 19, 1939.
16. IMT, I, 182.
17. Cf. Heiber, Goebbels, p. 123; Boelcke, 1939-1941, pp. 138-41; N.A. T-70/1/3503298-431.
18. Mueller's book cited in IMT, XXX, 484-85.
19. По вопросам приобретения книги Kreisleiter Information можно проконсультироваться в Отделе редких книг библиотеки Мичиганского Университета.
20. Cf. N.A. T-580/644.
21. Cf. N.A. T-70/123/3651286, T-580/579.
22. Hitler, Mein Kampf, p. 583.
23. Heiber, Goebbels, p. 119.
24. По вопросам молодежного культа см. Boelcke, 1939-1941, p. 117.
25. См. N.A. T-120/1015/401506; N.A. T-70/10/3514753 до стр. 759 включительно; T-70/ 123/3650749 до стр. 901 включительно; T-81 /24/21710; T-580/982.
26. См. N.A. T-580/671.
27 См. Boelcke, 1939-1941, pp. 121-22; Heiber, Goebbels, p. 121; N.A. T-580/643.
28. См. Otto Neuburger, Official Publications of Present-Day Germany (Washington: 1942), p. 9.

29. См. Lochner, Diaries, p. 523; N.A. T-580/657 (Oldenburg RPA to Abt. Pro. January 6, 1945); Von Studnitz, p. 262.
30. Goebbels, "Richard Wagner und das Kunstempfinden unserer Zeit", in Signale, p. 191 ff.
31. Goebbels, "Die deutsche Kultur vor neuen Aufgaben", Signale, p. 323 ff.
32. Cf. Neuburger, p. 12; N.A. T-580/964, T-580/973; Boelcke, 1939-1941, pp. 182-83.
33. N.A. T-580/950.
34. N.A. T-81/674/5482961 et passim.
35. N.A. T-81/675/5483729.
36. N.A. T-580/588.
37. N.A. T-580/592.
38. N.A. T-81/671/5479787 et passim. Joseph Wulf, ed., Theater und Film im Dritten Reich (Güttersloh: 1973), pp. 85-86; N.A. T-580/606; T-580/592; T-120/2474/E255447; T-81/675/5484029ff.; T-580/587.
39. N.A. T-81/675/5483936 ff., N.A. T-580/657; Kulturpolitisches Mitteilungsblatt der RPL der NSDAP, September 25, 1943, pp. 1-5.
40. Wulf, pp. 52-53.
41. N.A. T-580/589.
42. Nachrichtenblatt 1944, # 107, p. 68.
43. T-580/671; T-580/670; Boelcke, 1939-1941, pp. 101-2, 184-85.
44. См. Boelcke, 1939-1941, p. 281; N.A. T-580/656; T-70/123/3651237-249; T-580/672; Boelcke, 1939-1941, p. 46.
45. Cf. N.A. T-580/644; T-580/658; T-81/24/21867; T-580/660.
46. Cf. N.A. T-580/643 (программы этих собраний).
47. Cf. N.A. T-580/589.
48. См. по Volkstum: N.A. T-580/586 (1940-41); T-580/641 (программы и бюджет на 1941); T-580/586 (дотации пограничным территориям); T-580/ 671 (бюджет RPA на 1943-й финансовый год); T-580/589 (Mainfranken, Styria, Brandenburg, 1942); T-580/589 (бюджет на 1941-й финансовый год, в особенности погр. территории); T580/586 (Danzig); T-580/586 (Ostmark and Niederdonau, 1939-1941); T580/589 (budget for 1942); T-580/589 (RPA Wien, fiscal 1943); T-580/669 (East Prussia, 1944, Bolshevism); T-580/671 (Kulturarbeit, 1941-1942).

49. N.A. T-580/669. Cf. T-580/671. Этот последний пункт был излюбленной темой Геббельса.
50. N.A. T-580/589.
51. Cf. IMT, XXXI, 204 ("Organization Plan"); Friedrich W. Lampe, Die Amtsträger der Partei (Stuttgart: 1944), pp. 92-93, 98-99; Hans Volz, Daten der Geschichte der NSDAP (Berlin: 1943), pp. 150-53.
52. См. по Fischer, Hadamovsky, and Wachter: Sington and Weidenfeld, p. 50; Boelcke, 1939-1941, pp. 97, 99-100; Archiv der Gegenwart, May 25, 1941 and June 8, 1942 (5033A, 5524C); N.A. T-81/671/5479327.
53. KPMB, February 15, 1944; Boelcke, 1939-1941, p. 317.
54. См. on slogans and campaigns: N.A. T-81/673/5481685 ff.; 696 ff., 468 ff.; N.A. T-580/671; T-81/672/5480895.
55. См. Sonderdienst in N.A. T-580/644; T-81 /24/21865 (различные издания); T-120/5/13306 (содержит статью Геббельса); Die Lage (Michigan, Weinberg Collections); Propaganda-Parole in T-81/672/5480795 ff.; Propaganda-Anweisung Nr. 23 in T-81/675/5483976; T-81/672 (July 19, 1943); "Die parteiamtliche Propaganda-Zeitschrift der NSDAP", in Unser Wille und Keg: Monatsblätter der RPL der NSDAP. LOC.
56. См. по ораторской системе: Sington and Weidenfeld, pp. 37-38; Ross Scanlan, "The Nazi Party Speaker System", Speech Monographs, XVI (1949): 90-97; по вопросам мобилизации и ораторам, август-октябрь 1939, H.I.A.; M. Grimm, Massenpsychologie und Propaganda im dritten Reich (Vienna: 1949), p. 48; Aufklärungsdienst für den pol. Redner (ADPR) (Koblenz: 1939), Folgen 3, 6.
57. См. ADPR, Folge 4; Informationsdienst #17; "Lichtbildvorträge und Lichtbildabende", in Unser Wille und Weg, January 1941, p. 4; Redner-Schnellinformation (RSI) nos. 30, 43 (April 16, May 15, September 30, December 28, 1942, and March 17, May 3, May 18, and June 8, 1943). B.A.
58. N.A. T-81/673/5481122 ff, 117 ff.
59. С анкетой можно ознакомиться в N.A. T-81/672/5480521 ff.
60. См. по системам Tiessler and Gauring: Walter Tiessler, "Der Reichsring...-als Instrument des Propagandaleiters", in Unser Wille und Weg, June 1939, p. 126 ff.; список политических

постов Тисслера в N.A. T-81/673; Boelcke, 1939-1941, p. 98; N.A. T-81/671/5479242, 328; по Саксонии, N.A. T-81/675/5483847 ff.

61. См. Tiessler memos in N.A. T-81/673/5482074-97.
62. Martin Broszat, Der Staat Hitlers: Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung (Munich: 1969), p. 392.
63. IMT, XVII, 200.
64. N.A. T-580/979.
65. См. Louis E. Schmier, "Martin Bormann and the Nazi Party, 1941-1945» (Ph.D. diss. University of North Carolina, 1969), pp. 112, 119; Stabsamt of the Thuringia Gauleitung, January 10, June 20, 1942 (Michigan); Dietrich Orlow, The History of the Nazi Party: 1933-1945 (Pittsburgh: 1973), pp. 343, 350.
66. См. по колониальным вопросам: Propaganda-Parole Nr. 17 (Weimar), February 10, 1943, p. 9; N.A. T-81/676/5484461:
67. N.A. T-81/671/5479395-6.
68. Verordnungsblatt der Reichsleitung der NSDAP (Munich), January 1943.

ГЛАВА 4

1. Schulungsdienst der Hitler-Jugend in N.A. T-81/677/5485569 et passim.
2. См. on Ley and the Schulungsamt: Sington and Weidenfeld, Experiment, p. 39; Rundschreiben der DAF Gau Thüringen (Michigan); IMT, XXXI, 207 (Organisationsbuch), 64 (Der Hoheitsträger); Neuburger, Publications, p. 94; Orlow, p. 274; Der Schulungsbrief 1942-1943 (YIVO). On the Redner: circular bulletin of Schulung division of the Kreisleitung Eisenach, November 18, 1941. Politische Auslese aus Buch und Zeitschrift (Ausgaben A and C) in N.A. T-81/683/4721511 ff., Michigan; по поводу Mitteilungen, Schulungsunterlagen, Sammelsendungen, and Sprechabenddienste можно получить консультацию в той же самой великолепной библиотеке.
3. Redner-Schulung des Gauschulungsamt Thüringen, October 15, 1943, pp. 1, 13-14; ibid, November 25, 1943, and August 10, 1944 ("Zwei jüdische Aufsätze" and "Die Judenfrage").
4. См. on Fritzsche: IMT, XVII, 230; Nürnberg judgment: IMT, I, 182.
5. См. on Rosenberg: Seraphim, pp. 9-10; IMT, XXXI, 252.
6. Krebs, pp. 217-20.

7. Ibid., pp. 215-17.
8. См. Seraphim, p. 14; IMT, XXXII, 388-89; Constantin Graf Stamati, "Zur "Kulturpolitik" des Ostministeriums", in Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, VI, no. 1 (January 1958), pp. 78-81.
9. Cf. N.A. T-120/780/371115.
10. Heiber, Reichsführer!, p. 206.
11. Cf. Neuburger, p. 96; Reinhard Bollmus, Das Amt Rosenberg und Seine Gegner: Studien zum Machtkampf im NS Herrschaftssystem (Stuttgart: 1970), p. 293; Cohn, pp. 217-18.
12. Cf. IMT, 385; Ley, Organisationsbuch, p. 312; NS Jahrbuch (1942), pp. 185-86; IMT, XLI, 211-13; Idee und Tat; Mitteilungen zur weltanschaulichen Lage in N.A. T-81/21; NS Monatshefte (LOC) for 1942 and 1943; Aufklärungsdienst 1939, Folge #6; Die Gestaltung der Lebensfeiern (1942) in N.A. T-81/674/5482611 ff.
13. Cf. Schulung department of Kreisleitung Eisenach, November 18, 1941 (to speakers), Rundschreiben of July 29, September 3, 1942; Розенберг партийным педагогам 11 мая, 1944, in Archiv der Gegenwart, p. 6370; Gauschulungsamt Thüringen, Redner-Schulung, August 15, 1944, "Sinn und Aufgaben der Reichsthemenschulung".
14. Cf. Bollmus, pp. 134-39. Полагаю, Болмус преувеличивает успех Розенберга в усилении своей власти через применение тем «Третьего рейха».
15. Cf. on NS Kulturgemeinde; Wulf, p. 64.
16. Seraphim, p. 139.
17. Ibid., p. 199.
18. Cf. N.A. T-120/1056/423552; T-120/734/693; Lochner Papers, Box #20 (June 27, 1941); T-120/1070/425771-91; Tiessler to Goebbels, October 29, 1941 in T-81/671/5479437; T-120/2474/E255269-272; T-120/5/13218; T-120/9/15322; T-580/682.
19. Lochner Papers, Box #20 (June 24, 1941).
20. Von Oven, II: 10.
21. N.A. T-81/674/5482673-745.
22. Gutterer: N.A. T-70/123 (October 9, 1941).
23. N.A. T-81/672/5480996-7.
24. Goebbels, "Nachrichtenpolitik", in Die Zeit, pp. 514-19.
25. Lochner, Diaries, p. 210.
26. Ibid., p. 459.

27. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 130-32; Jeffrey R. Willis, "The Wehrmacht Propaganda Branch: German Military Propaganda and Censorship During World War II" (Ph.D. diss., University of Virginia, 1964), pp. 125-26; Shirer, p. 344; Erich Murawski, Der Deutsche Wehrmachtbericht 1939-1945 (Boppard: 1962), pp. 27-60, 103, 135-155.
28. Cf. N.A. T-580/644 (July 29, 1943, August 23, 1943); Joseph Goebbels, "Neujahrsgruss an unsere Soldaten," in Der Blick nach Vorne: Aufsätze aus den Jahren des Krieges (Munich: 1943), January 1, 1943.
29. Franz Six, "Die politische Propaganda der NSDAP in Kampf um die Macht" (Ph.D. diss., University of Heidelberg, 1936), pp. 48-54. Автор -хороший образец (наряду с Науманом, Рудигером и Хеппнером) молодого нацистского активиста-интеллектуала – позднее стал деканом факультета политических наук Берлинского университета. Отличительным признаком было быстрое продвижение Сикса. Его выдвинули на важную роль в уничтожении евреев и интеллектуалов в Англии. Cf. Stevenson, p. 128.
30. Cf. Hans L. Zankl, Zeitungsbild und Nationalpropaganda: Die Politik der Aufmachung (Leipzig), pp. 23-31.
31. Oren J. Hale, The Captive Press in the Third Reich (Princeton: 1964), p. 86.
32. Ibid., pp. 83-91, 275-76, 289; N.A. T-70/131 (немецкие газеты в 1943); T-176/24 (записи Ассоциации Германской Прессы); T-70/131 (материалы по взысканиям, наложенным на газету Frankfurter Zeitung); Heiber, Goebbels, pp. 138-39; Boelcke, 1939-1941, p. 145.
33. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 30, 64-69, 145, 562-63; Sington and Weidenfeld, pp. 59, 66-67; Ley (ROL), Organisationsbuch (Muenchen: 1937), pp. 303-6; Suendermann, pp. 7, 13-14, 252-53; Baird, p. 30.
34. IMT, XXX, 485; IMT, I, 352; IMT, XVII, 206-207, 239 et passim.; IMT, XIX, 333-334; IMT XXXII, 310-313; Boelcke, 1939-1941, pp. 148-52, 272.
35. Cf. RPA Berlin, Presse-Rundschreiben of August 30, 1939, and Sonderrundschreiben of November 22, 1939, H.I.A.; IMT, XXXII, 318-322.
36. Cf. Bayrischer Ostmark, May 13, 14, 1941; Lochner Papers, Box #20 (May 14, 15, 1941).
37. IMT, XVII, 170.

38. Slettiner General-Anzeiger/Ostsee-Zeitung, November 29, 1941 (N.A. T580/963); T-120/5/13219.
39. Cf. Christoph Peters, "Stilforman der NS-Bildpublizistik" (Ph.D. diss., University of Vienna, 1963), p. 168; N.A. T-580/638 (budget); T-580/979 (PK and DNB photos); T-580/638 (list of illustrated weeklies, 1943); Willis, p. 50.
40. Herbert Schmidt, "Der Propagandist und die Presse", in N.A.. T-580/656, pp. 9-11.
41. Cf. Krebs, pp. 304-307; Boelcke, 1939-1941, pp. 110-13.
42. Cf. Baird, p. 25, Boelcke, 1939-1941, p. 359; Hale, p. 278; N.A. T-580/656 (Sondermann to Redeker of RPA Hannover, October 5, 1944); on the difficulties confronting Das Reich: T-580/964 (December 25, 1942).
43. IMT, XVII, 241.
44. Goebbels, "Der Rundfunk als achte Grossmacht," in Signale, p. 197 ff. (italics in original).
45. См. по директорам радио-служб: Boelcke, 1939-1941, pp 78-83, 90-92; on the Rundfunkabteilung: IMT reprint of Mueller, Doc. 2434-PS.
46. Hans Fritzsche: IMT, XXXII, 305-309, 316-317, 326-327; IMT, XVII, 139; IMT, XXXI, 427-428.
47. См. N.A. T-580/677; "Die Tendenz der Hetze im feindlichen Rundfunk", "Die Lage in der Sowiet-Union", "Die Entwicklung im Mittleren Osten", T-580/676 (March 10, 1945).
48. См. Ernst Kris and Hans Speier, German Radio Propaganda: Report on Home Broadcasts During the War (London: 1944), p. 53; Boelcke, 1939-1941, pp. 94-96; Sington and Weidenfeld, pp. 153-54.
49. Kris and Speier, p. 60; Boelcke, 1939-1941, p. 383; Sington and Weidenfeld, pp. 250-261.
50. N.A. T-81/671/5479746-59.
51. См. Heiber, Goebbels, p. 196; N.A. T-580/608 ("Entspannung").
52. См. Boelcke, 1939-1941, p. 290; Lochner Papers, Box #20 (April 6, June 23, 1941).
53. См. Boelcke, 1939-1941, p. 237; Lochner Papers, Box #20(March 11, July 17, 1941).
54. N.A. T-81/671/5479793.
55. См. Dittmar: Kris and Speier, p. 76; N.A. T-120/5/13303.
56. IMT, XVII, 153, 216.
57. Von Oven, I: 138.

58. IMT, XIX, 347.
59. IMT, XXXII, 323-25.
60. IMT, XVII, 140-41; IMT, XXXII, 71.
61. Boelcke, 1939-1941, p. 65.
62. Hans Fritzsche, "Politische Zeitungs-und Rundfunkschau vom 20.4.40", H.I.A.
63. December 6, 1942 ("Das neue Kampfjahr") B.A.; См. also January 18, 1943 ("Zehn Jahre"); March 31, 1943 ("Der Bombenkrieg"); March 9, May 8, July 17, July 24, July 31, August 14, August 28, September 11, November 20, December 27, 1943; January 3, January 8, January 15, March 18, 1944.
64. По поводу многих ссылок Шарпинга, показанных в фильме в обратном порядке, можно проконсультироваться в N.A. T-70/ 123/3651410-685.

ГЛАВА 5

1. Hermann Liese, ed., Das deutsche Hausbuch (Berlin: 1943), предисловие Геббельса.
2. Goebbels, "Buch und Schwert", in Das eherne Herz, p. 65.
3. Sington and Weidenfeld, p. 236; Boelcke, 1939-1941, p. 178.
4. Cf. on Rosenberg's office: Bücherkunde: Monatshefte für das deutsche Schrifttum; Deutsche Bücher (1940), Michigan; "Buch-Hinweise" in N.A. T-81/21/19023.
5. Hausbuch (Liese, ed.) reviewed in the Kulturpolitisches Mitteilungsblatt, September 25, 1943, B.A.
6. "Bibliothek des Reichstags: Ausgewählte Neuerwerbungen" (32. Jahrgang/March-August 1944), YIVO,
7. Aufklärungsdienst, Munich/Upper Bavaria, Folge 3 (1939), B.A.
8. Six, pp. 56-57.
9. N.A. T-81/24, May 24, 1943 ("Universum-Verlag").
10. Cf. Boelcke, 1939-1943, p. 276; N.A. T-81/24/21878 et passim.
11. N.A. T-81/672/5480061-82.
12. N.A. T-580/671.
13. N.A. T-81/674/5482796-819 ff.
14. Ley, Anordnung 14/39, Rundschreiben der DAF (Thuringia).
15. N.A. T-580/587 (October 5, 1942). См. также Unser Wille und Weg (January 1941).
16. Heiber, Reichsführer! pp. 266-67.
17. Party Chancellory, Vertrauliche Information, January 17, 1944,

Beitrag: 8; PK, January 26, 1942 (to all Gauleitungen on Alsdorf's book).

18. Sington and Weidenfeld, p. 238; KPMB, October 20, 1941, p. 2.
19. См. по видам цензуры: Boelcke, 1939-1941, p. 178; Bouhler, "Parteiamtliche Prüfungskommission zum Schutze des NS.-Schrifttums", in Neuburger, Publications, #213; Ley, NS Jahrbuch (1942), p. 187; Amt Schrifttumspflege (Rosenberg), Neuburger, #220; описание учреждением Боулер своего авторитета: N.A. T-81/672/5480546; по цензуре Our Hitler Youth: N.A. T-81/672/5479986 (May 26, 1941); on Kraeger book: T-580/601 (March 27, 1944).
20. Cf. NS Jahrbuch ("Der Reichsleiter für die Presse"); F.X. Schwarz, Anordnung as Reichsschatzmeister der NSDAP, 34/42.
21. Boelcke, 1939-1941, pp. 295, 598.
22. См. Hess: N.A. T-81/675/5484215 (January 12, 1942).
23. Ibid., 5483318-328.
24. Goebbels, Vom Kaiserhof, pp. 48-49 (February 20-22, 1932).
25. Boelcke, 1939-1941, p. 614.
26. Cf. Six, pp. 50-57.
27. Cf. on "Parole der Woche": Neuburger, Publications, #216 B; Tiessler to GPL Danzig, August 12, 1940 (N.A. T-81/672); "Bild der Woche": Reichsamtsleiter Davidts, RPL Rundschreiben, in T-81/24/21989-90; показ плакатов: T-81/24/21814 (RPL, Boetticher to all GPL, January 14, 1944); лозунги, ibid., Promi to all RPAe, March 18, 1943; конец "Parole der Woche": T-81/24/21886 (May 5, 1943); сотрудничество со Шпеером: ibid., RPL to all GPL, May 13, 1943; examples of the "Weekly Motto" in H.I.A. (среди них "The Führer Is Always Right", возможно заимствованная из "Decalogue" of Italian fascist youth); DAF on the "Motto": DAF Rundschreiben, Thuringia, February 15, 1940; Frowein, February 13, 1943 in T-580/592.
28. Cf. on the DPA: Sondermann to Abt. H, March 24, 1944, in N.A. T-580/ 592; отклонение предложения со стороны RPA Franconia, April 6, 1944, ibid.; бюджет и выставка трудов DPA: T-580/605, March 31-May 15, 1941; упразднение небольших студий и представление их претензий, ibid., August 28, 1944.
29. См. по картам и диаграммам: N.A. T-580/589 and T-81/

671/5479394 (February 22, 1943); использование карикатур и репродукторов в Линце, октябрь 1940: T580/586 (из Volksstimme); уход с экранов "картины недели": мера RPL, описанная в RS 36/42, 29 августа, 1942, Kreisleitung Eisenach. Michigan.

30. Ibid., RS 40/41 (September 29, 1941).
31. Cf. N.A. T-81/674/5482252-505.
32. Cf. "Kurzparolen für die Vorder-oder Rückseiten der Speisekarten", N.A. T-81/672/54803I2/345.
33. Ibid., 517.
34. Cf. T-81/24/22004-043 (March-July 1943).
35. См. по почтовым маркам: T-580/657 (RPAe Graz/ Vienna/ Munich, 1942-1944); T-70/I23/3651235 et passim.
36. Cf. N.A. T-580/656 (December 16, 1944 and January 15, 1945).
37. Ibid. (December 1944).
38. Cf. on Metallspende: Eisenach KPL RS 11/40 (March 27, 1940); Mother's Day: Ibid., RS 22/40 (May 15, 1940), Michigan.
39. Ibid., RS 39/40 Schu. (July 31, 1940).
40. Ibid. (December 2, 1940).
41. Cf. KL Eisenach, RS 35/41 (August 6, 1941).
42. Ibid., RS 41/41 Schu. (September 30, 1941).
43. Ibid., "An alle Kassenleiter", (March 17, 1942).
44. Ibid., KPL, "An alle Redner" (May 27, 1942).
45. См. по рождественской программе, "Der Gegner Lügt!" and "Grüsse aus der Heimat: Soldatenbriefe": N.A. T-580/657.
46. Die Parole (Munich), "Monatsdienst der GPL", May 1943, pp. 7-8. Michigan.
47. Tiessler to all Gau Circle Directors, June 18, 1943 (N.A. T-81/672/ 5480433).
48. "Der Gauring", (April 1943) in N.A. T-580/669, pp. 3, 5-7.
49. Der Gauring, "Was unsere Gegner als Kriegsziel herausstellen..." (May 1943); ibid., "Stabschef Viktor Lutze" (June 1943). Примеры художественного оформления данного бюллетеня см. за октябрь и ноябрь 1943 в N.A. T-81/663/5470911-65. Многие из подобных публикаций Reichsring начали издаваться лишь в 1941 и 1942 гг., чтобы усилить аппарат военной пропаганды, когда стало очевидно, что война не может быть завершена быстро.
50. Cf. the Gauarchiv der NSDAP Gau Magdeburg-Anhalt, пре-

бывающий еще в зачаточном состоянии в 1942-1943. N.A. T-81/674/5482564 ff.

51. Cf. N.A. T-81/24.
52. GPL to Promi state secretary Werner Naumann, N.A. T-580/672.

ГЛАВА 6

1. Siegfried Kracauer, From Caligari to Hitler: A Psychological History of the German Film (Princeton: 1947), p. 275,
2. Quoted by Richard M. Barsam in Filmguide to Triumph of the Will (Bloomington, Ind.: 1975), p. 42.
3. Von Oven, I: 57-58.
4. Unser Wille und Weg (1940), p. 103.
5. Goebbels, "Der Film als Erzieher", in Das eherne Herz, p. 43.
6. Hitler, Secret Conversations, pp. 69, 75.
7. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 358, 360, 366, 375 (все в 1940), and p. 672 (1941).
8. N.A. T-120/5/13310.
9. Quoted by Wulf, p. 363.
10. Boelcke, 1939-1941, p. 718.
11. Запрет отменили 29 сентября, 1941, но отчеты прессы все еще оставались под давлением цензуры. См. RPA Berlin, Presse-RS 11/117/41 in Wulf, p. 364.
12. Boelcke, 1939-1941, p. 336.
13. N.A. T-580/584.
14. Cf. A. Fredborg, Behind the Steel Wall: A Swedish Journalist in Berlin 1941-1943 (New York: 1944), p. 3; Boelcke, 1939-1941, p. 715.
15. H. Koch and H. Braune, Von Deutscher Filmkunst (Berlin: 1943), on the "Kriegswochenschau."
16. Eric Borchert, Entscheidende Stunden: Mit dem Kamera am Feind (Berlin: 1941), p. 5.
17. Goebbels, "PK," in Unser Wille und Weg (June 1941), p. 74.
18. Ibid., p. 73.
19. Lochner Papers, Box #19 (probably June or July 1940).
20. L. Heyde, Presse, Rundfunk und Film im Dienste der Volksführung (Dresden: 1943), pp. 32-33.
21. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 128-129; O. Buchbender and H. Schuh, eds., Heil Beil! Flugblattpropaganda im zweiten Weltkrieg: Dokumentation und Analyse (Stuttgart: 1974), pp. 13-14; Stab des Stellvertreter des Führers, Abt. M, May 26, 1939,

and March 10, 1939 (резервное моторизованное подразделение), H.I.A.

22. Ibid. June 26, 1939, p. 1.
23. Cf. по министерству и персоналу PK: Promi (Wentscher) to RPAe, June 12, 1939, пункт 5; ibid., пункт 6 (Luftwaffe PK); ibid., пункт 12 (ответственность служб RPA); обслуживание и поставка техн. оборудования: Advisor for Defense of the Reich in Promi to RPAe, July 12, 1939, pp. 1-2; сокращения персонала в 1942, PK к мобилизации офицеров-вербовщиков во всех Gaue: January 26, April 17, May 11, August 6, 1942, H.I.A.
24. Cf. Boelcke, 1939 – 1941, p. 286.
25. Ibid., p. 292.
26. Cf. по плану организации: N.A. T-70/3503324-431 (Promi); состав: T-580/621/Ordn. 258.
27. Willis, p. 94.
28. Cf. N.A. T-580/983 (December 7, 1944).
29. Lochner, Diaries, p. 347.
30. N.A. T-580/984 (July 13, 1944).
31. Richter, NS-Filmpublizistik, pp. 39-56. Cf. also pp. 90-99.
32. См. по учреждению Deutsche Wochenschau G.m.b.H.: N.A. T-580/ 621/Ordn. 258; Boelcke, 1939-1941, p. 170; Auslandstonwochen: Die Lage, June 24, 1944, p. 6.
33. Cf. по среднему количеству изданий: Boelcke, 1939-1941, p. 382; records of the RKK, N.A. T-580/940; Heyde, p. 33; Die Lage, June 24, 1944, p. 6; Leiter Film to Goebbels, December 20, 1944 in T-580/983; Richter, NS-Film., pp. 90-108.
34. Cf. требованиям к кинофильмам, сокращения: H. Barkhausen et al., Propaganda und Gegenpropaganda im Film 1939-1945 (Vienna: 1972), pp. 31-32; Leiter Film Abt. to Dr. G. December 5, 12, 20, 1944, in N.A. T-580/983.
35. Cf. N.A. T-70/121/3648960; T-580/983 (Leiter F to G., December 20, 1944); T-70/121/3648924.
36. Cf. DW #646-650, LOC.
37. Cf. on Dönitz in the "Newsreel": DW 4649, 679, 686; Goebbels on Dönitz: Lochner, Diaries, pp. 312, 436.
38. Cf. Göring: DW 687, 737.
39. Cf. Boelcke, 1939-1943, p. 296.
40. Cf. DW 651, 655, 686, 733, 735, 736, 754.
41. Ct. DW 646, 655, 725, 754, 755.

42. См. DW 737.
43. Quoted by Barsam, p. 48.
44. Quoted by Barkhausen et al., p. 36.
45. From Max Domarus, Hitler: Reden und Proklamationen 1932-1945, Kommentiert von einem Deutschen Zeitgenossen (Munich: 1965), II: 2153-54. Домарус полагаст, что заявление Гитлера было сделано 8 октября; оригинальное издание документа содержит дату 7 октября. Германское агенство новостей распространило текст 10 октября.
46. Cf. Volkssturm и легенда народного восстания: R.E. Herzstein, "Goebbels et le mythe historique par le film, 1942-1945", Revue d'histoire de la 2e guerre mondiale, no. 101 (1976): 52-53, 60-61.
47. Cf. N.A. T-580/983 (Leiter F to Naumann, November 18, 1944).
48. DW 738.
49. Cf. N.A. T-580/667.
50. DW 741.
51. DW 755.
52. DW 480. Пресса развивала ту же тематику. Дитрих предложил репортерам написать: "Вождь немецкого народа находился под покровительством провидения". Sündermann, p. 85. Номер Angriff от 11 ноября, 1939, описывал Адольфа Гитлера "у урн с прахом семи жертв покушения". Микаель Зигерт, говоря о DW, обращается к секуляризированной национальной церкви, к высшему ритуалу самопожертвования в войне: Barkhausen et al., p. 62.
53. Cf. хвалебная речь Гитлера Тодту: Domarus, II: 1836-40, and DW 598; фотография Гитлера на похоронах Тодта: R.E. Herzstein, Adolf Hitler and the German Trauma (New York: 1974), p. 167.
54. DW 662; пленку с записью хвалебной речи Геббельса можно достать в N.A. Audio-Visual Section.
55. DW 738; cf. о том, как Геббельс обрисовывал образ Роммеля: T-120/5/13286 (December 22, 1942).

ГЛАВА 7

1. Veit Harlan, Im Schatten meiner Filme: Selbstbiographie, ed. H. C. Offermann, p. 6.
2. Von Oven, I: 58.
3. Wulf, p. 268.

4. Ibid., p. 290.
5. Quoted by H. Blobner and H. Holba, "De Morgenrot a Kolberg: le cinema allemand au service du Nazisme", Cinema 64, No. 87, p. 57.
6. Ibid., p. 58.
7. Boelcke, 1939-1941, p. 618.
8. Quoted by Erwin Leiser, Nazi Cinema (London: 1974), p. 61.
9. Lochner, Diaries, p. 203.
10. N.A. T-81/671/5479234.
11. Cf. Reich Film Chamber: Wulf, p. 283 (quoting Gerhard Menz); информация по официальным органам RFK и роли Бормана, N.A. T-580/949.
12. Cf. Boelcke, 1939-1941, p. 169.
13. Cf. Barkhausen et al, p. 50; Boelcke, 1939-1941, p. 169.
14. Ibid., p. 219.
15. Boelcke, ibid., pp. 83-85.
16. Michael Siegert, "Fritz Hippler — Goebbels' Reichsfilmintendant", in Barkhausen et al., pp. 51-60.
17. Cf. on Hans Westmar: Wulf, p. 350.
18. Leiser, p. 35.
19. Hippler, Betrachtungen zum Filmschaffen (Berlin: 1942, 4th printing), pp. 2-5, 104-7.
20. Boelcke, 1939-1941, pp. 85-87.
21. Cf. Wolfgang Becker, Film und Herrschaft: Organisationsprinzipien und Organisationsstrukturen der nationalsozialistischen Filmpropaganda (Berlin: 1973), pp. 191-94, and Hans Hagge, Das Gab's Schon Zweimal: Auf den Spuren der UFA (Berlin: 1959), pp. 55-61.
22. Cf. рапорт для Геббельса, November 15, 1941, "Verhandlungen mit Heydrich", H.I.A.
23. Cf. N.A. T-580/626 on "Wien-Film Geselleschaft," and the Wien-Film-Band (материал для периода с июня 1941 по декабрь 1942).
24. Lochner, Diaries, p. 38.
25. Cf. Wulf, pp. 321-22, и Геббельс о UFA: Lochner, Diaries, p. 273.
26. Boelcke, 1939-1941, p. 171.
27 Lochner, Diaries, p. 158.
28. Cf. Curt Belling, Der Film im Dienste der Partei (Die Bedeutung des Films als publizistischer Faktor), LBB Schriften No. 2 (1937), pp. 8-19, 30-31, 48; Sington and Weidenfeld, pp. 48-

49; Belling, "Der Film-Propagandawaffe und Kulturgut (Betreuung der Volksgenossen durch die Partei Filmarbeit)", in Unser Wille und Weg, pp. 5-7.

29. Cf. по сохранению кинематографических трудов в случае войны: Staff of the Deputy Fuhrer, Abt. M., "Vorbereitung der personnellen und materiallen Mobilmachung der Gaufilmstelle", February 2, 1939, H.I.A.; admissions in 1938: Carl Neumann, "Die Filmarbeit der Partei", in Unser Wille und Keg, p. 130; политические фильмы для войск: Willis, pp. 88-90; публицистические: схема RPL, составленная в конце 1941 ("Propagandaaktion") в N.A. T-81/673, 5481696 ff. (IId), и записи Криса Айзенаха, март, июнь, 1942, Мичиган. Десятая годовщина: инструкции из RFK, "Der deutsche Film am Jahrestag der Machtergreifung", (December 15, 1942).
30. Cf. зима 1940: Boelcke, 1939-1941, pp. 263, 274; зима 1941: ibid., p. 610; полевые госпитали: Kreis Eisenach, December 17, 1942, Gau personnel office on RFK decree, Michigan; конфискация частных театров: Kreis Eisenach, February 23, 1942, Landesleiter Film to Kreisleiter, Michigan.
31. Cf. N.A. T-580/682 and 983; Halle: T-580/660 (September 29, 1944).
32. N.A. T-580/579.
33. N.A. T-580/944 (Ordner #30).
34. N.A. T-580/983 (Hinkel to Goebbels, October 27, 1944),
35. Quoted by Leif Furhammer and Folke Isaksson, Politics and Film (New York: 1971), p. 41.
36. Barkhausen et al., p. 33.
37. Hippler, Betrachtungen, p. 29.
38. Heyde, pp. 18-19.
39. Gutterer: N.A. T-580/584 (September 16, 1941).
40. RPA Berlin, Presserundschreiben Nr. I/198a/39 (August 30, 1939), H.I.A.; Aufklärungsdienst, München/Oberbayern (late April or May 1939), Folge 4.
41. Pierre Cadars and Francis Courtade, Le Cinema nazi (Paris: 1972), p. 216, неправильно критикует автора, который верил, что Feuertaufe и Feldzug in Polen были двумя различными фильмами.
42. В IMP имеется прекрасная коллекция рекламных материалов по Feuertaufe; некоторые из них воспроизведены на стр. 280.

43. Cf. Furhammer and Isaksson, p. 174; Lochner papers, Box #20 (January 27, 1941); Boelcke, 1939-1941, pp. 607, 610; Kracauer, pp. 279-305.
44. N.A. T-580/983.
45. Cf. Cadars and Courtade, pp. 208-209; Leiser, p. 32.
46. Hagge, p. 59. R. Manvell and H. Fraenkel, The German Cinema (New York: 1971), p. 91, ошибочно считают местом возникновения этой истории г. Лодзь.
47. Введение в Heimkehr.
48. Die polnischen Greueltaten an den Volksdeutschen in Polen (Berlin: 1940).
49. "Volksdeutsche Flüchtlinge..." DNB Nr. 240, p. 1, August 30, 1939. См. illustrations on p. 290 above.
50. Quoted by Wulf, p. 355.
51. Cf. Boelcke, 1939-1941, p. 639.
52. C.f' N.A. T-81/671/5479609-640 et passim.
53. Boelcke, 1939-1941, p. 253.
54. Ibid., p. 653.
55. Cf. Lochner papers, Box #20 (April 7, 1941, ff.).
56. Boelcke, 1939-1941, p. 293.
57. Heinz Goedecke and Wilhelm Krug, Wir Beginnen das Wunschkonzert (Berlin, 1940).
58. Leiser, p. 63.

ГЛАВА 8

1. Joseph Goebbels, Der geistige Arbeiter im Schicksalskampf des Reiches (München: 1944), p. 7.
2. См. по историческим фильмам: Hippler, pp. 28, 76-80.
3. Quoted by Cadars and Courtade, p. 72.
4. Cf. по выпуску The Dismissal: Лютер — Риббентропу в министерстве иностранных дел, 25 июля, 1942, N.A. T-120/738/858; Hitler, Conversations, p. 601; Boelcke, 1939-1943, pp. 273-74.
5. Cf. Cadars and Courtade, pp. 138-41. Лейзер анализирует фильм на стр. 90-93 и воспроизводит некоторые критические диалоги на стр. 143-49.
6. Boelcke, 1939-1941, p. 711.
7. Документы Лохнера, Box #20 (July 7, 1941).
8. Cf. Furhammer and Isaksson, pp. 116-19; Heyde, p. 22. Пример отвратительной афиши, рекламирующей фильм по всей Европе см. Blobner and Holba, p. 53.

9. Domarus, II: 2005.
10. Blobner and Holba, p. 54.
11. Cf. Richard Grunberger, The 12-Year Reich: A Social History of Nazi Germany (New York: 1971), pp. 416-17.
12. Рекламная кампания включала перепечатку избранных документов, относившихся к евреям в Вюртемберге в 1730-40 гг. Cf. O. Gerhardt, Jud Süss: Mätressen und Judenregiment in Württemberg vor 200 Jahren (Stuttgart: 1940).
13. У Фердинанда Мариана, очевидно, были колебания при описании Jud Süss. После войны он погиб в автомобильной катастрофе, которую некоторые следователи считают самоубийством. Генрих Георг умер в русском плену. Вайт Харлан не выпустил сколь-нибудь значительных фильмов в послевоенное время и постоянно находился под давлением судебных органов по делу Jud Süss. См. David S. Hull, Film in the Third Reich (Berkeley: 1969), стр. 269.
14. Domarus, Reden, II: 1058.
15. IMT, XIX, 316, and IMT, XIV, 421.
16. Hitler, February 24, 1942, "Des Führers Botschaft zum Parteigründungstag," IMT, XLI, 544.
17 Ibid., XII, 319.
18. Cf. Orlow, pp. 455-56; Bollmus, pp. 123, 293.
19. Hitler, Conversations, pp. 168-69.
20. Ct. N.A. T-580/983.
21. Carl Hauptmann, "Der Film in totalitären Staaten", Politische Studien, Heft 124 (1960); 538.
22. Cf. Harlan, p. 164; Grunberger, p. 422.

ГЛАВА 9

1. Shirer, p. 277.
2. Cf. on Sombart: Arthur Mitzman, Sociology and Estrangement: Three Sociologists of Imperial Germany (New York: 1973), pp. 254-61, et passim.
3. Oswald Spengler, Preussentum und Sozialismus (Munich: 1921), pp. 32-41, et passim.
4. Cf. Aufklärungsdienst, nos. 5 and 7 (May-Summer, 1939); Gau München/Oberbayern: Kriegsinformationsdienst, Folgen 4 through 6.
5. "Lord Haw-Haw": Shirer, p. 525.

6. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 247 and 279; Informationsdienst (München), Folgen 9-13 (early 1940).
7. Hitler, Conversations, p. 42.
8. James Douglas-Hamilton, Motive for a Mission: The Story Behind Hess's Flight to Britain (London: 1971), pp. 120, 130-31.
9. Sündermann, p. 47 (June 25, 1940).
10. N.A. T-580/979 (July 2, 1940).
11. Boelcke, 1939-1941, pp. 551, 558.
12. Ibid., p. 585.
13. J. Bernard Hutton: Hess: The Man and His Mission (New York; 1971), p. 21.
14. Quoted by Sündermann, pp. 147-149.
15. Cf. Douglas-Hamilton, pp. 46, 120, 137.
16. Boelcke, 1939-1941, p. 207.
17. KPMB of March 1, 1942, in N.A. T-81/683/4721888.
18. "Handakten Kruemmer", N.A. T-120/5/13244.
19. Archiv der Gegenwart, p. 6360.
20. Schulungs-Unterlage Nr. 33 ("Das System der Plutokraten"), Schulungsmaterial Nrs. 1, 4 (ROL).
21. Lochner, Diaries, p. 195.
22. Hitler, Conversations, p. 440.
23. Lochner, Diaries, p. 461.
24. RPL bulletin of April/May 1944 ("Bolschewismus"), Blatt 1/5.
25. Hitler, Conversations, p. 638.
26. Lochner, Diaries, p. 313.
27. Goebbels, "Von der Gottähnlichkeit der Engländer", in Die Zeit, p. 301 ff.
28. Cf. Die Zeit, p. 248.
29. Cf. Lochner Papers, Box #20 (February 11, March 12, 1941).
30. Goebbels, "Das alte Lied" (April 8, 1941), in Die Zeit, p. 453.
31. Goebbels, "Der Frömmste unter uns allen", March 23, 1941 (Die Zeit, p. 437).
32. Goebbels, "England und seine Plutokraten" (January 5, 1941), in Die Zeit, pp. 359-60.
33. Goebbels, "Die Vision...", in Die Zeit, p. 66.
34. Goebbels, "Der Sieg wird unser sein", in Das Reich, November 6, 1943. Эта фраза являлась заголовком на широко распространеном рекламном плакате в 1943.
35. Goebbels, "Das neue Stadium des Krieges", in Das Reich, October 16, 1943.

36. Hans Fritzsche, Krieg den Kriegshetzern: Acht Wochen polilische Zeitungsund Rundfunkschau (Berlin: 1940), с предисловием Геббельса на стр. 5-7.
37. N.A. T-70/123/3651321-541.
38. "Feierstunde am Sonntag, den 1. September 1940", Michigan.
39. Die Aktion: Kampfblatt gegen Plutokratie und Völkerverhetzung (Erstes Jahr, 1939-1940).
40. Fritz Seidenzahl, Die Gewaltherrschaft des englischen Pfundes: Wie England seine Wirtschaftsmacht missbraucht (Berlin, n.d.), pp. 5, 6, 57-59, passim.
41. Werner Morgenstern, Unter der Knute der Plurokratie: Der Leidensweg von Millionen (Berlin: 1941).
42. Walther Pahl, Die britische Machtpolilik (Berlin: 1940), pp. 116-17.
43. F.O.H. Schulz, Englisches Mitleid-Englische Sozialpolitik (Berlin: 1940), pp. 7-11, 86-89.
44. Rosenberg, Mitteilungen, September 25, 1939.
45. Ernst Clam, Lord Cohn: Die Verjudung der englischen Oberschicht von D'Israeli bis Hore-Belisha (Leipzig: 1940), pp. 3-27, 110-17.
46. Fritz Sauckel, "Die Narren von London", B.A.; cf. on distribution: GPL Thüeringen, March 2, 1944 (Michigan).
47. Wilhelm Ziegler, Ein Dokumentenwerk uber die englische Humanität (Berlin: 1940), and G. Wirsing, 100 Familien regieren England (Berlin: 1940). Геббельс упоминал эти книги во время конференции 20 апреля 1940: Boelcke, 1939-1941, p. 325.
48. Bruno Rücker, Die soziale Rückständigkeit Grossbritanniens (Berlin: 1940), pp. 5-7, 43, 61.
49. A. Reithinger, Das Weltreich und die Achse: Grossbritanniens Kraft und Schwäche, Schein und Wirklichkeit seiner Wirtschaftsmacht (Stuttgart: 1941), pp. 7-9, 19, 77-79.
50. Domarus, II: 1006. Cf. on Chamberlain: File 1939, State Historical Society of Wisconsin.
51. Boelcke, 1939-1941, p. 343.
52. Ibid., p. 417.
53. Shirer, p. 509; Boelcke, 1939-1941, p. 490.
54. Ibid., p. 579.
55. Ibid., p. 680.
56. Goebbels, "Winston Churchill" (February 2, 1941), in Die Zeit, pp. 380-83.

57. Goebbels, "Der tönerne Koloss" (November 23, 1941), in Das eherne Herz, pp. 92, 97.
58. Lochner, Diaries, p. 53.
59. Ibid., p. 64.
60. Hitler, Conversations, p. 353.
61. Otto Kriegk, "Offener Kampf" (October 1, 1943), in Fuehren und Erziehen, p. 13.
62. Douglas-Hamilton, p. 74.
63. Ibid., p. 134.
64. Domarus, II: 1561.
65. Lochner, Diaries, p. 273. Также см. pp. 183, 211, 212, 219, 235, 248.
66. Mitteilungen der ROL, HSA, April 1943, pp. 18-19.
67. Goebbels, "Der fallende Koloss", Das Reich, December 18, 1943.
68. Hitler, Conversations, p. 340.
69. Lochner Papers, Box #20 (June 17, 1941).
70. Party press office directives, N.A. T-81 /671/5479380 ff.
71. PK, January 26, 1942 (Michigan).
72. KL Eisenach to OG, May 28, 1942 (Michigan).
73. S.C. Bose, "Das freie Indien und seine Probleme", Wille und Macht: Führerorgan der NS Jugend, issue 8/42 (LOC).
74. Cf. N.A. T-120/765/349587-350485 (June 1942-May 1943).
75. Domarus, II: 1174.
76. N.A. T-580/979 (July 11, 1940, RPK).
77 F. Gral, Englands Kriege – Die Geschichte der britischen Kriege in fünf Erdteilen (1940), N.A. T-81/671/5479854 ff.
78. Reinald Hoops, Irland und England (Berlin: 1940), pp. 5-9, 61-65, 79-85.
79. Irland in der englischen Hölle (Berlin: 1940), pp. 12-14 (reprint of Meyer-Erlach, "Ist Gott Engländer?").
80. Cf. on Goebbels: Boelcke, 1939-1941, p. 217; Rosenberg: Mitteilungen, November 1, 1940.
81. Quoted by Gombrich, p. 19.
82. Goebbels, "Unser Sozialismus", N.A. T-70/123/3651498.
83. См. on Hess: Hutton, p. 165.
84. Stefan Schroeder, England und die Buren (Berlin: 1940).
85. Cf. Cadars and Courtade, p. 84 ff.; Furhammer and Isaksson, pp. 120-123.
86. Grunberger, p. 417.
87. Informationsdienst, Folge 15 (summer 1940).

88. Manvell and Fraenkel, p. 92, делают это наблюдение.
89. Lochner, Diaries, p. 190.

ГЛАВА 10

1. Cf. Furhammer and Isaksson, p. 39.
2. Dietrich Eckart, Der Bolschewismus von Moses bis Lenin: Zwiegespräch zwischen Adolf Hitler und mir (Munich: 1924), pp. 5-7, 49-50, passim.
3. Hitler, Conversations, pp. 37, 156.
4. Goebbels, Das eherne Herz: Rede vor der deutschen Akademie (Berlin: 1941), p. 22.
5. Lochner, Diaries, p. 113.
6. Goebbels, "Die Urheber des Ungluecks der Welt", Das Reich, January 21, 1945.
7. Boelcke, 1939-1943, p. 257.
8. Goebbels, "Die sogenannte russische Seele" (July 19, 1942), in Das eherne Herz, p. 399.
9. Quoted by Baird, p. 177.
10. Cf. Pan-Slavism: Niehoff; pp. 178-80.
11. Boelcke, 1939-1943, pp. 320-21.
12. Frau von Oven (November 3, 1943).
13. Lochner, Diaries, p. 186.
14. Boelcke, 1939-1943, p. 324.
15. Ibid. pp. 304-305.
16. Ibid., p. 324.
17. Goebbels, "Damals und Heute" (March 7, 1943), in Der steile Aufstieg, p. 213.
18. RPL Redner-Informationsdienst, B.A.
19. "Deutschland zum Endkampf mit dem judischbolschewistischen Mordsystem angetreten" (1941), pp. 3-5.
20. После 1949 г. Тауберт со своим коммунистическим опытом поступил на службу западно-германскому правительству. Диверге сделался преуспевающим бизнесменом.
21. Informationsdiensl no. 18: Redner-Schnellinformationen nos. 22, 26, 27, 30, 51 (1942). RPL Hauptamt Pro, "Anweisung" of February 20, 1943, N,A, T81/24/22074 ff.
22. Cf. Propaganda-Parole Nr. 18, Thuringia (March 6, 1943), p. 6.
23. "Jüdischer Schulkalender", Informationsdienst, April 28, 1943. Cf, N,A. T580/601 (1940-42, доклады Vorpruefungsstelle и доклад генерального секретаря Штукенбергу, 7 февраля, 1944).

24. "Propagandaparole für die SA", N.A. T-81/673/5481481 ff.
25. N.A. T-70/123/3651276 ff. (инструкции для прессы и радио).
26. Cf. N.A. T-580/646 (Abt. Pro), Der neue Tag, December 30, 1944.
27. Sündermann, pp. 167, 171-172.
28. Lochner Papers, Box #20 (July 6, 1941).
29. N.A. T-120/757/346472 ff. (воспоминания Шмидта о 30 ноября, 1941).
30. N.A. T-120/9/14905 ("Anregung" nr. 147, July 4, 1942).
31. Ibid., 15073 (Anr. nr. 83, February 28, 1942).
32. N.A. T-120/757/346103 (Anr. nr. 41, January 3, 1942).
33. Zeitschriften-Dienst, February 5, 1943. Библиотека Hoover Institution Library обладает выдающимся собранием этих указаний для изданий периодической печати.
34. Доклад DNB от 3 мая, 1943, in Archiv der Gegenwart, p. 5923.
35. Sündermann, p. 249.
36. Ibid., p. 250.
37. Quoted by Hildegard Brenner, Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus (Rowohlt: 1963), pp. 207-8.
38. Die Politik des Olflecks: Der Sowjetimperialismus im zweiten Weltkrieg (Berlin: 1944), pp. 10-17, 137-47.
39. J. von Leers, "Juden hinter Stalin", Michigan.
40. Klug, Die grösste Sklaverei der Weltgeschichte: Tatsachenbericht aus den Strafgebieten der GPU (Berlin: 1942), pp. 1-16.
41. Cf. Gau Organization Office — окружным руководителям, Eisenach, October 14, 1942 (Michigan); W. Diewerge, ed., Deutsche Soldaten sehen die Sowjet-Union (Berlin: 1942).
42. Das Sowjetparadies: Ausstellung der RPL der NSDAP: Ein Bericht in Wort und Bild (Berlin: 1942).
43. "Der Massenmord im Walde von Katyn: Ein Tatsachenbericht auf Grund amtlicher Unterlagen."
44. Goitsch, Niemals! (Berlin: 1944), pp. 40-44, 59. К началу 1945 года появилось по меньшей мере три тысячи копий этого памфлета.
45. Seraphim, pp. 89-95.
46. Lochner Papers, Box #20 (June 29, 1941).
47. Das Gesicht des Bolschewismus (Berlin: 1943) contains Rosenberg's "Das Sowjetproblem" and his "Die Sowjets und ihre Verbündeten."

48. Речь Розенберга (11 мая, 1944) в Archiv der Gegenwart, p. 6371.
49. Gerd Wunder, "Die Juden im Bolschewismus," in Das Gesicht des Bolschewismus," p. 26 ff.
50. Mitleilungen, August 20, 1940.
51. NS-Monatshefte, Heft 142 (January 1942), XIII, 10-30.
52. Taubert: "Generalreferent for All Eastern Questions", N.A. T-580/672 (November 18, 1941).
53. IMT, XIX, 326 (Heinz Fritz, July 24, 1946).
54. Robert Ley, "Schulungs-Unterlage: Weltbolschewismus", in Der Weg zum Deutschen Sieg (Munich: 1943), pp. 8-9.
55. Ibid., "Kurzthemen zu dem Schicksalskampf im Osten."
56. Ibid. "Vom Wesen des Bolschewismus".
57. Ibid., pp. 8-9.
58. Kampf dern Bolschewismus: 28 Fragen und Antworten über den Bolschewismus (Reichsführer SS Hauptamt).
59. Der Untermensch: См. иллюстрации на стр. 366-68 ниже.
60. См. Тисслер – Витту, 20 февраля, 1943, N.A. T-81/672; и Тауберт/ Гуттерер – Гиммлеру, 5 марта, 1943, Baird, p. 163.

ГЛАВА 11

1. Von Oven, II: p. 14.
2. См. об отклонении министерством просьбы на отчеты RPA Хагемайером: N.A. T-580/670.
3. N.A. T-580/644 (Gutterer всем RPA, 27 февраля, 1943).
4. См. по анкете: Kreisleitung Fisenach, Rundschreiben Nr. 48/40 and 24/40 (Michigan); Information Service: GPL München/Oberbayern, Folge 8, B.A.
5. IMT, XVll, 201. Cf. Heinz Boberach, ed., Meldungen aus dern Reich: Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944 (Neuwied: 1965), pp. ix, xv, xvii, xxvi- xxvii.
6. RSHA "Sonderbericht" of February 5, 1942 in N.A. T-175/267/2762548-553.
7. Lochner, Diaries, pp. 333-34.
8. Cf. Shirer. pp. 191, 200-201, 218-19.
9. Boberach, p. 8.
10. N.A. T-175/272/2768895.
11. Cf. Boelcke, 1939-194/, pp. 213, 264, 268, 341; Boberach, p. 35.

12. Lochner Papers, Box # 19A (February 1940).
13. Boelcke, 1939-1941, p. 328.
14. Boelcke, ibid., pp. 326, 329.
15. См. L.P. Lochner, "Round Robins from Berlin: Louis P. Lochner's letters to His Children, 1932-1941," Wisconsin Magazine of History, L (1939): 326, and Lochner, "Entertaining in Reich Difficult," AP dispatch in Lochner Papers, Box #45.
16. Cf. Boelcke, 1939-1941, p. 582; Shirer, p. 563; File 1939, Wisconsin State Historical Society.
17. Lochner Papers, Box #19. Cf. Boberach, p. 40.
18. Cf. Boberach, pp. 77, 85; Baird, p. 105.
19. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 300, 358, 382, 396, 476; "Redner-Schnellinformation", No. 43 (May 15).
20. Shirer, p. 492.
21. Shirer, p. 581. Cf. Boelcke, 1939-1941, pp. 494, 514.
22. Lochner Papers, Box #20 (May 5, 1941; June 20, 1941).
23. Cf. Boberach, pp. 134, 142: Boelcke, 1939-1941, pp. 615, 699; N.A. T-81/691, 629.
24. Lochner Papers, Box #20 (May 14. 1941).
25. Cf. Boberach, p. 152; N.A. T-175/269/2764964 (Paderborn, June 24).
26. Cf. Boelcke, 1939-1941, p. 455; N.A. T-175/269/2764975-980; Boberach, pp. 158-59; SD Bericht (Bielefeld and Detmold), June 30, T-580/963; Lochner Papers, Box #20 (June 26, 1941); T-175/269/2764982 (Hoexter, June 27).
27. См. Tiessler Vorlage on "Propaganda", July 31, 1941, N.A. T-81/673/ 5481668 ff., and Baird, p. 173; по русскому сопротивлению: "Redner-Schnellinformation", September 19-20, 1941, B.A.; о зверствах: N.A. T-580/646 (Dr. Prause in Pro V, October 8, 1942); о переменах 1944 года: Sündermann, pp. 296-97.
28. Cf. Boberach, p. 184; Boelcke, 1939-1943, p. 195; RPL, N.A. T-81/673/ 5481673 ff.
29. Cf. Boberach, p. 198.
30. Rudolf Pechel, Zwischen den Zeilen: Der Kampf einer Zeitschrift für Freiheit und Recht 1932-1942 (Würzburg: 1948), pp. 338-40.
31. Cf. Boberach, pp. 202, 228, 245; Boelcke, 1939-1943, p. 207.
32. Cf. Boberach, pp. 267, 270; Lochner, Diaries, pp. 93, 168, 181, 196.

33. Cf. Boberach, pp. 238, 310; N.A. T-81/673/5482014 ff. (Albrecht to Tiessler, March 20, 1942).
34. Cf. GPL Weser-Ems, доклад по "Druckschriften-und Plakat-Propaganda" декабрь-январь 1941-42, in N.A. T-81/672/5480193; ibid., 5480029; T-175/267/2762660.
35. Cf. Boelcke, 1939-1943, p. 261; Cohn, pp. 210-11 (об исследовании Мюллера-Клаудиуса противоеврейских настроений в Германии, 1938-1942). Возможно, Геббельс оставил постоянный знак: См. the Boston Globe, May 26, 1976, "German poll finds 50% are anti-Semitic".
36. N.A. T-175/267/2762580-592 (Dortmund, Bielefeld, March 1942); "Redner-Schnellinformation" No. 38 (August 25, 1942); Boherach, p. 273.
37. Boberach, pp. 286-295, 314.
38. N.A. T-81/675/5483543-570 (Отчет от 9 ноября по событиям сентября-октября 1942).
39. N.A. T-580/963. Одна из проблем с отчетами SD и RPA состояла в том, что они часто включали противоречивые высказывания по поводу общественных позиций, не пытаясь проанализировать относительную силу определенных настроений. Это позволяло какому-либо вышестоящему начальнику утвердить свою политически мотивированную позицию.
40. Walter Hagemann, Publizistik im Dritten Reich: Ein Beitrag zur Methodik der Massenführung (Hamburg: 1948), pp. 427-30; Boherach, pp. 344-47.
41. N.A. T-175/271 /2767997; Boberach, pp. 359, 373.
42. Cf. N.A. T-81/673/5481102 (Buehler to Tiessler, March 13, 1942); Boberach, pp. 369, 343, 358; Boelcke, 1939-1943, p. 537.
43. Lochner, Diaries, pp. 364, 367; Boberach, pp. 382-83.
44. Boberach, pp. 386-87; Lochner, Diaries, p. 389.
45. Lochner, Diaries, p. 396; Studnitz, p. 25; Boberach, p. 413.
46. Lochner, Diaries, pp. 367, 373; Boberach, pp. 382, 390; Studnitz, p. 113. Слушая по радио речь Гитлера 10 сентября в отеле "Адлон", Штудниц отмечал, что лишь немногие из гостей слушали с вниманием, а большинство публики составляли повара, официанты и горничные. В понимании Геббельса этот тип воздействия на "массы" оправдывал общепризнанную "примитивную пропаганду".
47. Cf. Boberach, p. 414; памятка в записях Тисслера, "Ве-

handlung englischer Kriegsgefangener", N.A. T-81/673/5482127.

48. Cf. Goebbels' speech of March 15, 1942, Heiber, Reden, II: 106. Boelcke, 1939-1943, p. 335; Fredborg, p. 181.
49. Cf. Von Oven, I: 24-25; Ursula von Kardorff; Diary of a Nightmare. Berlin 1942-1945 (New York: 1966), p. 54; Fredborg, p. 194 and p. 167 (adapted).
50. "Bericht zur weltanschaulichen Lage", October 6, p. S.
51. Kardorff; p. 50.
52. Boelcke, 1939-1943, pp. 345-46.
53. Lochner, Diaries, p. 443.
54. Ibid., p. 514.
55. Ibid., p. 533.
56. Heiber, Reichsführer!, p. 283.
57. Goebbels, "Das neue Stadium des Krieges", Das Reich, October 16, 1943.
58. Fredborg, p. 221, относится, судя по всему к концу 1942 или началу 1943 гг.
59. Kardorff, p. 101.
60. Ibid., p. 69.
61. Boberach, p. 363.
62. Goebbels, "Rede vor der Tagung der Reichs-und Gauleiter", February 23, 1944 (Munich: 1944), pp. 6-11.
63. Kardorff, p. 110. Она слышала пение хора моряков в берлинском метро: "Это было жутко, но я была тронута."
64. Schaeffer to RPA Württemburg, March 14, 1944, N.A. T-580/671.
65. N.A. T-580/678.
66. Cf. "Propagandafuhrung in der Presse", Ельзнер — Проми, 6 сентября, 1944, N.A. T-70/123/3651383; Dr. Schlösser in Abt. Schrifttum to Abt. Pro. re: Blank ms., T-580/657; Кальтенбруннер — Риббентропу в отношении Везенмайера, 6 сентября, 1944, T-120/712/329951; Aachen: Frau von Oven (September 13, 1944); Бергер — Гиммлеру, 26 сентября, 1944: Heiber, Reichsführer!, pp. 362-66.
67. Cf. PK to Abt. Pro. (Sondermann), September 28, 1944, N.A. T-580/660; "Mitt. des GSAs" (Thuringia), October 1944, p. 9; Düren: Himmler to Bormann, December 2, in Heiber, Reichsführer! p. 378; VI: Marlis G. Steinert, Hitlers Krieg und die Deutschen: Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg (Düsseldorf: 1970), p. 497.

68. Leiter RPA Halle-Merseburg, "Vorschlag für die Propagandaarbeit auf Grund von Erfahrungen im Gau H-M" (written after October 23), N.A. T70/123/3651231-4.
69. Cf. Hagemann, p. 438, Steinert, pp. 502-10, и итоговый отчет о деятельности 23 октября, N.A. T-580/682. Отчеты вплоть до 21 ноября говорят о нарастании энтузиазма по поводу идеи фольксштурма.
70. Cf. N.A. T-84/160/1527440-1; Frau von Oven, p. 9; von Oven, II: 182-83.
71. Broszat, p. 388.
72. Heiber, Goebbels, p. 317. Cf. очерки Daniel Lerner, ed. Propaganda in War and Crisis (New York: 1951): S.K. Padover, "A Folio of German Types", M.I. Gurfein and M. Janowitz, "Trends in Wehrmacht Morale", and the U. S. Strategic Bombing Survey Morale Division, "Social and Psychological Factors Affecting Morale." В последней работе приводится наблюдение: "Те, кто очень испугались, больше не желали сдаваться, в отличие от тех, кто сохранил спокойствие (стр. 355). Какой триумф для Геббелльса!"
73. Некоторые гороскопы — без даты, большинство — не подписаны. Цитата приводилась из Вильгельма Вульфа. N.A. T-84/349/966-1005.
74. N.A. T-580/660.
75. RPA Main/Franconia, K.A. T-580/682; for "Activity Report" summary of March 21: ibid., p. 1. Как и в большинстве отчетов, в этом говорилось, что речи, произнесенные Геббельсом в Лаубане и Герлитце, оказали замечательный эффект на массы. Здесь кроется противоречие!
76. Von Oven, II: 273.

ГЛАВА 12

1. См. Kris and Speier, p. 57; N.A. T-580/643.
2. Cf. Werner Stephan, Joseph Goebbels, Dämon einer Diktatur (Stuttgart: 1949), p. 214; Kris and Speier, p. 56: "Meldungen aus dern Reich", December 16, 1942, N.A. T-580/963.
3. Shirer, p. 542. Cf. Boberach, p. 60.
4. Hitler, Conversations, pp. 538-39; "Verordnung über ausserordentliche Rundfunkmassnahmen", in N.A. T-120/2474/E255274; ibid. E255406-407.
5. Lochner, Diaries, pp. 77-78.

6. Для полицейских досье по нелегальному прослушиванию см. N.A. T-175/577; Goebbels, "Die Sache mit der Leichenpest", in Das eherne Herz, p. 34.
7. Cf. Boberach, pp. 334-39; Redner-Schnellinformation No. 63 (June 28, 1943).
8. N.A. T-70/123/3651286.
9. Sonderdienst Seehaus контролировал "SA Mann Schroeder," N.A. T-580/962 (August-September 1942); заявление Геббельса различным учреждениям рейха, T-120/2474/E255486-489 (October 1944).
10. Fritz: IMT, XIX, 319.
11. Cf. "Meldungen aus dern Reich", in N.A. T-580/963.
12. Hentze, February 12, and March 25, 1941; ответ Фрицше от 28 марта, 1941; Кнох Гитлеру, в письме, переданном Фрицше 24 марта, 1941. Эти и последующие письма содержатся в H.I.A., если не оговорено иначе.
13. Ответ Фрицше, 4 сентября, 1941; Альбрехт – Фрицше, 9 сентября 1941.
14. Некоторые из писем, упомянутых в этом параграфе, можно найти в N.A. T580/964 and 965.
15. N.A. T-580/965.
16. К осени 1944 Фрицше считал чтение этой почты неприятным занятием. В T-580/975 (запись 188) содержатся интересные анти-нацистские почтовые открытки и заметки.
17. Cf. отчет RPA Bochum, 25 сентября, 1944, N.A. T-580/963; Ответ Фрицше, ibid.; Vienna: Ханс Йирса – Геббельсу, 16 сентября, 1944; Фрицше – Рихарду Ланге, 21 октября, 1944, T-580/965. В этой папке содержится копия довольно посредственной, но страстной поэмы о фольксштурме. Аннемари Ройтш Фрицше, 27 февраля, 1945, N.A. T-580/965; "сокровенные дары": Тереза Зюс – Геббельсу, 27 августа, 1944, и доклад о ней Геббельсу от RPA Westphalia/North, November 23, 1944, N.A. T-580/671.
18. Cf. по вражеским листовкам и их воздействию: Klaus Kirchner, Flugblatter: Psychologische Kriegsführung im Zweiten Weltkrieg in Europa (Carl Hanser Verlag, 1974), pp. 27-35, and Buchbender and Schuh, p. 21 ff.; Lügenabwehr: N.A. T-120/9/15664 ff (1942 issues). "Der Gerüchtespiegel", Sonderdienst der RPL, T-580/644.
19. Отчет об инциденте, 14 апреля, 1942, N.A. T-81/673/5481542

ff. Cf. Tiessler to Buhler, June 1, 1942, ibid., and Tiessler, "Vorlage für den Herrn Minister," ibid., fr. 5481537 ff. (May 27, 1942).

20. "Vermerk für Pg. Tiessler", September 17, 1942, N.A. T-81/673/5481534- 535.
21. "Mitteilungen der ROL", July 1943, page 8.
22. Kiel RPA, September 28, 1944, и Promi — в RPA, October 2, 1944, N.A. T-70/123/3651379 ff.
23. N.A. T-580/656.
24. Willis, pp. 221, 225.
25. "Rundschreiben" — всем GPL, November 17, 1944, N.A. T-580/672.
26. N.A. T-580/672, Mundpropaganda Parole Nr. 16.
27. Ibid. Mundproparole Nr. 28 (August 31, 1944).
28. Ibid. Mundparole Nr. 27 (August 24, 1944).
29. Ibid. Mundparole Nr. 29 (September 7, 1944).
30. Ibid., Mundparole Nr. 32 (September 28, 1944).
31. N.A. T-580/656, Mundparole Nr. 7 (October 6, 1944), and N.A. T-580/ 672, Mundparole Nr. 8.
32. N.A. T-580/672, Mundparole Nr. 12, распространялся непосредственно главой отдела пропаганды, Берлин, 22 декабря 1944. Синхронность в осуществлении этой программы дезинформации была особенно важна, поскольку в разгаре находилось контрнаступление в Арденнах. Пропаганда о жестокости американцев усилилась в 1945. См. Mundparolen 21, 27, and 28, in N.A. T-580/673.
33. Volkischer Beobachter (October 4), Neues Wiener Tageblatl (December II, and Wiener Neueste Nachrichten (December 1), in N.A. T-580/656.
34. Schaeffer to RPA Vienna, November 30; Frauenfeld to Schaeffer, December 6; Schaeffer decision, December 12; all in N.A. T-580/656.
35. "Fragen aus dem Yolk", pp. 2-8, N.A. T-580/656. Проми пытался противодействовать пораженческой пропаганде, усиливая распространение листовок среди личного состава вермахта. См. интересный пример происхождения таких листовок в N.A. T-580/659, "Worum es jetzt geht!" и "Kamerad, das musst du wissen!" (обе в черновом варианте 28 марта 1945, Promi — RPA Oberdonau, ibid.).
36. Belling, pp. 14-15; См. Belling в Unser Wille und Weg (January 1939), p. 8, где он, по-видимому, противоречит циф-

рам, приведеным в Der Film, стр. 14; on Munich: Redner-Informationsdienst (Autumn 1938), B.A., and "Propaganda in Zahlen", in Unser Wille und Weg (January 1941); on Bayreuth: Bayrische Ostmark (January 27, 1941), p. 5; on 1940 statistic: Boelcke, 1939-1941, p. 172.

37. Hauptamt Film, N.A. T-580/940; SD Hauptaussenstelle Bielefeld, October 19, 1942, N.A. T-175/271/2767197-8.
38. Goebbels and Axmann, "Die deutsche Jugend im Krieg" (zur Eröffnung der HJ-Filmstunden 1942/43), p. 5. См. также Richter, pp. 78-83; Belling, p. 33; Goebbels, "Filmarbeit", in Das eherne Herz, p. 44. Впечатляющие кинокампании, предназначенные для молодежи в последние годы войны, отражали беспокойство по поводу враждебности по отношению к режиму со стороны различных групп молодежи. Cf. Schemer to Goebbels, August 18, 1941; Tiessler to Bormann, August 22, 1941; Tiessler to Goebbels, October 1942; N.A. T-81/675/5484203-208. Враждебность юношества предполагала такие формы, как танцы под запретную "негритянскую музыку", ношение одежды по английской моде, гомосексуализм, групповой секс, "расовое отвращение". См. очень интересную статью Даниеля Хорна "Youth Resistance in the Third Reich: A Social Portrait", Journal of Social History, Fall 1973, p. 26 ff.
39. Belling, pp. 42-43; Goebbels (1942 speech in Posen), N.A. T-580/669; Boelcke, 1939-1941, p. 172 (Бельке, возможно, переоценивал число действующих театров в 1942). Deutsche Allgemeine Zeitung, August 1942; "Film und totaler Krieg", отчет для Hinkel (August 1944), N.A. T-580/944. К концу 1943 статистические отчеты стали более редкими. Deutsche Allgemeine Zeitung, September 16, 1941, and Film-Kurier, August 8, 1942.
40. Cf. "Filmtheater-Statistik" (Grundsätzliche Bemerkungen zur "Aufteilung nach Ortsgrössenklassen"). N.A. T-580/620. Отчет DFVG Гетцлафу, 2 ноября 1942.
41. Ibid. "Inland-Vertrieb" List A.
42. N.A. T-580/643.
43. Учреждение Хинкеля (Bacmeister) — Геббельсу, November 20, 1944, N.A. T-580/ 983. Figures for late 1944 are spotty.
44. Die Lage, June 9, 1944, on "Film Theaters and Terror Attacks", pp. 7-8.
45. В отчете, сделанном в 1947, указывалось, что в Германии

тогда было 3000 картинных галерей. В конце 1941 таковых было 7000. См. Manvell and Fraenkel, p. 144.

46. "Die Propaganda der NSDAP im Kriege", N.A. T-81/671/5479290.
47. Cf. Boberach, p. 10; Boelcke, 1939-1941, p. 323. Геббельс еще раз повторил свои указания прессе 10 июля 1941 года. См. Hagemann, p. 64.
48. Boelcke, 1939-1941, p. 369.
49. Boberach, pp. 116-17; Boelcke, 1939-1941, p. 630.
50. Boberach, pp. 164-65; Lageberichte der SD, Auss. Bielefeld (July-August 1941), N.A. T-175/272/2768615-625.
51. Ibid., 610-617; SD Bericht zur Aufnahme der DW, October 9, 1941, N.A. T-580/963.
52. Boberach, p. 213.
53. SD Bericht on DW, November 1942, N.A. T-580/963. Cf. Boberach, pp. 364-65, n. 1.
54. Boberach, pp. 332, 365, 367; Hagge, pp. 62-63.
55. Studnitz, p. 203. Boberach, p. 368. См. по Финляндии: DW #735. Геббельс нервничал по поводу сцен зверств большевиков над немцами, поскольку таковые могли внести панику и массовые сдачи западным союзникам.
56. Goebbels, "Die Optik des Krieges", January 24, 1943, in Der steile Aufstieg, pp. 130-31.
57. Thuermer, March 11, 1941, Lochner Papers, Box #20. Cf. Boberach, p. 47.
58. Boberach, pp. 114-15.
59. SD Auss. Bielefeld, May 2, 1941, N.A. T-175/272/2768670-675.
60. Quoted by Leiser, p. 159. (Leiser's italics.)
61. Boberach, p. 207. См. также Cadars и Courtade, p. 142; Leiser, p. 146.
62. Gauleitung Hannover/Ost to PK, January 10, 1942; Bayr. Ostmark to PK, February 17; both in N.A. T-81/674/5482986-989.
63. Quoted by Leiser, pp. 158-59 (italics in original). Cf. Leiser, p. 62, and Hauptmann, p. 536.
64. Такая честь была не единственной для The Great King, вопреки причастности Ernest K. Bramsted, Goebbels and National Socialist Propaganda, 1925-1945 (1965), p. 279. Как Die Entlassung (1942), так и Kolberg (1945), например, были удостоены такой чести. Cf. Alfred Bauer, Deutscher

Spielfilm Almanach 1929-1950: Das Standardwerk des deutschen Films herausgegeben aus Anlass des 20. jährigen deutschen Tonfilm-Jubiläums (West Berlin: 1950), pp. 559, 562, 662.

65. "The Catalogue of Forbidden German Feature and Short Film Productions Held in Zonal Film Archives of Film Section, Information Services Division, Control Commission for Germany" (mimeographed by the British authorities), p. 27. Cf. Herzstein, "Goebbels et le mythe historique par le film, 1942-1945", pp. 45-51, 62.
66. Быстрый успех фильма вдохновил Main Cultural Office of the RPL the film: KPMB, #9, May 1, 1942, B.A.
67. NS Lehrerbund to NSLB Bayr. Ostmark, N.A. T-81/675/5484063-064.
68. N.A. T-580/682 (16 октября, 1944, за два дня до провозглашения Volkssturm).
69. N.A. T-580/983, Leiter Film to Goebbels, November 24, 1944. В том же месяце «Бисмарк» демонстрировался в Уормсе в течение трех дней: Johanna Mueller to Promi, November 26, N.A. T-580/947.
70. "Bericht zur welthanschaulichen Lage", August 6, 1943, p. 26.
71. Grunberger, Social History, p. 418.
72. Cf. SD Bielefeld, October 26, 1942, N.A. T-175/271/2767131-132.
73. Ханс Фрицше вспомнил эти слова через четырнадцать месяцев, после того как Геббельс. Он пришел в бешенство на Нюрнбергском процессе, когда говорил, что осознал тот факт, что Гитлер и Геббельс "намеренно лгали своему народу..." IMT, XVII, 187.

SOURCES

I. There is no single comprehensive guide to archival resources relevant to subjects studied in this book, but the following compilations have been extremely useful:

Barkhausen, Hans, comp. *Filmbestände. Verleihkopien von Dokumentar -und Kulturfilmen sowie Wochenschauen 1900-1945.* Bundesarchiv; 1971.

Boberach, Heinz. "Das Schriftgut der staatlichen Verwaltung, der Wehrmacht und der NSDAP aus der Zeit von 1933-1945. Versuch einer Bilanz." *Der Archivar,* XXII, No. 2.

Booms, Hans. «Die 'Sammlung Rehse'» *Der Archivar: Mitteilungsblatt für deutsches Archivwesen,* XXII, No. 1 (1969): 1.

Granier, G., Henke, J., and Oldenhage, K. *Das Bundesarchiv und seine Bestände.* Boppard: 1977.

"Guide to German Newsreel Series Entitled Deutsche Wochenschau (Inland Reihe, 16 and 35 mm.) made by UFA, Berlin." In Hoover Institution Archives, Stanford University.

Hoover Institution Archives. "Third Reich Collection." Mimeographed: 1973.

Kent, George O., comp. and ed. *A Catalog of Files and Microfilms of the German Foreign Ministry Archives 1920-1945,* Vol. 3. Stanford: 1966.

National Archives. "Guides to German Records Microfilmed at Alexandria, Va." Mimeographed: 1958.

Rothfeder, Herbert P. *Checklist of Selected German Pamphlets and Booklets of the Weimar and Nazi Period in the University of Michigan Library.* Ann Arbor: 1961.

Weinberg, Gerhard L. "German Archival Material in the Rare Book Room of the University of Michigan Library." Mimeographed.

Wolfe, Robert, ed. *Captured German and Related Records.* Athens, Ohio: 1974.

II. Archival materials:

Anonymous. *Schmähbriefe* to Fritzsche, Goebbels, and Hitler, 1941. Hoover Institution Archives, Stanford University.

"Bibliothek des Reichstags; Ausgewählte Neuerwerbungen." March-August 1944. Mimeographed. YIVO Institute for Jewish Research, New York.

"Deutsche Bücher." Weinberg Collection, University of Michigan.

"Die Lage." Weinberg Collections, University of Michigan.

Eher Verlag brochure, "Schriftenreihe der NSDAP."

Fritzsche, Hans. "Politische Zeitungs-und Rundfunkschau vom 20.4.40." Hoover Institution Archives, Stanford University.

Gau Thüringen. "Feierstunden der NSDAP." Weinberg Collections, University of Michigan.

"Kreisleiter Informationen." Weinberg Collections, University of Michigan.

"Rundschreiben der DAF." Weinberg Collections, University of Michigan.

Stabsamt records, 1942. Weinberg Collections, University of Michigan.

Gral, F. *Englands Kriege – Die Geschichte der britischen Kriege in fünf Erdteilen.* 1940. National Archives, Washington, D.C.

Hess, Rudolf (Office of the Stellvertreter des Führers), correspondence with the Gaupropagandaleitung, Berlin, on mobilization questions. August-October 1939. Hoover Institution Archives, Stanford University.

Hitler, Adolf. Proclamation of October 7, 1944. Library of Congress, Prints and Photographs, Washington, D.C.

Lochner, Louis P. Papers. Boxes 19, 19A, and 20. Mass Communications Center, Wisconsin State Historical Society, Madison.

Oven, Frau Wilfred von. Account of and selections from the Wilfred von Oven diaries. Typescript. Mass Communications Center, Wisconsin State Historical Society, Madison.

Partei-Kanzlei, "Vertrauliche Informationen" and "Rundschreiben." 1941-1944. Bundesarchiv, Koblenz, and Weinberg Collections, University of Michigan.

Reichsleitung der NSDAP. "Verordnungsblätter." 1943. YIVO Institute for Jewish Research, New York.

Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda. "Nachrichtenblatt." YIVO Institute for Jewish Research, New York.
Reichsorganisationsleiter der NSDAP, Hauptschulungsamt. "Der Schulungsbrief." 1941-1942. YIVO Institute for Jewish Research, New York.
———. "Mitteilungen." Weinberg Collections, University of Michigan.
———. "Sammelsendungen." Weinberg Collections, University of Michigan.
———. "Schulungsunterlagen." Weinberg Collections, University of Michigan.
"Sprechabenddienste." Weinberg Collections, University of Michigan.
Reichspropagandaamt, Berlin. "Presse-Rundschreiben." August-November 1939. Hoover Institution Archives, Stanford Vniversity.
Reichspropagandaleitung der NSDAP. "Aufklärungsdienst fur den politischen Redner," in files of Gaupropagandaleitung München/Oberbayern. Bundesarchiv, Koblenz.
———. "Informationsdienst." Bundesarchiv, Koblenz.
———. "Kriegsinformationsdienst," Gau München/Oberbayern, 1939-1940. Bundesarchiv, Koblenz.
———. "Kulturpolitisches Mitteilungsblatt." Bundesarchiv, Koblenz.
Materials from the records of the Kreisleitung Eisenach, 1940-1942. Weinberg Collections, University of Michigan.
"Redner-Schnellinformationen." Bundesarchiv, Koblenz.
———. "Sonderdienst." Bundesarchiv, Koblenz.
Unser Wille und Weg. 1939-1941. Library of Congress, Washington, D.C.
Sauckel, Fritz. Instructions for *Gau* Propaganda Director, August 7, 1940, *Gau* Thüringen. Bundesarchiv, Koblenz.

III. Записи на микропленках, доступные через Национальный архив, Вашингтон, в частности:

T-70: 1/10/121/123.
T-81: 21/24/671-677/683.
T-84: 160.
T-120: 712/734/738/757/765/780/1015/1056/2474.
T-175: 225/267/269/271/272/577.

T-580: 579/584/586/588/589/592/601/605/608/621/626/641/643/644/646/ 656-660/663/667/669-673/676/677/683/940/944/949/950/962-965/975/ 979/982-984.

IV. Газеты и журналы:

Bayrische Ostmark
Berliner Börsenzeitung
Berliner Morgenpost
Berliner Volkszeitung
Das Reich
Der Stürmer
Deutsche Allgemeine Zeitung
Die Aktion: Kmpfblatt gegen Plutokratie und Völkerverhetzung
Keesings Archiv der Gegenwart
NS-Monalshefte
Nationalblatt (Koblenz)
National-Zeitung (Essen)
Stettiner General-Anzeiger/Ostsee. Zeitung
Westfälische Landeszeitung
Wille und Macht: Fiihrerorgan der NS Jugend

V. Фильмы:

A. *Deutsche Wochenschauen or UFA-Tonwochen:* 480, 598, 646-651, 662, 679, 725, 733, 735-738, 741, 754-755.

B. Художественные фильмы (все находятся в библиотеке Конгресса США, если не указан другой источник):

Bismarck
Der Fuchs von Glenarvon
Der Grosse König
Die Entlassung
Feldzug in Polen
Feuertaufe (International Museum of Photography)
Friedrich Schiller: Der Triumph eines Genies
Heimkehr (International Museum of Photography)
Ich klage an
Im Kampf gegen den Weltfeind
Jud Süss (National Archives)
Kampfgeschwader Lützow (International Museum of Photography)

Kolberg
Menschen im Sturm
Ohm Krüger
Opfergang
U-Boote westwärts!
Verräter vor dern Volksgericht

VI Опубликованные источники:

BÄHR, HANS. "Die englische Weltkriegspropaganda und das deutsche Volk." Unser Wille und Weg, August 1939.

BARSAM, RICHARD M. *Filmguide to* Triumph of the Will. Bloomington: 1975.

BAUER, ALFRED. *Deutscher SpielJilm Almanach 1929-1950: Das Slandardwerk des deutschen Films herausgegeben aus Anlass des 20. jährigen deutschen Tonplm-Jubiläums.* West Berlin: 1950.

BELLING, CURT. *Der Film im Diensle der Partei (Die Bedeutung des Films als publizistischer Faktor),* LBB Schriften No. 2 (1937).

BENDA, JULIEN. *The Betrayal of the Intellectuals.* Boston: 1955.

BOBERACH, HEINZ, ed., *Meldungen aus dern Reich: Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944.* Neuwied: 1965.

BOELCKE, WILLI A., ed. *Kriegspropaganda 1939-1941: Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium.* Stuttgart: 1966.

---, ed. "Wollt Ihr den totalen Krieg?" Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939-1943. Stuttgart: 1967.

BOLDT, GERHARD. *Hitler: The Last Ten Days.* New York: 1973.

BORCHERT, ERIc. *Entscheidende Stunden: Mit dern Kamera am Feind.* Berlin: 1941.

CLAM, ERNST. *Lord Cohn: Die Verjudung der englischen Oberschicht von D'Israeli his Hore-Belisha. Leipzig:* 1940.

DIETRICH, Otto. *Hitler.* Chicago: 1955.

DIEWERGE, WOLFGANG, ed. *Das Kriegsziel der Weltplutokratie.* Berlin: 1941

Deutsche Soldaten sehen die Sowjet-Union. Berlin: 1942.

DOMARUS, Mm, ed. *Hitler: Reden und Proklamationen 1932-1945, Kommentiert von einem Deutschen Zeitgenossen.* Vols. I, II. Munich: 1965.

ECKART, DIETRICH. *Der Bolschewismus von Moses his Lenin: Zwiegespräch zwischen Adolf Hitler und mir.* Munich: 1924.

FREDBORG, *A. Behind the Steel Wall: A Swedish Journalist in Berlin 1941-1943,* New York: 1944.

FRITZSCHE, HANS. *Krieg den Kriegshetzern: Acht Wochen Zeitungs-und Rundfunkschau.* Berlin: 1940.

GERHARDT, O. *Jud Süss: Mätrassen und Judenregiment in Württemberg vor 200 Jahren.* Stuttgart: 1940.

GERMAN FOREIGN OFFICE. *Die polnischen Greueltaten an den Volksdeutschen in Polen.* Berlin: 1940.

GOEBBELS, JOSEPH. *Michael. Ein Deutsches Schicksal in Tagebuchblättern.* Munich: 1929.

———. *Revolution der Deutschen: 14 Jahre Nalionalsozialismus.* Oldenburg: 1933.

———. *Signale der neuen Zeit. 25 ausgewählte Reden.* Munich: 1934.

———. *Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Eine historische Darstellung in Tagebuchblättern,* Vom 1. Januar 1932 bis zum 1. Mai 1933. Munich: 1935.

Der Angrig. Aufsätze aus der Kampfzeit, ed. H. Schwarz van Berk. Munich: 1936.

Kampf um Berlin. Der Anfang. Munich: 1937.

———. *Wetterleuchten. Aufsätze aus der Kampfzeit.* Munich: 1939.

Die Zeit ohne Beispiel: Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41. Munich: 1941.

———. *Der geistige Arbeiter im Schicksalskampf des Reiches.* Munich: 1943.

———. *Dreissig Kriegsartikel für das deutsche Volk.* Munich: 1943.

———. *Der Blick nach Vorne: Aufsätze aus den Jahren des Krieges.* Munich: 1943.

Das eherne Herz. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1941/42. Munich: 1943.

———. "Rede vor der Tagung der Reichs-und Gauleiter." February 23, 1944. Munich: 1944.

Der steile Aufstieg: Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942-43. Munich: 1944.

GOEDECKE, HEINZ, and KRUG, WILHELM. *Wir Beginnen das Wunschkonzert für die Wehrmacht.* Berlin: 1940.

GOITSCH, HEINRICH. *Niemals!* Berlin: 1944.

HARLAN, VEIT. *Im Schatten meiner Filme: Selbstbiographie, ed.,* H.C. Offermann. N.p., N.d..

HEIBER, HELMUT, ed. *Goebbels-Reden.* Vol. II. Düsseldorf: 1972.

---, ed. *Reichsführer! Briefe an und von Himmler.* Munich: 1970.

HEYDE, LUDWIG. *Presse, Rundfunk und Film im Dienste der Volksführung.* Dresden: 1943.

HIPPLER, FRITZ. *Betrachtungen zum Filmschaffen.* Berlin: 1942.

HITLER, ADOLF. *Mein Kampf.* Boston: 1962.

Hitler's Secret Conversations, 1941-1944. New York: 1953.

HOOPS, REINALD. *Irland und England.* Berlin: 1940.

IBEL, Dr. RUDOLF, ed. *Michaels Weg zum Volke,* "Das Reich im Werden" series. Frankfurt-am-Main: 1941.

KARDORFF, VRSULA Von. *Diary of a Nightmare. Berlin 1942-1945.* New York: 1966.

KLUG, KAJETAN. *Die groesste Sklaverei der Weltgeschichte: Tatsachenbericht aus den Strafgebieten der GPU.* Berlin: 1942.

KOCH, H., and BRAUNE, H. *Von Deutscher Filmkunst.* Berlin: 1943.

KREBS, ALBERT. *The Infancy of Nazism: The Memoirs of Ex-Gauleiter Albert Krebs 1923-1933,* ed. W.S. Allen. New York: 1976.

KRIEGK, Otto. "Offener Kampf." *Führen und Erziehen,* October 1, 1943. International Military Tribunal, Proceedings. Vols. 1, 12, 13. 14, 17, 19, 30, 31, 32, 41. Nürnberg: 1947-1949.

LANDES, HANNS. *Wofür kämpft der deutsche Soldat?* Berlin: 1940.

LE BON, GUSTAVE. *The Crowd: A Study of the Popular Mind.* New York: 1960.

LIESE, HERMANN, ed. *Das deutsche Hausbuch.* Berlin: 1943.

LOCHcER, Loves P. "Round Robins from Berlin: Louis P. Lochner's Letters to His Children, 1932-1941." *Wisconsin Magazine of History,* L, No. 4 (1967).

---, trans. and ed. *The Goebbels Diaries 1942-1943.* Garden City: 1948.

MARTIN, HANS-LEO. *Unser Mann hei Goebbels. Verbindungsoffizier des Oberkommandos der Wehrmacht beim Reichspropagandaminister 1940-1944.* Neckargemünd: 1973.

MAYER-ERLACH. "Ist Gott Engländer?" Reprinted in *Irland in der englischen Hölle.* Berlin: 1940.

"MJÖLNIR," and GOEBBELS, JOSEPH. *Das Buch Isidor, Ein Zeitbild voll Lachen und Hass.* Munich: 1931.

MORGENSTERN, WERNER. *Under der Knute der Plutokratie: Der Leidensweg von Millionen.* Berlin: 1941.

NEUBURGER, OTTO. *Official Publications of Present-Day Germany.* Washington; 1942.

NIEHOFF, KARENA, and BORRESHOLM, BORIS von, eds. *Dr. Goebbels nach Aufzeichnungen aus seiner Umgebung.* 1949.

OVEN, WILFRED von. *Mit Goebbels bis zum Ende.* Vols. I, II. Buenos Aires: 1949-1950.

PAHL, WALTHER. *Die britische Machtpolitik.* Berlin: 1940.

PECHEL, RUDOLF. *Zwischen den Zeilen: Der Kampf einer Zeitschrift für Freiheit und Recht.* Würzburg: 1948.

RAÜCKER, BRUNO. *Die Soziale Rückstandigkeit Grossbritanniens.* Berlin; 1940.

REICHSFÜHRER SS, HAUPTAMT. *Das Gesicht des Bolschewismus.* Berlin: 1943.

Kampf dem Bolschewismus: 28 Fragen und Antworten über den Bolschewismus. N.p. N.d.

---. *Der Untermensch.* N.p. N.d.

Reichsorganisationsleiter der NSDAP (Ley).

Organisationbuch. München: 1937 and 1943.

REITHINGER, A. *Das Weltreich und die Achse: Grossbritanniens Kraft und Schwäche, Schein und Wirklichkeit seiner Wirtschaftsmacht.* Stuttgart: 1941.

SCHNEYDER, ERICH. "The Fall of Berlin," trans. and ed. L.P. Lochner. *Wisconsin Magazine of History,* L (1967).

SCHOCKEL, ERWIN. *Das politische Plakat: Eine psychologische Betrachtung.* Munich: 1939.

SCHROEDER, STEFAN. *England und die Buren.* Berlin: 1940.

SCHULZ, F.O.H. *Englisches Mitleid—Englische Sozialpolitik.* Berlin: 1940.

SEIDENZAHL, FRITZ. *Die Gewaltherrschaft des englischen Pfundes: Wie England seine Wirtschaftsmacht missbraucht.* Berlin: n.d.

SEMMLER, RUDOLF. *Goebbels — The Man Next to Hitler.* London: 1947.

SERAPHIM, HANS-GUENTHER, ed. *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs, 1934-1935, 1939-1940.* Munich: 1964.

SHIRER, WILLIAM L. *Berlin Diary.* New York: 1941.

SPEER, ALBERT. *Inside the Third Reich. Memoirs.* New York: 1970.

SPENGLER, OSWALD. *Preussentum und Sozialismus.* Munich: 1921.

STEPHAN, WERNER. *Joseph Goebbels, Dämon einer Diktatur.* Stuttgart: 1949.

STUDNITZ, HANS-GEORG von. *While Berlin Burns. The Diary of Hans-George von Studnitz-.* Englewood Cliffs, N.J.: 1964.

SÜNDERMANN, HELMUT. *Tagesparolen. Deutsche Presseweisungen 1939-1945, Hitler's Propaganda und Kriegsfuhrung.* Leoni: 1973.

THIMME, HANS. *Weltkrieg ohne Waffen: Die Propaganda der Westmächte gegen Deutschland, ihre Wirkung und ihre Abwehr.* Berlin: 1932.

VINDEX [pseud.]. *Die Politik des Olflecks: Der Sowjetimperialismus im zweiten Weltkrieg.* Berlin: 1944.

VOLZ, HANS. *Daten der Geschichte der NSDAP.* Berlin: 1943.

WIRSING, GISELHER. *100 Familien regieren England.* Berlin: 1940.

WULF, JOSEPH, ed. *Theater und Film im Dritten Reich.* Gütersloh: 1973.

ZIEGLER, WILHELM. *Ein Dokumentwerk über die englische Humanität.* Berlin: 1940.

VII. Менее значимые работы:

BAIRD, JAY W. *The Mythical World of Nazi War Propaganda, 1939-1945.* Minneapolis: 1974.

BARKHAUSEN, HANS et al. *Propaganda und Gegenpropaganda im Film 1939-1945.* Vienna: 1972.

BECKER, WOLFGANG. *Film und Herrschafi: Organisationsprinzipien und Organisationsstrukturen der nationalsozialistischen Filmpropaganda.* Berlin: 1973.

BLOBNER, H. and HOLBA, H. "De Morgenrot à Kolberg: le cinéma allemand au service du nazisme." Cinéma 64, no. 87.

BOLLMUS, REINHARD. *Das Amt Rosenberg und Seine Gegner: Studien zum Machtkampf im NS Herrschaftssystem.* Stuttgart: 1970.

BRAMSTED, ERNEST K. *Goebbels and National Socialist Propaganda, 1925-1945.* 1965.

BRENNER, HILDEGARD. *Die Kunstpolilik des Nationalsozialismus.* Hamburg: 1963.

BROSZAT, MARTIN. *Der Staat Hitlers: Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung.* Munich: 1969.

BUCHBENDER, O. and SCHUH, H., eds. *Heil Beil! Flugblattpropaganda im Zweiten Weltkrieg: Dokumentation und Analyse.* Stuttgart: 1974.

CADARS, PIERRE, and COURTADE, FRANCIS. *Le Cinéma nazi.* Paris: 1972.

COHN, NORMAN. *Warrant for Genocide. The Myth of the Jewish World-conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion.* New York: 1967.

DOUGLAS-HAMILTON, JAMES. *Motive for a Mission: The Story Behind Hess's Flight to Britain.* London: 1971.

FURHAMMER, LEIF, and ISAKSSON, FOLKE. *Politics and Film.* New York: 1971.

GOMBRICH, E. H. *Myth and Reality in German War-Time Broadcasts.* London: 1970.

GRIMM, M. "Massenpsychologie und Propaganda im Dritten Reich," Ph.D. dissertation, University of Vienna, 1949.

GRVNBERGER, RICHARD. *The 12-Year Reich: A Social History of Nazi Germuny.* New York: 1971.

HADAMOVSKY, EUGEN. *Propaganda and National Power: The Organization of Public Opinion for National Politics.* New York: 1954.

HAGEMANN, JURGEN. *Die Presselenkung im Drilten Reich.* Bonn: 1970.

HAGEMANN, WALTER. *Publizistik im Dritten Reich: Ein Beitrag zur Methodik der Massenführung.* Hamburg: 1948.

HAGGE, HANS. *Das Gab's Schon Zweimal: Auf den Spuren der UFA.* Berlin: 1959.

HALE, OREN J. *The Captive Press in the Third Reich.* Princeton: 1964.

HAUPTMANN, CARL. "Der Film in totalitären Staaten." *Politische Studien,* Heft 124 (August 1960).

HEIBER, HELMUT. *Goebbels.* New York: 1972.

HORN, DANIEL. "Youth Resistance in the Third Reich: A Social Portrait." *Journal of Social History.* (Fall 1973.)

HULL, DAVID STEWART. *Film in the Third Reich: A Study of the German Cinema 1933-1945.* Berkeley: 1969.

HUTTON, J. BERNARD. *Hess: The Man and His Mission.* New York: 1971.

KESSEMEIER, CARIN. *Der Leitartikler Goebbels in den NS-Organen "Der Angriff" und "Das Reich."* Münster: 1967.

KIRCHNER, KLAUS. *Flugblätter. Psychologische Kriegsführung im Zweiten Weltkrieg in Europa.* Hanser Verlag: 1974.

KRACAUER, SIEGFRIED. *From Caligari to Hitler: A Psychological History of the German Film.* Princeton: 1947.

KREUZBERGER, HANS. «"Das Reich." Ein Beitrag zum Versuch der Deutung der Propagandapolitik Goebbels im zweiten Weltkrieg.» Ph.D. dissertation, University of Vienna, 1950.

KRIS, ERNST, and SPEIER, HANS. *German Radio Propaganda: Report on Home Broadcasts During the War.* London: 1944.

LAMPE, FRIEDRICH W. *Die Amtsträger der Partei.* Stuttgart: 1944.

LASSWELL, HAROLD D. *Propaganda Technique in the World War.* Cambridge: 1971.

LEISER, ERWIN. *Nazi Cinema.* London: 1974.

LERNER, DANIEL, ed. *Propaganda in War and Crisis.* New York: 1951.

MANVELL, R., and FRAENKEL, H. *German Cinema.* New York: 1971.

MERKL, PETER H. "Violence and Propaganda in the Third Reich." *Reviews in European History,* II, No. 4.

MITZMAN, ARTHUR. *Sociology and Estrangement: Three Sociologists of Imperial Germany.* New York: 1973.

MOLTMAN, GÜNTER. "Goebbels' Rede zum totalen Krieg am 18. Februar 1943. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte,* XII (1964).

MURAWSKI, ERICH. *Der Deutsche Wehrmachtbericht 1939-1945.* Boppard: 1962.

ORLOW, DIETRICH. *The History of the Nazi Party: 1933-1945.* Pittsburgh: 1973.

PETERS, CHRISTOPH. "Stilformen der NS-Bildpublizistik." Ph.D. dissertation, University of Vienna, 1963.

RICH, NORMAN. *Hitler's War Aims: The Establishment of the New Order.* New York: 1974.

RICHTER, HORST. "Die nationalsozialistische Filmpublizistik." Ph.D. dissertation, University of Vienna, 1963.

RIESS, CURT. *Joseph Goebbels, a Biography.* Garden City, N.Y.: 1948.

Das Gab's Nur Einmal. 1957.

SCANLON, ROSS. "The Nazi Party Speaker System." *Speech Monographs,* XVI, no. 1

SCHMEER, KARLHEINZ. *Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich.* Munich: 1956.

SCHMIER, LOUIS E. "Martin Bormann and the Nazi Party, 1941-1945" Ph.D. dissertation, University of North Carolina, 1969.

SINGTON, DERRICK, and WEIDENFELD, ARTHUR. *The Goebbels Experiment: A Study of the Nazi Propaganda Machine.* New Haven: 1943.

SIX, FRANZ. *Die politische Propaganda der NSDAP im Kampf um die Macht.* Ph.D. dissertation, University of Heidelberg, 1936.

SPEER, ALBERT. *Spandau: The Secret Diaries.* New York: 1976.

SPEIER, HANS. *Social Order and the Risks of War. Papers in Political Sociology.* Cambridge, Mass.: 1969.

STAMATI, GRAF CONSTANTIN. «Zur "Kulturpolitik" des Ostministeriums.» *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte,* VI, no. 1.

STEINERT, MARLIS G. *Hitlers Krieg und die Deutschen: Stimmung und Haltung der deutschen Bevolkerung im Zweiten Weltkrieg.* Düsseldorf: 1970.

SYWOTTEK, JUTTA. *Mobilmachung für den Totalen Krieg. Die Propagandistische Vorbereitung der Deulschen Bevölkerung auf den Zweiten Weltkreig.* Opladen: 1976.

WILLIS, JEFFREY R. "The Wehrmacht Propaganda Branch: German Military Propaganda and Censorship During World War II." Ph.D. dissertation, University of Virginia, 1964.

ZANKL, HANS L. *Zeitungsbild und Nationalpropaganda: Die Politik der Aufmachung.* Leipzig.

ZEMAN, Z. A. B. *Nazi Propaganda.* New York: 1964.

Научно-популярное издание

Герцштейн Роберт Эдвин

ВОЙНА, КОТОРУЮ ВЫИГРАЛ ГИТЛЕР

Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*
Технический редактор *Е. В. Михалкина*
Корректор *А. Т. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.03.96. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92. Усл. кр.-отт. 32,34. Тираж 5000 экз. Заказ 337.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21—102.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Нет лучше друга для занятий и досуга!

РУСИЧ СЕРВИС

КНИГА-ПОЧТОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«РУСИЧ»

РУСИЧ

Предлагаем для заказа книги следующих серий издательства "РУСИЧ".

ВСЕ КНИГИ В ТВЕРДОМ КРАСОЧНОМ ЦЕЛЛОФАНИРОВАННОМ ПЕРЕПЛЕТЕ.

Серия «АЛАЯ РОЗА»

Женщины мечтают о сказке и видят себя героинями романов, в которых настоящие Мужчины совершают безумные поступки во имя прекрасных Дам.

Сеттон Э. Моя Теодосия.
Мартин К. Остров любви.
Робинс Д. Не покидай меня, любовь.
Дюморье Д. Таверна "Ямайка"
Деверо Дж. Укрощение.
Лейкер Р. Нежданная гостья.
Блейк Дж. Очарование золота.
Бартелл Л. Нежный негодяй.
Блейк Дж. Обнимай и властвуй.

Цена каждой книги - 7,5 - 9 тыс. р.

Серия «ДИАДЕМА»

Лучшие любовно-исторические романы писательниц США.

Кинсейл Л. Госпожа моего сердца.
Хевен К. Ветер с моря.
Лоди М. Мечта.
Кайе М. В тени луны, в 2-х тт.
Лей Т. Звезда гарема.
Кейн Э. Жемчужина Авиньона.
Дрейк Ш.Триумф завтрашнего дня.
Виггз С. Лилия и Леопард.
Виггз С. Круги на воде.
Лейкер Р. Золотое дерево.
Гиллеспи Д. Несущая свет, в 3-х тт. Лейкер Р. Венецианская маска, в 2-х тт.

Цена каждой книги - 8 - 10 тыс. р.

Серия «ЖЕНЩИНА-МИФ»

Жизнь как легенда - о женщинах, оставивших свой заметный след в истории, политике, искусстве, культуре. Прекрасно иллюстрированное подарочное издание.

Сессон Дж. Принцесса.
Сессон Дж. Дочери принцессы.
Ру Э. Ш. Непостижимая Шанель.

Цена каждой книги - 11 12 тыс. р.

Серия «АЗБУКА БЫТА»

"Практические" энциклопедии по ведению домашнего хозяйства, кулинарии, консервированию фруктов, овощей, грибов, оздоровлению организма, проведению семейного досуга - самая обширная информация для "домашних" хозяев.

Домашний печебник.
Домашнее консервирование.
Домашняя кулинария.
Ваши любимые песни.
Анекдоты и тосты.
Довгань В. Книга о пиве.
Домашний кондитер.
Книга о водке.
Микроволновая кухня.
Новый толкователь снов.
Домашнее виноделие.
Химия в быту.

Цена каждой книги - 12 тыс. р.